

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРИИ И

ВОЗСТАНОВЛЕНИИ БУРБУНОВЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
С. ДЕ ШАПЛЕТЬ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ Ш.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней
Стражи.

1854.

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ 17 Января 1854 года.

Цензоръ *П. Гасвскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Египта.—Таинственное отплытіе.—Возвращеніе и отъездъ.—Разсѣявшіяся мечты.—Г. Парсеваль-Граммонъ.—Бонапарте уговоренный.—Порядокъ плаванія.—Противныя вѣтры.—Опасеніе Англичанъ.—Попутныя вѣтры.—Четыре убитыхъ Адъютанта.—Противоположность.—Бонапарте на фрегатѣ.—Карточная игра.—Бонапарте шлутуетъ въ оной.—Шахматы.

И такъ намъ предлежало опять увидѣть нашу родину, опять преплыть чрезъ море, изобилующее опасностями; корабль, назначенный для Наполеона, долженъ былъ опять везти Цесаря и его судьбину; но это не былъ уже Цесарь, плывущій на востокъ съ тѣмъ, чтобы присоеди- нить Египетъ къ завоеваніямъ Республики; это

Часть III.

1

былъ Цесарь, соображающій въ умѣ своемъ обширныя замыслы и не отвергающій мысли на все пуститься для того чтобы перемѣнить въ свою пользу правительство, за которое онъ сражался. Все въ нашемъ положеніи было таинственно; надежда завоевать знаменитѣйшую изъ странъ Востока не воспламеняла болѣе воображеніе, подобно какъ при отъѣздѣ нашемъ изъ Франціи; наши послѣднія мечты разсѣялись предъ стѣнами Сен-Жанъ д'Акры, и мы принуждены были оставить на пожирательной Египетской почвѣ большую часть нашихъ сподвижниковъ; наконецъ непостижимая судьба увлекала насъ и мы ей повиновались.

25 Августа мы сѣли на два фрегата Мюиронъ и Карреръ, въ числѣ отъ четырехъ до пяти сотъ человекъ. Вотъ какова была наша эскадра, вотъ грозная армія, съ коюю Бонапарте намѣревался, какъ онъ писалъ изъ Каира, *уничтожить всѣхъ своихъ непріятелей*. Эта хвастливость могла ослѣпить тѣхъ, которые не видѣли настоящаго положенія вещей; но что мы должны были думать? то что самъ Бонапарте: онъ на другой день уѣхалъ.

Годъ и три мѣсяца прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили наше отечество. Все улыбалось намъ при отъѣздѣ; все было мрачно при возвращеніи. Куда дѣвались четырнадцать кораблей, фрегаты, триста судовъ, преплывшіе

Средиземное Море для завоеванія Востока? Что произвели пышныя провозглашенія, обѣщанія, надежды и первые успѣхи? Что намъ доставили сдавшаяся въ двое сутокъ Мальта и завоеванный въ мѣсяць Египеть? Увы! времена очень перемѣнились;—принужденные скрывать отъѣздъ нашъ изъ Египта, и тайнымъ образомъ отплыть отъ береговъ онаго, мы видѣли мало надеждъ въ будущемъ и, обращая взоры къ прошедшему, принуждены были сожалѣть о потерѣ нашего флота, замѣненнаго двумя плохими Венеціанскими судами, наскоро вооруженными.

Темная ночь уже наступила когда мы съшли на два фрегата, находившіеся довольно въ значительномъ разстояніи отъ Александрійской гавани. Однакожь слабое мерцаніе звѣздъ дозволило намъ усмотрѣть Корветтъ, пришедшій для наблюденія за нами и такъ сказать для присутствія при нашемъ безмолвномъ, ночномъ отпращиваніи.

На другой день утромъ, снявшись уже съ якоря, мы увидѣли идущую изъ Александрійской гавани шлюбку, на которой находился Г. Парсеваль-Гранмезонъ. Этотъ превосходный человекъ, котораго всѣ мы любили, не былъ однакоже помѣщенъ Главкомандующимъ въ число людей, долженствовавшихъ возвратиться во Францію. Желая тотчасъ идти, Бонапарте и слышать не хотѣлъ о принятіи его на одинъ

изъ фрегатовъ; можно себѣ представить сколь усильны были просьбы Парсеваля: онъ тщетно упрашивалъ и убѣждалъ; однакожъ Гантомъ, Монжъ, Бертоллетъ и я, мы успѣли, не безъ труда, преодолѣть упорство Бонапарте и приняли къ себѣ на фрегатъ нашего соговарища по Египетскому Институту, тогда какъ вѣтры надувалъ уже наши парусы.

Напрасно говорили, что Адмиралъ Гантомъ былъ совершеннымъ властелиномъ своихъ движеній, какъ будто кому либо удавалось повелѣвать тамъ гдѣ находился Бонапарте; напротивъ того Бонапарте въ моемъ присутствіи объявилъ Адмиралу что онъ не намѣренъ слѣдовать обыкновеннымъ путемъ и идти прямо въ море: «Я хочу», сказалъ онъ, «чтобъ вы плыли сколько возможно, около Африканскаго берега вдоль по Средиземному морю. Мы будемъ слѣдовать этимъ путемъ пока достигнемъ юга Сардиніи. У меня съ собою горсть храбрыхъ людей и нѣсколько Артиллеріи; еслибъ Англичане явились, то я пристану къ берегу, пойду съ моимъ отрядомъ въ Оранъ, въ Тунисъ или въ другую гавань и тамъ найду средство опять отправиться моремъ. Такова была рѣшимость, твердо имъ принятая.

Въ продолженіе двадцати одного дня, вѣтры, дувшіе съ запада или съ сѣверозапада, были намъ постоянно противны: они гнали насъ къ

берегамъ Сиріи или къ Александріи. Однажды была даже рѣчь и о томъ чтобы воротиться въ гавань, изъ которой мы вышли; но Бонапарте объявилъ что онъ лучше желалъ подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ, чѣмъ итти обратно. Днемъ мы лавировали подаваясь къ сѣверу, а ночью опять приближались къ Африкѣ пока усматривали берега. Наконецъ, послѣ двадцатидневныхъ препонъ и истеріи, подулъ самый благопріятный вѣтръ: мы въ короткое время миновали точку Африки, на коей былъ нѣкогда Карфагенъ и векоръ обошли Сардинію. Мы прошли очень близко отъ западнаго берега сего острова, къ которому Бонапарте намѣревался пристать въ случаѣ встрѣчи Англійской эскадры а оттуда онъ располагалъ отправиться въ Корсику, гдѣ бы онъ сталъ ожидать благопріятнаго случая для возвращенія во Францію.

Все содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать нашъ перѣздъ скучнымъ и единообразнымъ. Генераль Бонапарте потерялъ четырехъ Адьютантовъ: Круазье, Сулковскаго, Жюліена и Гиберга. Кафарелли, Брюйесъ, Каза-Біанка уже не существовали. Наши бѣдствія и безпокойство о будущемъ равно какъ о жребіи нашего отечества, косяго несчастія еще не вполне намъ были извѣстны,—все наводило на насъ грусть и отнимало живость, веселіе у нашихъ раз-

говоровъ. Не было уже болѣе ученыхъ разсужденій, оригинальныхъ, занимательныхъ преній, обзоровъ послѣдствій, ожидаемыхъ отъ предпріятія, котораго по всему ужь можно было предвидѣть несчастное окончаніе. Притомъ же нельзя было не беспокоиться о томъ что подумаетъ, о томъ какъ поступитъ Директорія; боялись слѣдствій Египетской переписки, ибо нельзя было успокоить себя на счетъ того, что чрезъ нея могло открыться. Въ свободныя минуты Бонапарте прохаживался по палубѣ безпрестанно занимался надзоромъ за исполненіемъ его приказовъ. Малѣйшій парусъ возбуждалъ его беспокойство и въ началѣ нашего плаванія ему очень хотѣлось поскорѣе добраться до Сардинскаго моря. Страхъ попасть къ Англичанамъ въ руки не покидалъ его: тогда онъ сего наиболѣе опасался; а потомъ! . . . онъ повѣрилъ великодушію своихъ непріятелей.

Однакожь, хотя опасенія наши и задумчивость Наполеона имѣли достаточное основаніе, а были еще минуты, въ которыя мы старались позабавиться, или какъ говорится — убить время. Кто бы повѣрилъ! Въмѣсто того чтобы заниматься учеными разсужденіями, мы искали въ картахъ разсѣянья отъ скуки. И даже въ этомъ, столь ничтожномъ препровожденіи времени, характеръ Наполеона обнаруживался. Генералъ не любилъ игру; но если ужь должно

было играть, то онъ предпочиталъ вент-е-ёнъ потому что эта игра идетъ скорѣе прочихъ; и если, отдавая отчетъ о своихъ знаменитыхъ подвигахъ, онъ любилъ украшать, превозносить свое счастье, то онъ не пренебрегалъ пособлять ему въ картахъ: однимъ словомъ, онъ плутовалъ. Вотъ напримѣръ какъ онъ это дѣлалъ въ вент-е-ёнъ: онъ требовалъ карту; если она ему проигрывала, то онъ не говорилъ ничего и оставлялъ ее на столѣ; ожидая пока банкиръ возьметъ себѣ карту. Если у банкира вскрывалась хорошая карта, то Бонапарте бросалъ свои карты не показывая и отдавалъ свою ставку. Еслиже, напротивъ того, взятая банкиромъ карта превышала двадцать одно очко, то Бонапарте опять бросалъ свои карты и бралъ ставку. Онъ очень смѣялся надъ этими небольшими *плутнями* особенно когда ихъ не замѣчали; и надобно признаться что мы уже достаточно были царедворцами для того чтобы угодить его прихоти, добровольно закрывая глаза. Спѣшу прибавить, что онъ никогда не пользовался этими небольшими насиліями, дѣлаемыми имъ счастию и что по окончаніи игры онъ отдавалъ весь свой выигрышъ, который раздѣлялся между всѣми. Онъ, какъ можно себѣ представить, мало заботился о томъ чтобы выиграть; но хотѣлъ чтобы фортуна по заказу давала ему тузовъ и десятокъ, также какъ она

доставляла ему благопріятное время въ день битвы; и если фортуна нарушала свою обязанность, то онъ хотѣлъ, чтобы никто того не замѣчалъ. Бонапарте игралъ также въ шахматы но очень рѣдко, отъ того что будучи между нами третьимъ по силѣ, онъ не любилъ быть побѣждаемымъ въ эту игру, которая, право незнаю почему, считается минимымъ подражаніемъ войнѣ. Въ эту послѣднюю игру Бонапарте никого не боялся. Это напоминаетъ мнѣ что отправляясь изъ Пассеріано, онъ объявилъ, что мы поѣдемъ черезъ Мантуу. Ему сказали что начальствовавшій въ этой крѣпости Генераль, кажется Бовуаръ, былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ игроковъ въ шахматы. Бонапарте пожелалъ сыграть съ нимъ. Генераль Бовуаръ просилъ его назначить пѣшку, которою онъ сдѣлаетъ ему матъ, объявивъ что если пѣшка сія будетъ взята, то онъ выиграетъ партію. Бонапарте назначилъ послѣднюю пѣшку на лѣвой сторонѣ своего соперника. На ней поставили небольшой знакъ и эта пѣшка сдѣлала матъ. Бонапарте вовсе не былъ этимъ доволенъ. Онъ любилъ играть со мною, ибо хоть я и былъ нѣсколько сильнѣе его, но не могъ всегда у него выигрывать. Выигравъ одну партію, онъ тотчасъ переставалъ играть для того чтобы остаться на лаврахъ.

Г Л А В А П.

Сильные вѣтры. — Мы пристаемъ къ Аяччио. — Наше тамъ пребываніе. — Родовое помѣстье. — Фешъ мѣняетъ намъ деньги. — Двадцать миліоновъ. — Сраженіе при Нови. — Смерть Жуберта. — Сонъ о выигранной битвѣ. — Воспоминаніе о Лакюэ—Перемѣна. — Директорія. — Покупка любви. — Отъездъ изъ Корсикки. — Англійскій флотъ. — Странная ночь. — Хладнокровіе Наполеона. — Мы избегаемъ великой опасности. — Фрежюскій рейдъ. — Отчество. — Чума и Австрійцы. — Радость. — Карантинные законы. — Ложное обвиненіе. — Неизмѣримое счастье.

Попутный вѣтръ, которымъ мы постоянно пользовались въ первые двадцать дней послѣ нашего отплытія, — дулъ еще пока мы плыли вдоль береговъ Сардиніи; но по минованіи сего острова, поднявшійся сильный западный вѣтръ, принудилъ насъ войти 1 Октября въ за-

ливъ Аячю. На другой день опять было поставили паруса, но оказалось невозможнымъ выйти изъ залива, такъ что мы принуждены были искать убѣжища въ гавани и пристать къ берегу въ Аячю. Противные вѣтры продолжали дуть и Бонапарте въ необходимости нашелся пробыть тамъ до 7 Октября. Можно легко себѣ представить, какъ ему была досадна эта задержка. Онъ иногда обнаруживалъ свое нетерпѣніе, какъ будто бы стихіи должныствовали ему повиноваться также какъ и люди. Онъ терялъ время, а время было для него драгоценно. Но при этихъ препятствіяхъ онъ имѣлъ еще другую, болѣе важную причину безпокойства, о которомъ онъ часто мнѣ открывался. *Что со мною будетъ, говорилъ онъ мнѣ, если Англичане, крейсерующіе въ этихъ моряхъ, узнаютъ о нахожденіи моемъ въ Корсикъ? Приходится сидѣть тутъ; и какое мѣсто! какаѣ скука! Нѣтъ возможности вынестъ! Особенно при этой толпѣ осаждающихъ меня родственниковъ! Дѣйствительно пріобрѣтенная имъ слава чрезвычайно какъ увеличила его родню. Его безпрестанно отягощали посѣщеніями, поздравленіями, просьбами; весь городъ былъ въ движеніи; всѣ хотѣли втереться къ нему въ родню; и суди по значительному числу мнимыхъ крестниковъ, приходившихъ на поклонъ къ свосму*

мнимому крестному батюшкѣ, можно было подумать что Бонапарте крестилъ четвертую часть дѣтей въ Аяччіо.

Бонапарте нѣсколько разъ гулялъ съ нами въ окрестностяхъ Аяччіо и, находясь на высшей степени своей славы, не считалъ коронъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ онъ показывалъ намъ тогда свое небольшое родовое помѣстье.

Въ Аяччіо Г. Фешъ выдалъ Генералу Бонапарте Французскія деньги вмѣсто Турецкихъ цехиновъ на семнадцать тысячъ франковъ. Промыль даже показался нѣсколько великимъ. Г. Фешъ довольно основательно оправдывался тѣмъ что эту монету трудно сбыть въ чужой землѣ. Эти семнадцать тысячъ франковъ составляли все, что Бонапарте привезъ изъ Египта. Я упоминаю объ этомъ потому, что Наполеона недостойнымъ образомъ оклеветали въ написанныхъ по отъѣздѣ письмахъ, которыя были перехвачены и обнародованы Англичанами. Я долженъ къ сему прибавить, что не желая для своихъ собственныхъ нуждъ прикасаться къ казнѣ, принадлежащей арміи, которая не имѣла довольно денегъ и на половину своихъ расходовъ, онъ нѣсколько разъ бралъ чрезъ Г. Жамеса переводомъ на Генуу и изъ денегъ, которыя онъ имѣлъ въ Конторѣ Клари, по патнадцати, по двадцати пяти и даже по тридцати тысячъ франковъ. Свидѣтельст-

вую что онъ никогда не получалъ въ Египтѣ ничего кромѣ своего жалованья и выѣхалъ оттуда бѣднѣе чѣмъ онъ туда прибылъ: это неоспоримая истина. Изъ замѣчаній его объ Египтѣ видѣли что въ годъ получено двѣнадцать миліоновъ шесть сотъ тысячъ франковъ; въ томъ числѣ должно полагать по крайней мѣрѣ два миліона пени, для собранія коей пришлось отрубить много головъ. Бонапарте прибылъ четырнадцать мѣсяцевъ въ Египтѣ и говорятъ будто бы онъ вывезъ оттуда двадцать миліоновъ! Понимаю что клевета пріятна нѣкоторымъ людямъ, но по крайней мѣрѣ нужно нѣсколько вѣроподобія и искусства. Я же скажу, что этой двадцатимиліонной казны едва было достаточно на расходы Бонапарте въ Аяччіо и на проѣздъ нашъ на почтовыхъ до Парижа.

По прибытіи въ Аяччіо мы узнали о смерти Жуберта и о потерѣ сраженія при Нови, даннаго 15 Августа. Бонапарте былъ безпрестанно тревожимъ тайнымъ безпокойствомъ; ничто опредѣлительно не открывалось еще въ его будущности, политическія извѣстія не приходили и онъ не видѣлъ ничего на чемъ бы остановить свои мысли, утвердить свои намѣренія. Въ продолженіе переезда до прибытія нашего въ Корсику, онъ очень заботился о томъ, что онъ будетъ дѣлать въ продолженіе карантина, который думалъ выдержать по пріѣздѣ въ Тулонъ,

гдѣ онъ намѣревался пристать къ берегу.

Тогда онъ старался еще обманывать себя на счетъ настоящаго положенія дѣлъ и часто говорилъ мнѣ: *Безъ этого проклятаго карантина, приставъ къ берегу я тотчасъ бы отправился для принятія предводительства надъ Италіянскою арміею. Есть еще средства. Я увѣренъ, что ни одинъ Генераль не откажется уступить мнѣ начальство. Въсть объ одержанной мною побѣдѣ пришла бы въ Парижъ вѣсть съ извѣстіемъ объ Абукирской битвѣ. Это произвело бы хорошее дѣйствіе.*

Въ Корсикѣ онъ говорилъ совсѣмъ ужъ не то. Узнавъ о цѣпи нашихъ бѣдствій и обозрѣвъ всю великость зла онъ казался на минуту удрученнымъ, какъ будто бы облекся въ трауръ о потерѣ Италіи. Великія мысли уступили мѣсто частнымъ помышленіямъ и онъ занялся своимъ будущимъ пребываніемъ въ Тулонскомъ карантинѣ, не помышляя о томъ чтобы избѣгнуть условій, налагаемыхъ карантинными законами. Онъ всячески искалъ средствъ сдѣлать пріятнымъ этотъ родъ заключенія и хотѣлъ завести огромную переписку съ Парижемъ. Привыкнувъ болѣе смотрѣть впередъ, чѣмъ назадъ, онъ менѣе занимался оставленнымъ имъ Египтомъ, чѣмъ Парижемъ. Онъ говорилъ о Директоріи, о козняхъ, о томъ какъ будутъ про него толковать; напоминалъ мнѣ раз-

говоръ Лакюе съ Лавалеттомъ; считалъ своихъ враговъ, тѣхъ, которые ему завидовали; тѣхъ которыхъ тяготила его знаменитость и тѣхъ наконецъ, которые не могли ему простить его славу и вліяніе его имени. Часто онъ обнаруживалъ другаго рода опасенія; хотя и рѣшалъ подвергнуться тому что предписывалось закономъ, онъ однакоже боялся что Директорія не сократитъ срока его карантина. При всѣхъ этихъ безпокойствахъ, Бонапарте сохранялъ присутствіе духа, но не былъ такимъ какъ обыкновенно.

Судьба какъ ниже увидятъ, сдѣлала бесполезными предположенія Бонапарте сократить скуку карантина. Предвидя всѣ возможные случаи, онъ купилъ въ Алчію большую шлюбку, съ тѣмъ чтобы взять ее съ собою на *Мюирсъ* и набралъ для нея двѣнадцать гребцовъ, самыхъ лучшихъ какихъ только можно было найти на островѣ. Онъ рѣшился, въ случаѣ неизбежной опасности, броситься въ эту шлюбку и гдѣнибудь пристать къ берегу. Эту предосторожность едва не пришлось употребить (*).

Въ собраніи бумагъ, относящихся къ Генералу Бонапарте, напечатано: «Генераль Шам-

(*) Вальтеръ-Скоттъ въ началѣ *Жизни Наполеона* говоритъ что Бонапарте никогда уже не бывалъ въ Корсику послѣ 1795 года; вѣроятно для того чтобы не противорѣчить самому себѣ, Шотландскій Историкъ, говоря о возвращеніи изъ Египта, упоминаетъ что Бонапарте былъ близъ Алчію. Читатели видѣли что онъ провелъ тамъ восемь дней.

«іоне написаль Директоріи четвертаго Октября «1799 года, что Бонапарте *прибыль* во Францію и подаетъ въ отставку.» Простое сличеніе чиселъ опредѣляетъ цѣну сего показанія: не только Бонапарте не прибыль во Францію *четвертаго* Октября, но не раньше какъ *седьмаго* числа сего мѣсяца погода позволила намъ выйти изъ Алячійскаго залива. Плаваніе было благополучно до слѣдующаго дня; но тутъ при захожденіи солнца, мы уomotрѣли Англійскую эскадру изъ четырнадцати судовъ. Англичане, пользуясь расположеніемъ свѣта, который ударялъ прямо на насъ, видѣли насъ лучше, чѣмъ мы могли ихъ видѣть. Они признали наши два фрегата за суда Венеціанской постройки и къ счастью для насъ, ночь наступила, ибо мы находились очень близко другъ отъ друга: мы долго видѣли сигналы Англійскаго флота; пушечная пальба сильнѣе и сильнѣе раздавалась у насъ въ лѣвой сторонѣ и мы полагали что крейсера намѣреваются обойти насъ съ юговостока. При этомъ обстоятельстве Наполеону дозвоительно было благодарить фортуны, ибо очевидно, что еслибъ Англичане возымѣли только подозрѣніе что наши два фрегата идутъ съ востока во Францію, то они преградили бы намъ путь ставъ между нами и землею, что имъ очень легко было сдѣлать. Они вѣроятно приняли насъ за транспорты со съѣтными при-

пасами, идущіе изъ Тулона въ Генуу и этому заблужденію, равно какъ темнотѣ, мы обязаны за то, что отдѣлялись однимъ страхомъ.

Въ продолженіе этой жестокой ночи, послѣдовавшей за исполненнымъ боязни и тревоги вечеромъ, сильнѣйшее волненіе царствовало на *Мюиронѣ*. Гантомъ въ особенности былъ въ безпокойствѣ, которое не возможно описать и которое тягостно было видѣть; онъ дѣйствительно потерялъ всякое присутствіе духа, ибо бѣда казалась неизбѣжною. Онъ предложилъ воротиться въ Корсику: *Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ ему повелительно Бонапарте, нѣтъ, Поставьте большіе парусовъ; всѣ по мѣстамъ. На нордъ-вестъ! на нордъ-вестъ, поидемъ.* Это приказаніе спасло насъ и я могу увѣрить, что посреди почти всеобщаго ужаса, Бонапарте занимался только отдаченіемъ приказовъ; быстрота его ума казалось возрастала при видѣ опасности. Воспоминаніе объ этой ночи, никогда не изгладится изъ моей памяти; часы оной были длинны и никто изъ насъ не могъ знать, какія новыя опасности озарить день.

Однакожь Бонапарте рѣшился; указы были отданы, распоряженія сдѣланы. Съ вечера еще вознамѣрился онъ броситься въ шлюбку и уже назначилъ особъ, долженствовавшихъ раздѣлить его жребій, объявивъ мнѣ какія бумаги важнѣе всего спасти. По счастью страхъ нашъ былъ

напрасенъ и всѣ эти распоряженія бесполезны; первые лучи утренняго солнца показали намъ Англійскій флотъ, идущій къ Сѣверо - западу, а мы поплыли къ столь желаннымъ берегамъ Франціи.

Осьмаго Октября, въ восемь часовъ утра, мы вошли въ Фрежюсскай заливъ; моряки наши не тщательно наблюдали въ продолженіе ночи берегъ и мы не знали, гдѣ мы находимся.

Произошла минутная нерѣшительность итти ли намъ впередъ. Намъ не ожидали и мы не знали какъ отвѣчать на сигналы, въ отсутствіе наше перемѣненные. Съ береговыхъ батарей сдѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; но нашъ смѣлый ходъ по рейдѣ и стеченіе людей на палубахъ двухъ фрегатовъ, наши знаки радости, не дозволили долго сомнѣваться въ томъ, что мы друзья. Мы уже были въ гавани и готовились пристать къ берегу, какъ разнесся слухъ, что на одномъ изъ фрегатовъ находится Генераль Бонапарте. Въ одну минуту море покрылось гребными судами; тщетно мы просили ихъ удалиться; мы были схвачены и перевезены на берегъ и когда мы говорили толпившимся около насъ мужчинамъ и женщинамъ объ опасности, которой они могли подвергнуться, то всѣ восклицали: *Лучше гула, чѣмъ Австрійцы!*

Не стану описывать, что мы ощутили, сту-

Часть III.

3

пивъ на землю Франціи. Можно себѣ вообразить нашу радость, нашъ восторгъ послѣ пятнадцати мѣсяцевъ отсутствія, т. е. послѣ пятнадцати мѣсяцевъ страданій, утомленія и опасностей. Мы избѣгли непреодолимыхъ препятствій; потеряли съ отъѣзда нашего двадцать дней и едва не были захвачены Англичанами при нашемъ прибытіи! Ахъ, какъ воздухъ отечества показался намъ сладокъ подъ прекраснымъ небомъ Прованса! Сдѣланный намъ пріемъ, восклицанія, возбуждаемый Наполеономъ восторгъ, участіе которое каждый старался намъ показывать, еще болѣе усиливали нашу радость. Она была такъ велика что мы едва обратили вниманіе на печальныя вѣсти, со всѣхъ сторонъ получаемыя. Въ первую минуту, каждый изъ насъ, по невольному движенію со слезами на глазахъ и съ восторгомъ произнесъ прекрасный стихъ, вложенный Вольтеромъ въ уста Сицилійскаго изгнанника.

Наполеона упрекали въ нарушеніи карантинныхъ законовъ. Послѣ сказаннаго мною о намѣреніяхъ, имъ обнаруженныхъ и даже о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ на время его карантина, я не думаю чтобы могло оставаться какое либо сомнѣніе на счетъ лживости сего обвиненія. При этомъ случаѣ должно винить однихъ только жителей Фрежюса, которые сочли законъ необходимости важнѣе карантинна-

го устава. Однакожь если представить себѣ что четыреста или пятьсотъ человѣкъ и множество багажа прибыли изъ Александріи, гдѣ лѣтомъ свирѣпствовала чума; то должно считать неслыханнымъ счастіемъ, что Франція и Европа спаслись отъ бича сего.

Г Л А В А Ш.

Дѣйствіе, произведенное Наполеоновымъ возвратомъ.—Оправданіе.—Письмо къ жень моей.—Странная участь моего письма.—Намѣреніе объѣхать въ Санъ.—Разъѣздъ дорогою.—Лудовикъ Бонапарте и Іозефина въ Ліонъ.—Счастіе и геній.—Желаніе получить извѣстія.—Потребность великихъ дѣлъ.—Всеобщій восторгъ.—Перемѣна дороги.—Жалкое состояніе Провинцій.—Правленіе Директоріи.—Лихоимство.—Законъ заложниковъ.—Заемъ ста миліоновъ.—Всобщее неудовольствіе.—Потребность перемѣны.—Бонапарте защитникъ свободномыслія.—

Извѣстно какое дѣйствіе произвела во Франціи и въ Европѣ одна только вѣсть о возвращеніи Бонапарте. Не говорю еще о слѣдствіяхъ сего возвращенія и объ обширной ихъ между собою связи. Да позволено мнѣ будетъ заняться теперь лишь обвиненіями, коихъ онъ былъ предметомъ отъ выхода нашего на берегъ до 9 Ноября. Я довольно сказалъ о мнимомъ на-

рушеніи карантинныхъ законовъ (*). Его упрекали въ томъ, что онъ покинулъ Египеть. Утверждали будто бы отъѣздъ его изъ Александріи былъ съ давняго времени обдуманъ; не покидавъ Наполеона, я могу самымъ положительнымъ образомъ увѣрить, что возвращеніе его во Францію было дѣйствіемъ мгновенной рѣшимости и могу это доказать однимъ обстоятельствомъ, лично до меня касающимся.

Во время нахождения нашего въ Каирѣ, за нѣсколько дней предъ полученіемъ извѣстія о высадкѣ Англо-Гурецкой арміи, тогда какъ мы располагали итти стать лагеремъ у пирамидъ, Бонапарте отправилъ во Францію курьера. Воспользовавшись этимъ случаемъ я написалъ къ женѣ моей и почти навѣки съ нею прощался. Письмо мое отзывалось такою грустью, какой я еще никогда ей не обнаруживалъ; между прочимъ говорилъ я ей, что мы не знаемъ уже когда

(*) Говорили и напечатали, весьма несправедливо, будто бы повелѣніемъ высшей власти Бонапарте былъ освобожденъ отъ карантина; этимъ хотѣли доказать сколько страшнлись, чтобы онъ не опоздалъ. Одного слова достаточно для доказательства что это показаніе столько же ложно, какъ и невѣроподобно. Воисрвыхъ надобно было знать что мы отправимся изъ Египта; а потомъ надобно было знать гдѣ мы пристанемъ. Притомъ же какъ предполагать чтобы Правительство могло, по своему произволу, отмѣнять соблюденіе такого закона, отъ котораго зависѣла всеобщая безопасность? Но истинъ почти должно краснѣть, говоря о такихъ нецѣлостяхъ.

и какъ намъ будетъ возможно возвратиться во Францію. Еслибъ Бонапарте имѣлъ тогда въ мысляхъ скорое возвращеніе, то я бы зналъ объ этомъ, а зная, не сталъ бы огорчать мое семейство сообщеніемъ ему печальныхъ извѣстій тогда какъ семь мѣсяцевъ мы не могли ни къ кому посылать писемъ во Францію. Между тѣмъ вотъ что случилось:

Черезъ два дня по полученіи моего письма, жесу мою разбудили рано утромъ, объявивъ ей о прибытіи нашемъ во Францію; пріѣхавшій съ этимъ извѣстіемъ курьеръ привезъ отъ меня другое, написанное мною изъ Фрежюса письмо, въ которомъ я увѣдомлялъ что Бонапарте поѣдетъ чрезъ Санъ и будетъ обѣдать у моей матери.

По моему желанію, Г-жа Бурісннъ, черезъ день послѣ сего отправилась въ Парижъ въ пять часовъ утра; на второй станціи она повстрѣчала карету съ четырьмя путешественниками и узнала Лудовика Бонапарте, ѣдущаго на встрѣчу къ Генералу по Ліонской дорогѣ. Лудовикъ также узналъ Г-жу Бурісннъ и приказалъ почталіону остановиться. Подошедъ къ ей каретѣ, онъ спросилъ, не имѣетъ ли она отъ меня извѣстій; она сообщила ему что ей было извѣстно и что мы непременно проѣдемъ чрезъ Санъ; ибо по желанію Генерала у матери моей готовится для него обѣдъ. Тогда Лудовикъ спокойно про-

должалъ свой путь. Около девяти часовъ, жена моя встрѣтила другую карету, въ которой находилась Г-жа Бонапарте со своею дочерью. Такъ какъ обѣ онѣ спали и кареты очень скоро разъѣхались, то никто не остановился. Иозефина поѣхала по одной дорогѣ съ Людовикомъ: какъ она, такъ и онъ разъѣхались съ Генераломъ, который въ Ліонѣ перемѣнилъ свое намѣреніе и разсудилъ избрать дорогу чрезъ Бурбонне. Онъ прибылъ черезъ 15 часовъ послѣ жены моей, а тѣ которые отправились по Бургонской дорогѣ, бесполезно проѣхали до Ліона.

Участь моего Каирскаго письма причину, что я нѣсколько упредилъ ходъ событій; обращаюсь къ Генералу Бонапарте. Итакъ справедливо было, что по сорока-осмидневномъ плаваніи онъ благополучно присталъ къ отечественному берегу. Многіе говорятъ о счастіи, которое привязывается къ человѣку и сопутствуетъ ему въ продолженіе всей его жизни; хоть я впрочемъ и не вѣрю такому предопредѣленію, но разсматривая столь многочисленныя, столь различныя опасности, коихъ Бонапарте избѣгулъ въ столькихъ предпріятіяхъ, равно какъ случайности, конемъ онъ подвергался и удачныя его во всемъ попытки, я постигаю, что многіе питаютъ эту вѣру; но, долго наблюдая того, коего прозвали *мужемъ судьбы*, я видѣлъ что называемое имъ *фортуною*, было не что

иное, какъ его гений; что счастье его происходило отъ глубокой его прозорливости, отъ его быстрыхъ какъ молнія соображеній, отъ одновременности его дѣйствій съ мыслью, и отъ убѣжденія его въ томъ, что смѣлость часто дѣлается мудростью. Еслибъ на примѣръ, на пути нашемъ изъ Александріи въ Фрежюсъ, Бонапарте не потребовалъ повелительно избранія другаго пути, а не того, по которому обыкновенно слѣдовали, еслибъ онъ согласился въ началѣ плаванія войти обратно въ Александрійскую гавань, а при концѣ онаго въ портъ Аяччіо, — то восторжествовалъ ли бы онъ надъ затрудненіями, на пути разсѣянными? Въроятно что нѣтъ: и такъ! не уже ли все это было дѣломъ случая? Конечно нѣтъ.

По прибытіи въ Фрежюсъ, Бонапарте, жаждая извѣстій, началъ всехъ разспрашивать. Тамъ-то онъ узналъ во всей обширности бѣдствія наши въ Италіи, о коихъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія, но не столь подробныя въ Аяччіо. Мысль, которую онъ имѣлъ до выхода на берегъ въ Корсикѣ, очень ослабѣвшая, наконецъ совсѣмъ изгладилась изъ ума его. *Бѣда слишкомъ велика*, сказалъ онъ, *негего дѣлать*. Жертва сія дорого ему стоила, ибо я не забылъ, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ упоеніемъ, онъ представлялъ себѣ въ продолженіе нашего перѣзда—дѣйствіе, которое произвела бы въ Па-

рижѣ вѣсть о побѣдѣ, одержанной въ Италіи Генераломъ Бонапарте, полученная вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ Абукирской битвѣ. Онъ приходилъ въ восторгъ при мысли обо всемъ, что должноствовало поразить воображеніе.

Рѣшась какъ можно скорѣе отправиться въ Парижъ, Бонапарте выѣхалъ изъ Фрежюса послѣ обѣда въ тотъ самый день, какъ мы пристали къ берегу. Выше сказано, что по прибытіи въ Фрежюсъ, онъ отправилъ курьера, поручивъ ему извѣстить объ немъ въ Санъ-мать мою. Въ Лионѣ рѣшился онъ ѣхать по Бурбонесской дорогѣ, ниже увидятъ почему. Вездѣ по дорогѣ, въ Э, въ Лионѣ, въ городахъ и въ деревняхъ, онъ былъ принимаемъ какъ въ Фрежюсъ, т. е. съ кличками близкими къ изступленію; надобно было присутствовать при этомъ торжественномъ шествіи для того, чтобы составить себѣ объ немъ понятіе и неужно было имѣть слишкомъ большой наблюдательности для того, чтобы предвидѣть нѣчто подобное осмнадцатому Брюмеру.

Области, предавныя безначалію, опустошаемыя междоусобіемъ, были безпрестанно угрожаемы вѣвѣшнсю войною и почти весь Югъ представлялъ печальное зрѣлище огромнаго поприща, открытаго буйству партій. Народъ стоналъ подъ игомъ тиранскихъ законовъ; самовластное притѣсеніе господствовало; законъ

заложниковъ посягаль на личную свободу; насильственные займы угрожали частнымъ имуществамъ; всѣ граждане единодушно были вооружены противъ пентархіи безъ силы, безъ правосудія, безъ нравственности, содѣлавшейся игрушкою заговорщиковъ и казнодѣевъ. Дороги были наводнены разбойниками (*); — жадные чиновники Директоріи предавались соблазнительному лихоимству, неизбѣжному послѣдствію такого образа Правленія, при коемъ честолюбцы безпрестанно находили средства возвышаться и которое слабостью своею, казалось, поощряло ихъ къ обогащенію ненасытныхъ своихъ клеветовъ. Все носило на себѣ знаменіе разврата; безпорядокъ повсюду царствовалъ и особенно въ провинціяхъ были ощутительны злоупотребленія. Вообще въ большихъ городахъ легче избѣгнуть десницы притѣснительнаго самовластія.

Столь желаемая перемѣна не могла не произойти и не быть принята съ восторгомъ. Большая часть Французовъ желали выйти изъ сего несноснаго положенія. На ту минуту представлялось двѣ опасности: безначаліе и Бурбоны; всѣ чувствовали сильную необходимую нужду сосредоточить власть въ одной рукѣ, поддер-

(*) Отъ Фрежюса до Э насъ благосклонно провожали толпы людей, бѣжавшихъ съ факелами передъ каретою Генерала, болѣе для нашей безопасности чѣмъ для изьявленія чрезъ то своего восторга.

жавъ всѣ учрежденія, которыхъ требовали духъ и просвѣщеніе вѣка и которыя Франція, купивъ ихъ толикою славою и толикими въ продолженіе десяти лѣтъ бѣдствіями, едва мелькомъ увидѣла, находясь въ опасности потерять ихъ. Искали человека, который бы могъ возвратить спокойствіе изнуренной и утомленной Франціи! Никто еще не встрѣчался. Является счастливый воинъ, покрытый славою: онъ водрузилъ Французское знамя на Капитоліи и на Пирамидахъ: всѣ признавали въ немъ превосходные таланты; его качества, извѣстная смѣлость его видовъ и его побѣды, поставили его на первой степени. Великіе труды, блистательныя дѣла почти всѣ увѣнчавшіяся успѣхомъ, рѣчи его, акты и воззванія, съ тѣхъ поръ какъ онъ вступилъ на поприще, не должныствовали оставлять никакого сомнѣнія въ желаніи его сдѣлать счастливою и свободною Францію, которая желала быть таковою и приняла его. Бонапарте, для учрежденія общественной свободы, конечно не имѣлъ недостатка, ни въ возвышенныхъ видахъ, ни въ образованіи, ни въ потребной способности обозрѣнія; одной только воли могло у него не быть. Въ опасномъ, въ стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находилась—потребность въ мгновенномъ, самовластномъ Диктаторствѣ, иногда необходимомъ для спасенія государства, устраняла всякое помыш-

леніе о послѣдствіяхъ такой власти и никто не думалъ что слава несовмѣстна съ общественною свободою. Не думая о будущемъ, бросили взоры на Генерала, считаемаго всѣми наиспособнѣйшимъ человѣкомъ для защиты Республики внѣ государства и свободы внутри онаго; на Генерала, коего поклонники его и нѣкоторые довѣрчивые люди называли *героелью свободномысля*, каковаго имени онъ добивался.

Посему слѣдовало, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ предпочесть его какъ главу великодушнаго народа, ввѣрившаго ему свой жребій, толпѣ подлыхъ, изувѣрныхъ лицемѣровъ, которые подъ именами Республики и свободы, довели Францію до самаго низкаго, до самаго постыднаго рабства.

И дѣйствительно кто могъ полагать, что достигнувъ верховной власти, Бонапартъ употребить ее для того, чтобы попруть ногами правила, которыя онъ столь часто провозглашалъ и которымъ онъ за нея былъ обязанъ? Кто бы могъ подумать, что онъ замѣнитъ самымъ неограниченнымъ самовластіемъ конституціонную свободу, коей Франція жаждала и коею спокойное обладаніе, она такъ долго и часто столь нагубными попытками, старалась приобрѣсть? Не смотря на то, удовлетворивъ своему честолюбію, пожертвовавъ всѣмъ для достиженія своей цѣли, онъ возстановилъ тѣ самыя прави-

ла, противъ коихъ онъ столь мужественно сражался 15 Вандеміера и 18 Брюмера и началъ съ такою же силою защищать ихъ; онъ забылъ порицанія, коими самъ онъ осыпалъ ихъ въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ. Это отъ того, что не взирая на орлиный взглядъ, коимъ онъ умѣлъ столь вѣрно и столь быстро обнимать самыя многосложныя вещи, Бонапарте не замѣтилъ при возвышеніи своемъ къ могуществу, что если несчастныя обстоятельства опять помѣстятъ его на скать, то онъ уже не будетъ имѣть для избѣжанія паденія, поддержку народной воли и помощь патріотизма, имъ отвергнутаго и обманутаго. Не ужели онъ дерзалъ надѣяться, что въ продолженіе многочисленныхъ предпріятій, наполнившихъ жизнь его, судьба никогда, ни на минуту не будетъ ему неблагопріятною? Не ужели онъ не видѣлъ, что когда человекъ самъ составляетъ *все*, то съ нимъ *все* падаетъ; и что если судьба Государства зависить отъ выигрыва или отъ потери сраженія, то она ни на чемъ не основана.

Г Л А В А IV.

Неопредѣлительность замысловъ.—Всеобщая радость.— Вліяніе народныхъ кликовъ.— Дружба моя къ Бонапарте.— Удовольствіе его при громѣ рукоплесканій.—Общее мнѣніе.— Чѣмъ могъ быть Бонапарте, и чѣмъ онъ былъ.—Безполезность его завоеваній.— Законы Наполеона.— Прибытіе въ Парижъ.— Обѣдъ Г-жи Бонапарте у Гойе.— Супружеская размова.— Новыя помышленія о разводѣ.— Примиреніе.— Бонапарте посѣщаетъ Директорію.— Пренебреженіе, оказанное имъ Сіесу.

Между великими предпріятіями, безпрестанно занимавшими умъ Наполеона, безъ всякаго сомнѣнія должно помѣстить замыселъ сдѣлаться главою Правительства; но очень бы ошибся тотъ, который полагалъ бы, что по возвращеніи своемъ онъ имѣлъ какой либо обдуманнѣйшій планъ и положительное намѣреніе; въ его често-

любивыхъ желанійхъ было нѣчто неопредѣлительное; и если можно это сказать, онъ строилъ въ умѣ такъ называемые, воздушные замки. Сила событій оказалась согласною съ его желаніями и должно признаться что все во Франціи сократили Наполеону путь, ведущій къ власти. Достоверно, что эти единогласныя одобренія и эта всеобщая радость, сопровождавшая его на двухъ стахъ миляхъ пути, долженствовали побудить его считать народнымъ дѣломъ то, что съ начала было въ немъ только желаніемъ вмѣшаться въ дѣла Республики.

Должно сказать, что этотъ восторгъ, который нельзя себѣ представить не бывъ свидѣтелемъ онаго, и этотъ взрывъ чувствъ и удивленія, съ коимъ ни что никогда не сравнится, эти повсюду обнаруженныя надежды, пораждали въ сердца самыя пріятныя ощущенія, а въ умѣ, самыя благородныя мысли.

Я гордился тѣмъ, что присутствую при торжествѣ юнаго побѣдителя, котораго я любилъ, которому я удивлялся и который удостоивалъ меня своей дружбы. Я по истинѣ считалъ его спасителемъ моего отечества, коего благоденствіе всегда было самымъ пламеннымъ желаніемъ моего сердца.

Этотъ добродѣтельный порывъ, который конечно не былъ ни заказанъ, ни заплаченъ, громгласно возвѣщала скорбь народа и надежду

найти въ побѣдоносномъ вождѣ своего избавителя. Это всеобщее упоеніе, возбуждаемое возвращеніемъ завоевателя Египта, причиняло ему радость, которой я не въ состояніи изобразить и было для него,—какъ онъ самъ мнѣ часто повторялъ—могущественнымъ ободреніемъ для того, чтобы идти къ цѣли, на которую желанія Франціи какъ будто ему указывали.

Всѣ сословія, всѣ стороны—желали и ожидали 18 Брюмера. Даже многіе роялисты на минуту полагали, что перемѣна будетъ благоприятна для Короля: мы такъ легко вѣримъ тому, чего желаемъ!

Во времена безпорядка, когда всѣ власти смѣшаны, когда ничто не составляетъ перевѣса—искуснѣйшій, сильнѣйшій, смѣльчійшій легко можетъ притѣснять другихъ; и при обстоятельствахъ, нами описываемыхъ, ничего не было легче, для счастливаго меча, какъ овладѣть общою свободою, которою живые хранители оной и жалкіе олигархи безсовѣстно играли. Неоспоримое превосходство Наполеона въ военномъ искусствѣ надъ его современниками, власть которую даютъ слава, счастье и знаменитость имени, соединяясь въ немъ,—могущественно послужили ему въ эту эпоху, какъ и послѣ на двухъ третяхъ его поприща.

Еслибъ, пріавъ власть, ему предлагаемую, онъ пребылъ вѣренъ правиламъ, которыя онъ

до тѣхъ поръ наблюдалъ и провозглашалъ, для которыхъ онъ сражался и побѣждалъ; еслибъ онъ оградилъ всѣмъ блескомъ своей славы общественную свободу, требуемую народомъ и вѣкомъ; еслибъ онъ сдѣлалъ Францію столь же счастливою и свободною, сколько онъ доставилъ ей могущества и славы, то потомство не могло бы отказать ему перваго мѣста между великими мужами, съ конми рядомъ оно его поставитъ. Но не сдѣлавъ для блага человечества того, что онъ предпринялъ единственно для своей славы, онъ будетъ сужденъ потомствомъ по его дѣланіямъ. Оно воздастъ ему хвалу за его побѣды, но не за его завоеванія, потому что сіи послѣднія ни къ чему не послужили и онъ не сохранилъ ни одного изъ нихъ. Названіе одного изъ величайшихъ полководцевъ, когда либо блиставшихъ на землѣ, будетъ неоспоримо; но онъ оставилъ Францію менѣе обширною, чѣмъ какою онъ получилъ ее, менѣе обширною, чѣмъ какою оставилъ ее Лудовикъ XIV. Блистательные его Италіянскіе походы доставили Венецію Австріи, а Іонійскіе острова Англичанамъ. Египетскій походъ далъ имъ Мальту, истребилъ нашъ флотъ и стоилъ намъ 22,000 человѣкъ. Гражданское Уложеніе есть единственный законодательный актъ, могущій быть одобреннымъ философіею и разсудкомъ; всѣ прочіе законы, названные основ-

ными, были ничтожны; все утверждалось на его существованіи. Содѣйствовало ли его Консульское и Императорское правленіе къ благоденствію Французовъ? Потомство будетъ отрицательно отвѣтствовать на вопросъ сей. И дѣйствительно, положивъ на вѣсы, съ одной стороны всѣ наши побѣды, всю нашу славу; а съ другой Европу въ Парижъ и постыдный договоръ 1815 года со всѣми его обстоятельствами и послѣдствіями, всякой увидить, на которую сторону онѣ склонятся.

Выше объяснено, какія причины дѣлали необходимою перемѣну и заставляли желать оной. Не обошлось однако же безъ козней въ день 18 Брюмера. Если день сей, чего нельзя оспорить, былъ концемъ безначалія и безпорядка, то онъ же и положилъ конецъ свободѣ.

Едва угадали челоуѣка, коему была предложена власть и который принялъ оную, какъ начали толковать о заговорахъ противъ Республики и старались взять мѣры для спасенія оной; необходимость и, должно сказать, почти всеобщее чувство, вѣрили исполненіе сего тому, который долженствовалъ уничтожить оную. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ говорилъ и отвѣчалъ какъ челоуѣкъ, чувствующій свою силу и могущество. Онъ не любилъ, ни толковъ, ни обѣдовъ, ни баловъ; умъ его возносился выше.

Мы прибыли въ Парижъ 24 Вандеміера (16 Октябръ). Онъ еще ничего не зналъ, ибо не видался, ни съ женою своею, ни съ братьями, которые понапрасну спѣшили ему на встрѣчу по Бургонской дорогѣ. Извѣстіе о выходѣ его на берегъ въ Фрежюсъ дошло въ Парижъ посредствомъ телеграфа. Г-жа Бонапарте, обѣдая у Г. Гойе въ тотъ день, какъ онъ получилъ сію вѣсть въ качествѣ Президента Директоріи, тотчасъ рѣшилась ѣхать къ нему на встрѣчу, зная сколь для нея важно не быть предупрежденною его братьями.

Читатели не забыли нескромность Жюно при источникахъ Мессеудіасскихъ. Нескромности сіи какъ сказано, произведя сильную вспышку ревниваго гнѣва, не оставили сначала видимыхъ по себѣ послѣдствій; но Бонапарте тѣмъ не менѣе былъ снѣдаемъ тайными подозрѣніями, и неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное рѣчами Жюна, не совершенно разсѣялось или даже возобновилось по пріѣздѣ нашемъ въ Парижъ. Когда Иозефина туда возвратилась, мы уже были тамъ. Воспоминаніе о прошедшемъ, непріязненные, злобные рассказы его братьевъ и преувеличенныя обстоятельства, раздражили Наполеона въ высшей степени; такъ что онъ принялъ Иозефину съ рассчитанною строгостью и съ выраженіемъ самаго холоднаго равнодушія. Онъ три дня не имѣлъ съ нею сношеній и въ

продолженіе этихъ дней безпрестанно говорилъ со мною о своихъ подозрѣніяхъ, которыми воображеніе его придавало достовѣрность; и часто угрозы о разводѣ исторгались изъ устъ его съ немалюбою яростью какъ и въ стѣняхъ Сири. Взявшись опять за дѣло примирителя, которое мнѣ тогда такъ удалось, я представилъ ему, сколько для него возникнетъ опасностей отъ соблазнительной огласки дѣла о разводѣ. Какое время онъ для того выбираеть? неужели въ ту самую минуту, какъ великіе его замыслы можетъ быть свершатся, онъ станетъ занимать Европу подробностями обвиненія въ прелюбодѣйствѣ. Я говорилъ ему о Гортензіи и объ Евгеніи, которыхъ онъ очень любилъ и наконецъ достигъ такого же успѣха, какъ и въ первый разъ; размышленія, подкрѣпленныя живѣйшею привязанностью, которую онъ всегда питалъ къ Іозефинѣ, содѣйствовали къ произведенію совершеннаго примиренія. Послѣ этихъ трехъ дней супружеской размолвки, между ими въ этомъ отношеніи никогда уже не происходило распрей. Не такъ было, какъ ниже увидятъ, касательно безразсудныхъ издержекъ и долговъ Іозефины.

На другой день по прибытіи своемъ Бонапарте посѣтилъ Директорію. Свиданіе было холодно. Онъ сказалъ мнѣ 24 Октября: *Объдавая огера у Гоје, я показывалъ видъ, что не хочу слотрѣть на Сіеса, который тамъ же нахо-*

дился и я замѣтилъ, какъ его раздражило это пренебреженіе. — Увѣрены ли вы, что онъ противъ васъ? — Я еще не знаю, но это чело- вѣкъ съ системами, котораго я не люблю.

Бонапартѣ уже тогда думалъ о томъ, чтобъ быть избраннымъ, на мѣсто его, Членомъ Ди- ректоріи.

Г Л А В А V.

Исполученіе извѣстій и желаніе имѣть опыя.—Моро и Бернадотъ.—Мнѣніе Наполеона о Бернадотѣ. — Мавританская кровь и честность нравовъ.—Ложные слухи. — Шведская корона и Конституція III года. — Козни братьевъ Наполеона.—Первые дни въ Парижѣ.—Министерство Бернадоты.—Поздое посѣщеніе.—Бурный разговоръ.—Отзывъ Наполеона.—Бредни.—Внутренніе враги.—Опасенія и искусство Г-жи Бонапарте.—Искромность Геперала.—Неожиданное посѣщеніе.—Манежный клубъ.—Г. Моро Вормсѣ. — Бернадотъ, Членъ Клуба.—Салисетти и Юсифъ.—Всѣшка Наполеона.—Бонапарте называется самъ къ Бернадоту. — Поездка за городъ.—Безполезная любезность.—Двѣ партіи Директоріи.—Бернадотъ обѣдаетъ у Наполеона.—Заговоръ и условіе наше съ Юзефиною.—Искрешія веселость.

Дабы лучше слѣдовать за ходомъ великихъ событій, долженствующихъ вскорѣ намъ представиться — необходимо напомнить здѣсь въ

короткихъ словахъ, какія козни были устроенны, какіе честолюбивые виды возникли въ продолженіе бытности нашей въ Египтъ; наконецъ всѣ эти вещи, которыя мы такъ жаждали узнать, будучи столь долгое время чужды своему отечеству. По прибытіи въ Парижъ Бонапарте, какъ легко себя вообразить, ничего не зная; не получая никакихъ извѣстій въ Египтъ, онъ не могъ имѣть понятія о происходившемъ тогда во Франціи, а на пути отъ Фрежюса къ Парижу намъ невозможно было собрать много свѣдѣній; ибо мы сдѣлали этотъ переездъ скорѣе какъ курьеры, чѣмъ какъ путешественники. И однакожъ, намъ было очень нужно узнать настоящее состояніе дѣлъ и расположеніе тѣхъ, которыхъ Бонапарте считалъ своими соперниками въ славу, и въ которыхъ онъ могъ обрѣсти честолюбивыхъ соперниковъ. Мы пользовались высокою воинскою славою; замѣчали также Бернадота, коего характеръ казался непреклоннымъ. Наполеону вообще были ревностно преданы сподвижники славы его въ Италіи и тѣ, которыхъ въ послѣдствіи онъ называлъ *мои Египтяне*. Но въ Рейнской арміи также возникли отличные люди и хотя они не отказывали въ своемъ удивленіи завоевателю Италіи, но находили нѣчто болѣе къ себѣ близкое въ уваженіи, оказываемомъ ими тому, который исправилъ бѣдствія Шерера. Притомъ

же, очень естественно чувство, побуждающее насъ предпочитать ту славу, въ которой мы принимали хоть какое либо участіе. Не станемъ также терять изъ вида, что почти вся армія была республиканская и что Директорія казалась Правительствомъ, нарочно изобрѣтеннымъ для того, чтобы покровительствовать тѣмъ, которые устроивали козни. Все это усъ-вало затрудненіями путь, по которому намъ предлежало слѣдовать, поставляя насъ въ необходимость хорошенько осмотрѣться. Правда что неимовѣрный восторгъ привѣтствовалъ насъ во всю дорогу; но это казалось недостаточнымъ: и надобно было пріобрѣсть одобренія, обнаруживающіяся не кликами, а инымъ образомъ.

Въ продолженіе Египетскаго похода, Бернадотъ, ревностнѣйшій Республиканецъ, былъ Военнымъ Министромъ. Недѣли за три до пріѣзда Наполеона, Бернадотъ сдалъ свою должность Дюбуа-Крансе. Нѣкоторые приверженцы бывшаго Министра старались опять возвести его въ это званіе и для Бонапарте очень было важно воспрепятствовать успѣху ихъ замысла. Я помню, что на другой день нашего прибытія, Бонапарте сказалъ мнѣ: «Я ужъ узналъ многія вещи, но мы увидимъ. Бернадотъ странный человекъ: когда онъ былъ Военнымъ Министромъ, то Ожеро, Салисетти и нѣкоторые другіе пришли къ нему сказали, что Консти-

туція въ опасности; что надобно избавиться отъ Сісса, отъ Барраса, отъ Фуше; что они устроивають заговоръ. Что же сдѣлалъ Бернадотъ? Ничего. Онъ потребовалъ доказательствъ: ему не могли доставить оныхъ; онъ потребовалъ полномочія! кто могъ дать ему оное? Никто. Надобно было самому взять его. Онъ не посмѣлъ; и прибѣгнувъ къ уверткамъ; онъ сказалъ, что не можетъ принять участія въ замыслахъ, ему предлагаемыхъ. Онъ обѣщаль только молчать съ условіемъ, что оныя будутъ оставлены. Этотъ человекъ не средство, а препятствіе. Одинъ изъ принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ участіе, сказывалъ мнѣ, что ему давали знать, что многіе значущіе люди желали облечь его великою властью для спасенія общественнаго дѣла; но онъ упрямъ и ни о чемъ не хотѣлъ слышать.»

Послѣ краткаго молчанія, въ продолженіе коего Бонапарте потиралъ себѣ лобъ правою рукою,—онъ продолжалъ: «По всему полагаю, что Бернадотъ и Моро будутъ противъ меня. Но я не боюсь Моро: онъ слабъ, безъ твердости духа. Я увѣренъ, что онъ предпочитаетъ военную власть политической; его можно будетъ склонить обѣщаніемъ предводительства арміею. Но Бернадотъ! у этого есть кровь въ жилахъ; онъ предприимчивъ и смѣлъ; онъ въ союзѣ съ моими братьями; онъ меня не лю-

бить; я почти увѣренъ, что онъ будетъ противъ меня. Если имъ овладѣть честолюбіе, то онъ сочтетъ себя въ правѣ на все осмѣлиться! . . . Вспомни однако же, какъ нерадиво дѣйствовалъ онъ тогда, какъ я послалъ его къ Ожеро на подкрѣпленіе. Притомъ же этого человека не легко соблазнить; онъ безкорыстенъ, уменъ Впрочемъ, мы только что пріѣхали; еще увидимъ!»

Носился слухъ, будто бы Бернадотъ подалъ мнѣніе отдать Бонапарте подъ военный судъ, какъ за то, что онъ оставилъ армию, такъ и за нарушеніе карантинныхъ законовъ. Слухъ сей дошелъ до ушей Бонапарте, но онъ не повѣрилъ ему и былъ правъ. Бернадотъ считалъ себя связаннымъ съ Конституціею, которую онъ клялся защищать; отъ того произошло сопротивленіе, оказанное имъ, какъ ниже увидятъ, исполненію 18 Брюмера; но онъ не имѣлъ къ Бонапарте никакой личной неприязни до тѣхъ поръ, пока не угадалъ его честолюбивыхъ замысловъ. Въ послѣдствіи произошли событія, столь великія, столь многосложныя, столь дивныя, что Шведская корона сдѣлалась совместною съ вѣрностію Конституціи 3 года.

Въ первое время пребыванія нашего въ Парижъ, хотъ я почти и безотлучно находился при Генералѣ, но какъ порядокъ нашихъ занятій не былъ еще учрежденъ, то у меня раза

три или четыре оставалось часа по два свободного времени, которое я посвятилъ моему семейству, друзьямъ моимъ, а также на собираніе свѣдѣній о томъ, что произошло во время нашего отсутствія, на прочтеніе старыхъ журналовъ и нѣкоторыхъ сочиненій, почти забытыхъ. Я безъ удивленія узналъ, что братья Бонапарте т. е. Іосифъ и Луціанъ вмѣшались во многія козни. Мнѣ сказали, что Сіесъ даже имѣлъ однажды мысль пригласить Герцога Брауншвейгскаго въ главы Правительства; что Баррасъ не воспротивился бы возвращенію Бурбоновъ; что Муленъ, Рожеръ - Дюко и Гоёе одни только вѣрили или показывали видъ, что вѣрятъ возможности сохранить существующую форму Правительства. Я имѣю сильныя причины думать, суди по сказанному мнѣ въ то время, что Іосифъ и Луціанъ дѣлали всякаго рода попытки для того, чтобы преклонить Бернадота на сторону своего брата, и что съ этою цѣлью и въ этой надеждѣ, они содѣйствовали къ назначенію его Военнымъ Министромъ. Впрочемъ однакожь, это такая вещь, за которую я не могу ручаться, ибо я положилъ себѣ правиломъ ручаться только за то, что я самъ видѣлъ или слышалъ. Мнѣ сказывали также, что Бернадотъ сначала покорился было вліянію двухъ братьевъ Бонапарте, но что домогательства ихъ въ пользу Наполеона

содѣйствовали къ тому, чтобы отклонить его отъ нихъ, побудить его къ свободному отиравленію своей должности и заставить его рѣшиться открыть глаза Директоріи на то, чего Республика могла опасаться отъ предприимчиваго генія Наполеона. То, что я скажу ниже о поступкахъ Бернадота съ Бонапарте, можетъ служить къ подтвержденію этихъ показаній.

Бернадотъ не сдѣлалъ, подобно веѣмъ бывшимъ въ Парижѣ Генераламъ, посѣщенія Генералу Бонапарте въ первые дни по его пріѣздѣ. Это отсутствіе было тѣмъ замѣтнѣе, что онъ служилъ подъ его начальствомъ въ Италіи; не прежде какъ черезъ двѣ недѣли, и то по усиленнымъ просьбамъ Юсифа и его супруги, родственницы Бернадота, онъ рѣшился посѣтить своего прежняго Главнокомандующаго. Я не былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія; ибо въ ту минуту какъ пріѣхалъ Бернадотъ, я занимался дѣлами въ небольшомъ кабинетѣ Шантеренской улицы. Но я скоро узналъ, что разговоръ былъ продолжителенъ и горячъ; ибо тотчасъ по окончаніи онаго, Бонапарте, вошедъ встревоженный и взволнованный въ кабинетъ, съ жаромъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, представь себѣ, этотъ Бернадотъ. Ты проѣхалъ черезъ Францію со мною; ты видѣлъ восторгъ, возбужденный моимъ возвращеніемъ; ты самъ говорилъ мнѣ, что видѣшь въ этомъ восторгѣ желаніе Фран-

пузовъ выйти изъ бѣдственнаго положенія, въ которое повергли ихъ наши несчастія. Вообрази же, что Бернадотъ расхваливаетъ со страннымъ преувеличеніемъ блистательное и побѣдоносное положеніе Франціи! Онъ говорилъ мнѣ о побѣдахъ надъ Русскими, о занятіи Генуи, о безчисленныхъ арміяхъ, повсюду набираемыхъ . . . и еще Богъ знаетъ что? . . . Все это одни бредни!—Я ничего не понимаю въ этихъ преувеличеньяхъ, отвѣчалъ я Наполеону. А говорилъ ли онъ вамъ о Египтѣ?—Ахъ, ты мнѣ напомнилъ. Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я не привелъ армію съ собою! Но вы сей часъ говорили,—возразилъ я,—что у васъ тма войска, что всѣ ваши границы обеспечены, что производится огромные наборы, что у васъ будетъ двѣсти тысячъ пѣхоты и сорокъ тысячъ конницы! Если такъ, то къ чему послужили бы во Франціи нѣсколько тысячъ человѣкъ прибавочныхъ, которые могутъ удерживать Египетъ? На это ему нечего было отвѣчать. Тогда этотъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ былъ Военнымъ Министромъ, имѣлъ духъ сказать мнѣ, что онъ считаетъ ихъ погибшими. Онъ сдѣлалъ больше: онъ началъ дѣлать намеки! . . . заговорилъ о врагахъ внѣшнихъ и внутреннихъ; произнося эти послѣдніи слова, онъ поглядывалъ на меня; я самъ бросаю на него одинъ взглядъ! . . . Но терпѣніе!

груша скоро созрѣетъ! . . . Ты знаешь Іозефину, ея пріятность, ея искусство: она была въ гостинной. Непытующій взглядъ Бернадота отъ нея не ускользнулъ; она обратила разговоръ на другой предметъ. Бернадотъ, замѣтивъ по моему виду, что съ меня ужъ и того довольно,—откланялся. Но работай, я возвращусь къ Іозефинѣ.»

Не отрицаюсь, что рассказанное мнѣ Наполеономъ возбудило во мнѣ живѣйшее нетерпѣніе остаться наединѣ съ Г-жею Бонапарте, дабы узнать отъ нея, какъ это дѣло происходило. Вечеромъ я нашелъ къ тому случай и сообщилъ ей то, что помѣщено выше; она подтвердила мнѣ точность всего, прибавя только что Бернадотъ по видимому умышленно взялся представить Генералу очаровательную картину благосостоянія Франціи; и вотъ какъ она передала мнѣ послѣднія изъ словъ, раздражившихъ Наполеона. «Не отчаиваюсь въ спасеніи Республики и увѣренъ, что она обуздаетъ своихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. При произнесеніи сего послѣдняго слова, взглядъ Бернадота заставилъ меня содрогнуться. Еще одно слово, и Бонапарте бы вспыхнулъ. Правда—сказала она мнѣ еще—что онъ не много самъ въ этомъ виноватъ; ибо онъ обратилъ разговоръ къ политикѣ и Бернадотъ, представя ему состояніе Франціи въ прекрасномъ видѣ, только отвѣтствовалъ Генералу, изобразившему со-

вѣсьмъ противоположную тому картину. Вы знаете, любезный Буріеннъ, что другъ нашъ не всегда очень скромнъ, и я опасалось не слишкомъ ли много онъ сказалъ Бернадоту о необходимости сдѣлать въ Правительствѣ перемѣны.» Иозефина была еще встревожена утреннею сценою; разставшись съ нею, я тотчасъ записалъ оную.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, мы находились въ гостиной у Бонапарте: онъ, Иозефина, Гортензія, Евгеній и я, какъ вдругъ вошли туда Бернадотъ, котораго вовсе не ожидали. Неожиданный пріѣздъ его послѣ того, что произошло, не могъ не возбудить нашего удивленія. Бернадотъ привезъ съ собою чело-вѣка, прося позволенія представить его Наполеону; чело-вѣкъ сей, котораго я забылъ имя, если память меня не обманываетъ, былъ Главнымъ Секретаремъ при Министерствѣ Бернадота. Поддержанной присутствіемъ многихъ особъ, Бонапарте не обнаружилъ никакого удивленія, принялъ Бернадота свободно, безъ принужденности, и разговоръ скоро начался. Бонапарте, съ твердостью, которую ему всегда сообщало присутствіе многихъ людей, распространился на счетъ волненій, царствующихъ между Республиканцами и сильно возсталъ противъ Манежнаго Клуба. Я поддержалъ его, сказавъ, что землякъ мой Г. Моро де Вормсъ, членъ сего

Клуба, самъ жаловался мнѣ на царствующія въ ономъ волненія. Но братья ваши — сказалъ Бернадотъ Генералу—главные основатели этого Клуба, а вы—прибавилъ онъ твердымъ голосомъ—обвиняете меня въ томъ, что я ему благопріятствую. Отвергаю это обвиненіе; и притомъ возможно ли, чтобы оно было справедливо. Вступивъ въ Министерство, я нашелъ все въ величайшемъ разстройствѣ; у меня слѣшкомъ много дѣла для того, чтобы думать о Клубѣ, не принадлежащемъ къ моимъ обязанностямъ. Вамъ очень хорошо извѣстно, что другъ вашъ Салисетти и тотъ изъ вашихъ братьевъ, который пользуется его довѣренностью, отличаются между вождями Манежнаго Клуба. Наставленія мнѣ, *неизвѣстно чьи*, должно приписать раздражительность, на которую вы жалуетесь.» При этихъ послѣднихъ словахъ, а особенно при голосѣ, которымъ Бернадотъ произнесъ: *неизвѣстно чьи*, Бонапарте, не могшій долѣе удержаться, всыхнулъ: *Точно такъ, Генераль*, воскликнулъ онъ съ яростью, *точно такъ! я лучше хочу жить въ лѣсу, чѣмъ посреди общества, не представляющаго никакой безопасности.* Генераль Бернадотъ сказалъ ему тогда съ благородствомъ: «Ахъ Боже мой! какой же вамъ еще надобно безопасности?» При раздраженіи, овладѣвшемъ Наполеономъ, я увидѣлъ минуту, въ которую разговоръ

долженствоваль превратиться въ ссору; я сказалъ потихоньку Г-жѣ Бонапарте, чтобы она вмѣшалась въ оный, давъ ему другое направле- ніе; что она исполнила, обратясь къ одному изъ присутствующихъ съ вопросомъ. Тогда Бернадотъ, замѣтивъ намѣреніе Г-жи Бонапарте, прекратилъ свои сердитые вопросы, и разговоръ обратясь совершенно къ другимъ предметамъ, сдѣлался общимъ, а Бернадотъ взялъ шляпу и удалился.

Однажды утромъ, черезъ три или черезъ четыре дня послѣ втораго посѣщенія Бернадота, въ ту минуту, какъ я вошелъ въ комнату Бонапарте: «Вьюсь объ закладъ, Буріеннъ!» сказалъ онъ мнѣ просыпаясь, «что ты не угадаешь, у кого я сегодня завтракаю! . . . — Генераль, я не — У Бернадота и любопытно, что я самъ къ нему назвался. Да! . . . Ты бы видѣлъ это, если бы поѣхалъ вчера со мною во Французскій театръ. Ты знаешь что мы ѣдемъ сего дня къ Юсефу на дачу. Мы сошлись съ Бернадотомъ лицомъ къ лицу при выходѣ изъ театра и, въ первую минуту, не зналъ что сказать ему, я спросилъ его, не участвуетъ ли онъ сегодня въ нашей прогулкѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и такъ какъ намъ приходится ѣхать мимо его дома въ Цизальпинской улицѣ, то я назвался къ нему на чашку кофе, сказавъ, что мнѣ будетъ очень пріятно провести съ нимъ нѣсколь- ко минутъ. Онъ повидимому остался мною до-

Часть III.

7

волень. Какъ ты думаешь объ этомъ, Буріеннъ? — Я только желаю Генераль, чтобъ и вы остались довольны имъ.—Нѣтъ, нѣтъ! повѣрь, что я хорошо сдѣлалъ: это повредитъ ему у Гойе. Помни, что надобно всегда итти на встрѣчу къ своимъ непріятелямъ и обходиться съ ними ласково, а иначе они подумаютъ, что ихъ боишься, и это придаетъ имъ смѣлости! Бонапарте съѣлъ въ карету съ Юзефиною, которая всегда была готова, когда слѣдовало съ нимъ куда либо ѣхать, ибо онъ не любилъ ждать; они отправились къ Бернадоту, а оттуда къ Иосифу въ Монфертенъ. По возвращеніи своемъ, Бонапарте мало говорилъ мнѣ о происшедшемъ въ этотъ день, и я видѣлъ, что онъ не очень имъ доволенъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что онъ много разговаривалъ съ Бернадотомъ, и всячески старался казаться любезнымъ, что для него очень было легко, когда онъ хотѣлъ; но что всѣ его старанія оказались безуспѣшными предъ Республиканскою суровостью Бернадота, хотя онъ и былъ поддержанъ присутствіемъ своихъ трехъ братьевъ и Ренію де Сен-Жанъ д'Анжелл. Однакожь онъ каждый день пріобрѣталъ себѣ новыхъ приверженцевъ; ибо не всѣ, встрѣчаемые имъ, были столь строгихъ свойствъ, какъ Бернадотъ, и мы вскорѣ увидимъ, что даже самъ Моро принялъ на себя

надзоръ за Директорами, взятыми подъ стражу 18 Брюмера.

Бернадотъ, одаренный рѣдкою прозорливостью, одинъ изъ первыхъ проникъ замыслы Наполеона. Онъ совершенно былъ увѣренъ въ рѣшимости его испровергнуть Конституцію и захватить власть. Онъ видѣлъ, что Директорія раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ одна была обманута обѣщаніями и увѣреніями возвратившагося изъ Египта Генерала, а другая содѣйствовала Наполеону къ достиженію его замысловъ. При этихъ обстоятельствахъ, Бернадотъ предлагалъ свои услуги всѣмъ тѣмъ, которые въ Правительствѣ были, подобно ему, противниками перемѣны, коей онъ столько страшился. Но Бонапарте былъ не такой человѣкъ, котораго можно бы превзойти въ тонкости или въ дѣятельности, и съ каждою минутою ряды его единомышленниковъ усиливались.

16 Брюмера я обѣдалъ въ улицѣ *Поблды*. Бернадотъ былъ приглашенъ; думаю, что и Генералъ Журданъ также. Между тѣмъ какъ болышой заговоръ стремился къ своему исполненію, мы съ Г-жею Бонапарте съ утра заключили между собою уговоръ, болѣе невинный. Мы никому не ввѣрили нашей тайны и наше 16 Брюмера увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Мы сговорились безпрестанно наблюдать за тѣмъ, чтобы не произошло новой вспышки въ

рѣчахъ и это удалось намъ по желанію. За объѣдомъ разговоръ былъ нѣсколько скучень; но мы не боялись его скуки: онъ обратился къ войнѣ и на этомъ обширномъ полѣ превосходство Бонапарте было неоспоримо для всякаго изъ присутствующихъ.

По выходѣ въ залу, почти вдругъ наѣхало множество гостей, и тогда разговоръ оживился; онъ даже сдѣлался довольно веселымъ и Бонапарте принималъ участіе въ общемъ веселіи. Не знаю, кому-то онъ сказалъ, улыбаясь и указывая на Бернадота: «*Вы не знаете, что Генераль Шуанъ.—Шуанъ!*» возразилъ Бернадотъ также шутя, «ахъ, Генераль! вы сами себѣ противорѣчите. Не вы ли мнѣ на дняхъ говорили, что я содѣйствую раздражительности друзей Республики, а теперь выставляете меня покровителемъ Шуановъ: согласуйтесь по крайней мѣрѣ съ самимъ собою.» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, воспользовавшись прїѣздомъ новыхъ гостей, почти совершенно наполнившихъ залу, Бернадотъ потихоньку удалился.

Г Л А В А VI.

Прекрасное поведєніе Луціана. — Осторожность Бонапарте.—
Шумъ Совѣта Старѣйшинъ.—Шумъ. — Всеобщее притвор-
ство. — Ложный восторгъ. — Скука и разъѣздъ.—Жела-
ніе сдѣлаться Директоромъ. — Рѣчи Сіеса. — Неправда и
сблуженіе.—Отзывъ Наполеона о Директоріи. — Ложное
обвиненіе Барраса.—Осужденіе Конституціи III года.

Не желая раздѣлять воспоминаній, которыя необходимо слѣдуютъ одно къ другому и соединяются,—я нѣсколько увлекся въ предыдущей Главѣ рассказывая о томъ, что происходило, особенно въ домашнемъ быту Наполеона и какія были сношенія Генерала съ Бернадотомъ. Вступимъ теперь на поле, болѣе обширное и посмотримъ, какіе были наши первоначальныя виды.

Желая засвидѣтельствовать Наполеону свое высокое уваженіе, Пятисотный Совѣтъ наименовалъ Луціана, своимъ Предсѣдателемъ. Послѣдствіе доказало, сколь для него было важно это назначеніе. Луціанъ до 19 Брюмера, а особенно въ этотъ день, показалъ дѣятельность, умъ, мужество, смѣлость и присутствіе духа, которые рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ; судя потому, что я видѣлъ, этому назначенію и поведенію Луціана неоспоримо должно приписатьъ успѣхъ дня 19 Брюмера.

Генераль вель себя съ осторожностью, которой не нарушилъ въ продолженіе двадцати трехъ дней, протекшихъ съ прибытія его въ Парижъ до 18 Брюмера. Онъ отказывался почти отъ всѣхъ частныхъ приглашеній для того, чтобы избѣгнуть нескромныхъ вопросовъ, предложеній, которыя нельзя было принять и отвѣтовъ, могшихъ подвергнуть его опасности.

Даже весьма неохотно согласился онъ на выдумку пылаго Луціана, который, посредствомъ хитрости, искусства и хитрости, успѣлъ волею или неволею склонить большую часть своихъ сочленовъ къ принятію участія въ торжественномъ обѣдѣ, который Совѣтъ Старѣйшинъ опредѣлилъ сдѣлать для Бонапарте *по подпискѣ*.

Великое число гостей, недостатокъ порядка,

который трудно было учредить въ собраніи, состоявшемъ болѣе чѣмъ изъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, между коими царствовало великое различіе мнѣній и чувствъ; безпокойство, недоувѣрчивость, начинавшія овладѣвать тѣми, которые не участвовали въ большомъ заговорѣ,—все дѣлало этотъ страшный ширъ самымъ утомительнымъ собраніемъ, на комъ я когда либо присутствовалъ. Не было ни свободы, ни искренности—слѣдовательно не было и веселія. Потихоньку сообщали другъ другу,—здѣсь свои замыслы и надежды; тутъ свои опасенія и предчувствія, тамъ свое безпокойное любопытство. Вожди заговорщиковъ бросали на всѣхъ гостей испытующіе взоры; вслѣдъ за собою и самъ подвергался наблюденію. Отъ времени до времени одинъ изъ посвященныхъ въ тайну, предлагалъ съ притворныхъ восторгомъ заказной тостъ, который принимали еще съ болѣею холодностью. Шпы пытались было запѣть пѣсни, которыя до сихъ поръ, никогда не раздавались, не воспламеняли республиканскихъ думъ, не производя порыва Французскаго патріотизма . . . ; однако къ голосу ихъ никто не присталъ.

Но цѣль шира была достигнута: двѣ партіи, до сихъ поръ одна противъ другой раздраженныя, тутъ сроднились и готовы были идти вмѣстѣ противъ общаго врага.

Видъ Наполеона былъ принужденный, скука изображалась на лицѣ его, успѣхъ его намѣреній, требовалъ присутствія его въ иномъ мѣстѣ. Онъ пообѣдалъ наскоро; окончивъ же, тотчасъ всталъ, обошелъ столы съ Бертье и со мною, и шепнулъ мнѣ: *Я скажало, уйде нь отсюда*. Онъ сказалъ, однимъ нѣскольکو лестныхъ словъ, другимъ какую нибудь незначащую вѣжливость и исчезъ, оставя еще за обѣдомъ тѣхъ, которые его къ оному пригласили.

Въ продолженіе этого, столь краткаго политическаго перелома, не произошло ничего возвыщеніе, величественнѣе и благороднѣе того, что мы видѣли во вѣхъ революціонныхъ потрясеніяхъ и особенно 18 Фруктидора. Все въ этихъ политическихъ смутахъ столь презрительно, столь исполнено плутовства, лжи, обмановъ и отваги, что для чести рода человеческого, слѣдовало бы облечь оныя покровомъ. Все кончилось сабельными ударами.

Первые виды Генерала Бонапарте устремились къ мысли, которую онъ имѣлъ уже въ Италіи, получить мѣсто Директора, Никто еще не смѣлъ обвинить его какъ бѣглеца изъ Восточной арміи. Остановка была только за недостиженіемъ положенныхъ лѣтъ: неужели такъ было трудно устранить это препятствіе? По водвореніи его въ скромномъ домикъ улицы *Поблды*, его начали увѣрять, что по отставкѣ

Ревбея, большинство голосовъ соединилось бы въ его пользу, еслибъ онъ былъ во Франціи и еслибъ коренной законъ не требовалъ сорокалѣтняго возраста; но что самые ревностные его приверженцы не были расположены нарушить Конституцію III года, столь еще юную. При всѣхъ попыткахъ его къ отвращенію этого препятствія, ему всегда представляли въ возраженіе Конституцію.

Не смотря на всѣ сдѣланныя Панолеономъ усилія устранить это затрудненіе, онъ увидѣлъ, что ему не удастся преодолѣть оное. Онъ легко рѣшился занять одинъ ролю, которую онъ бы раздѣлялъ для *форлы* съ четырьмя другими, еслибъ ему удалось попасть въ члены Директоріи.

Какъ только намѣренія его сдѣлались извѣстными, то около него начали собираться всѣ тѣ, которые угадали человека, давно призываемаго, и многіе изъ людей, возвысившихся въ Революцію и считавшихъ себя пренебреженными. Эти некусные люди, имѣвшіе въ своемъ кругу вліяніе, начали на него дѣйствовать, стараясь обратить въ связь съ Сіссомъ ненависть, которую Бонапарте къ нему чувствовалъ. Ненависть сія еще болѣе усилилась отъ пересказанныхъ Генералу словъ Сісса. Послѣ объѣда, за которымъ Бонапарте такъ надменно съ нимъ общелся, онъ сказалъ: *Посмотрите, какъ этотъ*

наглець обходится съ членомъ Правительства, которое должно бы разстрѣлять его.

Въ первое время, Бонапарте называлъ *соблазнительными* назначеніе Сіеса въ Директоры. Даже его товарищи громко говорили объ этомъ выборѣ, о его сомнительномъ поведеніи, о его правилахъ и объ опасеніяхъ, которыя возымѣли друзья свободы.

Все перемѣнилось, когда искусные соперники склонили Наполеона присоединиться къ Сіесу и совокупно съ нимъ испровергнуть Конституцію, имъ не любимую. Ему замѣтили, что бесполезно стараться его отрѣшить, и что лучше ласкать его надеждою испровергнуть съ нимъ Конституцію, доставя ему возможность удовлетворить своей страсти составленіемъ другой новой и въ особенности удовлетвореніемъ своей алчности. Нѣкто сказалъ однажды при мнѣ Наполеону: *Поищите поддержки у людей, которые считаютъ Якобинцами друзей Республики и будьте увѣрены, что Сіесъ глава этихъ людей.*

Какъ только узнали планъ Генерала Бонапарте, то всѣ наперерывъ начали стараться извлечь себѣ пользу изъ паденія Директоровъ и двухъ Совѣтовъ. За эту цѣну всѣ были готовы къ услугамъ.

Дабы избавиться отъ человѣка, который очень ее тяготилъ и беспокоилъ,—Директорія потре-

бовала Наполеона 25 Вандеміера (17 Октября) въ частное засѣданіе. Онъ сказалъ мнѣ на другой день: *Они предложили мнѣ на выборъ предводительство, которою мнѣ угодно арміею; я не хотѣлъ отказать, но просилъ у нихъ времени для поправленія моего здоровья; и чтобы избѣгнуть другихъ предложеній, могшихъ меня затруднить, я удалился. Я ужъ больше не поведу въ ихъ засѣданія (онъ послѣ сего былъ еще одинъ только разъ); рѣшаюсь взять сторону Сіеса; къ ней больше склоняется мнѣніе, члѣмъ къ партіи развратнаго Барраса. Онъ вездѣ твердитъ, что онъ виновникъ моего счастья; ему всегда трудно будетъ занимать ниже меня мѣсто, а я никогда не уступлю такому челоуѣку; онъ питаетъ глупое честолюбіе, будто бы онъ подпора Республики! Что ему было бы дѣлать со мною? Баррасъ думаетъ только о себѣ; Сіесъ напротивъ того, не ильветъ политическаго честолюбія.*

Едва Сіесъ началъ сближаться съ Бонапарте, какъ этотъ послѣдній узналъ отъ него, чрезъ его нескромность, что Баррасъ сказалъ: *Этотъ маленькой капралъ обогатился въ Италіи: ему не за члѣмъ опять туда ѣхать.* Бонапарте отправился въ Директорію единственно для того, чтобы опровергнуть эти слова. Онъ сильно жаловался на оныя Директорамъ, смѣло утверждалъ, что богатство, у него предполагае-

мое, есть басня; но что, если онъ и обогатился, то ужъ конечно не на счетъ Республики. Мнѣ же сказалъ онъ: *Ты знаешь, что большую часть я получилъ отъ Идрійскихъ рудниковъ.* «Непостижимо,» отвѣчалъ я ему, «что это позволяетъ себѣ говорить Баррасъ, котораго со времени вашего возвращенія, вамъ извѣстно все лихоимство.»

Бонапарте немногимъ ввѣрилъ свои замыслы: онъ сообщилъ ихъ только тѣмъ, которые были ему пужны. Прочіе машинально слѣдовали за вождями, по даваемому ими направлению. Они съ безпрекословнымъ повиновеніемъ ожидали исполненія данныхъ имъ обѣщаній, въ надеждѣ на которыя они вступили въ участники.

Какъ только увидѣли приближеніе развязки сочиняемой драмы, то агенты заговорщиковъ, журналы, сообщники предположенной мѣры, повсюду разсыпались. Вездѣ раздавались только восклицанія: «Нѣтъ болѣе Республики!—Конечно.—Книжалы подняты противъ представителей народа, се защищающихъ! Свобода погибнетъ!—Конституція III года осуждена къ ниспроверженію!»

Г Л А В А VII.

Великая драма.—Распределение ролей.—Камбасересъ и Лебрёгъ.
—Гойе обмануть Наполеономъ.—Приглашение на обѣдъ
въ Директорію.—Моя ночная поездка къ Баррасу.—Страхъ
Директоріи.—Заговоръ.—Советъ Старѣйшинъ.—Бонапарте
предводитель всѣхъ войскъ.—Посылка Иосифа къ Бернадоту.—Утро 18 Брюмера.—Собрание Генераловъ.—Перъ-
шинность Бернадота.—Участіе, принятое Г-жею Бонапарте
въ Гойе.—Разговоръ съ Иозефиною.—Неудача Директоровъ.
—Указъ Совета Старѣйшинъ.—Смотръ въ Тюліерійскомъ
саду.—Рѣчь Наполеона.—Объявленіе Старѣйшинъ.—Разго-
воръ, распространенный въ Парижъ.—Провозглашеніе къ
жителямъ Парижа.—Бонапарте повинется только своимъ
собственнымъ—приказаніямъ.—Разговоръ съ Иозефиною.—
Бонапарте и Моро.—Рапатель.—Люксембургскій тюрем-
щикъ.—Ударъ партіи.—Встрѣча моя съ Ла Валеттомъ.—
Засѣданіе Старѣйшинъ.—Бонапарте въ Сен-Клу.—Цесарь
и Кромвель.—Баррасъ и Муленъ обвинены.—Безнолезное
приглашеніе.—Ужасный шумъ и суматоха.—Да здравствуетъ
Конституція!—Бонапарте теряетъ присутствіе духа.—Вы-
ходъ изъ Совета.—Истина и Мониторъ.

Роли были хорошо распределены въ великой
драмѣ, коей развязка приближалась. Въ продол-
женіе трехъ дней, предшествовавшихъ 18 Брю-

меру, всё находились при своихъ мѣстахъ. Луціанъ съ дѣятельностью и искусствомъ вель заговоръ въ обоихъ Совѣтахъ. Сіесу была поручена Директорія.—Реаль, подъ руководствомъ Фуше, дѣйствовалъ въ провинціи и соображаясь съ наставленіями своего начальника, искусно устраивалъ все такъ чтобы, не вреда Фуше, погубить тѣхъ, отъ коихъ Министръ сей получилъ свою власть. Не должно было терять времени. Фуше сказалъ мнѣ еще 14 Брюмера: *Скажите вашему Генералу чтобы онъ поспѣшилъ; если онъ замедлитъ, то онъ погибъ.*

Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, пріѣхавъ 17 числа къ Бонапарте, сказалъ ему что предложенія, сдѣланныя Камбассересомъ и Лебрёнемъ, не очень рѣшительно были приняты. *Я не хочу увертокъ*, возразилъ съ живостью Бонапарте; *чтобы они не думали что я въ нихъ нуждаюсь; пусть они сегодня же рѣшатся; еслиже нѣтъ, то завтра будетъ уже поздно; я чувствую себя теперь довольно сильными для того, чтобы остаться одному.*

Камбассересъ и Лебрёнъ почти не принимали никакого участія въ козняхъ, предшествовавшихъ 18 Брюмеру. Бонапарте, при своихъ соображеніяхъ, обратилъ взоры на Министра Юстиціи, намѣреваясь сдѣлать его однимъ изъ своихъ товарищей, тогда какъ будетъ властью назначать ихъ, потому что онъ предыдущими

своими поступками, давалъ ручательства приверженцамъ Революціи и присоединилъ къ нему Лебрёна для противовѣсія сему первому выбору. Лебрёнъ былъ извѣстенъ своею почетною жизнью и своими умѣренными правилами. Бонапарте думалъ чрезъ это угодить всѣмъ. При томъ же ни тотъ, ни другой не въ состояніи были бы бороться противъ его твердой воли и честолюбивыхъ видовъ.

Сколько низкихъ козней озарило 17 число Брюмера! Въ этотъ день, я обѣдалъ у Бонапарте;—послѣ обѣда, онъ сказалъ мнѣ: «Я обѣщаль завтра обѣдать у Гойе: ты можешь себѣ вообразить что этому не бывать. Я тѣмъ не менѣ сердить за его упрямство. Дабы его еще болѣе успокоить, жена моя пригласить его въ этотъ же день на завтракъ. Не возможно чтобы онъ въ чемъ нибудь усомнился. Я видѣлъ Барраса сегодня утромъ и оставилъ его очень встрѣвоженнымъ. Онъ просилъ меня пріѣхать повидаться съ нимъ нынче ночью: я обѣщаль, но не поѣду; завтра дѣло будетъ сдѣлано. Тутъ не много выиграешь времени. Онъ ждетъ меня въ одинадцать часовъ вечера: все будетъ готово для того чтобы принять меня. Ты поѣдешь въ моей каретѣ, объявишь что отъ меня присланъ и тотчасъ войдешь. Ты скажешь ему, что сильная головная боль заставила меня лечь въ постелю, но что я завтра непременно съ нимъ повидуюсь; что онъ

можетъ быть покоенъ, что все устроится. Постарайся по возможности уклониться отъ его разспросовъ; не оставайся у него долго и зайди ко мнѣ, когда прїѣдешь назадъ.

Я прїѣхалъ въ каретѣ Генерала Бонапарте, ровно въ одиннадцатъ часовъ вечера. Величайшее уединеніе и глубокая тишина царствовали въ покояхъ, чрезъ которые я проходилъ до кабинета Барраса. Обо мнѣ доложили. Когда онъ увидѣлъ меня вмѣсто Генерала Бонапарте, то изумленіе его было чрезмѣрно; онъ ужаснулся. Я замѣтилъ, что онъ считаетъ себя погибшимъ. Я исполнилъ мое порученіе и пробылъ недолго. Когда я всталъ съ тѣмъ чтобы уѣхать, то онъ сказалъ мнѣ, провожая меня: *Вижу, что Бонапарте меня обманываетъ; онъ не прїѣдетъ, дѣло кончено; однакожъ онъ лишь вслѣдъ обязанъ.*— Я повторилъ ему, что онъ завтра непременно прїѣдетъ. Отрицательное движеніе головы его ясно показало мнѣ, что онъ тому не вѣритъ. Ниже увидятъ что произошло. Бонапарте, которому я отдалъ отчетъ въ моемъ посвщеніи, показался мнѣ очень тѣмъ довольнымъ. Онъ сказалъ мнѣ: *Иосифъ отправится сего дня вечеромъ къ Бернадоту для того, чтобы пригласитъ его завтра прїѣхать.*— Судя потому что мнѣ извѣстно, замѣтилъ я, «если онъ и прїѣдетъ, то нисколько не принесетъ вамъ пользы.— *Вѣрю, но успрю тебя, что*

онъ не можетъ ужъ болге вредить мнѣ; а мнѣ больше ничего и не надобно. Ну, прощай, будь здѣсь въ семь часовъ утра. Тогда былъ часъ по полуночи.

По желанію Бонапарте, я пришелъ къ нему 18-го Брюмера, нѣсколько прежде семи часовъ утра.

Здѣсь воспоминанія мои такъ толпятся; такъ много событій приготовилось и свершилось въ столь краткое время; различныя козни столь скоро распространились, что мнѣ невозможно представить вещи точно въ томъ видѣ, какъ онѣ происходили. Дѣйствія соединявшіяся съ главнымъ движеніемъ, послѣдовали вдругъ; а ихъ нельзя описывать иначе какъ по порядку.

Разсмотримъ сперва то, чего я былъ свидѣтелемъ по прибытіи моемъ къ Бонапарте. Пришедъ туда, я нашелъ множество Генераловъ и Офицеровъ, собравшихся еще до меня. Вошедъ въ комнату Бонапарте, я засталъ его противъ обыкновенія, уже вставшимъ. Въ эту минуту онъ былъ спокоенъ, какъ будто передъ сраженіемъ; сильное волненіе должноствовало произойти съ нимъ на другой уже день. Въ скоромъ времени послѣ моего прибытія, увидѣлъ я входящаго Иосифа съ Бернадотомъ. Иосифъ, не заставъ его вечеромъ, уже поутру за нимъ ѣздилъ. Я такъ удивился, увидѣвъ Генерала въ гражданскомъ платьѣ, что подошелъ къ нему и

потихоньку ему сказалъ: «Генераль, кромѣ васъ и меня, здѣсь всѣ въ мундрахъ.— А мнѣ за чѣмъ было надѣвать его?»— При этихъ словахъ его, Бонапарте, пораженный подобно мнѣ удивленіемъ, прервалъ разговоръ свой съ окружавшими его и, съ живостью обратясь къ Бернадоту: «*Отъ чего же вы не въ мундиръ?*» спросилъ онъ.— Я обыкновенно такъ бываю, когда я не на службѣ.— *О, вы тотчасъ будете на службѣ.*— Мнѣ ничего не сказали: должно бы прислать заранее объ этомъ приказаніе.»

Тогда Бонапарте увлекъ Бернадота въ боковую комнату: разговоръ былъ не продолжительенъ, ибо нельзя было терять времени.

Съ другой стороны чрезъ вліяніе сборницъ главныхъ заговорщиковъ, перемѣщеніе законодательнаго Корпуса въ Сен - Клу было определено 18 числа утромъ и Бонапарте сдѣланъ предводителемъ вооруженной силы.

Между тѣмъ Баррасъ можетъ быть ждалъ еще Наполеона, а Г-жа Бонапарте ждала къ себѣ Гоюе завтракать. У Генерала Бонапарте собрались всѣ преданные ему Генералы; я еще не видывалъ столь большаго числа ихъ въ улицѣ *Пюльды*. Всѣ они были въ полномъ мундирѣ. Кромѣ ихъ находилось тамъ еще человекъ шесть, посвященныхъ въ тайну этого дня. Небольшой домъ побѣдителя Италіи былъ слишкомъ тѣсенъ для того, чтобы вмѣстить въ се-

бѣ столько народу; посѣтителѣ стояли на дворѣ и въ коридорѣ. Бонапарте зналъ уже объ указѣ Совѣта Старѣйшинъ и ожидалъ отъ онаго извѣщенія, чтобы сѣсть на лошадь. Въ ту самую минуту, какъ собралось это многочисленное общество, указъ сей былъ одобренъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ большинствомъ голосовъ, которое можно назвать незаконнымъ, ибо члены были приглашены наканунѣ въ разные часы и все устроено такъ, чтобы шестьдесятъ или восемьдесятъ членовъ, коими Луціанъ и друзья его не могли располагать, не получили во время своихъ пригласительныхъ записокъ.

Тотчасъ по полученіи извѣщенія отъ Совѣта Старѣйшинъ, Бонапарте пригласилъ съ собою всѣхъ Офицеровъ, у него находившихся. При объявленной имъ вѣсти, небольшое только число чуждыхъ сему движенію, за нимъ не послѣдовало; покрайней мѣрѣ я видѣлъ двѣ кучки, отдѣльно вышедшія изъ дома. Бернадотъ сказалъ мнѣ: «Я остаюсь съ вами». Мнѣ показалось что въ немъ дѣйствуетъ зависть. Бонапарте, готовясь сойти съ лѣстницы, ведущей изъ небольшой круглой столовой на дворъ, вдругъ воротился, и пригласилъ Бернадота за нимъ слѣдовать. Онъ не захотѣлъ; и тогда Бонапарте побѣжавъ, сказалъ мнѣ: *«Гойе не прѣхалъ, тѣмъ хуже для него»* и вспрыгнувъ на лошадь. Едва онъ удался, какъ Бернадотъ ушелъ.

Когда я остался одинъ съ Иозефиною, то она сообщила мнѣ опасенія, ея тревожившія. Я успокоилъ ее сказавъ, что все такъ хорошо устроено, что само собою сдѣлается. Она очень была расположена къ Г-жѣ Гойе и это расположеніе отражалось на ея мужа. Иозефина спросила у меня: *«Хорошо ли вы знаете Гойе?»*— Вамъ извѣстно, что мы здѣсь только три недѣли; я ухожу отсюда лишь ночевать въ *Мартельскую* улицу. Я нѣсколько разъ видѣлъ Г-на Гойе у васъ въ гостиной, когда онъ прѣзжалъ къ Генералу; я разговаривалъ съ нимъ о положеніи нашихъ дѣлъ въ Швейцаріи, въ Голландіи, о дѣлахъ Франціи и о другихъ политическихъ предметахъ; но мы ни слова не говорили о томъ, что здѣсь происходитъ. Этимъ ограничивается связь моя съ нимъ.— *Жалю, а я бы попросила васъ, письменно посоветовать ему не дѣлать шуму, а подражать Сіесу и Рожеру, которые добровольно подадутъ въ отставку, и не присоединятся къ Баррису, котораго въ эту минуту вѣроятно принуждаютъ противъ воли оставить службу. Бонапарте сказалъ мнѣ, что въ такомъ слухѣ, онъ готовъ все сдѣлать для Гойе. Я прибѣгну къ другому средству.* Этимъ все кончилось; но я думаю, что чрезъ одну пріятельницу Г-жи Гойе, Иозефина тотчасъ сообщила свое предостереженіе Президенту Директоріи.

Баррасъ былъ такъ пораженъ моимъ посѣщеніемъ, что въ тотъ самый день, коего утро я описываю, Гойе и Муленъ, не надѣясь болѣе на Сіеса и на Рожера Дюкоса, напрасно преждали въ залѣ Директоріи своего сочлена Барраса для того, чтобы при большинствѣ голосовъ, составить какое либо сужденіе на счетъ указа о перемѣщеніи Совѣтовъ въ Сен-Клу; они ошиблись въ своей надеждѣ и Баррасъ, не взиралъ на всѣ ихъ просьбы, не явился; посѣщеніе мое, сдѣланное наканунѣ предѣ полуночью, открыло ему глаза. Онъ скрылся отъ своихъ товарищей съ той самой минуты, какъ Брюи и Г. Талейранъ сообщили ему объ исполненіи того, что онъ наканунѣ подозрѣвалъ и *потребовали*, чтобы онъ подалъ въ отставку; ибо въ томъ положеніи, въ которомъ дѣла находились, выраженіе *попросили* было бы слишкомъ мягко.

Восемнадцатаго Брюмера рано собрали множество войскъ въ Тюліери. Бонапарте, въ сопровожденіи Генераловъ Бёрнонвиля, Моро и Макдональда, сдѣлалъ въ саду смотръ десяти тысячамъ человекъ. Онъ прочелъ имъ слѣдующій указъ, изданный Инспекторскою Комиссією Старѣйшинъ.

«Статья 1. Законодательный корпусъ переведенъ въ Сен-Клудскій приходъ; оба Совѣта будутъ засѣдать тамъ въ двухъ Флигеляхъ дворца.

«Статья 2. Они сберутся тамъ завтра, 19

«Брюмера, въ полдень. Всякое засѣданіе и совѣщаніе въ иномъ мѣстѣ и прежде сего времени воспрещаются.

«Статья 3. Генералу Бонапарте поручено исполненіе сего приказа; онъ приметъ всѣ надлежащія мѣры для безопасности народнаго представительства.

«Генераль командующій 17-ю военною дивизіею, стража законодательнаго корпуса, мѣстная народная гвардія, линейныя войска, находящіяся въ Парижскомъ приходѣ, въ Конституціонномъ округѣ и во всемъ пространствѣ 17 дивизіи, подчиняются его непосредственному начальству съ предписаніемъ признать его въ этомъ званіи. Всѣ граждане обязаны оказывать ему содѣйствіе по первому его востребованію.

«Статья 4. Генераль Бонапарте приглашается въ Совѣтъ для полученія сего указа и для произнесенія присяги. Онъ условится съ Комисарами-Инспекторами обоихъ Совѣтовъ.

«Статья 5. Указъ сей будетъ немедленно сообщенъ съ нарочнымъ Пятисотному Совѣту и Исполнительной Директоріи. Онъ будетъ напечатанъ, объявленъ, обнародованъ и разосланъ во всѣ области Республики съ нарочными гонцами.»

Послѣ сего чтенія, выслушаннаго войсками съ живѣйшимъ участіемъ, Бонапарте прибавилъ:

«Солдаты,

«Чрезвычайный Указъ Совѣта Старѣйшинъ согласенъ со статьями 102 и 103-ю Конституціоннаго акта. Онѣмъ поручено мнѣ начальствовать надъ городомъ и надъ арміею.

«Я принялъ это начальство для содѣйствія мѣрамъ, которыя онъ положилъ и которыя совершенно благопріятны для народа.

«Республика дурно управляема въ продолженіе двухъ лѣтъ. Вы надѣялись, что мое возвращеніе положитъ конецъ столькимъ бѣдствіямъ; вы праздновали оное съ единодушіемъ, которое налагаетъ на меня обязанности, мною исполняемыя: вы исполните ваши и окажете вашему Генералу содѣйствіе съ тою силою, твердостью и довѣренностью, которыя всегда я въ васъ видѣлъ.

«Свобода, побѣда и миръ оныя поставятъ Французскую Республику на то мѣсто, которое она занимала въ Европѣ и котораго одна только неспособность или измѣна могли ее лишить.»

Между тѣмъ какъ Бонапарте говорилъ эту рѣчь своимъ войскамъ, Совѣтъ Старѣйшинъ обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ Французамъ:

«Совѣтъ Старѣйшинъ пользуется правомъ, предоставленнымъ ему 102 пунктомъ Конституціи касательно перемѣны мѣста засѣданій «Законодательнаго Корпуса.

«Онъ пользуется этимъ правомъ для того, что-

«бы возстановить внѣшній миръ, котораго требуютъ ваши продолжительныя пожертвованія и челоуѣчество.

«Онъ пользуется этимъ правомъ для того, чтобы обуздать крамолы, замышляющія поработать народное представительство,—и для того, чтобы водворить внутренній миръ.

«Всобщая безопасность, всеобщее благосостояніе—вотъ цѣль этой Конституціонной мѣры: она будетъ достигнута.

«А вы, жители Парижа, будьте покойны: въ непродолжительномъ времени присутствіе Законодательнаго Корпуса вамъ возвратится.

«Французы! послѣдствія дня сего скоро докажутъ, достоинъ ли и способенъ ли Законодательный Корпусъ приуготовлять ваше благополучіе.

«Да здравствуетъ народъ, коимъ и въ коемъ существуетъ Республика!»

При дверяхъ Совѣта и въ книжныхъ лавкахъ распространили въ великомъ числѣ разговоръ о настоящихъ дѣлахъ между членомъ Совѣта Старѣйшимъ и членомъ Пятисотнаго Совѣта. Привожу здѣсь отрывокъ онаго; ибо довольно любопытно читать нынѣ, какія рѣчи тогда владели въ уста Бонапарте.

ПЯТИСОТНЫЙ.—Между нами, однако же, любезный другъ, я боюсь посредничества Бонапарте въ этомъ дѣлѣ. Его слава, питаемое къ не-

му уваженіе, справедливая довѣренность солдатъ къ его талантамъ, а въ особенности, самыя сія таланты могутъ доставить ему страшное вліяніе на судьбу Республики. Неужели жребій свободы подвергнется его зависимости? . . . Неужели онъ будетъ Цесаремъ! . . . Кромвелемъ! . . .

СТАРЪЙШИНА.—Цесаремъ! Кромвелемъ! . . . *Плохія, обветшалыя роли, недостойныя здравомыслящаго, благонаимъреннаго чловька.* Такъ Бонапарте во многихъ случаяхъ самъ выражался. *Святотатственною мыслію было бы, сказалъ онъ однажды, посягать на представительное Правительство въ вѣкъ просвѣщенія и свободы.*—Одинъ только безумецъ, прибавилъ онъ, рѣшился бы заставить Республику проиграть закладъ противъ *Монархій Европы,* послѣ того какъ она съ такою славою и съ такими опасностями его поддерживала.

Въ день 18 Брюмера, Бонапарте приказалъ напечатать и обнародовать слѣдующее провозглашеніе къ жителямъ Парижа. Онъ такъ былъ увѣренъ въ дѣйствіяхъ Совѣта Старѣйшинъ, что продиктовалъ мнѣ его прежде чѣмъ былъ изданъ указъ, о которомъ онъ упоминаетъ.

ГРАЖДАНЕ,

«Совѣтъ Старѣйшинъ, блюститель народной «мудрости, издалъ прилагаемый при семъ указъ. Онъ уполномоченъ къ тому 102 и 103 пунктами Конституціоннаго акта.

«Онъ поручаетъ мнѣ принять мѣры для охраненія народнаго представительства. Перемѣщеніе онаго необходимо и только временно. Законодательный корпусъ будетъ имѣть возможность избавить представительство отъ неминуемой опасности, къ коей влечетъ насъ разстройство всѣхъ частей управленія.

«Онъ имѣетъ нужду, при этихъ важныхъ обстоятельствахъ, въ союзъ и въ довѣренности патріотовъ. Сберегись вокругъ него, это единственный способъ утвердить Республику на основаніяхъ гражданской свободы, внутренняго благосостоянія, побѣды и мира.»

Между тѣмъ какъ это происходило, и пока обнародывали эти воззванія, я находился въ домѣ улицы *Побѣды*, откуда не выходилъ цѣлый день. Мы съ Г-жею Бонапарте не могли не безпокоиться, и въ отсутствіе Наполеона желали бы ускорить теченіе часовъ. Я узналъ отъ нея что къ супругъ Юсифа пріѣзжалъ Адъютантъ Рапатель, посланный отъ Бонапарте и Моро къ ея мужу для приглашенія его въ Тюліери. Юсифа не было дома и Адъютантъ не могъ исполнить своего порученія. Это обстоятельство, вовсе не важное, не стоило бы здѣсь приводить, еслибъ мы чрезъ оное не возымѣли желаемыхъ нами надеждъ. Итакъ Моро былъ въ согласіи съ Наполеономъ, когда уже Рапатель пріѣзжалъ отъ имени этихъ двухъ Генераловъ! Этотъ союзъ, долгое время безнадежный, показалъ

ся намъ добрымъ признакомъ. Дѣйствительно Бонапарте свершилъ важное дѣло склонивъ на свою сторону Моро, чего не очень можно было надѣяться, ибо мы знали что Моро справедливо негодовалъ за пренебреженіе Наполеона, коего ему извѣстны были замыслы; онъ теперь содѣйствовалъ имъ, слѣдовательно онъ ихъ одобрилъ. Будучи рабомъ воинскаго чиновочитанія, онъ видѣлъ въ своемъ счастливомъ соперникѣ только начальника, назначеннаго Комиссією Старѣйшинъ. Ему приказали и онъ повиновался. Бонапарте назначилъ ему мѣсто при Люксембургѣ и начальство надъ отрядомъ, стрегущимъ Директорію; онъ принялъ эту порученность и никакое другое обстоятельство не могло столь удивительнымъ образомъ содѣйствовать исполненію видовъ Наполеона и торжеству его честолюбія. Что бы ни произошло, а Моро находился у него подъ начальствомъ; онъ повредилъ бы себѣ болѣе всѣхъ другихъ во мнѣніи непокорныхъ Директоровъ и этотъ строгій Республиканецъ имѣлъ у себя подъ стражею первыхъ сановниковъ Республики.

Наконецъ мы увидѣли возвратившагося Бонапарте, коего мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Почти все ему благопріятствовало, онъ имѣлъ дѣло только съ солдатами.

Бонапарте сказалъ мнѣ вечеромъ:

«Я навѣрное знаю, что въ эту минуту Ци-

спекторская Комиссія опредѣляетъ что должно дѣлать завтра, въ Сен-Клу; Я лучше хочу чтобы эти люди рѣшили: это льстить ихъ самолюбію. Я буду повиноваться приказаніямъ, мною же придуманнымъ.

Уже два дня какъ было опредѣлено то, о чемъ говорилъ Бонапарте. Эта Инспекторская Комиссія находилась подъ вліяніемъ сборищъ главныхъ заговорщиковъ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ тягостнаго дня, за конемъ на утро долженствовала подняться буря, Бонапарте, довольный преклоненіемъ на свою сторону Моро, — сообщилъ мнѣ о посѣщеніи Бернадота и о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ нимъ утромъ. «Я очень замѣтилъ» сказалъ онъ мнѣ, «что и тебѣ показался неприличнымъ нарядъ Бернадота. Генераль безъ мундира! это все равно, что быть въ туфляхъ. Знаешь ли что я все ему высказалъ; оно лучше. Я сказалъ ему, что Директорія его весьма ненавидима, а Конституція обветшала; что надобно все очистить и дать другой видъ Правительству; потомъ я прибавилъ: — Ноѣзжайте надѣть мундиръ; я не могу долѣе васъ ждать; вы найдете меня въ Тюліери среди всѣхъ нашихъ товарищей . . . Бернадотъ, не найдѣйтесь, ни на Моро, ни на Бѣрнонвила, ни на прочихъ Генераловъ. Когда вы лучше узнаете людей, то увидите, что они много общаются

но мало исполняютъ. Не надѣйтесь на нихъ.— Бернадотъ сказалъ мнѣ тогда, что онъ не хочетъ принимать участія въ томъ, что онъ считаетъ бунтомъ.— Бунтомъ! . . . представь себѣ, Буріеннъ! толпа съумазбродовъ; людей которые съ утра до вечера ябедничаютъ въ шалашахъ своихъ!— Все было бесполезно; я не могъ преодолѣть Бернадота: это желѣзная полоса. Я потребовалъ у него слова, что онъ ничего противъ меня не предприметь; знаешь ли что онъ отвѣчалъ мнѣ?— Конечно что нибудь необязательное. — Необязательное? . . . Какъ бы не такъ! . . . Гораздо хуже того. Онъ сказалъ мнѣ: я останусь спокоенъ какъ гражданинъ, но если Директорія прикажетъ мнѣ дѣйствовать, то я пойду противъ всѣхъ возмутителей. Но я надъ этимъ смѣюсь; мѣры мои приняты и ему не дадутъ начальства. Впрочемъ скажу тебѣ, что я совершенно успокоилъ его на счетъ послѣдствій. Натвердивъ ему о пріятностяхъ частной жизни, объ удовольствіяхъ деревни, о прелестяхъ Мальмезона и проч., я отправился. Вообще сего дня все было не дурно. Прощай, Буріеннъ, увидимъ, что будетъ завтра.»

19 числа я отправился въ Сен-Клу съ другомъ моимъ Ла Валеттомъ. Въ то время, какъ мы проѣзжали чрезъ площадь Лудовика XV, лишь Лудовика XVI, онъ спросилъ у меня, что стану дѣлать, и что я думаю о приготовляю-

щемся движеніи. Не входя ни въ какія подробности, я только сказалъ ему: *Другъ мой, мы завтра будемъ поговать въ Люксембургъ, или здѣсь кончилиъ наше поприще.* Кто могъ сказать мнѣ, которая изъ этихъ двухъ вещей случится? Успѣхъ сдѣлалъ законнымъ то, что малѣйшее обстоятельство могло бы превратить въ самое преступное покушеніе.

Засѣданіе Старѣйшинъ подѣ председательствомъ Луціана открылось въ часъ. Въ немъ довольно жарко разсуждали о положеніи вещей, объ отрѣшеніи членовъ Директоріи и о немедленномъ замѣщеніи ихъ другими. Умы разгорячились. Отчетъ, безирестанно отдаваемый Генералу Бонапарте о происходившемъ, побудилъ его войти въ залу и принять участіе въ преніяхъ. Онъ вошелъ съ грубостью и гнѣвомъ, такъ что судя по сему нельзя было благопріятно заключить о томъ, что онъ намѣривался сказать. Проходъ, по коему мы достигли до половины залы, былъ узокъ; мы обращались спиною къ дверямъ; Бонапарте имѣлъ у себя по правую руку Предсѣдателя и не могъ видѣть его прямо въ лице. Я стоялъ въ правѣ подлѣ самого Генерала: Бертье находился на лѣвой сторонѣ его.

Всѣ рѣчи, вложенныя послѣ событія въ уста Наполеона, различествуютъ между собою, это такъ и должно быть, ибо въ Совѣтъ Ста-

рѣйшинъ имъ не было произнесено никакой рѣчи, если не назвать рѣчью прерывавшагося разговора съ Предѣдателемъ; разговора не имѣвшаго въ себѣ никакого благородства и достоинства. Слышны только были слова: *Братья по оружію; искренность солдата*. Вопросы Предѣдателя слѣдовали довольно быстро одинъ за другимъ; они были ясны. Ничто не могло быть болѣе спутано и хуже изложено, какъ двусмысленные, темные отвѣты Наполеона. Онъ безъ связи упоминалъ *о вулканахъ, о скрытыхъ военіяхъ, о побѣдахъ, о нарушеніи Конституціи*; онъ даже упрекалъ въ 18 Фруктидорѣ, коего самъ онъ былъ первымъ зачинщикомъ и могущественнѣйшею опорой. Онъ объявлялъ будто бы ему ничего не было извѣстно до тѣхъ поръ, пока Совѣтъ Старѣйшинъ не призвалъ его для спасенія отечества. Потомъ слѣдовали слова *Цесарь, Королевство, . . . тиранъ . . .* Онъ нѣсколько разъ повторялъ: *лишь остается только сказать валиъ*,— и ничего не говорить. Но словамъ его, онъ былъ приглашенъ къ принятію высшаго начальства, по возвращеніи изъ Италіи, волею народа, а потомъ желаніемъ своихъ товарищей. Тутъ явились слова *свобода, равенство*, хотя всякой видѣлъ, что онъ не для нихъ пріѣхалъ въ Сен-Клу. Едва онъ произнесъ слова сн, какъ одинъ изъ членовъ Совѣта Старѣйшинъ по име-

ни, кажется, Ленгле, грубо прервалъ его, сказавъ ему: *Вы забываете Конституцію.* Тогда лице его запымало и ничего нельзя было разслушать, кромѣ словъ: 18 Фруктидора . . . 30 Преріалалицельеры кознодты я не таковъ . . . я скажу все . . . я отрекусь отъ власти, какъ только пройдетъ опасность, угрожающая Республикѣ. Вонапарте, полагая, что все эти слова приняты за чистую монету, воспріалъ нѣкоторую увѣренность и началъ обвинять двухъ Директоровъ Барраса и Мулена въ томъ, что они предлагали ему *сдѣлать его глазою партіи, долженствовавшей сразиться съ людьми, питающими свободныя понятія.*

При этихъ словахъ, нестерпимыхъ по ихъ живости, въ залѣ поднялся страшный шумъ. Громогласно требовали назначенія Комитета для выслушанія этихъ показаній. *Нѣтъ, нѣтъ,* кричали другіе, *не надобно Комитета! Заговорщики выставлены; Франція должна все слышать.*

Тогда Наполеона пригласили изложить въ подробности то, что онъ объявилъ о Баррасѣ и Муленѣ, равно какъ предложенія, ему сдѣланныя. «Вы не должны ничего скрывать.» Тогда-то эти прерыванія, эти клики, эти разспросы его смутили и онъ счелъ себя погибшимъ. Въмѣсто того чтобы объяснить сказанное имъ, онъ опять началъ обвинять кого же? Пятисотный Совѣтъ, желающій видѣть эшафоты; Рево-

люціонные Комитеты, полную Революцію. Ропоть усилился а рѣчь его сдѣлалась еще болѣе спутана и безпорядочна. Онъ обращался то къ представителямъ народа, совершенно оцѣпенѣвшимъ, то къ военнымъ, которые—находясь на дворѣ—ничего не слышали; потомъ безъ всякой связи упоминалъ о *громѣ войны*, прибавляя что ему *сопутствуютъ Богъ войны и Богъ счастья*. Предсѣдатель спокойно повторялъ ему что онъ не усматриваетъ предмета, подлежащаго разсужденію; что все сказанное имъ, неопредѣлительно: *«Изяснитесь, обнаружьте заговоры, въ которые хотѣли ввести васъ.»* Бонапарте повторилъ тоже что прежде;—и какъ все это было сказано! . . Истинно нельзя себѣ того представить, не находившись притомъ лично. Не было ни малѣйшей связи во всемъ, что онъ произносилъ запинаясь и, должно сказать, съ самою непостижимою нескладностью. Бонапарте не былъ витіею. Можно себѣ представить, что онъ болѣе привыкъ къ шуму битвъ, чѣмъ къ преніямъ совѣтовъ. Мѣсто его скорѣе было предъ батареею, чѣмъ предъ креслами Предсѣдателя Собранія.

Я замѣтилъ дурное дѣйствіе, производимое этимъ враньемъ на собраніе и постепенное смущеніе, въ которое приходилъ Бонапарте; дернувъ его за платье, я потихоньку сказалъ ему:

Видѣте Генераль, вы сами не знаете, что

вы говорите (*). Я сдѣлалъ Бертье знакъ, чтобы онъ помогъ мнѣ уговорить Наполеона выйти и вдругъ, произнеся еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, онъ оборотился, сказавъ: *Кто меня любитъ пусть идетъ за мною*. Стоявшіе у дверей часовые, безъ всякаго затрудненія его пропустили. Человѣкъ, шедшій передъ нимъ, спокойно раздвинулъ закрывавшій двери занавѣсъ и Генераль Бонапарте вскочилъ на свою лошадь, которая находилась посреди стоявшаго на дворѣ войска. По истинѣ я не знаю что произошло бы, еслибъ Предсѣдатель, увидѣвъ что Генераль выходитъ, сказалъ: *Гренадеры, не выпускайте*

(*) Я сообщилъ то, что было сказано Наполеономъ въ Советѣ Старѣйшинъ. Вотъ какъ была напечатана въ Мониторѣ эта рѣчь:

«Граждане представители, Республика погибала; вы это знали и указъ вашъ спасъ ее. Горе тѣмъ, которые желаютъ смятенія и безпорядка! Я возьму ихъ подъ «стражу съ помощью Генераловъ Лесбра, Бертье и всѣхъ моихъ братьевъ по оружію.

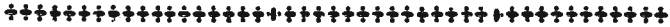
«Не должно искать въ прошедшихъ временахъ примѣровъ, которые могутъ замедлить ваши дѣйствія! ничто въ исторіи не походитъ на конецъ оснадцатаго столѣтія; ничто въ оснадцатомъ столѣтіи не походитъ на настоящую минуту.

«Мудрость ваша издала указъ сей; руки наши его исполнять.

«Мы хотимъ имѣть Республику, основанную на истинной свободѣ, на Гражданской свободѣ, на народномъ «представительствѣ; мы будемъ имѣть ее . . . клянусь, «отъ имени моего и отъ имени моихъ сподвижниковъ.»

никого отсюда. Я совершенно убѣжденъ что вмѣсто того чтобы ночевать въ Люксембургѣ, онъ кончилъ бы свою ролю на Революціонной площади.

Г Л А В А VIII.

Два совѣта.—Намѣреніе послать парочнаго.—Раздѣленіе между Директорами.—Письмо Барраса.—Бонапарте въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Извѣстія, сообщенныя Іозефинѣ.—Ложныя слухи.—Бурное засѣданіе.—Рѣчь Луціана. — Требованіе о лишеніи Наполеона покровительства законовъ. — Луціанъ оставляетъ предсѣдательство.—Окончателное отреченіе.— Возвращеніе мое къ Генералу.—Луціанъ выведенъ изъ присутствія Гренадерами.—Рѣчь Луціана къ войскамъ.—Нерѣшительность.—Театральная сцена.—Мюратъ и солдаты его въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Ночь въ Сен-Клу.—Совѣтъ тридцати.—Консульскій Комитетъ. — Указъ. — Шестьдесятъ одинъ исключенныхъ.—Сіесъ, Рожеръ Дюко и Бонапарте, Консулы.—Три часа утра.—Отъездъ изъ Сен-Клу.—Молчаніе Наполеона.—Іозефина.—Разговоръ.—Участіе, принимаемое Іозефиною въсемействъ Гойе.—Рѣшеніе, произнесенное Наполеономъ.—Перехваченное письмо.

Читатели видѣли, какое зрѣлище представило засѣданіе Совѣта Старѣйшинъ. Внаружѣ все имѣло другой видъ: едва только Бонапарте вы-

шелъ на дворъ и сѣлъ на лошадь, какъ со всѣхъ сторонъ раздались тысячекратные клики: *Да здравствуетъ Бонапарте!* но это былъ только солнечный лучъ между двумя бурями. Надобно еще было преодолѣть Пятисотный Совѣтъ, воспламененный инымъ образомъ, чѣмъ Совѣтъ Старѣйшинъ; все содѣйствовало къ поддержанію въ ономъ ужасной неизвѣстности; но нельзя уже было попятиться назадъ; дѣло сильно завязалось; надлежало на все итти; еще нѣсколько часовъ и судьба долженствовала рѣшиться.

Наши опасенія были основательны. Въ Пятисотномъ Совѣтѣ волненіе возрасло до высшей степени. Сильное безпокойство обнаруживалось въ сужденіяхъ; опредѣлили объявить Директоріи объ учрежденіи Совѣтовъ; и потребовать у Совѣта Старѣйшинъ объясненія причинъ, по коимъ было созвано чрезвычайное засѣданіе. Но Директорія уже болѣе не существовала; Сіесъ и Рожеръ Дюко взяли сторону Бонапарте; Гойе и Мулень, порученные стражѣ Моро, содержались плѣнниками въ Люксембургѣ и въ ту самую минуту, какъ Пятисотный Совѣтъ опредѣлилъ послать нарочнаго къ Директоріи, — Совѣтъ Старѣйшинъ прислалъ въ Пятисотный слѣдующее письмо, написанное Баррасомъ, и которое Предсѣдатель Луціанъ немедленно прочиталъ.

«ГРАЖДАНИНЪ ПРЕДСЪДАТЕЛЬ,

«Вступивъ въ управленіе Государственными
«дѣлами единственно по любви моей къ свобо-
«дѣ, я согласился принять участіе въ верхов-
«номъ управленіи Государства для того, чтобы
«поддержать оное въ опасностяхъ моею предан-
«ностью, дабы предохранить отъ враждебныхъ
«посягательствъ патріотовъ, оное поддержи-
«вающихъ и дабы оказать защитникамъ отече-
«ства попеченія, которыя могли быть имъ ока-
«заны только гражданиномъ, давно видѣвшимъ
«ихъ геройскія добродѣтели и всегда чув-
«ствительнымъ къ ихъ нуждамъ.

«Слава, сопутствующая возвращенію знаме-
«нитаго воина, коему я имѣлъ счастье открыть
«иприще славы,—знаки великой довѣренности,
«оказываемые ему Законодательнымъ Корпусомъ
«и опредѣленіе Народнаго Конвента, убѣдили
«меня въ томъ, что куда бы ни призвали его
«отнынѣ общественныя выгоды, а опасности,
«угрожающія свободѣ, будутъ устранены, и вы-
«годы арміи обеспечены.

«Съ радостью вступаю въ ряды простыхъ
«гражданъ считая себя счастливымъ, что послѣ
«столькихъ бурь могу вручить въ цѣлости и въ
«большемъ, чѣмъ когда либо уваженіи, судьбу
«Республики, въ охраненіи коей я участвовалъ.»

«Поклонъ и почтеніе.

БАРРАСЪ.»

Письмо сіе, сообщенное Совѣтомъ Старѣйшинъ Пятисотному, произвело въ этомъ послѣднемъ великое волненіе. Потребовали вторичнаго прочтенія онаго. Разсуждали, добровольно ли Баррасъ сложилъ съ себя должность, или это было плодомъ козней и вліянія агентовъ Наполеона; слѣдовало ли вѣрить Баррасу, что угрожающія свободѣ опасности устранены, или указу о перемѣщеніи Совѣтовъ, изданному и исполненному подъ предлогомъ великой опасности. Въ эту минуту является Бонапарте въ сопровожденіи Гренадеровъ, остановившихся у дверей залы.

Я не былъ съ нимъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ; онъ поручилъ мнѣ извѣстить съ нарочнымъ жену его, что она можетъ быть покойна и что все кончится къ лучшему. Я присоединился къ Наполеону уже послѣ. Однакожь, не ручаясь за происшедшее съ такою же увѣрительностью, какъ будто бы я самъ былъ очевидцемъ, не колеблюсь думать и сказать, что должно причестъ къ самымъ грубымъ выдумкамъ все, что было говорено о насильственныхъ средствахъ и о мнимыхъ кинжалахъ. Я долженъ основываться на томъ, что мнѣ сказали въ тотъ же вечеръ достойные вѣроятія люди, бывшіе свидѣтелями засѣданія Пятисотнаго Совѣта.

Что касается до слуховъ, распространенныхъ тогда и въ послѣдствіи, — рассказы измѣнялись

сообразно съ мнѣніями. Говорять, будто бы при видѣ вооруженныхъ людей, поднялся общій крикъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались слова: *Святѣня законовъ нарушена, долой тирана, долой Кромвеля, долой Диктатора. Чего хочетъ этотъ дерзновенный?* И множество другихъ, подобныхъ сему восклицаній. Бонапарте покусился было произнестъ нѣсколько словъ, подобно какъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ; но голосъ его мгновенно былъ заглушенъ почти всеобщими восклицаніями: *Да здравствуетъ Республика! Да здравствуетъ Конституція! Лишите Диктатора покровительства законовъ!* Сказываютъ, будто бы Гренадеры поспѣшно двинулись впередъ, закричавъ: *Спасемъ нашего Генерала!* что при этихъ словахъ, негодованіе достигло высшей степени и самые запальчивые клики возобновились; что Бонапарте, упавъ почти безъ памяти въ руки Гренадеровъ, вскричалъ: *Меня хотѣли убить!*—Я вѣрю крику, угрозамъ, брани; но тѣмъ охотиѣ причисляю къ баснямъ эти книжалы, эти огнестрѣльные оружія, которыми, по рассказамъ, были вооружены члены Пятисотнаго Совѣта, и это вторженіе Гренадеровъ противъ ихъ буйства,—что Бонапарте ни слова не упомянулъ ни о томъ, ни дорогою, ни дома. Онъ также ничего не сказалъ и женѣ своей, которая была въ живѣйшемъ безпокойствѣ отъ извѣстій, ею полученныхъ.

По выходѣ Бонапарте изъ Пятисотнаго Совѣта, сужденія продолжали быть весьма бурными. Смятеніе, произведенное внезапнымъ входомъ Бонапарте, нисколько еще не прекращалось и многіе дѣлали самыя яростныя предложенія. Предсѣдатель Луціанъ всячески старался успокоить собраніе.

Какъ только сдѣлалось возможнымъ заставить себя выслушать: «Происшедшее въ Совѣтѣ движеніе,» сказалъ онъ, «доказываетъ, что у всѣхъ на сердцѣ, тоже что и у меня самого.

«Весьма однакоже естественно думать, что поступокъ Генерала не имѣлъ другой цѣли кромѣ той, чтобы отдать отчетъ о положеніи дѣлъ, о какомъ нибудь общественномъ предметѣ; но полагаю, что во всякомъ случаѣ никто изъ васъ не предположитъ въ немъ противныхъ свободѣ замысловъ.»

За каждымъ словомъ Луціана кричали: *Бонапарте погубилъ свою славу! Онъ безгосподитъ Республику, мы предаемъ его проклятію!*

Луціанъ дѣлаетъ новыя усилія, чтобы заставить себя выслушать; онъ хочетъ говорить, какъ простой членъ Совѣта и для сего передаетъ предсѣдательство Шазалю; онъ требуетъ чтобы Генераль былъ опять введенъ и хладнокровно выслушанъ; но смятеніе, причиненное присутствіемъ Наполеона, волновало еще собраніе и

предложеніе Луціана не было принято. Крикъ: *Лишите Бонапарте покровительства законовъ!* господствовалъ въ собраніи и былъ единственнымъ отвѣтомъ, сдѣланнымъ Предсѣдателю. Тогда-то Луціанъ, сдѣлавшись опять Предсѣдателемъ, вторично сошелъ со своихъ креселъ, дабы не быть принужденнымъ самому подвергать балтировку лишеніе покровительства законовъ своего брата. Не взирая на ярость собранія, онъ входитъ на кафедру, отрекается отъ предсѣдательства, равно какъ отъ званія депутата и слагаетъ съ себя наружные знаки своего званія.

Въ ту самую минуту какъ Луціанъ вышелъ изъ собранія, я воротился къ мѣсту дѣйствія. Бонапарте, извѣщенный о происшедшемъ въ Совѣтѣ, послалъ солдатъ на помощь къ своему брату: они исторгли его изъ средины палаты и Бонапарте считалъ важнымъ имѣть при себѣ Предсѣдателя Собранія, которое съ той поры онъ призналъ мятежнымъ. Луціанъ воспріялъ свою должность Предсѣдателя; но уже верхомъ предъ войскомъ, а не на своихъ креслахъ. Онъ тотчасъ сѣлъ на лошадь, будучи окруженъ преданнымъ, готовымъ на все войскомъ. Вдохновенный опасностью, коей подвергался братъ его и самъ онъ,—Луціанъ съ яростью произнесъ слѣдующія слова, которыя нельзя довольно часто повторять для доказательства на что

дерзаль челоуѣкъ, который не былъ ничѣмъ, кромѣ блеска, коимъ озарялъ его брать его.

«Граждане, солдаты,

«Предсѣдатель Пятисотнаго Совѣта объявляе-
«етъ вамъ, что большинство голосовъ Совѣта
«находится въ сію минуту подъ вліяніемъ ужа-
«са, производимаго нѣсколькими народными пред-
«ставителями съ кинжалами, которые осажда-
«ютъ кафедру, грозятъ смертью своимъ сочле-
«намъ и дѣлаютъ самыя ужасныя предложенія.

«Объявляю вамъ, что эти дерзновенные раз-
«бойники, конечно, получающіе деньги отъ Ан-
«глии,—взбунтовались противъ Совѣта Старѣй-
«шинъ и даже осмѣлились упомянуть о лише-
«ніи покровительства законовъ Генерала, коему
«было поручено исполненіе его указа; какъ буд-
«то бы мы находились еще въ то ужасное вре-
«мя ихъ владычества, когда слово: *лишить по-*
«*кровительства законовъ*, было достаточно для
«того, чтобы надали драгоценнѣшій для отече-
«ства головы.

«Объявляю вамъ, что эти немногіе буяны, ли-
«шили себя самихъ покровительства законовъ,
«чрезъ свои посягательства противъ свободы се-
«го Совѣта. Именемъ народа, который столь-
«ко лѣтъ уже служить игрушкою этихъ жал-
«кихъ сыновъ ужаса, — вѣрляю воинамъ попе-
«ченіе освободить своихъ представителей, да-
«бы избавясь чрезъ штыки отъ кинжаловъ, они

«могли разсуждать о жребіи Республики.

«Генераль, и вы солдаты, и вы граждане, не признавайте законодателями никого кромѣ тѣхъ, которые придуть ко мнѣ; тѣхъ же, которые останутся въ оранжереѣ, да изгнать сила! Эти «разбойники не суть болѣе представители народа, но *представители кинжала*. Пусть это «названіе при нихъ останется и повсюду ихъ «преслѣдуетъ! . . . когдаже они дерзнуть явиться предъ народъ, то даукажутъ на нихъ всѣ «переты подъ этимъ, заслуженнымъ ими именемъ представителей кинжала! . . .

«Да здравствуетъ Республика!»

Не смотря на крики: *да здравствуетъ Бонапарте!* послѣдовавшіе за этою рѣчью, нерѣшительность въ войскѣ продолжалась. Колебались въ томъ, чтобы обратить оружіе противъ народныхъ представителей. Тогда Луціанъ, обнаживъ свою шпагу, воскликнулъ: *«Клянусь пролить грудь моего роднаго брата, если онъ когда либо посленетъ на свободу Французовъ!»* Это драматическое движеніе имѣло полный успѣхъ; при свѣхъ словахъ нерѣшимость разсѣялась и, по данному Наполеономъ знаку, Мюрать съ Гренадерами ворвался въ залу и выгналъ изъ оной представителей. Всѣ были принуждены уступитъ убѣжденію штыковъ и этимъ ограничилось употребленіе вооруженной силы въ сей знаменитый день.

Въ десять часовъ вечера, величайшее спокойствіе царствовало въ Сен-Клудскомъ Дворцѣ, гдѣ произошло столько бурныхъ сценъ. Всѣ депутаты тамъ остались блуждая по залѣ, по коридорамъ и по дворамъ; большая часть изъ нихъ имѣли видъ смущенный, другіе по расчету старались показывать удовольствіе, но всѣ горѣли желаніемъ возвратиться въ Парижъ, чего они не могли сдѣлать прежде, чѣмъ новый указъ не отмѣнитъ указа о ихъ перемѣщеніи.

Въ одиннадцать часовъ вечера Бонапарте, который въ теченіе цѣлаго дня ничего еще не дѣлалъ, но который былъ почти нечувствителенъ къ физическимъ нуждамъ въ минуты сильнаго волненія, сказалъ мнѣ: «Садись, Буріеннъ и пиши. Я сегодня же вечеромъ долженъ сдѣлать воззваніе къ жителямъ Парижа. Завтра при пробужденіи его я буду занимать всю столицу.» Тогда онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее воззваніе, которое доказываетъ не менѣе иныхъ донесеній изъ Египта, сколь Бонапарте былъ искусенъ въ томъ, чтобы искажать истину въ свою пользу.

19 Брюмера, въ одиннадцать часовъ вечера.

«По возвращеніи моемъ въ Парижъ, я нацѣль раздоръ во всѣхъ властяхъ и согласіе, основывавшіяся на той только истинѣ, что «Конституція въ половину разрушена и что ничѣмъ нельзя спасти свободу!»

«Всѣ партіи обратились ко мнѣ, ввѣрили мнѣ свои намѣренія и открыли мнѣ свои тайны, спрося моей помощи: я отказался сдѣлаться участникомъ какой либо партіи.

«Совѣтъ Старѣйшинъ призвалъ меня. Я отвѣтствовалъ на призывъ его. Планъ всеобщаго преобразованія былъ придуманъ людьми, въ коихъ народъ привыкъ видѣть защитниковъ свободы, равенства и собственности. Планъ сей требовалъ разсмотрѣнія хладнокровнаго, свободнаго, изъятаго отъ всякаго вліянія, отъ всякаго страха. Въ слѣдствіе сего Совѣтъ Старѣйшинъ, рѣшился на перемѣщеніе Законодательнаго Корпуса въ Сен - Клу; съ поручилъ мнѣ распоряженіе силами, необходимыми для его независимости. Я счелъ себя обязаннымъ своимъ согражданамъ, солдатамъ погибающимъ въ нашихъ арміяхъ и народной славѣ, пріобрѣтенной цѣною ихъ крови, — принять это начальство.

«Совѣты собрались въ Сен - Клу; Республиканскія войска стерегли внѣшнее пространство, оныя окружающее; но убійцы произвели ужасъ внутри оныхъ. Многіе члены Пятисотнаго Совѣта, вооруженные кинжалами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, угрожали смертию всему, ихъ окружающему.

«Планы, которые слѣдовало представить, утѣснены, большинство голосовъ разстроено, са-

«мые непоколебимые ораторы приведены въ «смущеніе, и бесполезность всякаго благоразумнаго предложенія стала очевидною.

«Я изложилъ скорбь мою и негодованіе Совѣту Старѣйшинъ; просилъ его обеспечить исполненіе великодушныхъ его намѣреній; представилъ ему бѣдствія отечества, побудившія его «принять оныя; онъ присоединяется ко мнѣ новыми доказательствами своей постоянной воли.

«Я предстаю предъ Пятисотный Совѣтъ «одинъ, безъ оружія, съ непокровенною главою, «подобно какъ я предсталъ предъ Старѣйшинъ, «которые приняли меня и одобрили; я предсталъ съ тѣмъ, чтобы обратить къ большинству голосовъ волю его и удостовѣрить оный «въ его могущество.

«Кинжалы, угрожавшіе Депутатамъ, тотчасъ «поднялись на ихъ освободителя: двадцать убійць бросаются на меня и ищутъ моей груди; «Гренадеры Законодательнаго Корпуса, которыхъ «я оставилъ у дверейъ залы, прибѣгаютъ и становятся между убійцами и мною. Одинъ изъ «этихъ храбрыхъ Гренадеровъ, Томе(*), пораженъ «кинжаломъ, прошившимъ его одежду. Они меня выносятъ.

«Въ тоже мгновеніе крикъ, *лишитъ покро-*

[*] Томе только оторвалъ кусокъ воротника одинъ изъ Депутатовъ, взявшій его за воротъ; вотъ чѣмъ ограничились всѣ убійства 19 Брюмера.

«вительства законовъ, раздается противъ того, «который защищалъ законы. Это былъ свирѣпый крикъ убійць противъ силы, назначенной для ихъ обузданія.

«Они тѣснятся вокругъ Предсѣдателя съ угрозами на устахъ; съ оружіемъ въ рукахъ повелеваютъ ему опредѣлить лишеніе покровительства законовъ. Меня объ этомъ извѣщаютъ. «Я приказываю исторгнуть его у ихъ ярости «и шесть Гренадеровъ Законодательнаго Корпуса берутъ его подъ свою защиту. Тотчасъ послѣ сего Гренадеры Законодательнаго Корпуса, «входятъ приступомъ въ залу и очищаютъ «оную.

«Устрашенные бунтовщики разбѣгаются. Члены, составляющіе большинство голосовъ, избавясь отъ ихъ ударовъ, свободно и мирно «входятъ въ залу засѣданій, выслушиваютъ «предложенія, клонящіяся къ обеспеченію общественнаго благосостоянія, разсуждаютъ и «приготавливаютъ спасительное распоряженіе, «долженствующее содѣлаться новымъ, временнымъ закономъ Республики.

«Французы! вы конечно въ этомъ поведеніи «признаете ревность солдата свободы, гражданина преданнаго Республикѣ. Блустительныя, «охранительныя, свободныя понятія воспріями «права свои чрезъ разсѣянiе угнетавшихъ Советы бунтовщиковъ, которые — сдѣлавшись еще

«болѣе ненавистными, не престаи быть презрительными.»

День былъ проведенъ въ ниспроверженіи стараго Правительства—надобно было посвятить ночь на учрежденіе новаго. Гг. Талейрапъ, Рёдереръ и Сіесъ, находились въ Сен-Клу. Совѣтъ Старѣйшинъ собрался и Луціанъ началъ отыскивать нѣсколькихъ членовъ Пятисотнаго Совѣта, на которыхъ можно было положиться; ему удалось собрать только тридцать человекъ, которые со своимъ Предсѣдателемъ, сдѣлались представителями многочисленнаго собранія, къ коему они принадлежали. Эта тѣнь представительства была необходима, ибо Бонапартъ, не взирая на противозаконныя дѣйствія предъидущаго дня, хотѣлъ для вида показать, что онъ поступаетъ законно. Совѣтъ Старѣйшинъ между тѣмъ опредѣлилъ составить Временную Исполнительную Комиссію изъ трехъ членовъ и готовился уже назначить оныхъ, что принадлежало власти Пятисотнаго Совѣта,—какъ въ самое это время Луціанъ объявилъ Наполеону, что онъ не могъ собрать свою палату.

Тогда Пятисотный Совѣтъ, составленный только изъ тридцати человекъ, по крайности обстоятельствъ, издалъ опредѣленіе, коего вотъ первый пунктъ:

«Нѣтъ болѣе Директоріи; и не суть болѣе члены народнаго представительства, за буйства и посяга-

тельства, ими произведенныя, а въ особенности въ засѣданіе сего утра, нижепоименованныя:

Андре.
 Арена.
 Бальи.
 Бергасъ Лазируль.
 Бертранъ.
 Бейтсъ.
 Бягонне.
 Бленъ.
 Буасье.
 Борда.
 Бувіе.
 Буле-Патъ.
 Брише.
 Брію.
 Бришъ.
 Карреръ-Лагаріеръ.
 Шальмель.
 Ситаделла.
 Коломбсль.
 Коостапъ.
 Димартиемли.
 Доберменль.
 Дельбрель.
 Деморъ.
 Дезе.
 Дестремъ.
 Дошъ-Демль.
 Дюплантъ.
 Фризонъ.
 Гаро.
 Гастенъ.
 Горапъ.
 Гупилю.
 Гранмезонъ.
 Гроскасащъ-Доримонъ.

Гездонъ.
Гоноре-Деклеркъ.
Гуссе.
Жуберъ.
Жуанпъ.
Журденъ.
Журданъ.
Лоранъ.
Леклеркъ-Шеперь.
Лего.
Лесаажъ-Сено.
Летуриё.
Лейрисъ.
Маркези.
Менторъ.
Монпелье.
Моро.
Филиппъ.
Портъ.
Пульенъ-Грашпре.
Прюдошъ.
Киро.
Сульге.
Стевенотъ.
Тало.
Трюкъ.

Другими статьями того же указа, Совѣтъ учредилъ временную Комиссію, такую какъ оную намѣревался учредить Совѣтъ Старѣйшинъ, опредѣливъ, что оная будетъ состоять изъ трехъ членовъ, что члены сіи примуть титуль Консуловъ Республики,—и наименовалъ Консулами Сіеса, Рожера Дюко и Бонапарте. Остальная часть распоряженій почнаго Сен-Клудскаго указа заключала въ себѣ разныя

установленія. Это ночное засѣданіе было очень смирно, да и трудно бы сему быть иначе; ибо нельзя было опасаться сопротивленія отъ членовъ, которые согласились присоединиться къ Луціану; всѣ напередъ знали, что имъ должно дѣлать. Въ три часа утра, все было кончено и Сен-Клудскій замокъ, столь накапунѣ съ полудня шумный, воспріялъ свою обыкновенную тишину и представлялъ обширное заустѣніе.

Вся эта ходьба взадъ и впередъ, посылка къ разнымъ лицамъ записокъ, и разговоры, которые я принужденъ былъ имѣть, не позволили мнѣ обѣдать раньше втораго часа ночи. Тогда только, Бонапартѣ, отправясь въ Пятисотный Совѣтъ, присягать на званіе Консула, далъ мнѣ время идти отужинать съ Адмираломъ Брюи и нѣкоторыми Офицерами.

Въ три часа утра я сѣлъ съ Наполеономъ въ карету и мы возвратились въ Парижъ. Бонапартѣ былъ чрезвычайно утомленъ послѣ столькихъ заботъ и трудовъ; новая будущность передъ нимъ открывалась; онъ совершенно углубился въ размышленія и въ продолженіе дороги, не сказалъ мнѣ ни слова. По по прибытіи домой въ улицу Побѣды, вошедъ въ свою комнату и повидавшись съ женою, которая была уже въ постель, очень беспокоясь о томъ, что онъ не возвращается,—Наполеонъ сказалъ мнѣ при ней: *«Вуріеннъ, такъ я много погово-*

риль глупостей.—Не дурно Генераль.—Я лучше люблю говорить съ солдатами, чѣмъ съ законниками. Эти скоты меня озадачили. Я не привыкъ къ собраніямъ; но этосо временемъ пріобрѣтется.

Тогда мы всѣ трое начали разговаривать; Г-жа Бонапарте успокоилась и Наполеонъ воспріялъ всю свою беззаботность. Происшествія того дня сдѣлались естественнымъ образомъ содержаніемъ нашего разговора. Иозефина, очень любившая семейство Гойе, съ участіемъ произнесла имя этого Директора: «*Чтожъ мнѣ дѣлать, другъ мой,*» сказалъ онъ, *я не виноватъ. За чѣмъ онъ не согласился? Онъ человекъ хорошій, но слишкомъ простъ. Онъ меня не понимаетъ! . . . По настоящему его слѣдовало бы сослать. Онъ писалъ противъ меня въ Совѣтъ Старшійшинъ; но письмо его у меня, а въ Совѣтъ не дошло. Бѣдняга! . . . онъ вчера ждалъ меня къ себѣ объѣдать! . . . и эти люди считаютъ себя государственными мужами! . . . Не будемъ говорить объ немъ болѣе.*

Въ этомъ ночномъ разговорѣ, имя Бернадота было еще разъ произнесено: «Видѣлъ ли ты его Буріеннъ?» спросилъ у меня Бонапарте.—«Нѣтъ Генераль. — Ни я также; объ немъ и не слышать. Вообрази себѣ, что я узналъ сегодня много домогательствъ, у него сдѣланныхъ. Повѣришь ли ты, онъ требовалъ не меньше какъ

того, чтобы сдѣлаться моимъ товарищемъ въ начальствѣ? Онъ говорилъ, что сядетъ на лошадь и пойдетъ съ войсками, которыя отдадутъ въ его распоряженіе; желая, по словамъ его, поддержать Конституцію. Еще больше того, меня увѣряли, будто бы онъ дерзнулъ прибавить, что если встрѣтится необходимость лишить меня покровительства законовъ, то онъ явится и что есть солдаты, способные исполнить этотъ указъ. — Все это, Генераль, должно дать вамъ понятіе о строгости его правилъ. — Да! понимаю, . . . тутъ что нибудь да есть . . . Онъ дѣйствуетъ искренно, ибо безъ его упрямства братья мои успѣли бы склонить его; они въ родствѣ между собою; жена его, сволченица Юсифа, имѣетъ надъ нимъ власть; я самъ . . . Наконецъ, спрашиваю тебя, не довольно ли я старался расположить его къ себѣ? Ты самъ былъ свидѣтелемъ. Моро, коего военная слава гораздо выше, тотчасъ явился. Впрочемъ, я раскаиваюсь въ томъ, что немного поласкалъ Бернадота; а потому постараюсь удалить отъ него всѣ партіи такъ, чтобы не было толковъ. Я не могу инымъ образомъ отомстить ему; Юсифъ его любитъ и всѣ противъ меня возстанутъ. Ахъ, какая глупость эти семейныя отношенія! . . . Прощай, Буріенш! . . . Кстати, мы завтра будемъ почевать въ Люксембургъ.»

Тогда я разстался съ Генераломъ, котораго впредь слѣдуетъ уже называть Первымъ Консуломъ, пробывъ при немъ безотлучно около сутокъ, за исключеніемъ того времени, которое онъ былъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ; и наконецъ возвратился къ себѣ домой въ *Мартельскую* улицу въ пять часовъ утра.

Достоверно, что Гойе сдѣлался бы однимъ изъ членовъ Правительства, еслибъ онъ пріѣхалъ утромъ 18 Брюмера на завтракъ, къ которому пригласила его Г-жа Бонапарте; но Гойе представилъ изъ себя строгаго Республиканца; осѣдлалъ, какъ говорится въ просторѣчїи, Конституцію III года и какъ она славно низринулась, то и онъ полетѣлъ съ нею. Гойе точно написалъ, вмѣстѣ съ Муленомъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ слѣдующее письмо:

«ГРАЖДАНЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ,

«Великое злодѣяніе свершилось и безъ сомнѣнія это только предвѣстникъ другихъ, еще большихъ злодѣяній. Директорскій дворецъ преданъ военной силѣ; народные сановники, коимъ вы ввѣрили исполнительную власть, содержатся въ эту минуту подъ стражею тѣми, надъ коими они сами должны бы имѣть право властвовать.

«Преступленіе ихъ состоитъ въ томъ, что они постоянно держались непоколебимой рѣшительности исполнять священныя обязанно-

сти, возложенныя на нихъ вашею довѣренностью, равно какъ въ томъ, что они съ негодованіемъ отвергли предложеніе покинуть бразды правленія, которыя намѣреваются исторгнуть изъ рукъ ихъ и отказались проситься въ отставку.

«Нынѣ, представители Французскаго народа, должно объявить Республику въ опасности, должно защитить ее. Каковъ бы ни былъ жребій, врагами оной намъ предназначаемый, а мы клянемся въ вѣрности ей, Конституціи III года и народному представительству.

«Да не будутъ наши клятвы послѣднимъ кликомъ умирающей свободы.

«Два Директора, плѣненные во дворцѣ ихъ:
«Подписано: *МУЛЕНЪ; ГОЙЕ* (Предсѣдатель.)»

Странное обстоятельство воспрепятствовало двумъ Директорамъ Гойе и Мулену защищать ихъ дражайшую Конституцію. Изъ благоговѣнія къ ней они допустили ее умереть; ибо для спасенія оной, слѣдовало бы нарушить статью, запрещающую Директорамъ совѣщаться иначе какъ въ числѣ трехъ. Такимъ образомъ одинъ Кастильскій Король сторѣлъ отъ того, что въ комнатѣ не нашлось человѣка довольно высокаго чина для того, чтобы придворный уставъ дозволилъ ему коснуться особы Короля.

Г Л А В А IX.

Истина, противопоставленная лести.—Краснорѣчіе Бонапарте.— Звучныя слова.—Всеобщее одобреніе 18 Брюмера.— Дурное управленіе.— Государственная казна.— Щедрость Г. Колло.— Неблагодарность Наполеона.— Освобожденіе Гойе.— Бонапарте въ Люксембургѣ.— Конституція VIII года.— Сенатъ.— Трибунатъ.— Государственный Совѣтъ.— Потребованныя Наполеономъ замѣчанія.— Любовь къ чести и къ талантамъ.— Сила привычки.— Ненависть къ Трибунату.— Первое Консульское Министерство.— Посредственность Лапласа.— Списокъ сосланныхъ.— Донесеніе Камбассереса.— Г. Моро де Вормсъ.— Сіесь-Кассандра.— Г. Моро у Бонапарте.— Надпись на лбу у Сіеса.— Деньги и идеологія.— Покой Наполеона въ Люксембургѣ.— Распредѣленіе дѣя.— Обычныя посѣтители.— Спротивленіе Лебрёна.— Фальшивый голосъ Наполеона.— Мелочныя привычки.— Г-жа Бонапарте.— Г. Талейранъ.— Республикацы и титулы.—

Ничего нѣтъ труднѣе какъ доставить торжество истинѣ, когда ей слѣдуетъ сражаться съ

укоренившимися заблужденіями. Таково затрудненіе, въ которомъ я нахожусь; все сказанное мною о дняхъ 18 и 19 Брюмера, есть сущая истина; я говорю о томъ, что я видѣлъ; рассказываю то, что я слышалъ; но какъ согласить эту позднюю истину со столькими ложными показаніями? Какъ уничтожить ихъ съ того мѣста, которое они уже захватили въ исторіи? Чудная страсть историковъ! Взявъ себѣ кого либо въ герои, они устраняютъ отъ него все слабости, свойственныя человечеству; надѣляютъ его въ продолженіе могущества и послѣ смерти всеми добродѣтелями, всеми талантами, всеми качествами: подобно феямъ, которыя по мнѣнію нашихъ добрыхъ предковъ, присутствую при рожденіи Государей, одаряли ихъ всеми совершенствами. За чѣмъ желать, чтобы великій Полководецъ былъ и великимъ витіею? Первый на полѣ битвы, неужели необходимо долженъ быть и первымъ на кафедрѣ? Утверждали и теперь еще утверждаютъ будто бы Бонапарте являлъ краснорѣчіе Цицерона предъ высокими собраніемъ, могшимъ располагать его жребіемъ; пламеннымъ поклонникамъ его нужно, чтобы онъ дѣйствовалъ съ такимъ же присутвіемъ духа посреди Депутатовъ, хотѣвшихъ лишить его покровительства законовъ, какъ и предъ легіонами, которые онъ столько разъ водилъ къ побѣдѣ; и если онъ получилъ

посредственное образованіе на счетъ всего, относящагося къ искусству слова, то искусство сіе вдругъ сообщилось ему въ ту минуту, какъ имъ овладѣло самое сильное безпокойство! Описывая засѣданіе 19 Брюмера въ Совѣтъ Старѣйшинъ, Г. Гурго говоритъ: *Были минуты, въ которыя онъ говорилъ какъ богъ—и другія, въ которыя онъ выражался, какъ самый простой смертный.* Половина этого справедлива; но я былъ притомъ и могу увѣрить, что я не слышалъ говорящаго Бога.

Могу ли я ошибаться нынѣ на счетъ этихъ происшествій, мною описываемыхъ? Они не изъ числа тѣхъ, которыя не долго остаются въ памяти скоро изглаживаясь изъ оной. То, что я теперь рассказываю, я рассказывалъ на другой же день многимъ; я тогда же это записалъ и невѣроятно, чтобы на бумагѣ могло измѣниться, тогда сѣ вѣренное. Въ послѣдствіи я часто говорилъ въ тѣхъ же выраженіяхъ всѣмъ непредубѣжденнымъ людямъ, которые спрашивали у меня о подробностяхъ Сен - Клудскаго происшествія. Мнѣ конечно жаль, что я нахожусь въ противорѣчій со всѣми; но не могу рѣшиться быть льстецомъ великаго человека, приписывая ему краснорѣчіе, котораго онъ не имѣлъ;—мѣсто, занятое имъ въ исторіи, довольно знаменито для того, чтобы не имѣть нужды прибѣгать къ хитростямъ лести. Виро-

чемъ читатели уже видѣли и еще увидятъ, что если я возстановляю истину тогда какъ Наполеону приписываютъ незаслуженныя похвалы, то я исполняю туже обязанность и съ бѣльшимъ удовольствіемъ, когда дѣло идетъ объ опроверженіи клеветы, которой онъ былъ предметомъ. Бонапарте не сдѣлалъ жестокаго поступка въ Яффѣ, но онъ записался, *заикался* въ Пятистотномъ Совѣтѣ. (*) Притомъ же, что нужды до словъ его; дѣла его извѣстны: краснорѣчіе штыковъ, преодолѣло силу самыхъ витіеватыхъ возгласовъ; на другой день онъ тѣмъ не менѣе былъ главою Республики, а въ послѣдствіи Императоромъ Французовъ.

Безъ сомнѣнія можно оспорить законность дѣйствій 18 Брюмера; но кто осмѣлится сказать что непосредственная развязка дня сего не должна считаться великимъ благополучіемъ для Франціи. Дабы отвергать сіе, должно было не имѣть ни малѣйшаго понятія о печальномъ положеніи всѣхъ отраслей управленія въ эту бѣдственную эпоху. Пусть сколько угодно расточаютъ звучныхъ словъ: *угнетеніе предста-*

(*) Въ послѣдствіи моихъ Записокъ читатели увидятъ, что болѣе привыкшій къ шуму лагерей, чѣмъ къ гулу гражданскихъ распрей, Бонапарте никогда не приобрѣлъ способности хорошо говорить предъ собраніемъ, кромѣ какъ своимъ солдатамъ. Рѣчь его 24 Марта 1811 года въ Коммерческой Палатѣ, которую я приведу въ своемъ мѣстѣ, подтвердитъ это мое показаніе.

вительства, нарушение Конституціи, военное самоуправство, похищеніе власти, выслужившіяся солдаты и проч., а тѣмъ не уничтожаютъ того что Франція привѣтствовала почти единогласно восшествіе Наполеона въ Консульскій Санъ какъ милость Провидѣнія. Я не описываю здѣсь дальнѣйшихъ послѣдствій сего событія, а говорю только о самомъ событіи и о его первыхъ дѣйствіяхъ какъ то объ отменѣ закона заложниковъ и насильственнаго займа въ сто миліоновъ. Немногіе порицали 18 Брюмера; никто не жалѣлъ о Директоріи, исключая можетъ быть самихъ пяти Директоровъ. Но не будемъ болѣе говорить о Директорскомъ Правительствѣ; какое управленіе! въ какомъ положеніи находились финансы Франціи! Повѣрятъ ли мнѣ? На другой день своего Консульства, Бонапарте хотѣлъ послать курьера къ Генералу Шампюнине, Главнокомандующему Италіанскою арміею; и въ казначействѣ не нашли на лицо *тысячи двухъ сотъ франковъ* для этой издержки.

Можно себѣ представить что въ эти первые минуты новаго Правительства нужны были деньги. Г. Колло, который съ похвалою служилъ при Бонапарте въ Италіи, былъ однимъ изъ первыхъ, явившихся къ Консулу на помощь. Г. Колло оказалъ при семъ столько же услужливости какъ и безкорыстія: онъ далъ ему пятьсотъ тысячъ франковъ золотомъ; по

дурно былъ за это награжденъ. Бонапарте поступилъ въ послѣдствіи съ Г-мъ Колло, такъ какъ будто бы онъ желалъ наказать его за богатство. Сумма сія, доставившая такъ кетати пособіе Консульской казнѣ, была ему отдана очень поздно, послѣ многихъ затрудненій и безъ всякихъ процентовъ. Не въ одинъ этотъ разъ Г. Колло имѣлъ причины жаловаться на Бонапарте, который никогда не призналъ его важныхъ услугъ и даже не хотѣлъ отдать должной справедливости его поведенію и усердію.

20 Брюмера утромъ, Первый Консулъ послалъ брата своего Лудовика къ отрѣшенному Директору Гойе объявить ему, что онъ свободенъ. Эта заботливость была не безъ причины, ибо Бонапарте очень хотѣлось водвориться въ Люксембургъ и мы въ тотъ же вечеръ туда отправились.

Все должно было создать. Бонапарте имѣлъ на своей сторонѣ почти всю армію, на которую онъ могъ положиться; но военной силы ему уже было недостаточно, и онъ хотѣлъ имѣть большую гражданскую власть, законно учрежденную. Онъ немедленно занялся составленіемъ Сената, Трибуната, Государственного Совѣта и новаго Законодательнаго Корпуса, однимъ словомъ—составленіемъ новой Конституціи. (*)

(*) Конституція VIII года была представлена 13 Декабря 1799

Бонапарте, не имѣвъ еще времени узнать людей, долженствовавшихъ окружить его,—потребовалъ отъ самыхъ значительныхъ сановниковъ того времени, наиболѣе знавшихъ Францію и Революцію, замѣчаній о людяхъ, достойныхъ и способныхъ вступить какъ въ Сенатъ, такъ въ Трибунатъ и въ Государственный Совѣтъ. Эти замѣчанія, которыя будутъ ниже помѣщены, даютъ поводъ думать, что люди, составившіе оныя, полагали согласоваться съ его образомъ мыслей, воображая что онъ раздѣляетъ мнѣнія, вообще тогда существовавшія. Одобрительными правами представленныхъ кандидатовъ, выставлены: ихъ патріотизмъ, ихъ

[92 Фримера VIII года] и принята народомъ 7 Февраля 1800.

Ею учреждено Консульское правленіе, составленное изъ Бонапарте, Перваго Консула, назначеннаго на десять лѣтъ; изъ Камбассереса, Втораго Консула, назначеннаго также на десять лѣтъ; и изъ Лебрёна, Третьяго Консула, назначеннаго на пять лѣтъ. Она основала Блостительный Сенатъ, Законодательный Корпусъ изъ 500 членовъ и Трибунатъ изъ 100 членовъ. [Трибунатъ сей былъ уменьшенъ до 50 членовъ 4 Августа 1802 и уничтоженъ 19 Августа 1807]. Конституція, состоявшая изъ 9 статей, раздѣлялась на 7 Главъ, а именно: 1. О городскихъ правахъ; 2. О Блостительномъ Сенатѣ; 3. О законодательной власти; 4. О правительствѣ; 5. О присутственныхъ мѣстахъ; 6. Объ ответственности служащихъ чиновниковъ и 7. Общія распоряженія.

Учрежденіе Государственнаго Совѣта произошло 24 Декабря 1799.

Открытіе новаго Законодательнаго Корпуса и Трибуната, было назначено 1 Генваря 1800.

любовь къ Республиканству и къ свободѣ и занятіе ими мѣсть при прежнему Правительствѣ.

Изъ всѣхъ качествъ то, которое наиболѣе имѣло вліянія на выборъ Перваго Консула, была строгая честность (*); и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи онъ рѣдко ошибался. Прежде всего онъ требовалъ талантовъ и хотъ не любилъ людей Революціи, но не полагалъ возможнымъ обойтись безъ нихъ. Онъ питалъ чрезвычайное отвращеніе къ посредственности и отвергалъ посредственнаго чловѣка, вновь ему представляемаго; но если онъ давно его зналъ, то уступалъ силѣ привычки, не страшась ничего столько, какъ перемѣны и какъ онъ самъ говорилъ, *новыхъ лицъ*.

И такъ Бонапарте собирался учредить снисходительный Сенатъ, нѣмой Законодательный Корпусъ и Трибунатъ, который бы имѣлъ видъ независимости съ помощью нѣсколькихъ витiatedыхъ рѣчей и звучныхъ выраженій. Онъ до-

(*) По назначеніи Камбассереса Консуломъ, надобно было замѣнить его кѣмъ нибудь по званію Министра Юстиціи. Бонапарте избралъ Абріаля, умершаго недавно Перомъ Франціи. Онъ только что окончилъ чрезвычайное порученіе въ Неаполь, а передъ тѣмъ былъ Коммисаромъ Правительства при апелляціонномъ Судѣ. Вручая ему Портфель, Бонапарте сказалъ: «Гражданинъ Абріаль, я васъ не знаю; но мнѣ сказали, что вы честнѣйшій чловѣкъ изъ всѣхъ сановниковъ, а потому я и назначаю васъ Министромъ Юстиціи.»

вольно показавъ снисходительности при назначеніи Сенаторовъ; но не то было относительно Трибуната. Онъ долго колебался прежде опредѣленія членовъ въ эту палату, которая внушала ему преждевременныя опасенія; не смотря на то однакоже, достигнувъ владычества, онъ не посмѣлъ отказать требованіямъ той эпохи и согласился на время, успокоить этимъ обманутыхъ честолюбцевъ, которые жужжали ему на уши о высокихъ чувствахъ свободы. Онъ полагалъ, что обстоятельства не благопріятны для воспрепятствованія введенію въ Конституцію этой третьей власти, предназначаемой по видимому для того, чтобы ходатайствовать предъ Законодательнымъ Корпусомъ о пользахъ народа; но уступивъ необходимости, онъ не смотря на то, при одной мысли о Трибунатѣ выходилъ изъ терпѣнія; и говоря вообще, Бонапарте не терпѣлъ всенародныхъ преній о проэктахъ законовъ.

Бонапарте составилъ первое Консульское Министерство изъ Бертье—по части военной; Годена, управлявшаго почтами,—по Финансамъ; Комбассереса, по Юстиціи, гдѣ онъ уже находился; Форфе, по морской части; Лапласа по внутреннимъ дѣламъ; Фуше по Полиціи; и Рейнгарда по внѣшнимъ дѣламъ.

Рейнгардъ и Лапласъ скоро были замѣнены—первый искуснымъ Г-мъ Талейраномъ, а по-

слѣдній Луціаномъ (*). Луціанъ, такъ сказать, только прошелъ чрезъ Министерство для достиженія своего выгоднаго посольства въ Испанію. Что касается до Лапласа, то Бонапарте всегда имѣлъ весьма высокое понятіе о его талантахъ и назначеніе его Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, было уваженіемъ, оказаннымъ наукамъ. По правдѣ сказать, Первый Консулъ скоро раскаялся въ этомъ выборѣ; Лапласъ, столь благопріятно созданный для наукъ, обнаружилъ въ управленіи Министерствомъ неимовѣрную посредственность; онъ былъ неспособенъ къ самымъ незначительнымъ вѣщамъ, какъ будто бы умъ его, сотворенный для того, чтобы обнимать систему міра и объяснять законы Ньютона и Кеплера, не въ состояніи былъ унизиться до мелочныхъ подробностей и до занятій, требуемыхъ мѣстомъ, которое онъ занималъ столь короткое время и столь неудачно.

26 Брюмера (17 Ноября 1799 года) Консульская Коммисія издала слѣдующее опредѣленіе:

«Консулы Республики, во исполненіе 3 ста-

(*) Когда я разстался съ Первымъ Консуломъ, то Г. Тамейранъ занималъ еще должность Министра Вѣнскихъ Дѣлъ. Я часто присутствовалъ при совѣщаніяхъ сего великаго Государственнаго мужа съ Первымъ Консуломъ и истина обязываетъ меня объявить, что я никогда не слыхалъ его льстившаго ему въ его честолюбивыхъ мечтахъ, которыя, напротивъ того, онъ всегда старался направить къ истиннымъ его пользамъ.

тъи закона 19 числа сего мѣсяца, поручающей имъ непосредственное попеченіе о возстановленіи внутрсиннаго спокойствія, опредѣляютъ:

Статья 1-я. Ниженменованные:

Дестремъ.
Арена.
Маркези.
Трюкъ.
Феликсъ Лешелье.
Карль Гессъ.
Сципионъ дю Руръ.
Гаши.
Массаръ.
Фурни.
Жиро.
Фике.
Башъ.
Бойе.
Вапгекъ.
Мишель.
Жорри.
Бругъ Менье.
Маршанъ.
Габріель.
Мамень.
Сабатіе.
Клемансъ.
Марле.
Журдѣль.
Метжъ.
Мургуанъ.
Коршанъ.
Меньанъ.
Гапрію.
Лебуа.
Сулави.

Дюбрёль.
 Дидье.
 Ламберте.
 Д'Обиши.
 Ксавье.
 Одушъ.

Выѣдутъ изъ владѣній Республики на твердой землѣ и для сего отправятся въ Рошфоръ, а оттуда будутъ отвезены въ заключеніе во Французскую Гвіану.

Статья 2-я. Нижеименованные:

Бріо.
 Антопелъ.
 Лашевардіеръ.
 Пуленъ-Гранпре.
 Гранмезонъ.
 Тало.
 Кipro.
 д'Обермениль.
 Фризонъ.
 Де Клеркъ.
 Журдаиъ.
 Лссажъ-Сено.
 Прюдонъ.
 Грокассанъ.
 Доримошъ.
 Гедонъ.
 Жюліенъ де Тулузь.
 Сантопа.
 Тилли.
 Стевенотъ.
 Гастень.
 Бувіе.
 Делбре.

Обязываются отправиться въ приходъ Ла-

Рошель, въ Департаментъ Нижней Шаранты, для содержанія въ томъ мѣстѣ сего Департамента, которое будетъ назначено Министромъ Полиціи.

Эта ссылка, отъ которой я имѣлъ счастье избавить Г. Моро де Вормса, произвела дурное дѣйствіе. Въ ней увидѣли неумѣстную строгость, противную увѣреніямъ въ кротости и въ умѣренности, даннымъ 19 Брюмера. Камбассересъ представилъ докладъ, изложивъ въ ономъ что бесполезно, для обеспечения спокойствія подвергать осужденныхъ ссылкѣ, считая достаточнымъ помѣстить ихъ подъ надзоръ Главной Полиціи. Въ слѣдствіе доклада Камбассереса, Консульская Коммисія сдѣлала слѣдующія распоряженія:

«Консулы Республики, внявъ представленію «Министра Юстиціи, какъ относительно обнаруженія указа 18 и закона 19 Брюмера, такъ «и на счетъ мѣръ безопасности, предписанныхъ «постановленіемъ 26 Брюмера, опредѣляютъ:

«Что лица, которія согласно съ 1-ю статьею, «обязаны были выѣхать изъ твердой земли Рес- «публики и тѣ, коимъ предписывалось отпра- «виться въ Департаментъ Нижней Шаранты, «отдаются подъ надзоръ Министра Главной По- «лиціи Они поѣдутъ въ округи, назна- «ченные имъ симъ Министромъ и останутся «тамъ впредь до приказанія.

«Въ слѣдствіе сего имъ предписывается лв-

«ляться въ мѣстныя правленія въ тѣ сроки, когда отъ Министра Полиціи опредѣлено будетъ.»

Въ эпоху изданія этихъ опредѣленій, Сіесъ былъ еще членомъ Консульской Коммисіи вмѣстѣ съ Бонапарте и съ Рожеромъ Дюко. Хотя Наполеонъ въ сущестѣ, съ перваго дня завладѣль всею Коммисіею, но между ими царствовали еще родъ наружнаго равенства. Только 25 Декабря Бонапарте принялъ титулъ Перваго Консула, присовокупивъ къ себѣ Камбассереса и Лебрёна. Уже съ 18 Брюмера онъ обратилъ на нихъ взоры и въ послѣдствіи не имѣлъ причины упрекать ихъ въ томъ, чтобы они много препятствовали ему въ возрастающемъ стремленіи его къ Императорскому престолу.

Выше упомянуто, что я былъ довольно счастливъ для того, чтобы выключить изъ списка изгнанниковъ Г-на Моро де Вормса; черезъ несколько дней послѣ сего Сіесъ, вошедъ въ кабинетъ Бонапарте, сказалъ ему: *Ну вотъ этотъ Моро де Вормсъ, котораго Господинъ Буріенишъ уговорилъ васъ избавить отъ ссылки; онъ нѣтъ славныхъ дѣлъ! . . . я васъ объ немъ предупредилъ. Я получилъ изъ Сина, его родины письмо, въ которомъ меня уведомляютъ, что Г. Моро находится въ этомъ городѣ, что онъ собралъ народъ на площади и произносилъ самыя буйныя рѣчи противъ 18 Брюмера.* — *Утѣрены ли вы въ вашихъ агентахъ?—* Совер-

иенно; и ругаюсь за истину того, что лишь донесено. Бонапарте, показавъ мнѣ донесеніе агента Сіеса, началъ жестоко меня упрекать. «А что бы вы сказали, Генераль, возразилъ я ему, «еслибъ этого самаго Моро де Вормса, который охуждаетъ въ Сантъ 18-е Брюмера, я представилъ вамъ черезъ часъ?—Быть не можетъ.—Я поручился вамъ за него и зналъ что дѣлаю; онъ человекъ пылкій, но благородный и неспособный измѣнить своему слову.—Увидимъ; съѣзди за нимъ. Я очень былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ; ибо не прошло еще часа какъ я видѣлъ Г. Моро де Вормса; онъ скрывался съ 19 Брюмера и не выѣзжалъ изъ Парижа. Посему его очень легко было отыскать и черезъ три четверти часа, онъ находился уже въ Люксембургѣ. Я представилъ его Наполеону, который долго разговаривалъ съ нимъ о 18 Брюмерѣ. По уходѣ Г. Моро: «Ты правъ! сказалъ мнѣ Бонапарте. Этотъ глупый Сіесъ легковѣренъ какъ Кассандра. Это доказываетъ, что не должно тотчасъ вѣрить доносеніямъ негодлеву, которыхъ мы принуждены употреблять въ Полиціи. Потомъ онъ прибавилъ: Скажи пожалуйста, Буріеннъ, твой Моро не дуракъ; онъ лишь довольно по мыслилъ и я что нибудь для него сдѣлаю.

Г. Моро не долго ждалъ дѣйствій благопріятнаго къ нему расположенія Перваго Консула.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по моей просьбѣ онъ далъ Г. Моро мѣсто съ десятью тысячами франковъ жалованья. Отъ чего часто зависитъ судьба человѣка! Что касается до Сіеса, то въ сношеніяхъ, по правдѣ сказать не многочисленныхъ, которыя я съ нимъ имѣлъ,—онъ показался мнѣ гораздо ниже той великой славы, которою онъ тогда пользовался (*). Онъ слѣпо вѣрилъ множеству агентовъ, повсюду имъ разсылаемыхъ. Когда мнѣ случалось, съ такою же очевидностью, какъ въ дѣлѣ Г. Моро, доказывать ему лживость ихъ донесеній, то онъ отвѣчалъ мнѣ со смѣшною увѣренностью: *Я увѣренъ въ моихъ людяхъ.* У Сіеса всегда было какъ будто написано на лбу: *Дайте мнѣ денегъ!* Мнѣ помнится, что я сдѣлалъ когда-то въ присутствіи Перваго Консула это замѣчаніе о просителѣмъ лицѣ Сіеса. «*Это правда,*» отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, «*когда дѣло идетъ о деньгахъ, то Сіесъ очень положительный и перестаетъ умствовать. Это даетъ возможность управлять имъ. Онъ лег-*

(*) Это мнѣніе о Сіесѣ давно уже питаетъ Г. Талейранъ, умбющій хорошо судить о людяхъ и котораго прекрасныя изреченія заслуживаютъ быть помѣщенными въ исторіи. Однажды въ разговорѣ о Сіесѣ со вторымъ Консуломъ, Камбассересъ сказалъ ему: «Однакожъ Сіесъ человѣкъ очень глубокомысленный.—Глубокомысленный? . . . Развѣ пустой, очень пустой, хотите вы сказать.

ко покидаетъ свои мечты о Конституціяхъ за порядочную сумму. Это довольно удобно (*).

Самыя важныя дѣйствія Консульства произошли не изъ Люксембургскаго кабинета, кромѣ попытки войти въ переговоры съ Англіею, которая будетъ описана мною въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Вдохновенный пребываніемъ въ Тюліери, Бонапарте уже тамъ началъ дѣйствовать какъ Государь, не имѣвъ еще сего сана.

Въ Люксембургѣ, по учрежденіи Консульскаго правленія, главное занятіе Бонапарте состояло въ томъ, чтобы искать денегъ; ибо деньги всё еще считаются главнымъ движителемъ дѣлъ, не смотря на то, что Махіавель, въ своихъ *Декладахъ Тита Ливія*, посвятилъ цѣлую главу для доказательства противнаго.—Въ этоже время производилась весьма дѣятельная переписка съ нѣкоторыми Иностранными Державами для склоненія ихъ къ миру, дабы съ бѣльшею увѣренностью напасть на прочія.

Бонапарте занималъ въ маломъ Люксембургѣ комнаты нижняго этажа на право съ приѣзда

(*) Весьма извѣстно, что Сіссъ не иначе согласился сложить съ себя Консульское достоинство, какъ получивъ въ замѣну того прекрасную мѣду въ Версальскомъ паркѣ, доставившую ему 15,000 ливровъ дохода. Добрый Аббать утѣшился въ томъ, что онъ уже не участникъ Республиканскаго правленія, прогуливаясь у себя въ помѣстьѣ, принадлежавшемъ прежде нашимъ Королямъ.

изъ Вожирарской улицы. Подлѣ кабинета его находилась потайная лѣстница вверхъ къ Іозефинѣ. Я жилъ надъ нею.

Послѣ завтрака, подаваемого въ десять часовъ утра, Бонапарте разговаривалъ нѣсколько минутъ съ обыкновенными своими собесѣдниками, то есть со своими Адъютантами, съ приглашаемыми имъ особами и со мною, никогда съ нимъ не разстававшимся. Онъ также довольно часто принималъ къ себѣ Дефермона, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, Буле, Монжа и Берлье. Братья его Іосифъ и Луціанъ были въ числѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ съ наибольшимъ удовольствіемъ; онъ дружески съ ними разговаривалъ. Камбассересъ часто прѣзжалъ около полудня и долго оставался съ нимъ, иногда по цѣлому часу. Лебрёнъ рѣдко бывалъ у него; этотъ человекъ, ксого добродѣтель никогда не измѣнялась, казался ему слишкомъ умѣреннымъ, потому что онъ всегда обнаруживалъ сопротивленіе честолюбивымъ видамъ Перваго Консула и замысламъ его о захваченіи власти.—Вставъ изъ за стола и пожелавъ добраго утра Іозефинѣ и дочери ея Гортензій, рѣдко случалось, чтобы Бонапарте не прибавлялъ: *«Пойдемъ, Буриеннъ, пойдемъ работать.»*

Послѣ утренняго пріема, оставшись съ Наполеономъ я читалъ ему, или писалъ съ его словъ или онъ ходилъ въ Совѣтъ, что бывало три

или четыре раза въ недѣлю. Дабы дойти до залы засѣданій Наполеонъ долженъ былъ переходить черезъ дворъ Малаго Люксембурга и подниматься по большой лѣстницѣ; это всегда его очень сердило, тѣмъ болѣе что погода тогда была весьма дурна. Досада сія продолжилась до 25 Декабря и онъ весьма былъ доволенъ когда отъ нея избавился. Вышедъ изъ Совѣта, онъ возвращался въ кабинетъ напѣвая, и притомъ очень фальшиво. Онъ разсматривалъ то что приказалъ изготавить, подписывалъ нѣсколько бумагъ, растягивался въ креслахъ, читалъ полученныя паканунѣ бумаги и новыя сочиненія. Когда не было Совѣта, то онъ оставался въ своемъ кабинетѣ, разговаривалъ со мною, продолжалъ пѣть, рѣзалъ по привычкѣ ручку у своихъ кресель, походилъ иногда на большаго ребенка; потомъ, вдругъ какъ бы очнувшись, начертывалъ планъ какого либо памятника или диктовалъ огромныя вещи, изумившія и устрашившія свѣтъ. Онъ часто становился тѣмъ человѣкомъ, который подъ стѣнами Сен-Жанъ д'Акры мечталъ о царствѣ, достойномъ его честолюбія.

Обѣдали въ пять часовъ. Послѣ обѣда, Первый Консуль отправлялся вверхъ къ Іозефинѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ посѣщенія Министровъ и всегда съ удовольствіемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ особенно съ тѣхъ поръ,

какъ портфель сего Департамента былъ врученъ Г. Талейрану. Въ полночь а часто и ранѣе, онъ подавалъ знакъ расходиться, сказавъ вдругъ: *Пойдемъ спать.*

Въ Люксембургѣ, въ залахъ гдѣ съ такимъ приличіемъ умѣла принимать милая Іозефина, вошло опять въ употребленіе слово *Madame*. Этотъ первый возвратъ къ старинной Французской вѣжливости, раздражилъ нѣкоторыхъ пламенныхъ Республиканцевъ, по титулы Сіятельства и Свѣтлости скоро ихъ утѣшилиц.

Г Л А В А X.

Приверженцы Революціи и Бурбоновъ. — Опасенія Наполеона. — Свѣдѣнія о разныхъ лицахъ. — Выборъ Префекта Полиціи. — Кандидаты въ Сенатъ. — Кандидаты въ Трибунатъ и въ Государственный Совѣтъ. — Замѣчанія Реню. — Замѣчанія Луціана. — Собственнооручныя отъѣтки Наполеона. —

Если съ одной стороны, Бонапарте не любилъ приверженцевъ Революціи, то съ другой, онъ еще болѣе опасался тѣхъ, которые усердствовали Бурбонамъ. Одно имя этихъ Принцевъ возбуждало въ немъ тайный страхъ и онъ часто говорилъ мнѣ о необходимости воздвигнуть желѣзную стѣну между Франціею и ими. Конечно сему должно приписать нѣкоторыя назначенія и свойство нѣкоторыхъ одобреній, содержащихся въ помѣщенныхъ ниже замѣчаніяхъ; въ послѣдствіи увидать, какого онъ былъ

мнѣнія о цареубійцахъ; но въ эти первыя времена, чѣмъ кто усерднѣе участвовалъ въ Революціи, тѣмъ болѣе онъ представлялъ собою ручательствъ противъ возвращенія прежняго порядка вещей; притомъ же Бонапарте былъ не такой человекъ, чтобы внимать какимъ бы то ни было отношеніямъ, тогда какъ говорила его политика.

Въ первомъ свидѣніи не означено мѣста, на которое Кандидаты представлялись; но очевидно было, что дѣло шло о назначеніи Префекта Полиціи.

Алькье. — Бывшій членомъ Конституціоннаго Собранія, Предсѣдателемъ Уголовнаго Суда Сены и Оаза, членомъ Конвента и посланникомъ; а теперь главный сборщикъ податей въ Сенѣи Оазѣ.

Трудно имѣть болѣе ума, утонченнѣе сметливости, болѣе благолюбія.

Онъ очень знаетъ людей и дѣла Революціи.

Онъ знаетъ Парижъ.

И что теперь бы ни говорили, а онъ управлялъ Полиціею при Комонѣ, котораго онъ былъ искреннимъ другомъ и неразлучнымъ совѣтникомъ.

Его упрекаютъ:

Въ большой лѣности; онъ боится труда, но умѣетъ заставлять другихъ *работать*; легкое соображеніе и вѣрный взглядъ, избавляютъ его

отъ необходимости продолжительнаго занятія.

Онъ большой *трусъ*; бездѣлица его пугаетъ и въ минуту опасности, сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ сохранить полное присутствіе духа.

Его не упрекають ни въ одномъ поступкѣ по нахожденію его какъ въ Конвентѣ, такъ и въ Конституціонномъ Собраніи.

Онъ заслужилъ себѣ добрую и блистательную славу въ Конституціонномъ Собраніи.

Вступивъ въ Конвентъ, онъ заблаговременно угадалъ долженствовавшія произойти буйства и съ тѣхъ поръ осудилъ себя къ молчанію.

Назначенный въ Комитетъ Общей Безопасности, коего онъ сначала былъ Предсѣдателемъ, онъ озабочился только сохраненіемъ головы своей и ушелъ въ томъ.

Будучи послѣ Термидора посланъ въ Голландію, онъ велъ себя съ приличіемъ и осторожностью, заставивъ себя тамъ любить и уважать.

Посланный въ Мюнхенъ, онъ одинъ только доставлялъ основательныя свѣдѣнія Директоріи; но совѣты его были пренебрежены.

Алькѣ патриотъ.

Но въ обществѣ онъ прикрываетъ себя завѣсою и иногда кажется просить извиненія въ участіи, принятомъ имъ въ Революціи, коей онъ любитъ истинныя правила и изящный духъ.

ДЕПЕРЕ.— Бывшій Главный Надзиратель Ассигнацій.

Это мѣсто, которое онъ учредилъ и занималъ съ большимъ талантомъ и безкорыстіемъ, привело его въ необходимость учредить бдительную и повсемѣстную полицію, для надзора за поддѣлывающими ассигнаціями. Онъ показалъ большое искусство и благоразуміе.

Онъ чрезвычайно дѣятеленъ и важенъ для дѣлъ своихъ.

Онъ совершенно знаетъ людей и дѣла Революціи; а еще лучше того знаетъ Парижъ.

Онъ прошелъ чрезъ Революцію, не заслуживъ никакого упрека.

Слава его есть одна изъ тѣхъ, которыя не устраниаютъ ни которую партію: онъ ненавидитъ пылкія, преувеличенныя партіи.

Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ нѣсколько молодъ; но упрекъ сей не сдѣлаетъ никакого вліянія на умъ того, кому я представляю эти замѣчанія.

РЁДЕРЕРЬ.—Онъ извѣстенъ; таланты его извѣстны и слава его утверждена. Объ партіи: Роялисты и патриоты, жестоко укоряютъ его за поведеніе его 10 Августа. Исторія это разсудитъ.

Его обвиняютъ въ томъ, что онъ способствовалъ противодѣйствию своимъ журналомъ.

Онъ бы отмѣнно управлять дѣлами; но можетъ статья испугать бы нѣкоторыхъ людей.

РЕНЮ ДЕ СЕН - ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ. Таланты его и способности извѣстны.

Онъ долго жилъ въ Революцію и привязанный къ оной, былъ обвиняемъ въ связяхъ съ аристократіею гостиныхъ.

Патріоты помнятъ Вандеміеръ и онъ былъ тогда однимъ изъ начальниковъ возмущившихся Частей города.

Не могу скрыть, что слава его устрашаетъ патріотовъ, которые съ нимъ не сблизались.

ДЮБУА. Бывшій судья, а нынѣ членъ Центральной Конторы.

Дѣятель и неутомимъ.

Пламенный другъ твердаго порядка.

Другъ свободы.

Совершенно знаетъ Парижъ.

Бывъ долгое время Комисаромъ, онъ доказалъ на этомъ мѣстѣ, что онъ могъ бы сдѣлать въ другомъ, высшемъ званіи.

ЛОМБАРЪ-ТОРАДО.— Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія.

Вероятно, что всякій, прочитавшій эти замѣчанія и имѣющій довѣренность къ тому, кто ихъ представилъ, наименовалъ бы Префектомъ Полиціи Г. Дюбуа. Такъ и случилось.

Слѣдующія три ноты писаны рукою Сен-Жанъ д' Анжели.

ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНАХЪ СОВѢТА.

ЛАМАРКЪ. — Бывшій членъ Конвента. Много талантовъ и строгая честность: онъ считается нѣсколько пылкимъ патріотомъ, но въ существѣ, онъ чрезвычайно разсудителенъ. Въ Революцію онъ не вдался ни въ какія крайности. Онъ былъ плѣнникомъ Австріи въ продолженіе Революціоннаго правленія.

БЕРЛЪЕ. — Бывшій членъ Конвента. Съ большимъ запасомъ законодательныхъ свѣдѣній, онъ соединяетъ драгоцѣнный талантъ ясности, которою умѣетъ озарять пренія. Трудолюбивъ, честенъ и кроткихъ свойствъ.

ЕЩАССЕРЮ старшій. — Бывшій членъ Конвента. Патріотъ съ талантами. Въ продолженіе Революціонныхъ бурь, онъ всегда хорошо исполнялъ свои обязанности, не предаваясь никакой партіи.

ФРАНСЕ. (Изъ Нанта). Писатель съ талантомъ; онъ всегда пользовался большимъ уваженіемъ; но имѣетъ слабый характеръ.

БЕРГАССЪ-ЛАЗИРУЛЬ. — Онъ былъ членомъ Конституціоннаго Собранія; обладаетъ талантами, патріотъ, но безъ преувеличеній. Онъ имѣетъ враговъ между членами Пятисотнаго Совѣта

потому что онъ подалъ донесеніе, въ слѣдствіе коего Трелиаръ былъ отрѣшенъ изъ Директоріи. Это одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ своемъ Департаментѣ.

КЕРВЕЛЕГАНЪ. — Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія и Конвента. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ знаменитомъ посольствѣ, бывшей Бретани, коимъ началась Революція. Лишенный покровительства законовъ послѣ 31 Маія, какъ членъ Комитета общей Защиты, онъ вошелъ въ Конвентъ съ семидесятью тремя и, вовсе не помышляя объ отмщеніи своимъ не-пріятелямъ, отлично велъ себя въ эпохи 13 Вандеміера и 18 Фруктидора.

ГЕРТО-ЛАМЕРВИЛЬ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія. Соединяетъ съ многими талантами, здравыя понятія о дѣлахъ Правительства.

ЖУБЕРЪ.— Провіантмейстеръ. Патриотъ, со свѣдѣніями, съ большимъ прямушіемъ и съ кроткимъ характеромъ.

ПЕТИЕ. — Извѣстенъ своими талантами и правилами.

ПОНЪ (изъ Вердена). — Бывшій членъ Конвента. Почти во все время существованія Конвента, онъ былъ членомъ Законодательнаго Комитета. Къ большимъ познаніямъ, онъ присоединяетъ кротость и пріятность характера.

Онъ съ выгодной стороны извѣстенъ по литературѣ.

ЖАРЪ-ШАНВИЛЬЕ.— Бывшій членъ Конвента. Республиканецъ съ талантами, холодного характера и умѣренный во мнѣніяхъ.

ЛАКЮЕ.— Извѣстенъ своими талантами, средствами и приверженностью къ Республиканству.

ПУЛЕНЪ-ГРАНПРЕ.— Бывшій членъ Конвента: трудолюбивый Республиканецъ. Онъ всегда считался умѣреннымъ и преданнымъ Директоріи; въ последнее время, онъ перешелъ на противную оной сторону, дабы оправдать себя въ упрекъ, что онъ слишкомъ приверженъ къ Директоріи.

ПИЗОНЪ ДЮ ГАЛАНЪ.— Бывшій членъ Конвента. Свѣдѣнія его и большая привычка къ занятіямъ, доставляютъ ему способы къ законодательству.

ПЕРРИЕ. — Имѣеть таланты, патріотизмъ и склонность къ трудолюбію.

ЖАКЪ. Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія. Республиканецъ очень тихій и одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ Гардскаго Департамента.

ТЕКСЬЕ ОЛИВИЕ.— Республиканецъ; имѣеть таланты и очень спокойнаго характера.

ШАЛЬМЕЛЬ.— Просвѣщенный, умный Республиканецъ. Онъ попалъ въ число изгнанниковъ

19 Брюмера, хотя и находился нѣсколько уже дней въ отпуску.

ЖЕНИССІЕ. — Бывшій членомъ Конвента и Министромъ Юстиціи. Трудолюбивъ и еслибъ имъ менѣе обладала страсть говорить, то онъ могъ бы быть хорошимъ законодателемъ.

МАНСОРЪ. — Имѣеть познанія, любитъ трудиться и весьма кроткаго характера.

ВИТЕ. — Бывшій членъ Конвента, Ліонскій врачъ, отлично знающій свое ремесло; приверженецъ Революціи.

ГИШАРЪ. — Молодой человекъ очень тихій, соединяющій съ великими познаніями большую скромность.

МОНПЕЛЬЕ. — Соединяетъ съ познаніями, большой умъ и разсудительность.

АНДРІЁ. — Членъ Національнаго Института. Очень тихаго и очень умѣреннаго характера.

ПЕРРЕНЪ. — Умный Республиканецъ съ большими талантами; пишетъ съ большою силою и ясностью.

ЧЛЕНЫ СОВѢТА СТАРЪЙШИИЪ.

ЛАМУА. — Членъ Законодательнаго Собранія и бывшій членъ Конвента. Имѣеть большую способность къ занятіямъ и добрую волю; патриотъ умный, и обладающій простотою нравовъ.

ГУРДАШЪ. — Бывшій членъ Конституціонна-

го Собранія и Конвента. Рѣшительный патриотъ, весьма правдолюбивый; онъ пользовался во всѣхъ собраніяхъ большимъ уваженіемъ.

ДЕ ДЕ.ІЕ Д' АЖЪЕ.— Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, чрезвычайно трудолюбивый. Обладаетъ большими познаніями, касательно финансовъ и земледѣлія: умный патриотъ, пользующійся почтеніемъ и уваженіемъ всѣхъ тѣхъ, которые его знаютъ. Человѣкъ дѣйствительно драгоценный во всѣхъ отношеніяхъ.

УДО. — Бывшій членъ Конвента: онъ почти все время былъ членомъ Законодательнаго Комитета. Скромный, умный, простой въ своихъ нравахъ и съ большими талантами.

МОНЕТИ. — Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, соединяющій нѣкоторые таланты съ мудрымъ, чистымъ патриотизмомъ: нравы простыя, безъ честолюбія.

САВАРИ. — Умный Республиканецъ, съ познаніями и усердный.

ДЮБУА-ДЮБЕ. — Бывшій членъ Конвента: усердный Республиканецъ, съ талантами и съ характеромъ.

ДЕКОМБЕРУСЬ. — Съ большими способностями, трудолюбивый, не любящій козней и неподкупный.

МОНМЕЙУ. — Бывшій членъ Конвента. Усер-

днѣй Республиканецъ, простой въ обхожденіи, чистосердечный и безкорыстный.

ВЕРНЬЕ. — Бывшій членъ Коституціоннаго Собранія. Имѣеть таланты, склоненъ къ занятіямъ и чрезвычайно кроткаго характера. Лѣта нѣсколько ослабили его нравственныя качества.

ГЮМАРЬ.— Бывшій членъ Конвента. Характера спокойнаго и которому большой навѣкъ въ дѣлахъ сообщилъ познанія.

З А П И С К А

О НѢКОТОРЫХЪ ГРАЖДАНАХЪ, НЕ НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ СОВѢТАХЪ.

БЕЛЬВИЛЬ.— Бывшій Консуломъ въ Ливорнѣ, а потомъ Консуломъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Генуѣ. Мало есть людей, столь способныхъ писать и столь прилежныхъ къ работѣ. Онъ патріотъ, великодушень по характеру, и никогда не бывъ главнымъ начальникомъ, чрезвычайно покорень. Къ этимъ выгодамъ присоединяетъ онъ и ту, что не былъ слишкомъ выставленъ въ продолженіе Революціи. Черезъ сіе онъ, такъ сказать, не принадлежитъ ни къ какой партіи и ни при какихъ обстоятельствахъ не должно опасаться, что онъ пристанетъ къ шайкѣ, кото-

рая бы имѣла цѣлью ниспроверженіе Правительства.

Онъ способенъ (рѣдкая вещь со времени Революціи) сохранять чувство благодарности къ тѣмъ, которые его одолжили.

ЕЙМАРЪ. — Бывшій членомъ Конституціоннаго Собранія и посланникомъ въ Туринъ. Имѣетъ таланты и держится Республиканскихъ правилъ; скромнаго, умѣреннаго характера. Никогда не будетъ принадлежать ни къ какой партіи.

РИКАРЪ. — Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: неимѣетъ недостатка въ талантахъ: патриотъ и надежный человекъ.

ГРЕГУАРЪ. — Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія и Конвента, Конституціонный Епископъ Блуасскій. Таланты его какъ писателя и ревность къ Республиканству извѣстны. Онъ пользуется истиннымъ уваженіемъ между Конституціонными священниками и считается какъ бы Папою ихъ.

Онъ можетъ много содѣйствовать къ преклоненію на сторону правительства присягнувшихъ священниковъ, которые чтобы ни говорили, а имѣютъ много вѣсу въ Республикѣ и которыхъ можно бы во всякомъ случаѣ, противопоставить изувѣрному духовенству. Притомъ же онъ честенъ и безкорыстенъ превыше всякихъ похвалъ: онъ членъ Института.

ПЛАСТРЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія и Конвента. Онъ вышелъ въ Преріаль мѣсяць изъ послѣдняго Совѣта Старшійшииъ. Можно положиться на его честность и усердіе къ Республиканству; непріатели его никогда не могли ни въ чемъ упрекнуть его кромѣ слишкомъ большой привязанности къ другу его Ларевеліеру.

ЖОМЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія, а теперь Ліонскій купецъ. Имѣеть свѣдѣнія по части торговли: патріотъ весьма кроткихъ свойствъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Избирая между бывшими членами Конституціоннаго Собранія, должно остерегаться Орлеанской партіи, которая не есть химера и которая можетъ иькогда сдѣлаться опасною.

Достоверно, что приверженцы этого дома втайнѣ устронвають козни. Между многими сего доказательствами, вотъ одно разительное. Журналь, называемый *Аристархоль*, открыто проповѣдывающій правила Роялизма, издается Войделемъ, бывшимъ членомъ Конституціоннаго Собранія и однимъ изъ самыхъ буйныхъ патріотовъ въ началѣ Революціи. Онъ былъ иьсколько мѣсяцевъ Предсѣдателемъ Слѣдственнаго Комитета, который взялъ подъ стражу Маркиза де Фавраса и такъ встревожилъ Дворъ.

Во всемъ Конституціонномъ Собраніи не было чловѣка, болѣе ненавистнаго Двору какъ Войдель, какъ по его буйнымъ понятіямъ, такъ и по связямъ его съ Герцогомъ Орлеанскимъ, коста онъ былъ стряпчимъ и совѣтникомъ.

Когда Герцогъ Орлеанскій былъ задержанъ, то Войдель, презрѣвъ ярость Революціонныхъ судилищъ, имѣлъ смѣлость защищать его и обтѣнить стѣны Парижа длинною афишкою, заключавшею въ себѣ похвалу Герцогу и двумъ сыновьямъ его. Этотъ чловѣкъ, пишущій теперь въ пользу Монархіи, не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ той чтобы видѣть на престолѣ одного изъ членовъ Орлеанской отрасли.

КАНДИДАТЫ ВЪ БЛОСТИТЕЛЬСІЙ СЕНАТЪ.

1. Сіесъ.
- 2 Рожеръ Дюко.
3. Ле Турнёръ де ла Маншь, бывшій Директоръ.

4. Рёдереръ. 5. Вольней. 6. Ласепедъ. 7. Монжъ. 8. Бертолетъ. 9. Фуркруа.	}	Члены Института.

10. Лебрёнъ. 11. Л. 12. Крете.	}	Отличные члены Совѣта Старшійшинъ, обладающіе въ высшей степени талантами, познаніями и опытностью.

15. Корнуде.	}	Члены Совета Старейшинъ весьма уважаемые ихъ товарищами; показавше въ важныхъ случаяхъ мужество и привязанность къ своимъ правиламъ.
14. Корне.		

15. Ренъе. Членъ Совета Старейшинъ: имѣеть много талантовъ и познаній.

16. Лемерсье.	}	Члены Совета Старейшинъ, весьма уважаемые своими товарищами.
17. Ле Нуаръ
Ла Рошъ.		
18. Дону.		

19. Дюмонъ.—Членъ Конвента и Пятисотнаго Совета: отличился въ томъ и въ другомъ Собраніяхъ своимъ благоразуміемъ, талантами, чистотою, Республиканствомъ, равно какъ обширными свѣдѣніями, ясностью и точностью ума своего.

20. ДЕФЕРМОНЪ.—Комисарь Казначейства: былъ отличнѣйшимъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Пятисотнаго Совета. Онъ старинный и истинный патріотъ, простой, чистой нравственности, неизмѣнный своею честностью и поведеніемъ. Онъ имѣеть большую привычку къ работѣ и обширныя свѣдѣнія о самыхъ важныхъ частяхъ Государственнаго Управленія. Онъ желалъ и содѣйствовалъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами Революціи 18 Брюмера.

21. КАМУСЪ.—Архиваріусъ Законодательнаго Корпуса: отличился въ трехъ Собраніяхъ, коихъ онъ былъ членомъ, строгостью своихъ правилъ,

своею непоколебимою добродѣтелью и неизмѣнностью своего образа мыслей.

22. БУССИОНЪ.—Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Совѣта Старѣйшинъ: умный патріотъ; Республиканецъ искренній, честной и чистой нравственности, весьма уважаемый и любимый въ своемъ Департаментѣ (Ло-и-Гаронны) и въ Дордонскомъ, косто онъ также былъ Депутатомъ.

23. ЛАКЮЕ.—Былъ членомъ Законодательнаго Собранія, Комитета Старѣйшинъ и Пятисотнаго: патріотъ чистый, умный и просвѣщенный. Онъ приобрѣлъ большое уваженіе въ этихъ различныхъ собраніяхъ и показалъ въ оныхъ таланты и обширныя познанія. Онъ также съ пользою можетъ быть употребленъ и въ военномъ званіи.

24. ЕМЕРИ.—Отличный членъ Конституціоннаго Собранія: къ обширнымъ свѣдѣніямъ по части законодательства и управленія присоединяетъ самый истинный патріотизмъ, великую непоколебимость правилъ, большое мужество, возвышенную душу и таланты оратора.

25. АПСОНЪ.—Членъ Конституціоннаго Собранія: занимался отдѣленіемъ наукъ и показалъ въ оныхъ познанія.

26. ЛАЛУА.—Былъ членомъ Конвента и Совѣтовъ Пятисотнаго и Старѣйшинъ: онъ уважаемъ своими согражданами и очень ученъ.

27. ФАНЛЕОНЪ.—Вієнскаго Департамента; былъ членомъ Конституціоннаго Собранія и Пятисотнаго Совѣта; человекъ, искренно привязанный къ свободѣ; честный, чистой нравственности и свѣдущій.

28. ТРОНШЕ.—Членъ Конституціоннаго Собранія и Совѣта Старѣйшинъ: сохранилъ энергію и много способовъ, не смотря на свои престарѣлыя лѣта; это одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ людей, которые являлись въ разныхъ представительныхъ собраніяхъ.

29. ДЕМЁНЬЕ.—Отличный членъ Конституціоннаго Собранія: показалъ въ ономъ много способностей, талантовъ и свѣдѣній; а также съ выгодной стороны сдѣлался извѣстнымъ какъ писатель многими сочиненіями и переводами.

30. ШАТРИ-ЛАФОССЪ.—Калвадосскаго Департамента, членъ Совѣта Старѣйшинъ: старинный и истинный патриотъ, твердый, благоразумный, честный и имѣющій свѣдѣнія въ торговлѣ.

31. КРАССОНЪ.—Герольтскаго Департамента; отличился въ Пятисотномъ Совѣтѣ своими свѣдѣніями въ законодательствѣ и въ финансахъ, своею привязанностью къ правиламъ, чистотою своего патриотизма и точностью, ясностью ума своего.

32. Мольво.

33. Висмаръ.

34. Порше.

35. Шассиронъ.

} Члены Совѣта Старѣйшинъ
уважаемые ихъ товарищами.

56. ШОЛМЕ.—Изъ Жиронды, членъ Пяти-сотнаго Совѣта: человекъ мужественный и имбю-щій свѣдѣнія въ торговлѣ.

57. ЖАКМИНО.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣеть много познаній въ законодательствѣ и очень вѣрный умъ.

58. ЖАРЪ-ШАНВИЛЬЕ.—Членъ Конвента и Пятисотнаго Совѣта: показалъ въ томъ и дру-гомъ Собраніяхъ истинный патріотизмъ, свѣдѣ-нія, таланты и отличный умъ.

59. ТИБО.—Былъ членомъ Конституціоннаго Собранія, Конвента и Пятисотнаго Совѣта. Онъ показалъ въ этихъ различныхъ собраніяхъ мно-го патріотизма и мужества: имѣеть познанія въ финансахъ.

40. ГРЕГУАРЪ.—Членъ Конституціоннаго Со-бранія, Конвента и Пятисотнаго Совѣта; соеди-няетъ блистательные таланты оратора съ чув-ствами самаго чистаго Республиканства.

41. ВЕРНЬЕ.—Показалъ характеръ, таланты и свѣдѣнія въ трехъ собраніяхъ, коихъ онъ былъ членомъ. Это человекъ очень прямой, бла-городный и честный.

42. ДОШИ.—Членъ Конституціоннаго Собра-нія и Пятисотнаго Совѣта: человекъ, заслужи-вающий особенное вниманіе своимъ патріотиз-момъ, честностью, поведеніемъ и свѣдѣніями въ управленіи, особенно по части сборовъ; адми-нистраторъ Оазскаго Департамента.

43. ГАРНЬЕ.—Былъ членомъ перваго Парижскаго Департамента: очень выгодно извѣстенъ своими познаніями и нравственностью, равно какъ многими уважаемыми сочиненіями а особенно однимъ о собственности.

44. ГИРОДЕ.—Литераторъ: былъ Главнымъ Секретаремъ Высшихъ Сношеній; онъ авторъ многихъ сочиненій о политической экономіи. Это старинный и вѣрный другъ свободы; имѣеть много талантовъ, нравственности, честности, чистоты и обладаетъ обширными свѣдѣніями о самыхъ важныхъ предметахъ Государственнаго управленія.

КАНДИДАТЫ ДЛЯ ТРИБУНАТА.

1. Луціанъ Бо-	} безъ отмытокъ.
напарте.	
2. Шенье.	
3. Реніо де Сен-	}
Жанъ д'Ан-	
жели.	

4. БУЛЕ.—Человѣкъ съ большимъ умомъ и познаніями, обнаружившій великіе таланты и оказавшій важнѣйшія услуги.

5. БЕРАНЖЕ.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣеть познанія, мужество и способности.

6. АРНУ.—Членъ Пятисотнаго Совѣта: извѣстенъ многими уважаемыми сочиненіями о торговлѣ и финансахъ.

7. Шабо.
8. Пеніеръ.

} Имѣютъ твердость, познанія, благородство и мужество и доказали свои таланты въ Пятисотномъ Совѣтѣ.

9. ФАБРЪ. — Членъ Пятисотнаго Совѣта: имѣетъ много ума и познаній въ финансахъ.

10. САВАРЪ. — Очень основательный умъ: имѣетъ большія познанія въ законодательствѣ; былъ въ Пятисотномъ Совѣтѣ.

11. ТИБОДО. — Былъ членомъ Конвента и Пятисотнаго Совѣта; первоклассный ораторъ, искренній и строгій Республѣканецъ; съ твердою, возвышенною душою соединяетъ неукоризненную честность. Онъ доказалъ величайшіе таланты и никогда не принималъ участія въ козняхъ.

12. ЖИРАРДЕНЪ старшій. — Оазскаго Департамента: былъ членомъ Законодательнаго Собранія, въ коемъ доказалъ много талантовъ и мужества. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ истинныхъ друзей свободы; человекъ откровенный, благородной, искренно преданный Республѣкѣ, имѣющій много познаній и способовъ. Онъ недавно назначенъ совѣтами Предсѣдателемъ Оазскаго Управленія.

13. ЭТИЕНЪ МЕЖАНЪ. — Литераторъ: старинный и вѣрный другъ свободы, никогда неизмѣнявшійся въ нравственности, имѣетъ много ума

и свѣдѣній; говорить хорошо и пишетъ съ большимъ талантомъ.

14. ШОВЕЛЕНЬ.—Бывшій Министромъ Республики въ Англіи: мало людей, оказавшихъ Республикѣ столько услугъ и имѣвшихъ такіе способы оказывать оныя съ пользою; имѣеть познанія, обширный и вѣрный умъ, возвышенную душу, неизмѣнную нравственность, великую способность къ труду, говорить и пишетъ хорошо. Онъ никогда не вмѣшивался ни въ какія козни и повсюду былъ предметомъ ненависти всѣхъ враговъ Революціи. Онъ очень уважаемъ въ своемъ Котъ-д'Орскомъ Департаментѣ.

З А П И С К А

О КАНДИДАТАХЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ВЪ СЕНАТЪ, ВЪ ТРИБУНАТЪ И ВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Первыя двадцать три имени написаны рукою Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. Послѣднія пять прибавлены Луціаномъ Бонапарте. Звѣздочки поставлены *Первыми Консулами*.

С Е Н А Т Ъ.

ГАРНИЕ.—Управлялъ Департаментомъ въ 1792 году и потомъ былъ Министромъ; человекъ честный и весьма свѣдущій. Извѣстенъ Талей-

Часть III.

19

рану, Рёдереру, Сиссу и проч.; Сенскаго Департамента.

ПЕРИССЪ ДЮ ЛЮКЪ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: Ліонскій книгопродавецъ, человекъ очень свѣдуцій. Онъ, послѣ осады Ліона, велъ переговоры съ Ліонскою арміею и остановилъ кровопролитіе. Онъ всѣми уважаемъ въ Ліонѣ.

КАРЛЬ ДЕ МЕРЛЬ.—Одинъ изъ самыхъ давнишнихъ и наиболее почтенныхъ Бордосскихъ купцевъ: весьма уважаемъ своими согражданами и свѣдуецъ въ торговыхъ дѣлахъ. Жирондскаго Департамента.

ГОМБЕРГЪ старшій.—Еврей: Гаврскій купецъ, пользующійся большою славою по торговлѣ и состояцій въ тѣсныхъ связяхъ съ Англо-Американцами. Онъ былъ очень полезенъ Комитету Общественнаго Благосостоянія послѣ Термидора въ Гаврѣ.

ГЕБРЪ СЕН-КЛЕМАНЪ. — Рошфортскій купецъ: свѣдуцій въ торговлѣ моремъ, честный и уважаемый Редономъ де Бопро, котораго онъ другъ.

ФОНТЕНЕ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: Руенской купецъ, пользующійся наилучшею славою.

ЖЮРИАНЪ.— Бывшій Генераль - Лейтенантъ, Главный Секретарь Королевскаго флота до 1789 года, потомъ Начальникъ по Министерству Внут-

реннихъ Дѣль, живущій уединенно въ Фонтенбло со своимъ семействомъ.

ДЮРАНЬ.—Французскій Консуль въ Испаніи и въ Сардиніи, управляющій торговлею, посланный въ Испанію до побѣды Наполеона для переговоровъ о мирѣ: человекъ свѣдущій въ торговыхъ дѣлахъ, но впрочемъ неизвѣстный писателямъ. Сенскаго Департамента.

* Боннегъ изъ Аннекона.	} Очень свѣдущій законовѣдецъ и пользующійся общеою довѣренностью въ Департаментѣ Двухъ-Севръ

ЮАННЪ-КАРЛЬ ГАРШЕ.—Уважаемый Ла Рошельскій купецъ.

ДЮКЕНУА.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: первый авторъ еженедѣльнаго журнала: *Другъ Патриотовъ*; любящій свободу и заслуживающій вниманіе своимъ талантомъ писателя.

НЕЙПРАКЪ.—Бордосскій купецъ, сынъ бывшаго члена Конституціоннаго Собранія, племянникъ нынѣшняго народнаго представителя: уважаемъ и почтенъ въ его званіи, но никогда не занималъ никакой общественной должности.

КОЛЕНЬ.—Парижскій законовѣдецъ: никогда не говорилъ всенародно; но показалъ въ своей должности много талантовъ и мужества; другъ нынѣшняго Министра Внутреннихъ Дѣль.

РУКОЮ ЛУЦИАНА.

ПАРАНЬ.—Лиможскій купецъ: былъ Директоромъ Монетнаго Двора.

БЮФФО.—Фабрикантъ въ Серретьеръ близъ Лиона; сорока двухъ лѣтъ.

СЕНЬ.—Изъ Тулона: Прокуроръ Синдикъ въ 1792 году.

ДЕМЁНЬЕ.—Бывшій членъ Конституціоннаго Собранія: докладчикъ Конституціоннаго Комитета; сорока двухъ лѣтъ.

МУРЖЬ. — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1792 году; извѣстенъ Марету и Талейрану.

Т Р И Б У Н А Т Ъ.

* КАИЕ.—Прокурорскій Помощникъ въ 1792 году: молодой человекъ, исполненный талантовъ и честности; Сенскаго Департамента.

* ДЕМУССО. — Тойже должности, другъ Лемерсье; Сенскаго Департамента.

* БРУССЬ.—Владѣлецъ полотняныхъ фабрикъ въ Мань и въ окрестностяхъ; тестъ Легуве; человекъ честный, свѣдущій и краснорѣчивый; Сенскаго Департамента.

* ДЮТЕЛЬ. — Законовѣдецъ, бывшій судья ниже-Шарантскаго Департамента; человекъ уважаемый и свѣдущій, но не имѣющій дара слова; былъ извѣстенъ Мерсье.

* ШОВО-ЛАГАРДЬ. — Усердный защитникъ

Сенскаго Департамента: человекъ мужественный, умѣренный патріотъ, и искусный ораторъ по уголовнымъ дѣламъ.

* БЕРРБЕ.—Законовѣдецъ, краснорѣчивый, занимающійся въ особенности торговыми дѣлами и пользующійся въ этомъ отношеніи довѣренностью первыхъ торговыхъ домовъ въ Парижѣ.

* ПУЖОЛЬ.—Аміенскій купецъ; хозяинъ одного изъ самыхъ старинныхъ и наиболѣе уважаемыхъ торговыхъ домовъ Сомскаго Департамента.

ЖОЛИВЕ.—Управляющій залогами; честный, искусный въ финансахъ и въ управленіи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЬ.

ТАРБЕ.—Бывшій Министръ Финансовъ: обладаетъ большимъ искусствомъ въ податныхъ дѣлахъ, извѣстенъ своею нравственностью и скромностью. Живетъ уединенно въ Іоннскомъ Департаментѣ.

ДЕ ЛИЛЬ де САЛЬ. — Безъ означенія должности. — Авторъ *Философій Природы* и членъ Института.

Первый Консуль безпрестанно совѣтовался съ этими замѣчаніями. Не имѣю нужды говорить, что я не перемѣнилъ въ нихъ ни одного

слова; это слишком драгоценный историческій документъ для того, чтобы я дозволилъ себѣ сіе сдѣлать.

Въ началѣ своего правленія, Первый Консулъ, часто впрочемъ справляясь съ вышеприведенными замѣчаніями, съ большою благосклонностью принималъ одобренія людей, хорошо ему извѣстныхъ; но ему не должно было представлять ни плута, ни дурака. Люди, которыхъ онъ наименѣе любилъ, были такъ называемые имъ *болтуны*, люди, которые говорятъ все, обо всемъ и всегда *«Я желаю»*, часто повторялъ онъ, *«больше головы и меньше языка.»*

Сдѣлавшись главою правленія, Бонапарте столь мало зналъ Революцію и людей, занимающихъ Гражданскія должности, что для него было необходимо отовсюду собирать свѣдѣнія о людяхъ и дѣлахъ. Но большая готовность его давать мѣста, вновь ли учреждаемые или упразднявшіяся отъ многочисленныхъ перемѣнъ въ управленіи,—стала уже не та когда страсти утихли, духъ партій сдѣлался благоразумиѣе, и когда строгія изслѣдованія возстановили порядокъ тамъ гдѣ до сего царствовало необузданное разстройство. Тогда онъ сказалъ мнѣ: *«Буріеннъ, предоставляю тебѣ твой Департаментъ; назначай кого хочешь; но это останется на твоей отвѣтственности: слышишь ли?»*

Какъ великъ былъ бы списокъ, еслибъ въ

него включить имена всѣхъ Префектовъ, Подпрефектовъ, сборщиковъ податей, агентовъ, чрезъ меня назначенныхъ! Я не сохранилъ именъ ихъ; да и къ чему, Боже мой, это мнѣ бы послужило. Мнѣ невозможно было знать самому всѣхъ искателей мѣсть, но я полагался на одобренія особъ, внушавшихъ мнѣ довѣренность.

Не могу слишкомъ жаловаться на одолженныхъ мною; но справедливо однакоже, что послѣ разлуки моей съ Наполеономъ я замѣчалъ что многіе изъ нихъ предпочитали на бульварахъ ту сторону, по которой я не шелъ и этимъ разборчивымъ вниманіемъ великодушно избавляли меня отъ труда снимать предъ ними шляпу.

Г Л А В А XI.

Затрудненія новаго Правительства. — Положеніе Европы. — Необходимость мира. — Г. Талейранъ, Министръ Внѣшнихъ Сношеній. — Переговоры съ Англіею. — Письмо Министра къ Лорду Гренвиллю. — Наполеона къ Англійскому Королю. — Отступленіе отъ дипломатическихъ формъ. — Сомнительный отвѣтъ Лорда Гренвилля. — Нота Лондонскаго кабинета. — Отзывъ Г. Талейрана. — Офиціальная нота Люксембургскаго кабинета. — Разсмотрѣніе причинъ неудовольствія противъ Англіи. — Свобода народовъ въ избраніи Правительства. — Республиканская Англія и Стюарты. — Восшествіе на престоль Гановрскаго Дома. — Предложеніе паспортовъ. — Важное удостовѣреніе.

Когда новое Правительство возвышается на развалинахъ другаго, ниспровергнутаго, то лучший способъ побудить народъ къ принятію онаго, если народъ сей находится въ войнѣ, состоитъ въ томъ чтобы представить ему на-

дежды мира; ибо миръ есть единственный предметъ честолюбія народа. Бонапарте зналъ это и если, въ глубинѣ души своей, онъ желалъ войны, то онъ въ тоже время чувствовалъ, сколь для него важно показывать видъ, что онъ желаетъ мира. Почему, тотчасъ по водвореніи своемъ въ Люксембургъ, онъ поспѣшилъ извѣстить всѣ Иностранныя Державы о вступленіи своемъ въ Консульское званіе и написать о семъ же предметѣ письма къ Французскимъ дипломатическимъ агентамъ въ чужихъ земляхъ.

Освободясь отъ своихъ двухъ товарищей Сіеса и Рожера Дюко, Бонапарте на другой же день приступилъ къ переговорамъ съ Лондонскимъ кабинетомъ. Въ эту эпоху мы находились въ войнѣ почти съ цѣлою Европою; Италія была для насъ потеряна; Императоръ Германскій былъ управляемъ своими Министрами, руководствуемыми Англією и Франція не имѣла войскъ внутри своихъ владѣній. Не легко было вести разомъ и учрежденіе Консульскаго правленія и, не менѣе того важныя, внѣшнія дѣла; и для Консула необходимо было внушить Иностраннымъ Державамъ,—обеспечивъ себя противъ возвращенія Бурбоновъ,—что система, коей онъ вознамѣрился слѣдовать, есть система порядка и возрожденія, которая не будетъ походить, ни на неистовую демагогію Конвента, ни на неслѣпую лживость Директоріи. Для

достиженія этой цѣли, Бонапарте приказалъ новому Министру Внѣшнихъ Сношеній Г. Талейрану сдѣлать первый приступъ къ сближенію съ Англійскимъ кабинетомъ. Слѣдствіемъ сего была переписка и нота, съ коихъ я списалъ копіи. Изъ нихъ увидятъ какова была еще тогда уступчивая политика Бонапарте и съ какою надменностью дѣйствовала уже Англія.

Я долженъ сказать, что черезъ нѣсколько времени Бонапарте велѣлъ напечатать главныя бумаги этой переписки, но не признавая ихъ офиціальными; приказавъ напротивъ того сдѣлать замѣчаніе что за достовѣрность оныхъ нельзя ручаться. Ихъ назвали извлеченіемъ изъ Англійскаго Журнала the Morning-Chronicle, бывшаго тогда преданнымъ Консульскому правленію. Не должно было чтобы, предъ публикою, Консулъ представлялся въ томъ видѣ, что онъ сдѣлалъ предложенія, если они не были приняты.

Парижъ, 5 Нивоза VIII года (26
Декабря 1799).

«МИЛОРДЪ,

«По приказанію Генерала Бонапарте, Перваго
«Консула Французской Республики, я отправляю
«курьера въ Лондонъ. Съ нимъ послано письмо
«Перваго Консула Республики къ Его Величеству
«Королю Англійскому.

«Прошу васъ отдать нужныя приказанія дабы онъ могъ вручить вамъ оное безъ посредниковъ. Этотъ поступокъ самъ уже доказываетъ важность его содержания.

«Примите, Милордъ, увѣреніе въ моей совершенной преданности.

«Подписано: *ТАЛЕЙРАНЪ*»

БОПАПАРТЕ

ПЕРВЫЙ КОНСУЛЬ РЕСПУБЛИКИ.

Его Величеству Королю Великобритани и Ирланди.

Парижъ 5 Нивоза VIII года (26 Декабря 1799).

«Призванный желаніемъ Французскаго народа къ занятію перваго сана въ Республикѣ, я считаю приличнымъ, вступая въ сію должность, сообщить о томъ прямо Вашему Величеству.

«Неужели война, которая восемь лѣтъ опустошаетъ четыре части свѣта, должна быть вѣчною? Неужели нѣтъ никакого средства къ соглашенію?

«Возможно ли чтобы два Государства, наиболѣе просвѣщенныя въ Европѣ, могущественныя и сильныя болѣе чѣмъ сего требуютъ ихъ безопасность и независимость,—въ состояніи

«были жертвовать понятіямъ о тщетномъ величїи, выгодами торговли, внутреннимъ благосостояніемъ и счастіемъ семействъ? Возможно-ли чтобы они не чувствовали, что миръ есть первая необходимость и первая изъ славъ?»

«Чувства сіи не могутъ быть чужды сердцу Вашего Величества, повелѣвающаго свободнымъ народомъ и съ единственною цѣлью содѣлать оный счастливымъ.

«Ваше Величество видите въ семъ поступкѣ единственно мое искреннее желаніе дѣлательно споспѣшествовать во второй разъ всеобщему замиренію быстрою мѣрою, совершенно доверчивою и съ устраненіемъ всѣхъ формъ.

«Франція и Англія, употребленіемъ въ зло силъ своихъ, могутъ еще долгое время, къ несчастію народовъ, земедлить ихъ истощеніе; но смѣю сказать, что жребій всѣхъ образованныхъ Государствъ зависитъ отъ окончанія войны, обьемлющей цѣлый міръ.»

Подписано: *БОНАПАРТЕ.*

Доунингская улица 4 Генваря 1800.

«Милостивый Государь,

«Я получилъ и представилъ Королю, два письма, вами мнѣ доставленныя. Его Величест-

«во, не видя никакой причины къ отступленію
«отъ формъ, столь давно установленныхъ въ
«Европѣ для сношеній по дѣламъ съ Иностран-
«нымъ Державами, повелѣлъ мнѣ препроводить
«къ вамъ отъ его имени офиціальный отвѣтъ,
«при семъ прилагаемый. Имѣю честь быть съ
«совершеннымъ уваженіемъ, Милостивый Госу-
«дарь, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ
«слугою.

«Подписано: *ГРЕНВИЛЬ.*»

Н О Т А.

«Король неоднократно доказывалъ свое иск-
«реннее желаніе къ восстановленію надежнаго и
«постояннаго спокойствія въ Европѣ. Онъ не
«участвуетъ и не участвовалъ ни въ какомъ со-
«стязаніи о тщетной и ложной славѣ; онъ не
«имѣетъ другихъ видовъ кромѣ того чтобы под-
«держатъ, противъ всякаго посягательства, права
«и счастье своихъ подданныхъ.

«Для сихъ причинъ онъ боролся противъ на-
«падковъ, ничѣмъ съ его стороны не заслужи-
«ваемыхъ; для нихъ онъ еще и теперь принуж-
«денъ бороться; онъ не можетъ надѣяться чтобы
«эти необходимость миновались еслибъ онъ въ
«настоящую минуту вступилъ въ переговоры
«съ тѣми, которымъ новой переворотъ столь

«недавно вручилъ верховную власть Франціи. Никакая существенная выгода не можетъ произойти отъ такихъ переговоровъ о великомъ и желательномъ предметѣ всеобщаго мира до тѣхъ поръ, пока очевидно обнаружится, что причины, — первоначально произведшія войну и во многихъ случаяхъ съ тѣхъ поръ оную продолжившія, — перестали дѣйствовать.

«Система вліянія, коей Франція справедливо приписываетъ свои настоящія бѣдствія, есть также самая, которая вовлекла остальную часть Европы въ продолжительную и гибельную войну такихъ свойствъ, которыя съ давняго уже времени были неизвѣстны образованнымъ народамъ.

«Для распространенія сей-то системы и для истребленія всѣхъ существующихъ Правительствъ, способы Франціи были расточаемы и истощаемы изъ года въ годъ посреди безпримѣрныхъ бѣдствій. Сему-то общему духу разрушенія Нидерланды, Соединенныя Области, Швейцарскіе Кантоны (старинные союзники и друзья Его Величества) были послѣдовательно принесены въ жертву. Германія была опустошена; Италія, хотя нынѣ и освободившаяся отъ тѣхъ, которые въ оную вторглись, была зрѣлищемъ безначалія и неограниченныхъ расхищеній. Его Величество самъ былъ принужденъ продолжать

«тяжкое, убыточное состязаніе за независимость
«сихъ Государствъ.

«Бѣдствія сіи не ограничились Европою; они
«распространились въ самые дальные края свѣ-
«та и даже въ такія страны, которыя по сво-
«ему положенію и выгодамъ, имѣютъ столь мало
«отношеній съ сею борьбою, что существованіе
«этой войны можетъ быть осталось бы неизвѣст-
«нымъ для тѣхъ, которые внезапно подверглись
«ужасамъ оной.

«До тѣхъ поръ пока владычество такой си-
«стемы продолжится, пока кровь и сокровища
«могущественнаго, многочисленнаго государства
«будутъ расточаемы для поддержанія оной,
«опытъ доказалъ что вражда, открытая и силь-
«ная, есть единственная дѣйствительная противъ
«оной оборона. Самые торжественные договоры
«только открыли путь къ новымъ притѣсне-
«ніямъ и одному только рѣшительному сопро-
«тивленію обязаны за остающееся еще въ Ев-
«ропѣ обеспеченіе для собственности, для лич-
«ной свободы, для общественнаго порядка и для
«свободнаго исповѣданія вѣры.

«Посему Его Величество не можетъ, для бе-
«зопасности сихъ важныхъ предметовъ, отвѣт-
«ствовать своею довѣренностью на простое во-
«зобновленіе увѣреній о расположеніи къ миро-
«любію. Подобныя увѣренія были повторяемы
«всеми тѣми, которые послѣдовательно устрем-

«ляли способы Франціи къ разрушенію Европы: «нынѣшніе правители признали всѣ оныя съ «самаго начала одинаково неспособными къ «поддержанію дружескихъ и мирныхъ сношеній.

«Его Величество конечно будетъ очень радо- «ваться, когда увидитъ что опасность, коей вла- «дѣнія его собственныя и его союзниковъ столь «долго подвергались,—дѣйствительно прекрати- «лась; когда онъ удостовѣрится что необходи- «мость сопротивленія болѣе не существуетъ; «что послѣ опытности столькихъ годовъ пре- «ступленій и бѣдствій, лучшія правила нако- «нецъ одержали верхъ во Франціи и что ги- «гантскіе замыслы честолюбія, буйные планы «разрушенія, подвергавшіе опасности даже су- «ществованіе гражданскаго общества, наконецъ «оставлены.

«Но убѣжденіе въ такой перемѣнѣ, хотя и «весьма для Его Величества пріятной, не мо- «жетъ быть произведено инымъ чѣмъ кромѣ «какъ опытомъ и очевидностью дѣлъ.

«Лучшимъ и вѣрнѣйшимъ залогомъ сущест- «венности, равно какъ продолжительности оной «было бы возстановленіе рода тѣхъ Государей, «которые, въ продолженіе столькихъ вѣковъ «доставляли Французскому народу внутреннее «благоденствіе и внѣшнее уваженіе и почтеніе. «Такое событіе устранило бы, и во всякое время «устранитъ препоны, находящіяся на стезѣ

«переговоровъ или мира. Оно бы утвердило за Францією спокойное обладаніе прежними землями и доставило бы всѣмъ прочимъ Государствамъ Европы, чрезъ спокойствіе и миръ, ту безопасность, которой они теперъ принуждены искать другими средствами.

«Но сколь ни желательно было бы такое событіе для Франціи и для свѣта, а не исключительно только этимъ способомъ Его Величество ограничиваетъ возможность надежнаго, вѣрнаго замиренія. Его Величество не имѣетъ притязаній на то, чтобы предписывать Франціи какой она должна имѣть образъ правленія и какимъ рукамъ будетъ ввѣрена власть, необходимая для управленія дѣлами великаго, могущественнаго государства.

«Его Величество взираетъ только на сохранность владѣній, своихъ собственныхъ, равно принадлежащихъ его союзникамъ и на всеобщую безопасность Европы. Когда онъ увидитъ что сія безопасность можетъ быть приобрѣтена, чрезъ послѣдствія ли внутренняго положенія страны сей, или чрезъ какое либо другое обстоятельство, способное произвести тоже дѣйствіе, то Его Величество охотно воспользуется случаемъ согласиться со своими союзниками на счетъ способовъ немедленнаго и всеобщаго замиренія.»

«Къ несчастію; никакая подобная безопас-
Часть III. 21

«ность до сихъ поръ еще не существуетъ; нѣтъ
 «никакого удовлетворительнаго доказательства
 «правиль, коими новое Правительство будетъ
 «руководствоваться, никакого достаточнаго ос-
 «нованія для того, чтобы судить о его проч-
 «ности. Въ этомъ положеніи, Его Величеству
 «ничего болѣе не остается какъ продолжать,
 «совокупно съ другими Державами, эти усилія
 «справедливой, окончательной войны, которую
 «вниманіе къ благоденствію его подданныхъ,
 «никогда не дозволятъ ему, ни длить долѣе не-
 «обходимости, первоначально ее произведшей, ни
 «прекратить инымъ образомъ какъ, на основа-
 «ніяхъ, которыя бы могли наилучшимъ образомъ
 «содѣйствовать къ обеспеченію ихъ спокойст-
 «вія, ихъ Конституціи и ихъ независимости.

Подписано: *ГРЕНВИЛЬ.*»

Парижъ. 24 Пивоза VIII года (14
 Генваря 1800).

«МИЛОРДЪ,

«Я не теряю времени; офиціальная нота, при-
 «сланная вами Первому Консулу, была ему пред-
 «ставлена и я получилъ приказаніе сдѣлать при-
 «лагаемый при семъ отвѣтъ.

«Примите, Милордъ, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

«Подписано: *ТАЛЕЙРАНЪ*»

И О Т А .

«По представленіи Первому Консулу Респуб-
«лики Ноты, сообщенной Министромъ Его Бри-
«танскаго Величества отъ 14 Нивоза VIII года
«съ удивленіемъ замѣчено, что она не основы-
«вается ни на какомъ истинномъ понятіи от-
«носительно начала и послѣдствій нынѣшней
«войны. Франція не только не была зачищи-
«цею войны сей, но должно вспомнить что съ
«самаго начала ея Революціи, она торжествен-
«но объявила любовь свою къ миру, удаленіе
«свое отъ завосваній и уваженіе свое къ неза-
«висимости всѣхъ Правительствъ—и нечего сом-
«нѣваться что занятая въ то время своими
«внутренними дѣлами, она бы стала избѣгать
«всякаго участія въ дѣлахъ Европы и пребыла
«бы вѣрною своимъ объявленіямъ; но тотчасъ
«по возгорѣніи Французской Революціи, почти
«вся Европа, движимая совершенно прогивными
«понятіями, соединилась для того чтобы оную
«уничтожить. Нападки были уже существенно
«дѣлаемы прежде еще чѣмъ онныя явно обнару-
«жились. Возбудили внутреннія раздѣленія, воз-
«мутители были благоприятно приняты, ихъ съу-
«мазбродные возгласы поддержаны; Французская

«нація была оскорблена въ лицѣ ея агенто-
«ви Англія въ особенности подала примѣръ уда-
«леніемъ Французскаго Министра (Гражданина Та-
«лейрана). Наконецъ Франція давно уже подверг-
«лась нападенію на честь ея, независимость и
«безопасность, пржеде чѣмъ война была объяв-
«лена.

«Франція должна по справедливости припи-
«сать бѣдствія, ею претерпѣнныя и тяготѣвшія
«надъ всею Европою, упрекамъ въ угнетеніи,
«въ развратѣ и въ раздѣлѣ, которые были про-
«тивъ нея распространены и которые дѣйстви-
«тельно неразъ пыгались привести въ исполне-
«ніе. Такіе упреки, съ давнихъ временъ безпри-
«смѣрныя, не могли не произвесть самыхъ на-
«губныхъ послѣдствій относительно столь мо-
«гущественнаго народа.

«Подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападеніямъ,
«Республика должна была съ величайшею си-
«лою развернуть всѣ свои защитительныя спо-
«собы для собственной обороны; и дабы со-
«хранить свою независимость, она упот-
«ребила къ тому особенную силу и мужество
«своихъ гражданъ. До тѣхъ поръ пока враги
«упорно не хотѣли признать правъ ея, она
«единственно надѣялась на усилія своего сопро-
«тивленія; но увидя поданную ей непріятелями
«надежду ко вторженію, она прибѣгла къ сред-

«ствамъ соглашенія и обнаружила расположеніе
«свое къ миру. Если это расположеніе не всегда
«осуществлялось; если посреди опасныхъ об-
«стоятельствъ ея внутренняго положенія, при-
«веденныхъ Революціею и войною, прежніе
«хранители Исполнительной власти во Фран-
«ціи не показали столькоже умѣренности, сколь-
«ко нація обнаружила мужества, то сіе должно
«приписать истребительнымъ и безпрестаннымъ
«враждебнымъ дѣйствіямъ, чрезъ которыя спо-
«собы Англии были истощены для того чтобы
«сдѣлать болѣе совершеннымъ уничтоженіе Фран-
«ціи.

«Но если желанія Его Британскаго Величества,
«согласно съ его увѣреніями, клонятся также какъ
«и желанія Франціи къ возстановленію мира, то
«почему не обратитъ вниманіе на средства къ
«заключенію онаго вмѣсто того, чтобы стараться
«оправдывать войну? И какая причина можетъ
«противиться взаимному соглашенію, коего выго-
«ды обоюдны и которое должно въ особенности
«быть оцѣнено, тогда какъ Первый Консуль
«Французской Республики представляетъ лично
«столько доказательствъ своего расположенія къ
«прекращенію бѣдствій войны и къ точному
«соблюденію заключенныхъ договоровъ?

«Первый Консуль Республики не могъ сом-
«нѣваться въ томъ, что Его Британское Вели-
«чество признастъ право народовъ къ избранію

«себѣ приличнаго образа правленія, поелику
«Король самъ обязанъ за свою корону существ-
«вованію сего права; но онъ не постигаетъ, ка-
«кимъ образомъ Министръ Его Величества могъ
«противопоставить такому началу, на коемъ
«основывается существованіе обществъ—замѣча-
«ція, показывающія намѣреніе вмѣшаться во
«внутреннюю Конституцію Республики, что не
«менѣе было бы вредно для Франціи и для ея
«Правительства, какъ для Англіи и для Его Ве-
«личества было бы приглашеніе къ при-
«нятію той формы Республиканскаго правленія,
«которая существовала въ Англіи въ половинѣ
«прошедшаго столѣтія, или какъ еслибъ стали
«подстрекать къ призыву опять на тронъ той
«фамиліи, которую рожденіе на оный возвелю,
«но которую Революція принудила низойти съ
«него.

«Если въ эпоху, столь недавнюю, и когда
«Конституціонная система Республики не пред-
«ставляла еще ни той формы, ни той прочно-
«сти, которую она теперь въ себѣ заключаетъ,
«—Его Британское Величество счель нужнымъ
«самъ произвести сближеніе и мирные перего-
«воры, то возможно ли чтобы нынѣ онъ не со-
«глашался возобновить переговоры, коимъ ны-
«нѣшнее и взаимное положеніе обстоятельствъ
«объясняетъ счастливый и быстрый успѣхъ? Съ

«обѣихъ сторонъ, гласъ народовъ и челоувчест-
«ва испрашиваетъ прекращенія войны, которая
«ознаменована уже столькими несчастіями и
«коей продолженіе угрожаетъ Европѣ всеоб-
«щимъ ниспроверженіемъ и невозвратными бѣд-
«ствіями

«Дабы противопоставить оплотъ успѣ-
«хамъ сихъ бѣдствій и дабы чрезъ то сложить
«всѣ ужасныя послѣдствія на виновниковъ оныхъ,
«Первый Консулъ Французкой націи рѣшился
«*тотчасъ прекратить враждебныя дѣйствія,*
«*и заключить перемиріе,* назначивъ съ обѣихъ
«сторонъ уполномоченныхъ, которые отправятся
«въ Дюнкирхенъ или въ какой либо другой,
«удобный для сего по своему мѣстоположенію
«городъ, съ тѣмъ чтобы ускорить взаимные пе-
«реговоры и безъ промедленія произвести воз-
«становленіе мира и добраго согласія между
«Французскою Республикою и Англіею»

«Первый Консулъ предлагаетъ выдать для сего
«всѣ нужные пропуски.»

Парижъ, 24 Нивоза VIII года (14
Генваря 1800).

На сію послѣднюю ноту, отправленную Анг-
лійскому Правительству, Лордъ Гренвиль от-
вѣтствовалъ:

«Официальная нота, сообщенная Министромъ

«Иностранныхъ Дѣлъ Франціи и полученная «нижеподписавшимся 18 числа сего мѣсяца, была «представлена Королю.

«Его Величество не можетъ не выразить впечатлѣнія, ощущеннаго при сдѣланномъ имъ замѣчаніи, что безпричинныя нападенія Франціи «систематически защищаются тѣми, которые «нынѣ ею управляютъ, подъ тѣми же оскорбительными предлогами, посредствомъ коихъ первоначально покушались скрывать оныя. Его «Величество не будетъ входить въ опроверженіе «доказательствъ, которыя вообще не «вернуты и которыя (во всемъ относящемся «до поведенія Его Величества), не только сами «по себѣ не имѣютъ совершенно никакого «основанія, но имъ равно противорѣчить и «очевидность событій, къ коимъ онѣ относятся и «именное свидѣтельство, въ то время данное, «самимъ Французскимъ Правительствомъ.

«Касательно содержанія ноты, Его Величество «можетъ только сослаться на отвѣтъ, имъ уже «сдѣланный.

«Онъ изложилъ, безъ скрытности, препятствія, которыя по его мнѣнію отнимаютъ, «въ настоящую минуту великую надежду на «годы, могущія быть извлечеными изъ переговоровъ. Всѣ причины, выставляемыя для того «чтобы договариваться и на которыя съ такою

«увѣренностью опираются во Французской нотѣ; «личное расположеніе, какъ въ оной сказано, «къ заключенію мира и къ будущему соблюде- «нію договоровъ; власть обеспечить дѣйствіе «сихъ расположеній, будто бы существующихъ; «прочность и твердость вновь учрежденной сис- «темы послѣ быстрыхъ перемѣнъ, произведен- «ныхъ Революціями . . . всѣ эти вещи суть «таковы, что онѣ не могутъ быть познаны «иначе какъ чрезъ испытаніе, о коемъ Его Ве- «личество уже упоминалъ—опытомъ и очевид- «ностью дѣль.

«Съ этимъ чувствомъ искренности и откро- «венности, которое ему внушаетъ заботливость о необходимомъ возстановленіи мира, Его Вели- «чество указалъ Франціи самый вѣрный и самый «скорый способъ къ достиженію сей цѣли. Но, «въ столь же ясныхъ выраженіяхъ и съ такою «же искренностью, объявилъ онъ, что не имѣетъ «никакого желанія предписывать чуждому на- «роду форму его Правительства; что заботится «только о безопасности владѣній своихъ и Ев- «ропы; и что, получивъ достаточное удостовѣ- «реніе въ томъ что сія главная цѣль, тѣмъ или «инымъ образомъ можетъ быть достигнута, онъ «носѣннѣе согласится со своими союзниками «о средствахъ къ немедленному возстановленію «общаго спокойствія.

«Его Величество твердо держится сихъ объявленій и не иначе какъ на основаніяхъ, такиимъ образомъ положенныхъ,—долгъ его нелицемерности о безопасности своихъ подданныхъ дозволить ему отказаться отъ системы сильной обороны, которой по милости Провидѣнія, Королевства его обязаны обеспеченіемъ благъ, которыми они наслаждаются.

«Доунингская улица, 20 Февраля 1800.

ГРЕНВИЛЬ.»

Обмѣлъ этихъ вѣтъ не имѣлъ непосредственныхъ послѣдствій. Однакожъ Первый Консуль частью достигъ своей цѣли; ибо, если Британское Правительство и не захотѣло вступить въ переговоры о мирѣ, то по крайней мѣрѣ, оно дало ему замѣтить, что въ послѣдствіи другія предложенія Консульскаго Правленія могутъ быть выслушаны; по крайней мѣрѣ Бонапарте сдѣлалъ свое объявленіе; и что для него было наиболѣе важно, онъ удостовѣрился, что возвращеніе Бурбоновъ во Францію не будетъ со стороны Англии, непремѣннымъ условіемъ къ возстановленію мира между двумя Державами.

Съ тѣхъ поръ какъ Г. Талейранъ былъ назначенъ Министромъ Высшихъ Сношеній, дѣла сего Департамента получили большое движеніе.

Для Бонапарте весьма было выгодно, найти между Республиканцами знатнаго вельможу стариннаго разряда. Такой выборъ какъ будто имѣлъ въ себѣ нѣчто вѣжливое для Иностранныхъ Дворовъ; казалось разборчивою вѣжливостію къ дипломатіи Европы, представить членамъ оной, для переговоровъ съ ними, человека, по крайней мѣрѣ равнаго съ ними званія, и уже извѣстнаго въ цѣломъ свѣтѣ отличностію своего обхожденія и утонченностію формъ, которыми онъ прикрывалъ качества болѣе прочныя и существенныя таланты.

Не съ одною только Англією Бонапарте и Министръ его старались завести переговоры. Консульскій кабинетъ въ самомъ дѣлѣ предложилъ миръ Австрійскому Дому, но отдѣльно. Цель сего была та чтобы произвести раздѣленіе между двумя Державами. Говоря мнѣ однажды о сильномъ своемъ желаніи пріобрѣсть миръ, Бонапарте сказала: «Видишь ли ты, Буріеннъ,—у меня два большихъ непріятели на рукахъ; я соглашусь съ тѣмъ, который болѣе будетъ уступчивъ болѣе поторопится и это дастъ мнѣ средство тотчасъ ударить на другаго. Не скрываю отъ тебя, что я бы лучше желалъ мира съ Англією. Тогда ничего бы не было легче, какъ стѣснить Австрію; она имѣетъ деньги только отъ Англіи.»

Переговоры были испытаны въ смыслѣ этихъ

словъ Перваго Консула, но долгое время безъ всякаго успѣха. Никто не хотѣлъ признать новаго Правительства, коего онъ былъ главою и нужна была Маренгская побѣда для того чтобы произвестъ Амiенскiй миръ.

Г Л А В А XII.

Взглядъ на Востокъ.—Жертва политикъ.—Изреченіе Моіера.
—Жалобы Первому Консулу на Генерала Бонапарте и
разныя обвиненія.—Вѣроятность отдачи подъ судъ и выключи-
чки изъ службы.—Шисьмо Клебера.—Вѣсти изъ Египта ---
Нагія войска.—Пустая казна.—Мурадъ и Ибрагимъ.—Па-
чатые переговоры.—Арабы и Мамелюки.—Мечты Наполе-
она.—Загруднительность положенія Клебера.— Признанная
важность владѣнія Египтомъ.— Удаленность и бедствія.—
Иринека.—Обвинительныя статьи.—Сила случая.

Не смотря на занятія, коими обременяли
Наполеона дѣла и нужды новаго Правительства,
—у него оставалось еще нѣсколько минутъ для
того чтобы обращать взоры на Востокъ, эту
отчизну самовластія, гдѣ онъ, какъ въ послед-
ствіи можно было подумать, почерпнулъ пер-
выя правила своего правленія. Ему хотѣлось,

сдѣлавшись главою Государства, обратить въ пользу своей политики обладанія Египтомъ, имъ завоеваннымъ. Если, покидае свое завоеваніе, Бонапарте, какъ выше сказано, преодолѣлъ свою сильную неприязнь ввѣривъ главное предводительство Генералу Клеберу, то онъ сдѣлалъ сіе потому что призналъ Клебера наиболее достойнымъ; потому что онъ считалъ его способнымъ къ исполненію плановъ, ему предписанныхъ; и Бонапарте былъ не такой человекъ, чтобы пожертвовать тѣмъ, чего требовала его политика, своимъ личнымъ неудовольствіемъ. Онъ очень охотно употреблялъ тогда на дѣль прекрасное изреченіе Моліера: *Прощаю я тебя, но послѣ отплату.*

Относительно тѣхъ, которые остались въ Египтѣ,—Бонапарте точно находился въ весьма странномъ положеніи, сдѣлавшись главою Правительства. Не только достались ему всѣ свѣдѣнія, полученныя до сего Директоріею, но бумаги, на имя ся написанныя, доходили къ нему и такимъ образомъ Бонапарте Консуль принялъ жалобы на Бонапарте, оставившаго Египетъ. Почти во всѣхъ нисѣмахъ, нами полученныхъ заключались на него сильные доносы. Одни говорили, что онъ не смѣлъ признаться въ своемъ отъѣздѣ прежде какъ въ день отправления; что онъ обманулъ всѣхъ обманчивыми объявленіями, сдѣланными съ тѣмъ, дабы скрыть побѣгъ свой. Другіе раз-

сма тривали поведеніе его въ Египтѣ: армію, которая побѣждала подъ его начальствомъ, онъ покинулъ исполненною увѣренности, но уменьшившеюся третью и осталъная часть оной претерпѣвала жесточайшія страданія, нужды и нищеты. Всѣ въ одинъ голосъ жаловались и обвиняли. Надобно признаться что всѣ эти обвиненія и жалобы были большею частью основательны и должно удивиться тому какое счастливое сщъщеніе обстоятельствъ столь быстро возвысило Наполеона на Консульскую степень. По естественному порядку вещей, по его намѣреніямъ и по его собственной волѣ, ему бы слѣдовало пристать къ берегу въ Тулонъ, гдѣ карантинныя законы конечно были бы соблюдены; между тѣмъ какъ опасеніе Англичанъ и нерѣзительность лондоновъ побудили его прійти во Фрежюсъ, гдѣ карантинныя уставы были нарушены тѣми самыми людьми, коихъ выгоды требовали соблюденія оныхъ. Предположимъ, что ему пришлось бы противъ воли высидѣть опредѣленный срокъ въ Тулонскомъ карантинѣ. Чгоже бы вышло? Жалобы, обвиненія дошли бы до Директоріи и сдѣлались бы могущественнымъ оружіемъ противъ Бонапарте. Его конечно отдали бы подъ судъ и вѣроятно выключили бы изъ службы; ибо жалобы были такого рода, что могли сіе произвести,

въ чѣмъ каждый конечно убѣдится прочитавъ слѣдующее письмо Клебера, имъ мнѣ отданное:

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА КЛЕБЕРА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ ФРАНЦИИ.

Главная квартира Каиръ, 4 Вандеміра
VIII года (26 Сентября 1799).

«ГРАЖДАНЕ ДИРЕКТОРЫ,

«Главнокомандующій Бонапарте отправился во Францію 6 Фруктидора утромъ, ни кого о томъ не предупредивъ: онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ Розеттѣ 7 числа: и я нашель тамъ однѣ только его депеши. Не зная удалось ли Генералу благополучно переплыть черезъ море, я долгомъ считаю преспроводить при семъ копіи съ предписанія, коимъ онъ передаетъ мнѣ предводительство надъ армією и съ письма его къ Великому Визирю въ Константинополь; хотя ему и было извѣстно что Паша сей прибылъ уже въ Дамасскъ.

«Прежде всего озаботился я тѣмъ, чтобы въ точности узнать настоящее состояніе арміи.

«Вамъ извѣстно, Граждане Директоры, и вы можете приказать сдѣлать справку о силѣ оной по прибытіи ея въ Египетъ; она уменьшена до половины и мы занимаемъ всѣ главныя точки треугольника отъ пороговъ до Эль-Аришна; отъ Эль-Аришна до Александріи и отъ Александріи до пороговъ.»

«Однакожь теперь дѣло состоитъ не въ томъ, «только чтобы бороться съ нѣсколькими орда- «ми оробѣвшихъ Мамелюковъ, но должно про- «тивостоять соединеннымъ усиліямъ трехъ мо- «гущественныхъ державъ: Порты, Англіи и «Россіи.

«Недостатокъ въ оружіи, въ порохѣ, въ же- «лѣзѣ и въ свинцѣ представляетъ столь же бѣдст- «венную картину какъ великая и быстрая «убыль людей, о которой я вамъ говорилъ. «Опыты литья не удались; пороховая фабрика, «устроенная въ Рюондѣ не доставила еще, и вѣро- «ятно не доставитъ результатовъ, которыхъ отъ «нея ожидали; наконецъ, починка огнестрѣльна- «наго оружія идетъ медленно, а дабы придать «симъ заведеніямъ дѣятельности, нужны деньги «и способы, коихъ мы не имѣемъ.

«Войска наги; и эта нищета въ одеждѣ тѣмъ «огорчительнѣе, что она, какъ всѣмъ признано, «есть одна изъ главныхъ причинъ кровавыхъ «поносовъ и глазныхъ болѣзней, постоянно сви- «рѣпствующихъ; первая изъ нихъ сильно дѣй- «ствовала въ этомъ году на тѣла, ослабшія и «изнуренныя усталостью. Врачи безпрестанно «замѣчаютъ и доносятъ, что хотя армія и зна- «чительно уменьшилась, а нынѣшній годъ го- «раздо болѣе больныхъ чѣмъ было прошедша- «го года въ эту же эпоху.

«Правда что Генераль Бонапарте предъ отъ-
Часть III.

«Въдомъ своимъ приказалъ одѣть въ сукно «армію; но на счетъ сего предмета, какъ и на «счетъ многихъ другихъ, онъ при этомъ только «и остался и бѣдность финансовъ, составляющая «новую препону къ преодоленію конечно привела «сего въ необходимость отложить исполненіе сей «полезной мѣры. Надобно поговорить объ этой «бѣдности.

«Генераль Бонапарте истоцилъ всѣ чрезвы- «чайные способы въ первые мѣсяцы нашего «прибытія: онъ собралъ столько военныхъ на- «договъ, сколько земля была въ состояніи дать: «прибѣгать теперь къ этимъ способамъ, тогда «какъ мы извнѣ окружены неприятелями, зна- «чило бы приготовить бунтъ при первомъ бла- «гоприятномъ случаѣ. Однакоже Генераль Бона- «парте, при отъѣздѣ своемъ не оставилъ ни «одного су въ казнѣ: напротивъ того за нимъ «недоимка около двѣнадцати миліоновъ; это со- «ставляетъ болѣе чѣмъ годовой доходъ въ на- «стоящемъ положеніи. Невыданное войскамъ жа- «лованье простирается только до четырехъ ми- «ліоновъ.»

«Наводненіе дѣлаеть невозможнымъ собрать «теперь недоимку за истекшій годъ, едва доста- «точную для расходовъ на одинъ мѣсяць; и по- «тому не ранѣе какъ въ Фримерѣ мѣсяць мож- «но будетъ начать сборъ оной, а тогда безъ

всякаго сомнѣнія нельзя будетъ его произ-
«вестъ ибо придется воевать.»

«Наконецъ по весьма дурному въ нынѣшній
«годъ наводненію Нила, многія области, за не-
«достаткомъ воды представлятъ невозможность
«внесенія податей, которой нельзя будетъ не
«принять въ уваженіе.»

«Все написанное мною, Граждане Директоры,
«я могу доказать бумагами и засвидѣтель-
«ствованными вѣдомостями разныхъ управле-
«ній.»

«Хотя Египетъ повидимому и спокоенъ но
«онъ вовсе не покорствуеъ; народъ беспокоится
«и видитъ въ насъ, что бы мы ни дѣлали, толь-
«ко неприятелей своей собственности: сердца его
«безпрестанно отверсты надеждѣ благопріятной
«перемѣны.»

«Мамелюки разсѣяны, но не истреблены:
«Мурадъ Бей все еще находится въ Верхнемъ
«Египтѣ съ довольно достаточнымъ числомъ
«людей для того чтобы безпрестанно зани-
«мать часть нашихъ силъ: если его оста-
«вить на минуту, то войско его очень скоро
«усилится и онъ безъ сомнѣнія придетъ без-
«покоить насъ даже въ столицѣ, которая не
«взирая на величайшую бдительность, до сихъ
«поръ не переставала доставлять ему пособія
«оружіемъ и деньгами.»

«Ибрагимъ находится въ Газѣ, имѣя около

«двухъ тысячъ Мамелюковъ и я увѣдомился, что тридцать тысячъ человѣкъ арміи Верховнаго Визиря и Деззара-Паши, уже туда прибыли.

«Верховный Визирь отправился въ Дамаскъ сдней двадцать тому назадъ; онъ стоитъ теперь лагеремъ близъ Акры.

«Такое, Граждане Директоры, положеніе, въ коемъ Генераль Бонапарте оставилъ мнѣ тяжкое бремя Восточной арміи: онъ видѣлъ приближающійся роковой переломъ: ваши повелѣнія конечно не дозволили ему преодолѣть оный. «Что переломъ сей существуетъ, это доказываютъ его письма, его инструкціи, и начатые имъ переговоры: онъ всѣмъ извѣстенъ и наши непріатели повидимому столь же хорошо объ немъ знаютъ какъ и находящіеся въ Египтѣ Французы.

«Если въ этотъ годъ—сказалъ мнѣ Генераль Бонапарте — не смотря на всѣ предосторожности, въ Египетъ проникнетъ чума и вы потеряете болѣе тысячи пяти сотъ человѣкъ—потеря значительная ибо она превзойдетъ ту, которая ежедневно производится случайностями войны; то говорю что въ такомъ случаѣ вы не должны отваживаться на выдержаніе еще кампаніи и уполномочиваетесь заключить съ Оттоманскою Портою миръ, хотябы даже выходъ изъ Египта былъ главнымъ оного условіемъ.

«Представляю на ваше благоусмотрѣніе, Граждане Директоры, статью сію, ибо она замѣчательна по многимъ отношеніямъ, и въ особенности показываетъ опасное положеніе, въ которомъ я нахожусь.

«Что значать тысяча пять сотъ человекъ болѣе или менѣе на обширномъ пространствѣ, которое я долженъ защищать, вступая ежедневно въ бой?»

«Въ другомъ мѣстѣ, Генераль говоритъ: Александрія и Эль-Аришъ, вотъ два ключа Египта.

«Эль-Аришъ есть плохая крѣпость на четыре дня пути въ степи; большое затрудненіе продовольствія не позволяетъ держать тамъ болѣе двухъ сотъ пятидесяти человекъ гарнизона: шесть сотъ Мамелюковъ могутъ, когда захотятъ, прервать ея сообщеніе съ Катіе; и какъ при отъѣздѣ Бонапарте, гарнизонъ сей имѣлъ не болѣе какъ на двѣ недѣли впередъ продовольствія, то не болѣе сего времени потребуется для того чтобы принудить его сдаться безъ всякой борьбы.

«Одни только Арабы могли бы постоянно доставлять обозы чрезъ знойныя степи; но съ одной стороны, они столько разъ уже были обмануты, что вмѣсто предложенія намъ услугъ своихъ, они удаляются и прячутся; а съ другой, прибытіе Верховнаго Визиря, который воспламеняетъ ихъ изувѣрство и расточаетъ

«нимъ дары, — столькоже содѣйствуетъ къ тому чтобы они насъ покидали.

«Александрія не крѣпость;—это огромный, обнесенный окопами лагерь: правда что онъ «быль довольно хорошо защищенъ многочисленною осадною артиллерією; но послѣ того какъ мы потеряли эту артиллерію въ бѣдственной Сирійскую кампанію, послѣ того какъ Бонапарте взялъ всѣ морскія орудія для того чтобы вооружить вполнѣ два Фрегата, на которыхъ онъ отправился, лагерь сей можетъ «представить одно только слабое сопротивленіе.

«Генераль Бонапарте слишкомъ много возмечталъ о дѣйствіи, которое долженствовалъ «произвестъ успѣхъ, одержанный имъ при вратахъ Абукира. Онъ дѣйствительно истребилъ «почти всѣхъ Турокъ, высаженныхъ на берегъ; но что значить такая потеря для великой Державы, у которой похитили лучшую часть ея «владѣній и которой вѣра, честь и выгоды «равно повелѣваютъ отмстить за себя и «возвратить то, что у нея отняли? А посему эта «побѣда ни одною минутою не замедлила ни «приготовленій, ни похода Верховнаго Визиря.

«Въ этомъ положеніи вещей, что я могу; что я долженъ дѣлать? Думаю, Граждане Директоры, «что я обязанъ продолжать переговоры, начатые Генераломъ Бонапарте; если они и не «доставятъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ

«выигрыша времени, то я уже и тѣмъ могу
«быть доволенъ. Вы найдете приложенное при-
«семь письмо, которое я въ слѣдствіе сего пишу
«къ Верховному Визирю, отправивъ къ нему
«вмѣстѣ съ онымъ дубликатъ письма Бонапартс;
«если Министръ сей будетъ отвѣчать на этотъ
«вызовъ то я предложу ему обратную отдачу
«Египта на слѣдующихъ условіяхъ:

«Султанъ постановить въ немъ по прежнему
«Пашу: ему предоставится подать мира, кото-
«рую Порта всегда собирала.

«Торговля будетъ открыта обоюдно между
«Египтомъ и Сирією.

«Французы останутся въ томъ краю, занимая
«города и крѣпости и будутъ собирать всѣ про-
«чія подати, равно какъ и таможенныя до тѣхъ
«поръ, пока Правительство заключить миръ съ
«Англією.

«Если эти предварительныя, сокращенно из-
«ложенныя условія будутъ приняты, то я сочту
«что сдѣлалъ для отечества болѣе чѣмъ сколь-
«ко можно бы пріобрѣсть самую блистатель-
«ною побѣдою; но я сомнѣваюсь чтобы вняли
«такимъ предложеніямъ. Еслибъ Турецкая гор-
«дость онымъ и не воспротивилась, то надобно
«будеть бороться со вліяніемъ Англичанъ: во
«всякомъ случаѣ, я буду руководствоваться об-
«стоятельствами.

«Я знаю всю важность обладанія Египтомъ. «Я говорилъ въ Европѣ что онъ для Франціи «есть точка опоры, съ коею она можетъ потрясти «систему торговли четырехъ частей свѣта; но «для этого нуженъ могущественный рычагъ;— «рычагъ сей есть флотъ; нашъ, существовалъ; «съ тѣхъ поръ все перемѣнилось; и одинъ толь- «ко миръ съ Турцією можетъ, какъ мнѣ кажет- «ся, открыть намъ почетную дорогу для того «чтобы обратиться съ предпріятія, которое не «можетъ уже достигъ предложенной цѣли.

«Не стану входить, Граждане Директоры, въ «подробности всѣхъ дипломатическихъ сообра- «женій, которыя можетъ представить настоящее «положеніе Европы: это не подлежитъ моему «разсужденію.

«Въ бѣдственномъ моемъ положеніи и слыш- «комъ удаленный отъ средоточія движеній, я «ничѣмъ болѣе не могу заниматься кромѣ какъ «спасеніемъ и честью арміи, мною предводи- «тельствуемой. Счастливымъ себя сочту, еслибъ «чрезъ мою попечительность я успѣлъ въ мо- «ихъ желаніяхъ! Приблизясь къ вамъ, я огра- «ничу всю мою славу моимъ вамъ повинове- «ніемъ.

«Прилагаю при семъ, Граждане Директоры, точ- «ную опись о недостаткахъ артиллерійскихъ «снарядовъ и перечневую вѣдомость о долгахъ,

«сдѣланномъ и оставленномъ Генераломъ Бо-
«напарте (*).

«Поклонъ и почтеніе.

«Подписано: *КЛЕБЕРЪ*»

«P. S. Въ ту самую минуту, Граждане Директоры,
«какъ я отправляю къ вамъ письмо сіе, четыр-
«надцать или пятнадцать Турецкихъ судовъ ос-
«становились на якорѣ предъ Дамісттою въ ожи-
«даніи флота Капитанъ-Паши, который нахо-
«дится въ Яфѣ и на которомъ посажено, какъ
«сказываютъ, отъ пятнадцати до двадцати ты-
«сячъ войска. Пятнадцать тысячъ собрано въ
«Газѣ и Верховный Визирь направляетъ путь къ
«Дамасску. Онъ на сихъ дняхъ прислалъ къ намъ
«обратно солдата 25-й Полубригады, взятаго въ
«плѣнъ въ Эль-Арнискской крѣпости; показавъ ему
«весь свой лагерь, онъ велѣлъ ему пересказать то-
«варищамъ видѣнное имъ, а Генералу своему под-
«твердить, чтобы онъ трепеталъ. Это повиди-
«мому показываетъ или увѣренность Верховна-
«го Визиря въ своихъ силахъ или желаніе сбли-
«зиться. Что касается до меня, то я не въ со-
«стояніи собрать болѣе пяти тысячъ человекъ,
«способныхъ къ бою: не взирая на то я попы-
«таюсь незлыли будетъ выиграть время черезъ
«переговоры. Джебзаръ вывелъ войска свои изъ

(*) Поболытно сличить это *истинное* письмо съ *официаль-
ными* бумагами. Смотри приложенія.

«Газы и приказалъ имъ возвратиться въ Акру.»

Подписано: *КЛЕБЕРЪ*»

Прочія письма изъ Египта не менѣе содержали въ себѣ обвиненій какъ и донесеніе Клебера; но мнѣніе Генерала, сдѣлавшагося Главнокомандующимъ и обвиняющаго своего предметника съ такою опредѣлительностью имѣло бы большой вѣсъ особенно тогда какъ усмотрѣли бы сходственность подобныхъ же жалобъ и обвиненій, державшихся въ прочихъ письмахъ. Наполеона неизбѣжно бы обвинили и тогда—не было бы ни 18 Брюмера, ни Консульства, ни Имперіи, ни завоеваній въ цѣлой Европѣ; но также не было бы и острова Св. Элены; все это произошло отъ того, что Англійскій флотъ, присутствіемъ своимъ въ водахъ Корсики, принудилъ фрегатъ *Мюиронъ* плыть на удачу и пристать къ берегу гдѣ случится.

Египетскій походъ слишкомъ много занималъ мѣста въ жизни Бонапарте для того, чтобы онъ не ощущалъ живѣйшаго желанія часто представлять воспоминанію публикѣ о своихъ подвигахъ на востокъ. Пригомъ же надобно было, чтобы не переставали видѣть въ Главѣ Республики, перваго изъ ея полководцевъ, осужденнаго не воевать. Между тѣмъ какъ Моро получили предводительство надъ Рейнскими арміями, а Массена былъ сдѣланъ Главнокомандую-

щимъ Италіянскою армію въ награду за знаменитую его побѣду при Цирихѣ, и между тѣмъ какъ Брюнъ начальствовалъ надъ войсками въ Батавіи; онъ, коего жизнь протекала въ лагерьхъ, утѣшался во временномъ своемъ бездѣйствіи обращая взоры на свои прежнія побѣды и не позволялъ, чтобы слава объ немъ хоть на минуту умолкала. Для сего-то, сдѣлавшись главою Правительства, онъ приказалъ, съ краткими промежутками печатать въ Мониторѣ описанія его Египетскаго похода. Онъ часто радовался тому, что сдѣланные на него доносы, а въ особенности вышепомѣщенное письмо Клебера, попали къ нему въ руки; Бонапарту такъ умѣлъ владѣть собою, что прочитавъ его, онъ тотчасъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее воззваніе къ Восточной арміи.

«Солдаты,

«Консулы Республики часто занимаются Восточною армією.

«Франціи извѣстно все вліяніе вашихъ завоеваній на возстановленіе ея торговли и просвѣщенія свѣта.

«Вся Европа на васъ смотритъ. Я часто мысленно пребываю съ вами.

«Въ какое бы положеніе обстоятельства войны ни привели васъ, останьтесь всегда солдатами Риволи и Абукира,—и вы будете ценобъдимы.

«Ильйте къ Клеберу туже довѣренность, которую вы ко мнѣ имѣли; онъ ее заслу-живаетъ.»

«Солдаты, вспомните тотъ день, когда, побѣдоносные, вы вступите на священную почву: это будетъ день славы для цѣлой Франціи.»

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о характерѣ Бонапарте, какъ отзывъ его на счетъ Клебера, послѣ того какъ видѣли, что Клеберъ говорилъ объ немъ Директоріи. Притомъ же, послѣ столь лестныхъ выраженій, кому бы пришло въ голову, чтобы переписка изъ Египта была наполнена обвиненіями. Должно однакоже сознаться, что если большая часть этихъ обвиненій была справедлива, то письма изъ Египта заключали также въ себѣ много клеветы. Читая то что было справедливо, Бонапарте немного говорилъ, но онъ очень былъ чувствителенъ къ живымъ показаніямъ; на примѣръ его сильно огорчило заключавшееся въ нѣкоторыхъ письмахъ обвиненіе, будто бы онъ вывезъ изъ Египта миліоны. Я сказалъ что было и никогда не могъ постигнуть что подало поводъ къ столь безстыдной лжи; я въ состояннн математически доказать, что не только не бравъ ничего изъ казны своей арміи, Бонапарте самъ не получилъ изъ оной всего своего жалованья; пока онъ самъ сдѣлался

Правительствомъ — Правительство было ему должно.

Въ существѣ мы очень хорошо знали что думать о Египетскомъ походѣ; но Бонапарте благосклоннымъ окомъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые расхваливали еще эту экспедицію. Доставшаяся ему въ руки переписка, была очень для него важна; сообщенные объ немъ по довѣренности отзывы служили драгоценными документами для того чтобы узнать мнѣніе, объ немъ цитаемое; она сдѣлалась причиною многихъ наградъ и многихъ немилостей, которыя не знали чему приписать; она можетъ лучше всего другаго объяснить возвышеніе столькихъ посредственныхъ людей, получившихъ мѣста и почести и въ тоже время обнаруживаетъ за что другіе, истинно достойные люди попали въ немилость или остались въ забвеніи. Ахъ! сколько надобно гибкости для того чтобы постоянно поддерживать себя въ милости! Если желаешь въ оной удержаться, то берегись говорить сегодня такъ, какъ ты говорилъ вчера. Вѣтеръ перемѣнился, перемѣнись и ты съ вѣтромъ; хули то что ты хвалилъ; хвали то что хулилъ и ты сдѣлаешь свою дорогу.

Г Л А В А XIII.

Знаменитые мужи и простые люди.—Содержаніе моей главы.—
Портретъ Наполеона.—Живость его взгляда.—Невольная
привычка.—Предчувствіе Бонапарте на счетъ его тучно-
сти.—Двухчасовыя ванны.—Воздержность Наполеона.—
Сонъ.—Особенныя наставленія.—Бритье бороды и журна-
лы.—Утренняя работа.—Завтракъ.—Цыпленокъ á la Ma-
tengo.—Кофе и табакъ.—Любовь къ славъ.—Мнѣніе На-
полеона о его положеніи.—Любовь къ Франціи.—Вліяніе
бездѣлокъ.—Пренебреженіе къ людямъ.—Египетская при-
дѣлщица и Кардиналъ въ Оперной кассѣ.—Невѣрованіе
друзбѣ.—Шужда въ свидѣтель.—Независть Наполеона къ
людямъ Революціи.—Серіозная шутка.—Привычка накло-
нять стулъ.—Колокольный звонъ.—Мальмезонскіе сады.—
Бѣлыя платья.—Болтовня, изреченія и анекдоты.—Пре-
дѣла Наполеонова разговора.—Обязательныя дурачества.—
Медицина.—Память мѣсть.—Печувствительность къ поэзи
и Корнель Министръ.—Необязательныя пріѣтствія же-
нщинамъ.—Игра и разговоръ.—Парадный кафтанъ съ чер-
нымъ галстукѣмъ.—Дурная уплата по подрядамъ.—По-
нятіе Наполеона о вѣрѣ.—Упрямство.—Характеръ Бонапар-
те.—Окончаніе его портрета.

Не правда ли, что читая исторію великихъ
мужей древности, мы жалѣемъ, что историки
ихъ забывали говорить о человѣкѣ, описывая

только героя? Дѣйствительно хотя мы встрѣчаемъ наивеличайшее сходство между простымъ человѣкомъ и знаменитымъ мужемъ при разсмотрѣніи ихъ обоихъ въ подробностяхъ частной жизни, но тѣмъ не менѣе справедливо, что вообще всякому пріятно узнать малѣйшія привычки тѣхъ людей, которыхъ великіе таланты и обширная слава возвысили предъ ихъ подобными. Дѣйствіе ли это простаго любопытства? или не скорѣе ли это невольное движеніе самолюбія, и не стараемся ли мы, вовсе о томъ не помышляя, утѣшать себя въ ихъ превосходствѣ, видя ихъ погрѣшности, ихъ слабости, даже ихъ странности, словомъ сказать, всѣ точки соприкосновенія ихъ съ обыкновенными людьми? А посему для удовлетворенія любопытныхъ этого рода касательно Наполеона, я рѣшился посвятить главу сію на изображеніе его такимъ какъ я его видѣлъ, въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, описавъ его вкусы, его привычки, его пристрастія и его прихоти. Я долженъ прибавить, что я могу поручиться за вѣрность портрета, который попытаюсь начертать, только съ 1792 по 1804 годъ, за то время, въ которое я съ нимъ не разставался. Въ послѣдствіи узнають о перемѣнахъ, которыя время должноствовало произвести въ Наполеонѣ въ продолженіе слѣдующихъ восемнадцати лѣтъ. Предупреждаю также читателя, что

мнѣ иногда необходимо будетъ обращаться къ прошедшему и даже можетъ быть заимствоваться впередъ изъ четырехъ годовъ, послѣдовавшихъ за эпохою, кою мы достигли, т. е. начала Консульства. Притомъ прошу извиненія у строгихъ читателей, которые найдутъ, что я низошелъ до мелочей.

Самые искусные живописцы и ваятели старались изобразить на холстѣ или изсѣчь изъ мрамора черты Наполеона; большая часть этихъ искусныхъ художниковъ, коихъ талантами гордится Франція, счастливо схватили обликъ лица его и не смотря на то, можно сказать, что не существуетъ ни одного портрета, совершенно на него похожаго. Это отъ того что даже и генію не дано власти преодолѣвать невозможное. Могли изобразить его выпуклый черепъ; прекрасный лобъ; неподобное чело его; блѣдное, продолговатое лице и свойственную его физиогноміи задумчивость; но живость его взгляда выходила изъ области подражанія. Взглядъ сей повиновался его волѣ съ быстротою молніи, исходя въ тоже мгновеніе изъ острыхъ, пронизательныхъ глазъ его—то кроткимъ, то строгимъ, то грознымъ, то ласковымъ. Можно сказать, что Бонапарте имѣлъ особенное выраженіе лица для каждой мысли, волновавшей его душу.

Бонапарте имѣлъ прекрасныя руки и очень цѣнили эту красоту; почему онъ особенно ими

занимался и иногда, разговаривая, съ удовольствіемъ ихъ разсматривалъ. Онъ имѣлъ также притязаніе на прекрасныя зубы; но это притязаніе казалось мнѣ менѣе основательнымъ, чѣмъ то, которое онъ имѣлъ на счетъ рукъ своихъ.

Прогуливаясь одинъ или съ кѣмъ нибудь, въ комнатахъ или въ саду своемъ, онъ ходилъ нѣсколько согнувшись и сложивъ на спинѣ руки. Онъ часто дѣлалъ невольное движеніе правымъ плечомъ, нѣсколько поднимая оное и въ тоже время подвигая ротъ немного въ право. Еслибъ не знали, что эти два мускульныя движенія составляли у него одну только привычку, то можно бы подумать что у него судороги.

Впрочемъ эти движенія были признаками что онъ очень занятъ и показывали родъ напряженія ума, когда онъ обдумывалъ великія мысли. Часто послѣ этихъ прогулокъ онъ составлялъ или диктовалъ мнѣ самыя важныя бумаги. Онъ былъ неутомимъ, не только на конѣ и при арміи; ибо иногда ходилъ сряду по пяти и по шести часовъ, вовсе того не замѣчая.

Онъ имѣлъ привычку, прохаживаясь съ челоукомъ, съ которымъ онъ коротко обходился, брать его руку подъ свою и облакачиваться на нея.

Бонапарте часто говаривалъ мнѣ: *Ты видишь,*
Часть III.

Буріеннъ, какъ я воздержень и худощавъ; однакожь, не смотря на то, меня никто не разубѣдитъ съ мысли что сорока лѣтъ я сдѣлаюсь большимъ объѣдалой и что я огень растолстѣю. Я предвижу что мое тѣлосложеніе перемѣнится; а кажется я дозволю дѣлать движенія; но что дѣлать? это ужъ предгустіе и непременно случится. Мысль сія очень его тревожила; но какъ ничто не дозволяло мнѣ тогда раздѣлять оную, то я обыкновенно называлъ опасенія его пустыми. Но онъ меня не слушалъ; и въ продолженіе всего того времени, которое я при немъ пробылъ, эта мысль ни на минуту его не покидала. Она была очень основательна.

Онъ имѣлъ къ ваннамъ истинную страсть, которую считалъ необходимостью. Онъ обыкновенно сидѣлъ въ водѣ два часа. Въ это время я читалъ ему извлеченія изъ журналовъ или какіе нибудь новыя сочиненія, ибо онъ хотѣлъ бы все слышать, все знать, все видѣть самъ. Сидя въ ваннѣ, онъ безпрестанно отворялъ кранъ горячей воды и увеличивалъ температуру своей ванны до такой степени, что я находился въ атмосферѣ пара, не позволявшаго мнѣ различать буквы и продолжать чтеніе. Тогда принуждены были отворять дверь (*).

(*) Въ Запискахъ острова Св. Елены упоминается о трехъ часовыхъ ваннахъ. Очевъ можетъ быть что частыя, продол-

Я всегда зналъ Наполеона чрезвычайно воздержнымъ и врагомъ всякихъ излишествъ. Онъ зналъ нелѣпыя сказки, объ немъ распространяемыя и это иногда выводило его изъ терпѣнія. Не повторяли ль повсюду, будто бы онъ подверженъ припадкамъ падачей болѣзни? Въ продолженіе слишкомъ одиннадцати лѣтъ, постоянно мною при немъ проведенныхъ, я никогда не видалъ въ немъ ни малѣйшаго признака, хоть сколько нибудь похожаго на эту болѣзнь; онъ былъ очень здоровъ и бодръ.—Если непріатели его думали повредить ему въ общемъ мнѣніи приписавъ ему важный періодическій недугъ; то льстецы, вѣроятно вообразивъ, что сонъ несовмѣстенъ со славою, не болѣе были правдивы говоря о его мнимыхъ бдѣніяхъ. Бонапарте заставлялъ не спать другихъ, но самъ спалъ и спалъ хорошо. Онъ приказалъ мнѣ будить себя всякой день въ семь часовъ утра: и такъ я первый входилъ въ его комнату; но довольно часто, когда я разбужалъ его, онъ говорилъ мнѣ еще сквозь сонъ: *Ахъ! Буріеннъ, прошу тебя, дай мнѣ еще невозможно поспать.* Когда не было ничего нужнаго, то я приходилъ опять не прежде осми часовъ. Вообще

жителиныя и горячія ванны Наполеона содѣйствовали къ произведенію рановременной тучности, которой онъ столько страшился. Я помню что я часто дѣлалъ ему это замѣчаніе.

онъ спалъ по семи часовъ въ сутки и нѣсколь-
ко минутъ дремалъ послѣ полудня.

Между данными мнѣ Наполеономъ частными наставленіями, одно довольно странно: *Ногью, сказалъ онъ мнѣ, ты какъ можно рѣже входи ко мнѣ въ горницу. Не буди меня никогда при поугненіи доброй вѣсти; для доброй вѣсти нечего торопиться. Но если придетъ дурное извѣстіе, то буди меня въ ту же минуту ибо не должно терять ни секунды.* Этотъ расчетъ былъ хорошъ и Бонапарте часто испытывалъ пользу онаго.

Какъ только Бонапарте вставалъ, камердинеръ его брилъ ему бороду и чесалъ волосы. Во время бритья, я читалъ ему журналы, начиная всегда съ *Монитёра*. Онъ обращалъ вниманіе только на Нѣмецкіе и на Англійскіе журналы: *Милло, лилло*, говорилъ онъ при чтеніи Французскихъ журналовъ, *я знаю что въ нихъ есть: они говорятъ только то, что мнѣ угодно.* Я не разъ долженъ былъ удивляться тому что камердинеръ не обрѣзывалъ его при этихъ чтеніяхъ; ибо, услыхавъ что нибудь замѣчательное, онъ всегда вдругъ ко мнѣ оборачивался.

По окончаніи наряда, которымъ Бонапарте очень занимался, будучи чрезвычайно опрятенъ, мы сходили вмѣстѣ въ кабинетъ его. Тамъ онъ подписывалъ отвѣты на важныя просьбы, наканунѣ мною разсмотрѣнныя. Осо-

бенно въ пріемные, торжественные дни, онъ исправно подписывалъ эти отвѣты ибо, я всегда напоминалъ ему что ббольшая часть просителей встрѣтятъ его въ покояхъ или на дорогѣ и будутъ требовать отвѣтовъ; а дабы избавить его отъ этой скуки, я спѣшилъ заблаговременно объявлять имъ что исполнено и въ чѣмъ отказано, т. е. какъ рѣшилъ Первый Консуль. —Послѣ сего онъ читалъ распечатанныя письма, положенныя мною на столъ его по порядку важности ихъ содержанія и на которыя онъ поручалъ мнѣ отвѣчать отъ его имени. Иногда однакоже онъ отвѣчалъ и самъ, но рѣдко.

Въ десять часовъ, метръ д'отель докладывалъ ему, что завтракать подано. Мы отправлялись къ завтраку, который былъ чрезвычайно умѣренъ. Тогда онъ почти каждое утро ѣлъ цыпленка со скромнымъ луковымъ соусомъ, котораго кажется называли *poulet à la Provençale* и который въ послѣдствіи увѣковѣчилъ на росписяхъ нашихъ ресторацій, память о знаменитой битвѣ, подъ болѣе честолюбивымъ названіемъ *poulet à la Marengo*.

Бонапарте мало пилъ вина, употребляя всегда Бордосское или Бургонское и предпочтительно послѣднее. Послѣ завтрака, также какъ и послѣ обѣда, онъ пилъ чашку хорошаго кофе (*).

(*) Г. Бриліа де Саварень, коего память драгоцѣнна всѣмъ обжорамъ, постановилъ слѣдующее гастрономическое пра-

Я *никогда* не видалъ, чтобы онъ пилъ кофе кромѣ сего въ теченіе дня и право не знаю, чему приписать страсть, которую предполагаютъ въ Наполеонѣ къ кофе. Это предположеніе должно принадлежать тѣмъ же, которые утверждали, будто бы онъ не спалъ по ночамъ; одна изъ этихъ басней была необходима для объясненія другой. Когда онъ работалъ очень поздно ночью, то приказывалъ подавать не кофе, а шоколатъ, котораго приглашалъ и меня выинить съ нимъ чашку; но это случалось въ такомъ только случаѣ, когда наши занятія продолжались до двухъ или до трехъ часовъ утра.

Разказы о мнимомъ, непомерномъ употребленіи Наполеономъ табаку, столько же справедливы, какъ и о кофе. Онъ точно съ молодыхъ лѣтъ любилъ нюхать табакъ, но употреблялъ его мало, держа его въ табакеркѣ, которыхъ имѣлъ много, ибо это было одно изъ его пристрастій; и если онъ имѣлъ какое либо сходство съ Фридрихомъ, то ужъ конечно не тѣмъ, чтобы превращать жилетный карманъ въ табачную кладовую, ибо онъ, какъ уже сказано, доводилъ опрятность до изысканности.

Бонапарте имѣлъ двѣ настоящія страсти:

вило: «Тотъ, кто не пьетъ свареннаго на водѣ кофе, послѣ каждой ѣды, есть конечно человекъ, не получившій воспитанія.»

славу и войну. Онъ ни гдѣ не былъ столь весель, какъ въ лагерѣ; ни гдѣ не былъ столь угрюмъ, какъ находясь въ покоѣ: памятники также нравились его воображенію; замыслы исполнскихъ построекъ лучше всего наполняли пустоту, производимую въ немъ бездѣйствіемъ. Онъ зналъ, что памятники составляютъ часть исторіи народовъ; что ихъ продолжительное существованіе доказываетъ образованность оныхъ чрезъ долгое время послѣ того какъ народы сіи исчезли съ лица земнаго и что они часто передаютъ за истину отдаленнымъ поколѣніямъ, баснословныя завоеванія. Онъ однако же ошибся въ способъ достиженія цѣли, имъ желаемой. Вензеля его, трофеи, а въ послѣдствіи, орлы, великолѣпно сіли на памятникахъ его царствованія; но за чѣмъ было стараться прицѣплять къ своему царствованію даже старыи Лувръ, усѣвая его начальными буквами своего имени. Это множество литеръ N, повсюду изображенныхъ, ничего не могло сдѣлать противъ сказаній исторіи (*); замѣненіе оными другихъ вензелей не въ состояніи было измѣнить порядокъ вещей. Не смотря на то,

(*) Когда Людовикъ XVIII въ первый разъ возвратился въ Тюліери въ 1814 году, то онъ замѣтилъ, что Бонапарте прекрасный жилецъ и въ весьма хорошемъ состояніи возвращается ему эти мѣста. Когда ему указали множество литеръ N, повсюду развѣянныхъ, то онъ очень умно сказалъ окружавшимъ его, два слѣдующіе Лафонтеновы стиха:

Бонапарте зналъ, что изящныя искусства сообщаютъ великимъ подвигамъ продолжительную славу и сохраняютъ память о Государяхъ, которые имъ покровительствовали и оныя ободряли. Однакожь онъ не одинъ разъ говорилъ мнѣ: *Большая слава есть большой шумъ; тѣмъ больше его дѣлаешь, тѣмъ далѣе онъ распространяется. Законы, учрежденія, памятники, народы,—все уничтожается; но шумъ остается и занимаетъ слухъ другихъ поколѣній.* Это была одна изъ его любимыхъ мыслей. *Власть моя, говорилъ онъ мнѣ еще, зависитъ отъ моей славы, а слава моя отъ побѣдъ, мною одержанныхъ. Могущество мое пало бы, еслибъ я не поддержалъ его основанія новою славою и новыми побѣдами. Завоеванія сдѣлали меня тѣмъ что я есть, и одни только завоеванія могутъ поддержать меня.* Сія-то мысль, въ то время и вѣроятно всегда имъ обладавшая, заставляла его безпрестанно мечтать о новыхъ войнахъ и разсѣвать оныя по всей Европѣ. Онъ думалъ что остановясь, онъ падеть: отсюда раждалось желаніе всегда идти впередъ; а для него не значило дѣйствовать не дѣйствуя съ величіемъ и силою. Эта могущественная потребность была нераздѣльна съ его жизнен-

«Il aurait volontiers écrit sur son chapeau,
«C'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau.»
(Онъ охотно написалъ бы у себя на шляпѣ
Я Гилло, пастухъ этого стада.)

нымъ составомъ. *Новорожденное правитель-ство*, говорилъ онъ мнѣ, *должно ослеплять и удивлять. Переставъ издавать блескъ, оно падаетъ.* Дѣйствительно нельзя было требо-вать спокойствія отъ человѣка, который былъ самъ движеніе.

Чувства его къ Франціи очень различество-вали отъ тѣхъ, которыя онъ питалъ въ своей молодости. Долго его огорчало воспоминаніе о завоеваніи Корсики, которую онъ тогда доволь-ствовался имѣть родиною; но это воспомина-ніе изгладилось и я могу сказать, что онъ лю-билъ Францію страстно. Воображеніе его вос-пламенялось при одной мысли видѣть се вели-кою, счастливою, могущественною, первую страню въ свѣтѣ и предписывающею законы другимъ народамъ. Онъ видѣлъ свое имя не-разрывно соединеннымъ съ именемъ этой пре-красной Франціи и слышалъ повтореніе онаго въ отдаленнѣйшія времена. Во всѣхъ его дѣ-лахъ, настоящая минута исчезала предъ буду-щими вѣками и во всѣхъ мѣстахъ, куда его приводила война, онъ имѣлъ у себя въ мысляхъ мнѣніе Франціи. Подобно какъ Александръ при Арбеллѣ менѣе радовался побѣдѣ надъ Даріемъ, чѣмъ тому что пріобрѣлъ оною одобреніе Ави-нянъ,—и Наполеонъ при Маренго ласкалъ се-бя мыслью: *Что теперь скажутъ во Фран-ціи?*

Передъ сраженіемъ, Бонапарте мало заботился о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ случаѣ успѣха, но очень много о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступить при неудачѣ. Я привожу сіе какъ обстоятельство, котораго я самъ часто былъ свидѣтелемъ и предоставляю сподвижникамъ его судить, всегда ли были вѣрны его расчеты. Онъ могъ много сдѣлать, ибо отваживался на все и ничего не щадилъ. Чрезмѣрное честолюбіе стремилло его къ власти, а пріобрѣтенная власть усиливала его честолюбіе. Никто не былъ болѣе его убѣжденъ въ истинѣ, что бездѣлка часто рѣшаетъ важныя дѣла; вотъ почему онъ болѣе занимался наблюденіемъ за оными, чѣмъ ускореніемъ ихъ; видя какъ они пріуготовляются и зрѣютъ, онъ мгновенно овладѣвалъ ими и направлялъ ихъ по своему произволу. Посреди всѣхъ заботъ, причиняемыхъ ему мыслями о войнѣ и трудами государственнаго управленія, опасеніе Бурбоновъ безпрестанно его преслѣдовало, и эта столь великая, столь сильная дума видѣла въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи грозное страшное лице (*).

(*) Я узналъ, изъ *вѣрнаго источника*, что послѣ отъѣзда моего изъ Парижа, перехватывали даже простыя пригласительныя билеты на обѣды и въ собранія. Эти перехватыванья имѣли ту цѣль, чтобы разстроивать сборища или дѣлать ихъ малочисленнѣе; узнавать имена хозяевъ и гостей. Такова была важная цѣль сего великаго средства, употребленнаго правительствомъ.

Бонапарте отъ природы не былъ склоненъ уважать людей; онъ тѣмъ болѣе презиралъ ихъ чѣмъ лучше узнавалъ. Это неблагопріятное мнѣніе о родѣ человѣческомъ, сообщаемое опытною, оправдывалось въ немъ нѣсколькими разительными примѣрами. Строгость его была слѣдствіемъ часто повторяемаго имъ правила: *что дабы двигать людьми, нужны двѣ пружины: страхъ и выгоды*. Какое напримѣръ уваженіе могъ имѣть Бонапарте къ тѣмъ, которые добивались получить въ свое распоряженіе Оперную кассу? Она каждый день получала отъ ниръ значительную сумму, коей часть употреблялась на уплату передержки по расходамъ для сего великолѣпнаго театра, а остальные деньги имѣли тайное назначеніе. Оттуда были выдаваемы значительныя награды по повелѣніямъ, подписаннымъ Дюрокомъ. Въ небольшую дверь съ улицы *Ралио* часто выдали входящихъ людей весьма различнаго званія. Египетская пріятельница, которой мужъ, поавшій въ плѣнь, былъ коварно освобожденъ Англичанами, довольно часто посѣщала кассу; тамъ не разъ сходились ученый и актеръ, знаменитый ораторъ и изувѣченный музыкантъ. Однажды кассиру пришлось въ одно время имѣть дѣло со священникомъ, съ наложницею и съ Кардиналомъ, который уже не мѣнялъ какъ въ Корсикѣ, Турецкихъ монетъ.

Однимъ изъ величайшихъ несчастій Наполеона было то, что онъ не вѣрилъ дружбѣ и не ощущалъ потребности любить, одного изъ самыхъ пріятныхъ чувствъ, дарованныхъ человеку. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Дружба есть одно только слово; я никого не люблю. Нѣтъ, я даже не люблю моихъ братьевъ. Иосифа, можетъ быть, немножко; но если я и люблю его, то это по привычкѣ отъ того, что онъ старшій братъ мой . . . Дюрокъ! . . . А да! . . . его я также люблю; но за что? . . . Характеръ его мнѣ нравится. Онъ холоденъ, сухъ, строгъ; и притомъ Дюрокъ никогда не плачетъ! . . . (*) Что касается до меня, то мнѣ это все равно; я очень знаю, что у меня нѣтъ истинныхъ друзей. Пока я буду тѣмъ, что я есть, у меня будутъ друзья сколько мнѣ угодно. . . Видишь ли ты, Буріеннъ, надобно предоставить женщинамъ хныкать, это ихъ дѣло; но я? . . . я не долженъ быть чувствительнымъ! Должно быть твердымъ, имѣть твердое сердце . . . иначе не должно браться ни за войну, ни за правительство.»

Въ житейскихъ своихъ сношеніяхъ, Бонапарте

(*) Не должно судить о Дюрокъ потому, что говорить объ немъ Бонапарте, думая тѣмъ похвалить его. Дюрокъ дѣйствительно имѣлъ холодный видъ и степенный характеръ, но мало существовало людей столь превосходныхъ и болѣе обязательныхъ.

быль то, что въ школахъ называется *сварливцею*, но сварливость его рѣдко доходила до грубости. Когда онъ предавался досадѣ, то это проходило какъ облако, ограничиваясь словами. Настоящая его брань, сильныя выходки и припадки гнѣва, все это напередъ было расчислено и приготовлено. Когда онъ изъяслялъ комунибудь свое негодованіе, то присутствіе свидѣтелей его ободряло. Тогда выраженія его были всегда суровы, горячи и унижительны; онъ поражалъ палицею, подъ ударами коей трудно было не пасть; но онъ былъ воздерженъ на эти вспльчивыя выходки и предавался имъ не иначе какъ имѣя въ своихъ рукахъ доказательство вины тѣхъ, на кого онъ обращались.

Когда онъ намѣревался когонибудь наединѣ погонять, то всегда желалъ чтобы ктонибудь третій былъ притомъ свидѣтелемъ. Я часто замѣчалъ, что это придавало ему смѣлости. Дѣйствительно, находясь съ нимъ наединѣ и хорошо зная его характеръ,—съ большимъ хладнокровіемъ, съ искренностью и непоколебимостью, можно было навѣрное одержать надъ нимъ верхъ. Увѣряють, будто бы онъ рассказывалъ на островѣ Св. Элены, что онъ для того допускалъ быть притомъ третьему, чтобы нанесенный ударъ подальше отозвался. Это не было настоящею причиною, ибо въ такомъ случаѣ, гораздо проще было бы сдѣлать выговоръ при

всѣхъ; онъ имѣлъ другія причины. Въ продолженіе всего времени, мною при немъ проведеннаго, я замѣтилъ что онъ не любилъ свиданій съ глаза на глазъ и когда ожидалъ кого нибудь, то заранее говорилъ мнѣ: *Буріеннъ, ты оставишься тутъ*. Когдаже докладывали о чловѣкѣ, котораго онъ не ожидалъ, какъ напримѣръ о Министрѣ или Генералѣ, то видя что я собираюсь выйти, онъ говорилъ мнѣ въ полголоса: *Не уходи же*. Ужъ конечно не для того чтобы сказанное имъ разнеслось по городу, онъ удерживалъ меня при себѣ; ибо ни по характеру моему, ни по должности я не былъ способенъ къ разноскѣ словъ его; а еслибъ я и захотѣлъ это сдѣлать, то не имѣлъ бы на то времени: притомъ же можно себѣ представить что немногіе люди, удостоенные его довѣренности, знали неудобства нескромности при Правительствѣ, которому все было извѣстно. Во всякомъ случаѣ, Бонапарте не достигъ бы своей цѣли надѣясь на разглашеніе третьяго свидѣтеля, какъ это заставляють его говорить, еслибъ онъ притомъ имѣлъ одну только эту цѣль.

Бонапарте питалъ къ кровожаднымъ людямъ Революціи, а въ особенности къ царубійцамъ, наибольшаѣе отвращеніе. Онъ считалъ тяжкимъ бременемъ обязанность предъ нимъ притворяться; но разговаривалъ со мною объ этихъ кровопійцахъ, о тѣхъ которыхъ самъ онъ на-

зывалъ убійцами Лудовика XVI, не иначе какъ съ ужасомъ и очень жалѣлъ о томъ что находился въ необходимости употребить ихъ и были обязанъ принуждать себя ихъ щадить. Сколько разъ говаривалъ онъ Камбассересу, щипля его полегоньку за ухо, дабы этою короткостью смягчить горечь своихъ словъ: *Бѣдный мой Камбассересъ, я въ толь не виноватъ, но твое дѣло ясно: если Бурбоны когда либо созератятся, то ты будешь повѣшенъ.* Принужденная улыбка появлялась тогда на свинцовомъ лицѣ Камбассереса съ такимъ выраженіемъ, которое столькоже трудно, какъ и неприятно было бы описать. Эта улыбка обыкновенно была единственнымъ отвѣтомъ Второго Консула, который однакожъ отвѣчалъ однажды въ моемъ присутствіи: *Полно, оставьте ваши насмѣшки!* Я не знаю человѣка, котораго улыбка была бы столь неприятна какъ у Камбассереса.

Бонапарте имѣлъ странныя привычки и склонности. Досадуя на что либо или будучи занятъ неприятною мыслью, онъ напѣвалъ нѣчто, вовсе не похожее ни на какую арію, такъ у него были фальшивыя голоса, что я уже сказалъ. Онъ садился передъ своимъ письменнымъ столомъ и такъ перекачивался назадъ, что я много разъ бывалъ принужденъ напоминать ему объ осторожности, чтобы не опрокинуться. Въ

этомъ положеніи онъ обращалъ гнѣвъ свой на правую ручку своихъ кресель и рѣзалъ ее перочиннымъ ножичкомъ, который ни къ чему больше ему не служилъ. Я всегда очень старался о томъ чтобы у него всегда были въ готовности хорошо очиненныя перья, ибо будучи принужденъ разбирать его руку, я больше всякаго другаго имѣлъ выгоду въ томъ, чтобы онъ писалъ сколько возможно лучше.

Колокольный звонъ производилъ на Бонапарте странное дѣйствіе, которое я иногда не могъ себѣ объяснить: онъ слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда мы были въ Мальмезонѣ и прогуливались по алеѣ, ведущей въ Рюель, то сколько разъ звонъ колокола этой деревни прерывалъ наши разговоры самаго важнаго содержанія. Онъ останавливался для того чтобы чрезъ движеніе шаговъ нашихъ не пропустить слухомъ отголосковъ, его восхищавшихъ. Онъ почти сердился на меня за то что я не ощущаю тѣхъ же, какъ и онъ впечатлѣній; дѣйствіе, производимое на его чувства было столь сильно, что онъ совершенно растроганнымъ голосомъ говаривалъ мнѣ: *Это напоминаетъ мнѣ первые годы, проведенные мною въ Бриеннѣ. Я былъ тогда счастливъ.*—Колоколъ умолкалъ и онъ вновь предавался своимъ гигантскимъ мечтамъ, парилъ въ будущемъ, надѣвалъ на главу свою Корону и свергалъ съ престола Государей.

Нигдѣ, кромѣ какъ на полѣ сраженія, я не видалъ Бонапарте болѣе довольнымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ въ своихъ Мальмезонскихъ садахъ (*). Въ первые дни Консульства, мы ѣздили туда всякую Суботу вечеромъ, проводя тамъ Воскресенье а иногда и Понедѣльникъ. Бонапарте нѣсколько уменьшалъ тамъ свои занятія, посвящая время прогулкѣ и личному надзору за украшеніями, тамъ устроиваемыми. Въ началѣ онъ посѣщалъ иногда окрестности; но донесенія Полиціи разстроили его врожденную на счетъ себя беспечность, заставивъ его опасаться Роялистовъ, скрытыхъ съ намѣреніемъ его похитить.

Въ первые четыре или пять дней, проведенные Наполеономъ въ Мальмезонѣ, онъ забавлялся послѣ завтрака исчисленіемъ дохода, приносимаго этимъ помѣстьемъ. Онъ не забывалъ

(*) Однажды Бонапарте прогуливался тамъ съ Г-жею Клермонъ-Тоннеръ, нынѣ Г-жею Таларю, коей увлекательный разговоръ чрезвычайно ему нравился. Вдругъ, неожиданно прервавъ ее, онъ говоритъ ей: *Госпожи Клермонъ-Тоннеръ, что вы обо мнѣ думаете?* Такой непредвидѣнный вопросъ, дѣлавъ отвѣтъ весьма щекотливымъ и затруднительнымъ. *Генераль,* сказала она, на минутку пріостановясь, *я думаю что вы походите на искуснаго Архитектора, который не хочетъ показать зданіе, или воздвигаемое прежде тѣмъ оно будетъ совершенно окончено. Вы строите за лѣсами, которые вы велите уронить когда все будетъ кончено.—Истинно такъ,* отвѣчалъ Бонапарте съ невѣроятною живостью, *вы совершенно правы! . . . Я никогда не живу прежде какъ черезъ два года!*

ни попеченія о паркѣ, ни овощей съ огорода. По его расчету выходило 8,000 Франковъ дохода. *Это не дурно*, говорилъ онъ мнѣ, *но для того чтобы жить здѣсь, надобно имѣть 50,000 ливровъ дохода.* Я очень смѣялся тому что онъ не шутилъ занять этою работою. Эти скромныя склонности не долго при немъ остались.

Однимъ изъ величайшихъ его удовольствій на дачѣ было видѣть высокую, стройную женщину въ бѣломъ платьѣ, прогуливающуюся въ тѣни густой ален. Онъ не могъ терпѣть цвѣтныхъ платьевъ а въ особенности темнаго цвѣта и слишкомъ толстыя женщины отменно ему не нравились. Беременные женщины возбуждали въ немъ непреодолимое отвращеніе и онъ очень рѣдко приглашалъ ихъ на свои праздники или обѣды. Онъ обладалъ всѣмъ нужнымъ для того чтобы быть тѣмъ, что въ свѣтѣ называютъ любезнымъ человекомъ, кромѣ доброй къ тому воли. Онъ имѣлъ слишкомъ важный видъ для того чтобы привлекать къ себѣ и не зная его хорошо, всякій ощущалъ въ его присутствіи невольную боязнь. Въ гостиной, гдѣ превосходная Иозефина принимала всѣхъ съ такою пріятностью и ласкою, все дышало искренностью и веселіемъ въ отсутствіе хозяина; но все перемѣнялось при его входѣ и всѣ глаза обращались на лице его дабы прочитатъ расположеніе его

духа: будетъ ли онъ молчаливъ или разговорчивъ, веселъ или угрюмъ.

Часто онъ говорилъ много, иногда даже слишкомъ много; но онъ рассказывалъ самымъ пріятнымъ и истинно увлекательнымъ образомъ. Разговоръ его рѣдко склонялся на предметы веселые или забавные и никогда на бездѣлки. Онъ такъ любилъ разсужденія, что въ жару ихъ, его легко можно было заставить высказать тайны, наитщательнѣйше имъ скрываемыя. Иногда онъ для забавы рассказывалъ въ небольшомъ кругу повѣсти о предчувствіяхъ и о привидѣніяхъ. Это почти всегда бывало по вечерамъ въ сумерки. Онъ приготавлилъ своихъ слушателей какимъ либо торжественнымъ изреченіемъ. Однажды напримѣръ онъ началъ, сказавъ съ важностью: *Когда смерть срываетъ въ отдаленіи челоуька, намъ милого, то предчувствіе почти всегда возвыщаетъ объ этомъ событіи и пораженный смертью, является намъ въ минуту своей кончины.* После сего, онъ рассказалъ намъ слѣдующій анекдотъ: Одинъ вельможа двора Людовика XIV находился въ Версальской галереѣ въ ту самую минуту, какъ Монархъ сей читалъ своимъ придворнымъ донесеніе о Фридлингенской битвѣ, выигранной Вилларомъ въ Германіи. Вдругъ вельможа видитъ на концѣ галереи призракъ своего сына, служившаго у Виллара; онъ воскликнулъ:

«Сынъ мой болѣе не существуетъ!» Черезъ мину-
ту Король прочелъ имя его въ числѣ уби-
тыхъ.

Всѣ рассказы Бонапарте были исполнены
прелести и оригинальности. Особенно въ пу-
тешествіяхъ, онъ былъ очень разговорчивъ. Въ
жару разговора, почти всегда плѣнительнаго,
всегда исполненнаго новыхъ взглядовъ, возвы-
шенныхъ мыслей, у него иногда вырывались
извольныя нескромности о его будущихъ ви-
дахъ или по крайней мѣрѣ такія вещи, кото-
рыя могли внушить догадки о томъ, что онъ
желалъ еще скрывать. Я позволялъ себѣ пред-
остерегать его на счетъ этой забывчивости и
онъ сознавался въ своей винѣ, говоря однако
же, что онъ не думалъ такъ далеко увлечься.
Онъ зналъ за собою этотъ родъ легкомыслія,
въ которомъ искренно признался на островѣ
св. Елены.

Будучи въ веселомъ расположеніи духа, онъ
обыкновенно любилъ оказывать свою ласку
трепля по щекѣ указательнымъ и вторымъ
пальцами или полсгонько щипля за ухо. Въ
самыхъ дружескихъ разговорахъ съ людьми,
совершенно къ нему близкими, онъ имѣлъ при-
вычку говорить: *Ты глупецъ, болванъ, скоти-
на, ротозѣй, дуракъ, сумазбродъ* (*). Эти шесть

(*) Vous êtes un niais, un nigaud, une bête, un badaud, un
sol, un imbécille.

словъ служили ему для измѣненій его дружескаго словаря; но онъ никогда не употреблялъ ихъ иначе, какъ въ шутку и голосъ, которымъ онъ ихъ произносилъ, придавалъ имъ совершенно милостивое значеніе.

Бонапарте не вѣрилъ ни медицинѣ, ни дѣйствительности лекарствъ, прописываемыхъ врачами. Онъ говорилъ о врачеваніи какъ о наукѣ, основанной на однихъ только предположеніяхъ и мнѣніе его на этотъ счетъ было твердо, непоколебимо. Сила ума его допускала только доказанныя истины.

Онъ имѣлъ мало памяти для собственныхъ именъ, словъ и чиселъ; но удивительно какъ помнилъ событія и мѣстные обстоятельства. Я помню, что на пути изъ Парижа въ Тулонъ, онъ указалъ мнѣ десять мѣстъ, способныхъ къ тому, чтобы дать на нихъ большія сраженія и онъ никогда ихъ не забылъ, ибо тогда это были воспоминанія первыхъ путешествій его юности и онъ описывалъ мнѣ мѣстоположенія, позиціи, которыя онъ бы занялъ, даже еще прежде, чѣмъ мы доѣзжали до мѣсть.

Бонапарте, нечувствительный къ прелестямъ поэтической гармоніи, не имѣлъ даже довольно слуха для того, чтобы чувствовать размѣръ стиховъ и не могъ произнести ни одного съ правильнымъ удареніемъ; но великія мысли его восхищали; онъ обожалъ Корнеля и до такой

степени, что однажды, послѣ представленія Цинны, онъ сказалъ мнѣ: *Еслибъ такой чело-
вѣкъ, какъ Корнель, жилъ въ мое время, то
я бы сдѣлалъ его моимъ первымъ Минист-
ромъ; я наиболее удивляюсь не стихамъ его,
и высокому его смыслу, великому его знанію
сердца человеческого и его глубокой политикѣ.* Онъ сказалъ на островѣ св. Элены, что онъ
сдѣлалъ бы Корнеля Принцемъ; вѣрю, но въ
ту эпоху, когда онъ говорилъ мнѣ о Корнелѣ,
какъ читатели видѣли, онъ еще не помышлялъ
о томъ, чтобы дѣлать Принцевъ и Королей.

Вѣжливость съ женщинами не принадлежала
къ характеру Бонапарте; онъ рѣдко имѣлъ ска-
зать имъ что либо пріятное; а часто говорилъ
имъ очень плохія привѣтствія или даже самыя
странныя вещи, на примѣръ: *Ахъ Боже мой,
какія у васъ красныя руки! — Какъ вы дурно
причесаны! — Кто вамъ такъ взбилъ волосы? —
Какое у васъ грязное платье! . . . Развѣ вы
никогда не перемѣняете платья? Я ужъ двад-
цать разъ видѣлъ это на васъ (*)*. На этотъ

[*] Бонапарте, будучи Императоромъ, сказалъ однажды пре-
рестной Герцогинѣ де Шеврёзъ на съѣздѣ въ Тюііери: *Ахъ! какъ странно; какіе у васъ рыжіе волосы. Очень
можетъ быть, Государь, отвѣчала ему Г-жа де Шеврёзъ,
но еще въ первый разъ мужчина мнѣ это говоритъ.* Госпожа де Шеврёзъ, имѣвшая напротивъ того безподоб-
ные свѣтлорусые волосы, была вскорѣ послѣ сего сослана
въ Туръ за то, что она отказалась быть Статсъ-Дамою
при Королевѣ Испанской.

счетъ онъ былъ безжалостенъ и вообще любилъ заставлятъ тратить много денегъ. Онъ часто занимался нарядами жены своей и она имѣла такой утонченный вкусъ, что это могло сдѣлать его взыскательнымъ на счетъ нарядовъ другихъ дамъ. Тогда онъ требовалъ въ особенности щегольства; позднѣе же сталъ требовать пышности и блеска, но всегда съ сохраненіемъ благопристойности. Онъ много разъ жаловался при началѣ Консульства на моду платьевъ съ открытою грудью.

Бонапарте не любилъ игру и это было большое счастье для приглашаемыхъ въ его собранія; ибо когда онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, что иногда онъ считалъ обязанностью дѣлать, то ничего не могло быть скучнѣе Люксембургской или Тюліерійской гостиной. Когда же напротивъ того, онъ прохаживался посреди множества особъ, у него собранныхъ,—то всякой былъ доволенъ, ибо онъ разговаривалъ со многими, но болѣе съ учеными, а въ особенности съ тѣми, которые были съ нимъ въ Египтъ, какъ то съ Монжемъ и съ Бертолетомъ. Онъ такъ же охотно разговаривалъ съ Шапталемъ, съ Ласендомъ и съ Лемерсье, авторомъ *Агамемнона*. Впрочемъ, не въ гостиной а предъ войскомъ слѣдовало видѣть Наполеона для того, чтобы составить себѣ объ немъ высокое понятіе и оцѣнить его достоинства. Мундиръ го-

раздо лучше шель къ нему, чѣмъ самыя красивыя гражданскія платья; его первые опыты въ надѣваніи параднаго кафтана, были неудачны. Мнѣ рассказывали, что первый разъ, когда онъ въ него нарядился, онъ надѣлъ притомъ чернѣйшій галстукъ, что составляло странную несообразность; и когда ему это замѣтили: *Тѣмъ лучше*, отвѣчалъ онъ, *это оставляетъ при мнѣ хоть нѣсколько военный видъ, бѣды нѣтъ*. Впрочемъ я не видалъ самъ чернаго галстука и не слышалъ этихъ словъ.

Первый Консулъ довольно хорошо расплачивался за свои собственныя издержки, но не любилъ платить за казенныя поставки по торгамъ, заключеннымъ Министрами по разнымъ частямъ Государственнаго управленія. Для этого рода платежей онъ отсрочивалъ время сколько могъ всякими крючками и затрудненіями, прибѣгая для сего къ самымъ пустымъ предлогамъ. Отъ сего-то произошла такая огромная неуплата суммъ и необходимость въ Учетномъ Комитетѣ. Онъ твердо, неизмѣнно вѣровалъ въ правило, что слово: поставщикъ, есть тоже, что плутъ. Все недоплаченное имъ, онъ считалъ справедливымъ удержаніемъ и суммы, вычеркнутыя изъ ихъ счетовъ, казались ему спасенными отъ воровства. Чѣмъ меньше Министръ уплачивалъ денегъ по своему Министерству, тѣмъ благосклоннѣе былъ къ нему Бонапарте

и эта разорительная скупость одна только может объяснить довѣренность, коею столь долго пользовался у него Декре на счетъ Французскаго флота.

Бонапарте имѣлъ о вѣрѣ очень неопредѣлительныя понятія. «Разсудокъ мой,» говорилъ онъ мнѣ однажды, «заставляетъ меня не вѣрить многимъ вещамъ; но впечатлѣнія моихъ дѣтскихъ лѣтъ и понятія, внушенныя мнѣ въ юности, поставляютъ меня въ недоумѣніе.» Я уже сказалъ какое дѣйствіе производилъ на него колокольный звонъ и это такое дѣло, котораго я больше двадцати разъ былъ свидѣтелемъ. Онъ очень любилъ говорить о вѣрѣ. Я часто видалъ его въ Пассериано, въ Египтѣ, во время плаванія на корабль *Востокъ* и на *Мюиронъ* принимающаго живое участіе въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Онъ очень охотно уступалъ во всемъ, что ему доказывали и во всемъ что казалось ему происходящимъ отъ людей и отъ времени; но онъ и слышать не хотѣлъ о матеріализмѣ. Я помню что находясь однажды ночью въ прекрасную погоду на палубѣ и будучи окруженъ нѣсколькими изъ своихъ спутниковъ, разсуждавшими въ пользу сего прискорбнаго ученія,—Бонапарте, поднявъ руку къ Небу и указывая имъ на звѣзды, сказалъ: *Что вы ни говорите, господа; а кто все это сдѣлалъ?* Сохраненіе навѣки имени въ памяти

людей было для него тоже, что безсмертіе души. Онъ имѣлъ ко всѣмъ вѣрамъ полную терпимость и не постигалъ какъ можно гнать какое либо исповѣданіе (*).

Между странными привычками Наполеона, я долженъ упомянуть о той, по которой онъ не могъ не присѣсть на всякой столъ, ему попадавшійся. Онъ такимъ образомъ садился и на мой столъ, облакачивался лѣвою рукою на мое правое плечо, качалъ свою лѣвую ногу, не становя ее на полъ и диктовалъ мнѣ шевеля столъ, что очень мѣшало мнѣ писать.

Бонапарте очень не любилъ перемѣнять что либо, однажды имъ рѣшенное, даже и тогда, еслибъ самъ призналъ несправедливость онаго. Какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ вещахъ, ничто не могло преклонить его попятиться назадъ; для него отступить, значило губить себя. Я видѣлъ примѣръ его стойкости при одномъ случаѣ, еще незабытомъ; это было въ дѣлѣ Генерала Латуръ-Фуассака (**). Первый Консулъ казалось былъ тронуть сдѣланною ему неспра-

(*) Бонапарте изъ политики возстановилъ вѣру во Франціи. Онъ счелъ нужнымъ сіе могущественное пособіе для утвржденія своей власти; но слышать не хотѣлъ о стѣсненіи другихъ исповѣданій. Онъ конечно желалъ имѣть на людей большое вліяніе, но чрезъ положительныя, мірскія вещи, а не посредствомъ мнѣшій.

(**) Случай съ Генераломъ Латуръ-Фуассакомъ, будетъ описанъ ниже.

ведливостью; но хотѣлъ повременить прежде чѣмъ исправить оную. Сердце его находилось въ противорѣчii съ поведенiемъ и онъ очень былъ огорченъ; но благорасположенiе его умолкло предъ тѣмъ, что онъ считалъ политическою необходимостью. Никогда Бонапарте не говорилъ: *Я виноватъ*; любимое его слово было: *Я начинаю тѣмъ, что спрю дурилоу*.

Однакожь, не взирая на это правило, болѣе приличное угрюмому философу, чѣмъ главѣ Правительства, Бонапарте не былъ ни ненавистливъ, ни мстителенъ; онъ не имѣлъ кровожадности въ характерѣ. Я конечно не въ состоянii оправдать его отъ всѣхъ упрековъ, коимъ его подвергли повелительные законы войны и жестокая необходимость; но могу сказать, что противъ него часто были очень несправедливы. Одни только безумцы могли присвоивать ему имена Нерона и Калигулы; онъ ничемъ не заслужилъ такого поношенiя. Кажется что я довольно говорилъ о настоящихъ его погрѣшностяхъ и мнѣ можно повѣрить на слово; почему смѣло говорю, что Бонапарте, въ поприща своей политики, былъ чувствителенъ, добръ и доступенъ жалости; онъ очень любилъ дѣтей, а злой человекъ рѣдко имѣетъ къ нимъ склонность; въ частной жизни онъ былъ простъ и очень снисходителенъ къ слабости человѣческой, которую онъ зналъ и умѣлъ оцѣнивать.

Противное сему мнѣніе слишкомъ укоренено въ нѣкоторыхъ умахъ для того, чтобы я могъ надѣяться его совершенно истребить; мнѣ вѣрно будутъ противорѣчить, но я обращаюсь къ людямъ, ищущимъ истины: я жилъ въ самой близкой короткости съ Наполеономъ до тридцати четырехъ-лѣтняго возраста и ничего не говорю на обумъ. Во всякомъ случаѣ не должно ли принимать въ соображеніе время и обстоятельства, производящія на людей столько вліянія? и не должно ли различать одного отъ другаго—ученика, полководца, Консула и Императора если кто желаетъ судить безпристрастно?

Г Л А В А XIV.

Лабиринтъ законовъ.—Уничтоженіе праздника 21 Генваря.—
Посещенія Наполеона.—Г. Добантонъ.—Домы для содер-
жанія подь стражею. — Выходка противъ Директоріи. —
Тамилъ.—Лудовикъ XVI и Сидней-Смитъ.—Мое одобреніе.
—Лихометво и продажность мѣсть.—Ростовщицкой заемъ.
—Скромный бюджетъ.—Консулъ и членъ Института.—Мой
любезный товарищъ.—Независть къ равенству.—Изображе-
ніе Республики.—Порученія Дюрока.—Король Прусскій.—
Александръ.—Искренность и тонкость.—Генераль Латуръ
Фуассакъ.—Сдача Мантуй.—Гнѣвъ Наполеона.—Самовла-
стный Указъ.—Упрямство Наполеона.—Труппа актеровъ
для Египта.—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Режиссеръ
Французской Комедіи.—Странное мнѣніе о литературной
собственности.—*Независть къ людямъ и раскаяніе.*—
Молодой Вертеръ.

Въ планъ, мною себѣ начертанный, не вхо-
дитъ чтобы слишкомъ много заниматься зако-
нами, повелѣніями, указами и Сенатскими опре-

дѣленіями, которыя Бонапарте издалъ или заставилъ издать въ продолженіе своего владычества. Что съ ними сдѣлалось и что будетъ съ болѣею частью оныхъ, кромѣ Гражданскаго Уложенія, памятника мудрости и любви къ порядку? Число законодательныхъ бредней, изданныхъ различными, тяготѣвшими надъ Францію правленіями—чрезвычайно велико. Это лабиринтъ ябеды, въ коемъ заблуждаются разсудокъ и правое дѣло и они давно были бы погребены въ глубочайшее забвеніе, еслибъ не находили удобнымъ извлекать изъ нихъ небольшія статьи для свершенія съ помощью оныхъ законнымъ образомъ большихъ несправедливостей. Однакожь я долженъ напомнить здѣсь, не всѣ первыя постановленія Консуловъ, но счастливое дѣйствіе, которое они произвели на Парижь, а скоро и на всю Францію. Надобно было видѣть въ какомъ положеніи находилось общество при владычествѣ Ужаса для того чтобы оцѣнить радость, которую возбудили во всѣхъ честныхъ людяхъ шаги Консульскаго Правительства къ возстановленію общественнаго порядка. Директорія, болѣе трусливая и не менѣе развратная какъ Конвентъ, сохранила въ числѣ праздниковъ Республики, ужасное празднество 21 Января. Одною изъ первыхъ мыслей Наполеона по достиженіи владычества было уничтожить оное; и таково еще было страшное

вліяніе виновниковъ злодѣйства, что надобно было сдѣлать увертку для того чтобы ихъ пощадить. Онъ и его два товарища, коими еще были Сіесъ и Рожеръ Дюко, подписали 5 Нивоза указъ, коимъ повелѣвалось что впредь Республика будетъ торжествовать только два праздника: 1 Вандеміера и 14 Іюля, въ воспоминаніе учрежденія Республики и положенія основанія свободѣ.

Все было расчеюмъ у Бонапарте; производить впечатлѣніе, его пріятнѣйшею мыслію; почему онъ рѣдко пропускалъ случаи дѣлать эти вещи и говорить слова, ослабляющія толпу. Живя въ Люксембургѣ онъ часто ѣздилъ въ сопровожденіи своихъ Адъютантовъ, а иногда Министра, дѣлать парадныя посѣщенія. Я не сопутствовалъ ему въ этихъ офиціальныхъ поѣздкахъ и когда мы будемъ въ Тюліери, то читатели увидятъ какаа была цѣль нашихъ скрытыхъ выѣздовъ по утрамъ; но часто, или лучше сказать почти всегда, возвратясь, или послѣ обѣда или вечеромъ, онъ рассказывалъ мнѣ что видѣлъ и говорилъ. Такъ наприимѣръ, онъ очень былъ доволенъ посѣщеніемъ, сдѣланнымъ въ Саду Растеній Добантону и очень хвалился тѣмъ что онъ сдѣлалъ для Бюфонова современника (*).

(*) Добантонъ былъ пожалованъ Сенаторомъ. Онъ умеръ въ скоромъ времени послѣ посѣщенія Перваго Консула, который

Съ 24 Брюмера началъ онъ осматривать дома для содержанія подъ стражею и какъ въ эту эпоху, онъ прїѣзжалъ внезапно, такъ что посѣщеній его вовсе нельзя было ожидать, то смотрители различныхъ заведеній не имѣли времени ихъ прибрать и онъ заставалъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Я находился въ его кабинетъ при возвращеніи его съ осмотра домовъ для содержащихся подъ стражею, ибо въ отсутствіе его меня завалили работою. «Какіе скоты эти смотрители,» вскричалъ онъ входя. «До какого положенія эти люди довели публичные заведенія! но подождите, я приведу это въ порядокъ. Тюрьмы дурно содержаны, нездоровы, заключенныхъ слишкомъ худо кормятъ; я разспрашивалъ ихъ; разспрашивалъ тюремщиковъ ибо отъ начальниковъ ничего не узнаешь; они всегда хвалятъ товаръ свой. Посѣтивъ Тамплъ, я не могъ удержаться отъ воспоминанія объ этомъ несчастномъ Лудовикѣ XVI; онъ былъ достойный человекъ; но слишкомъ добрый, слишкомъ кроткій; онъ не умѣлъ управляться съ людьми. А Сидней-Смитъ!... я велѣлъ показать себѣ его комнатку. Еслибъ дураки не дали ему уйти, то я бы взялъ Сен-Жанъ д'Акру! Въ этой тюрьмѣ слишкомъ много находится воспоминаній; я когда нибудь прикажу ее сломать. Знаешь ли

обнаруживалъ искреннее сожалѣніе о людяхъ, славившихся до Революціи.

что я сдѣлалъ въ Тамплѣ? Я велѣлъ подать себѣ списки заключеннымъ; между ими были заможники; я ихъ освободилъ, сказавъ:—Несправедливый законъ лишилъ васъ свободы; мой первый долгъ есть — возвратитъ вамъ ее. Неправдами Буріенинъ, что я хорошо сдѣлалъ?»— Питая не менѣе Наполеона ненависти къ Революціоннымъ законамъ, я искренно поздравлялъ его когда-онъ такъ поступалъ и онъ былъ очень чувствителенъ къ моему одобренію; ибо по всей справедливости могу сказать что не я пріучилъ его слышать что *все хорошо*. Правда, что зная его характеръ я старался избѣгать прямого ему противорѣчія; но когда я молчалъ, то онъ очень умѣлъ толковать себѣ мое молчаніе; я долѣе пробылъ бы въ милости, еслибъ умѣлъ ему льстить.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Бонапарте приходилъ въ ярость всякой разъ,—а это часто съ нимъ случалось—когда онъ говорилъ мнѣ о Директорахъ, имъ отрѣшенныхъ; неспособность ихъ раздражала его и даже изумляла. *Какіе люди! какое Правительство! какое управленіе!* часто восклицалъ онъ разсматривая способы Директорскаго правленія. «Можешь ли ты себѣ представить Буріенинъ, что либо, жалче ихъ финансовой системы? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первые агенты Правительства ежедневно производили самое постыдное лихо-

имство. Какая продажность! какой беспорядок! какое грабительство! Все продавалось съ молотка: мѣста, поставки, съѣстные припасы, одежда, муниція—они всё продавали, пожравъ чрезъ это 75 миліоновъ? А всё эти соблазнительныя обогащенія, всё эти взятки (*)? и будто бы нѣтъ никакого средства заставить ихъ къ отдачѣ награбленнаго ими обратно? посмотримъ.»

Въ эти первыя минуты безденежья, надобно было достать денегъ, ибо сумма, полученная отъ Г. Колло, не надолго стала. Заняли 12 миліоновъ у разныхъ Парижскихъ банкировъ, которые какъ мнѣ кажется получили за то векселя на откупщиковъ съ вычетомъ 33 процентовъ на сто. Притомъ же въ началѣ жалованье было не слишкомъ значительно, и не походило на огромныя содержанія, назначенныя при Имперіи; можно судить объ этомъ по прилагаемому присемь скромному росписанію расходовъ Консульскаго Правительства на VIII годъ.

Законодательный Корпусъ	2,400,000	Фр.
Трибуналь	1,512,000	—
Архивы	75,000	—
Три Консула, со включеніемъ 750,000 Фр. тайныхъ расходовъ	1,800,000	—

(*) Беспорядокъ достигъ до такой степени, что Мальезонъ былъ приобретенъ чрезъ *покровительство* Баррасса и чрезъ *движеніе* дѣлъ того времени.

Государственный Совѣтъ . . .	675,000	—
Секретари Совѣтовъ и Государственныхъ Совѣтниковъ . . .	112,500	—
Шесть Министровъ	360,000	—
Министръ Внѣшнихъ Сношеній	90,000	—
Итого	6,824,500	Фр.

Наполеону было назначено пять сотъ тысячъ франковъ содержанія. Это очень далеко отъ трехъ сотъ миліоновъ золотомъ, спрятанныхъ въ 1811 году въ Тюліерійскихъ погребахъ.

Говоря о назначеніи Бонапарте членомъ Института и о томъ что онъ ставилъ титулъ члена сего ученаго сословія даже предъ титуломъ Главнокомандующаго въ своихъ воззваніяхъ, я позабылъ сказать что онъ въ самомъ дѣлѣ объ этомъ думалъ. Будучи молодъ, честолюбивъ и покрытъ славою, онъ съ удовольствіемъ принялъ титулъ ему предложенный; это было для публики. Но наединѣ, сколько разъ мы отъ чистаго сердца смѣялись съ нимъ на счетъ цѣны этихъ ученыхъ достоинствъ. Бонапарте зналъ немного математику, очень хорошо исторію и не имѣю надобности прибавлять, что онъ обладалъ обширнымъ военнымъ талантомъ;—но привсемъ этомъ онъ ни къ чему не былъ годенъ для Института кромѣ развѣ для преподаванія курса древней и новой стратегіи.

По возвращеніи его изъ Египта, ему началъ надобдаться титулъ, дававшій ему столь много

товарищей, а онъ не терпѣлъ *товарищей*. «Не находишь ли ты» сказалъ онъ мнѣ однажды, «чего-то неприличнаго, неблагороднаго въ словахъ: *Илью гестъ быть, любезный товарищъ*; это мнѣ надобно». Вообще всѣ выраженія, клонившіяся къ равенству, чрезвычайно какъ ему не нравились. Читатели видѣли какъ онъ похвалилъ меня за то, что я не сталъ говорить ему ты прѣхавъ къ нему въ Леобенъ и что случилось съ Г. де Коменжемъ, не захотѣвшимъ показать въ Базелѣ подобно мнѣ скромности.

Изображеніе Республики, сѣдящей съ копьемъ въ рукѣ, которое ставилось въ заглавіи бумагъ при началѣ Консульства,—вскорѣ было попрано ногами и за счастье можно бы счесть еслибъ онъ поступилъ такъ со свободою на одномъ только ея ликѣ! Санъ перваго Консула заставилъ пренебречь титуломъ Члена Института. Бонапарте ужъ не имѣлъ нималяшаго благо-расположенія къ сему ученому сословію, коему онъ столько въ послѣдствіи недовѣрялъ. Это былъ *корпусъ*, дозволенное *сборище*; сего уже было достаточно для того чтобы тревожить Наполеона и онъ нимаго не старался скрывать ненависти своей ко всему, что имѣло право собираться и разсуждать.

Во время пребыванія нашего въ Люксембургъ, Бонапарте далъ особое порученіе Дюроку, посланному имъ къ Королю Прусскому. Это было

кажется мнѣ, въ первыхъ числахъ 1800 года. Онъ предпочелъ Дюрока, какъ человека благовоспитаннаго, который обладая знаніемъ свѣтскаго обхожденія, выражался осторожно, но съ пріятностью—качества очень рѣдкія въ эту эпоху. Дюрокъ не покидалъ насъ въ Италиі, въ Египтѣ, на *Мюиронтѣ*, и смѣтливость Консула отгадала, что Королю Прусскому будетъ пріятно слышать о походахъ Наполеона, а въ особенности объ осадѣ Сен-Жанъ д'Акры и о происшествіяхъ Марта и Маія мѣсяцевъ въ Яффѣ, отъ очевидца всѣхъ этихъ событій; съ тѣмъ вмѣстѣ Первому Консулу нужно было, чтобы очевидецъ сей, сообщая самыя мелкія подробности, говорилъ только о томъ, что должноствовало просъить истинною. Бонапарте не ошибся, ибо Дюрокъ, по возвращеніи сказалъ мнѣ, что почти весь разговоръ его съ Вильгельмомъ происходилъ о Сен-Жанъ д'Акрѣ и о Яффѣ. Онъ пробылъ около двухъ часовъ съ Королемъ, который на другой день пригласилъ его къ обѣду. По полученіи перваго о томъ извѣстія въ Люксембургѣ, я увидѣлъ, что глава Республики чрезвычайно былъ доволенъ тѣмъ, что одного изъ его Адъютантовъ пригласили къ столу Короля.

Дюрокъ не сказалъ ни слова о политикѣ Королю Прусскому и очень хорошо сдѣлалъ, ибо въ лѣтахъ, которыя тогда имѣлъ Дюрокъ и

судя по жизни, которую онъ велъ, находясь всегда въ лагеряхъ,—ему трудно было бы отвѣчать не сдѣлавъ промаха. Чрезъ нѣсколько послѣ сего времени, то есть послѣ кончины Павла I-го, Первый Консуль опять выбралъ Дюрока для посылки къ Александру съ привѣтствіемъ о благополучномъ его вступленіи на родительскій престолъ. Цѣль Наполеона была та, чтобы сдѣлать извѣстнымъ при всѣхъ Дворахъ довѣренными порученіями молодого человека, къ коему онъ очень былъ расположенъ и выставить его тѣмъ во Франціи. Дюрокъ имѣлъ еще третье порученіе въ Берлинъ, когда возгорѣлась война съ Австріею. Онъ очень часто писалъ ко мнѣ, и письма его доказали мнѣ, что онъ въ короткое время очень образовался. Къ искренности и къ врожденному благородству его характера, онъ присоединялъ тонкость, чтобы не сказать хитрость искуснаго дипломата. Но перестанемъ говорить о Дюрокѣ, ибо не время еще сказывать, отъ чего онъ не сдѣлался зятемъ Г-жи Бонапарте.

Вотъ другое воспоминаніе первыхъ лѣтъ Консульства, могущее доказать непреклонность Бонапарте, когда онъ однажды на что либо рѣшился. Весною 1799 года, во время еще нахожденія нашего въ Египтѣ, Директорія поручила Генералу Латуръ-Фуассаку, отличному Офицеру, начальство въ Мантуѣ, коей взяли столь

много содѣйствовало къ славѣ побѣдителя Ита-
ли. Вскорѣ послѣ назначенія Генерала Латурь-
Фуассака въ эту важную должность, — Австрій-
цы осадили Мантуу; известно было, что крѣ-
пость сія снабжена на долгое время съѣтными
припасами и военными снарядами; но не смо-
тря на то, она въ Іюль мѣсяцѣ сдалась Ав-
стрійцамъ. Актъ капитуляціи заключалъ въ се-
бѣ странное распоряженіе; въ немъ было ска-
зано: «Генераль Латурь-Фуассакъ и Штабъ его,
«будутъ отведены военноплѣнными въ Австрію;
«а гарнизону будетъ дозволено возвратиться во
«Францію.» Это различіе между Генераломъ и
вѣренными его начальству войсками, равно
какъ и скорая сдача Мантуи, нельзя не при-
знаться—были такого свойства, что могли вну-
шить подозрѣнія о поведеніи Генерала. Дѣй-
ствительно Бернадотъ, сдѣлавшись Военнымъ
Министромъ, нарядилъ военный судъ надъ тѣмъ,
котораго обвиняли въ сдачу Мантуи безъ над-
лежащаго сопротивленія. Латурь-Фуассакъ, по
возвращеніи изъ плѣна, издалъ въ оправданіе
свое записку, въ коей онъ доказалъ невозмож-
ность болѣе продолжительной обороны по немъ-
нѣнно имъ многихъ необходимѣйшихъ вещей.

Дѣлю находилось въ этомъ положеніи тогда
какъ Наполеонъ пріялъ Консульскую власть.
Потеря Мантуи, стоившей ему столькихъ по-
жертвованій, такъ жестоко его огорчила, что

онъ не находилъ словъ для выраженія своего гнѣва всякой разъ когда заговаривалъ объ этомъ дѣлѣ. Въ пылу своего негодованія онъ остановилъ начатое слѣдствіе и издалъ противъ Латуръ-Фуассака жестокій указъ, тогда какъ вина его не была еще доказана. Это происшествіе надѣлало много шума и огорчило много Генераловъ, которые чрезъ такое самовластное рѣшеніе, видѣли себя лишенными законнаго суда, въ случаѣ еслибъ Первому Консулу вздумалось по несчастію на нихъ прогнѣваться. Что касается до меня, то я знаю что указъ, поразившій Латуръ-Фуассака былъ одинъ изъ наиболѣе меня огорчившихъ; онъ устранилъ меня за будущее. Черезъ нѣсколько дней послѣ того я старался было преклонить Наполеона къ отмѣнѣ слишкомъ суроваго его рѣшенія, напоминая ему все говоренное ему въ пользу Латуръ-Фуассака и давая ему почувствовать, сколь справедливѣе будетъ дозволить произвести надъ нимъ судъ. «Въ землѣ,» сказалъ я ему, «гдѣ честь считается главною вещью, какъ во Франціи, невозможно чтобы Фуассакъ избѣгнулъ отъ осужденія, если онъ виновенъ.—Буріеннъ, ты можешь быть правъ, но указъ уже объявленъ, ударъ нанесенъ. Я это же объявилъ всѣмъ. Я не могу такъ скоро перемѣнить мое рѣшеніе. Попытаться назадъ, значитъ погубить себя. Не хочу выставить себя виноватымъ; въ по-

слѣдствіи, мы посмотримъ: время приведетъ снисходительность и прощеніе. Теперь это слишкомъ было бы рано.» Таковъ былъ слово въ слово отвѣтъ Бонапарте. Если сравнить оный съ тѣмъ, что онъ говорилъ на островѣ Св. Элены объ этомъ же дѣлѣ, то увидятъ что мысль его оставалась почти таже; но что онъ только выразилъ ее съ бѣльшимъ спокойствіемъ, которос сообщаютъ время и великія несчастія а не со вспылчивою живостью 1800 года (*).

Бонапарте очень любилъ противоположности; такъ напримѣръ я помню, что въ тоже самое время какъ онъ столь строго поступилъ съ Генераломъ Латуръ-Фуассакомъ, онъ не пренебрегъ заняться трупною актеровъ, которыхъ онъ хотѣлъ послать въ Египеть или лучше сказать, показывалъ видъ, будто бы хотеть послать, потому что объявленіе о такомъ намѣреніи заставило бы повѣрить процвѣтанію въ Египть нашей колоніи. Консулы съ важностью поручили исполненіе сего великаго проекта Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который въ свою очередь передалъ это порученіе актеру Флорансу, режиссеру Французской Комедіи.

(*) Въ *Дневникъ* написано: «Это конечно было дѣйствіе противозаконное и тиранское; но тутъ это было необходимо зло; виною же тому были законы. Хотя бы онъ былъ сто разъ, тысячу разъ виновенъ, а сомнительно чтобы его осудили; почему я поразилъ его орудіемъ чести и мѣнилъ»

Консулы, въ инструкціи своей Министру говорили, что въ труппу не дурно будетъ помѣстить и нѣсколько танцовщицъ, что совершенно согласуется съ составленною Наполеономъ запискою, съ означеніемъ предметовъ, которые онъ считалъ нужными для Египетской экспедиціи. Ужъ конечно Первый Консулъ не полагалъ ни малѣйшей важности въ этихъ бездѣлкахъ; но онъ охотно занимался ими, когда видѣлъ въ нихъ средство къ достиженію своей цѣли.

Первый Консулъ имѣлъ странныя понятія о литературной собственности и для показанія оныхъ, достаточно будетъ напомнить случай, лично ко мнѣ относящійся. Узнавъ, что на Одеонскомъ театрѣ играютъ *Ненависть къ людямъ и Раскаліе*, онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, тебя обокрали.—Меня, Генераль, какимъ это образомъ?—Тебя обокрали, говорю я тебѣ; играютъ твою піесу; должно требовать удовлетворенія!» Здѣсь необходимо краткое объясненіе, дабы можно было понять этотъ небольшой разговоръ. Находясь въ Варшавѣ, я для забавы перевелъ знаменитую драму Коцебу; въ Италіи я давалъ Наполеону мой переводъ, который онъ прочелъ, могу сказать съ удовольствіемъ, ибо онъ очень любилъ эту піесу. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ смотрѣть представленіе оной и всякой разъ, возвратясь

изъ театра настаивалъ, чтобы я требовалъ удовольстворенія за такъ называемую имъ мою собственность. Тщетно представлялъ я ему, что иностранныя сочиненія принадлежать всякому, кто можетъ перевести ихъ;—онъ не отставалъ отъ своего мнѣнія. Я принужденнымъ нашелся замѣтить ему, что занятія мои при немъ не позволяли мнѣ заводить литературныя тяжбы. Тогда онъ сталъ уговаривать меня перевести *Verther's leiden* (*Страданія Вертера*). Я отвѣчалъ ему, что книга сія, переведена уже, хоть и очень посредственно, на Французскій языкъ и что я не имѣю возможности удѣлить на этотъ трудъ время, коего сочиненіе заслуживало. Я прочиталъ ему только одно письмо, мною переведенное, которымъ онъ повидимому остался очень доволенъ и тѣмъ это кончилось.

Г Л А В А XV.

Приготовительное Консульство. — Два человека въ одномъ. — Паружность и существовость. — Безкорыстные добродѣтели Сисса. — Первый Консуль и журналы. — Почетныя сабли. — Первый Консуль и *товарищъ* его. — Письмо къ одному солдату. — Шагъ къ Монархii — Бюстъ Брута. — Умышленная скромность. — Изъясненіе статуй. — Тщетныя попытки. — Прокламація. — Отдѣленія Государственнаго Совѣта. — Бархатныя платья. — Перемиенное слово. — Любимый нарядъ. — Больныя и малыя маскарады. — Латинскій языкъ Наполеона. — Оперный балъ. — Различныя причины и общее одобреніе. — Возвращеніе сосланныхъ. — Милость послѣ немилости. — Баррьеръ. — Безполезное письмо.

Я почти готовъ назвать *приготовительнымъ-Консульствомъ* время Консульскаго правленія, проведенное Наполеономъ въ Люксембургѣ. Дѣйствительно тамъ посѣялъ онъ первыя сѣмена ве-

ликихъ вещей, имъ замышляемыхъ и учреждений, которыми онъ хотѣлъ ознаменовать свое достиженіе власти. Въ немъ было тогда два человѣка: Республиканскій Генераль, коему необходимо было показывать себя предъ всѣми другомъ свободы и правилъ, установленныхъ Револуціею;—и честолюбивый мужъ, втайнѣ обдумывающій ниспроверженіе этой свободы и этихъ правилъ, и скрытно готовящійся уничтожить то, что необходимость заставляла его явно дѣлать. Что касается до меня, то видя вдругъ обоихъ человѣкъ, составлявшихъ Наполеона, не смотря на давнюю мою привычку, я часто былъ пораженъ изумленіемъ видя съ какимъ непостижимымъ искусствомъ онъ умѣлъ проводить тѣхъ, которые могли бы проникнуть въ его замыслы. Это высшее лицемерство, которое можно назвать, если угодно глубокою политикою, было въ самомъ дѣлѣ необходимо для исполненія его намѣреній; но иногда, какъ будто для того, чтобы не отвыкнуть,—онъ употреблялъ его въ обстоятельствахъ, совершенно второстепенныхъ: такъ напримѣръ, извѣстно что онъ думалъ о ненасытной жадности Сіеса; но предложивъ Совѣту Старѣйшинъ дать этому его товарищу подъ именемъ *національной награды*, цѣну его послушной отставки, — онъ въ предложеніи своемъ сказалъ что это дѣлается въ награду *его безкорыстныхъ добродѣтелей!*

Въ Люксембургѣ же, Бонапарте дѣйстви́емъ Консульской власти обнаружилъ, сколь свобода тисненія была для него ненавистна между всѣми другими свободами, изъ коихъ онъ ни одну не любилъ.

27 Нивоза, Консулы — или лучше сказать Первый Консулъ издалъ указъ, коего цѣль была очевидно противна, выставленной въ ономъ цѣли.

«Консулы Республики—было сказано въ ономъ «—принимая въ соображеніе, что часть журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ, суть орудія *въ рукахъ враговъ Республики* и что Правительство поручено Французскимъ народомъ пещись о его безопасности,—опредѣляютъ:

«Министръ Полиціи не дозволить *во все про-долженіе войны* печатать, издавать и разсылать никакихъ другихъ журналовъ, кромѣ нижеозначенныхъ:

«Всеобщій Мониторъ.

«Журналъ Преній и Указовъ.

«Парижскій Журналъ.

«Благоизвѣщаемый.

«Публицистъ.

«Другъ законовъ.

«Ключъ Кабинета.

«Французскій Гражданинъ.

«Французская Газета.

«Журналъ Свободныхъ Людей.

«Вечерній Журналъ.

«Журналь Защитниковъ Отечества.

«Философическая Декада.

«И журналовъ, занимающихся *исключительно* науками, искусствами, литературою, торговлею и объявленіями.»

Указъ сей конечно можно счесть *предуготовительнымъ* и приведенный мною изъ онаго отрывокъ можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки бѣльшей части актовъ, коими Бонапарте желалъ пріобрѣсть въ пользу утвержденія своей власти, то чего онъ просилъ подъ видомъ однѣхъ только выгодъ друзей Республики; притомъ же запрещеніе только *на время продолженія войны* имѣло видъ какъ бы *временной* мѣры, оставляющей еще нѣкоторую надежду на будущее; но срокъ такихъ временныхъ мѣръ чрезвычайно какъ неопредѣлительнъ, а Бонапарте умѣлъ растягивать его до безконечности. Въ указѣ было еще сказано, что изъ дозволяемыхъ журналовъ, тѣ, которые будутъ заключать въ себѣ статьи, противныя *самодержавію народа* немедленно запрѣтятся. По правдѣ сказать, въ этомъ отношеніи была оказана большая снисходительность, даже послѣ коронаціи!

Учрежденіе почетныхъ сабель и ружей также послѣдовало въ Люксембургѣ; и кто не видитъ, что это было только *приготовленіе* къ учрежденію Почетнаго Легіона. Гренадерскій

Сержантъ Леонтій Онь, награжденный при первой раздачѣ этихъ почетныхъ оружій, легко *получилъ дозволеніе* письменно благодарить Перваго Консула. Бонапарте хотѣлъ формально ему отвѣчать и продиктовалъ мнѣ къ Ону слѣдующее письмо:

«Я получилъ письмо твое, *храбрый мой товарищъ*; ты не имѣешь нужды говорить мнѣ «о своихъ подвигахъ: ты храбрѣйшій изъ всѣхъ «Гренадеровъ арміи по смерти мужественнаго «Бенезета. Ты получилъ одну изъ ста сабель, «розданныхъ мною арміи. Всѣ солдаты были «согласны въ томъ, что ты больше всѣхъ ея «заслуживаешь.

«Я очень желаю съ тобою опять увидѣться. «Военный Министръ пошлаетъ тебѣ приказъ «пріѣхать въ Парижъ.»

Ласки, оказываемыя солдату, чрезвычайно какъ достигали цѣли, которую предполагалъ себѣ Бонапарте. Письмо къ Ону не могло не распространиться въ цѣлой арміи. Сержантъ, котораго первый полководецъ Франціи называетъ *своимъ храбрымъ товарищемъ!* Кто бы такъ поступилъ, кромѣ истиннаго Республиканца, страстно приверженнаго къ равенству? Сего было достаточно для приведенія въ восторгъ арміи. Правда, что въ то же время, Наполеону начало казаться слишкомъ тѣсно въ Люксем-

бургъ, и стали уже дѣлать приуготовленія въ Тюліери.

Однакожь этотъ великій шагъ къ возстановленію Монархіи слѣдовало приготовить съ осторожностью; надобно было внушить, что не одинъ только Король можетъ обитать въ этомъ древнемъ Королевскомъ дворцѣ. Какъ въ такомъ случаѣ поступить? Изъ Италіи привезли прекрасный бюстъ Брута, а Брута умерщвлялъ тирановъ! Посему Давиду было торжественно поручено поставить Юнія Брута въ одной изъ Тюліерійскихъ галерей. Какого еще было требовать сильнѣйшаго доказательства, что Наполеонъ не расположенъ къ полученію верховной власти. И какъ, въ тоже самое время, бюстъ не могъ сдѣлать никакого зла, то все было къ лучшему и прекрасно придумано.

Спать въ Тюліери въ опочивальнѣ Королей Французскихъ, было все, чего желалъ Бонапартъ, зная что прочее придетъ послѣ. Онъ хотѣлъ въкогорымъ образомъ положить основу, для выведенія изъ оной впредь послѣдствій; отсюда произошло умышленное неупотребленіе въ бумагахъ имени Тюліери, который называли только Дворцемъ Правительства. Первые приуготовленія были скромны, ибо добрый Республиканецъ не долженъ любить роскоши. Посему Аскоггъ, бывшій въ то время Тюліерійскимъ архитекторомъ, получилъ только приказаніе

выгнать этотъ дворецъ; какое выраженіе могло имѣть разныя значенія, но бывшимъ въ томъ зданіи засѣданіямъ разныхъ собраній. Для сего признано достаточнымъ пяти сотъ тысячъ Франковъ. Бонапарте по возможности старался скрывать важность, которую онъ полагалъ въ перемѣнѣ своего Консульскаго жилища. Посему мало надобно было издержекъ для покоевъ Перваго Консула и въ то же время требовались важныя, суровыя украшенія, какъ то мраморы и статуи, для дворца Правительства.

Бонапарте, не оставляя ничего безъ вниманія, самъ назначилъ чьи именно статуи должны были украсить большую Тюліерійскую галерею. Изъ Грековъ выбралъ онъ Демосфена и Александра, желая въ то же время почтить и геній краснорѣчія и геній побѣдъ. Статуя Аннибалы предназначалась для того чтобы напоминать величайшаго врага Рима; а самъ Римъ былъ представляемъ въ Консульскомъ Дворцѣ Сципіономъ, Цицерономъ, Катономъ, Брутомъ и Цесаремъ, поставя такимъ образомъ великую жертву подлѣ своего убійцы. Между великими мужами новѣйшихъ временъ, онъ отдалъ предпочтеніе сперва Густаву Адольфу, а потомъ Тюрению и Великому Конде; Тюрению, коего онъ столько удивлялся великимъ соображеніямъ а Конде дабы показать, что воспоминаніе о Бурбонахъ нисколько не страшитъ его и что онъ

умѣть всякому воздавать должную честь. Воспоминаніе о прекраснѣйшихъ дняхъ Французскаго флота, было возбуждаемо статуею Дюгетруена. Марлбургу и Принцу Евгенью также получили мѣсто въ галереѣ какъ бы для того, чтобы свидѣтельствовать о бѣдствіяхъ конца великаго царствованія; а Маршалъ Саксъ, дабы показать, что царствованіе Лудовика XV было не совсѣмъ безъ славы. Изображенія Фридриха и Вашингтона противопоставляли ложную Философію на престолѣ—истинной мудрости, основавшей свободное государство. Наконецъ имена Дюгомье, Дампьерра и Жубера должны были выставить предъ цѣлымъ свѣтомъ высокое уваженіе, питаемое Наполеономъ къ его бывшимъ сподвижникамъ, къ этимъ знаменитымъ жертвамъ дѣла, которое онъ уже болѣе не считалъ своимъ собственнымъ.

Выше упомянуто, какія попытки дѣлалъ Бонапарте для склоненія Англіи и Австріи ко вступленію въ переговоры съ Консульскимъ Правленіемъ, которое Король Прусскій призналъ первый изъ всехъ Государей Европы. Эти попытки остались бесполезными; надобно было дать войнѣ новую дѣятельность, объявивъ въ тоже время почему миръ, обѣщанный въ первые дни Консульства, оставался только обѣщаннымъ. Для достиженія вмѣстѣ этихъ обѣихъ цѣлей, Бо-

напарте издавъ къ арміямъ слѣдующее сильное воззваніе:

«Солдаты,

«Объщавъ миръ Французскому народу, я «былъ вашимъ отголоскомъ: мнѣ извѣстна ваша «слава.

«Вы тѣже люди, которые завоевали Голландію, Рейнь, Италію и даровали миръ подъ «стѣнами изумленной Вѣны.

«Солдаты, ужь не ваши границы слѣдуетъ «защищать, а должно вторгнуться въ предѣлы «непріятельскіе.

«Изъ васъ нѣтъ ни одного, который бы не «сдѣлалъ нѣсколькихъ походовъ, который бы «не зналъ что самое необходимое качество сол- «дата есть то, чтобы умѣть терпѣливо перено- «сить лишения: многіе годы дурнаго управленія «не могутъ въ одинъ день быть исправлены

«Какъ первому сановнику Республики, мнѣ «въ особенности будетъ пріятно сдѣлать извѣст- «ными цѣлому государству тѣ полки, которые «соблюденіемъ военной дисциплины и храбро- «стью своею содѣлаются достойными быть наз- «ванными подпорами отечества.

«Солдаты, когда наступитъ время, я буду по- «среди васъ и изумленная Европа станетъ пом- «нить, что вы происходите отъ храбраго пле- «мени.»

Это воззваніе замѣчательно тѣмъ, что оно не

заклучалось по введенному обычаю, священными словами: *Да здравствуетъ Республика!*

Въ тоже время Бонапарте окащивалъ учрежденіе Государственнаго Совѣта, раздѣливъ его на пять отдѣленій, а именно: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Флота, Военное и Законодательное; назначилъ по двадцати пяти тысячъ франковъ содержанія Государственнымъ Совѣтникамъ и по тридцати пяти тысячъ Предсѣдателямъ отдѣленій; опредѣлилъ мундиры Консуловъ, Министровъ и различныхъ Государственныхъ Корпусовъ. Тогда увидѣли возвратившійся обычай ношенія бархата, изгнанный со времянь послѣдняго царствованія и дабы поднять Лионскія мануфактуры было опредѣлено употребить эту не Республиканскую ткань на шитье мундировъ для Консуловъ и для Министровъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, постоянною мыслью Наполеона было то, чтобы изгладить Республику и такъ подготовить вещи, чтобы, по введеніи Монархіи въ нравы, — все было уже сдѣлано тогда какъ останется переимѣнить одно только слово. Впрочемъ я долженъ сказать, что не со мною Первый Консулъ занимался этими важными бездѣлками; еслижъ онъ это дѣлалъ, то съ тѣмъ чтобы надъ ними посмѣяться; не помню видамъ ли я его когда нибудь въ Консульскомъ нарядѣ, который онъ несправедливо и рѣшался надѣвать на себя только

при всенародныхъ церемоніяхъ. Единственная одежда, которую онъ любилъ, и которая ему казалась спокойною, былъ скромный походный нарядъ, въ коемъ онъ покорилъ древній Еридавъ и Гиль и началъ порабощеніе Сены; это былъ мундиръ Вожатыхъ, а Бонапарте страстно былъ привязанъ къ сему корпусу. Надобно признаться что это пристрастіе было вполне заслуживаемо. Можно ли было видѣть болѣе преданности, болѣе знанія своего дѣла и болѣе мужества! Въ глубинѣ души своей, Бонапарте всегда презиралъ Консульскую мишуру.

Не одни только эти большіе маскарады Первый Консуль призывалъ на помощь къ своей политикѣ. Въ эпоху VIII года, соотвѣтствовавшую масляницѣ 1800, начали въ Парижѣ вновь показываться маски; наряжанье вошло въ моду и Бонапарте благопріятствовалъ возврату прежнихъ увеселеній; вопервыхъ это было также какъ прежде, а притомъ это забавляло народъ; и если онъ взялъ себѣ за правило, что на полѣ сраженія, надобно раздѣлять непріятеля для одержанія надъ нимъ побѣды, то онъ также зналъ, что должно забавлять народъ для того, чтобы поработить его. Бонапарте не говорилъ *rapem et circenses*, ибо думаю, что знаніе его по Латини такъ далеко не простиралось, хотя это изреченіе Ювенала и очень извѣстно; но онъ употреблялъ

его на дѣлѣ. Такимъ-то образомъ онъ дозволилъ открыть вновь Оперные балы и люди, жившіе въ эту Консульскую эпоху знаютъ, что это дѣйствительно сочлось въ Парижѣ важнымъ событіемъ. Одни радовались, видя въ этомъ еще небольшую побѣду въ пользу прежняго порядка вещей; тѣже, которымъ сіе по этой самой причинѣ должно бы казаться досаднымъ, были люди важные, но не довольно прозорливые для того, чтобы оцѣнить владычество малыхъ вещей надъ большими; женщины и молодые люди не размышляли, но увлекались прелестью удовольствій; а Бонапарте радовался этому легкомысленному отводу болтовни Парижскихъ гостиныхъ. «Пока они станутъ объ этомъ говорить,» сказалъ онъ мнѣ однажды, «они не будутъ болтать о политикѣ, а мнѣ того и надобно; пусть они забавляются и пляшутъ, лишь бы не совались въ дѣла Правительства. Впрочемъ, Буріеннъ,» прибавилъ онъ, «у меня есть на это другія причины; я вижу тутъ и нныя выгоды: торговля пріостановилась; Фуше донесъ мнѣ, что купцы жалуются; это дастъ нѣкоторый оборотъ деньгамъ. Притомъ же я мало забочусь о Якобинцахъ. Неужели все должно быть худо потому, что это не новое. Я лучше люблю Оперные балы, чѣмъ ихъ сатурналіи въ честь богини разсудка. Меня ни-

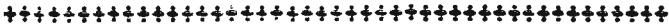
когда еще съ такимъ восторгомъ не встрѣчали какъ на послѣднемъ разводѣ!»

Консульское опредѣленіе другаго свойства и несравненно болѣе важное, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, т. е. въ началѣ Нивоза, обрадовало великое число семействъ. Бонапарте, какъ извѣстно, устроилъ 18 Фруктидора для того, чтобы имѣть основательный предлогъ для ниспроверженія Директоріи; ниспровергнувъ же Директорію, онъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ хоть частію поправить то, что было сдѣлано 18 Фруктидора. Для сего онъ приказалъ Министру Полиціи представить себѣ списки сое- ланнымъ и сорока человекамъ изъ нихъ дозволилъ возвратиться во Францію, помѣстивъ ихъ однакоже подъ надзоръ сего Министра и назначивъ имъ мѣстопробываніе.

Большая часть изъ отличныхъ людей, возвращенныхъ Наполеономъ въ отечество, не долго оставались подъ надзоромъ Полиціи; весьма многіе изъ нихъ были вскорѣ помѣщены Правительствомъ въ высокія должности, къ коимъ таланты ихъ, казалось ихъ призывали. Въ самомъ дѣлѣ весьма естественно было, что Бонапарте, желая еще, по крайней мѣрѣ для вида, основать свое правительство на началахъ умѣреннаго Республиканства, бывшаго причиною ихъ ссылки, призывалъ ихъ для содѣйствія ему въ трудъ его.

Барреръ написалъ къ Первому Консулу помѣщенное въ концѣ сей части оправдательное письмо; но Бонапарте не хотѣлъ объ немъ и слышать не въ состояніи будучи довести себя до такой степени, чтобы любить Баррера. Призывая въ совѣты Консульства людей, изгнанныхъ Директоріею,—онъ дѣйствовалъ точно также, какъ призывавъ въ послѣдствіи эмигрантовъ, этихъ изгнанниковъ Республики, къ занятію высшихъ мѣстъ Имперіи. Только во времени и въ людяхъ существовало различіе, но мысль была таже.

Г Л А В А XVI.

Бонапарте и Павелъ 1.—Лордъ Витвортъ. — Баронъ Спренгпортенъ въ Парижъ.—Вандея. — Брюнъ и Гедувиль.—Гражданское уложеніе. — Французскій банкъ. — Генераль Макъ въ Парижъ.—Исполнившееся пророчество. — Хвастовство и посредственность.—Дорога въ Мальмезонъ.—Попытки къ похищенію. — Проектъ праздника. — Храмъ Марса.—Абукирскія знамена. — Смерть Вашингтона.—Национальный трауръ.—Приказъ арміи.—Честолюбивые расчеты.—Искусный ораторъ.—Г. де Фонтавъ. — Счастливое паденіе.—Праздникъ въ Марсовомъ храмѣ.—Витія и вошны.—Два столѣтніе старца.—Бюстъ Вашингтона.

Первыя сношенія Наполеона съ Императоромъ Павломъ начались вскорѣ по вступленіи его въ Консулы. Обстоятельства оказались нѣсколько менѣе неблагопріятными; даже нѣкоторые неопре-

дѣлительные слухи, распространившіеся изъ Швейцаріи и съ береговъ Рейна, возбѣждали о возникшемъ охлажденіи между Русскими и Австрійцами; а въ тоже время обнаруживалось великое несогласіе между дворами Лондонскимъ и Санктпетербургскимъ. Лордъ Витвортъ, бывшій тогда Англійскимъ Посланникомъ въ Россіи, получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ столицы и отправился въ Ригу. Англійскія суда были во всѣхъ гаваняхъ захвачены и по настоянію Россійскаго Императора, Прусская армія начала угрожать Гановру. Бонапарте не терялъ времени и старался склонить Павла къ содѣйствию обширному замыслу, имъ составленному: онъ хотѣлъ предпринять сухимъ путемъ экспедицію противъ Британскихъ колоній въ Восточной Индіи (*).

Прѣздъ Барона Спренгпортена въ Парижъ причинилъ живѣйшее удовольствіе приверженцамъ Консульскаго Правленія, то есть почти всѣмъ.

Г. Спренгпортенъ родился въ Шведской Финляндіи. Пожалованный Екатериною Камергеромъ

(*) Не помню въ какомъ-то сборникѣ читалъ я приписанное Наполеону слѣдующее изреченіе: *За Россією ничего болѣе нѣтъ!* Невозможно чтобы Бонапарте сказалъ такую бессмыслицу, столь противорѣчающую обыкновеннымъ его мыслямъ, послѣ того какъ онъ видѣлъ Востокъ и безпрестанно обращалъ взоры на эти обширныя страны и на Англійскія владѣнія въ Индіи.

и Генераль-Лейтенантомъ ея арміи, онъ удостоился такожде благоволенія отъ Императора Павла какъ отъ его матери и всегда пользовался особеннымъ при немъ отличіемъ. Бонапарте былъ чрезвычайно доволенъ избраннымъ Павломъ посредникомъ. Мы легко могли видѣть, сколь много Павелъ имѣлъ довѣренности къ Г. Спренгпортену; и какъ сей послѣдній успешно исполнилъ данное ему порученіе, то Императоръ часто изъявлялъ ему свое удовольствіе.

Благорасположеніе Павла I къ Наполеону причиняло сему послѣднему живѣйшее удовольствіе, ибо оно казалось ему ступеню для того чтобы самому сдѣлаться Государемъ. Съ другой стороны Вандейскія дѣла начали принимать лучшей оборотъ и онъ надѣялся вскорѣ достигнуть внутренняго замиренія, пламенно имъ желаемого. Генераль Брюнь предводительствовалъ Западною арміею, а Генераль Гедувиль, коему въ особенности были поручены переговоры съ Вандейскими вождями, былъ способнѣе всякаго другаго своимъ вѣжливимъ обхожденіемъ привести сіи переговоры къ благопріятному заключенію; не прежде однакожь какъ по прошествіи нѣкотораго времени эта опасная рана совершенно закрылась.

Во время жительства Перваго Консула въ Люксембургъ, былъ сдѣланъ Законодательному Корпусу первый докладъ о Гражданскомъ Уло-

женіи; тамъ же было издано положеніе о Французскомъ Банкѣ и основано это заведеніе, недостававшее Франціи.

Въ Парижѣ тогда находился несчастно знаменитый человѣкъ, самый злополучный изъ новѣйшихъ полководцевъ—однимъ словомъ, Генераль Макъ. Я бы не сталъ говорить здѣсь о его извѣстной посредственности, еслибъ не пророческое сужденіе, которое Бонапарте тогда о немъ произнесъ. Макъ принужденъ былъ отправиться въ Шампюанне за нѣсколько мѣсяцевъ до отплытія нашего изъ Фрежюса. Его приняли какъ военнопленнаго и назначили ему пребываніемъ городъ Дижонъ, гдѣ онъ пробылъ до 18 Брюмера. Бонапарте, сдѣлавшись Консуломъ, позволилъ ему пріѣхать въ Парижъ и жить тамъ на честное слово. Онъ просилъ дозволенія возвратиться въ Вѣну; и хотя облизывался пріѣхать обратно, если Императоръ Францискъ не согласится въ обмѣнъ за него выдать Генераловъ Периніона и Груши, находившихся тогда въ Австріи въ плѣну, но ему не дали сего дозволенія, а написали прямо Вѣнскому двору о предложеніи, имъ сдѣланномъ. Вѣнскій дворъ отказалъ, вѣроятно не считая освобожденіе Мака столь важнымъ, какъ онъ самъ надѣялся (*).

(*) Макъ убѣжалъ изъ Парижа въ Апрель мѣсяцъ 1800 года.

Въ послѣдствіи ему удалось оправдаться въ винѣ, ему приписываемой и войти въ милость къ Императору Австрійскому. Черезъ хвастовство свое, происки и козни, онъ ус-

Бонапарте сказалъ мнѣ однажды, говоря объ немъ: «Макъ одинъ изъ самыхъ посредственныхъ людей какихъ я видалъ въ моей жизни. Исполненный самонадѣянности и честолюбія, онъ считаетъ себя способнымъ ко всему. Онъ теперь ужь ничего не значить, но желательно, чтобы когда нибудь ему случилось подраться съ однимъ изъ нашихъ хорошихъ Генераловъ; его бы славно отдѣляли; мастеръ хвастать и больше ничего; это одинъ изъ самыхъ неспособныхъ людей въ свѣтѣ и къ тому надобно прибавить, что онъ несчастливъ.» Эти слова Наполеона, внушенныя тогда прошедшимъ, совершенно оправдались въ послѣдствіи.

Бонапарте говорилъ мнѣ это о Макъ въ Мальмезонѣ, который очень не походилъ на то, чѣмъ онъ сдѣлался въ послѣдствіи и дорога къ нему не была, ни удобною, ни безопасною. Такъ какъ дни тогда были еще коротки, то намъ приходилось проѣзжать въ темнотѣ мимо каменоломень, простирающихся до большой дороги. Тамъ не было тогда жилищъ и по вече-

пелъ опять понасть въ службу. Онъ вездѣ кричалъ противъ Франціи, твердя только о желаніи своемъ отмстить за нѣдѣль свой въ Парижѣ. Дѣйствія не соответствовали угрозамъ: известно какъ онъ отмстилъ при Ульмѣ въ началѣ кампаніи 1805 года. Онъ вѣрно зацѣплялъ бы голову за сдачу сего города, еслибъ Наполеонъ, бывший тогда Императоромъ, не выговорилъ ему жизни въ одной изъ статей Пресбургскаго договора.

рамъ въ то время года, почти никто не проѣзжалъ по Сен-Жерменской дорогѣ. Многочисленные экипажи, заведенные для удобствъ знаточныхъ людей и содержимые движеніемъ народонаселенія, не разѣзжали тогда какъ нынче по окрестнымъ дорогамъ Парижа. Все было печально, уединенно, опасно; и я достоверно узналъ, что дѣлали нѣсколько попытокъ къ захваченію Перваго Консула; онѣ не имѣли успѣха и приказано было загродить камнею, слишкомъ приближавшійся къ дорогѣ. Когда въ Субботу вечеромъ, Бонапарте выѣзжалъ изъ Люксембурга, а въ послѣдствіи изъ Тюліери, съ тѣмъ чтобы отправиться въ Мальмезонъ, то я не могу изобразить удовольствія, имъ ощущаемаго иначе, какъ сравнивъ его съ тѣмъ, которое чувствуютъ ученики, когда за ними присылаютъ, дабы взять ихъ на праздники домой.

Предъ переѣздомъ своимъ изъ Люксембурга на жительство въ Тюліери, Бонапарте вознамѣрился поразить глаза Парижанъ блескомъ большой церемоніи. Онъ назначилъ днемъ оной дескаду 20 Плувіоза, т. е. за десять дней до окончательнаго своего выѣзда изъ прежняго Директорскаго дворца. Эти церемоніи не походили тогда на тѣ, которыя устраивались въ послѣдствіи; онѣ заимствовали весь блескъ свой отъ представленія величественнаго военнаго зрѣлища и вся-

кой разъ какъ Бонапарте садился на коня, окруженный блистательнымъ Шгабомъ, отъ коего онъ отличался своєю простотою — онъ былъ увѣренъ что Парижскіе жители бросятся къ нему на встрѣчу и будутъ привѣтствовать его лестными кликами. Цѣль торжества, сначала долженствовала только состоять въ представленіи въ Инвалидный Домъ, называвшійся тогда Храмомъ Марса, — семидесяти двухъ знаменъ, взятыхъ у Турокъ при Абукирѣ и привезенныхъ изъ Египта въ Парижъ; но получивъ извѣстіе о смерти Вашингтона, (умершаго 14 Декабря 1799 года), Бонапарте съ жадностью воспользовался этимъ случаемъ произвести *болѣе впечатлѣнія* совокупивъ траурные кипарисы объ этомъ великомъ гражданинѣ съ послѣдними лаврами, пожатыми имъ въ Египтѣ. Онъ постарался какъ можно пышнѣе объявить объ этой новости и продиктовалъ мнѣ слѣдующій приказъ Консульской Гвардіи и Арміи.

«Вашингтонъ умеръ. Этотъ великій мужъ сражался съ тираніею. Онъ утвердилъ свободу «своего Отечества. Память его будетъ всегда «драгоцѣнна Французскому народу, равно какъ «и всеѣмъ свободнымъ людямъ обоихъ полушарій а въ особенности Французскимъ солдатамъ, «которые подобно ему и Американскимъ воинамъ, сражаются за свободу и равенство. Въ «слѣдствіе сего Первый Консуль предписываетъ

«чтобы въ продолженіе десяти дней всѣ знамена «и штандарты Республики были обвиты чер-
“нымъ флеромъ.»

Бонапарте былъ очень равнодушенъ къ смерти Вашингтона, основателя независимости въ Новомъ Свѣтѣ; но она случилась очень кстати для доставленія ему случая прикрыть свои замыслы громкими словами въ пользу свободы. Отдадимъ его памяти наружную почесть — это ничего не стоитъ, а сговорчивая Франція повѣрить что тотъ, который столь торжественно учреждаетъ трауръ по Вашингтонѣ, возьметъ его себѣ за образецъ; обовьемъ въ честь ему печальнымъ флеромъ трофеи нашихъ побѣдъ и при отправленіи торжества сего, имена Вашингтона и Бонапарте выйдутъ вмѣстѣ изъ всѣхъ устъ; поручимъ искусному оратору осыпать цвѣтами своего краснорѣчія славу Героя Америки и онъ конечно найдетъ возможность кинуть нѣсколько оныхъ на славу Героя Франціи. Содержаніе рѣчи оратора будетъ безподобно: она поразитъ, она изумитъ умы картиною Америки; звучныя имена Вашингтона и Абукира потрясутъ своды Марсова Храма; народъ отвѣтитъ на этотъ лестный гулъ кликами; а мы между тѣмъ, безпрестанно устремляя глаза на Корону Франціи, однимъ шагомъ къ ней подвинемся; когда наступитъ время, то мы ужъ будемъ знать какъ завладѣть оною продолжал,

если нужно, восклицать: *Да здравствует свобода*, при возложеніи оной на Императорскую главу нашу!

Искусный ораторъ нашелся: Г. де Фонтану было поручено произнестъ похвальное слово въ память Вашингтона и цвѣты его краснорѣчія упали не всѣ на героя Америки.

Г. де Фонтану, равно какъ Сюару, Ла Гарпу и еще нѣсколькимъ сосланнымъ 18 Фруктидора, было первымъ дано дозволеніе возвратиться во Францію или лучше сказать Г. де Фонтану было дозволено не выѣзжать изъ нея, ибо онъ вовсе оттуда не отлучался; а жилъ скрытнымъ образомъ въ Парижѣ и по странному случаю былъ обнаруженъ: его сшибла съ ногъ лошадь близъ карусели и объ немъ донесли Фуше, которому можетъ статься было извѣстно мѣсто его убѣжища. Какъ бы то ни было, а поелику это случилось черезъ восемь или десять дней послѣ 18 Брюмера, то опасность была уже менѣ велика. Маре, Лапласъ, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели за него вступились и по ихъ же одобренію ему было поручено сдѣлать приступъ риторическими цвѣтами въ Марсовомъ храмѣ къ раздачѣ Академическихъ пальмъ.

Бонапарте поручилъ представленіе знаменъ Ланну, который 20 Плювіоза, въ сопровожденіи сильныхъ отрядовъ находившейся въ Парижѣ конницы, отправился въ залу совѣта Ин-

валидовъ, гдѣ его ожидалъ Военный Министръ, долженствовавшій принять оныя. Всѣ Министры, Государственные Совѣтники и Генералы были приглашены для присутствія при этомъ представленіи. Ланнъ произнесъ рѣчь, на которую Бертье отвѣтствовалъ (*); а Г. де Фонтанъ присовокунилъ свое расчитанное краснорѣчіе къ военному витійству двухъ Генераловъ. Во внутренности храма была поставлена статуя покоящагося Марса. На колоннахъ и на сводахъ висѣли трофеи Денена, Фонтенуа и Италіанскаго похода, которые и теперь еще тамъ же бы находились, еслибъ Наполеономъ не овладѣлъ демонъ завоеваній. Два столѣтніе инвазида были поставлены подлѣ Военнаго Министра; а бюстъ освободителя Америки осѣнили Абукирскими знаменами. Наконецъ прибѣгли ко всѣмъ средствамъ шарлатанства, употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ. Вечеромъ въ Люксембургѣ было многочисленное собраніе и Бонапарте очень радовался впечатлѣнію, произведенному этимъ прекраснымъ днемъ. Ему оставалось подождать только десять дней для того, чтобы переселиться въ Тюіери; въ тотъ самый день долженъ былъ кончиться трауръ по Вашингтонѣ. Его бы можно было замѣнить трауромъ по Республикѣ.

(*) Смотри приложенія.

Г Л А В А XVII.

Мюратъ.—Портретъ его.—Минута страха.—Мюратъ въ немилости.—Повѣдка въ Парижъ.—Первыя знамена, взятыя въ Италіи.—Госпожа Бонапарте и Госпожа Талиенъ.—Повышеніе Мюрата.—Первый Генераль-Адъютантъ.—Продолженіе немилости.—Мюратъ оставленъ въ Италіи.—Блестательные подвиги въ Египтѣ.—Карлъ и Мюратъ.—Мюратъ начальствуетъ Консульскою Гвардіею. — Нерасчетливость Иозефины.—Совѣты Г. Колло.—Сватовство. — Мюратъ и Каролина.—Опасніе неравнаго брака.—Бонапарте преклоненъ.—Тайныя причины.—Приданое Каролины.—Исторія двухъ ожерельевъ.—Большой успѣхъ маленькой комедіи.—Полиція.—Жюно. — Ложныя извѣстія.—Бюлетень Жюно. — Хитрость Фуше. — Обманутые Полицейскіе агенты.

Я очень мало говорилъ въ Моихъ Запискахъ о Мюратѣ; я только сказала, какое блестящее участіе онъ принималъ во многихъ сра-

женіяхъ. Достигнувъ теперь эпохи брака его съ сестрою Перваго Консула, мнѣ кажется приличнымъ обратиться къ занимательнымъ событіямъ, предшествовавшимъ сему браку, тѣмъ болѣе что это въ тоже время доставитъ мнѣ случай войти въ нѣкоторыя семейныя подробности, что я сдѣлаю со всевозможною скромностію, принятою мною за правило не отдаляясь впрочемъ отъ истины, кою я положилъ себѣ руководствоваться.

Мюратъ, красотою своею наружности, физическою силою, нѣсколько изысканною тщательностію въ своихъ ухваткахъ, горделивостію своего взгляда и кипящею отвагою въ битвахъ, менѣе походилъ на Республиканскаго солдата чѣмъ на одного изъ храбрыхъ витязей, столь хорошо изображенныхъ Аріостомъ и Тассомъ. Благодетство лица его заставляло забывать простое его происхожденіе; онъ былъ ласковъ, вѣжливъ, учтивъ, а на полѣ битвы, двадцать человѣкъ, предводительствуемые Мюратомъ, стоили полка. Одинъ разъ однакоже Мюратъ *струсилъ* (*) и вотъ въ какомъ случаѣ онъ

(*) Маршалъ Лапизъ, столь мужественный, столь блестящій на войнѣ, и такъ хорошо умѣвшій цѣнить храбрость, строго пожурилъ однажды Полковника, наказавшаго Офицера, который только что пріѣхалъ изъ Фонтенблосской школы и испугался въ первомъ дѣлѣ: «Знайте Г. Полковникъ,» сказалъ онъ ему, «знайте, что одинъ только трусъ посмѣетъ хвалиться, что онъ никогда не ощущалъ страха.»

измѣнилъ своему обыкновенному характеру.

Когда въ первый Италіанскій походъ Бонапарте принудилъ Вурмзера войти обратно въ Мантуу съ 28-ю тысячами человекъ, — то Бонапарте хотѣлъ, чтобы Міоллисъ, только съ четырьмя тысячами отражалъ вылазки, которыя могъ сдѣлать Австрійскій Генераль. При одной изъ этихъ вылазокъ Мюрату приказано было со слабымъ отрядомъ ударить на Вурмзера. Онъ *струсилъ*, не исполнилъ приказа и въ первую минуту смятенія, сказался раненымъ. Съ тѣхъ поръ Мюрать впалъ въ немилость у Главнокомандующаго, у коего онъ былъ Адъютантомъ.

Мюрать прежде сего былъ посланъ въ Парижъ съ порученіемъ представить Директоріи первыя знамена, взятые Французскою армію въ Италіи въ сраженіяхъ при Дего и при Мондови. Въ эту-то поѣздку, Мюрать познакомился съ Г-жею Талиенъ и съ женою своего Генерала; но онъ уже зналъ хорошенькую Каролину, которую онъ видѣлъ въ Римѣ у брата ея Іосифа, когда сей послѣдній исправлялъ должность Посланника Республики. Кажется даже, что и Каролина была къ нему тогда равнодушна и что онъ былъ счастливымъ соперникомъ сына Принцессы Санта-Кроса, который очень за нею ухаживалъ. Г-жа Талиенъ и Г-жа Бонапарте благосклонно приняли старшаго Адъютанта Напо-

леона и, пользуясь большимъ довѣріемъ у Директоріи, исходатайствовали ему чинъ Бригаднаго Генерала. Въ то время даже замѣчательно было, что Мюратъ не смотря на чинъ сей, остался Адъютантомъ Бонапарте, ибо тогдашнія постановленія не позволяли имѣть Адъютантовъ старѣе чиномъ Бригаднаго Командира, который равнялся съ чиномъ Полковника. Это было небольшое, заблаговременное посягательство на право, предоставляемое вездѣ только Государямъ.

По исполненіи сего порученія, Мюратъ возвратясь въ Италію, впалъ въ немилость у Главнокомандующаго, который какъ будто лишивъ его своей пріязни, помѣстилъ его въ дивизію Релья, а потомъ къ Барраге-д'Нліе; такъ что по пріѣздѣ нашемъ въ Парижъ, послѣ Кампо-Формійскаго договора, Мюратъ не былъ съ нами. Но какъ *далы*, принимавшія въ немъ большое участіе, имѣли вѣсь въ Воснномъ Министерствѣ, то онѣ выхлопотали назначеніе Мюрата въ Египетскую армію, и онъ былъ помѣщенъ въ Генуезскую дивизію. На корабль *Востокъ* Мюратъ постоянно оставался въ немилости; въ продолженіе плаванія, Бонапарте ни разу не говорилъ съ нимъ; даже въ Египтѣ Главнокомандующій всегда обходился съ нимъ холодно и часто удалялъ его изъ Главной Квартіры, давая ему трудныя порученія. Когда же

Главнокомандующій послалъ его противъ Мурать-Бея, то Мюратъ сдѣлалъ такія чудеса храбрости; во всѣхъ опасныхъ сшибкахъ, онъ изгладилъ такимъ мужествомъ легкое пятно, напесенное ему минутою нерѣшимости подъ стѣнами Мантуи; наконецъ, онъ столь много содѣйствовалъ счастливому успѣху дня при Абукирѣ, что Бонапарте, довольный пріобрѣтенною чрезъ сіе возможностью привезти во Францію послѣдній лавръ, пожатый въ Египтъ,—забылъ минутное заблужденіе, рѣшился забыть и наговоренное ему о Мюратѣ; ибо хотя Бонапарте мнѣ этого и не сказывалъ, но я имѣю много причинъ думать, что имя Мюрата было произнесено вмѣстѣ съ именемъ Карла, устами Жюно при нескромности его у источниковъ Мессудіасскихъ. Натискъ Гренадеровъ, предводительствуемыхъ Мюратомъ 19 Брюмера, въ залу Пятисотнаго Совета, разсѣялъ послѣднія облака, и въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда политическая необходимость господствовала у Бонапарте надъ всеми прочими чувствами, соперникъ Принца Санта-Кроса, былъ сдѣланъ начальникомъ Консульской Гвардіи.

Позволено думать, что Г-жа Бонапарте, стараясь привязать къ себѣ Мюрата чрезъ содѣйствіе его повышенію,—особенно имѣла въ виду то, чтобы пріобрѣсть себѣ лишняго приверженца для противопоставленія его братьямъ и

семейству Наполеона, въ чемъ она имѣла большую нужду. Завистливая ихъ ненависть при всякомъ случаѣ обнаруживалась; добрую Иозефину, которую можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что она отчасти слишкомъ много была женщиною, мучили роковыя предчувствія; увлекаемая слабостью своего характера, она не видѣла, что кокетство, пріобрѣтавшее ей защитниковъ, въ тоже время доставляло противъ нея оружіе непримиримымъ врагамъ ся.

Въ этомъ положеніи вещей, Иозефина, совершенно увѣрясь въ томъ, что она привязала къ себѣ Мюрата узамъ дружбы и признательности, —пламенно пожелала видѣть его соединеннымъ съ Наполеономъ семейнымъ союзомъ и всѣми своими желаніями, всѣмъ вліяніемъ, благопріятствовала союзу его съ Каролиною. Она не могла не знать, что уже въ Миланѣ, между Каролиною и Мюратомъ было положено начало привязанности, дѣлавшей бракъ ихъ совершенно желательнымъ и она первая сдѣлала объ этомъ предложеніе Мюрату. Мюрать не рѣшался и въ недоумѣніи своемъ, пошелъ посоветоваться съ Г. Колло, который при всякомъ случаѣ умѣлъ давать хорошіе совѣты и котораго короткость его сношеній съ Бонапарте, посвятели во всѣ семейныя его тайны. Г. Колло при-
совѣтовалъ Мюрату, не теряя времени, явнымъ

образомъ просить у Перваго Консула руку сестры его; въ слѣдствіе чего Мюратъ отпра-вился въ Люксембургъ и представилъ просьбу свою Наполеону. Хорошо ли онъ сдѣлалъ? Этой просьбѣ онъ былъ обязанъ за Неаполитанскій престоль; но еслибъ онъ отъ нея удержался, то не былъ бы разстрѣлянъ въ Пиццо. *Seci ipsi dei fata rumpere non possunt!*

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ принялъ—скорѣе какъ Государь, чѣмъ какъ сподвижникъ,—просьбу Мюрата; принявъ на себя важный видъ, онъ сказалъ, что подумаетъ и не далъ тотчасъ Мюрату опредѣлительнаго отвѣта.

Можно себѣ представить, что сватовство Мюрата было предметомъ вечерняго разговора въ Люксембургской гостиной; Госпожа Бонапарте употребила всю свою любезность, все свои средства убѣжденія для того, чтобы получить согласіе Перваго Консула. Гортензія, Евгеній и я, къ ней присоединились. «Мюратъ,» сказалъ намъ Бонапарте между прочимъ, «сынъ трактирщика! Въ высококомъ санѣ, въ который возвели меня судьба и слава, я не могу смѣшать кровь его съ моею кровью! . . . Притомъ же не къ чему торопиться, я увижу.» Мы представили ему взаимную любовь двухъ молодыхъ людей; преданность Мюрата къ его особѣ; блистательную его храбрость и прекрасное поведеніе

въ Египтѣ. «Да,» сказалъ онъ съ жаромъ, «признаюсь, Мюратъ былъ неподобенъ при Абукирѣ!» . . . Мы не пропустили этой минуты расположенія, удвоили просьбы наши и наконецъ онъ согласился. Когда вечеромъ мы остались одни у него въ кабинетѣ: «Ну Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, «ты долженъ быть доволенъ; я и самъ доволенъ; по надлежащемъ размышленіи, Мюратъ пара сестрѣ моей; притомъ же не скажутъ, что я гордъ и нищу знатныхъ связей. Еслибъ я выдалъ сестру мою за дворянина, то всѣ ваши Якобинцы закричали бы, что я устраиваю противореволюцію. Притомъ же я очень радъ, что жена моя хлопотала объ этомъ бракѣ; ты можешь отгадать почему. Такъ какъ это уже рѣшено, то я поспѣшу дѣломъ; не должно терять времени; если я поѣду въ Италію, то хочу взять Мюрата съ собою; надобно дѣйствовать рѣшительно. До завтраго.»

На другой день въ семь часовъ утра, вошедъ въ комнату Перваго Консула, я увидѣлъ, что онъ еще довольнѣе чѣмъ наканунѣ принятымъ имъ намѣреніемъ; я легко замѣтилъ, что не смотря на всю свою прозорливость, онъ не угадывалъ настоящей причины, заставлявшей Іозефину принимать столь сильное участіе въ бракѣ Мюрата и Каролины. Даже въ самомъ удовольствіи Наполеона мнѣ показалось, что въ ходатайствѣ жены своей онъ видѣлъ дока-

зательство лживости сдѣланныхъ на нея доносовъ въ связи ее съ Мюратомъ.

Бракосочетаніе Мюрата съ Каролинною происходило въ Люксембургѣ, но скромнымъ образомъ; Первый Консуль не считалъ еще тогда своихъ семейныхъ дѣлъ, государственными дѣлами. Но до свершенія онаго, мы сыграли небольшую комедію, въ которой я не могъ не принять роли и которую я здѣсь расскажу.

При бракосочетаніи Мюрата, у Бонапарте не много было денегъ, почему онъ далъ сестрѣ своей только тридцать тысячъ франковъ приданаго. Чувствуя однакоже необходимость сдѣлать ей свадебный подарокъ, и не имѣя средствъ для покупки онаго, онъ взялъ у жены своей брилліантовое ожерелье и подарилъ его невестѣ. Іозефина вовсе не была довольна этою отдачею и начала придумывать средства для замѣны себѣ этого ожерелья.

Іозефина знала, что у знаменитаго ювелира Фонсіе было великолѣпное собраніе жемчуговъ, принадлежавшее по словамъ его Королевѣ Маріи Антуанеттѣ; приказавъ привести ихъ къ себѣ, она разсудила, что изъ нихъ можно сдѣлать прекрасный уборъ. Но для пріобрѣтенія оныхъ требовалось двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, а откуда ихъ было взять? Госпожа Бонапарте прибѣгла къ Бергье, бывшему тогда Военнымъ Министромъ; Бергье, грызя себѣ по

привычку своей погги, согласился тотчасъ удовлетворить требованіямъ по госпиталямъ въ Италіи, и какъ удовлетворенные поставщики были въ то время очень признательны къ своимъ покровителямъ, то жемчуги перешли изъ магазина Фонсіе въ уборную Госпожи Бонапарте.

По приобрѣтении такимъ образомъ убора изъ жемчужовъ, встрѣтилось другое затрудненіе, о которомъ Г-жа Бонапарте прежде не подумала. Какъ надѣть на себя ожерелье, купленное тайкомъ отъ мужа? Это было тѣмъ труднѣе, что Первый Консуль зналъ, что у жены его нѣтъ денегъ, а ему были извѣстны всѣ драгоценныя вещи Юзефины. И такъ жемчуги болѣе двухъ недѣль лежали въ ящикѣ у Г-жи Бонапарте, не смѣвшей надѣть ихъ; какое мученіе для женщины! . . . Наконецъ, не въ состояніи будучи долѣе выдержать, она однажды сказала мнѣ: «Буріеннъ, завтра будетъ большое собраніе и я непременно хочу надѣть мои жемчуги; но вы его знаете, онъ станеть браниться, если что нибудь замѣтитъ; прошу васъ Буріеннъ, не уходите отъ меня; если онъ спроситъ у меня, откуда я взяла жемчуги, то я тотчасъ отвѣчу ему, что они у меня давно.»

Все произошло какъ Юзефина боялась и надѣялась. Бонапарте, увидѣвъ жемчуги, не пропустилъ сказать женѣ своей: «Это что на тебѣ

такое? какъ ты сегодня нарядна! Откуда у тебя эти жемчуги, мнѣ кажется что я ихъ не знаю?—Ахъ Боже мой, ты десять разъ ихъ видѣлъ; это ожерелье, поднесенное мнѣ Цизальпинскою Республикою, которое я надѣла на голову.—Однакожъ мнѣ кажется . . .—Ну спроси вотъ у Буріенна, онъ тебѣ тоже скажетъ.—Какъ по твоему мнѣнію Буріеннъ? помнишь ли ты это?—Да Генераль, мнѣ очень помнится, что я ихъ уже видѣлъ » Я не солгалъ, ибо Г-жа Бонапарте мнѣ ихъ уже показывала и притомъ Юзефина точно получила жемчужное ожерелье отъ Цизальпинской Республики; но тѣ жемчуги были несравненно хуже Фонсіеровыхъ. Госпожа Бонапарте съ прелестною ловкостью сыграла свою ролю; я также не дурно отдѣлался отъ принятой мною на себя обязанности потакать ей и Бонапарте нисколько не усомнился. Видя увѣренность Госпожи Бонапарте, я невольнымъ образомъ вспомнилъ размышленіе Сузанны о способности честныхъ женщинъ обманывать, не показывая о томъ и вида.

Прежде переселенія своего въ Тюліери, Первый Консуль учредилъ себѣ тайную Полицію, которая въ тоже время надзирала и за дѣйствіями другой Полиціи. Сперва у него были для сего Дюрокъ и Монсей; потомъ Даву и Жюно. Госпожа Бонапарте называла это ремесло под-

лымъ шпионствомъ. Мои замѣчанія о безполезности сей мѣры, были тщетны Бонапарте имѣлъ слабость болтаться Фуше и считать его необходимымъ. Фуше, который слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы я имѣлъ нужду хвалить искусство его въ этомъ родѣ, скоро узналъ и это внутреннее учрежденіе и имена низшихъ агентовъ, подкупаемыхъ главными. Трудно составить себѣ понятіе обо всѣхъ глупостяхъ, неимѣностяхъ и басняхъ, заключавшихся въ этихъ донсеніяхъ. Умолчу обо всемъ, но опишу одинъ случай, лично до меня касавшійся.

Это было во второй годъ Консульства: мы жили въ Мальмезонѣ. Жюно получалъ большую сумму на содержаніе тайной Полиціи въ столицѣ; онъ платилъ три тысячи франковъ дрянному вѣстовнику;—остальное употреблялось на его конюшню и столъ. Читая эти донсенія, я нашелъ въ нихъ: *Г. Буріеннъ отправился вчера вегеролиъ въ Парижъ. Захватъ въ одинъ домъ Сен-Жерменскаго предіиьствія, въ Варениской улицѣ, онъ съ весьма жаркомъ разговоръ, намекнулъ будтѣбы Первый Консуль хочетъ сдѣлаться Королемъ.*—Я никогда не открывалъ рта, ни на счетъ сказаннаго имъ мнѣ предъ отъѣздомъ въ Египетъ, что изложено мною въ сихъ *Запискахъ*, ни на счетъ того, что онъ часто говорилъ мнѣ въ эту эпоху о Консульствѣ.

Надобно замѣтить, что я никогда не уѣзжалъ и не могъ уѣхать ни на минуту изъ Мальмезона, ибо Первый Консулъ могъ меня спросить, а особенно въ ночь, о которой упоминалось въ этомъ донесеніи, онъ диктовалъ мнѣ бумаги и инструкціи до трехъ часовъ утра.

Жюно всякой день пріѣзжалъ въ Мальмезонъ въ одиннадцать часовъ утра; однажды я приказалъ позвать его въ кабинетъ, гдѣ я тогда былъ одинъ.—«Ты не читалъ свое донесеніе?—Напротивъ, очень читалъ. — Не можетъ быть.—Почему же?—Потому что ты исключилъ бы изъ него нелѣпность, до меня касающуюся.—А!.. мнѣ очень жаль но я увѣренъ въ моемъ агентѣ и не перемѣню ни слова въ его донесеніи.—Дурно сдѣлалъ.» Тутъ я разсказалъ ему, что въ эту ночь происходило. Онъ поунырился и ушелъ.—Я всякое утро клалъ письма и бумаги для чтенія на столъ къ Первому Консулу. Я положилъ донесеніе Жюно на самый верхъ. Первый Консулъ входитъ и читаетъ. Дошедъ до статьи, до меня касавшейся, онъ началъ усмѣхаться. — «Читалъ ли ты это донесеніе?—Читалъ Генералъ.—Какъ Жюно глупъ.—Это я давно знаю.—Какъ онъ допускаетъ себя обманывать. Здѣсь ли онъ еще?—Полагаю: я только что его видѣлъ и какъ добрый товарищъ сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія; но онъ и слышать не хотѣлъ.—Вели его позвать. Жюно вхо-

дигь. — «Дуракъ ты, какъ можно представлять такія донесенія? Стало быть ты ихъ не читаешь? Кто мнѣ поручится въ томъ, что ты выставляешь и другихъ людей столько же несправедливо? Я хочу читать то что дѣйствительно случилось, а не выдумки. Агентъ твой давно ужъ мнѣ не нравится, прогони его сегодняже.» — Жюно хотѣлъ было оправдываться. — «Довольно. И слышать не хочу.»

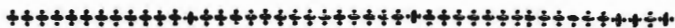
Фуше, которому я рассказалъ этотъ случай, — объявилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ позабавиться на счетъ Жюно, котораго агенты собирали свои свѣдѣнія только въ кофейныхъ и въ игорныхъ домахъ и на Биржѣ. Что онъ велѣлъ рассказать эту нелѣпность и что Жюно повторилъ ее вмѣстѣ со многими другими. Фуше часто заводилъ агентовъ дворцовой Полиціи въ разставляемыя имъ сѣти; что еще болѣе увеличивало довѣріе къ нему.

Этотъ случай и многіе другіе того же рода, начали уменьшать важность, которую въ первое время Бонапарте полагалъ въ Полиціи, дѣлавшей ему бѣльшую частью нелѣпныя и ложныя донесенія. Эта несчастная Полиція! она, въ мое время, отравляла жизнь его и часто вооружала его противъ жены, родственниковъ и друзей. Наконецъ онъ узналъ ее и освободился отъ ея пагубнаго вліянія. Раннѣе, столькоже откровенный, сколь онъ былъ храбръ, гово-

рить намъ въ своихъ Запискахъ, что когда Наполеонъ при отступленіи своемъ изъ Москвы, узналъ передъ Смоленскомъ о безразсудной попыткѣ Малета, то онъ не могъ надивиться приключенію съ Министромъ Полиціи Савари и съ Префектомъ Полиціи Паскье. *Наполеонъ не удивлялся, говоритъ Раппъ, тому что эти бездѣльники, (т. е. Полицейскіе шпіоны), которые толпятся въ Гостиныхъ и въ Трактирахъ, которые вездѣ втираются и все искажаютъ, не могли открыть его заговора; но онъ не постигалъ слабости Ровиго. Эта Полиція, которая все угадываетъ, допустила захватить себя въ расплохъ.*

Пользовавшись полною довѣренностью Перваго Консула, я былъ посвященъ во всѣ тайны, и во множествѣ политическихъ дѣлъ, въ которыхъ я прямо или косвенно принималъ участіе, я имѣлъ случай настоящимъ образомъ оцѣнить племя вѣстовщиковъ, причиняющихъ много зла.

Г Л А В А XVIII.

Счастливыи переходъ. — Люксембургъ становится тѣснь. — Республиканская щекотливость. — Выгодныи связи. — Искусная осторожность. — Поощреніе. — Избранныи эпохи. — Соображеніе и исполненіе. — Пышность и простота. — Третій Консуль въ Тюліери. — Отъездъ изъ Тюліери. — Фиакры и шестерка бѣлыхъ лошадей. — Сабля Императора Австрійскаго. — Королевскій обычай и надпись. — Смотръ. — Отданіе чести знаменамъ. — Клики. — Неумѣстность. — Г. Татейранъ въ кабинетъ Наполеона. — Высокая политика. — Зараніе одобренныи совѣты. — Два Министерства вмѣсто двухъ Консуловъ. — Слова Бонапарте. — Представленія. — Консульскіи Спартанцы. — Уничтоженіе красныхъ шапокъ, даже и на картинахъ. — Простонародная привычка. — Парадная постеля. — *Нашъ* кабинетъ. — Описаніе. — Два письменныи стола. — Кабинетъ Дюрока.

Изъ трехъ Консуловъ—близнецовъ, созданныхъ 18-мъ Брюмеромъ, Бонапарте въ непродолжительномъ времени объявилъ себя стар-

шимъ и присвоилъ себѣ значительное право старшинства; а вскорѣ потомъ захватилъ себѣ всю власть. Уже начиналъ для него выполняться замыселъ, который онъ составилъ себѣ, содѣйствуя всѣми своими средствами Революціи 18 Фруктидора. Тогда для его намѣреній нужно было, чтобы Директорія нарушила Конституцію, дабы въ послѣдствіи оправдать тѣмъ ниспроверженіе Директоріи. По словамъ, отъ времени до времени у него вырывавшимся, легко было заключить что честолюбіе его не удовлетворено и что Консульство есть только переходъ для совершеннаго возстановленія Монархическаго единства. И такъ Люксембургъ сдѣлался слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія въ себѣ главы Правительства и было рѣшено, что Бонапарте переселится въ Тюліери. Но сколько ему было нужно благоразумія для того чтобы безопасно миновать подводные камни, его окружавшіе! А потому сколько онъ принялъ предосторожностей для того чтобы пощадить Республиканскую щекотливость и мало по малу приучить оную къ температурѣ самовластія! Но этого было недостаточно, ибо вещи находились въ такомъ положеніи, что Бонапарте, поставленный между двумя партіями, Якобинцами и Роялистами, не могъ поразить одной изъ нихъ, не придавъ въ тоже время силы другой. Онъ разрѣшилъ эту трудную задачу ослабивъ обѣ пар-

тин, въ чемъ успѣлъ устрашая попеременно то ту, то другую. «Роялисты,» казалось говорили онъ, «если вы не пристанете къ моему Правленію, то Якобинцы возстануть, а съ ними ужасъ и эшафоты.» А сынамъ Революціи: «Вы видите противо-Революцію представляющеюся грозною, вооруженною возмездіемъ и местию; она готова поразить васъ; одинъ только мой щитъ можетъ предохранить васъ отъ ея ударовъ!» Такимъ образомъ партіи должныствовали сблизиться въ слѣдствіе ненависти и опасеній, которыя онъ другъ ко другу питали; думая стать подъ кровъ Главы Правительства, онъ только отдали себя въ зависимость честолюбиваго человѣка и Бонапарте, смягчая ихъ мало по малу подъ силою своей воли — вель ихъ какъ хотѣлъ по стезямъ своей политики. Онъ шелъ твердымъ шагомъ все впередъ, но не пренебрегалъ никакими предосторожностями, способными какъ можно долѣе прикрыть его намѣренія.

Видя дѣйствіе всѣхъ этихъ тайныхъ пружинъ, я удивлялся непостижимому искусству Наполеона; болѣе же всего изумяла меня въ немъ власть, которую онъ умѣлъ брать надъ собою всякой разъ, когда слишкомъ поспѣшное обнаруженіе его мыслей могло бы повредить его замысламъ. О Тюліери упоминали не иначе какъ подъ названіемъ Дворца Правительства; такимъ

образомъ, согласно со сдѣланными имъ заблаговременно распоряженіями, онъ рѣшился не жить тотчасъ одному въ древнихъ чертогахъ Французскихъ Королей; онъ удовольствовался назначеніемъ въ оныхъ для себя Королевскихъ покоевъ и захотѣлъ помѣстить въ немъ Третьяго Консула, который дѣйствительно занялъ Павильонъ Флоры. Это искусное раздѣленіе совершенно согласовалось съ назначеніемъ Дворца Правительства и могло на нѣсколько времени провести прозорливыхъ людей.

Когда наступило время оставить Тюіери; то Бонапарте окружилъ себя еще множествомъ другихъ обманчивыхъ предосторожностей. День переезда Правительства былъ назначенъ тридцатаго Пювіоза (*); наканунѣ онаго Первый Консулъ приказалъ обнародовать собранные голоса касательно принятія Конституціи. Съ другой стороны, онъ отложилъ на десять дней помѣщеніе въ Монитёръ рѣчи, произнесенной Г-мъ де Фонтаномъ въ предъидущую декаду въ Марсовомъ Храмѣ. Онъ подумалъ что день, въ который онъ сдѣласть столь великій шагъ въ Монархіи, очень прилично избрать для поддержанія въ Парижанахъ высокихъ мыслей о сво-

(*) По довольно странному сближенію, Пій VII былъ избранъ въ Папы за три дня до водворенія Перваго Консула въ Тюіери; и въ самый день 30 Пювіоза произошло учрежденіе Республики Семи-Острововъ.

бодѣ и для совокупленія вновь имени его съ именемъ Вашингтона.

30 Плювіоза, утромъ, я по обыкновенію въ семь часовъ вошелъ въ комнату Перваго Консула; онъ крѣпко спалъ и этотъ день былъ одинъ изъ тѣхъ, въ которые онъ просилъ меня дать ему еще не много поспать. Я замѣтилъ, что вообще Бонапарте менѣе бывалъ встревоженъ въ минуту исполненія предположеній имъ вещей, чѣмъ при соображеніи оныхъ; такъ онъ привыкъ считать рѣшенное имъ въ умѣ, какъ бы уже исполненнымъ.

Но возвращеніи моемъ къ Наполеону, онъ сказалъ мнѣ съ видомъ очень явнаго удовольствія: «Ну, Буріеннъ! такъ наконецъ сегодня мы будемъ ночевать въ Тюліери. Ты, ты очень счастливъ; ты не обязанъ выставять себя на позорище; ты пойдешь стороною. Но я долженъ вступить туда не иначе какъ со свитою; это мнѣ очень скучно; но надобно дать пищу глазамъ: это полезно для народа. Директорія была слишкомъ проста и потому не пользовалась никакимъ уваженіемъ. Въ арміи простота прилична; но въ большомъ городѣ, въ дворцѣ, Глава Правительства долженъ привлекать къ себѣ всѣми возможными средствами; только надобно дѣлать это исподоволь. Жена моя пойдетъ глядѣть смотреть изъ комнатъ Лебрёна;

поѣзжай, если хочешь съ нею; но будь въ кабинетѣ, какъ только увидишь, что я сойду съ лошади.»

Я не поѣхалъ на смотръ, но отправился своею дорогою въ Тюліери, дабы разложить бумаги въ нашемъ новомъ кабинетѣ и приготовить все къ приходу туда Перваго Консула; уже вечеромъ, изъ разговоровъ въ гостиной, гдѣ собраніе было многочисленно, узналъ я о происшедшемъ въ продолженіе дня.

Бонапарте отправился ровно въ часъ изъ Люксембурга. Свита его конечно далеко не подходила къ тѣмъ, которыя въ бытность его Императоромъ блистали такимъ великолѣпіемъ; но ей была придана вся пышность, какую состояніе роскоши дозволяло тогда во Франціи. Единственная настоящая пышность этого времени состояла въ красотѣ войскъ: было собрано три тысячи отборныхъ людей, между коими въ особенности отличался неподобный Полкъ Вожатыхъ. Все шло въ величайшемъ порядкѣ имѣя въ головѣ музыку. Генералы и ихъ Штабы были верхами, а Министры ѣхали въ каретахъ, почти единственныхъ, которыя тогда существовали въ Парижѣ; ибо для перевозки въ полномъ составѣ Государственнаго Совѣта, припужденными напписъ приѣхннуть къ фіакрамъ, закрывъ только номера ихъ бумагою подъ цвѣтъ съ кузовомъ. Одна только карета Перваго

Консула была запряжена шестью бѣлыми лошадьми и эти бѣлыя лошади возбуждали воспоминаніе о славѣ и о мирѣ: это были тѣ самыя, которыхъ Императоръ Германіи подарилъ Главнокомандующему Италіанскою арміею при заключеніи Кампо-Формійскаго договора. Бонапарте въ этотъ день имѣлъ на себѣ великолѣпную саблю, подаренную ему Императоромъ Францискомъ при томъ же случаѣ. Первый Консулъ, имѣя у себя по лѣвую руку Камбасереса, а впереди Г. Лебрёна, проѣхалъ такимъ образомъ часть Парижа по Тювильской улицѣ и Вольтеровой набережной до Королевскаго Моста. Вездѣ по дорогѣ, присутствіе его возбуждало радостныя клики, къ коню тогда Полиція не имѣла еще надобности по-нуждать.

Отъ Карусельныхъ воротъ до Тюліерійскихъ, Консульская Гвардія стояла по обѣимъ сторонамъ—Королевскій обычай, представлявшій странную противоположность съ надписью, мимо коей Бонапарте проѣхалъ вступивъ во дворъ. Двѣ караульныя были выстроены, одна по правую, а другая по лѣвую сторону средней рѣшетки; на правой находилась надпись: ДЕСЯТОЕ АВГУСТА 1792. — МОНАРХІЯ ВО ФРАНЦІИ УНИЧТОЖЕНА И НИКОГДА НЕ ВОЗСТАНЕТЬ! Она уже возстала.

Войска были выстроены на дворѣ фронтомъ;

какъ только карета Консуловъ остановилась, то Бонапарте поспѣшно изъ нея вынелъ и сѣвъ, или лучше сказать, вскочивъ на коня, объѣхалъ войска, между тѣмъ какъ два другіе Консула вошли въ покои, гдѣ ихъ ожидалъ Государственный Совѣтъ и Министры. Множество женщинъ, въ щегольскомъ Греческомъ нарядѣ, бывшемъ тогда въ модѣ, занимали съ Госпожею Бонапарте окна Третьяго Консула въ Павлионѣ Флоры. Со всѣхъ сторонъ толпилось несметное число зрителей; всѣ окна Карусельной площади были наняты дорогою цѣною и отвсюду единогласно кричали: *Да здравствуетъ Первый Консуль!* Кого бы не очаровалъ такой восторгъ!

Первый Консуль довольно долго производилъ смотръ; онъ объѣхалъ ряды, милостиво разговаривая съ начальниками; послѣ чего сталъ близъ Тюліерійскихъ воротъ имѣя Мюрата по правую руку, Ланна по лѣвую, а позади себя многочисленный Штабъ изъ юныхъ вонновъ, загорѣвшихъ отъ солнца Египта и Италіи, и которые всѣ участвовали въ бѣльшемъ числѣ сраженій, чѣмъ сколько имъ было отъ роду лѣтъ. При проходѣ мимо его знаменъ девяносто шестой, сорокъ третьей и тридцатой полубригады, состоявшихъ изъ одного только дивизіона съ нѣсколькими обрывками, прострѣленными пулями и почернѣвшими отъ пороха, —

онъ снялъ шляпу и почтительно поклонился. Эти знаки уваженія, оказанные великимъ вождемъ знаменамъ, изорваннымъ на полѣ битвы, были привѣтствованы тысячею восклицаній, и по проходѣ мимо его войскъ, Первый Консулъ смѣлыми стопами взошелъ по Тюліерійской лѣстницѣ.

По окончаніи на этотъ день роли Полководца, онъ представилъ лице Главы Государства и можно сказать, что уже въ эту эпоху, Первый Консулъ составлялъ собою все Консульство.—Прерываю повѣствованіе о происшедшемъ при переездѣ нашемъ въ Тюліери для того, чтобы привести здѣсь одно обстоятельство, которое представляется моеѣ памяти и которое не мало способствовало къ преклоненію Бонапарте сдѣлаться настоящимъ главою своихъ товарищей Консульства. Читатели помнятъ, что когда Рожеръ-Дюко и Сіссъ носили званіе Консуловъ, то всѣ три члена Консультскаго Комитета были равны, если не въ существѣ, то по крайней мѣрѣ въ правахъ своихъ. Когда Камбасересъ и Лебрёнъ заступили ихъ мѣста, то Талейранъ, назначенный въ то же время вмѣсто Г. Рейнгарта Министромъ Внѣшнихъ Сношеній, былъ принятъ въ частной аудіенціи въ кабинетъ Перваго Консула, гдѣ я одинъ находился съ ними. Слова, сказанныя Г-мъ Талейраномъ Наполеону, такъ понрави-

лись сему послѣднему, что слишкомъ поразили и меня для того, чтобы я могъ ихъ забыть. «Гражданинъ Консуль,» сказалъ онъ ему, «вы вѣрили мнѣ Министерство Внѣшнихъ Сношеній и я оправдаю вашу довѣренность; но долгомъ считаю объявить вамъ, что съ этой минуты я буду работать только съ вами. Въ этомъ нѣтъ съ моей стороны никакой гордости; я говорю это только для выгодъ Франціи: для хорошаго управленія ею и для единства дѣйствій, надобно чтобы вы были Первымъ Консуломъ и чтобы Первый Консуль имѣлъ у себя въ рукахъ все, непосредственно относящееся къ политикѣ; то есть Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Полиціи; мое Министерство Внѣшнихъ дѣлъ и два великіе способа исполненія: сухопутныя войска и флотъ. Почему, по всѣмъ отношеніямъ слѣдуетъ, чтобы Министры этихъ пяти частей, работали только съ одними вами. Управленія Юстиціи и Финансовъ, конечно многими узами соединяются съ политикою; но эти узы не такъ еще тѣсны. Если вы позволите мнѣ Генераль, то я прибавлю, что очень прилично было бы поручить Второму Консулу, весьма искусному законовѣдцу—управленіе Юстиціею, а Третьему Консулу столько же свѣдущему по части Финансовъ, управленіе оными (*).

(*) Кто не узнаетъ въ этомъ перваго зародыша Архъ-Канцлерства и Архъ-Казначейства Имперіи.

Это займетъ ихъ, доставить имъ препровожденіе времени, а вы Генераль, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ жизненныя части управленія, достигнете благородной цѣли, вами себѣ предположенной—возстановленія Франціи.»

Эти достопримѣчательныя слова были не таковы, чтобы Бонапарте могъ ихъ слушать съ равнодушіемъ; они слишкомъ согласовались съ его тайными замыслами для того, чтобы не принести ему удовольствія и, по выходѣ Г. Талейрана, онъ тотчасъ сказалъ мнѣ: «Знаешь ли, Буріеннъ, что Талейранъ способенъ давать хорошіе совѣты; это человекъ очень разсудительный.—Генераль, таково мнѣніе всѣхъ тѣхъ, которые его знаютъ.—Онъ правъ.» Послѣ сего Бонапарте улыбувшись прибавилъ: «Талейранъ не просто: онъ проникъ меня. Тебѣ извѣстно, что я желаю сдѣлать именно то, что онъ мнѣ совѣтуетъ. Но еще разъ, онъ правъ: скорѣе идешь, когда идешь одинъ. Лебрёнъ честный человекъ, но у него въ головѣ нѣтъ политики—онъ пишетъ книги. Камбасересъ слишкомъ напуганъ преданіями Револуціи. Мое правительство должно быть совсемъ новое.»

Совѣты Талейрана были съ такою точностью выполнены, что уже въ самый день установленія Консульскаго Правленія, когда Бонапарте вступилъ въ залу для принятія разныхъ представленій, то Камбасересъ и Лебрёнъ болѣе

походили на двухъ свидѣтелей, чѣмъ на двухъ товарищей Перваго Консула. Министръ Внутреннихъ дѣлъ представилъ членовъ Правительственныхъ Мѣстъ Парижа; Военный Министръ, Штабъ семнадцатою военной дивизіи; Морской Министръ многихъ флотскихъ Офицеровъ, а Штабъ Консульской Гвардіи былъ представленъ Мюратомъ. Такъ какъ наши Консульскіе Республиканцы, не совсѣмъ были Спартакцами, то за смотромъ и представленіями послѣдовали большіе обѣды. Первый Консулъ пригласилъ къ себѣ двухъ другихъ Консуловъ, Министровъ и Предсѣдателей Правительственныхъ мѣстъ. Мюратъ угостилъ военныхъ начальниковъ, а Государственный Совѣтъ, возсѣвъ опять въ свои фіакры съ завѣшанными номерами, отправился въ полномъ составѣ къ столу Луціана.

До переселенія нашего въ Тюліери, мы часто туда ѣзжали для надзора за произведеніемъ приказанныхъ Наполеономъ передѣлокъ. Въ самомъ началѣ, видя множество красныхъ шапокъ, намалеванныхъ на стѣнахъ, онъ сказалъ Г. Леконту, бывшему тогда Тюліерійскимъ Архитекторомъ: «Прикажите стереть всё это: я не хочу такихъ неблагопристойностей.»

Первый Консулъ самъ назначилъ небольшія перемѣны, которыя ему хотѣлось сдѣлать въ покояхъ, имъ себѣ отведенныхъ. Парадная постель, но не та, которая принадлежала Лудовику

XVI, была поставлена въ комнатѣ, находившейся подлѣ его Кабинета на полдень, къ сторонѣ большой лѣстницѣ Павиліона Флоры. Мимоходомъ скажу, что онъ спалъ на ней очень рѣдко, ибо Наполеонъ имѣлъ самыя простыя склонности въ своемъ домашнемъ быту и любилъ наружную пышность единственно по расчету, какъ средство поражать оною людей. По простонародному изреченію—Гонапарте въ Люксембургѣ, въ Мальмезонѣ и въ первое время жительства своего въ Тюліери—*спалъ вмигъ съ женою*. Каждый вечеръ онъ сходилъ къ Іозефинѣ по маленькой лѣстницѣ изъ смежнаго съ его кабинетомъ гардероба, въ которомъ нѣкогда была моленная Маріи Медицисъ. Я никогда не входилъ въ спальную Бонапарте иначе какъ по этой лѣсенкѣ; когда же онъ входилъ къ *намъ* кабинетъ, то всегда чрезъ гардеробъ, мною упомянутый и коего дверь находилась противъ единственнаго окна, насъ освѣщавшаго. Окно сіе выходило въ садъ.

Что касается до *нашего* кабинета, то я видѣлъ въ немъ пріуготовленіе столькихъ событій, я видѣлъ въ немъ столь великія, а иногда столь ничтожныя вещи—наконецъ я провелъ въ немъ столько часовъ моей жизни, что я могу теперь сообщить самое подробное описаніе онаго для тѣхъ, которые любятъ такія подробности.

Да стола были поставлены въ этомъ каби-

нетъ: одинъ, великолѣпный, для Перваго Консула, находился почти по срединѣ и кресла его обращались задомъ къ камину, имѣя окно по правую руку. На правой сторонѣ была небольшая комнатка, въ которой сидѣлъ Дюрокъ и черезъ которую можно было имѣть сообщеніе съ писцомъ и съ большими покоями, выходящими на дворъ. Когда Первый Консулъ находился за столомъ своимъ сидя на прекрасныхъ креслахъ, которыхъ онъ столько разъ портилъ ручку, обрѣзывая ее перочиннымъ ножичкомъ, то онъ имѣлъ противъ себя большую библіотеку, наполненную съ низу до верху картонами. Нѣсколько правѣе, подлѣ библіотеки, была другая большая дверь кабинета, ведущаго прямо въ парадную спальню, о которой я говорилъ; оттуда проходили въ большую пріемную залу, на потолокъ которой Ле Брѣнъ изобразилъ Лудовика XIV; трехцвѣтная кокарда, прифигленная къ головѣ великаго Монарха доказывала еще нелѣпное безчинство Конвента. За сямъ слѣдовала караульная предъ большою лѣстницею Павиліона Флоры.

Мой рабочій столъ, очень скромный, находился у окна; лѣтомъ я имѣлъ предъ собою густую зелень каштанныхъ деревьевъ; но мнѣ должно было вставать для того чтобы увидѣть прогуливавшихся по саду. Я сидѣлъ спиною къ боку Генерала, такъ что намъ приходилось только слегка повернуть головы дабы видѣть другъ

друга, когда намъ нужно было поговорить. Дюрокъ рѣдко находился въ своемъ маленькомъ кабинетѣ: тамъ я могъ иногда принимать. Консульскій Кабинетъ, сдѣлавшійся потомъ Императорскій, оставилъ мнѣ много воспоминаній; и надѣюсь, что читая слѣдующія части, читатель увидить, что я не все забылъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

Мы сочли необходимымъ приложить здѣсь ниже помѣщенные бумаги. По сообщенной въ сихъ Запискахъ истинѣ, для читателей, любящихъ слышать оную съ офиціальною ложью, любопытно будетъ видѣть то, что было сказано и то что было сдѣлано. Многія изъ этихъ бумагъ, содержаніемъ своимъ и временемъ изданія оныхъ доказываютъ, съ какою быстротою Бонапарте, послѣ 18 Брюмера, старался учредить во Франціи внутреннее благоустройство и оградить ея внѣшнее спокойствіе; таковы адреса Министровъ Полиціи и Юстиціи къ ихъ согражданамъ, равно какъ письма Министра Высшихъ Сношеній къ агентамъ, ему подвѣдомственнымъ и къ Иностраннымъ Министрамъ.

Нота, сираведливо приписанная Реню де Сен-Жанъ д'Анжели, драгоценна тѣмъ, что она въ немногихъ словахъ напоминаетъ преступленія и ошибки правительствъ, смѣнявшихся во Франціи съ паденія Монархіи до Консульства и тѣмъ, что этой отвратительной картинѣ, остроумный сочинитель ноты противопоставляетъ утѣшительное зрѣлище надеждъ, внушенныхъ новымъ порядкомъ вещей.

Офиціальная переписка Клебера принадлежала къ тексту и могла бы въ ономъ остаться; но какъ она представляетъ занимательный эпизодъ, такъ сказать отдельный отъ общаго повѣствованія, то мы предпочли помѣ-

стить оную въ концѣ книги, равно какъ и письмо Баррера. Это письмо показалось намъ заслуживающимъ обратить на себя вниманіе, ибо оно лучше всего другаго доказываетъ гибкость, съ коею образованные Якобинцы льстили власти и припоровались къ господствующимъ мнѣніямъ.

Наконецъ, мы заключили собраніе этихъ бумагъ тремя рѣчами, произнесенными въ Марсовомъ храмѣ за десять дней до перемѣщенія Консульскаго правленія въ Тюилери. Приятно видѣть въ словахъ Ланна и Бертье, военную искренность той эпохи, а въ удивительномъ похвальбомъ словѣ Вашингтону, произнесенномъ Г-мъ де Фонтаномъ, возвращеніе во Франціи того льстиваго краснорѣчія, которое столь пріятно слышать, которому столь опасно внимать и которое сдѣлало такіе успѣхи при Имперіи.

МИНИСТРЪ

ГЛАВНОЙ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ,

СВОИМЪ СОГРАЖДАНАМЪ.

20 Брюмера VIII года французской
Республики единой и нераздельной.

«Граждане, Правительство было слишкомъ слабо для того, чтобы поддержать славу Республики противъ вѣнскихъ непріятелей и обеспечить права гражданъ противъ внутреннихъ крамоль; надлежало озаботиться тѣмъ, чтобы дать оному силу и величіе.

«Национальная мудрость, Совѣтъ Старѣйшинъ, возимель мысль сію и обнаружилъ свою къ тому волю.

«Онъ повелѣлъ перемѣстить Законодательный Корпусъ за предѣлы, въ коихъ слишкомъ много страстей бушвало вокругъ него.

«Оба совѣта намѣревались предложить мѣры, достойныя представителей Французскаго народа.

«Горсть бунтовщиковъ издумала было тому воспрепятствовать; она предалась ярости, которую великое большинство гологовъ въ совѣтахъ, сдѣлало тщетною.

«Это освободительное большинство голосовъ соединилось по разсыпаніи крамольниковъ; оно поручило двумъ Комитетамъ, избраннымъ изъ среды совѣтовъ, храненіе Законодательной власти.

«Оно ввѣрило исполнительную власть тремъ Консуламъ, облеченнымъ тѣмъ же полномочіемъ какъ Директорія.

«Оно избрало Гражданъ Сіеса, Бонапарте и Рожера Дюко, которые сего дня вступаютъ въ должность.

«Съ этой минуты начинается новый порядокъ вещей. Правительство было притеснительно потому, что оно было слабо;

то, которое заступило место онаго, налагаетъ на себя обязанность быть сильнымъ для того, чтобъ быть правосуднымъ.

«Оно призываетъ для содѣйствія себѣ всѣхъ друзей Республики и свободы, всѣхъ Французовъ.

«Соединимся, дабы сдѣлать имя Французскаго Гражданина столь великимъ, чтобы каждый изъ насъ, гордясь пошениемъ онаго, предалъ забвенію роковыя названія, съ помощью коихъ бунтовщики приготовили наши бѣдствія посредствомъ раздѣленій.

«Консулы достигнуть этой цѣли; ибо они сильно того желаютъ. Вскорѣ значеиа всѣхъ партій будутъ уничтожены; всѣ Французы соединятся подъ хоругвою Республики.

«Вскорѣ заботливость Правительства обеснечитъ торжество Республики извѣстъ побѣдою, ея внутреннее благоденствіе правосудіемъ, а счастье народа миромъ.

«Министръ Полиціи *ФУШЕ*.»

МИНИСТРЪ ЮСТИЦІИ, ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ УПРАВЛЕНІЯМЪ, УГОЛОВНЫМЪ И ГРАЖДАНСКИМЪ СУДАМЪ РЕСПУБЛИКИ, И КОМИСАРАМЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, СО- СТОЯЩИМЪ ПРИ НИХЪ УПРАВЛЕНІЯХЪ.

Парижъ, 20 Брюмера VIII года Французской
Республики единой и нераздѣльной.

«Давно уже, Граждане, народный гласъ требовалъ переменъ въ органическомъ устройствѣ нашего общественнаго состава.

«Эти переменны произойдутъ.

«Въ спокойствіи соображенія приготовить и мудро обсудить уставы, основывающіеся на незыблемыхъ основаніяхъ свободы, равенства правъ и уваженія собственности.

«Тогда всѣ сердца присоединятся къ представительной системѣ, и Республика приметъ отъ своего законодательства сіяніе, не менѣе блистательное, какъ и то, которое доставлено ей побѣдами ея защитниковъ.

«Дабы достигнуть сей, столь желаемой цѣли, представители народа определили принять мѣры, утвержденныя закономъ 19 числа сего мѣсяца, при семъ прилагаемымъ.

«Примите законъ сей какъ благодареніе и содѣйствуйте всѣми вашими средствами великодушнымъ усиліямъ Консуловъ, которые неуспѣшно будутъ трудиться для того чтобы доставить отечеству миръ и благоденствіе.

«Поэтому предлагаю центральнымъ управленіямъ сдѣлать съ торжественностью предписанное объявленіе, наблюдая дабы печатные экземпляры закона были выставлены въ обыкновенныхъ мѣстахъ.

«Объ исполненіи сихъ обѣихъ статей мнѣ донести.

КАМБАСЕРЕСЬ.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО МИНИСТРА ВНЕШНИХЪ СНОШЕНІЙ КЪ ЗАГРАНИЧНЫМЪ АГЕНТАМЪ РЕСПУБЛИКИ.

Парижъ 21 Брюмера VIII года.

«Сообщая вамъ, Гражданинъ, законъ, изданный Законодательнымъ Корпусомъ въ последнее его засѣданіе 19 Брюмера, увѣдомляю, что Консулы Французской Республики немедленно приняли бразды правленія

«Конституція III года,—твореніе опытности, слишкомъ несовершенной и вліянія нѣкоторыхъ преходящихъ обстоятельствъ,—погибла бы отъ своихъ собственныхъ несовершенствъ и отъ страстей человѣческихъ; слишкомъ часто претупаемая главными властями, попеременно призываемая и безпрестанно нарушаемая всѣми страстями, она не возбуждала уже къ себѣ уваженія во Французахъ; она перестала быть средствомъ благосостоянія для Республики. Надлежало воспрепятствовать, чтобы начала, на коихъ она основывалась, не погибли вмѣстѣ съ нею.

«Сильное побужденіе, данное всѣмъ умамъ одно только могло обратить къ единой цѣли желанія и надежды гражданъ, согласовать всѣ власти, оживить всѣ пружины общественной силы, и дать ея направленію единодушную, твердую и истинно Республиканскую энергію. Побужденіе сіе было дано и всѣмъ властямъ, воодушевленные, могущественныя ихъ согласіемъ и довѣренностью, которую даруетъ имъ государство, приступать съ дѣятельностью къ великому труду, налагаемому на нихъ судьбами Республики—къ упржеденію порядка во всѣхъ частяхъ управ-

ленія, къ возстановленію внутренняго спокойствія и къ доставленію почетнаго, прочнаго мира.

«Присяга, предписанная вамъ, Гражданинъ, есть доказательство что основанія, на коихъ лежать надежды Франціи и счастье будущихъ поколѣній, остались неприкосновенными. Люди, коимъ ввѣрено Правительство представили довольно залоговъ свободѣ; имена ихъ довольно внушаютъ почтенія и довѣренности для убѣжденія Франціи и Европы въ томъ, что основанія сіи будутъ ограждены и отъ посягательствъ вѣншихъ непріятелей и отъ потрясеній внутреннихъ крамоль.

«Консулы Республики, предоставляя вамъ продолжать исполненіе обязанностей, на васъ возложенныхъ, поручаютъ мнѣ увѣдомить васъ, что я извѣстилъ о ихъ вступленіи въ должность иностранныхъ агентовъ, въ Парижѣ находящихся. Конія съ циркулярной ноты моея, при семъ прилагается. Съ тѣмъ вмѣстѣ они поручаютъ мнѣ предписать вамъ представить Правительству, при коемъ вы находитесь, объявленіе о власти, коюю они облечены и о видахъ мудрости и согласія, ихъ одушевляющихъ. Присовокупите къ тому, что для доставленія Европѣ почетнаго, и прочнаго мира необходимо, чтобы объявленіе, коимъ я оканчиваю мою циркулярную ноту къ иностраннымъ агентамъ, было сильно оцущено и чтобы довѣренность къ правдолюбію, могуществу и правосудію Правительства Республики, повсюду равнялась съ искренностью обътовъ, которые оно не перестанетъ дѣлать о мирѣ и о неизмѣнномъ соблюденіи своихъ обязательствъ.

«Препровождаю къ вамъ форму присяги, которую должны дать всѣ политическіе и Консульскіе агенты Республики, равно какъ Французскіе Граждане, живущіе въ чужихъ земляхъ или находящіеся временно въ отсутствіи изъ своего отечества. Предлагаю вамъ сообщить содержаніе письма моего подчиненнымъ вамъ агентамъ. Они приведутъ къ присягѣ подвѣдомственныхъ имъ своихъ согражданъ и доставятъ къ вамъ присяжные листы, которые вы препроводите ко мнѣ, равно какъ и вашъ собственный.

Подписано *РЕЙНГАРТЪ.*»

**ПИСЬМО МИНИСТРА ВНЕШНИХЪ СНОШЕНІЙ
КЪ ИНОСТРАННЫМЪ МИНИСТРАМЪ.**

Парижъ 22 Брюмера VIII года.

«Милостивый Государь,

«Имѣю честь извѣстить васъ, что Консулы Французской Республики приняли бразды управленія Государствомъ.

«Наши высшіе агенты немедленно получаютъ приказъ сообщить о томъ же Правительству, при которыхъ они находятся. Политическія сношенія Франціи съ прочими народами и дипломатическія сношенія ея Правительства съ другими Правительствами, остаются прежнія; только блистательное соединеніе всѣхъ умовъ, содѣйствуемое просвѣщеннымъ, твердымъ и единымъ направлеиємъ, которое будетъ дано общественной силѣ, утвердивъ отнынѣ жребій Французской Республики — долженъ возвыситься въ глазахъ Иностранныхъ Правительствъ цѣну политическихъ сношеній, ихъ съ нами соединяющихъ.

«Примите увѣреніе и проч. . . .

Подписано *РЕЙНГАРТЪ* .»

**НОТА, ПРИПИСЫВАЕМАЯ РЕИО ДЕ СЕН-ЖАНЪ
Д'АНЖЕ.Ш,**

Совѣту старѣйшихъ и Бонапарте.

Законодательный Корпусъ перемѣнилъ мѣстопребываніе, дабы лучше дѣлать. Перемѣнитъ ли и Республика свое положеніе для того, чтобы лучше быть? Будетъ ли она еще увлекаться старыми заблужденіями или съ твердостью рѣшится признаться въ нихъ и исправить оныя? Станутъ ли еще уважать политическіе предрасудки, совратившіе съ пути наше законодательство, наше Правительство? или наконецъ съ мудростью и силою примутъ высокія, свободныя понятія, прочія правила, твердыя основанія общественнаго устройства? Мы желаемъ Республики, мы желаемъ свободы, мы желаемъ представительнаго Правительства.

Съ 1789 года, мы сражаемся вѣдъ и внутри границъ нашихъ; мы расточаемъ наши имущества и жизнь для обеспеченія оныхъ; мы не имѣли законодателей, оправдавшихъ наши надежды; мы еще нынѣ ищемъ Конституціи и находимъ только Уложеніе нестройное, темное, и безъ обеспеченій. Мы имѣли правителями

людей безъ талантовъ или безъ правилъ, жестокихъ безъ энергій, честолюбивыхъ безъ величія, расточительныхъ отъ скудости. Окруженные страстями и преступленіями, коихъ не имѣли твердости обуздать или наказать—они вооружали ихъ другъ противъ друга; и граждане, тревожимые ввроюмыми дѣйствіями ихъ политическихъ уравновѣшеній, только перемѣняли притѣснителей и бѣдствія.

Въ 1789 году, члены Конституціоннаго Собранія, бывъ тверды противъ деспотизма, оказались слабыми противъ мятежныхъ партій. Бывъ хладнокровны и велики при отъѣздѣ Короля въ Лювъ 1791 года, нѣкоторые изъ нихъ допустили преклонить себя его агентамъ по его возвращеніи, а другіе устранились возгласовъ клуба; и изъ этой массы честности и свѣдѣній, вышло произведеніе безъ прочности, хилой недоносокъ, заключавшій въ лювъ своемъ зародышъ своего скораго разрушенія.

Созданіе 1795 года, несправедливый плодъ безначалія, только утрастило Францію, предвѣстивъ оной всевоздвѣнія ужаса. Наконецъ хвалить Конституцію III года, которая существуетъ, и лучше сказать, не существуетъ. Могла ли она поддержатья, когда она учреждала Законодательный Корпусъ, неизбежно долженствовавшій владычествовать надъ Исполнительною Директорією, или быть угнетеннымъ ею?

Такимъ образомъ Республика, поддержанная въ IV и V-мъ годахъ побѣдами нашихъ армій а особенно армією Бонапарте въ Италіи, была близка къ погибели въ VI году чрезъ заговоры Роллинзма.

Законодательный Корпусъ, введенный въ заблужденіе, обманутый некоторыми заговорщиками, готовился испровергнуть Директорію, когда 18 Фруктидора спасло его. Но спасши его, оно уничтожило Конституцію. Оно причинило всему обществу великое зло, произведя потрясеніе въ системѣ представительнаго Правленія; оно причинило Франціи зло, до сихъ поръ еще не исправленное, истребивъ все почтеніе къ Конституціонному Уставу, который можно было однажды исказить; и съ этой минуты всѣхъ распоряженій онаго съ хитростью уклонялись или дерзостно нарушали ихъ.

Исполнительная Директорія, привыкнувъ къ самовластию, устроивала заговоры для того чтобы имѣть право удержать или

распространить оное. Она безпрестанно дѣйствовала своимъ ненавистнымъ противовѣсіемъ ввергая посредствомъ оного въ бѣдну съ гасящими Роялистами и террористами глѣвъ тѣхъ, которые навлекали на себя гнѣвъ его и которыхъ она попеременно помѣщала въ эти двѣ партіи, одна послѣ другой гонимыя.

Такимъ то образомъ политическая свобода была уничтожена; Представители гражданъ подверглись самопроизвольной ссылкѣ, попасть въ списки, составленные ненавистью и предубѣжденіемъ.

Такимъ то образомъ выборы народа были оскорбительно отринуты; такимъ образомъ, вопреки правиламъ представительнаго Правительства, Директорія избрала представителей изъ смутьяновъ, ею учрежденныхъ съ небольшимъ числомъ честныхъ, просвѣщенныхъ людей, оказавшихъ услуги отечеству, не посмѣвъ отвергнуть тѣхъ, которыхъ преданность или ничтожество, обманъ и самое легкое порабоженіе двухъ Советовъ.

Такимъ то образомъ въ VII году, она посылала Комисарамъ своимъ въ Департаментахъ, списки тѣхъ людей, которыхъ слѣдовало избрать, и деньги для заплаты за эти предписываемые ею выборы.

Такимъ то образомъ, вопреки гражданской свободѣ, Директорія удержала право подвергать ссылкѣ журналистовъ, священниковъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе возбудить ея негодваніе.

Такимъ то образомъ темницы наполнились погибавшими въ нихъ многочисленными жертвами, которыя не знали своихъ обвинителей и тщетно требовали себѣ суда, въ коемъ Конституція воспрещаетъ отказывать имъ долѣе 24 часовъ.

Такимъ то образомъ право вносить въ списокъ эмигрантовъ, было вполне предоставлено Директоріи и въ оный даже внесли имя посланника, который имѣлъ несчастіе прогнѣвать одного изъ тирановъ или не хотѣлъ предъ нимъ ползати.

Такимъ то образомъ, вопреки Конституціоннымъ законамъ о Государственной казнѣ, правила порядка и отчетности во всѣхъ отрасляхъ управленія были нарушены и произведены самыя соблазнительныя лихоимства для удовлетворенія лѣстецовъ или убійцъ, донощиковъ и слугъ.

Такимъ то образомъ судьи, блюстители собственности, санов-

шки, избранные народомъ, были безрестанно смѣняемы по до-
посамъ бездѣльниковъ или по честолюбію глумцовъ.

Такимъ то образомъ отличившіеся своєю храбростію воєн-
ные были лишены чиномъ, постыдно безъ суда отрѣзаемы и
повергасмы въ нищету вмѣсто награды за кровь, пролитую
ими за отечество.

Такимъ то образомъ, вновь палагаемая подати нарушали пра-
во собственности, тщетно утвержденное сею Конституціонною
Хартією, на которую безрестанно ссылались и которую без-
рестанно нарушали.

Такимъ то образомъ ежегодно оказывалась несостоятельность
подъ именемъ недочета и Директорія уничтожала какъ Прави-
тельство, обязательства, которыя она сдѣлала какъ партія.

Такимъ то образомъ несчастные пансіонеры тщетно испраши-
вали себѣ хлѣба насущнаго у дверей казначействъ, опустощен-
ныхъ безпорядкомъ и глумостію.

Такимъ то образомъ междуособіе было возбуждено этимъ на-
губнымъ закономъ заложниковъ, наказывающимъ пенинаго за
преступленіе, которому онъ не могъ воспречитствовать и кото-
рымъ Правительство казалось вымещало на самомъ народѣ за
безсиліе свое охранить его отъ разбойниковъ.

Въ слѣдствіе сихъ то преступныхъ нарушеній Конституціи,
внѣшніе враги нации, чрезъ агентовъ своихъ, приводили Респу-
блику на послѣднюю степенъ разстройства, несчастій и преступ-
леній.

Такимъ то образомъ наконецъ мы не имѣемъ, ни Конститу-
ціи, ни Правительства. Мы хотимъ того и другаго.

Мужи умные, мужи сильные, союзу коихъ мы радуемся; Сіеъ,
Бонапартъ, дадите ли вы намъ оныя? Когда же вы намъ ихъ
дадите то обеспечите ли вы оныя? Если таково ваше намѣреніе,
то приступите къ исполненію оного; весь народъ окружить васъ,
въ продолженіе трудовъ вашихъ — могуществомъ и почтеніемъ;
онъ окружитъ васъ признательностію и уваженіемъ по оконча-
ніи оныхъ.

Франція требуетъ чего либо великаго и прочнаго. Непостоян-
ство ее погубило; она ищетъ твердости. Она хочетъ единства въ
дѣйствіяхъ власти, которая будетъ исполнять законы. Она хо-
четъ законодательнаго Корпуса независимаго и свободнаго; по

не желаетъ чтобы онымъ управлялъ духъ зависти и хищенія. Она хочетъ чтобы ея представители ее защищали а не волновали. Она хочетъ чтобы они были мирными бшнствителями а не безпокойными вводителями новизны. Она хочетъ наконецъ пожать плоды десятилѣтнихъ пожертвованій; она хочетъ свободы и мира. Сдѣлайте все что можно для обеспеченія ей оныхъ и слава ожидаетъ васъ при окончаніи поприща.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ КЛЕБЕРЪ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ.

Главная Квартира Каиръ, шестой
дополнительный день VII года.

«Граждане Директоры,

«21 Термидора, Генералъ Дезе узналъ, что Мурадъ-Бей, вышедъ изъ стени выше Сута, достигъ Эль-Гапанма; онъ тотчасъ послалъ для преслѣдованія его, Бригаднаго Командира Морана, который, вскорѣ догнавъ его, напалъ на него и обратилъ его въ бѣгство: множество Мамелюковъ было убито; одинъ изъ вождей и двадцать верблюдовъ взято.

Мурадъ-Бей отступилъ съ навѣнчайшею поспѣшностью, но Бригадный Командиръ Моранъ съ неутомимымъ своимъ отрядомъ, пройдя въ четыре дня пятьдесятъ миль степью, вновь догналъ его ночью на 24 число близъ Самагута; захватилъ его лагерь, перекололъ великое число Мамелюковъ и взялъ двести верблюдовъ, навьюченныхъ добычею и сто осѣдланныхъ лошадей равно какъ великое количество всякаго рода оружія; самъ Мурадъ-Бей, преслѣдуемый отрядомъ 20 Драгунскаго Полка, успѣлъ спастись только съ помощью темноты.»

АТАКА КОССЕНРЫ.

«27 Термидора въ полдень, два Англійскіе фрегата, подошедъ къ крѣпости Коссеиръ, тотчасъ начали по ней канонаду. Въ четыре часа по полудни непріятель спустилъ двѣнадцать шлюбокъ,

съ высадымъ войскомъ; но онъ воротились къ судамъ своимъ, усмотрѣвъ въ деревнѣ нашихъ солдатъ; фрегаты всю ночь продолжали огонь.

«Эти два судна, утромъ 23 числа перемѣнивъ положеніе, начали пробывать въ крѣпости брешь, между тѣмъ какъ въ тоже время триста человекъ было высажено въ деревню, къ коей накауивъ непріятель не посмѣлъ пристать. Стрѣлки 21 полка, находившіеся тамъ въ засадѣ, допустивъ ихъ на близкое разстояніе, встрѣтили ихъ столь сильнымъ огнемъ, что Англичане, обратясь въ бѣгство, покинули своихъ убитыхъ и раненыхъ.

«Фрегаты однакожь продолжали пальбу и въ четыре часа послѣ полудня была произведена новая высадка на берегъ къ югу отъ порта. Генераль Донзело, начальствующій въ Коссеиръ и распорядившій обороною, приказалъ засѣсть некоторому числу войска въ близкія къ морю гробицы и во рвы, смежныя со степью, такъ что непріятель, подвергшись передовому и фланговому огню, принужденъ былъ съѣсть обратно на суда свои съ такою же поспѣшностью какъ и утромъ.

«Пальба не уменьшалась и 29 числа въ семь часовъ утра, четыреста человекъ свезли на берегъ шести фунтовую пушку со всеми принадлежностями. На высаженныхъ людей и на пушку было немедленно сдѣлано нападеніе и предъ нашими штыками все обратилось въ бѣгство въ наибольшемъ безпорядкѣ къ судамъ своимъ. Пушка съ принадлежностью осталась въ нашихъ рукахъ; наконецъ, послѣ пальбы, продолжавшейся непрерывно шестьдесятъ четыре часа, фрегаты поставили паруса, пустились въ море и исчезли. Между высаженными войсками, забили многихъ Синаевъ.

«Въ одной гавани собрано болѣе шести тысячъ ядеръ отъ 8 до 24 фунтоваго калибра. По этому можно судить,—говоритъ Генераль Донзело—о сильной пальбѣ, произведенной съ этихъ двухъ фрегатовъ.

«Генераль сей съ величайшею похвалою отзывается о подвигахъ 3-го баталіона 21 Легкаго Полка.

«Онъ также хвалитъ отличное мужество гражданъ, Баталіоннаго Командира Валетта, Полковаго Адыюганта Лагарда и Командаита крѣпости Капитана Грессена. Испрашиваю у васъ для сего послѣдняго чинъ Баталіоннаго Командира.

«Инженеръ Капитанъ Башелю оказалъ особенную дѣятельность при исправленіи брешей и при производствѣ подъ непріятельскимъ огнемъ всѣхъ работъ, необходимыхъ для безопасности порта.

«Генераль Дезе превозноситъ похвалами дѣятельность и искусство, оказываемыя повсюду Бригаднымъ Командиромъ Мораномъ и какъ Офицеръ сей состоитъ сверхъ комплекта, то я ходатайствую о производствѣ его въ Генераль-Адъютанты.

«Гражданинъ Равіе, Баталіонный Командиръ 88-й Полубригады и Гражданинъ Лебретонъ, Офицеръ 20 Драгунскаго Полка, въ особенности отличились.

«Пспрашиваю у васъ, Граждане Директоры чинъ Дивизионнаго Генерала Бригадному Генералу Фриану, косяо усердіе, дѣятельность и таланты должны быть вамъ извѣстны и который въ продолженіе цѣлаго года не перестаетъ съ успѣхомъ сражаться въ Верхнемъ Египтѣ.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ КЛЕБЕРОМЪ ВЪ ПРАЗДНИКЪ 1 ВАУДЕМІЕРА, VIII ГОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

«Солдаты,

«Вы окончили седьмой годъ, съ достопамятной эпохи, въ которую Французскій народъ, учредилъ у себя Республиканское Правленіе.

«Вы поддерживали Республику, вы защищали ее вашимъ усердіемъ. На сѣверъ, на югъ, на востокъ и на западъ вы отодвинули наши границы — и непріатели, которые въ кичливыхъ мечтахъ, дѣлили уже между собою наши области, скоро принужденными нашлись, въ ужасъ своемъ, расчитывать границы, на которыхъ вы остановитесь.

«Но знамена ваши, храбрые сподвижники, преклоняются подъ тяжестью лавровъ и подвигамъ вашимъ должно положить конецъ; толика слава заслуживаетъ награду. Еще минута настойчивости и вы достигнете того и другаго; еще минута и вы подарите прочный миръ свѣту, возбдвѣвъ оный.»

Часть III.

39

КЛЕБЕРЪ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ.

Главная Квартира Кахръ, 25 Брюмера VIII года.

«Граждане Директоры,

«Я долженъ отдать вамъ отчетъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Египтѣ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь представить вамъ мое послѣднее донесеніе отъ шестаго дополнительнаго дня VII года.

ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТЪ.

«Мурадъ-Бей, послѣ разбитія его Генераль-Адъютантомъ Мораномъ, блуждалъ въ степяхъ Верхняго-Египта не вступая въ обитасмыя земли иначе какъ только для того, чтобы заpastись съестными припасами и нѣсколько отдохнуть. Генераль Дезе, ставшійся какою бы то ни было цѣною избавиться отъ этого неутомимаго непріятеля, составилъ двѣ подвижныя колонны изъ пѣхоты, посаженной на верблюдовъ, изъ конницы и артиллеріи: колонны снѣ отправились изъ Сіута въ первыхъ числахъ Вандеміера подъ начальствомъ—одна, самого Генерала Дезе, а другая, Генераль-Адъютанта Бойе.

«17 числа тогоже мѣсяца, Генераль-Адъютантъ Бойе, послѣ трехдневнаго, форсированнаго марша, сошелся съ Мурадъ Беемъ въ Седиманской степи: едва пѣхота наша успѣла спѣшиться и собрать своихъ верблюдовъ, какъ на нея воспослѣдовалъ натискъ соединенныхъ Мамелюковъ и Арабовъ; она отразила его съ мужествомъ, штыками и ружейнымъ огнемъ въ припорѣ. Между тѣмъ непріятель, польстясь на нашихъ верблюдовъ, три раза покушался овладѣть ими; но наши войска не поколебались и храбро отразили неоднократныя на нихъ натиски; наконецъ Мамелюки и Арабы обратились въ бѣгство и наша пѣхота, съѣвъ опять на верблюдовъ, тотчасъ пустилась за ними въ погоню. Въ этомъ дѣлѣ у насъ одинъ человекъ убитъ и семнадцать ранено; непріятель покинулъ на пескахъ болѣе сорока труповъ.

«Я приказалъ Генералу Дезе отправиться въ Кайръ для пріятія начальства надъ Дивизією, въ корпусъ, назначенномъ къ

дѣйствию противъ Верховнаго Визиря, идущаго изъ Сиріи. Генераль-Адъютантъ Бойе преслѣдуетъ по пятамъ Мурадъ-Бей, который ускользаетъ отъ него въ ту самую минуту, какъ онъ думаетъ его настичь. Этотъ Бей, утомленный безпрестанными движеніями, переходитъ чрезъ Пиль 50 Вадеміера, на высотѣ Атъіели. Онъ уклоняется отъ войскъ Генерала Рампона, находившагося тогда въ этой области, углубляется въ долину Блужденія, направляетъ путь къ Суену, останавливается, идетъ опять назадъ и возвращается въ Верхній Египетъ. Его повсюду преслѣдуютъ и тревожатъ, однакожь до сихъ поръ не могли еще догнать. На пути своемъ, онъ съ изобиліемъ разбѣгаетъ воззванія Верховнаго Визиря и фирманы Порты для возбужденія жителей къ мятежу; но всѣ его попытки до сихъ поръ не произвели еще никакого дѣйствія.

«Я долженъ отдать величайшую похвалу искусству и неутомимой дѣятельности Генераль-Адъютанта Бойе: отрядъ его состоялся изъ 21 Полка легкой и изъ 88-го тяжелой пѣхоты.

ГРАНИЦЫ СИРИИ.

«Между тѣмъ какъ это происходило въ Верхнемъ Египтѣ, Верховный Визирь со своею армією, шелъ отъ Дамаска къ Гизъ, гдѣ онъ учредилъ свою главную квартиру. Авангардъ его уже въ Канъ-Жунессъ.

«Извѣстясь объ этомъ движеніи Визиря, я отправилъ изъ Каира Дивизию Ренъ съ тѣмъ, чтобы расположась въ Бельбенсѣ, она усилила посты въ Эль-Аришѣ, въ Катіс и въ Салегіе.

«Зная что непріятельская армія терпитъ недостатокъ въ съестныхъ припасахъ и что Арабы, посредствомъ отправляемыхъ изъ Египта многочисленныхъ каравановъ, доставляютъ ей продовольствіе, я запретилъ подъ смертною казнью, всякаго рода вывозъ и предоставилъ войскамъ отбирать въ свою пользу то, что могло быть для нихъ полезно.

«Мѣра сія въ короткое время доставила мнѣ около осми сотъ верблюдовъ, которые были розданы въ Полки и въ разныя команды арміи.

«Теперь можно сказать что стены Суецкаго перешейка, Верхняго Египта и Багире почти стольже извѣстны Французскимъ

солдатамъ какъ и Арабамъ, живущимъ въ оныхъ или обыкновенно чрезъ оныя проѣзжающимъ.

«Мнѣ остается сообщить вамъ о происшедшемъ особенно въ Даміеттѣ.

НИЖНИЙ ЕГИПЕТЪ.

«Движенія арміи Сирійской и Мурадъ Бей извѣстны бы мена о какомъ нибудь, приготавлиемомъ на берегу морскомъ предпріятіи, еслибъ я и не былъ о томъ предупрежденъ самимъ Верховнымъ Визиремъ.

«Уже 2 Вандеміера, осмнадцать Турецкихъ судовъ стояло противъ Даміетскаго залива и число ихъ постепенно увеличилось, такъ что 8 Брюмера ихъ насчитали уже пятьдесятъ три.

«Командоръ Сидней Смитъ, находившійся на Тигрь, начальствовалъ этимъ флотомъ. Глубина подлѣ береговъ была измѣрена, означена бочками и канонерскія лодки разставлены по этой линіи. 7 Брюмера непріятель, съ помощью этихъ лодокъ, овладѣлъ башнею, находившеюся въ четверти миль отъ моря и отъ устья Нила. Огнь поставилъ въ ней отрядъ и пушку.

Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ къ атакѣ, я послалъ 12 числа въ Даміетту Генерала Дезе съ двумя баталіонами и со сло пятидесятью драгуиъ; при такомъ подкрѣпленіи я могъ быть спокоенъ въ этой точкѣ; но послѣдствія показали, что мнѣ и безъ этого не должно было беспокоиться.

«Дѣйствительно 10 числа на развѣтъ, непріятель произвелъ свою высадку и спустилъ на берегъ около четырехъ тысячъ человекъ, которые тотчасъ начали устроить укрѣпленія, избравъ для сего точку между правымъ берегомъ Нила, моремъ и озеромъ Мензале.

«Бригадный Генералъ Вердье, стоявшій лагеремъ Между Лесбе и берегомъ, извѣстясь объ этой высадкѣ, немедленно пошелъ, атаковалъ и перекололъ около трехъ тысячъ Турокъ, даровавъ жизнь только осьми стами изъ нихъ, которые умоляли о помилованіи.

«Войска, бывшія подъ начальствомъ Генерала Вердье при этой смѣлой защитѣ, состояли едва изъ тысячи человекъ 2-го легкаго, 52 тяжелаго и 18 Драгунскаго Полковъ.

«У испріятеля отнято тридцать два знамя, двадцати четырехъ

фунтовая пушка и четыре полевых орудія со свардами.

«Между пловцами оказался Измаиль Бей, Каймаканъ или помощникъ Сендъ-Али-Бей, предводительствовавшій Турецкою Дивизією; равно какъ одинъ корабельный начальникъ и много другихъ значительныхъ Офицеровъ.

«Каймаканъ увѣрять что назначенныя въ эту экспедицію высажныя войска состояли изъ осми тысячъ отборныхъ Янычаръ, отправленныхъ изъ Константинополя три мѣсяца тому назадъ, и коихъ около половины было высажено на берегъ; онъ прибавляетъ, что не смотря на это пораженіе, остальные въ скоромъ времени къ намъ явятся. Нашихъ солдатъ очень радуетъ эта надежда; ибо кромѣ удовольствія, доставленнаго такою отличною побѣдою, они получили значительную добычу.

«У насъ въ этотъ день ранено 97 и убито 22 челоузка; въ числѣ послѣднихъ находится Бригадный Командиръ Денойе, Начальникъ 2 легкаго Полка, отличный Офицеръ, коего таланты равнялись съ самою хладнокровною неустрашимостью.

«Вы увидите, Граждане Директоры въ прилагаемомъ при семъ дневномъ приказѣ, имена Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ и солдатъ, наиболее въ этотъ день отличившихся.

«Генераль Вердье покрылъ себя славою, какъ своею отважностью такъ и благоразумными распоряженіями.

«Я вручиу отъ имени Правительства сабли—ему и храброму Генераль-Адъютанту Дево, Командиру 52 Полка, Баталіонному Командиру Артиллеріи Рютти и Эскадронному Командиру Гюйону, начальствовавшему отрядомъ 48 Драгунскаго Полка. Подъ этимъ послѣднимъ убито двѣ лошади.

«Прошу васъ, Граждане Директоры, объ утвержденіи и одобреніи производствъ и наградъ о которыхъ я представляю и которыя такъ славно заслужены.

«18 числа, подувшій сильный вѣтръ, заставилъ непріятелей сняться съ якоря и выйти въ море; съ тѣхъ поръ они уже не показывались. Одинъ только Александрійскіе крейсера насъ не покидаютъ; число ихъ состоитъ изъ осми судовъ, между коими находится Англійскій корабль Тезей.

«Прилагаю къ сему донесенію копію моей переписки съ Верховнымъ Визиремъ и съ Англійскимъ Командоромъ Г. Сидней-Смитомъ.

Подписано *КЛЕБЕРЪ.*»

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПИСЬМА

Гражданина Шаброля, Инженера Путей Сообщенія къ
Гражданину Леперу, Главному Инженеру въ Каирѣ.

Сіутъ, 15 Фруклидора VII года.

«Небольшой городокъ Миніе довольно красивъ и во все не походитъ на жалкія деревушки Нижняго-Египта; здѣсь нѣтъ ничего любопытнаго кромѣ нѣсколькихъ искусственныхъ гротовъ и сближенія или расширенія долины, коей берега представляютъ мѣстами картину самаго ужаснаго безплодія, а мѣстами изобиліе и плодоносную почву. Наводненіе не позволило намъ видѣть прекрасный Акмопенскій портикъ; послѣ мы осмотрѣли развалины древней Антипоя, нынѣ Шенкъ-Абаде; здѣсь то, не смотря на чувство народнаго честолюбія, возбуждается высокое понятіе о превосходствѣ древнихъ надъ нами.

«Великолѣпные остатки древней Антипоя представляютъ двѣ большія улицы, одна къ другой перпендикулярныя, которыя шли чрезъ городъ отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу; четыре безплодныхъ портика служили въѣздами въ оныя; изъ нихъ два еще почти цѣлы. Посреди города находится прекрасная площадь гдѣ видны четыре большія колонны очень великолѣпныя, но безъ вкуса; одинъ изъ этихъ портиковъ казалось велъ къ Театру полукруглаго вида, совершенно разрушившемуся.

«Улица, которая вела къ этому портику, украшалась Пестомскими колоннами, вѣроятно составлявшими по обѣ стороны крытыя галереи, которыя простирались въ длину болѣе осмисотъ шаговъ. Кажется что чрезъ городъ протекалъ прекрасный каналъ, окружавшій оный; таково по видимому было общее его расположеніе. Остальная часть городскихъ развалинъ представляетъ множество поломанныхъ колоннъ, стоящихъ или опрокинутыхъ, изъ гранита и изъ другихъ каменей.

«Въ числѣ этихъ развалинъ, замѣчательны остатки великолѣпной бани; при входѣ высѣченъ изъ цѣльнаго камня бассейнъ, имѣющій въ діаметръ болѣе двадцати футъ. Мы надеемся, на возвратномъ пути снѣтъ планъ этого Римскаго города и сооб-

щитъ понятіе о великолѣпнѣи Императора Адріана. Мы отыскали также бюстъ Антіноя, его любимца.

«Гражданинъ Глутіе, членъ Института и Комерческой Комиссіи, отправился на этихъ дняхъ въ Верхній Египетъ.»

ПИСЬМО БАРРЕРА КЪ ПЕРВОМУ КОНСУЛУ.

Изъ моего уединенія, 7 Фримера VIII года.

«Гражданинъ Консуль,

«И я также присоединю слабый гласъ мой ко гласу друзей свободы, полагающихъ довѣренность свою въ вашихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ, а надежды въ Революціи 19 Брюмера. Она дастъ новую силу ослабшимъ пружинамъ Республики и превратитъ въ прочное благоденствіе, бѣдственное положеніе, въ коемъ находилась Франція. Она должна также изгладить все воспоминанія, сблизитъ умы и составить эпоху мудраго, сильнаго и окончательнаго учрежденія Республиканской Конституціи.

«Высока и мужественна была мысль пуститься въ среду общественныхъ бурь и положить руку на Революцію, для того чтобы окончить оную къ пользѣ владычества народа, національнаго представительства, свободы и равенства. Вы имѣли мужество Курція, вы покажете мудрость Солона.

«Строго закрывъ минувшее, искренно отвергнувъ будущее, вы привяжете всѣхъ Французовъ къ необходимому дню 19 Брюмера, ибо все чувствовали бѣдствіе и опасности отечества.

«Для наблюдательныхъ умовъ, народъ сдѣлалъ Революцію свободы, представительство сдѣлало Революцію Республики, армія сдѣлала Революцію героизма а Бонапарте Революцію просвѣщенія. Вотъ минута положить твердыя, энергическія основанія правамъ и выгодамъ гражданъ и націи. Вотъ минута сдѣлать призывъ ко всѣмъ свободнымъ душамъ, къ твердымъ умамъ, къ глубокомысленнымъ людямъ, къ практическимъ философамъ и къ политикамъ филантропамъ.

«Крикъ партій утихнеть; добро, которое вы введете и сдѣ-

лаете, пережить всѣ низкія страсти, всѣ ложныя сужденія современниковъ

«Консулы обидѣли благоустроенную Республику; это уже одно должно было прекратить всѣ недоумѣнія и оживить всѣ надежды. Слава освободителя Италіи и Египта ручается отечеству за всю его свободу, а видимая склонность его ко всему хорошему и великодушному, предвѣщаетъ его благоденствіе.

«Привязанный съ давняго времени къ вашей философской и военной славѣ, я не ждалъ пока вы сдѣлались могущественнымъ для объявленія моихъ мнѣній касательно вашихъ гражданскихъ добродѣтелей, долженствующихъ обратить къ себѣ мысли и питать надежды истинныхъ республиканцевъ; вы съ участіемъ пришли сочиненія изгнанника и тѣмъ поощрили меня писать къ вамъ въ этомъ важномъ случаѣ.

«Я доказалъ сочиненіями моими въ сѣлкѣ (которая продолжается еще и при Консульствѣ Бонапарте); что отечество для меня драгоценно, что свобода для меня священна; что ему необходимо Правительство, твердо и мудро учрежденное и Конституціонное устройство, которое бы воспротивилось пародной переменчивости.

«Я старался склонить моихъ сограждѣ къ послѣдней Конституціи прежде чѣмъ различныя партіи, для забавы, стали призывать ее, безпрестанно оную нарушая; это была граница Революціи. Эта Конституція испровергнута и я умѣю желать иной, болѣе краткой, менѣе затруднительной, усматривая въ вашихъ трудахъ и въ соображеніяхъ тѣхъ, кому поручено исполненіе оныхъ, Конституцію, которая превзойдетъ всѣ прочія; въ коей будетъ болѣе искреннее раздѣленіе властей, болѣе единства въ народномъ представительствѣ, составляющемъ главную поруку свободы; болѣе законной власти у Правительства дабы оное не имѣло нужды употреблять самовластіе;

Въ коей республиканскія основы будутъ прочіе утверждены а Правительство тверже возвышено;

Въ коей будетъ понудительная сила, болѣе энергическая и дѣятельная, чѣмъ правственное развращеніе, политическіе пороки и личныя выгоды послѣднихъ временъ;

Въ коей народъ господствовалъ бы болѣе непосредственнымъ образомъ чрезъ способъ выборовъ, менѣе сложный, менѣе под-

верженный продажности, кознямъ, раздѣламъ, и вліяніямъ, чуждымъ свободѣ;

«Въ коей судьи, избираемые народомъ, будутъ не столь многочисленны а перемены не столь часты;

«Въ коей всѣ обеспеченія гражданъ касательно ихъ свободы, политической, гражданской и домашней, равно какъ свободы тишенія, будутъ лучше учреждены; самовластные дѣйствія менѣе безнаказанны а отвѣтственность судей менѣе мечтательна;

«Въ коемъ національное управленіе, верховное, посредническое, недолговременное и могущественное, будетъ бѣности или возстановлять согласіе двухъ властей Законодательной и Исполнительной, содѣйствуя къ совершенному отдѣленію судебной власти и къ священной независимости учрежденія присяжныхъ; ему же будетъ предоставлено выставлять отъ времени до времени нарушеніе Конституціи;

«Въ коей Государственное Управленіе будетъ болѣе сосредоточено и менѣе цѣпно, не вредя притомъ топографическимъ раздѣленіямъ, начертаннымъ закономъ разстояній и ежедневными потребностями народа. (Мысль раздѣленія на Департаменты заключаетъ въ себѣ великій характеръ единства и политической плавки; мы обязаны за оную Сіесу. По трудамъ и опасностямъ при исполненіи ея, онъ почувствуетъ необходимость поддерживать оную);

«Въ коей свобода мыслей, словъ и тишенія не будетъ имѣть другихъ ограниченій кромѣ клеветы и существеннаго возмущенія, наказываемыхъ по уголовнымъ законамъ;

«Въ коей всякое злоупотребленіе будетъ исправлено безъ насилія, правила возстановляемы безъ потрясеній, успѣхи свѣдѣній и оныгности пожилаемы безъ Революцій.

«Въ коей должности не будутъ опираться, ни на начала, ни на подпору, ибо законы оной будутъ равны для всѣхъ;

«Въ коей, первый еще разъ въ Европѣ помѣстится полная система Республиканскихъ учреждений, достойныхъ великаго народа, отличающагося своими познаніями и храбростью, сильною любовью къ славіи и къ общественному уваженію, рѣшительною склонностью къ литературѣ, къ наукамъ и къ искусствамъ. Учрежденія суть нервы Республики и вотъ почему

наши предшествовавшия Конституціи безъ нервовъ, не могли имѣть хода;

«Въ коей бычи бы учреждены національные цензоры, имѣющіе обязанность наблюдать за всѣмъ, относящимся къ дѣйствіямъ власти, къ исчисленію гражданъ, къ сужденію объ одобрительныхъ правахъ и къ неправильностямъ выборовъ;

«Въ коей была бы восстановлена гражданская стража, столь надежно охраняющая лица, собственность и общественную свободу;

«Въ коей наконецъ, собственность, первая основа общественнаго порядка была бы ограждена всѣми обеспеченіями справедливыхъ законовъ и могущественнаго Правительства. . . . Понятія о прочности и правосудіи, о сохраненіи и о законной свободѣ, должно вкоренить во всѣ умы. Народъ привязанъ къ симъ понятіямъ, болѣе чѣмъ вообще во Франціи думаютъ, ибо онъ чувствуетъ что нѣтъ прочнаго счастья ни въ чемъ иномъ, кромѣ какъ въ мирѣ и въ постоянномъ существованіи Законовъ.

«Революціонныя понятія обветшали; мысли о противодѣйствіи испавистны. Осталось мѣсто только свободнымъ понятіямъ и мыслямъ о сохраненіи нашей независимости и правъ.

«Французскій народъ будетъ вамъ обязанъ новыми благодѣніями если, къ обнародованію Конституціи, вы присоедините полное законодательство, простое и ясное Уложеніе, которое утвердитъ собственность и плоды промышленности; обеспечитъ условія и сдѣластъ простѣе договоры; призоветъ въ помощь Республикѣ нравственность семействъ и родительскую власть; Уголовный Уставъ, который уничтожитъ смертную казнь, который уничтожитъ ссылку за политическія дѣла и мнѣнія, который уничтожитъ опіе въ казну имѣній въ свободной землѣ гдѣ преступленія личны и который постановитъ изгнаніе въ здоровую страну или на плодоносный островъ самымъ тяжкимъ изъ уголовныхъ наказаній за величайшія преступленія, и проч. и проч.

«Ахъ! еслибъ Консулы Республики могли, посреди ихъ обширныхъ трудовъ, бросить взоръ на предметы другаго разряда, они бы пожелали учредить простое, бережливое управленіе, судопроизводство менѣе сложное отъ законовъ и менѣе убыточное отъ формъ; Полицію болѣе надежную и менѣе инквизитор-

скую; мирныхъ судей, лучше обещанныхъ законою властью, вознагражденіями и уваженіемъ; мѣстные начальства болѣе почетныя и имѣющія болѣе вліянія на пространнѣшемъ участкѣ земли; ветерановъ, призванныхъ къ охраненію деревень, жатвь и къ исправленію дорогъ, пока этимъ займутся войска въ мирное время, какъ у Римлянъ; народныя награды болѣе торжественныя, пособія менѣе мечтательныя; первоначальныя школы въ деревняхъ; памятники солдатамъ, убитымъ на войнѣ за Отечество; статуи великодушнымъ гражданамъ, военнымъ философамъ и политическимъ сочинителямъ, которые погибли—одни въ битвахъ, другіе отъ гонимій за правду; искорененіе нищенства пособіями, работою и благодареніями мира. Бѣдные не имѣютъ на землѣ другихъ представителей, кромѣ философовъ и правоучителей; Республканское Правительство должно оными сдѣлаться.

«Наконѣцъ наступитъ день, когда будетъ объявленъ новый Общественный Уставъ и торжественно уничтожатся законы Революціонныя и противодѣйствующіе; день сей будетъ эпохою всеобщаго забвенія и согласія для Французовъ. Мы тогда докажемъ что мы можемъ быть свободны и соединены; что мы можемъ учредить Правительство Республканское и прочное, не имѣть другихъ уль кромѣ законовъ и другаго честолюбія, кромѣ усовершенствованія всеобщей образованности и частаго благоденствія. Мы принудимъ примѣромъ нашего внутренняго благосостоянія, другія Правительства къ тому чтобы просвѣтиться, сдѣлаться справедливыми и благотворительными. . . . Остапавливаюсь; ибо человѣку съ гениемъ достаточно одного очерка.

«Да возбудитъ несчастный сочинитель письма сего ваше мужественное участіе! Это будетъ единственная побѣда, которую онъ когда либо желалъ одержать надъ своими врагами. Можеть быть стануть опять повторять, что я находился въ числѣ членовъ Комитета Общественнаго Благосостоянія, не упоминая что я тогда посвящаль себя провозглашенію славы и торжествъ нашей арміи и что возвѣстивъ Народному Конвенту о счастливомъ взятіи Тулона, я представилъ Французскому народу вашъ планъ атаки, столь удачно выполненный.

«Вы умѣете судить о людяхъ и о вещахъ; прекративъ мое изгнаніе, вы тѣмъ окажете мнѣ полную справедливость. Пора-

женный дѣйствіемъ самовластія я былъ закованъ въ цѣпи при Владычествѣ Директоріи. Консульская власть конечно не сласть подражать оной! Я благословилъ день, который, послѣ пяти лѣтъ, показалъ мнѣ драгое отечество, просвѣщенное правосудіе и освободительную власть. Рожденный безъ личнаго честолюбія, я былъ тѣмъ сильнѣе наученъ несчастіемъ любить безвѣстность и спокойствіе, если только Отечество не призоветъ меня. Но мнѣ труднѣе будетъ переносить полу-свободу, чѣмъ мое настоящее печальное положеніе; я лучше буду переносить честь ссылки чѣмъ свободу, которая не будетъ совершенною. Предоставляю вашей великой душѣ судить объ этомъ признаніи.

«Получивъ свободу, я буду питать одно только желаніе — увидѣть героя осмнадцатаго столѣтія и Республику, облагодѣтельствованную миромъ чрезъ его счастливое вліяніе.

«Уваженіе и поклонъ.»

«*BARPERE.*»

РѢЧЬ ГЕНЕРАЛА ЛАННА ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ЗНАМЕНЪ, ВЗЯТЫХЪ ПРИ АБУКИРЪ.

Гражданинъ Министръ,

«Вотъ всѣ знамена Оттоманской арміи, уничтоженной при глазахъ вашихъ въ Абукирѣ. Египетская армія, прошедъ чрезъ знойныя степи, восторженствовалъ надъ жаждою и голодомъ, очутилась предъ неприязелемъ, гордящимся своимъ числомъ и успѣхами и который мнилъ видѣть легкую добычу въ нашихъ войскахъ, изнуренныхъ усталостью и безпрестанными битвами. Неужели онъ не знаетъ того, что Французскій солдатъ болѣе великъ тѣмъ, что онъ успеетъ страдать чѣмъ потому, что онъ умѣетъ побѣждать, и что храбрость его воспламеняется, возрастаетъ вмѣстѣ съ опасностью? Три тысячи Францу-

зовъ, какъ вамъ известно, ударили на осмпадцать тысячъ варваровъ; опрокинули ихъ и прижали между своими рядами и моремъ. Страхъ отъ лашихъ штыковъ такъ былъ великъ, что Мусульмане, принужденные избирать себѣ родъ смерти, бросались въ пучины Средиземнаго Моря.

«Въ этотъ достопамятный день была положена на вѣсы судьба Египта, Франціи и Европы, спасенныхъ нашимъ мужествомъ.

«Союзныя Державы! еслибъ вы дерзнули вторгнуться въ предѣлы Республики и еслибъ тотъ, который возвращенъ намъ побѣдою при Абукирѣ, сдѣлалъ воззваніе къ народу; — Союзныя Державы! ваши успѣхи были бы для васъ пагубныя неудачи! Какой Французъ не захотѣлъ бы еще побѣдить подъ знаменами Перваго Консула или выучиться подъ его начальствомъ пріобрѣтать славу? А вы, храбрые ветераны, почтенныя жертвы жребія битвы, вы не послѣдніе полетите подъ предводительство того, который утѣшаетъ ваши несчастія славою, и становите посреди васъ эти трофеи, пріобрѣтенные вашимъ мужествомъ! Ахъ! я знаю что вы горите желаніемъ пожертвовать отечеству и свободѣ остальною половиною жизни, у васъ остающеюся.»

ОТВѢТЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА ГЕНЕРАЛУ ЛААНУ.

«Водрузить на берегахъ Сены трофеи, завоеванные на берегахъ Нила; повѣсить на сводахъ нашихъ храмовъ подлѣ знаменъ Европейскихъ, бузчуки, освященные въ мечтяхъ Византин и Каира; видѣть ихъ представленными тѣмъ же самыми воинами, юными годами, старыми славою, столько разъ ихъ увеличившею — Это принадлежитъ одной только Республиканской Франціи.

«Эго лишь часть того, что сдѣлалъ, въ цвѣтъ лѣтъ своихъ герой, покрытый лаврами Европы, явившійся побѣдителемъ предъ Пирамидами, съ конхъ сорокъ вѣковъ на него взиралъ; героя, который освободилъ побѣдою отчизну искусствъ и вновь привезъ туда, окруженный учеными и воинами, свѣдѣнія и образованность.

Солдаты, поставьте въ этомъ храмѣ воинскихъ доблестей Мусульманскія бунчуки, отнятыя на скалахъ Капона тремя тысячами Французовъ у осмидцати тысячъ воиновъ, столь же храбрыхъ какъ и необразованныхъ. Да сохранится чрезъ нихъ воспоминаніе объ этомъ знаменитомъ походѣ, коего цѣль и усѣблѣ кажется извиняють войну въ бѣдствіяхъ, ея причиняемыхъ.

«Да свидѣтельствуютъ они, не о храбрости Французскаго солдата, гремящей въ цѣломъ свѣтѣ, но о его неизмѣнномъ постоянствѣ, о его высокомъ рвеніи

«Да возрадуется и утѣшится видѣ этихъ бунчуковъ васъ, храбрые воины, коимъ славныя увѣчья, полученныя на полѣ чести, оставляють вашему мужеству одни только объѣты и воспоминанія.

«Да возвѣстятъ сіи хоругви съ высоты этихъ сводовъ непріятельмъ Французскаго народа—вѣліе генія, храбрость героевъ, ихъ завоевавшихъ, и да предскажутъ они имъ также всѣ бѣдствія войны, буде они не воцмуть гласу, предлагающему имъ миръ. Такъ, если они желаютъ войны, то мы поведемъ ее и она будетъ ужасна.

«Довольное отечество взираетъ на Восточную Армію съ чувствомъ гордости.

«Эта непобѣдимая армія съ радостью узнаетъ, что храбрые воины, съ нею побѣждавшіе, были ея органомъ; она увѣрена въ томъ, что Первый Консуль печется о сынахъ славы; она узнаетъ что она служитъ предметомъ живѣйшей заботливости Республики; она узнаетъ что мы почтили ее въ храмахъ пока намъ не представится случай подражать, если будетъ нужно, примѣру столькихъ воинскихъ добродѣтелей, обнаруженныхъ ею въ знойныхъ степяхъ Африки и Азіи.

«Примите неустрашимый Генераль, отъ имени всѣхъ сихъ героевъ, посреди коихъ вы находитесь, въ этомъ объѣтіи, залогъ природной признательности.

«Но если, въ минуту воспріятія покровительственнаго оружія нашей независимости, слѣбая ярость нашихъ иноземныхъ непріятелей откажетъ свѣту въ миръ, нами предлагаемомъ,—то бросимъ товарищи, лавровую вѣтвь на прахъ Вашингтона, сего героя, освободившаго Америку отъ ига самыхъ непримиримыхъ

враговъ нашей свободы; и да покажетъ намъ знаменитая тѣнь его, за предѣлами гроба, славу сопутствующую памяти освободителей народовъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВАШИНГТОНУ, ПРОИЗ-
НЕСЕННОЕ Г. ДЕ ФОНТАНОМЪ ВЪ МАРСОВОМЪ
ХРАМѢ.

«Франція, которая всегда была довольно велика и довольно великодушна для того чтобы взирать безъ зависти на иностранныхъ добродѣтели и славу, воздастъ всенародную честь памяти Вашингтона. Она платитъ симъ долгъ обоимъ полушарій. Никакое Правительство, какова бы ни была его форма и мнѣнія, не можетъ отказать въ уваженіи этому основателю свободы. Народъ, называвшій некогда Вашингтона мятежникомъ, теперь самъ считаетъ освобожденіе Америки однимъ изъ событій, освященныхъ одобреніемъ вѣковъ и исторій. Таково преимущество великихъ характеровъ. Они кажется, столь мало принадлежать повѣйшимъ временамъ, что еще при жизни своей, облакаютъ чѣмъ то величественнымъ и древнимъ все, ими исполняемое. Трудъ ихъ, едва оконченный, привлекаетъ уже къ себѣ то уваженіе, которое дается охотно однимъ только произведеніямъ времени. Американская Революція, кою мы современники, дѣйствительно кажется навсегда утвержденною. Вашингтонъ началъ оную энергією, а кончилъ умеренностью. Онъ умѣлъ поддержать оную, безпрестанно направляя ея къ величайшему благоденствію земли своей и эта цѣль есть единственная, которая можетъ оправдать предъ будущимъ судомъ столь необычныя предпріятія.

Похвальное слово сего героя Америки заслуживало бы быть произнесеннымъ болѣе краснорѣчивыми устами. Вспоминаю съ совокупнымъ чувствомъ удивленія и уваженія, что этотъ храмъ, украшенный всеми трофеями доблести, воздвигнуть въ вѣкъ геніевъ, столь же изобильный великими писателями какъ и ве-

дикими полководцами. Прежде, память героевъ была въ время ораторамъ, конхъ геій доставлялъ безсмертіе. Нынѣ, воинская слава сілетъ болѣе яркимъ блескомъ а во всѣхъ странахъ слава изящныхъ искусствъ почти помрачилась. Голось мой конечно слишкомъ слабъ для того чтобы раздаваться посреди торжества, столь величественнаго и столь для меня новаго. Но, по крайней мѣрѣ готюсъ сей чистъ и какъ онъ никогда не льстиль, то и не сдѣлаея недостойнымъ прославлять геройство и добродѣтель.

Притомъ же, эта похоронная, воинственная церемонія, заранѣе возбуждасть во всѣхъ сердцахъ и лучше всякихъ словъ, сильныя и глубокія ощущенія. Трауръ, который Первый Консулъ повелѣлъ надѣть для Вашингтона, возвыщаетъ Франціи, что примѣры, нмѣ данныя,—не потеряны. Меньше для знаменитаго полководца, чѣмъ для благодѣтеля и друга всякаго народа, похоронный флеръ облекъ побѣдоносныя знамена и одежды нашихъ воиновъ. Уже не существуютъ болѣе тѣ варварскія торжества, столь же противныя номитикъ, какъ и человечеству, на конхъ расточали обиды несчастію, презрѣніе великимъ развалинамъ и клевету гробницамъ. Всѣ великодушныя мысли, всѣ полезныя петины могутъ явиться предъ симъ собраніемъ. Я съ честью хвалю предъ воинами, мужа твердаго при неудачахъ, скромнаго при побѣдѣ и всегда челолюбиваго при той или при другой участи. Хвалю предъ Министрами Французской Республики мужа, который никогда не уступалъ чувствомъ честолюбія и всегда жертвовалъ собою для нуждъ отечества; мужа который по жребію, рѣдко бывающему удѣломъ людей, преобразующихъ Государства, умеръ мирно какъ частный челолюбъ, въ землѣ своей, гдѣ онъ занималъ первую степенъ и которую руки его освободили.

Какой Французъ, одаренный чувствительнымъ воображеніемъ, не вспомнитъ съ восторгомъ первой минуты, когда слава возвѣстила намъ что свобода поднимаетъ знамена свои у народовъ Америки? Древній міръ, согбенный подъ игомъ пороковъ и бѣдствій, угнетавшихъ его старость, воспріялъ некоторый восторгъ и обратилъ взоры къ отдаленному краю, гдѣ казалось начиналась новая эпоха для рода человеческого. Тогда всѣ обѣты были за свободу; и эти же обѣты обнаружились даже во

дворцахъ и на престолахъ. Моря Европы удивились поспея на лонѣ своемъ Королевскіе флоты, летѣвшіе на защиту Американскихъ Республिकाщевъ.

О времена пріятнѣйшихъ надеждъ! о воспоминанія дѣй нашей юности! Съ какимъ безпокойствомъ мы вопрошали тогда всѣхъ мореходцевъ, приплывавшихъ изъ гаваней Черлстона и Бостона! Какъ мы соболѣзновали о неудачахъ храбраго Американскаго ополченія, никогда не приводимаго въ уныніе усталостью и нуждами! Какъ всѣ наши обѣты присовокупились къ первымъ успѣхамъ Вашингтона! Мудрый посланникъ, помогавшій ему въ этомъ благородномъ дѣлѣ, Франклинъ былъ почетъ пашимъ уваженіемъ когда онъ явился въ Парижъ и даже въ Версаль съ благородною простотою Республиканскихъ правовъ. Онъ жилъ на берегу сосѣдственной рѣки противъ мѣста, гдѣ мы теперъ собраны. Многіе изъ васъ, подобно мнѣ видѣли почтенныя черты сего старца, который походилъ на древяго Скноскаго законодателя, пріѣхавшаго въ Аонны. Мнѣнія послаанника и героя тринадцати соединенныхъ Областей иногда между собою различествовали; но воля ихъ всегда согласовалась когда имъ слѣдовало трудиться для общаго блага отечества. Ихъ имена, столь часто соединяемыя при похвалахъ во время жизни, не должны быть разлучасмы и по смерти. Если дума Франклина сметить на сіи берега, столь долго ея любимые, то она конечно одобритъ почести, получасмыя отъ насъ Вашингтономъ.

Героямъ, мѣся окружающимъ, только имъ однимъ принадлежить право назначить мѣсто, которое займетъ Вашингтонъ между знаменитыми полководцами. Успѣхи его по видимому имѣли болѣе прочности чѣмъ блеска и разсудокъ владычествовать сильнѣе восторга въ его способѣ предводительства и сраженія. Притомъ же, военныя чудеса, свершенныя Французскими войсками, ослабили славу всего, отличившагося на томъ же поприщѣ. Никакой народъ не можетъ впредь дать урокъ геройства тому, который въ лонѣ своемъ заключаетъ всѣ образцы. Но Вашингтонъ представляеть намъ другіе примѣры, не менѣе достойныя подражанія. Посреди всѣхъ безпорядковъ лагерной жизни, и всѣхъ буйствъ, неразлучныхъ съ междоусобною войною, челоуѣколюбіе находимо уѣбжище въ его ставкѣ и никогда изъ оной не было изгоняемо.

При побѣдахъ и при пораженіяхъ, онъ былъ всегда покоенъ, какъ мудрость, и прость какъ добродѣтель. Кроткія чувства пребыли въ глубинѣ его сердца даже и въ тѣ минуты когда выгоды его собственнаго дѣла, казалось дѣлали и некоторымъ образомъ законными уставы мести. Къ тебѣ зываю я, о юной Ахиллѣ, къ тебѣ, коего бѣдствія въ состояніи были возбудить участіе Англій, Франціи и Америки. Съ какою сострадательною заботливостью Вашингтонъ отсрочилъ судъ, который право войны дозволяло ускорить! Онъ ждалъ чтобы гласъ тогда всемогущій, преплылъ пространство морей и испросилъ помилованіе, въ коемъ онъ не могъ отказать. Онъ безъ труда склонился на гласъ сей, сообразный со внутренними его сердца; и день, въ который онъ спасъ цѣлную жертву долженъ быть вписанъ въ число прекраснѣйшихъ дней независимой и побѣдоносной Америки.

Движенія великодушія безъ всякаго сомнѣнія свершаютъ и поддерживаютъ Революціи вѣрнѣе чѣмъ трофеи и побѣды. Уваженіе, пріобрѣтенное характеромъ Американскаго Генерала содѣйствовало болѣе чѣмъ его оружіе къ независимости его отечества.

Когда потрясенное Государство насильственно перемѣняетъ видъ свой, то всѣ сосѣднія Державы, взираютъ на оное съ безпокойствомъ и опасеніемъ: онъ успокоиваются тогда только когда оно воспринимаетъ правильныя, постоянныя движенія. Народъ, подвергнційся Революціи, не имѣетъ уже ни друзей, ни союзниковъ. Тщетно онъ взываетъ къ прежнимъ договорамъ; всѣ старыя его связи разорваны съ другими, какъ и съ самимъ собою: онъ одинъ посреди міра, имъ устрашаемаго. Отъ него удаляются какъ отъ волкана. Необходимо дабы послѣ такихъ великихъ политическихъ переломовъ явился, необыкновенный мужъ, который однимъ могуществомъ своей славы, обуздавъ бы дерзость всѣхъ партій и возстановилъ порядокъ посреди разстройства. Надобно, если я смѣю сказать сіе, чтобы онъ уподоблялся тому баснословному Богу, повелителю вѣтровъ и морей, который подиавъ надъ волнами чело свое, обуздывалъ всѣ ярившія бури. Тогда-то успокоившіяся Правительства сближаются съ тѣмъ, котораго они въ началъ боялись потрясеній и посягательствъ.

Дѣйствительно, тогда какъ Вашингтонъ удостоверилъ своихъ

непріятелей въ томъ, что онъ имѣеть довольно силы для спокойнаго управленія Америкою, долгое время волнуемою,—миръ, былъ заключенъ подъ его руководствомъ и свобода Соединенныхъ областей была провозглашена отъ береговъ Делавара до береговъ Темзы. Такимъ образомъ все для насъ въ его исторіи есть предметъ поученія и надеждъ.

Свойства Американской Революціи, неоднократно обнаруживались въ Революціи Франціи. Колоніи возстали противъ своей столицы съ тѣмъ чтобы объявить свою независимость; независимость сія была признана и однакожь колоніи не содѣлялись еще счастливыми. Всѣ партіи были еще ополчены; всѣ низшихъ разрядовъ самолюбія и ненависть находились еще въ броженіи въ глубинѣ сердца. До тѣхъ поръ пока нпоземная война пылаетъ противъ страны, перемѣняющей свою Конституцію, общія польза совокупляетъ всю дѣятельность народныхъ страстей на защиту земли своей. Это единственная минута, въ которую собственная ихъ безопасность заставляетъ ихъ признать нѣкоторое чинопочитаніе. Вой ихъ умолкаетъ посреди грома оружія и кликовъ победы; но по возвращеніи мира, онъ уже болѣе не обузданъ тѣмъ же опасеніями или тѣмъ же почтеніемъ. Слѣпое ихъ буйство иногда обращается даже противъ самого того, который насъ угрожаемое отечество: Вашингтонъ предвидѣлъ опасности, но онъ приуготовилъ противъ оныхъ всѣ средства. Онъ не считалъ что миръ, имъ заключенный достаточно для утвержденія внутренняго спокойствія. Восторжествовавъ надъ Англіею, онъ предпринялъ противъ своеволія партій борьбу, не менѣе тягостную и не менѣе достолавленную.

Между тѣмъ онъ не хотѣлъ доставить никакого предлога обвиненіямъ клеветы, и тотчасъ по подписаніи мира, сдалъ Конгрессу власть, его облекавшую; онъ не желалъ употребить противъ своихъ заблудившихся соотечественниковъ ниаго оружія, кромѣ убѣжденія. Еслибъ онъ былъ только обыкновеннымъ честолюбцемъ, то онъ бы могъ воспользоваться слабостью раздѣленныхъ партій; и тогда какъ никакая Конституція не поставляла преграды смѣлости, онъ бы захватилъ власть прежде чѣмъ законы установили употребленіе и границы оной; но эти законы были призваны имъ самимъ съ постояннымъ упорствомъ. Тогда какъ уже честолюбію стало не возможно на что либо

посагнуть, онъ принялъ по выбору своихъ согражданъ честь управлять ими въ продолженіе семи лѣтъ. Онъ удалялся отъ могущества тогда какъ обладаніе опытъ могло быть самовластно; и тогда только согласился нести бремя онаго, когда оно было ограждено законными предѣлами; такой характеръ достоинъ прекраснѣйшихъ дней древности. Собирая черты онаго, сомнѣваются, въ томъ что онъ явился въ нашемъ вѣкѣ. Думаютъ что это жизнь одного изъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, коихъ Плутархъ такъ превосходно изобразилъ.

Управленіе его было кротко и твердо внутри, благородно и благородно вни. Онъ всегда уважалъ обычаи другихъ народовъ, также какъ онъ желалъ чтобы уважали права Американцевъ. А посему во всѣхъ переговорахъ, геройская простота Президента Сосѣдственныхъ Штатовъ договаривалась безъ хвастовства и безъ униженія съ величіемъ Государей. Не шлите въ его управленіи мыслей, которыя вѣкъ называетъ великими и которыя онъ назвалъ бы только дерзостными. Соображенія его были болѣе мудры, чѣмъ смѣлы: онъ не увлекалъ къ удивленію, но всегда поддерживалъ уваженіе въ одинаковой степени въ лагеряхъ и въ Сенатѣ, посреди дѣлъ и въ уединеніи.

Есть удивительные люди, которые по временамъ являютъ на поприще міра съ характеромъ величія и владычества. Невѣдомая, верховная причина инспосылаетъ ихъ когда нужно для основанія колыбели или для поддержанія разваливъ Государства. Тщетно люди снѣ, заранѣе предназначенные, уклоняются къ сторонѣ и вмѣшиваются въ толпу: рука фортуны вдругъ воздымаетъ ихъ и быстро переноситъ чрезъ всѣ препоны, и чрезъ торжества до высшей степени могущества. Родъ сверхъестественнаго вдохновенія оживляетъ всѣ ихъ мысли; непреодолимое движеніе сообщается всѣмъ ихъ предиріятіямъ. Толпа шцетъ еще ихъ посреди себя и не обрѣтаетъ; поднимъ вверхъ взоры она видитъ въ сіяющей свѣтомъ и славою сферѣ того, который казался только дерзновеннымъ невѣжествомъ и зависти. Вашингтонъ не имѣлъ этихъ горделивыхъ и величественныхъ чертъ, поражающихъ всѣ умы; онъ болѣе показалъ порядка и точности, чѣмъ силы и возвышенности въ мысляхъ. Онъ особенно обладалъ въ высшей степени тѣмъ качествомъ, которое считаютъ простонароднымъ и которое столь рѣдко; тѣмъ качествомъ, ко-

торое не менѣе полезно при управленіи Государствомъ какъ и въ частномъ быту; которое сообщаетъ душѣ болѣе спокойствія чѣмъ движенія, и болѣе счастья чѣмъ славы тѣмъ, которые онымъ обладаютъ или которые ощущаютъ на себѣ его вліяніе, — я говорю о здоровомъ смыслѣ, коего старинныя правила слишкомъ устранены гордостью и которое пора уже возстановить, во всѣхъ правахъ его. Смѣлость разрушаетъ, гений возвышаетъ здравый смыслъ сохраняетъ и усовершенствуетъ. Гений блюдетъ славу Государствъ; но одинъ только здравый смыслъ можетъ утвердить ихъ спокойствіе и продолжительное существованіе.

Вашингтонъ родился въ избыткѣ, который онъ благороднымъ образомъ увеличилъ, подобно герою древняго Рима, посредіи трудовъ земледѣлія. Хоть онъ и былъ врагомъ тщетной пышности, а желалъ чтобы Республиканскіе нравы были окружены нѣкоторымъ величіемъ. Ни одинъ изъ его соотечественниковъ не любилъ столь пламенно свободу; ни одинъ столько не страшился преувеличенныхъ мнѣній нѣкоторыхъ демагоговъ. Умъ его, любившій порядокъ, постоянно удалялся отъ великихъ излишествъ: онъ не дерзнулъ оскорблять опытности вѣковъ; онъ не хотѣлъ ни перемѣнять ни уничтожать всего вдругъ; онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи ученію древнихъ законодателей.

Дѣйствительно, когда эти великіе мужи создали привычки и чувства въ умѣ и въ душѣ своихъ согражданъ, то они сочли дѣло свое почти оконченнымъ; они составляли системы нравовъ скорѣе чѣмъ системы законовъ; они даже имѣли столько уваженія ко всемогуществу привычекъ, что шарили старинные предрассудки, малосовѣстные по видимому съ новымъ порядкомъ вещей. Греція и Римъ, переходя изъ подъ владычества Царей къ управленію Архонтовъ и Консуловъ, не перемѣнили ни различныхъ своихъ вѣронсвѣданій, ни основанія своихъ обычаевъ и нравовъ. Главы сихъ Республикъ конечно разсудили, что слишкомъ явное презрѣніе владычества вѣковъ и преданій ослабитъ нравственность унизивъ стариковъ въ глазахъ юношей; они побоялись слишкомъ посягнуть на величіе времени и на силу воспоминаній.

Я не уклонюсь отъ моего предмета позобиновляя воспоминаніе объ этихъ основателяхъ древнихъ Республикъ, рядомъ съ кончи потомство поставитъ Вашингтона. Подобно имъ, онъ

владевать посредством чувствъ и привязанности болѣе чѣмъ приказами и законами; подобно имъ, онъ былъ простъ на вершинѣ почестей; подобно имъ, онъ остался великимъ посреди своего уединенія. Онъ принялъ власть только для того, чтобы утвердить общественное благоденствіе: онъ не хотѣлъ воспріять оной тогда какъ увидѣлъ, что Америка счастлива и не имѣеть болѣе нужды въ его преданности. Онъ желалъ спокойно наслаждаться, подобно другимъ гражданамъ, этимъ счастьемъ, полученнымъ отъ него великимъ народомъ. Но тщетно онъ покинулъ первое мѣсто; — первымъ имцемъ въ Америкѣ всегда пребыло имя Вашингтона.

Едва протекло четыре года съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ управленіе. Человекъ сей, столь долго предводительствовавшій арміями, бывшій главою тринадцати государствъ, жилъ безъ честолюбія въ сельскомъ уединеніи, посреди огромныхъ помѣстьевъ, обрабатываемыхъ его руками и многочисленныхъ стадахъ, разведенныхъ его трудами въ новомъ свѣтѣ. Онъ ознаменовалъ конецъ своей жизни всѣми воинскими и политическими добродѣтелями. Америка почтительно взирала на уединеніе, обитаемое ея защитникомъ; и изъ его уединенія, заключившаго въ себя столько славы, часто исходили мудрыя Совѣты, имѣвшіе не менѣе силы, какъ и въ дни его могущества: сотоварищи его питали надежды еще долго внимать опытамъ; но смерть внезапно похитила его изъ среды занятій самыхъ пріятныхъ и самыхъ приличныхъ для старости.

Горестный вошь раздался изъ лона Америки, имъ освобожденной. Франціи принадлежало первой отвѣтствовать на погребальный вопль сей, долженствующій отозваться во всѣхъ великихъ душахъ. Эти августейшіе своды были достойно избраны для того чтобы почтить память героя. Тѣль Вашингтона, спущаясь на величественный сей купола, обрѣтеть тѣни Тюрепа, Катината и Великаго Конде, еще въ ономъ обитающія. Если сіи знаменитые герои не служили одному дѣлу въ продолженіе своей жизни, то одинаковая слава соединяетъ ихъ тогда какъ они престаи существовать. Мнѣнія, подчиняемая прихотямъ народовъ и временъ; мнѣнія, слабая и измѣнчивая доля нашего состава, исчезаютъ вмѣстѣ съ нами во гробъ: но слава и добродѣтель навѣки остаются; чрезъ нихъ то великіе мужи всѣхъ

время и всѣхъ мѣсть дѣлаются некоторымъ образомъ соотечественниками и современниками: они составляютъ одну семью, коей примѣры передаются и возобновляются по наследству. Такимъ образомъ, въ этой воинственной обителѣ, храбрость Вашингтона заслуживаетъ взоровъ Конде: умеренность его обращается на себя вниманіе Тюрена; а философія его, еще болѣе приближаетъ его къ Катинату. Народъ, вѣрующій въ древнее и трогательное ученіе переселенія душъ, конечно не разъ бы сказалъ, что душа Катината пришла жить въ Вашингтонову.

Но республиканскіе и воинственные клики, повсемѣстно повторяемые сими стѣнами, должны стаять въ особенности нравиться защитнику Америки. Можетъ ли онъ не любить воиновъ, отразившихъ по примѣру его непріятелей ихъ отечества? Онъ съ удовольствіемъ приблизится къ этимъ ветеранамъ, коихъ почетные слѣды ранъ составляютъ лучшую красу торжества сего и изъ коихъ нѣкоторые, можетъ быть сражались вмѣстѣ съ нимъ близъ рѣкъ и въ лѣсахъ Каролины и Виргиніи. Онъ радостно вѣщаетъ посреди знаменъ, отнятыхъ у варваровъ Азии и Африки, изумленныхъ нашею отвагою. Добыча, у нихъ взятая, прилично украшаетъ погребальный обрядъ полководца, любившаго свѣдѣнія и свободу. Но есть еще приношеніе, болѣе его достойное: союзъ Франціи съ Америкою; благоденствіе ихъ обѣихъ и водвореніе мира въ обонхъ полушаріяхъ. Мнѣ кажется, что съ высоты сего великолѣпнаго купола, Вашингтонъ зываетъ къ цѣлой Франціи: «Народъ великодушный, умѣющій столь хорошо воздавать честь славы; я побѣдилъ для независимости, но счастье моего отечества было цѣною этой побѣды. Не довольствуйся подражаніемъ одной только первой половинѣ моей жизни: вторая дѣлаетъ меня достойнымъ похвалъ потомства».

Такъ, совѣты твои будутъ услышаны! О Вашингтонъ! о воинъ! о законодатель! о гражданинъ безъ упрёка!—тотъ, который еще въ юности превзошелъ тебя въ бояхъ, закроетъ подобно тебѣ руками своими раны отечества. Скоро—въ томъ намъ ручаются его воля и его воинственный гений, еслибъ по несчастію въ немъ оказалась нужда; скоро гимнъ мира раздастся въ этомъ храмѣ войны: тогда чувство всеобщей радости изгладитъ воспоминаніе обо всѣхъ несправедливостяхъ и обо всѣхъ притѣсненіяхъ.

піяль; даже теперъ уже притѣсенные забываютъ свои бѣдствія въ упованіи на будущее; наконецъ клики всѣхъ вѣковъ прославятъ героя, который даруетъ сіе благодѣяніе Франціи и міру, столь долго ею потрясаемому.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Отъездъ изъ Египта.—Таинственное отплытіе.—Возвращеніе и отъездъ.—Разсвѣвшіяся мечты.—Г. Парсеваль-Грамезонъ.—Бонапарте уговоренный. — Порядокъ плаванія.—Противные вѣтры. — Опасеніе Англичанъ.—Полутные вѣтры.—Четыре убитыхъ Адыютанта.—Противоположность.— Бонапарте на фрегатъ.—Карточная игра.—Бонапарте плутуетъ въ оной.—Шахматы. 1

Г Л А В А II.

Сильные вѣтры. — Мы пристаемъ къ Алячію. — Наше тамъ пребываніе. — Родовое помѣстье.—Фешъ мѣняетъ намъ деньги.—Двадцать миліоновъ.—Сраженіе при Нови.—Смерть Жуберта.—Сошъ о выигранной битвѣ.—Воспоминаніе о Лакюе.—Перемѣна.—Директорія.—Покупка шлюбки.—Отъездъ изъ Корсики.—Англійскій флотъ.—Страшная ночь. — Хладнокровіе Наполеона. — Мы избегаемъ вслѣдней опасности. — Фрежюсскій рейдъ.—Отечество.—Чума и Австрійцы.—Радость. — Карантинные законы. — Ложное обвѣненіе. — Непомвѣрное счастье. 9

Г Л А В А III.

Дѣйствіе, произведенное Наполеоновымъ возвратомъ. — Оправданіе. — Письмо къ жемъ мосей. — Страшная
42*

участъ моего письма.— Намѣреніе обѣдать въ Сангъ.—
Разъездъ дорогою.— Лудовикъ Бонапарте и Еозефина
въ Лионѣ.— Счастіе и гений.— Желаніе получить извѣ-
стія.— Потребность великихъ дѣлъ.— Всеобщій вос-
торгъ.— Перемѣна дороги.— Жалкое состояніе Про-
винцій.— Правленіе Директоріи. — Лионство. —
Законъ заложниковъ.— Заемъ ста миліоновъ.— Всеоб-
щее неудовольствіе.— Потребность перемѣны.— Бона-
парте защитникъ свободномыслія. 20

Г Л А В А IV.

Неопредѣлительность замысловъ. — Всеобщая радость.—
Вліяніе народныхъ кликовъ.— Дружба моя къ Бона-
парте.— Удовольствіе его при громѣ рукоплесканій.
— Общее мнѣніе.— Чѣмъ могъ быть Бонапарте, и
чѣмъ онъ былъ.— Безполезность его завоеваній.— Зако-
ны Наполеона.— Прибытіе въ Парижъ.— Обѣдъ Г-жи
Бонапарте у Гойе.— Супружеская размолвка.— Новые
помышленія о разводѣ. — Примиреніе.— Бонапарте
посвящаетъ Директорію. — Пренебреженіе, оказанное
имъ Сіесу. 30

Г Л А В А V.

Неполученіе извѣстій и желаніе имѣть оныя.— Моро и
Бернадотъ. — Мнѣніе Наполеона о Бернадотѣ. —
Мавританская кровь и честность правилъ.— Ложные
слухи.— Шведская корона и Конституція III года.—
Козни братьевъ Наполеона.— Первые дни въ Па-
рижѣ.— Министерство Бернадота.— Поздое посѣще-
ніе.— Бурный разговоръ.— Отзывъ Наполеона.— Бре-
дни.— Внутренніе враги.— Опасенія и искусство Г-жи
Бонапарте.— Нескромность Генерала.— Неожиданное
посѣщеніе.— Манежный клубъ.— Г. Моро Вормсѣ.—
Бернадотъ, Членъ Клуба.— Санисетти и Юсифъ. —
Вспышка Наполеона. — Бонапарте называется самъ
жъ Бернадоту.— Поѣздка за городъ.— Безполезная лю-

Стр.

безпоспѣхъ.—Дѣль партіи Директоріи.—Бернадотъ обѣ-
дасть у Наполеона.—Заговоръ и условіе наше съ Іо-
зефиною. — Искренняя веселость. 38

Г Л А В А VI.

Прекрасное поведеніе Луціана. — Осторожность Бона-
парте.—Пиръ Совѣта Старѣйшинъ.—Шумъ. — Все-
общее притворство. — Ложный восторгъ. — Скука
и разъѣздъ.—Желаніе сдѣлаться Директоромъ.—Рѣчи
Сисса. — Неправильность и сближеніе.—Отзывъ Наполео-
на о Директоріи. — Ложное обвиненіе Барраса.—
Осужденіе Конституціи III года. 53

Г Л А В А VII.

Великая драма.—Распредѣленіе ролей. — Камбасересъ и
Лебрёнъ.—Гоюе обманутъ Наполеономъ.—Приглаше-
ніе на обѣдъ въ Директорію.—Моя ночная поѣздка
къ Баррасу.—Страхъ Директоріи.—Заговоръ.—Совѣтъ
Старѣйшинъ.—Бонапарте предводитель всѣхъ войскъ.
— Посылка Іосифа къ Бернадоту.—Утро 18 Брю-
мера.—Собраніе Генераловъ. — Нервность Берна-
дота.—Участіе, принятое Г-жею Бонапарте въ Гоюе.
— Разговоръ съ Іозефиною.—Исудаца Директоровъ.
— Указъ Совѣта Старѣйшинъ.—Смотръ въ Тюльерій-
скомъ саду.—Рѣчь Наполеона.—Объявленіе Старѣй-
шинъ.—Разговоръ, распространенный въ Парижъ.—
Провозглашеніе къ жителямъ Парижа.—Бонапарте
повинуется только своимъ собственнымъ приказані-
ямъ.—Разговоръ съ Іозефиною.—Бонапарте и Моро.
— Ранатель.—Люксембургскій тюремщикъ. — Ударъ
партіи.—Встрѣча моя съ Ла Валеттомъ.—Засѣданіе
Старѣйшинъ.—Бонапарте въ Сен-Клу.—Цесарь и
Кромвель.—Баррасъ и Муленъ обвинены.—Безпо-
лезное приглашеніе.—Ужасный шумъ и суматоха.—
Да здравствуетъ Конституція!—Бонапарте теряетъ

присутствіе духа.—Выходъ изъ Совѣта.—Истина и Мониторъ.	61
---	----

Г Л А В А VIII.

Два совѣта.—Намѣреніе послать парочнаго.—Раздѣленіе между Директорами.—Письмо Барраса.—Бонапарте въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Извѣстія, сообщенныя Іозефинѣ.—Ложные слухи.—Бурное засѣданіе. — Рѣчь Луціана. — Требованіе о лишеніи Наполеона покровительства законовъ. — Луціанъ оставляетъ предсѣдательство.—Окончательное отреченіе.—Возвращеніе мое къ Генералу.—Луціанъ выведенъ изъ присутствія Гренадерами.—Рѣчь Луціана къ войскамъ. — Перъшительность.—Театральная сцена.—Мюратъ и солдаты его въ Пятисотномъ Совѣтѣ.—Ночь въ Сен-Клу.—Совѣтъ Тридцати.—Консульскій Комитетъ.—Указъ.—Шестьдесятъ одинъ исключенныхъ.—Сіссъ, Рожеръ Дюко и Бонапарте, Консулы.—Три часа утра.—Отъездъ изъ Сен-Клу.—Молчаніе Наполеона.—Іозефина.—Разговоръ.—Участіе, принимаемое Іозефиною въ семействъ Гойе.—Рѣшеніе, произнесенное Наполеономъ.—Перехваченное письмо	84
--	----

Г Л А В А IX.

Истина, противопоставленная лести.—Краснорѣчіе Бонапарте.—Звучныя слова.—Всеобщее одобреніе 18 Брюмера.—Дурное управленіе.—Государственная казна.—Щедрость Г. Колю.—Неблагодарность Наполеона.—Освобожденіе Гойе.—Бонапарте въ Люксембургѣ.—Конституція VIII года.—Сенатъ.—Трибунатъ.—Государственный Совѣтъ.—Потребованныя Наполеономъ замѣчанія.—Любовь къ чести и къ талантамъ.—Сила привычки.—Независть къ Трибунату.—Первое Консульское Министерство.—Посредствешность Ламласа.—Списокъ сосланныхъ.
--

Стр.

—Донесеніе Камбасереса.—Г. Моро де Вормсъ. — Сіесь-Кассандра.—Г. Моро у Бонапарте. — Надпись на лбу у Сіеса.—Деньги и идеологія.—Покои Напо- леона въ Люксембургѣ.—Распредѣленіе дѣл.—Обыч- ные постѣители.—Сопротивленіе Лебрёна.—Фаъши- вый голосъ Наполеона. — Мелочныя привычки. — Г-жа Бонапарте.—Г. Талейранъ. — Республиканцы и титулы.—	105
--	-----

Г Л А В А X.

Приверженцы Революціи и Бурбоновъ.— Опасенія На- полеона.—Свѣдѣнія о разныхъ лицахъ.—Выборъ Пре- фекта Полиціи.—Кандидаты въ Сенать.—Кандидаты въ Трибунать и въ Государственный Совѣтъ.—Замъ- чанія Реніо. — Замъчанія Луціана. — Собственно- ручныя отмѣтки Наполеона.—	125
--	-----

Г Л А В А XI.

Затрудненія новаго Правительства.—Положеніе Европы. —Необходимость мира.—Г. Талейранъ, Министръ Вышнихъ Сношеній.—Переговоры съ Англією. — Письмо Министра къ Лорду Гренвиллю.—Наполео- на къ Англійскому Королю.—Отступленіе отъ дипло- матических формъ.—Сомнительный отвѣтъ Лорда Гренвилля. — Нота Лондонскаго кабинета — Отзывъ Г. Талейрана.—Офиціальная нота Люксембургскаго кабинета. — Разсмотрѣніе причинъ неудовольствія противъ Англіи. — Свобода народовъ въ избраніи Правительства.—Республиканская Англія и Стурарты. — Восшествіе на престолъ Гаюврскаго Дома — Предложеніе паспортовъ.—Важное удостовѣреніе. . .	152
---	-----

Г Л А В А XII.

Взглядъ на Востокъ.—Жертва политикъ. — Изреченіе	
--	--

Стр.

Моліера.—Жалобы Первому Консулу на Генерала Бонапарте и разныя обвиненія — Вѣроятность отдачи подъ судъ и выключки изъ службы.—Письмо Клебера.—Вѣсти изъ Египта — Нагія войска.—Пустая казна.—Мурадъ и Ибрагимъ.—Начатыя переговоры.—Арабы и Мамелюки.—Мечты Наполеона.—Затруднительность положенія Клебера — Признанная важность владычя Египтомъ.— Удаленность и бѣдствія — Приписка.—Обвинительныя статьи.—Сила случая . . . 173

Г Л А В А XIII.

Знаменитые мужи и простые люди. — Содержаніе моей главы.—Портретъ Наполеона.—Живость его взгляда. Невольная привычка.—Предчувствіе Бонапарте на счетъ его тучности.—Двухчасовыя ванны.—Воздержность Наполеона.—Сонъ.—Особенныя наставленія.—Бритье бороды и журналы.—Утренняя работа.—Завтракъ. — Цыпленокъ à la Marengo.—Кофе и табакъ. Любовь къ славъ.—Мнѣніе Наполеона о его положеніи.—Любовь къ Франціи.—Вліяніе бездѣлокъ.—Пренебреженіе къ людямъ.—Египетская пріятельница и Кардиналь въ Оперной кассѣ. — Невѣроуаніе дружбъ.—Нужда въ свидѣтель.—Ненависть Наполеона къ людямъ Революціи.—Серіозная шутка.—Привычка наклонять стуль.—Колокольный звонъ.—Мальмезонскіе сады.—Бѣлыя платья.—Болтовня, изреченія и анекдоты. — Прелесть Наполеопова разговора. — Обязательныя дурачества. — Медицина. — Память мѣсть.—Нечувствительность къ поэзіи и Корнель Министръ.—Необязательныя привѣтствія женщинамъ.—Игра и разговоръ.—Парадный кафтанъ съ чернымъ галстукомъ.—Дурная уплата по подрядамъ. — Понятіе Наполеона о вѣрѣ.—Упрямство.—Характеръ Бонапарте.—Окончаніе его портрета 190

Стр.

Г Л А В А XIV.

Лабиринтъ законовъ.—Уничтоженіе праздника 21 Генваря.—Посвященія Наполеона.—Г. Добантонъ.—До- мыдля содержанія подъ стражею.—Выходка противъ Директоріи. — Тамплъ. — Лудовикъ XVI и Сидней- Смитъ.—Мое одобреніе.—Лихонство и продажность мѣсть.—Ростовщицкой заемъ.—Скромный бюджетъ. —Консулъ и членъ Института.—Мой любезный това- рищъ.—Неправда къ равенству.—Изображеніе Рес- публики.—Порученія Дюрока.—Король Прусскій.— Александръ. — Искренность и тонкость. — Генераль Лагуръ Фуассакъ.—Сдача Мантуи.—Гнѣвъ Наполео- на.—Самовластный Указъ.—Упрямство Наполеона. —Трушья актеровъ для Египта.—Министръ Внутрен- нихъ Дѣлъ и Режиссеръ Французской Комедіи. — Странное мнѣніе о литературной собственности. — <i>Независть къ людямъ и раскаяніе.</i> — Молодой Вергеръ.	221
--	-----

Г Л А В А XV.

Приготовительное Консульство.— Два человека въ од- помъ.—Наружность и сущность.—Безкорыстная добродѣтели Сіеса.—Первый Консулъ и журналы.— Почетныя сабли.—Первый Консулъ и <i>товарищъ</i> его. — Письмо къ одному солдату.—Шагъ къ Монархіи. —Бюсть Брута.—Умышленная скромность.—Изъяс- неніе статей.—Тщетныя попытки.—Прокламація.— Отдѣленія Государственнаго Совѣта. — Бархатныя платья.—Перемиенное слово. — Любимый нарядъ. — Большіе и малые маскарады.—Латинскій языкъ Наполеона.—Оперный балъ.—Различныя причины и общее одобреніе.—Возвращеніе сосланныхъ. — Ми- лость послѣ не милости.— Барреръ. — Безполезное <i>письмо</i>	236
---	-----

Г Л А В А XVI.

Бонапарте и Павелъ 1. — Лордъ Витвортъ. — Баронъ Сиренгортенъ въ Парижъ. — Вандея. — Брюиъ и Гедувиль. — Гражданское уложеніе. — Французскій банкъ. — Генераль Макъ въ Парижъ. — Исполнившееся пророчество. — Хвастовство и посредственность. — Дорога въ Мальмезонъ. — Попытки къ похищенію. — Прозкъ празднества. — Храмъ Марса. — Абукирскія знамена. — Смерть Вашингтона. — Національный трауръ. — Приказъ арміи. — Честолюбивые расчеты. — Искусный ораторъ. — Г. де Фонтавъ. — Счастливое паденіе. — Праздникъ въ Марсовомъ храмъ. — Витія и войны. — Два столѣтніе старца. — Бюстъ Вашингтона. 250

Г Л А В А XVII.

Мюратъ. — Портретъ его. — Минута страха. — Мюратъ въ немилости. — Поездка въ Парижъ. — Первый знамена, взятыя въ Италіи. — Госпожа Бонапарте и Госпожа Талиенъ. — Повышеніе Мюрата. — Первый Генераль Адъютантъ. — Продолженіе немилости. — Мюратъ оставленъ въ Италіи. — Блистательные подвиги въ Египтѣ. — Карлъ и Мюратъ. — Мюратъ начальствуетъ Консульскаго Гвардіею. — Перасчетливость Иозефины. — Совѣты Г. Колло. — Сватовство. — Мюратъ и Каролина. — Опаснѣе неравнаго брака. — Бонапарте преклоненъ. — Тайныя причины. — Приданое Каролины. — Исторія двухъ ожерельевъ. — Большой успѣхъ маленькой комедіи. — Польшія Жюно. — Ложныя извѣстія. — Бюлетень Жюно. — Хитрость Фуше. — Обманутые Полицейскіе агенты 260

Г Л А В А XVIII.

Счастливый переходъ. — Люксембургъ становится тѣсень.
— Республиканская щекотливость. — Выгодныя связи.

Стр.

—Искусная осторожность.—Пощаженіе.—Избранныя эпохи.—Соображеніе и исполненіе.—Пышность простота.—Третій Консуль въ Тюліери.—Отъездъ изъ Тюліери.—Фиакры и шестерка бѣлыхъ лошадей.—Сабля Императора Австрійскаго.—Королевскій обычай и надпись.—Смотръ.—Отданіе чести знаменамъ.—Клики.—Искусность.—Г. Талейранъ въ кабинетъ Наполеона.—Высокая политика.—Зараніе одобренныя совѣты.—Два Министерства вмѣсто двухъ Консуловъ.—Слова Бонапарте.—Представленія.—Консульскіе Спартанцы.—Уничтоженіе красныхъ шапокъ, даже и на картинахъ.—Простонародная привычка.—Парадная постель.—*Наши* кабинетъ.—Описаніе.—Два письменныя стола.—Кабинетъ Дюрока 275

П Р И Л О Ж Е Н І Я

къ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

И С Т О Р И Ч Е С К І Я

ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ

Адресъ Министра Полиціи	295
Адресъ Министра Юстиціи	296
Циркулярное письмо Министра Внѣшнихъ Сношеній къ заграничнымъ агентамъ Республики	297
Письмо Министра Внѣшнихъ Сношеній къ Ино- страннымъ Министрамъ	299

	<i>Стр.</i>
Нота, приписываемая Реню де Сен-Жанъ д'Анжели . . .	299
Официальная переписка Клебера	303
Речь, произнесенная Главнокомандующимъ Клеберомъ въ Праздникъ 1 Вандеміера, VIII года Французской Республики	305
Клеберъ, Главнокомандующій, Исполнительной Директоріи	306
Извлеченіе изъ письма Гражданина Шаброля	310
Письмо Баррера къ Первому Консулу	311
Речь Генерала Ланна при представленіи Военному Ми- нистру знаменъ, взятыхъ при Абукирь	316
Отвѣтъ Военнаго Министра Генералу Ланну . . .	317
Похвальное слово Вашингтону, произнесенное Г. де Фон- таномъ въ Марсовомъ храмѣ	319

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА

О

НАПОЛЕОНѢ,

**ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРИИ И
ВОЗСТАНОВЛЕННІИ БУРБУНОВѢ.**

**ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
*С. ДЕ ШАМЕТЪ.***

**ТОМЪ ВТОРОЙ.
ЧАСТЬ IV.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРИУСА Внутренней
Стражи.**

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ 10 Апрѣля, 1834 года.**

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

Г Л А В А I.

Тюлиери. — Предвидѣніе царскаго сана. — Народъ правъ. — Термометръ мнѣній. — Прогулка по галерей. — Замѣчательное изреченіе. — Дипломатическій Корпусъ. — Торжественное представленіе. — Г-жа Бонапарте и Королева. — Счастливое похищеніе. — Г. Дефе. — Отложеніе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти. — Г. Фротте. — Безполезный успѣхъ. — Изученіе Вандейцевъ. — Воспоминаніе о Шареттѣ. — Собственнооручное письмо. — Обстоятельныя подробности. — Генераль Траво и Шареттѣ. — Одежда осужденнаго. — Одна минута волненія. — Мужественная смерть. — Боязнь междоусобія. — Жоржъ доулицень къ частному свиданію. — Осторожность Раппа и доверчивость Бонапарте. — Жаркій разговоръ. — Мнѣніе Паллесона о Жоржѣ.

И такъ мы находились въ Тюлиери! на утро послѣ этого, столь желаннаго дня когда мы ночевали въ Королевскихъ чертогахъ, я сказалъ

Часть IV. 1.

Наполеону, вошедъ къ нему въ комнату: «И такъ, Генераль, теперь вы наконецъ безпрепятственно достигли народныхъ кликовъ. Помните ли вы слова, сказанныя мнѣ вами въ Анненской улицѣ, года два тому назадъ (*)? — Правда, очень помню. Вотъ что значитъ захотѣть. Этому всего только два года! А вѣдь мы съ тѣхъ поръ не дурно дѣйствовали? Вообще я очень доволенъ; вчерашній день шелъ весьма хорошо. Не ужели ты полагаешь что всѣ эти люди льстили мнѣ отъ души? но радость народа была искренна; народъ правъ. Притомъ же справься съ великимъ термометромъ миѣнія, спроси о куреѣ; онъ съ каждымъ днемъ повышается; послѣ этого пусть болтають Якобинцы. Но только не слишкомъ громко! . . .»

Когда Бонапарте одѣлся, то мы пошли проходиться по Діаниной галереѣ; онъ разсматривалъ статуи, поставленныя тамъ по его приказанію и окончательно вступилъ во владѣніе своимъ новымъ жилищемъ. Я помню, что между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ; этого недовольно чтобъ быть въ Тюліери; надобно здѣсь остаться. Кто не жилъ въ этомъ дворцѣ? Разбойники, члены Конвента. Взгляни вотъ домъ твоего брата. Не изъ него ли я видѣлъ какъ осаждали Тюліери и захватили добраго Лудови-

(*) Я бы могъ сдѣлаться Королемъ, но еще не пришло время.

ка XVI? Но будь спокоенъ, пусть они сюда пожалуютъ!»

Въ эпоху перемѣщенія Правительства изъ Люксембурга въ Тюліери, вотъ какой былъ составъ дипломатическаго Корпуса въ Парижѣ. Нужнымъ считаю наименовать здѣсь Министровъ, дабы читатель могъ видѣть съ какими Державами Франція находилась тогда въ мирѣ.

Г. Г. Маркизъ Мусквицъ, Посланникъ Испанскій.
Юстиніани, Посланникъ Римскій.

Сербелони, Посланникъ Цизальпинской
Республики.

Шиммельпенникъ, Посланникъ и Полномочный Министръ Батавской Республики.

Цельтнеръ Полномочный Министръ Гельветической Республики.

Баронъ Рейтценштейнъ Полномочный Министръ Баденскій.

Бонарди, Полномочный Министръ Лигурійской Республики.

Мантей, Повѣренный въ дѣлахъ Даніи.

Коппъ, Повѣренный въ дѣлахъ Гессенъ-Касселя.

Сигнель, Главный Комерческій агентъ и повѣренный въ дѣлахъ Швеціи.

Классенъ, Главный Комерческій агентъ Даніи.

Дипломатическій Корпусъ, такимъ образомъ

составленный имѣлъ у Консула 2 Вангоза торжественную аудіенцію. Во дворецъ приготовили залу нарочно для этой церемоніи, сдѣлавшейся новою, какъ и все, тогда происходившее. Ужъ начинали рыться въ старинномъ церемоніалѣ Французскаго двора; и въ ожиданіи Камергеровъ и Оберъ - Церемонійместера, Государственному Совѣтнику Г. Бенезешу, бывшему Министру Внутреннихъ Дѣлъ, поручили исправленіе ихъ обязанностей.

Когда всѣ Посланники собрались, то Г. Бенезешъ ввелъ ихъ въ кабинетъ, въ которомъ были три Консула, Министры и Государственный Совѣтъ. Посланники представили свои вѣрительныя грамоты Первому Консулу, который отдалъ ихъ Министру Вышнихъ Сношеній. За этимъ представленіемъ послѣдовали многія другія, какъ на примѣръ Апелляціоннаго Суда, коего Предсѣдателемъ былъ тогда прежній адвокатъ Тарже, отказавшійся защищать Лудовика XVI. Все это, какъ я сказалъ, происходило въ присутствіи трехъ Консуловъ; но Первый Консулъ отличался отъ своихъ товарищей въ особености тѣмъ, что по выходѣ изъ этихъ официальныхъ аудіенцій, отправлялись къ Г-жѣ Бонапарте, какъ нѣкогда къ Королевѣ, послѣ представленія Королю.

Такимъ образомъ старинныя Царскіе обычаи мало по малу вводились въ Королевскую оби-

тель. Между правами, присвоенными коронѣ и не предоставленными Первому Консулу Конституціею VIII года, то котораго онъ очень добивался, и которое присвоилъ себѣ чрезъ самое счастливое изъ всѣхъ похищеній—было право даровать помилованіе. Я довольно доказалъ, что я не былъ льстецомъ Наполеона и его памяти, а потому кажется можно повѣрить тому что я говорю: Бонапарте ощущалъ влеченіе спасти людей, осужденныхъ закономъ и когда повелительныя нужды его политики,—кои мнѣ надобно признаться, онъ всѣмъ жертвовалъ,—ему то позволяли, то это причиняло ему сильную радость: онъ охотно бы поблагодарилъ тѣхъ, которымъ онъ оказывалъ такія услуги, только за то, что они доставили ему случай оказать ихъ. Таковъ былъ Консулъ: я не говорю объ Императорѣ. Бонапарте, Первый Консулъ, былъ доступенъ ходатайству дружбы въ пользу опальныхъ; слѣдующая черта, кою я былъ сильно тронуть, представляетъ неоспоримое тому доказательство.

Мы были еще въ Люксембургѣ когда Г. Де-Фё, Французскій эмигрантъ былъ захваченъ въ Тироль съ оружіемъ въ рукахъ Республиканскими войсками; по отведеніи въ Гренобль, его посадили въ военную тюрьму этого города. Въ Генварѣ мѣсяцѣ, Генераль Феррино, начальствовавшій тогда въ Греноблѣ, получилъ повелѣніе

передать суду молодаго эмигранта. Законы противъ эмигрантовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, были ужасны, и судьи не смѣли показывать снисходительности. Поутру предавали суду, въ тотъ же день осуждали, а вечеромъ разстрѣливали:—таковъ былъ обыкновенный ходъ дѣлъ въ этихъ неумолимыхъ судилищахъ. Одна изъ моихъ родственницъ, дочь Г. Пуатренкура, пріѣхала изъ Сана въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить меня объ ужасномъ положеніи Г. Дефё; она сказала мнѣ что Г. Дефё находится въ родствѣ съ почетнѣйшими семействами города Сана и что всѣ принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе.

Я отлучался на нѣсколько минутъ для свиданія, котораго просила у меня дѣвица Пуатренкуръ; возвратясь, я нашелъ Перваго Консула удивленнымъ тѣмъ, что онъ одинъ въ кабинетѣ, откуда я имѣлъ привычку не уходить безъ его вѣдома. «Гдѣ ты это былъ?» спросилъ онъ у меня.—«Я видѣлся съ одною изъ моихъ родственницъ, которая проситъ у васъ милости.—Какой это?» Я рассказалъ ему тогда о печальномъ положеніи Г. Дефё. Первый отвѣтъ его былъ ужасенъ. «Нѣтъ пощады!» вскричалъ онъ, «нѣтъ пощады эмигрантамъ! тотъ кто сражается противъ своего отечества есть сынъ, желающій убить мать свою.» По прошествіи этого перваго гнѣва, я опять началъ просить;

представилъ ему молодость Г. Дефё и благоприятное впечатлѣніе, которое это произведетъ. «Ну пиши,» сказалъ онъ мнѣ: *Первый Консулъ повелѣваетъ остановить судъ надъ Г. Дефё.* Онъ подписалъ этотъ лаконическій приказъ, который я тотчасъ отправилъ къ Генералу Ферино; и увѣдомивъ о томъ мою родственницу, я остался спокоенъ на счетъ слѣдствій этого дѣла.

На другой день утромъ, едва я вошелъ въ комнату Перваго Консула, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Чтожь, Буріеннъ, ты ничего не говоришь мнѣ о твоёмъ Г. Дефё; доволенъ ли ты?—Генераль, я не нахожу словъ для выраженія моей признательности.—Вотъ еще! . . . Но я не люблю дѣлать вещи въ половину. Напиши къ Ферино, что я хочу, чтобы Г. Дефё былъ тотчасъ освобожденъ. Можетъ статься онъ заплатитъ мнѣ неблагодарностью, ну чтожь . . . тѣмъ хуже для него. Такихъ вещей, Буріеннъ проси у меня всегда; если я откажу, то значить, что я ужъ не могъ сдѣлать иначе.»

Я отправилъ на свой счетъ нарочнаго курьера, который пріѣхалъ во время для того, чтобы спасти жизнь Г. Дефё. Мать его, у которой онъ былъ единственный сынъ и Г. Бланше, его дядя, нарочно пріѣхали изъ Сана въ Парижъ для засвидѣтельствованія мнѣ своей благодарности. Я видѣлъ радостныя слезы матери,

которой по всей вѣроятности пришлось бы горько плакать и сказала ей, согласно съ моими чувствами, что я очень вознаграждень успѣхомъ, мною исходатайствованнымъ (*).

Ободренный этою счастливою удачею и благосклонными словами Перваго Консула, я попытался просить помилованія Графу Фротте, о которомъ меня убѣждали самыя почетныя особы. Графъ Лудовикъ Фротте сначала противился всякимъ переговорамъ о замиреніи съ Вандеею; наконецъ, въ слѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ сраженій, въ концѣ Генваря, онъ былъ доведенъ до необходимости самъ дѣлать вызовы, которыхъ онъ не принялъ. Въ эту эпоху онъ написалъ къ Генералу Гидалю письмо, въ которомъ онъ дѣлалъ мирныя предложенія. Ему послали охранный листъ для проѣзда въ Алансонъ. Къ несчастію Г. Фротте, въ то самое время, какъ ему отправляли требуемый имъ охранный листъ, писалъ къ своимъ сподвижникамъ убѣждая ихъ не покоряться и не допускать себя обезоруживать. Это письмо было перехвачено; оно придадо его предложенію о переговорахъ, совершенный видъ обмана; что подтверждалъ и манифестъ Г-на Фротте, правда, что изданный прежде предложеній о примиреніи, но въ которомъ онъ возвѣщаль

(*) Г. Десё, избѣгнувшій вѣрной смерти, имѣетъ теперь трехъ дѣтей и живетъ счастливо и спокойно въ Санъ.

всѣмъ своимъ сообщникамъ о скоромъ концѣ преступнаго замысла *Бонапарте*.

Мнѣ было труднѣе чѣмъ въ дѣлѣ Г. Дефѣ склонить Перваго Консула къ снисходительности. Однакожъ я столько его убѣждалъ, такъ усиливался выставить ему счастливое дѣйствіе, которое произведетъ его великодушнѣе, что наконецъ получилъ приказаніе остановить судъ. Какой урокъ получилъ я тогда о несчастіяхъ, въ которыя можетъ вовлечь потеря времени! Не полагая, чтобы дѣла зашли такъ далеко, какъ было, я не тотчасъ отправилъ курьера съ приказомъ о прекращеніи суда; между тѣмъ Министръ Полиціи обрекъ уже свою жертву; онъ не терялъ времени когда слѣдовало сдѣлать зло: а потому, рѣшась не знаю по какимъ причинамъ, погубить Г. Фротте, онъ послалъ повелѣніе ускорить надъ нимъ судъ. Графъ Лудовикъ Фротте былъ преданъ оному 28 Пловіоза, осужденъ того же числа и казненъ на другой день, наканунѣ переезда нашего въ Тюліери. Ужасная поспѣшность Министра сдѣлала тщетнымъ успѣхъ моего ходатайства. Я имѣлъ причину думать, что послѣ того дня какъ Первый Консулъ далъ мнѣ по этому дѣлу отсрочку, до него тайно дошло какое либо новое противъ Г. Фротте обвиненіе; ибо узнавъ о его смерти, онъ показался очень равнодушнымъ къ замедленію въ отсылкѣ приказа о помилованіи;

онъ сказалъ мнѣ только съ несвойственною ему суровостью: «Надобно тебѣ было лучше распорядиться. Тутъ ужъ не я виновать.»

Сказанное мною о великодушїи Перваго Консула къ Эмигранту, взятому съ оружіемъ въ рукахъ и къ Ваудейскому вождю, естественнымъ образомъ приводитъ мнѣ на память то что Бонапарте думалъ и говорилъ о героѣ-разбойникѣ Ваудейскихъ армїй, Маркизѣ де Шареттѣ.

Бонапарте всегда считалъ Шаретта однимъ изъ самыхъ пламенныхъ враговъ Республики и однимъ изъ твердѣйшихъ опоръ Монархїи. Читатели помнятъ, что въ собственноручномъ его описанїи днѣ 13 Вандемїера, онъ говоритъ что большая часть взятыхъ въ этотъ день плѣнныхъ были Шуаны Шаретта. Этотъ Шуанскїй Генераль былъ казненъ 29 Марта 1796 года. Въ это время Бонапарте только что прїѣхалъ изъ Италїи и начиналъ поприще побѣдъ своихъ: онъ объ немъ не думалъ. Въ эпоху его Консульства, до которой мы теперь достигли, онъ въ особенности занимался изученїемъ духа, оживлявшаго Ваудейскихъ мятежниковъ, которыхъ онъ старался усмирить. Между присланными къ нему разными бумагами, находилось нижепомѣщенное письмо о смерти Шаретта, коего подлинникъ у меня сохранился.

Напѣ, 11 Жерминаля IV года.

«Тебѣ конечно не неспрїятно будетъ, любезный

«другъ, имѣть точныя подробности о смерти «слишкомъ знаменитаго Шаретта; любопытно «изучать такихъ мужей, которые подобно ге- «роямъ, должны стувуютъ занимать современни- «ковъ и потомство. О цѣлой жизни ихъ «судятъ по ихъ послѣднимъ минутамъ; соби- «раютъ подробности объ оныхъ, наблюдаютъ, «сближаютъ оныя и наконецъ успѣваютъ со- «ставить себѣ о нихъ здравое понятіе, столь же «удаленное отъ ужаса какъ и отъ удивленія, «коимъ духъ партій облакаетъ ихъ поступки.

«Шареттъ, взятый 2 числа сего мѣсяца Ге- «нераль-Адъютантомъ Траво, былъ сначала отве- «зень въ Анжеръ; Нантъ потребовалъ его къ «себѣ. Справедливость требовала, чтобы мѣсто «ненавистнаго его торжества сдѣлалось и мѣ- «стомъ его справедливой казни. Онъ прибылъ «туда въ часъ по полуночи. Вышедъ изъ лодки, «онъ сказалъ съ сильнымъ волненіемъ груди: «*Такъ вотъ до чего довели меня эти бездѣль- «ники Англичане!* Это была единственная мину- «та въ которую въ немъ замѣтили какое-то «волненіе. Будучи отвезенъ въ домъ Буффе, онъ «спросилъ стаканъ воды; послѣ того ему доз- «волили нѣсколько отдохнуть и онъ заснулъ.

«На другой день утромъ около девяти часовъ, «его отвели къ Генералу Дютилю, для допроса. «Не знаю точно что тамъ происходило; но мнѣ «увѣрили что онъ отказался отвѣчать на многіе

«вопросы Генерала и сказалъ что послѣ
 «онъ не зналъ другаго, бѣльшаго бездѣльника;
 «что онъ по правдѣ сказать драмся за противо-
 «Революцію, но что онъ не принадлежалъ къ
 «его партіи и отрицался отъ него. Гренадеры и
 «Егеря и кавалерія народной Гвардіи, были подѣ
 «ружьемъ; нарядили двѣ Роты моего полка, и двѣ
 «Роты Пантскаго Легіона. Шареттъ, посреди этой
 «стражи, предшествуемыйъ челоуѣками шестью
 «Генераловъ и окруженный нѣсколькими Жандар-
 «мами, чрезъ улицы Св. Іакова и Кребиліонову и
 «чрезъ площадь Равенства, былъ отведенъ обратно
 «въ тюрьму по Кассерійской улицѣ. Множество на-
 «рода собралось на пути его и на балконахъ. Кли-
 «ки: *Да здравствуетъ Республика!* часто разда-
 «вались; но отъ того ли что плѣнника сопровожда-
 «ла грозная стража или отъ того что мы воспріи-
 «ли лучшіе нравы и что время ярости минова-
 «лось,—а негодование было удержано и его изба-
 «вили отъ оскорбительныхъ личностей.

«Онъ былъ въ сѣрыхъ панталонахъ и въ такой
 «же курткѣ безъ всякаго другаго отличія кромѣ
 «узкаго зубчатаго галуна на воротникѣ: на головѣ
 «у него былъ бѣлый платокъ, слегка повязан-
 «ный по Кресольски. Онъ былъ раненъ въ голову
 «и правое плечо его было еще обогрено кровью.
 «Лѣвая рука была подвязана платкомъ. Сабель-
 «нымъ ударомъ ему отрубили три пальца этой
 «руки. Видъ его былъ самоууверенъ, походка

«тверда и величайшее хладнокровіе царствовало на лицѣ его: цвѣтъ лица его не былъ уже, какъ при замиреніи, блѣдъ и ровень. Изнуренія его потемнили. Онъ смотрѣлъ на все безъ наглости и безъ низости.

«На другой день, 9 числа, онъ былъ сужденъ и выдержалъ равно свой характеръ, отвѣчал на всѣ вопросы безъ гнѣва и съ хладнокровіемъ. «Между сдѣланными ему вопросами вотъ тѣ, которые показались мнѣ наиболѣе занимательными:

«У него спросили, не обѣщали ли ему на-родные представители при замиреніи, Короля. «Онъ отвѣчалъ что нѣтъ; и что они никогда не говорили ему объ этомъ, ни во всенародныхъ рѣчахъ своихъ, ни въ частныхъ разговорахъ.

«Зачѣмъ онъ нарушилъ миръ? — Затѣмъ что онъ узналъ, что представитель Годень собирает-ся послать войска для того чтобы захватить его и похитить вопреки договору.

«Имѣлъ ли онъ переписку съ эмигрантами и съ Иностранными Державами?—Онъ сказалъ, что получилъ только пятнадцать тысячъ франковъ отъ Англичанъ, съ которыми онъ имѣлъ сноше-нія только во время нахождения ихъ на Божіемъ-Островѣ (Je Dieu); что онъ получилъ отъ нихъ лишь очень мало оружія и амуниціи; что не имѣлъ переписки съ эмигрантами; а получилъ только лоскутокъ бумаги отъ Графа д'Антреса и отъ Графа д'Артуа; сверхъ того отъ Людовика

«XVIII патентъ на чинъ Генераль-Лейтенанта.

«Ему замѣтили что онъ не точенъ въ этомъ отвѣтъ.

«Имѣлъ ли онъ переписку? — Нѣтъ; а когда ему встрѣчалась нужда въ оружіи и въ аммуниціи, то онъ посылалъ за ними мужиковъ, ввѣрялъ ихъ проворству.

«Когда ему напомнили объ убійствахъ въ Машекулѣ и въ другигъ мѣстахъ, имъ произведенныхъ, то онъ довольствовался отвѣчать отрицательнымъ движеніемъ головы и горькою улыбкою какъ бы для того чтобы дать почувствовать, что онъ исполнялъ ремесло свое. Впрочемъ онъ сознался, что былъ Главнокомандующимъ и въ пользу Монархіи; но что за нѣсколько дней передъ тѣмъ какъ его захватили, одинъ Генераль, котораго онъ не назвалъ, предлагалъ ему покровительство, если онъ покинетъ владѣнія Республики; что онъ оставилъ это письмо су священника, ибо въ его положеніи, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, онъ не могъ возить съ собою бумагъ; что онъ отвѣтствовалъ только Генералу, что ему нужно нѣсколько срока для постановленія условій. Опираясь на это, онъ просилъ отсрочки и отправленія его въ Парижъ, какъ Комартена. Онъ не переставалъ хвалить храбраго, великодушнаго Траво и стрѣлковъ его (*).

(*) Наполсонъ сказалъ на Островѣ Св. Элены, что это предло-

«Когда судьи удалились для балтировки, то онъ разговаривалъ съ окружающими его; онъ «разсказывалъ имъ обстоятельства своего плѣненія и отвѣчалъ тѣмъ, которые удивлялись тому «что онъ не лишилъ себя жизни, что самоубійство было всегда противно его правиламъ и «что онъ считалъ его подмогью.

«Когда ему прочли приговоръ, то крикъ: *Да здравствуетъ Республика*, раздался во всей залѣ. «Онъ выслушалъ его безъ волненія, черты его «ни на минуту не измѣнились. Онъ потребовалъ «дозволенія говорить: молчаніе воцарилось. Онъ «сказалъ что не старается отсрочить часъ своей «смерти, но что проситъ Комисію сдѣлать ему «удовольствіе, послать за письмомъ, имъ упо- «минутымъ. Въ пять часовъ, онъ былъ отведенъ «на площадь *Земледельцевъ*. Пять тысячъ че- «ловѣкъ составляли каре; Священникъ Гиберъ «находился при послѣднихъ его минутахъ: Онъ «не хотѣлъ, ни стать на колѣни, ни дозволить «завязать себѣ глаза; но представя грудь свою «възводу, долженствовавшему въ него выстрѣлить, «выдернувъ лѣвую руку изъ платка, коимъ она «была завернута и ставъ бокомъ, подаль знакъ «что готовъ; выстрѣлъ раздался и онъ палъ «мертвый. Ему было тридцать три года; ростъ «его былъ около пяти футовъ четырехъ дюймовъ,

женіе сдѣлалъ Шаретту Генералъ Гоншъ, 21 Фрврала 1796.

Это было чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ его взяли.

«волосы черныя, брови черныя же и прямыя, «глаза впалые и маленькіе, но быстрые; носъ «длинный съ горбомъ, ротъ большой и вдави- «ншійся, подбородокъ продолговатый съ ряби- «нами, грудь широкая, ляжки довольно полныя «и правильныя, ноги нѣсколько тонкія, голосъ «слабый, женскій и нѣсколько рѣзкій; станъ «словкій.

«Это мужество или лучше сказать эта не- «подвижность, есть послѣдствіе трудныхъ об- «стоятельствъ, въ которыхъ онъ находился. Это «не была душа укрыленная философіею, но не- «способная къ сильнымъ страстямъ. Одинъ мо- «рякъ, бывшій съ нимъ въ морѣ, разсказывалъ «мнѣ что въ послѣднюю войну, Шареттъ, быв- «шій тогда флотскимъ Лейтенантомъ, прохажива- «лся по палубѣ; неосторожный матросъ об- «лизалъ ему ногу кипящею смолою; оборотясь къ «нему, онъ хладнокровно сказалъ: «Ты обварилъ «меня, бездѣльникъ. . . !» Вильсѣвъ, коего пат- «ріотизмъ и таланты тебѣ извѣстны, былъ его «защитникомъ. Онъ увѣряетъ, что это былъ че- «ловѣкъ очень обыкновенный, безъ способствъ и «безъ познаній. Подобно всемъ вождямъ партій, «онъ пріобрѣлъ большую славу; подобно всемъ «вождямъ партій, онъ воспользовался именемъ, «довѣріемъ и талантами тѣхъ, которые до него «начальствовали; подобно всемъ вождямъ партій, «онъ погибъ.»

Бонапарте заставилъ меня два раза прочитать письмо о Шареттѣ и нѣсколько другихъ бумагъ, къ оному приложенныхъ ибо, какъ уже сказано, онъ тогда изучалъ Вандею. Междоусобная война казалась ему ужасною вещью. Мы нашли еще въ другомъ донесеніи, что Шареттѣ, выходя изъ лодки, въ которую его посадили для перевезенія изъ Анжера въ Нантъ, ощутилъ единственное движеніе горести или нетерпѣнія, которое могли въ немъ замѣтить и сказали съ тяжкимъ вздохомъ также какъ упомянуто въ вышеприведенномъ письмѣ: «Такъ вотъ до чего довели меня эти бездѣльники Англичане!»

Бонапарте, не вѣрившій добродѣтели людей, вѣрилъ ихъ чести. Я видѣлъ тому доказательство при одномъ случаѣ, который заслуживаетъ принадлежать исторіи. Когда, въ первое время пребыванія нашего въ Тюліери, онъ пригласилъ главныхъ вождей Вандеи для водворенія мира въ этойъ злополучной землѣ, то онъ допустилъ въ частное свиданіе Жоржа Кадудали. Расположеніе, въ которомъ я видѣлъ его наканунѣ дня, назначеннаго для этого свиданія, возбуждало во мнѣ самыя благопріятныя надежды. Ранѣе ввелъ Жоржа въ большую залу, имѣвшую окна въ садъ и оставилъ его съ Первымъ Консуломъ; но возвратясь самъ въ кабинетъ,

гдѣ я находился, онъ не заперъ ни одной изъ дверей парадной спальни, которая отдѣляла кабинетъ отъ залы. Мы увидѣли Перваго Консула и Жоржа прохаживающимися отъ окна во внутренность залы и обратно; это продолжалось очень значительное время. Разговоръ казался весьма оживленнымъ и мы слышали многое, но безъ связи. Въ тѣлодвиженіяхъ и въ словахъ обнаруживалась иногда сильная досада. Свиданіе ни къ чему не привело; Первый Консуль, замѣтивъ, что Жоржъ нѣсколько тревожится на счетъ своей личной безопасности, успокоилъ его самымъ благороднымъ образомъ: *Вы дурно видите вещи, сказалъ онъ ему, и напрасно не хотите слышать ни о какомъ соглашеніи; но если вы действительно захотите возвратиться въ свою землю, то проѣдете также свободно, какъ вы прибыли въ Парижъ.* Возвратясь въ свой Кабинетъ, Генераль Бонапарте спросилъ у Раппа: *Скажи мнѣ Раппъ, за чѣмъ ты оставилъ двери отворенными и самъ остался съ Буріенномъ?*—Еслибъ вы заперли двери, я опять отворилъ бы ихъ. Чтобы я оставилъ васъ однихъ съ такимъ человѣкомъ? вы думаете что это такъ безопасно.—*Стыдитесь Раппъ, что ты забралъ себѣ въ голову.* Когда мы остались одни, то Первый Консуль показался мнѣ довольнымъ этою преданностью, но очень огорченнымъ отказомъ Жоржа. *Онъ не*

такъ какъ должно видить вещи, сказалъ онъ мнѣ; но пылкость его правилъ проистекаетъ отъ благородныхъ чувствъ, которыя должны доставлять ему много вліянія между своими. Однако это надобно же какъ нибудь кончить.

Г Л А В А П.

Достоинство Франціи.—Нашеръ-Тенди и Блэквель.—Французскіе и Англійскіе подданные.—Выдача.—Жалоба Французскаго Правительства Гамбургскому Сенату.—Взятка по Египетски.—Четыре съ половиною миліона, непоступившіе въ Государственную казну.—Раздача этой суммы.—Недѣйствительный вексель.—Безполезный подарокъ.—Неблагодарный отвѣтъ Г. Фермона.—Пятнадцать тысячъ франковъ въ ящичкѣ письменнаго стола.—Долги Іозефины.—Позвѣщеніе, сдѣланное Талейраномъ.—Намѣреніе расплатиться.—Затрудненіе Іозефины.—Признаніе въ половинѣ.—Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ.—Уплатенные долги.—Прогулки на большой дорогѣ.—Любезность Іозефины.—Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ.—Мой Рюссльскій домикъ.—Вѣчные просветли.—Образъ жизни въ Парижѣ.—Сѣрый сертукъ.—Вечернія и утреннія прогулки.—Бонапарте бравить Перваго Консула.

Пѣзъ всѣхъ дѣлъ Лудовика XIV, Бонапарте наиболѣе удивлялся тому, что онъ заставилъ Посланниковъ Генуезскаго Дожа прѣвхать въ

Парижъ для извиненія предъ нимъ. Малѣйшее посягательство въ чужихъ земляхъ на права и достоинство Франціи, выводило его изъ себя. Эта потребность заставлятъ уважать Французское Правительство, въ особенности обнаружилась при одномъ случаѣ, который надѣлалъ тогда много шума, но благодаря золоту, кончился дружелюбно.

Два Ирландца Напперъ-Тенди и Блаквель, воспитанные во Франціи и состоящіе Офицерами въ спискахъ Французской арміи, прѣехали въ Гамбургъ; и когда Британское Правительство потребовало ихъ, какъ измѣнниковъ своему отечеству, то они были выданы; но поскольку Французское Правительство считало ихъ подданными Франціи, то отъ сего возникли сильныя жалобы на Гамбургскій Сенатъ.

Блаквель былъ однимъ изъ вождей Соединенныхъ-Ирландцевъ. Вступивъ во Французское подданство, онъ достигъ до званія эскадроннаго командира; и при поѣздкѣ его съ тайнымъ порученіемъ въ Норвегію, судно, на которомъ онъ находился, разбилося у береговъ сего Королевства. Онъ отправился въ Гамбургъ, гдѣ Сенатъ взялъ его подъ стражу по требованію Г. Крафѣрта, Англійскаго Посланника. Просидѣвъ годъ въ темницѣ, онъ былъ отправленъ въ Англію для суда. Французское Правительство вступило въ посредство и хотя

не возвратило ему свободы, но спасло ему жизнь.

Напперъ-Тенди былъ также Ирландецъ. Дабы избавиться отъ преслѣдованій за чувства независимости, побуждавшія его дѣйствовать въ пользу свободы своего отечества,—онъ уѣхалъ изъ Англіи на Французскомъ бригѣ въ Гамбургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ Швецію. Исключенный изъ всепрощенія двумя Ирландскими Палатами, онъ былъ потребованъ у Гамбургскаго Сената, нарушившаго честь и человеколюбіе отъ страха опасности, которая въ ту минуту угрожала этой небольшой Республикѣ болѣе со стороны Англіи, чѣмъ со стороны Франціи. Сенатъ выдалъ Напперъ-Тенди. Отвезенный въ Ирландію и осужденный къ смерти, онъ былъ обязанъ за отмену своей казни ходатайству Франціи. Два года просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ; но Г. Отто, вступивъ съ Лордомъ Гаксбѣри въ переговоры о мирѣ, выхлопоталъ освобожденіе Напперъ-Тенди, который былъ отосланъ обратно во Францію.

Первый Консулъ сначала вознамѣрился было жестоко отметить; но когда Гамбургскій Сенатъ представилъ ему въ оправданіе своего поведенія, письмо съ приложеніемъ четырехъ съ половиною миліоновъ (*), то это очень его укро-

(*) Смотри въ концѣ книги оправданіе Гамбургскаго Сената. Отвѣтъ же Перваго Консула до присылки ему вышеупо-

тило! Это было нѣкоторымъ воспоминаіемъ о Египтѣ, гдѣ Генераль бралъ такія же взятки съ Пашей, съ тою разницею, что на этотъ разъ ни одного су не поступило въ Государственную казну. Деньги были выданы Первому Консулу чрезъ посредство Г. Шапо-Ружа.

Днѣй восемь лежали у меня въ ящикѣ эти четыре съ половиною миліона банковыми Голландскими билетами. Тогда Бонапарте рѣшился раздать ихъ. Заплативъ, какъ ниже увидятъ, долги Иозефины и большіе расходы по Мальмезону, онъ продиктовалъ мнѣ списокъ лицъ, которымъ хотѣлъ сдѣлать подарки. Мое имя не вышло изъ устъ его и потому я не имѣлъ труда себя вписывать; но черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ мнѣ съ самою дружескою благосклонностію: «Буріеннъ, я ничего не далъ тебѣ изъ денегъ, полученныхъ отъ Гамбурга, но я тебѣ за это вознагражу.» При этихъ сло-

манутой суммы, здѣсь помѣщается; онъ отъ 9-го Пивоза VIII года.

«Мы получили письмо ваше, Милостивые Государи; оно васъ не оправдываетъ.

«Мужество и добродѣтели поддерживаютъ государства: трусость и пороки ихъ губятъ.

«Вы нарушили гостепріимство. Этого не случалось у самыхъ варварскихъ степныхъ ордъ. Ваши сограждане вѣчно васъ будутъ въ этомъ упрекать.

«Два несчастливца, вами выданные, умрутъ со славою; но кровь ихъ гораздо болѣе причинитъ зла ихъ гонителямъ чѣмъ сколько бы сдѣлала цѣлая армія.»

вахъ онъ вынулъ у себя изъ ящика большой печатный листъ съ пробѣлами, замѣщенными рукописью и прибавилъ: «Вотъ вексель въ триста тысячъ Италіянскихъ ливровъ на Цизальпинскую Республику за проданныя ей пушки; онъ подписанъ Галлеромъ и Колло: я отдаю его тебѣ.» Для объясненія этого дѣла, я долженъ сказать, что Цизальпинской Республикѣ были проданы въ долгъ пушки. Генераль-Интендантъ Италіи взялъ за это съ Республикѣ векселями и передалъ векселя сіи въ уплату Г-ну Колло, поставщику съѣстныхъ припасовъ; Г. Колло выдалъ одинъ изъ этихъ векселей въ 500,000 франковъ Главнокомандующему въ удовлетвореніе существовавшихъ между ними обязательствъ; а Наполеонъ пропустилъ срокъ платежа не принявъ надлежащихъ мѣръ. Цизальпинская Республика удержала и пушки и деньги, а у Перваго Консула остался вексель. Разсмотрѣвъ оный, я сказалъ ему: «Но Генераль, срокъ этому векселю давно минулъ; почему вы не представили его ко взысканію? Теперь передашіе вамъ оный ни за что ужъ не отвѣтствуютъ. «Франція обязана удовлетворять этого рода долги,» отвѣчалъ онъ мнѣ: «пошли эту бумагу къ де Фермону; онъ заплатитъ тебѣ съ вычетомъ трехъ процентовъ. Ты не получишь наличными деньгами, но около 9000 франковъ ежегодно, ибо Италіянскіе

ливры дешевле франковъ.» Поблагодаривъ его, я отослалъ вексель къ Г. де Фермону. Этотъ послѣдній отвѣчалъ мнѣ, что вексель просроченъ и не можетъ быть удовлетворенъ потому что не подходитъ ни подъ одинъ изъ уважительныхъ по законамъ случаевъ. Я показалъ отвѣтъ его Первому Консулу.—*Вотъ еще! онъ не знаетъ въ этомъ дѣлѣ толку и ошибается.* *Пиши.* Тогда онъ продиктовалъ мнѣ очень благопріятное письмо, касательно удовлетворенія по этому векселю, но въ отвѣтъ воспользовалъ новымъ отказъ.—«Генераль, . . . Г. де Фермонъ не болѣе слушается васъ какъ меня.» Наполеонъ взялъ письмо, прочиталъ его и сказалъ мнѣ голосомъ чловѣка, который заранѣе знаетъ его содержаніе.—«Ну чтожь мнѣ дѣлать, если это противъ законовъ? Настанвай, проси обыкновеннымъ порядкомъ объ удовлетвореніи и что будетъ, то будетъ.» Сдѣлаюсь то, что вексель мой нашли недѣйствительнымъ, зачеркнули, надорвали и положили въ архивъ. Эти триста тысячъ ливровъ составляли часть суммъ, привезенныхъ имъ изъ Італіи. Этотъ доскутокъ бумаги доказываетъ только, что онъ привезъ изъ Італіи болѣе двадцати тысячъ франковъ.

Я никогда не получалъ, ни отъ Главнокомандующаго Італіянскою арміею, ни отъ Главнокомандующаго Египетскою арміею, ни отъ Перваго Консула никакого опредѣленнаго содержанія.

Я бралъ изъ казны его сколько нужно на мои и на его издержки. Никогда онъ не требовалъ у меня отчета. Послѣ случая съ подареннымъ имъ мнѣ просроченнымъ векселемъ Цизальпинской Республики, онъ сказалъ мнѣ въ началѣ весны 1800 года: «Буріеннъ, погода становится слишкомъ дурна; я рѣдко буду ѣздить въ Мальмезонъ. Пока я буду въ Совѣтъ съѣзди туда за моими бумагами и вещами; вотъ ключъ отъ моей конторки; вынь изъ нея все что есть.» Я сѣлъ въ карету въ два часа и воротился въ шесть; онъ обѣдалъ. Я положилъ на столикѣ его кабинета разныя вещи, найденныя мною въ конторкѣ и пятнадцать тысячъ франковъ банковыми билетами, находившіеся въ углу одного ящика. Вошедъ въ кабинетъ, онъ сказалъ мнѣ: *Тутъ деньги, это что значитъ?* — Право не знаю; они были въ вашей, конторкѣ.— *А, да я позабылъ: это было отложено на мои мелкіе расходы. Возьми ихъ себѣ.*

Я очень помнилъ, что однажды утромъ онъ посылалъ меня съ ключемъ вынуть на мелкіе расходы два билета въ тысячу франковъ, но вовсе не думалъ чтобы онъ съ тѣхъ поръ не дотрогивался до запасной казны своей.

Я уже сказалъ какое было сдѣлано употребленіе изъ четырехъ съ половиною миліоновъ, взятыхъ съ Гамбургскаго Сената за дѣло Напперъ-Тенди и Блаквеля. Не все однакожь пошло

на награды; довольно значительная часть этой суммы была употреблена на уплату долговъ Иозефины и это семейственное дѣло, кажется мнѣ, заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣчаній.

Мальмезонское помѣстье стоило сто шестьдесятъ тысячъ франковъ; Иозефина приобрѣла оное отъ Г. Лекутё пока мы находились въ Египтѣ. Въ немъ было сдѣлано много украшеній и нѣсколько новыхъ построекъ; наконецъ, прибавили великолѣпный паркъ. Всё это сдѣлалось не даромъ, а притомъ большая часть денегъ за первоначальную покунку не была еще уплачена и эта значительная недоимка составляла не единственный долгъ Иозефины. Заимодавцы роптали; это производило дурное впечатлѣніе въ Парижъ и я такъ былъ увѣренъ въ досадѣ, которую это возбудитъ въ Первомъ Консулѣ, что безпрестанно откладывавъ минуту извѣщенія его объ этомъ; а потому съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что Г. Талсйранъ предупредилъ меня. Никто не умѣлъ лучше его, какъ говорится, золотить пилюлю для Бонапарте; обладая такою же независимостью характера, какъ умомъ,—онъ съ опасностью разсердить его, оказалъ ему услугу, доведя до его свѣдѣнія, что великое число заимодавцевъ изъявляютъ свое неудовольствіе горькими жалобами на долги, сдѣланные его женою въ продолженіе похода его на Востокъ. Бонапарте

почувствовалъ что положеніе его требуетъ тотчасъ прекратить источникъ подобныхъ толковъ. Однажды въ двѣнадцатомъ часу вечера, Г. Талейранъ завелъ рѣчь объ этомъ щекотливомъ предметѣ; тотчасъ по уходѣ его, я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ Бонапарте остался одинъ и онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Буріеннъ, Талейранъ сей часъ увѣдомилъ меня о долгахъ жены моей. У меня есть Гамбургскія деньги; спроси у ней точную роспись; пусть она все объявитъ; я хочу это кончить и больше уже не начинать; но не расплачивайся не показавъ мнѣ счетовъ этихъ бездѣльниковъ; это шайка воровъ.»

До сихъ поръ опасеніе произвестъ непріятную сцену, о которой одна мысль приводила въ трепетъ Иозефину,—препятствовало мнѣ начать объ этомъ предметѣ разговоръ съ Первымъ Консуломъ; но, очень обрадовавшись тому, что Г. Талейранъ предупредилъ меня, я рѣшился сдѣлать все, отъ меня зависящее для того чтобы положить конецъ этому непріятному дѣлу.

На другой день я увидѣлся съ Иозефиною. Она сначала обрадовалась было расположенію своего мужа; но эта радость была непродолжительна. Когда я потребовалъ у нея точной росписи о долгахъ ея, то она умоляла меня не настаивать и удовольствоваться тѣмъ, что она сама объявитъ. Я сказалъ ей: «Не скрываю отъ васъ досады Перваго Консула; онъ полагаетъ

что вы должны значительную сумму, и расположенъ заплатить ее. Вамъ придется вынести жестокіе упреки и жаркую сцену, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но эта сцена будетъ таже за долгъ, которой вы объявите, какъ и за сумму, гораздо болѣе значительную. Если вы скросте большую часть вашихъ долговъ, то черезъ нѣсколько времени ропотъ возобновится, слухъ объ ономъ дойдетъ до ушей Перваго Консула и онъ еще болѣе разсердится. Совѣтую вамъ объявить все: послѣдствія будутъ тѣже; вы только однажды услышите непріятности, которыя онъ собирается вамъ сказать; черезъ утайку вы только подадите поводъ къ безпрестанному ихъ возобновленію. — Я никакъ не въ состояніи объявить ему всего: это для меня невозможно; обяжите меня умолчавъ о томъ, въ чемъ я вамъ признаюсь. Полагаю что я должна около миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ; но хочу объявить только шестьсотъ; я не стану больше дѣлать долговъ и уплачу остальные по немногу изъ того что буду откладывать. — Я долженъ повторить вамъ мои прежнія замѣчанія. Не думая чтобы онъ полагалъ долги ваши простирающимися до такой огромной суммы какъ шесть сотъ тысячъ франковъ, я ручаюсь вамъ въ томъ что вы не больше будете имѣть непріятностей за миліонъ двѣсти тысячъ какъ за шесть сотъ тысячъ франковъ; и показавъ все

вы по крайней мѣрѣ раздѣляетесь со всѣми долгами.— Не рѣшусь на это Буріеннъ; я его знаю и не въ состояніи буду перенести его запальчивость.»—Поспоривъ съ четверть часа объ этомъ предметѣ, я принужденъ былъ уступить ея усиленнымъ просьбамъ и дать ей обѣщаніе объявить только шесть сотъ тысячъ франковъ Наполеону.

Можно себѣ представить досаду и гнѣвъ Перваго Консула; онъ подозрѣвалъ что жена его что нибудь скрываетъ, но сказалъ мнѣ: *Негего дѣлать! возьми шестьсотъ тысячъ франковъ; но уплати ими всѣ долги и чтобъ я объ этомъ больше не слыхалъ. Позволяю тебѣ пострадать заимодавцевъ тѣмъ, что ты ничего имъ не дашь, если они не откажутся отъ ужасныхъ барышей своихъ; надобно ихъ отучить, чтобы они не такъ охотно вѣрили въ долгъ.* Госпожа Бонапарте вручила мнѣ всѣ свои счета. Возвышеніе цѣнъ, происходившее отъ боязни получить уплату очень поздно и съ убавкою, было непостижимо. Мнѣ показалось также что и количество поставленныхъ вещей было преувеличено: въ счетъ продавца модъ я нашелъ тридцать восемь дорогихъ шляпъ въ одинъ мѣсяць; были перья по 1,800 франковъ и пояски по 800. Я спросилъ Иозефину, не ужели она изнашивала по двѣ шляпы въ день; она отговорила тѣмъ, что это поставлено по

ошибкѣ. Преувеличенія сѣдельника въ цѣнахъ и въ вещахъ, имъ педѣланныхъ, были даже странны. Не буду говорить о другихъ поставщикахъ: вездѣ обнаруживался тотъ же разбой. Я вполне воспользовался полномочіемъ, даннымъ мнѣ Первымъ Консуломъ и не щадилъ ни упрековъ, ни угрозъ. Стыжусь сказать, что большая часть поставщиковъ удовольствовалась половиною того, что они требовали; одинъ изъ нихъ получилъ 55,000 франковъ вмѣсто 80,000 и имѣлъ еще безстыдство сказать мнѣ, что онъ и тутъ досталъ себѣ барышъ. Наконецъ, послѣ самыхъ жаркихъ споровъ; я имѣлъ счастье кончить все шестьюстами тысячъ франковъ. Но Госпожа Бонапарте скоро опять вошла въ такіе же долги. Къ счастью денегъ стало побольше. Эта непостижимая страсть къ расточительности, была для нея почти единственною причиною всѣхъ ея огорченій; необдуманная пышность производила у нея въ домѣ вѣчный безпорядокъ до эпохи втораго брака Наполеона, когда она, какъ мнѣ сказывали, сдѣлалось уже обстоятельнѣе. Не могу сказать объ ней того же въ бытность ея Императрицею.

Эта добрая Іозефина имѣла не менѣе честолюбія въ малыхъ вещахъ, какъ мужъ ея въ большихъ; удовольствіе ея состояло въ томъ, чтобы пріобрѣтать, а не въ томъ, чтобы обладать. Кто бы тому повѣрилъ? она скучала кра-

сотою Мальмезонскаго парка и безпрестанно просила меня поѣхать съ нею погулять на большую дорогу, ведущую къ Пантерру или къ Марли посреди пыли, поднимаемой проѣздомъ каретъ. Шумъ большой дороги казался ей предпочтительнѣе безмолвной тишины прекрасныхъ алей парка и Гортензія имѣла въ этомъ отношеніи одинаковый вкусъ со своею матерью. Этотъ странный вкусъ удивлялъ Наполеона и возбуждалъ иногда его досаду.

Мои сношенія съ Іозефиною доставляли мнѣ чрезвычайное удовольствіе, ибо я еще никогда не видывалъ другой женщины, которая была бы въ обществѣ столь одинакова своимъ характеромъ и показывала бы столько благорасположенія, составляющаго главное условіе любви. Она съ обязательнымъ вниманіемъ приказала устроить въ Мальмезонѣ прекрасную квартиру для меня съ семействомъ и со свойственною ей пріятностью убѣждала меня принять оную; но находясь въ Парижѣ почти въ такомъ же заключеніи какъ Государственный плѣнникъ,—я хотѣлъ сохранить за городомъ единственныя минуты свободы, которою мнѣ дозволялось наслаждаться: и то еще, что это была за свобода! Я купилъ въ Рюель небольшой домикъ, конемъ владѣлъ два съ половиною года. Назначая тамъ кому нибудь свиданіе, я не могъ избирать для этого другаго времени,

кромѣ полуночи или пяти часовъ утра; что составляло, какъ можно себѣ вообразить, одну изъ пріятностей моего званія; а часто и ночью Первый Консулъ присылалъ будить меня въ случаѣ прибытія курьеровъ. Вотъ свобода, для которой я не принялъ предложенія милой Іозефины. Бонапарте только однажды посѣтилъ меня въ моемъ Рюельскомъ убѣжищѣ, но Іозефина и Гортензія часто туда пріѣзжали: это было для нихъ цѣлью прогулки.

Во время жительства моего въ Рюель, я часто имѣлъ случаи видѣть точность и заботливость просителей; едва я просыпался, какъ былъ уже ими окружаемъ; никогда мнѣ было невозможно остаться одному, даже на то время, пока я одѣвался и когда въ шесть часовъ я долженъ былъ отправляться въ Мальмезонъ, то проходилъ чрезъ два ряда ихъ. Если, не обѣдая съ Первымъ Консуломъ, я могъ воротиться домой, то опять находилъ цѣлую ихъ кучу; рѣдко я могъ отобѣдать такъ, чтобы меня не потревожили, а иногда я не успѣвалъ еще доѣсть супъ, какъ Бонапарте присылалъ за мною. Увы! не все удовольствіе въ короткости съ великимъ человѣкомъ!

Въ Парижѣ, я еще меньше разставался съ Наполеономъ, чѣмъ въ Мальмезонѣ. Мы иногда ходили съ нимъ по вечерамъ гулять въ Тюліерійскій садъ. Онъ всегда дождался, пока за-

пругъ рѣшетки. Въ этихъ вечернихъ прогулкахъ на немъ всегда былъ сѣрый сертукъ и круглая шляпа. Мнѣ приказано было отвѣчать: *Первый Консуль* на окликъ часовыхъ. Но эти прогулки, очень полезныя Наполеону и мнѣ, и доставлявшія намъ послѣ трудовъ отдыхъ, совершенно походили на тѣ, которыя мы дѣлали въ Мальмезонѣ. Что касается до прогулокъ нашихъ по городу, то онѣ часто были очень любопытны.

Въ первое время пребыванія нашего въ Тюліери, видя Бонапарте входящаго въ кабинетъ въ восемь часовъ вечера въ его сѣромъ сертукѣ, я напередъ уже зналъ, что онѣ мнѣ скажетъ: «Буріеннъ, пойдемъ походить!» Иногда вмѣсто того, чтобы выйти въ садовую аркаду, мы проходили чрезъ маленькую дверь, ведущую со двора въ покои Герцога Ангулемскаго. Онѣ бралъ меня подъ руку и мы отправлялись торговать разныя дешевыя вещицы въ лавкахъ улицы Сент-Оноре, не простирая однакоже нашихъ прогулокъ далѣе улицы *Сухаго Дерева* (Arbre-Sec). Пока я смотрѣлъ вещи, которыя будто бы хотѣлъ купить, онѣ начиналъ дѣлать свои вопросы; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть его старающагося принимать вѣтреный, шутливый тонъ молодыхъ модниковъ. Какъ онѣ неловко усиливался придать себѣ пріятности когда поправляя себѣ галстукъ, онѣ

говорила: «Ну, сударыня, что новинькаго?—Гражданинъ, что говорятъ о Бонапарте?—Ваша лавка кажется имѣть много покупателей?—Что рассказываютъ объ этомъ шутъ Наполеонъ?» Какъ онъ однажды былъ счастливъ! Намъ случилось быть принужденными поскорѣе убираться для того, чтобы избѣгнуть брани, навлеченной непочтительностью, съ которою Бонапарте говорилъ о Первомъ Консулѣ.

Г Л А В А Ш.

Война и памятники.—Вліяніе воспоминаній о Египтѣ.—Любовь къ великимъ вещамъ.—Г. Леконтъ. — Гг. Персье и Фонтенъ.—Первыя украшенія Парижа. — Орсейская набережная. — Неправильности Лувра и Тюіери. — Проектъ постройки поперечной галереи. — Оставленъ.—Смѣты и отчеты.—Мальмезонъ становится сѣнникомъ маль.—Сен-Клу.—25,000 франковъ царедворца.—Мостъ Художествъ.—Советъ Гг. Персье и Фонтена, согласный съ моимъ.—Упрямство Бонапарте.—Счастливое послѣдствіе адской машины. — Колонна.—Набережныя.—Улицы. — Парвенонъ и Биржа.—Памятники.—Проекты Консульства исполненные по учрежденіи Имперіи.—Дворецъ Короля Римскаго.—Чертоги Посланниковъ.—Храмъ славы. — Постройка *некрополиса* въ Парижѣ.—Любовь къ Франціи и потребность оставить по себѣ память въ потомствѣ. — Присоединенныя области.—Туриискій мостъ.—Внезапно устроенная дорога.—Большой мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки.—Дорога въ Савою.—Гора Сенісъ и Симплонъ.—Нить больше Альпъ.

Истребленіе людей и постройка памятниковъ, очень хорошо совмѣщались въ умѣ Наполеона; и можно сказать что его страсть къ памятникамъ, почти равнялась страсти къ войнѣ; но какъ во всѣхъ вещахъ онъ ненавидѣлъ мелочное и ничтожное, то онъ предпочиталъ обширныя постройки, также какъ онъ любилъ большія сраженія; видъ колоссальныхъ развалинъ Египта не мало содѣйствовалъ къ усиленію въ немъ вкуса къ огромнымъ зданіямъ; не самыя эти зданія любилъ онъ, но историческія воспоминанія, которыя они передаютъ потомству; великія имена, которыя они освящаютъ и великія событія, о которыхъ они свидѣлствуютъ. Что въ самомъ дѣлѣ была бы колонна, которую мы увидѣли прибывъ въ Александрію, еслибъ это не была колонна Помпея? Художникамъ принадлежитъ хвалить или порицать ея размѣры и украшенія; ученымъ—изъяснять ея надписи; но имя Помпея принадлежитъ всѣмъ.

Представляя изображеніе Наполеона, я долженъ былъ упомянуть о склонности его къ памятникамъ, ибо безъ этой характеристической черты, въ цѣломъ портрета чего то бы не доставало. Но какъ эта склонность, или лучше сказать страсть занимала большое мѣсто въ ряду его мыслей и славныхъ предпріятій, то считаю обязанностью сказать о ней подробнѣе;

почему я посвящу ей эту главу, чрезъ что неизбежно ставлю себя въ невозможность отнести оную къ какой либо опредѣлительной эпохѣ. Я долженъ также замѣтить, что Бонапарте, не смотря на ощущаемую имъ потребность дѣлать великія вещи, столь же благосклонно принималъ проекты объ улучшеніяхъ меньшей важности; геній его хотѣлъ великихъ построекъ дабы увѣковѣчить свою славу; но въ тоже время его правительственная мудрость умѣла цѣнить то что было истинно полезно. Его очень рѣдко можно было упрекнуть въ томъ чтобы онъ отринулъ безъ разсмотрѣнія какой либо проектъ; и это разсмотрѣніе не было продолжительно; ибо по врожденной своей смѣтливости, онъ тотчасъ соображалъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Въ первое время Консульства, работы ограничилились немногимъ: начали сломкою находившихся предъ Тюліери дрянныхъ лавочекъ, стѣснявшихъ дворъ чертоговъ; но когда 3 Нивоза, Наполеонъ, будучи недоволенъ Г-мъ Леконтомъ (*),

(*) Хотя я и не могу привести никакихъ доказательствъ, но твердо увѣренъ въ томъ, что Г. Леконтъ сдѣлался жертвою несправедливыхъ подозрѣній, подобныхъ тѣмъ, которыя тогда погубили столько невинныхъ жертвъ. Я долгомъ счелъ это здѣсь замѣтить, дабы его отрѣшеніе не истолковали какъ иибудь въ неблагопріятную сторону. Я не знаю Г. Леконта; мнѣ неизвѣстно живъ ли онъ еще; но я былъ бы въ отчаяніи сказавъ несправедливую вещь, способную повредить чьей либо чести.

Тюліерійскимъ Архитекторомъ, замѣнилъ его Г-ми Фонтеномъ и Персье, то онъ постигъ все что соединенные таланты двухъ, столь искусныхъ Архитекторовъ могли придумать и исполнить для украшенія Парижа, который онъ тогда еще не называлъ *моя столица*. Давъ много занятій своимъ Архитекторамъ, Первый Консулъ привелъ также въ большое движеніе работы по части Путей Сообщенія; ибо его непостижимая дѣятельность имѣло нѣчто сообщительное, одушевлявшее всѣхъ его окружающихъ и сильно побуждавшее людей, употребляемыхъ Правительствомъ.

Если большая часть памятниковъ и украшеній Парижа устроена по сбдуманнымъ планамъ людей съ талантами, то были изъ нихъ и такіе, которые обязаны своимъ существованіемъ одному только счастливому случаю. Я приведу тому примѣръ.

Не помню именно, въ какую эпоху, но однажды я стоялъ въ кабинетѣ Наполсона передъ окномъ, выходявшимъ въ Тюліерійскій садъ. Онъ только что вышелъ, и я воспользовался его отсутствіемъ для того, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ долговременнаго сидѣнья. Едва успѣлъ онъ выйти, какъ опять вошелъ для того, чтобы спросить у меня одну бумагу. «Что ты тутъ дѣлаешь, Буріеннъ,» сказалъ онъ; «бьюсь объ закладъ, что ты смотришь на про-

ходящихъ по террасѣ хорошенькихъ женщинъ.— Это со мною иногда бываетъ; но увѣряю васъ Генераль, что въ эту минуту я совсѣмъ не думалъ о томъ. Я смотрѣлъ на этотъ безобразный лѣвый берегъ Сены, который всегда кидается мнѣ въ глаза неимѣніемъ набережной, царствующею на немъ нечистотою, выступленіемъ воды, которое почти всякую зиму препятствуетъ сообщенію съ Сен-Жерменскимъ предмѣстіемъ, и я собирался вамъ объ этомъ поговорить.—Тогда, подошедъ къ окну, онъ взглянулъ въ него: «Правда твоя, что это очень гадко, и отвратительно видѣть какъ полощутъ грязное бѣлье передъ нашими окнами. Сядь и напиши: *Набережную Школы Плаванія окончатъ въ будущемъ году.* Пошли это къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.» Онъ вышелъ вонъ и набережная была отдѣлана въ слѣдующемъ году.

Бонапарте далъ свое имя этой набережной, на концахъ которой написали: *Набережная Бонапарте*; но ее продолжали называть по прежнему Орсейскою набережною, такъ-то трудно перемѣнять привычки. Мало по малу подмостки исчезли, на углу Бельшасской улицы воздвиглась казарма и наконецъ въ послѣдствіи былъ построень домъ для Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, который въ 1820 году показался мнѣ готовымъ развалиться, не будучи еще достроеннымъ.

Гг. Персье и Фонтенъ, коихъ имена неразлучны, представили Наполеону проэктъ касательно соединенія Лувра съ Тюліери. Бонапарте совершенно рѣшился привести оный въ исполненіе. Впервыхъ слѣдовало построить до Сен-Никезской улицы галерею, параллельную галереѣ, идущей вдоль берега и примыкающей къ Марсанскому павильону; а потомъ соединить обѣ галереи поперечною галереєю, которая скрыла бы непараллельность между фасадами Лувра и Тюліери. Такимъ образомъ относительная неправильность двухъ дворцевъ со стороны Тюліери совершенно бы исчезла и взорамъ представлялся бы огромный правильный четырехугольникъ. Всѣ стояція на этомъ пространствѣ зданія, долженствовали быть сломаны; а въ поперечной галереѣ предполагалось помѣстить архивы и библіотеку, которая называлась еще Національною въ эпоху утвержденія этого плана. Смѣта издержекъ простиралась до шестнадцати миліоновъ, что на архитектурскомъ языкѣ значило по крайней двадцать четыре миліона; это побудило сначала отложить исполненіе сего проэкта; а въ послѣдствіи Бонапарте совершенно отъ него отказался сказавъ: «Конечно правда, что эта неправильность бросается въ глаза; но сообразивъ все хорошенько, должно признаться, что никакое зданіе, сколь бы оно ни было величественно, не за-

мѣнить собою обширной площади между Лувромъ и Тюліери.»

Много есть примѣровъ чрезмѣрной разницы, существующей между архитектурскою смѣтою и уплачиваемыми въ послѣдствіи счетами. Мы увидимъ что произошло относительно Сен-Клудскаго замка; но я прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Бонапарте сперва отказался отъ бывшаго увеселительнаго дворца Королевы, а потомъ его себѣ присвоилъ. Мальмезонъ казался приличнымъ загороднымъ домомъ до тѣхъ поръ, пока Бонапарте довольствовался въ Парижѣ покоями малаго Люксембурга; но эта Консульская дача сдѣлалась слишкомъ тѣсною въ сравненіи съ большими комнатами Тюліери. Жители Сен-Клу, будучи наущены, подали Законодательному Корпусу просьбу о назначеніи ихъ оставленнаго Замка для лѣтняго жилища Перваго Консула; просьба была представлена Правительству; тогда Бонапарте, не бывшій еще Консуломъ на всю жизнь, горделиво объявилъ, что пока онъ будетъ главою Правительства и черезъ годъ послѣ того, онъ не приметъ никакой національной награды; а черезъ нѣсколько времени послѣ того, мы поѣхали посмотрѣть дворецъ 18 Брюмера. Онъ очень понравился Наполеону, но все находилось тамъ въ наивеличайшемъ разстройствѣ; видно было, что Революція его постигла. Первый Консулъ

не хотѣлъ еще въ эту эпоху отягощать казну издержками для его личныхъ удобствъ и ужасался огромныхъ суммъ, которыя были потребны для того, чтобы сдѣлать Сен-Клу обитаемымъ. Ласкательство не находилось еще на той степени совершенства, до котораго оно въ послѣдствіи достигло; однакожь между его льстецами были имѣвшіе къ тому такое счастливое расположеніе, что одинъ изъ нихъ не посовѣстился сказать ему при мнѣ, что можно устроить для него Сен - Клу употребивъ на то *двадцать пять тысячъ франковъ*. Я не могъ смолчать, слыша такую нелѣпость и сказалъ Первому Консулу, что судя по совершенному разстройству этого замка, я ручаюсь, что издержка на исправленіе онаго будетъ свыше миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ. Бонапарте рѣшился приказать сдѣлать настоящую смѣту и она превысила три миліона. Сумма показалась ему нѣсколько огромною; однакожь рѣшась жить въ Сен-Клу, онъ приказалъ начать работы. Вскрѣзь замѣтили, что полы совершенно сгнили; надобно было все ломать, и какъ мы часто ѣздили смотрѣть работы, то однажды изъ нижняго этажа имѣли удовольствіе видѣть открытое небо. Издержки, не считая мебели, простерлись до шести миліоновъ; и вотъ что значать три миліона архитектора и *двадцать пять тысячъ франковъ* льстеца.

Когда Первый Консулъ вознамѣрился построить Мостъ Художествъ, то мы имѣли съ нимъ на этотъ счетъ продолжительный разговоръ; ибо мало было вещей, о которыхъ бы онъ говорилъ и слушалъ охотнѣе, какъ о новыхъ постройкахъ. Я замѣтилъ ему, что гораздо лучше было бы построить мостъ каменный. «Этого рода памятники,» сказала я, «имѣютъ главною цѣлью общественную пользу; они требуютъ прочности и величія; главное ихъ достоинство есть долговѣчность; я не постигаю, Генераль, отъ чего въ землѣ, изобилующей прекраснымъ камнемъ всякаго рода,—предпочитаютъ употребленіе чугуна.—Напиши къ Фонтену и Персье, и спроси, какъ они объ этомъ думаютъ.» Я написалъ и вотъ ихъ отвѣтъ:

«Вы сдѣлали намъ честь, спросивъ нашего мнѣнія на счетъ моста, предполагаемаго къ построенію чрезъ Сену между Лувромъ и Четьрю-Націями. Не безъ боязни осмѣливаемся мы отвѣтствовать на вопросъ, коего предметъ подалъ уже поводъ ко многимъ замѣчаніямъ.

«Мосты имѣютъ цѣлью общественную пользу и украшеніе городовъ.

«Мостъ, предполагаемый между Лувромъ и Четьрю-Націями, неоспоримо выполнить первое изъ этихъ условій; ибо ежедневное стеченіе людей, перѣзжающихъ чрезъ Сену на лодкахъ въ этомъ мѣстѣ, довольно показываетъ,

сколь это сообщеніе необходимо. Остается только разсуждать о мѣстѣ, для этого избранномъ.

«Мы не можемъ не увѣрить, не смотря на мнѣнія, помѣщенные въ нѣкоторыхъ журналахъ, что мѣсто, назначенное между мостами *Новымъ* и *Тюліерійскимъ*, кажется намъ самымъ приличнымъ; ибо по правиламъ изящнаго вкуса и здраваго смысла достовѣрно, что онъ долженъ быть построенъ на продолженіи линіи Лувра и Четырехъ-Націй. Онъ соединитъ удобнымъ образомъ два большія зданія и будетъ, чтобы ни говорили, легкимъ сообщеніемъ между двумя, прекрасѣйшими частями города.

«Но можетъ быть найдутъ, что второе изъ условій не совершенно выполнится ибо, относительно къ украшенію, городъ мало выиграетъ чрезъ постройку чугунаго моста, который долженъ быть очень узокъ, который уменьшитъ пространство прекраснаго канала, гдѣ часто даются праздники и который не будетъ соответствовать своею легкостью и протяженіемъ великолѣпію двухъ зданій между коими онъ воздвигнется.

«Мы однакожь думаемъ, что поелику выгоды предпріятій сего рода почти всегда пріобрѣтаются чрезъ пожертвованіе однимъ другимъ, то при разсужденіи о Луврскомъ мостѣ, достаточно будетъ опредѣлить, должно ли для очевидной пользы пожертвовать украшеніемъ.»

По полученіи этого отвѣта отъ Гг. Персье и Фонтена, мы опять разговорились о мостѣ, и я далъ замѣтить Первому Консулу, что мнѣніе двухъ человѣкъ, къ которымъ онъ имѣлъ справедливую довѣренность, не различествовало отъ моего. Онъ упрямо стоялъ на своемъ и такимъ образомъ была рѣшена постройка этой *игрушки*, которая соединяетъ Лувръ со зданіемъ Института. Но едва Мостъ Художествъ былъ воздвигнутъ, какъ Бонапарте нашелъ его скуднымъ и не соответствующимъ другимъ мостамъ, устроеннымъ выше и ниже енаго чрезъ Сену. Я знаю, что принявъ въ послѣдствіи мои мысли, при посѣщеніи однажды Лувра, остановясь предъ окномъ, изъ коего былъ виденъ Мостъ Художествъ, онъ сказалъ: «Тутъ нѣтъ никакого вида прочности; этотъ мостъ не заключаетъ въ себѣ ничего величественнаго; я понимаю что въ Англій, гдѣ камень рѣдокъ, употребляютъ чугунъ на своды большаго размѣра; но во Франціи, гдѣ всего въ волю!»

Я долженъ сказать, что я видѣлъ въ Гг. Фонтенѣ и Персье наилучшія способности къ украшенію Парижа. Самая строгая честность соединялась у нихъ съ талантами, всѣми признанными. Я больше имѣлъ сношеній съ Г. Фонтеномъ, чѣмъ съ Г. Персье потому что въ почетномъ соединеніи этихъ двухъ художниковъ; Г. Персье болѣе занимался въ кабинетѣ сочи-

неніємъ плановъ, а Г. Фонтенъ на работахъ, исполненіемъ оныхъ. Еслибъ онъ могъ содѣйствовать къ выполненію того, о чемъ я ежедневно просилъ Перваго Консула для украшеній Парижа, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы могъ быть нынче этотъ городъ! Но любовь къ войнѣ господствовала надъ любовью къ искусству и не оставляла довольно денегъ для памятниковъ; однакожъ Бонапарте, возвращаясь изъ арміи послѣ новыхъ побѣдъ и мира, всегда съ величайшимъ удовольствіемъ ѣздилъ осматривать работы, произведенныя во время его отсутствія.

Адская машина Э Нивоза, о которой я буду говорить ниже, подала какъ бы знакъ къ обширнымъ сломкамъ въ Тюліерійской части. Эта гнусная попытка доставила собою по крайней мѣрѣ хоть ту выгоду, что она содѣйствовала къ украшеніямъ Парижа; разсудили что гораздо приличнѣе будетъ Правительству скупить дома, поврежденные взрывомъ машины, и сломать ихъ чѣмъ позволить исправлять оныя. Вскорѣ послѣ сего щеголеватый Брионскій отель, стоявшій на Карусельной площади и всѣ прочія зданія, слишкомъ близкія къ Тюліери, исчезли; грязныя хоромы, построенныя Фельянами и Капуцинами, уступили мѣсто широкимъ улицамъ, прилегающимъ къ Тюліерійскому саду и служащимъ сообщеніемъ съ бульварами;

на Вандомской площади, лишенной статуи Лудовика Великаго, воздвиглась великолѣпная статуя, украшенная мѣдью, завоеванною у Австрійцевъ въ трехъ-мѣсячный походъ; цѣлыя мили набережныхъ, одѣвшихъ оба берега Сены, заключили въ себѣ воды и представили оплотъ ихъ гибельному разлитію; сгорѣвшій хлѣбный рынокъ былъ выстроенъ вновь изъ желѣза для безопасности отъ новаго пожара; мосты Аустерлицскій, Іенскій, Сен-Клудскій и Севрскій умножили сообщенія между двумя берегами Сены или обновили съ великолѣпнѣемъ тѣ, которыя уже прежде существовали. Старый Лувръ былъ оконченъ и Шпицъ Инвалидовъ явился въ воздухъ, блистая золотомъ подобно какъ въ царствованіе Великаго Короля. Надпись въ честь Лудовика XIV, была вновь помѣщена на триумфальной аркѣ Сен-Денисскаго бульвара и въ тоже время другія триумфальныя ворота, посвященныя Большой Арміи, возвысились въ исполинскомъ размѣрѣ противъ жилища Государя. Наконецъ зданіе Биржи, достойное торговли столицы, было предназначено для напоминовенія своими формами и пространствомъ, Аѳинскаго Парѳенона. Обо всемъ здѣсь написать не возможно; я привожу только воспоминанія, не имѣя притязанія писать исторію всѣхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ при различныхъ правленіяхъ Наполеона; могу только сказать,

что Бонапарте до такой степени любилъ все великое, что будучи однажды въ Луврѣ и глядя въ сторону Сен-Жермена Оксерскаго, онъ сдѣлалъ рукою выразительный знакъ и сказалъ: «Вотъ гдѣ я сдѣлаю Императорскую улицу. Она будетъ итти отсюда къ Тронной Заставѣ; я хочу, чтобъ она имѣла сто футовъ широты, чтобъ она была усажена деревьями, а по сторонамъ находились бы галереи. Императорская улица должна быть лучшею улицею въ мірѣ.»

Дворецъ Короля Римскаго, предполагаемый къ постройкѣ противъ Іенскаго моста и Марсоваго Поля, былъ бы нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ Парижа; а поему нѣсколькимъ чертогамъ слѣдовало служить оному соединеніемъ; они должныствовали воздвигнуться вдоль набережной и предназначались для того чтобы служить пышными жилищами Посланниковъ Государей, пока еще существовали бы въ Европѣ другіе Государи, кромѣ Наполеона. Храмъ Славы также не былъ оконченъ и если проектъ сего памятника, долженствовавшаго занять мѣсто Церкви Св. Магдалины, доказываетъ оную необходимую Наполеономъ потребность безпрестанно доставлять новыя побужденія своимъ солдатамъ; то и отрекшись отъ него, онъ равномерно доказалъ тѣмъ свою прозорливость. Возста-

новивъ вѣру во Франціи, и возвративъ прежнее назначеніе церкви Инвалиднаго Дома, превращенной на нѣкоторое время въ *Храмъ Марса*, — онъ понялъ что *Храмъ Славы* представить мысль язычества, несовмѣстную съ понятіями о вѣрѣ и нравами вѣка, что нѣтъ храма безъ Божества и нѣтъ Божества безъ Священнослужителей.

Воспоминаніе о прекрасномъ Каирскомъ *Некрополи* часто приходило на умъ Наполеону; онъ удивлялся этой обители смерти, коей населенію онъ не мало содѣйствовалъ и намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы устроить въ четырехъ главныхъ концахъ Парижа четыре огромныя кладбища и сдѣлать изъ нихъ столько же *Некрополисовъ* по образцу Каирскаго, обратившаго на себя его вниманіе.

Бонапарте хотѣлъ, чтобы въ Парижѣ всѣ новыя улицы имѣли сорокъ футъ широты съ тротуарами; однимъ словомъ ничто не казалось ему слишкомъ прекраснымъ, слишкомъ величественнымъ для украшенія столицы той земли, которую онъ хотѣлъ сдѣлать первою землею въ свѣтѣ. Это, послѣ войны, было первою потребностью его честолюбія; двѣ мысли сіи такъ сливались въ умѣ его, что побѣда не была для него оконченнымъ дѣломъ, если не существовало памятника, долженствовавшаго передать воспоминаніе объ оной потомству. Слава и всегда слава: вотъ чего онъ

желалъ для Франціи и для себя. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ, послѣ разсужденій о его великихъ замыслахъ: «Буріеннъ, для Франціи дѣлаю я все это! Все чего я хочу, все чего я желаю, цѣль всѣхъ моихъ трудовъ есть та что-бы имя мое неразрывно было связано съ именемъ Франціи!»

Парижъ не есть единственный городъ, даже самая Франція не есть единственное Государство, носящее слѣды страсти Наполеона къ великимъ или полезнымъ памятникамъ; въ Бельгій, въ Голландіи, въ Пиемонтѣ, въ Королевствѣ Италіи, вездѣ гдѣ были Императорскіе Дворцы, онъ повелѣвалъ производить великія вещи. Въ Туринѣ великолѣпный мостъ былъ устроенъ чрезъ рѣку По, вмѣсто стараго моста, пришедшаго въ ветхость.

Сколько вещей предпринятыхъ и исполненныхъ въ столь дѣятельное и въ столь краткое царствованіе! Сообщеніе было затруднительно между Метцомъ и Майенцомъ: тотчасъ великолѣпная дорога устроилась какъ бы чудомъ, въ прямой линіи, посреди непроходимыхъ болотъ, чрезъ огромные лѣса; горы тому препятствовали? ихъ прорывали; глубокіе овраги представляли препоны: ихъ засыпали; и вскорѣ одна изъ прекраснѣйшихъ дорогъ въ Европѣ была открыта для сообщенія. Онъ не хотѣлъ чтобы Природа противилась ему болѣе чѣмъ люди.

Однажды, ѣдучи въ Бельгію чрезъ Живе, онъ нашелъ поромъ сломаннымъ, что заставило его прождать нѣсколько минутъ на правомъ берегу Мааса въ Маломъ-Живе. Онъ находился только на ружейный выстрѣль отъ крѣпости Шарлемона, расположенной на лѣвомъ берегу; сильно раздосадованный этою задержкою, онъ продиктовалъ указъ.

«Построить мостъ на Маасѣ для соединенія «Малаго-Живе съ Большимъ-Живе и кончить «его въ слѣдующемъ году.»

Мостъ былъ воздвигнутъ въ опредѣленный срокъ и Франція обладаетъ теперь однимъ изъ прекраснѣйшихъ мостовъ, когда либо мною видѣнныхъ, потому что Наполеонъ прождалъ нѣсколько часовъ на берегу Мааса.

При огромныхъ работахъ Путей Сообщенія, Бонапарте особънно имѣлъ въ виду уничтоженіе препонъ и оплотовъ, поставленныхъ Природою на границахъ древней Франціи, дабы лучше соединить съ нею области, постепенно присовокупленныя имъ къ Имперіи. Такимъ образомъ дорога, гладкая какъ садовая алея, заняла въ Савоіи мѣсто опасныхъ крутизнь, на которыя слѣдовало взбираться въ Брамантскихъ лѣсахъ; такимъ образомъ переѣздъ чрезъ гору Сенисъ, на вершинѣ которой онъ построилъ казарму и хотѣлъ воздвигнуть городъ,—сдѣлался прогулкою почти во всѣ времена года; такимъ

образомъ Симплонъ принужденнымъ нашелся
преклонить чело предъ лопатою и киркою Фран-
цузскихъ Инженеровъ и Бонапарте могъ ска-
зать: *Нѣтъ больше Альпъ* гораздо основатель-
нѣе, чѣмъ Лудовикъ XIV говорилъ: *Нѣтъ боль-
ше Пиренеевъ!*

Г Л А В А IV.

Моя работа.—Распечатываемыя мною бумаги.—Топографическое отдѣленіе.—Списокъ назначеній.—Секретная переписка.—Отвѣтственность.—Рѣдкость выѣздовъ монаховъ со двора.—Содержаніе. — Возстановленіе народнаго просвѣщенія. — Французскій Пританей. — Бонапарте посвящаетъ его.—Вопросы и награды. — Три дипломатическіе воспитанника.—Міакцинскій.—Трагическое происшествіе.—Волохтеры *чижикки* и гивъ за шутку.—Советъ ученыхъ наградъ.—Искусныя ограниченія.—Тромше и Тарже. — Щедрость по расчету.—Лоншацъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консуль и тащовщикъ.

Другъ юности Наполеона, Секретарь Главнo-командующаго арміи Италіанской и Восточной и служащій при необыкновенномъ челоувѣкѣ, который въ немногіе годы возвысился изъ званія простаго Офицера на степень главы Правитель-

ства,—я перемѣнилъ мое положеніе вмѣстѣ съ Бонапарте. Я вмѣстѣ съ Генераломъ подвергался случайностямъ походной, странственной жизни и съ искренностью говорилъ то, что я видѣлъ и то, что я слышалъ. Таже искренность будетъ служить мнѣ руководителемъ на поприщѣ болѣе обширномъ, на которое насъ поставили обстоятельства. Я безъ хвастовства сказалъ, какую довѣренность имѣлъ ко мнѣ Бонапарте; я бы могъ къ тому прибавить и дружбу, имѣ мнѣ оказываемую. Еслибъ на этотъ счетъ и существовали какія либо сомнѣнія, плодъ постыднаго недоброжелательства, то они бы разсыпались при чтеніи наставленій, которыя Бонапарте продиктовалъ для меня Дюрюку. Вотъ эта бумага, которой я тщательно сберегъ подлинникъ.

РАБОТА БУРИЕННА.

«1. Гражданину Буріенну поручается распечатывать *все* бумаги на имя Перваго Консула, представляя ему оныя три раза въ день, а въ необходимыхъ случаяхъ немедленно.

«Ящикъ для входящихъ бумагъ долженъ находиться въ кабинетъ, гдѣ оныя и будутъ распечатываемы.

«Онъ будетъ разсматривать *все* бумаги второстепенной важности и писать данныя Первымъ Консуломъ на каждое письмо резолюціи.

«Время для представленія бумагъ назначает-

«ся: тогда какъ Первый Консулъ встаетъ; *въ одиннадцать часовъ* вечера и за четверть часа «до обѣда.

«2. Ему поручается надзоръ за топографическимъ и переводнымъ отдѣленіями, изъ коихъ въ послѣднемъ будетъ чиновникъ Нѣмецъ и «чиновникъ Англичанинъ. Ежедневно, въ опредѣленный для сего часъ, онъ будетъ представлять Первому Консулу журналы этихъ двухъ «земель со сдѣланнымъ имъ переводомъ кромѣ «Италіянскихъ журналовъ, въ коихъ будетъ «только отмѣчено то, что подлежитъ къ чтенію Перваго Консула.

«3. Онъ будетъ вести списки назначеній по «гражданскому управленію, одинъ по части судной, другой по внѣшнимъ мѣстамъ, а третій «по сборамъ и финансамъ, — въ которые онъ «станетъ вписывать имена всѣхъ лицъ, сообщенныхъ я ему Первымъ Консуломъ. Эти «списки должны быть писаны *его рукою*, дабы «никто не имѣлъ о нихъ свѣдѣнія.

«4. *Секретная* переписка и разныя донесенія *по надзору* будутъ непосредственно ему «адресованы и вручены лично Первому Консулу; равно какъ и получаемы имъ обратно «такъ чтобы никто не могъ имѣть о томъ свѣдѣнія.

«5. Сверхъ сего онъ долженъ имѣть вѣдомость о секретныхъ, чрезвычайныхъ издерж-

«кахъ и обо всемъ, къ тому относящемся. Онъ «будеть все это писать *своею рукою*, дабы никто «не могъ получить о томъ свѣдѣнiя.

«б. Ему поручается отправленіе всего, что «къ нему будетъ доставлено изъ работы граж- «данина Дюрока или изъ собственнаго кабинета Перваго Консула, располагая свои занятія «и дѣла такимъ образомъ, чтобы все продол- «жало оставаться въ тайнѣ.»

Парижъ. 15 Жерминаля VIII года.

«Первый Консулъ *БОНАПАРТЕ.*»

Изъ этихъ наставленій видно, что мнѣ поручалось; видно также какъ Бонапарте входилъ во всѣ подробности своего правленія и сколько онъ налагалъ на себя работы. Что касается до меня, то я иногда ужасался отвѣтственности, на мнѣ лежащей и офиціальная работа, порученная мнѣ вышесказанными наставленіями, не составляла еще всѣхъ моихъ занятій. Я принужденъ былъ писать съ диктовки Перваго Консула большую часть дня или разбирать написанное имъ самимъ, что всегда составляло самую тягостную часть моей обязанности. Я былъ такъ обремененъ дѣломъ, что почти никогда днемъ не выѣзжалъ; если мнѣ случалось обѣдать въ гостяхъ, то я пріѣзжалъ въ ту самую минуту какъ сѣли за столъ и принужденъ былъ уходить тотчасъ послѣ кофе. Никогда я не имѣлъ возможности провести гдѣ

нибудь вечеръ. Однажды въ мѣсяцъ, не чаще, я ѣздилъ безъ Бонапарте во Французскій Театръ, но и тутъ не могъ оставаться тамъ долѣе девяти часовъ, ибо въ это время мы опять принимались за работу. Корвизаръ, съ которымъ я былъ очень друженъ, безпрестанно твердилъ мнѣ что онъ страшится на счетъ моего здоровья; но усердіе мое превозмогало его предостереженія и не могу выразить сколько, въ это первое время пребыванія нашего въ Тюилери, я считалъ себя счастливымъ пользуюсь полною довѣренностью человѣка, на котораго были обращены взоры всей Европы. Эта довѣренность была такова, что никогда, ни при Генералѣ, ни при Консулѣ, ни при Императорѣ, я не имѣлъ опредѣленнаго содержанія; въ этомъ отношеніи мы были *товарищами* какъ въ школѣ; я бралъ изъ общей казны сколько мнѣ было нужно на мои расходы и ни разу не случалось, чтобы Бонапарте потребовалъ у меня отчета.

Бонапарте часто говорилъ мнѣ о желаніи своемъ возстановить народное просвѣщеніе, которому по его мнѣнію, не было дано хорошаго направленія Центральныя школы ему не нравились; но онъ не могъ не удивляться Политехнической школѣ, прекраснѣйшему учебному заведенію, когда либо основанному и которому онъ въ послѣдствіи повредилъ, давъ ему восн-

ное устройство. Одна только школа въ Парижѣ, сохранила преданія о старинномъ обученіи; это была Коллегія Лудовика Великаго, которую наименовали *Пританеель*. Первый Консуль потребовалъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ доклада объ этомъ заведеніи (*); онъ сдѣлалъ болѣе: онъ самъ посѣтилъ Пританей, заѣхавъ туда внезапно въ сопровожденіи Г. Лебрёна и Дюрока. Онъ пробылъ тамъ болѣе часа и вечеромъ заговорилъ объ немъ со мною съ сильнымъ участіемъ. «Знаешь ли, Буріеннъ», сказалъ онъ мнѣ, «что я представлялъ тамъ Профессора?— Вы Генералъ? — Да я, и притомъ не дурно отдѣлялся. Я спрашивалъ учениковъ математическаго класса; я еще довольно помню моего Безу для того чтобы задать нѣсколько задачъ на доскѣ. Я былъ въ классахъ, въ спальныхъ и въ столовой. Я отвѣдывалъ супъ ихъ и онъ право лучше того, который мы ѣли въ Бріеннѣ. Мнѣ должно не шутя заняться народнымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ школъ. Надобно дать муцдиръ воспитанникамъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо, а другихъ дурно одѣтыхъ; это не годится: въ школахъ особенно должно быть равенство. Эти молодые люди доставили мнѣ удовольствіе; я хочу имѣть списокъ именъ тѣхъ, которыхъ я спрашивалъ; я велѣлъ Дюроку составить мнѣ объ этомъ до-

(*) Смотри приложенія въ концѣ книги.

несеніе; я дамъ имъ награды; это принесетъ пользу и возбудитъ между юношами соревнованіе: надобно сажать для будущаго. Нѣсколькихъ изъ нихъ я помѣщу въ службу.»

Первый Консулъ не удовольствовался однимъ только намѣреніемъ; притомъ же Дюрокъ, очень расположенный къ молодежи, сколько могъ старался содѣйствовать его намѣреніямъ. Посоветовавшись съ начальникомъ Пританея, онъ прислалъ отъ имени Перваго Консула патенты на пансіоны изъ казны его по двѣсти франковъ, семи или осми отличнѣйшимъ ученикамъ и помѣстилъ трехъ въ Министерство Внѣшнихъ Сношеній съ названіемъ воспитанниковъ дипломатіи.

Учредителемъ этихъ воспитанниковъ дипломатіи былъ Талейранъ (*); искусный сей Министръ, обожаемый всѣми служившими у него подъ начальствомъ, представилъ Первому Консулу планъ учрежденія, способный къ прочному образованію дипломатическихъ чиновниковъ. Этотъ планъ былъ одобренъ и принятъ, но его оставили безъ вниманія, когда Г. Талейранъ вышелъ изъ Министерства. Я помню что онъ учредилъ счастливое различіе между чиномъ и мѣстомъ; такъ что дипломатическіе агенты, занимавшіе важныя мѣста, не оставались бы

(*) Смотри въ концѣ книги докладъ Г. Талейрана касательно образованія дипломатіи.

вдругъ безъ чина и безъ содержанія. Жалованье по чину, кромѣ того которое давалось при исполненіи должности, — было назначено: по 10,000 Франковъ для Посланниковъ; 6,000 для Полномочныхъ Министровъ; 2,400 для старшаго Секретаря Посольства; 1,000 для втораго Секретаря и наконецъ, 600 Франковъ для воспитанниковъ.

Сказанное мною о посѣщеніи Первымъ Консуломъ Пританея, напоминаетъ мнѣ случай, который былъ онаго послѣдствіемъ и въ которомъ обнаруживается вся гордость Польскаго характера. Между воспитанниками Пританея, былъ сынъ Генерала Міакцинскаго, убитаго въ бою подъ знаменами Республики. Этотъ молодой человекъ имѣлъ тогда лѣтъ семнадцать; вскорѣ вышедъ изъ школы, онъ вступилъ въ военную службу и присутствовалъ на смотру, который Бонапарте дѣлалъ на Саблонскомъ полѣ: его представили Первому Консулу, который сказалъ ему: «Я зналъ твоего отца, онъ былъ храбрый человекъ; веди себя какъ онъ; черезъ полгода ты будешь Офицеромъ.»—Полгода проходитъ; Міакцинскій пишетъ къ Первому Консулу дабы напомнить ему о его словѣ. Онъ ждетъ мѣсяць: нѣтъ отвѣта. Тогда Міакцинскій пишетъ Первому Консулу: «Вы приказали мнѣ быть достойнымъ отца моего: я исполнию это. Вы обѣщали что я черезъ полгода буду

Офицеромъ; съ тѣхъ поръ прошло уже семь мѣсяцевъ. Когда вы получите письмо мое, то я ужъ не буду существовать; не хочу служить такому Правительству, котораго Глава не держитъ своего слова.» Молодой Міакципскій слишкомъ вѣрно сдержалъ свое; отправивъ къ Первому Консулу письмо, онъ вошелъ въ свою горницу и застрѣлился изъ пистолета. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого плачевнаго происшествія, производство Міакцинскаго пришло въ Полкъ, ибо Наполеонъ не забылъ его. И такъ медленность дѣло-производства по Военному Департаменту причинила смерть этого мужественнаго юноши. Бонапарте былъ очень огорченъ и сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ: «Эти Поляки! . . . дышать честью! . . . Мой бѣдный Сулковскій! я увѣренъ что онъ тоже бы сдѣлалъ!»

Въ это первое время Консульства удивительно было видѣть усердіе, съ которымъ каждый старался способствовать дѣятельности Перваго Консула въ намѣреніяхъ его къ обществу преобразованію Франціи; все казалось одушевленнымъ новою жизнью и всѣ съ ревнованіемъ старались дѣлать добро. Можно было сказать, что Франція, особенно въ нравственномъ отношеніи, вовсе не походила на Францію при Директоріи; и однакожь не прошло еще пяти мѣсяцевъ съ 18 Брюмера. Бонапарте приказалъ составить записку для пред-

ставленія взорамъ Франціи и всей Европы столько улучшеній, свершенныхъ уже въ такое короткое время (*). Дѣйствительно все казалось содѣйствовало успѣху добрыхъ намѣреній Перваго Консула. Коровья осна, которая можетъ быть спасла столько же людей, сколько война ихъ погубила—была введена во Франціи Г-мъ Ланкуромъ; и Бонапартъ, тотчасъ оцѣнивъ надлежащимъ образомъ такое открытіе, всенародно одобрилъ оное. Въ то же время учреждался совѣтъ объ ученыхъ наградахъ и бывшихъ членовъ Конституціоннаго Собранія приглашали возвратиться во Францію. Для нихъ и для Роялистовъ Первый Консулъ призывалъ ихъ обратно; для Якобинцевъ же, имъ щадимыхъ, возвращеніе ихъ было подвержено ограниченіямъ. Дѣйствительно приглашеніе возвратиться во Францію сначала распространилось только на тѣхъ, которые подали голосъ за уничтоженіе дворянства. Онъ прекратилъ внесеніе въ списокъ эмигрантовъ и учредилъ Комиссію для разсмотрѣнія просьбъ ихъ о возвращеніи.

Съ начала Жерминаля мѣсяца занялись съ новою дѣятельностью преобразованіемъ Италіанской арміи. Присутствіе въ Парижѣ двухъ прекрасныхъ отрядовъ Консульской Гвардіи и столь свойственное молодежи желаніе щеголять въ блестящихъ мундирахъ, подстрекнули воин-

(*) Смотри эту записку въ концѣ книги.

ственный жаръ нѣкоторыхъ достаточныхъ юношей столицы. Первый Консуль, воспользовавшись этимъ расположеніемъ, основалъ волонтерный полкъ для резервной арміи, долженствовавшій стоять въ Дижонѣ. Онъ видѣлъ выгоды того, чтобы привязать къ своему дѣлу большое число семействъ и ввести въ оныя духъ арміи. Этому полку данъ былъ желтый мундиръ, почему въ нѣкоторыхъ Парижскихъ гостиницахъ, гдѣ еще старались обращать все въ насмѣшку,—этихъ новобранцевъ прозвали *чижиками*. Бонапарте, который не всегда любилъ шутки, очень за эту прогнѣвался и нѣсколько разъ изъявлялъ мнѣ свое неудовольствіе. Притомъ же, въ составъ этого полка, онъ съ удовольствіемъ видѣлъ первый опытъ привлеченныхъ солдатъ, — мысль, которую онъ всегда питалъ, какъ при учрежденіи жандармскихъ ординарцевъ въ Іенскій походъ, такъ и при образованіи Почетной Гвардіи, послѣ Московскаго бѣдствія.

Никакое дѣйствіе Бонапарте не было безъ причины; я помню что однажды онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, я еще ничего не смѣю сдѣлать противъ царубійцевъ; но покажу имъ, какихъ я объ нихъ мыслей. Завтра я займусь съ Абриаломъ учрежденіемъ апелляціоннаго суда; Тарже, Президентъ онаго, не хотѣлъ защищать Лудовика XVI; ну, знаешь ли кого я назначаю

на его мѣсто? . . . Тронше, который его защищалъ. Пусть они говорятъ что хотятъ, я на нихъ плюю . . . » II Тронше былъ назначенъ. Въ другой разъ, почти около того же времени, Первый Консуль, узнавъ о побѣгѣ Мака, сказалъ мнѣ: «Пусть Макъ отправляется куда ему угодно, я нисколько этого не боюсь. Но я думаю объ одномъ: съ нимъ содержались другіе Австрійскіе Офицеры; между ими есть Графъ Дитрихштейнъ, принадлежащій къ знатной фамиліи въ Вѣнѣ. Я хочу всею имъ возвратить свободу. При началѣ похода, это принесетъ пользу: увидать, что я ихъ не боюсь; и кто знаетъ; я можетъ быть чрезъ это приобрѣту себѣ тамъ приверженцевъ. Приказъ объ освобожденіи Австрійскихъ плѣнниковъ тотчасъ былъ посланъ. Такимъ-то образомъ, дѣла великодущія, равно какъ выборъ людей и дѣйствія строгости были у Наполеона слѣдствіемъ расчета, который всегда господствовалъ.

Эта способность и безпрестанное прилежаніе къ Государственнымъ дѣламъ, обнаруживались во всемъ. Выше упомянуто, сколько онъ радовался тому, что почти въ одно время уничтожилъ ужасное поминовеніе о Генварѣ мѣсяцѣ, и дозволилъ открыть вновь Оперные балы. Онъ сдѣлалъ подобное этому, поощривъ праздники въ Лоншанѣ, гулянья, забытыя со временъ Революціи; онъ въ тоже время позволилъ да-

вать въ Оперѣ духовные концерты. Такимъ образомъ, сохранивъ еще въ порядкѣ дѣлопроизводства наблюденіе Республиканскаго календаря, онъ мало по малу призывалъ прежнее счисленіе времени эпохами забавъ. Вторникъ на масленицѣ былъ ознаменованъ первымъ баломъ, а на страстной недѣлѣ учредились гулянья и концерты.

Упомянувъ объ Оперѣ, я вспомнилъ одинъ случай, очень позабавившій Перваго Консула. 15 Жерминаля было назначено для дебюта Вестрисова сына и дѣдъ долженствовали явиться на сценѣ для того, чтобы дополнить три поколѣнія танцовщиковъ. Объ этомъ заговорили у Г-жи Бонапарте, которая вознамѣрилась съѣздить въ это представленіе; съ другой стороны, Бонапарте обѣщала присутствовать въ тотъ же день въ засѣданіи Института. Я не имѣю нужды говорить, что Первый Консуль вовсе не обратилъ вниманія на это стеченіе обстоятельствъ; но однажды утромъ, читая ему журналы, я увидѣлъ, не помню въ какомъ-то листкѣ объявленіе, что дебютъ Вестрисова сына былъ сдѣланъ днемъ раньше для того, чтобы не произвестъ состязанія съ Первымъ Консуломъ, коего присутствіе въ Институтѣ должно было привлечь много народа. Онъ отъ чистаго сердца смѣялся этому разборчивому вниманію.

Г Л А В А V.

Дѣйствіе времени на событія.—Дневникъ Острова Св. Элены и истипа. — Неопытыя воспоминанія Наполеона. — Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте. — Женщины и Сеп-Жерменское предмѣстіе. — Предсказаніе Г-жи Вильнёвъ Г-жѣ Бонапарте.—Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣяцевъ. — Перемѣненное выраженіе.—Разговоръ въ Мальмезонѣ.—Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія.—Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбонахъ.—Женскіе толки.

Цѣна вещей часто измѣняется со временемъ. Есть событія, едва замѣчаемыя въ ту минуту какъ они свершатся, но которыя дѣлаются важными отъ другихъ происшествій, за ними послѣдовавшихъ. Это размышленіе естественнымъ образомъ представляется уму моему въ ту минуту, какъ я намѣреваюсь заняться сношеніями,

Которыя Лудовикъ XVIII пытался завести съ Первымъ Консуломъ. Это конечно не одна изъ менѣе занимательныхъ страницъ жизни Наполеона. До тѣхъ поръ пока Имперія имѣла глубокіе, прочныя корни, это былъ только любопытный анекдотъ; со времени счастливаго возстановленія Монархіи Бурбоновъ, вопросъ возведенія ихъ Наполеономъ на престолъ, сталъ болѣе важнымъ: этотъ вопросъ принадлежитъ исторіи, а потому слѣдуетъ изложить обстоятельства съ наибольшаю точностію.

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать новое замѣчаніе на Дневникъ Острова Св. Элены. Читатель легко себѣ представитъ, что я болѣе всякаго другаго принимаю въ этой книгѣ участія; она конечно возбудила во мнѣ многія воспоминанія; но я не всегда встрѣчалъ въ ней сущую истину.

И такъ я нашелъ въ этомъ Дневникѣ сказанное Наполеономъ о переговорахъ съ нимъ Лудовика XVIII и вынужденнымъ нахожусь привести изъ онаго нѣсколько строчекъ, относящихся къ этому обстоятельству, дабы потомъ замѣтить разницу, которую онъ представляютъ съ сохранными мною собственноручными бумагами.

Наполеонъ говоритъ на Островѣ Св. Элены, что онъ не думалъ о Принцахъ Бурбонскаго дома; это съ одной стороны справедливо: онъ

не думалъ о возведеніи ихъ на престолъ; но читатели изъ многихъ мѣстъ моихъ Записокъ видѣли, что онъ часто объ нихъ думалъ и что одно имя ихъ не разъ его пугало. Дневникъ прибавляетъ: «Письмо было вручено Первому Консулу Лебрёнемъ, получившимъ оное отъ Аббата Монтескїё, тайнаго агента Бурбоновъ въ Парижѣ. Это письмо, весьма тщательно написанное, сказано тамъ еще,—заключало въ себѣ слѣдующее:

«Вы слишкомъ медлите возвратить мнѣ престолъ мой. Должно опасаться, чтобы не пропустить благоприятнаго времени. Вы не можете составить счастія Франціи безъ меня, а я не могу ничего сдѣлать для Франціи безъ васъ. Почему поспѣшите и назначьте сами мѣста, которыя вы сочтете приличными для друзей вашихъ.»

Наполеонъ говорить, будто бы онъ отвѣчалъ:

«Я получилъ письмо Вашего Королевскаго Высочества. Я всегда принималъ живѣйшее участіе въ несчастіяхъ вашихъ и вашей фамиліи. Вамъ не должно помышлять о возвращеніи во Францію; вы не достигнете туда иначе какъ чрезъ сто тысячъ труновъ. Впрочемъ я всегда буду стараться дѣлать все, могущее облегчить вашу судьбину и заставить васъ забыть ваши несчастія.»

Смысль этихъ двухъ писемъ точенъ; въ нихъ

находишь почти тѣже мысли, какъ въ подлинникахъ; притомъ же не удивительно, что послѣ столь долгаго времени, Наполеонъ не могъ слово въ слово ихъ припомнить; но я счелъ, что въ дѣлѣ такого рода между двумя мужами, поставленными столь высоко, однимъ по его рожденію и уму, а другимъ по его генію,—не излишнее будетъ привести подлинный текстъ этой переписки, и любопытныя обстоятельства, къ оной относящіяся.

Вотъ какъ изъяснился Лудовикъ XVIII.

20 Февраля 1800.

«Какое бы ни было по видимому ихъ «поведеніе, а люди, подобныя вамъ, Милостивый «Государь, никогда не внушаютъ безпокойства. «Вы приняли важное мѣсто и я очень тому «радъ. Вамъ лучше всякаго другаго извѣстно «сколько нужно силы и могущества для то- «го, чтобы составить счастіе великаго Государ- «ства. Избавивъ Францію отъ ея собственныхъ «буйствъ, вы исполнили первое желаніе моего «сердца; возвратите ей Короля ея, и будущія «поколѣнія благословятъ вашу память. Вы всегда «будете слишкомъ необходимы Государству для «того, чтобы я могъ важными мѣстами запла- «тить долгъ моего предка и мой собственный.

ЛУДОВИКЪ.»

Первый Консулъ очень встревожился полу- чивъ это письмо, хоть онъ и всякой день об-

наруживалъ свое намѣреніе не имѣть дѣла съ Принцами; онъ размышлялъ отвѣчать ему или нѣтъ на это посланіе. Многочисленныя дѣла, тогда его занимавшія, согласовались съ его нерѣшимостью; и онъ не торопился отвѣчать. Я долженъ сказать, что Іозефина и Гортензія заклинали его дать Королю надежду, представляя ему что это его ни къ чему не обязываетъ и оставляетъ ему время увидѣть, не можетъ ли онъ въ послѣдствіи превзойти величіемъ своего поступка самого Монка. Убѣжденія были такъ сильны, что онъ говорилъ мнѣ: *«Эти женщины вздурились. Сен-Жерменское предместье кружитъ имъ головы. Они сдѣлали его ангеломъ хранителемъ роялистовъ; но это ничего, я на нихъ не сержусь.* Госпожа Бонапарте говорила мнѣ, что она уговаривала его къ этому поступку для того чтобы онъ самъ не вздумалъ сдѣлаться Королемъ, что всегда возбуждало въ ней предчувствіе бѣды, которое она не въ состояніи была изгнать изъ ума своего.

Ея воображеніе было поражено въ продолженіе отсутствія нашего въ Египетъ. Она всякому рассказывала о пророчествѣ, сдѣланномъ ею знаменитою въ свое время ворожеею, Г-жею Вильнѣвъ, которая жила въ Ланкрійской улицѣ. Многія Парижанки ѣздили къ ней ворожить: Іозефина также посѣтила ее

во время нахождения нашего въ Египтѣ. Вильнёвъ сказала ей: *Вы жена великаго Генерала, который еще больше возвысится. Онъ преплыветъ моря, его удаляющія, и вы нѣкогда займете первое мѣсто во Франціи. Но это будетъ ненадолго.*

Въ частыхъ разговорахъ Перваго Консула со мною, онъ съ удивительною прозорливостію рассуждалъ о предложеніи Лудовика XVIII и о послѣдствіяхъ онаго; но говорилъ однакоже: «Приверженцы Бурбоновъ очень ошибаются, если они воображаютъ, что я такой человекъ, который возьметъ на себя роль Монка.» Этимъ на тотъ разъ дѣло кончилось и письмо Короля осталось на столѣ. Въ этотъ промежутокъ Лудовикъ XVIII написалъ къ нему другое письмо безъ означенія года и числа, слѣдующаго содержанія:

«Давно уже, Генераль, вамъ должно быть извѣстно, что вы приобрѣли мое уваженіе. Если вы сомнѣваетесь въ моей признательности, то назначьте себѣ мѣсто, опредѣлите жребій друзей вашихъ. Что касается до моихъ правилъ—я Французъ. Милосердый по характеру, я буду таковымъ еще и по разсудку.

«Нѣтъ, побѣдитель при Лоди, при Кастиліоне, при Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта, не сможетъ предпочитать славу, тщетную знаменитость. Вы однакожъ теряете драгоценное

«время. Мы можемъ утвердить славу Франціи. Я говорю *мы*, потому что для сего я имѣю «нужду въ Бонапарте, а онъ не можетъ того «сдѣлать безъ меня.

«Генераль, Европа на васъ смотритъ, слава «васъ ожидаетъ и я нетерпѣливо желаю воз- «вратить миръ моему народу.

Подписано: *ЛУДОВИКЪ.*»

Первый Консуль еще нѣсколько времени оставилъ безъ отвѣта это письмо, столь исполненное благородства и величія. Наконецъ онъ рѣшился продиктовать мнѣ отвѣтъ; я принялъ смѣлость замѣтить ему, что письма Короля были собственноручныя и что по моему мнѣнію приличнѣе будетъ, если онъ самъ къ нему напишетъ.

Тогда онъ написалъ своею рукою слѣдующее письмо:

«Я получилъ, Милостивый Государь, письмо «ваше. Благодарю васъ за вѣжливости, въ ономъ «мнѣ сказанныя.

«Вы не должны желать возвращенія вашего «во Францію, ибо вамъ пришлось бы перейти «черезъ сто тысячъ труповъ.

«Пожертвуйте вашими выгодами спокойствію «и счастію Франціи. Исторія это оцѣнитъ.

«Я не нечувствителенъ къ несчастіямъ вашего семейства. Я съ удовольствіемъ буду со-

«дѣйствовать къ пріятности и спокойствію вашего убожища.

БОНАПАРТЕ.»

Показавъ мнѣ письмо свое, онъ спросилъ меня: «Какъ ты его находишь? хорошо ли оно?» Онъ никогда не сердился, если я показывалъ ему граматическую ошибку и въ этотъ разъ по сдѣланному мною замѣчанію, онъ вычеркнулъ нѣсколько словъ, написавъ какъ выше показано.

Это письмо, такимъ образомъ зачеркнутое и поправленное, не могло ужъ быть въ такомъ видѣ послано; онъ оставилъ его на столѣ со своею подписью.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, онъ написалъ другое письмо, совершенно подобное первому, измѣнивъ только окончаніе и поставя: *Я не чувствительнъ къ несчастіямъ вашего селіества и съ удовольствіемъ узнаю, что вы окружены всѣми, могущими содѣйствовать спокойствію вашего убожища.* Этими выраженіями онъ ни къ чему не обязывался, даже и на словахъ. Тутъ уже рѣчь шла не о томъ, чтобы ему содѣйствовать къ пріятности убожища. Каждый день, увеличивавшій его могущество и утверждавшій его положеніе, уменьшалъ по его мнѣнію, надежды Бурбоновъ и читатели замѣтятъ, что прошло семь мѣсяцевъ между первымъ письмомъ Короля и оконча-

тельнымъ отвѣтомъ Перваго Консула. Это письмо писано отъ 2 Вандеміера IX года (24 Сентября 1800) въ то самое время какъ открывался Люневильскій конгрессъ.

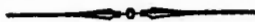
Черезъ нѣсколько дней по полученіи письма Лудовика XVIII, мы гуляли въ Мальмезонѣ, по любимой его алеѣ, отдаленной отъ его кабинета однимъ мостикомъ; онъ былъ въ всееломъ расположеніи духа, дѣла шли хорошо. «Говорила ли тебѣ опять о Бурбонахъ жена моя?» спросилъ онъ.—«Нѣтъ Генераль.—*Но когда ты съ нею объ этомъ толкуешь, то нѣсколько склоняешься на ея мнѣніе. Скажи мнѣ, для чего ты ихъ желаешь? Тебѣ нѣтъ никакой выгоды въ ихъ возвращеніи; тебѣ нечего ожидать отъ нихъ. Ты не столь знатнаго рода для того, чтобы получить важное мѣсто; ты при нихъ никогда ничѣмъ не будешь. Ты чрезъ покровительство Г-ни Шалбома былъ назначенъ Секретаремъ посольства въ Штутгардъ; но еслибъ не произошло никакой перемѣны, ты бы всю жизнь свою остался въ этомъ званіи или на другомъ невидимомъ мѣстѣ. Часто ли ты видалъ, чтобы люди возвышались по одному только своему достоинству? Все въ этой землѣ предоставлено происхожденію, знатному родству, богатству и проискаль. Разсмотри хорошенько вещи; взгляни на будущее съ большими размышленіемъ.—Генераль,*» отвѣчалъ я

ему, «въ одномъ я съ вами соглашаюсь. Я не получилъ при Бурбонахъ ни награды, ни мѣсты, ни милостей; и не имѣю тщеславія думать, что я когда либо достигъ бы важной должности. Но не забудьте, что мое назначеніе было сдѣлано лишь за нѣсколько дней до ниспроверженія трона; и я по совѣсти не могу заключить изъ того, что не произошло отъ причинъ, къ несчастію слишкомъ положительныхъ—о томъ, что въ противномъ случаѣ могло бы случиться. Впрочемъ увѣраю васъ, что совѣсьмъ не личное чувство меня одушевляетъ и заставляетъ говорить съ вами съ тою искренностью, которой вы отъ меня требовали. Не себя, а цѣлую Францію я принимаю въ соображеніе. Соглашаюсь предположить, что вы удержите власть до тѣхъ поръ, пока проживете; но у васъ нѣтъ дѣтей и почти достоверно, что вы не будете имѣть ихъ отъ Юзефины. Что мы станемъ дѣлать послѣ васъ? что съ нами будетъ? Вы говорите мнѣ о будущности! Взгляните на будущность этой прекрасной Франціи, призвавшей васъ для утвержденія своего спокойствія. Вы часто говорили мнѣ, что братья ваши не . . .» Онъ съ живостью прервалъ меня — «О, что касается до этого, ты правъ; если я не проживу тридцати лѣтъ для довершенія моего труда, то у васъ будутъ послѣ меня продолжительныя междоусобія; ибо братья мои не

годились бы для Франціи; ты знаешь каковы они. У васъ бы тогда возникла жестокая борьба между главными Генералами, изъ которыхъ каждый сочтетъ себя въ правѣ занять мое мѣсто.—Такъ для чего же Генераль вы не исцѣлите всѣхъ этихъ бѣдъ, вами предвидимыхъ? — Не ужели ты думаешь, что это меня не занимаетъ? Но взвѣсь хорошенько всѣ затрудненія того, что мнѣ предлагаютъ; какъ обеспечить столько пріобрѣтенныхъ правъ; столько существенныхъ послѣдствій противъ усилій фамиліи, воспріявшей власть и возвратившейся съ осмьюдесятью тысячами эмигрантовъ и съ вліяніемъ фанатизма? Что будетъ съ тѣми, которые подавали голоса на смерть Короля; съ людьми, которые обнаружили себя восторженниками Революціи? Національныя помѣстья, тма сдѣлокъ, произведенныхъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Возможно ли предвидѣть, до чего дойдетъ противодѣйствіе?— Генераль, я не стану напоминать вамъ, что Лудовикъ XVIII письмомъ своимъ ручается вамъ въ противномъ всего того, чего вы опасаетесь; ибо знаю, что вы могли бы отвѣчать мнѣ. Но развѣ вы не можете предложить такія условія, которыя вы сочтете приличными? Не отдавайте иначе какъ за эту цѣну того, что у васъ просятъ; нѣтъ нужды спѣшить. Промедлите три или четыре года; вы можете въ продолженіе этого време-

ни обеспечить счастье Франціи учрежденіями, сообразными съ ея нуждами. Я увѣренъ, что время и привычка дадутъ имъ силу, которую не легко будетъ уничтожить; и даже предположивъ, что на это бы покусились, не успѣютъ того сдѣлать. Вы сказали мнѣ однажды, будто бы васъ хотятъ заставить сыграть роль Монка: но это неправильно; ибо вамъ лучше меня извѣстна разница между Генераломъ, который сражается съ похитителемъ престола, и тѣмъ, котораго побѣда и миръ возвели на развалины ниспроверженнаго трона, который онъ добровольно отдаетъ фамиліи, столь долгое время его занимавшей. Вы вполнѣ увѣрены, что такъ называемая вами *идеологія* уже не явится; но послѣ васъ? — Я знаю все это лучше тебя; но все, что ты мнѣ говоришь, пустое. Повѣрь мнѣ мой милый, что Бурбоны вообразить себѣ, что они завоевали обратно свое наслѣдіе; и станутъ располагать имъ по своему произволу. Обязательства самыя священныя, обѣщанія самыя положительныя, исчезнутъ предъ силою. Глупо съ твоей стороны на нихъ полагаться. Я рѣшился; полно объ этомъ говорить; но мнѣ извѣстно, сколько эти женщины тебя мучаютъ. Старайся вывести ихъ изъ ослѣпленія и разсѣять ихъ странныя предчувствія. Пусть онѣ дадутъ мнѣ волю и вьжутъ чулки.» Женщины стали вязать; я пи-

самъ со словъ его; онъ сдѣлался Императоромъ;
Имперія ниспроверглась; онъ умеръ на островѣ
Св. Элены, а Бурбоны возвратились.

Г Л А В А VI.

Миръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предварительныя мѣры къ походу.—Булавочная война.—Удивительное предвидѣніе.—Генуа и Мелась.—Карно.—Военный Министръ.—Насмѣшливое письмо къ Бертье.—Веселость Перваго Консула.—Приглашеніе въ Тюліери Г-на Колло.—Колбанія и убѣжденія.—День пакаунъ отъѣзда.—Наставленія Луціану и Камбасересу.—Иосифъ Государственный Совѣтникъ.—Разговоръ въ дорогъ.—Сужденіе Наполеона объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкательства.

Старался объ учрежденіи мирныхъ сношеній съ Державами Европы—Первый Консулъ, въ концѣ Февраля 1800 года, рѣшился самъ напести великій ударъ въ Италіи. Пока Генуа продержится и Массена будетъ находиться въ ней, Бонапарте не отчаевался сойтиться съ Австрійцами на этихъ поляхъ, видѣвшихъ еще

менѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, чудеса его первыхъ успѣховъ. Онъ рѣшился собрать резервную армію въ Дижонъ (*). Тамъ гдѣ ничего не было, онъ создалъ все. Въ эти-то дни его юности, плодovitости его воображенія и силы его генія, самый злой врагъ его не могъ бы отказать ему въ удивленіи. Меня изумляли подробности, въ которыя онъ входилъ. Тогда какъ самыя важныя занятія наполняли всѣ его минуты, онъ отправилъ 24,000 франковъ въ монастырь Горы Сен-Бернарда для приготовленія съѣстныхъ припасовъ. Увидѣвъ что резервная его армія составляется и что все идетъ по его желанію, онъ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь ударить Меласу въ тылъ прежде, чѣмъ онъ провѣдаетъ, что я въ Италіи. Лишь бы Генуа еще подержалась; но Массена ее защищаетъ.»

17 Марта, находясь въ довольномъ и веселомъ расположеніи духа, онъ приказалъ мнѣ развернуть у него въ кабинетъ большую карту Италіи Шошара; онъ легъ на нея, помѣстивъ меня подлѣ себя. Послѣ сего онъ съ величайшимъ вниманіемъ началъ втыкать булавки, коихъ головки были облѣплены краснымъ и чернымъ воскомъ. Я смотрѣлъ на его работу съ глубочайшимъ безмолвіемъ ожидая, чѣмъ эта безобидная война кончится. Когда онъ разста-

(*) Смори въ концѣ книги ноту, вышедшую изъ кабинета Перваго Консула.

повилъ непріятельскіе корпуса и воткнулъ булавки съ красными головками въ тѣ мѣста, куда надѣялся провести свои войска, то сказалъ мнѣ: «Гдѣ ты думаешь, я разобью Меласа?—Чортъ меня побери, если я это знаю.— Ты простакъ; взгляни сюда: Меласъ теперь въ Александрію, гдѣ его главная квартира. Онъ пробудеть тамъ, пока Генуя не сдастся. Въ Александрію у него магазины, госпитали, артиллерія и резервы. Перенедь черезъ Альпы здѣсь (указывая на большой Сен-Бернаръ), я ударю на Меласа, пресеку его сообщенія съ Австрією и сойдусь съ нимъ здѣсь въ долинахъ Скривин.» (воткнувъ красную булавку въ Сан-Жуліано). Замѣтивъ, что я считаю всю эту булавочную войну однимъ только препровожденіемъ времени; онъ началъ называть меня своими обыкновенными именами, которыя онъ давалъ въ шутку тѣмъ, къ кому былъ расположенъ; а потомъ опять началъ свои очень ясныя демонстраціи на картѣ. Черезъ четверть часа мы встали, я сложилъ карту и больше объ этомъ не думалъ. Но когда, черезъ четыре мѣсяца послѣ того, я очутился въ Сан-Жуліано съ его портфелемъ и денешами, спасенными мною при пораженіи, которому мы ббльшую часть дня подвергались и когда въ тотъ же вечеръ я писалъ со словъ его, въ Торре-ди-Галифоло, находящемся отсюда за мило, — бюлетень о сраже-

ни, то я искренно сознался ему въ удивленіи моемъ къ его военнымъ соображеніямъ. Онъ самъ улыбадся вѣрности своихъ предвидѣній.

Первый Консулъ не былъ доволенъ управленіемъ Генерала Бертье Военнымъ Министерствомъ; онъ назначилъ вмѣсто его Карно, явившемъ сильнѣйшія доказательства твердости характера и праводушія; но котораго однако же Бонапарте не любилъ, потому что онъ былъ слишкомъ искренній Республиканецъ. При Бертье слабо исполнялись мѣры, ему предписанныя; онъ былъ слишкомъ сговорчивъ на уплату недоимокъ и на заключеніе торговъ. 2 Апрѣля 1800 года, Первый Консулъ назначилъ на его мѣсто Карно; а дабы утѣшить Бертье, который былъ способенъ въ полѣ, чѣмъ въ канцеляріяхъ, то онъ продиктовалъ мнѣ къ нему слѣдующее письмо:

Парижъ, 2 Апрѣля 1800.

«Восиные таланты, коимъ вы столько представили доказательствъ, Гражданинъ Генераль, ни довѣренность Правительства призываютъ васъ къ предводительству арміею. Вы въ продолженіе зимы *преобразовали* Военное Министерство; вы удовлетворили, сколько было возможно по обстоятельствамъ, нуждамъ нашихъ армій. Вамъ остается, весною и лѣтомъ вести нашихъ солдатъ къ побѣдѣ, дѣйствительному

«средству достигнуть мира и утвердить Республику.»

Бонапарте не могъ удержаться отъ смѣха, диктуя мнѣ это посланіе къ Бертье и совершенно расхохотался произнеся слово *преобразовали*.

Бертье, отправясь въ Дижонъ, началъ устроить эту знаменитую резервную армію, которая въ началѣ казалась ничѣмъ, а черезъ нѣсколько недѣль долженствовала однимъ сраженіемъ возвратитъ всю Италію подъ Французское владычество. Я помню, что Бертье прислалъ нарочнаго за формою для пуля. Кто бы могъ въ Дижонѣ угадать то, что произошло при Маренго?

Консульская Конституція не давала Первому Консулу права, за предѣлами Республики, предводительствовать арміею. А потому онъ не хотѣлъ объявить свой давнишній замыселъ отправиться къ принятію начальства надъ Италіанскою арміею, которую онъ тогда въ первый разъ назвалъ Большою Арміею. Я замѣтилъ ему, что по выбору Бертье всѣ догадаются, зная что онъ конечно избралъ бы кого нибудь другаго, еслибъ не имѣлъ намѣренія предводительствовать самъ лично. Мое замѣчаніе очень его позабавило.

Передъ отъѣздомъ, онъ велѣлъ пригласить къ себѣ Г. Колю, который вошелъ въ каби-

нетъ, гдѣ я находился: «Ну Колло,» сказалъ онъ ему, «я ѣду въ Италію. Дѣло идетъ о важномъ ударѣ. Походъ будетъ коротокъ; въ Италіи есть эхо для повторенія моего имени. Вы мнѣ нужны: я беру васъ съ собою.» Г. Колло представилъ Наполеону, что онъ не желаетъ принять на себя поставку для арміи, съ предводителемъ, въ оную назначеннымъ; что всѣ начнутъ грабить и что невозможно будетъ завести никакого порядка. «Вотъ еще! вѣдь это только для формы. Не ужели вы думаете, что я ввѣрилъ бы армію Бертье, еслибъ я не намѣревался самъ тамъ быть? Бертье не умѣетъ начальствовать, но отличнымъ образомъ приводитъ въ исполненіе мои приказы, и я привыкъ къ его распоряженіямъ. Вамъ непременно надобно ѣхать.» Г. Колло повидимому вовсе не имѣлъ охоты отправиться въ этотъ походъ; но чѣмъ болѣе онъ колебался, тѣмъ сильнѣе Бонапарте его унашивалъ и улащивалъ. Наконецъ положились, что Г. Колло поѣдетъ въ Италію въ такомъ только случаѣ, если Первый Консуль приметъ предводительство надъ арміею. Итакъ онъ туда пріѣхалъ; но тотчасъ по прибытіи его въ Италію, Бонапарте показалъ ему наивеличайшую холодность не взирая на всѣ услуги или лучше сказать по причинѣ услугъ, оказанныхъ ему Г-мъ Колло. Ему надобно было наказать его за то, что онъ при-

нудилъ его себя просить; и вообще я во многихъ случаяхъ замѣтилъ, какъ отличительную черту характера Наполеона, что онъ не терпѣлъ, чтобы ктонибудь съ нимъ ссорился; онъ былъ милъ, давалъ все, а потомъ оставлялъ ни при чемъ. Онъ совершенно походилъ на тѣхъ кокетокъ, которыя, какою бы то ни было цѣною, мирятся со своими любовниками, а на другой день запирають отъ нихъ двери для того, чтобы не считали, что онѣ ими оставлены.

Бонапарте назначилъ для нашего отъѣзда изъ Парижа 6 Маія или по тогдашнему календарю 16 Флорсала. Всѣ распоряженія были сдѣланы, всѣ приказы отданы; но онъ еще не хотѣлъ дать поводъ думать, что онъ ѣдетъ предводительствовать арміею. Наканунѣ, имѣя у себя двухъ другихъ Консуловъ и Министровъ, онъ сказалъ Луціану: «Приготовь къ завтрашнему утру циркуляръ къ Префектамъ; а Фуше прикажетъ напечатать его въ журналахъ:—скажи что я отправляюсь въ Дижонъ для осмотра резервной арміи; прибавь пожалуй, что я можетъ быть поѣду до Женевы, но увѣрь утвердительно, что я не пробуду въ отсутствіи долѣе двухъ недѣль.—Ты Камбасересъ, будешь председательствовать завтра въ Государственномъ Совѣтѣ; въ небытность мою ты глава Правительства; говори въ томъ же смыслѣ Со-

вѣту: скажи что отсутствіе мое будетъ кратко-
временно, не входя въ дальнѣйшія подро-
бно-сти. Объяви Государственному Совѣту мое пол-
ное удовольствіе; онъ уже оказалъ великія услу-
ги; я доволенъ, пусть онъ продолжаетъ. Ахъ!
позабылъ Объяви въ тоже время, что я
назначилъ Иосифа Государственнымъ Совѣтни-
комъ Еслибъ что либо случилось, то я
возвращусь быстрее молніи! Поручаю вамъ
всѣмъ блюсти выгоды Франціи и надѣюсь, что
скоро заговорятъ обо мнѣ въ Вѣнѣ и въ Лон-
донѣ.»

Мы отправились въ два часа утра по Бур-
гонской дорогѣ, по которой мы уже столько
разъ ѣздили совсѣмъ при иныхъ обстоятель-
ствахъ.

Бонапарте, при поѣздкахъ своихъ, много раз-
говаривалъ дорогою о войнахъ древности, осо-
бенно объ Александрѣ, о Цесарѣ, о Сципіонѣ и
объ Аннибалѣ. Въ словахъ его обнаруживалось
совершенное знаніе мѣстностей и обоюдныхъ
способовъ воссавниихъ сторонъ. Онъ тщательно
занимался изученіемъ древней и новой страте-
гій. Ничто въ великомъ искусствѣ войны, не
укрывалось отъ его генія.

На пути изъ Парижа въ Дижонъ и въ Швей-
царію, разговоръ нѣсколько разъ обращался къ
войнѣ. Это была тогда, какъ можно себѣ пред-
ставить, господствующая въ немъ мысль. Я

спросилъ у него: «Кого вы предпочитаете, Александра или Цесаря?—Я ставлю Александра на первую степень. Удивляюсь однако же прекрасному походу Цесаря въ Африкѣ. Но причина моего предпочтенія къ Царю Македонскому, основывается на соображеніи и въ особенности на исполненіи его кампаніи въ Азіи. Должно не имѣть ни малѣйшаго понятія о войнѣ, порицая этого Государя за то, что онъ провелъ семь мѣсяцевъ при осадѣ Тира. Я бы пробылъ тамъ семь лѣтъ, еслибъ было нужно. Объ этомъ много толкуютъ въ школахъ; но я считаю осаду Тира, завоеваніе Египта и поѣздку къ Аммонскому Оазису доказательствомъ генія этого великаго вождя. Онъ хотѣлъ дать Царю Персидскому,—кого онъ разбилъ, такъ сказать, только слабый передовой отрядъ въ Граникѣ и въ Песѣ,—время собрать все свои силы, дабы однимъ ударомъ ниспровергнуть этотъ великій колоссъ, имъ только потрясенный. Александръ, преслѣдуя Дарія въ его владѣніяхъ, тотчасъ бы удалился отъ своихъ подкрѣпленій, и встрѣтилъ бы только разсѣянные войска, которыя завлекли бы его въ степи, гдѣ бы погибла его армія. Настаивая во взятіи Тира, онъ обеспечивалъ свои сообщенія съ Греціею, этою землею, столь имъ любимую, для которой онъ все дѣлалъ, какъ я для Франціи, и въ славу коей онъ полагалъ свою собственную; а овладѣвъ

богатаго областью Египта, столь могущественнаго въ эту эпоху, онъ принуждалъ Дарія прійти для ея защиты или освобожденія и сдѣлать къ нему половину пути. Онъ съ выгодою для своихъ намѣреній поразилъ всегда восторженный умъ Египтянъ, заставивъ признать себя сыномъ Юпитера. Известно, сколько это ему послужило. И отъ того, хоть онъ и умеръ тридцати трехъ лѣтъ, а какое имя онъ послѣ себя оставилъ!

Хотя и совершенно чуждый благородному военному ремеслу, я по крайней мѣрѣ могъ безпрестанно удивляться замысламъ Наполеона, его воинскимъ соображеніямъ, его ученымъ замѣчаніямъ, его остроумнымъ сужденіямъ о великихъ полководцахъ минувшихъ и новыхъ временъ и его похваленіямъ ихъ безсмертныхъ походовъ. Это былъ онъ вполнѣ и я не могъ не сказать ему: «Генераль, вы всегда упрекаете меня въ томъ, что я не льстецъ, ну! право я вамъ удивляюсь.» И дѣйствительно я говорилъ правду.

Г Л А В А VII.

Внутреннія и вѣншія дѣла.—Конскрипты.—Увѣренность Перваго Консула въ своихъ солдатахъ.—*Моя* прекрасная Франція.—Бернардинскій монастырь.—Три дня скуки.—Переходъ черезъ гору Сен-Бернаръ.—Вопросы Наполеона своему проводнику.—Прибытіе въ Монастырь.—Раздача съѣстныхъ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора Альбаредо.—Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Бардь.—Ночлеги въ Ивре.—Счастливая отвага.—Смѣлость и геній.—Бонапарте и Мелась.—Дань въ Монтебелло.—Двойной шпионъ.—Полезныя свидѣнія.—Мнѣніе Бонапарте о Некерѣ.

Нечего таить, что если,—съ 18 Брюмера, до той эпохи, какъ Бонапарте выступилъ въ походъ,—во внутреннихъ дѣлахъ Франціи произошли безчисленныя улучшенія, то не съ такимъ же удовольствіемъ можно было обратить

взоры на вѣшнія дѣла. Италія была потеряна и съ самыхъ границъ Прованса виднѣлся дымъ Австрійскихъ биваковъ. Бонапарте зналъ затруднительность своего положенія, и именно по этой затруднительности, онъ скорѣе хотѣлъ изъ оной выйти, каковы бы ни были послѣдствія его дерзновеннаго предпріятія. Онъ не старался себя обманывать и часто повторялъ: «Надобно пуститься на все!»

Армія, которую Первый Консуль собирался атаковать, была многочисленна, искусна въ ратномъ дѣлѣ и побѣдоносна; онъ же, за исключеніемъ весьма немногаго числа людей, имѣлъ только конскриптовъ; но эти новобранцы были предводительствуемы вождями, съ пылкостью коихъ ничто не могло сравниться. Судьба Наполеона должнаствовала зависѣть отъ выигрыша или отъ потери сраженія; проигранная битва разсѣвала всѣ мечты его пылаго воображенія, а съ ними исчезали и всѣ обширные его замыслы для будущности Франціи. Онъ видѣлъ опасность, но не страшился оной, полагаясь на обыкновенное свое счастье и на преданность солдатъ своихъ. «Правда что у меня въ арміи много конскриптовъ,» говорилъ онъ; «но эти конскрипты Французы. Не прогналъ ли я четыре года тому назадъ со слабою арміею Сардинскія и Австрійскія полчища и не очистилъ ли я Италію? Мы и теперь сдѣлаемъ тоже.

Солнце, насъ освѣщающее есть тоже, которое озаряло насъ при Арколѣ и при Лоди. Я полагаюсь на Массену въ надеждѣ, что онъ удержится въ Генуѣ. Но если наконецъ голодъ принудитъ его сдать, то я возвращу Генуу въ долинахъ Скривіи. Ахъ! . . . съ какимъ удовольствіемъ я тогда опять увижу МОЮ прекрасную Францію.»

МОЮ прекрасную Францію! . . . Въ ту минуту, какъ случай, весьма возможный и даже вѣроятный, готовился навѣки у него ее похитить, онъ въ первый разъ заговорилъ объ ней, какъ о своей собственности; десять описательныхъ страницъ не сказали бы столько, какъ это притяжательное мѣстоименіе при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, для изображенія молній умоизступленія, пролетавшихъ въ головѣ Бонапарте, тогда какъ онъ предавался великимъ мечтамъ своимъ о славѣ и счастьи.

Въ этомъ-то блистательномъ расположеніи ума Первый консулъ прибылъ 20 Маія въ Мартиньи.

Мартиньи есть Бернардинскій монастырь, лежащій въ долинѣ, куда почти никогда не проникаютъ лучи солнца. Армія была на походѣ къ большому Сен-Бернару. Бонапарте три дня ждалъ въ этомъ печальномъ уединеніи и въ величайшей скукѣ, пока сдастся крѣпость Бардъ,

находившаяся за горою и прикрывавшая Иврейскую дорогу. Городъ былъ взятъ 21 Маія. На третій день онъ узналъ, что крѣпость еще держится и что ничто не предвѣщаетъ ея близкой сдачи. Онъ сильно побѣтовалъ на начальствующаго осадю и сказалъ мнѣ: *Я скусаю здѣсь въ монастырь, а эти глупцы вѣрно никогда не возьмутъ крѣпость Бардъ; я поѣду самъ посмотрѣть; они принуждаютъ меня заниматься такою дрянью. И тотчасъ приказалъ собираться въ путь.*

Вторженіе въ Италію чрезъ гору Сен-Бернаръ есть великая и прекрасная мысль, принадлежащая вполне Первому Консулу. Этотъ дивный переходъ былъ предметомъ справедливаго удивленія свѣта, между тѣмъ какъ невѣроятныя затрудненія, имъ представляемыя, не утратили отвагу солдатъ Наполеона. Генералы его, привыкшіе переносить усталость и пренебрегать всякими опасностями, едва замѣтили то, что этотъ замыселъ новаго Аннибала имѣлъ въ себѣ испанскаго. Страннопріемный домъ, построенный на вершинѣ долины Аостской и Мартиньи для поданія помощи заблудившимся путникамъ, достаточно обнаруживаетъ опасность, коей подвергаются люди, путешествующіе по этимъ горамъ, столь подверженнымъ бурямъ; но тутъ дѣло шло не о странникахъ, которые по одиначкѣ пробирались бы чрезъ Сен-Бер-

наръ, а о цѣлой арміи съ кавалерією, со обозомъ, съ зарядными ящиками и съ артиллерією: вотъ чему слѣдовало пройти по этимъ узкимъ тропинкамъ, по которымъ и пастухи ходятъ не иначе какъ съ величайшею осторожностію; съ одной стороны, нависшіе снѣги могли каждую минуту обрушиться и увлечь насъ съ собою въ пропасти; съ другой, оступиться — стоило жизни. Мы прошли всѣ и люди и лошади одинъ за однимъ по козьей тропинкѣ. Артиллерія была снята съ лафетовъ и пушки, положенныя въ выдолбленные ши, перетасцены на веревкахъ.

Я сказала уже, что Первый Консулъ послалъ деньги въ Страннопріемный домъ Большаго Сен-Бернара; добрые отцы закупили въ долинахъ, а особенно въ Швейцарской, большой запасъ сыру, хлѣба и вина. Передъ домомъ, между имъ и дорогою, были поставлены столы; и каждый солдатъ проходя, выпивалъ стаканъ вина, бралъ себѣ кусокъ хлѣба съ сыромъ и уступалъ мѣсто другому. Монахи подавали и приносили вновь запасы съ удивительнымъ усердіемъ.

Первый Консулъ взошелъ на Сен-Бернаръ съ тѣмъ спокойствіемъ, хладнокровіемъ и равнодушнымъ видомъ, которые никогда не оставляли его, если онъ чувствовалъ необходимость подать примѣръ своею собственною особою. Онъ разспрашивалъ своего проводника о двухъ

долинахъ, входилъ во всѣ подробности, освѣдомляясь, какіе способы къ существованію имѣли жители, съ кѣмъ они находились въ сношеніяхъ и такъ ли часто случались несчастія, какъ говорили. Проводникъ сообщилъ ему, что продолжительная привычка и столѣтній порядокъ случавшихся событій, такъ научили жителей предузнавать хорошую или дурную погоду и бури, что они рѣдко ошибались. Бонапарте былъ въ своемъ сѣромъ сертукѣ и шель держа въ рукѣ хлысть, нѣсколько печалась о томъ, что никто нейдетъ къ нему на встрѣчу изъ Аостской долины съ вѣстью о взятіи крѣпости Барда. Я ни на минуту не оставлялъ его при всходѣ и не взирая на чрезвычайную трудность дороги, мы не подверглись никакой личной опасности и отдѣлались только большою усталостью.

По прибытіи въ Страннопріемный домъ, Первый Консулъ вошелъ въ залу онаго; посѣтилъ часовню, три небольшія библіотеки и на шель время прочитать нѣсколько страницъ въ старой книгѣ, которой я не упомяну заглавія.

Неподалеку отъ этого дома возвышаются двѣ остроконечныя лдяныя скалы, около 80 футъ высотой. Монахи рассказывали намъ о смерти путешественниковъ, которые, не внимая ихъ предостереженіямъ, непременно хотѣли взобраться на вершину этихъ лдяныхъ скалъ и

оборвались оттуда не удержавшись на железных у рукъ и ногъ прищипкахъ.

Нашъ завтракъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обѣдъ былъ очень умѣренъ. Замѣтивъ, что небольшой садикъ покрытъ еще снѣгомъ, я сказала одному изъ монаховъ: «У васъ должно быть здѣсь очень мало овощей.—Мы все получаемъ изъ долинъ. Только въ Августѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе годы, вырастаетъ у насъ мелкій салатъ.» Площадка Большаго Сен-Бернара находится только въ 59 метрахъ ниже вѣчныхъ снѣговъ, которые на широтѣ сей горы таютъ только ниже 2,550 метровъ (*).

Достигнувъ до оконечности площадки, многіе изъ насъ съѣли на снѣгъ и скатились внизъ. Тѣ, которые были впереди, оказывали услугу слѣдовавшимъ за ними, ибо они сглаживали снѣгъ и пролагали дорогу. Этотъ быстрый скатъ очень насъ смѣшилъ; мы были останавливаемы только грязью, которая смѣняла растаявшій снѣгъ въ 5 или 600 туазахъ.

Мы перешли или лучше сказать перелѣзли черезъ гору Альбаредо для того, чтобы миновать крѣпость Бардъ, замыкающую Аостскую долину. Видя, что совершенно было невозможно перетаскать Артиллерию черезъ эту гору, такъ сказать неприступную, — рѣшились пере-

(*) Высота горы Сен-Бернара составляетъ 2491 метръ а горы Сениса 2,066 метровъ.

везти ее чрезъ городокъ Бардъ. Городъ не былъ укрѣпленъ. При наступленіи ночи, обернувъ колеса лафетовъ и зарядныхъ ящичковъ соломою и древесными вѣтвями, а также частью и ноги у лошадей, поспѣшно проѣхали чрезъ этотъ небольшой городокъ, находясь подъ самымъ огнемъ крѣпости; но она не довольно выдавалась надъ улицею для того, чтобы дома не могли защитить насъ отъ самаго губительнаго его дѣйствія. Большая часть арміи прошла до сдачи этой крѣпости, которая такъ господствуетъ надъ узкою долиною, ведущею въ Аостъ, что невозможно постигнуть небрежности и беспечности Австрійцевъ, которые, посредствомъ самыхъ простыхъ предосторожностей, могли бы сдѣлать бесполезнымъ переходъ чрезъ Сен-Бернаръ.

Мы прибыли 23 числа на видъ крѣпости Барда, которая господствуетъ надъ дорогою, сжатою между Доріа-Балте съ правой стороны и горою Альбаредо съ лѣвой. Доріа-Балте есть небольшой ручей, отдѣляющій городъ Бардъ отъ крѣпости. Бонапарте, коего свита была немногочисленна, переѣхалъ чрезъ этотъ ручей. Приблизясь на пушечный выстрѣлъ, онъ приказалъ всѣмъ ѣхать вскачь для достиженія на лѣвой сторонѣ небольшой тропинки, ведущей на вершину горы Альбаредо и обгибающейя вокругъ города и крѣпости Барда. По

этой тропинкѣ мы пѣше взобрались съ большимъ трудомъ. Достигнувъ до площадки, которая весьма въ близкомъ разстояніи превышаетъ крѣпость, Бонапарте приказалъ поставить свою зрительную трубу и скрывшись отъ выстрѣловъ осажденныхъ въ кустарникѣ, гдѣ его было не видно, разсмотрѣлъ крѣпость съ наивеличайшимъ вниманіемъ. Послѣ многихъ вопросовъ, сдѣланныхъ тѣмъ, которые явились къ нему съ донесеніями объ осадѣ крѣпости, онъ съ живостью и съ досадою объявилъ сдѣланныя ошибки, назначилъ съ тѣмъ вѣрнымъ взглядомъ, который столь рѣдко его обманывалъ, мѣсто для новой батареи, долженствовавшей дѣйствовать въ указанную имъ точку, и поручился что послѣ первыхъ выстрѣловъ крѣпость сдастся. Отдавъ эти приказанія, онъ тотчасъ спустился съ горы, оставилъ крѣпость за собою и отправился ночевать въ Пвре. 2 Іюня узналъ онъ что крѣпость наканунѣ сдалась.

Если переходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ долженъ занимать важное мѣсто въ лѣтописяхъ счастливой отваги, то нельзя довольно надивиться соображенію онаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и счастію Перваго Консула, которое ослѣпило его непріятелей. Смѣлая попытка его не была предвидѣна, а потому никакой Австрійскій отрядъ не защищалъ пути къ крѣпости Барду. Во всей этой сторонѣ совершенно не было

войскъ и мы едва встрѣтили нѣсколько слабыхъ отрядовъ, не могшихъ остановить походъ нашъ къ Милану. Бонапарте умѣлъ избрать слабую точку, изумить, ошеломить своего непріятеля, который за лучшее счелъ итти въ обратный путь и отказаться отъ вторженія своего во Францію. При такихъ-то обстоятельствахъ смѣлость на войнѣ есть истинное внушеніе генія. Но этотъ смѣлый геній, одушевлявшій Наполеона, не одушевилъ Меласа, предводительствовавшего Австрійскою арміею. Еслибъ Меласъ имѣлъ твердость, которую должно предполагать въ Главнокомандующемъ, еслибъ онъ сообразилъ обоюдное положеніе обѣихъ сторонъ; еслибъ онъ помыслилъ что ему уже было поздно возвращаться на свою операціонную линію и возстановлять свои сообщенія съ наследственными областями; что онъ владѣлъ *ослыми* крѣпостями Италіи; что ему нечего было опасаться Мелены и что Сюзетъ не могъ сдѣлать ему сопротивленія; еслибъ тогда, взявъ себѣ въ примѣръ Бонапарте, онъ такъ сказать, сжегъ свои корабли и двинулся бы къ Лиону, то чтобы сталъ дѣлать Первый Консулъ? Меласъ встрѣтилъ бы мало сопротивленія и нашелъ бы города почти повсюду открытыми, между тѣмъ какъ Французская армія убывала бы сама собою не имѣя непріятеля, съ которымъ бы могла сразиться. Вотъ безъ сомнѣнія что сдѣлалъ бы Бонапарте, еслибъ онъ онъ былъ Меласъ.

ласомъ; но къ счастью для насъ, Меласъ не былъ Наполеономъ.

Мы прибыли въ Миланъ 2 числа, въ тотъ самый день, когда, какъ выше сказано, Первый Консуль узналъ о взятіи крѣпости Барда. Вступленію нашему въ столицу Ломбардіи мало противились и едва можно назвать сраженіями нѣсколько аванпостныхъ дѣлъ, коихъ успѣхъ ни на минуту не подлежалъ сомнѣнію. Миланская крѣпость была тотчасъ обложена; Мюрать посланъ въ Пиаченцу, которою онъ безпрепятственно овладѣлъ; а Ланнъ разбилъ Генерала Отта при Монтебелло. Онъ вовсе еще тогда не думалъ что этимъ подвигомъ онъ завоевалъ тогда себѣ будущее Герцогство.

Первый Консуль провелъ шесть дней въ Миланѣ. На другой день ему доложили о шпионѣ, который очень хорошо служилъ намъ въ первыя, удивительныя Италіянскія кампаніи. Первый Консуль вспомнилъ объ немъ и приказалъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ. *«Какъ! ты еще не разстрѣлянъ?»*—Генераль,» отвѣчалъ ему шпионъ, «когда война возобновилась, то я рѣшился служить Австрійцамъ потому что вы были далеко отъ Европы; я придерживаюсь къ тому кто счастливѣе и всегда находилъ это выгоднымъ; но мнѣ наскучило ремесло мое: хочу его покинуть и устроить себѣ небольшое состояніе для того чтобы жить покойно. При-

сланный въ вашу армію Генераломъ Меласомъ, я могу оказать вамъ большую услугу. Я доставлю вамъ вѣрный списокъ всѣхъ Австрійскихъ корпусовъ, силы ихъ, расположенія и именъ ихъ начальниковъ. Я скажу вамъ, въ какомъ положеніи находится Александрія. Вы меня знаете, я имѣю къ вамъ довѣренность и не обману васъ. Но я долженъ привезти что нибудь моему Генералу. Вы довольно сильны для того чтобы сообщить мнѣ нѣсколько вѣрныхъ свѣдѣній, которыя я ему представляю. —Если только въ этомъ дѣло,» отвѣчалъ Первый Консуль, «то я мало забочусь о томъ, что узнаютъ мои силы и мою позицію, лишь бы я хорошо зналъ силы и позицію непріятеля и лишь бы ему не были извѣстны мои намѣренія. Ты будешь доволенъ, но не обманывай меня. Ты просишь у меня тысячу луйдоревъ и получишь ихъ, если хорошо мнѣ послужишь.» Тогда я написалъ со словъ этого шпиона названіе корпусовъ, силу ихъ, расположеніе и имена Генераловъ. Первый Консуль означилъ булавками на картѣ всѣ свѣдѣнія о мѣстности, сообщенныя ему шпиономъ. Этотъ послѣдній потомъ прибавилъ, что Александрія не снабжена продовольствіемъ и что Меласъ вовсе не ожидаетъ осады; что тамъ много больныхъ, что тамъ недостатокъ въ лекарствахъ и проч.—Дежурный Генералъ Бертъе получилъ

приказъ дать ему довольно близкую къ истинѣ записку о нашемъ положеніи. Свѣдѣнія, сообщенныя этимъ человѣкомъ, которымъ Бонапарте былъ очень доволенъ въ свои первые походы, оказались столь вѣрными и принесли ему такую пользу, что возвратясь изъ Маренго, онъ приказалъ мнѣ отсчитать ему условленную сумму. Шнісказаль ему, что Мелась былъ восхищенъ его онъ услугою въ этомъ случаѣ и хорошо наградилъ его. Онъ объявилъ намъ, что прощается со своимъ дурнымъ ремесломъ. Первый Консуль счелъ это небольшое обстоятельство одною изъ милостей своей фортуны.

Проездомъ чрезъ Женеву, Бонапарте имѣлъ свиданіе съ Г. Неккеромъ (*); не знаю почему а въ первую минуту онъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ. Однакожъ я очень любопытствовалъ узнать, что онъ думаетъ о человѣкѣ, который во Франціи пользовался столь великою славою. Однажды вечеромъ, когда мы толковали о разныхъ вещахъ, мнѣ удалось за-

(*) Госпожа Сталь кратко описываетъ это свиданіе Наполеона съ отцемъ ея. «Г. Неккеръ,» говоритъ она, «имѣлъ разговоръ съ Бонапарте при проѣздѣ его въ Италію чрезъ гору Сен-Бернаръ, за нѣсколько дней до Маренгскаго сраженія. Въ продолженіе этого разговора, протекшимаго два часа Первый Консуль сдѣлалъ на отца моего довольно пріятное впечатлѣніе довѣренностью, съ которою онъ говорилъ ему о своихъ будущихъ намѣреніяхъ.»

вести объ этомъ рѣчь. Онъ сказалъ мнѣ: «Г. Неккеръ показался мнѣ гораздо ниже своей славы и вовсе не отвѣчающимъ тому понятію, которое я себѣ объ немъ составилъ. Я много съ нимъ болталъ для того, чтобы заставить его разговориться; но онъ не сказалъ мнѣ ничего замѣчательнаго; это идеологъ, банкіръ; не возможно, чтобы такіе люди не имѣли ограниченныхъ видовъ; а притомъ всѣ знаменитые мужи теряютъ когда ихъ увидишь вблизи.—Невсегда, Генераль.» — А! замѣтилъ онъ мнѣ, разсмѣившись, «не дурно Буріеннъ; ты образовываешься; въ тебѣ будетъ толкъ!»

Г Л А В А VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата.—Перехватенная депеша.
—Ланпъ въ Монтебелю.—Слова Ланпа.—Письмо Дезе.—
Дезе назначенъ вмѣсто Буда. — Искренняя дружба Наполеона.—Холодность Перваго Консула къ Г. Колло.—Разговоръ и воспоминаія. — Легкомысліе Г-жи Бонапарте.—Рѣшимость разлучиться съ нею.—Приглашеніе къ завтраку.—Трудность прощенія.—Пріемный сыщъ Наполеона.—Слезы Гортензій.—Примиреніе.—Причина холодности Бонапарте.—Ложный доносъ.—Скромность.—Вѣрный расчетъ.—Маренго.—Проигранное сраженіе. — Сужденіе Дезе. — Гепераль Келлерманъ.—Удивительный натискъ. — Услуга, внутренно чувствуемая, но явно не признанная. — Почтъ-Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горестъ Перваго Консула.—Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ. — Суровыя условія.—Твердость Наполеона.—Возвращеніе въ Миланъ.—Адъютанты Дезе.

Приближался день, въ который все должно было быть потеряннымъ или пріобрѣтеннымъ. Первый Консулъ дѣлалъ всѣ распоряже-

ніа, и посылалъ различныя корпуса своей арміи для занятія точекъ, имъ назначенныхъ. Я сказалъ выше, что Мюрату было поручено занятіе Піаченцы; едва онъ занялъ этотъ городъ, какъ перехватилъ курьера отъ Генерала Меласа. Дешеша, адресованная Вѣнскому Военному Совѣту, дошла до насъ 8 Іюня ночью. Въ ней было объявлено о сдачѣ Генуи 4 числа, послѣ защиты столь долговременной, столь достопамятной и дѣлающей такую честь Массенѣ; Меласъ говорилъ въ этой дешешѣ о нашей знаменитой резервной арміи съ непостижимымъ пренебреженіемъ, а о присутствіи Наполеона въ Італіи какъ о сказкѣ; онъ доносилъ, что Бонапарте находится въ Парижѣ. Нельзя было далѣе простерть мечты и ослѣпленіе. Курьеръ Мюрата пріѣхалъ послѣ трехъ часовъ утра. Я тотчасъ перевелъ дешешу, написанную по Нѣмецки и этотъ самый переводъ былъ обнародованъ. Около четырехъ часовъ утра я вошелъ къ Первому Консулу, котораго я принужденъ былъ слегка толкнуть рукою, дабы разбудить его. Онъ всегда приказывалъ мнѣ, какъ выше упомянуто, будить его для дурныхъ извѣстій, но давать ему спать, если получатся хорошія. Я прочиталъ ему дешешу: сначала, онъ такъ удивился этой неожиданной вѣсти, что сказалъ мнѣ: — *Видно что ты не знаешь по Нѣмецки.* Но сказавъ эту шутку, онъ тотчасъ всталъ и въ

восемь часовъ всѣ приказанія для отвращенія послѣдствій, могущихъ произойти отъ этого неожиданнаго событія,—и для предупрежденія похода войскъ къ Скривіи,—были уже отправлены. Онъ въ тотъ же день самъ отправился въ Страделлу.

Я читалъ во многихъ сочиненіяхъ, будто бы самъ Первый Консулъ лично выигралъ Монтебелское сраженіе. Это ошибка. Читатели видѣли, что Бонапарте выѣхалъ изъ Милана не прежде какъ 9 Іюня, а въ этотъ самый день, Ланнъ уже сражался съ непріятелемъ. Главная квартира была учреждена въ Страделль, гдѣ она находилась до 12 Іюня. Уже 13 числа походомъ къ Скривіи, Первый Консулъ прошелъ чрезъ Монтебелло и увидѣлъ поле сраженія. Церкви были еще наполнены ранеными и слѣды смерти, повсюду представлявшіеся, довольно доказывали, сколько эта кровавая побѣда была оспориваема. Вся слава этого дня принадлежитъ Генералу Ланну. Онъ тутъ приобрѣлъ себѣ титулъ, который онъ въ послѣдствіи носилъ съ такимъ равнодушіемъ и съ такою честью. Герцогство Монтебелло, присвоенное не землѣ а храбрости и чести,—вѣчно будетъ существовать въ исторіи. Битва такъ была ужасна, что Ланнъ, разговаривая при мнѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ того съ Г. Коло, сказалъ ему слѣдующія слова, вѣзавшіяся у

меня въ памяти: «Кости такъ трещали въ моей дивизіи какъ градъ, бьющій въ стекла.»

По одному изъ дѣйствій случая, часто столь странныхъ, Дезе, долженствовавшій споспѣшествовать къ одержанію побѣды и остановить Маренгское пораженіе, прибылъ изъ Египта въ Тулонъ, въ тотъ самый день, какъ мы выѣхали изъ Парижа. Онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Тулонъ, 16 Флореала VIII года (6 Маія 1800).

«Я прибылъ изъ Египта, любезный Буріеннъ, «и не стану описывать тебѣ удовольствія, которое я ощутилъ, вышедъ на берегъ. Ты самъ испыталъ его и знаешь его лучше меня. Я «въ радости, семейство мое осчастливлено поспеченіями Генерала Бонапарте, а ты какъ я «надѣюсь въ Парижѣ, наслаждаешься столь желанною тобою *спокойною жизнью*. Принимаю «смѣлость, любезный Буріеннъ, просить у тебя «небольшой услуги, состоящей въ томъ, чтобы «предупредить, находящееся въ Парижѣ мое семейство, въ случаѣ еслибъ ты узналъ, что я «долженъ буду туда отправиться; ты меня крайне «не обяжешь. Записку свою адресуй на имя «гражданки Ле Норманъ въ Пелетіерской улицѣ No. 4 на Италіянскомъ бульварѣ. Я ничего «столько не желаю, какъ сколько можно скорѣе отправиться въ походъ. Но еслибъ Генералу было угодно, чтобы я пріѣхалъ въ сто-

«лицу, то я готовъ повиноваться, и для меня очень важно, какъ я тебя о томъ прошу, чтобы родственники мои были на счетъ «сего предупреждены. Тысячу разъ прошу извиненія въ томъ, что я тебя затрудняю, но «мнѣ известна твоя ко мнѣ дружба и я не «страшусь употребить ее во зло. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Г-жѣ Буріеннѣ. Папомни «обо мнѣ Дюроку и всеѣмъ товарищамъ.

ДЕЗЕ.»

Выше сказано, что мы оставили Парижъ въ въ тотъ самый день, какъ Генераль Дезе писалъ ко мнѣ изъ Тулона. Я получилъ письмо его въ Мартины и показалъ оное Первому Консулу. — *Какъ бы не въ Парижъ!* сказалъ онъ, и къ нему тотчасъ былъ отправленъ приказъ: безъ замедленія явиться въ главную квартиру Италіанской арміи, туда, гдѣ она будетъ. Дезе прибылъ въ Страделлу 11 Юня утромъ. Первый Консулъ принялъ его съ самымъ искреннимъ дружескимъ, какъ челоуѣка, къ которому онъ имѣлъ величайшее уваженіе и котораго таланты и характеръ подали ему высокое мнѣніе о томъ, что онъ могъ нѣкогда сдѣлать. Бонапарте, ревновавшій къ другимъ Генераламъ, конхъ онъ страшился завистливаго честолюбія, никогда не питалъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго безпокойства къ Дезе. Столь же умѣренный, какъ способный; столь

же скромный, какъ свѣдущій; соединившій твердость съ кротостью,—Дезе доказывалъ своимъ поведеніемъ и рѣчами, что онъ любилъ славу только для нея самой и утверждаю, что всякое чувство власти и политическаго господства, было ему чуждо. Дружба Бонапарте къ нему, доходила до восторга. При этомъ первомъ свиданіи по пріѣздѣ изъ Тулона, онъ пробылъ запершись съ Первымъ Консуломъ болѣе трехъ часовъ. На другой же день послѣ его прибытія, приказомъ по арміи Дезе былъ назначенъ начальникомъ дивизіи Буде (*).

Я изъявилъ Генералу Бонапарте удивленіе мое о продолжительномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Дезе. — «Да,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «я долго съ нимъ пробылъ; но ты знаешь, что я чрезвычайно его уважаю. Тотчасъ по возвращеніи въ Парижъ, я сдѣлаю его Военнымъ Министромъ: онъ всегда будетъ по мнѣ первымъ; я бы сдѣлалъ его Княземъ еслибъ могъ; я нахожу въ немъ духъ древнихъ.» Дезе былъ убитъ черезъ два дня послѣ сего на тридцать третьемъ году своей жизни.

Читатель конечно не забылъ какъ убѣдительно Бонапарте упрашивалъ Г. Колло вхатъ

(*) Буде находился въ тѣсныхъ связяхъ съ Наполеономъ. Первый Консулъ конечно былъ огорченъ его смертью; однакожъ, при полученіи объ оной извѣстія, онъ сказалъ только: «Къмъ къ чорту, я замѣню теперь Буде!»

въ Италію и сколько онъ употребилъ ласки для того, чтобы преклонить его къ тому. Г. Колло туда прѣвхалъ и посѣтилъ Бонапарте въ Миланъ; этотъ послѣдній принялъ его холодно, хоть онъ тогда еще и не выигралъ Маренгской битвы, но наступила минута для того, чтобы выместить ему за употребленія съ нимъ въ Парижѣ просьбы. Г. Колло, какъ видѣли, находился съ Наполеономъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и оказалъ ему множество услугъ; изъ этихъ двухъ причинъ, одной уже было достаточно для возбужденія непріязни Наполеона, ибо онъ никогда не хотѣлъ сознаться въ томъ, что онъ кому нибудь обязанъ и не любилъ людей, слишкомъ посвященныхъ въ его семейныя тайны, которыя онъ наконецъ рѣшился скрывать.

На другой день послѣ того какъ Первый Консулъ сдѣлалъ столь холодный пріемъ Г-ну Колло, я имѣлъ случай долго разговаривать съ этимъ послѣднимъ, пока Бонапарте ѣздилъ осматривать стоявшія въ Миланѣ войска. Онъ ни на минуту не ошибся на счетъ причинъ этой необычайной холодности; ибо Г. Колло былъ человекъ, знавшій, послѣ меня, лучше всякаго другаго Генерала Бонапарте, съ первой Италианской кампаніи до оказаннаго ему пренебреженія въ эпоху Консульскаго похода. Я изложу здѣсь сказанное мнѣ Г-мъ Колло, кося въ слѣдую-

щей Главѣ приведу другой разговоръ, не менѣе любопытный, но болѣе важнаго содержанія.

За нѣсколько времени до учрежденія Консульства, т. е. черезъ два или черезъ три дня по возвращеніи нашемъ изъ Египта,—Бонапарте, въ минуту сильной ревности своей къ Юзефинѣ, говорилъ Г-ну Колло о женѣ своей, о ея легкомысленныхъ поступкахъ и о гласности оныхъ: «Ничего не будетъ болѣе общаго между мною и ею,» сказалъ Бонапарте.—«Какъ, вы хотите съ нею разстаться?—Развѣ она этого не заслужила?—Не знаю; но время ли теперь этимъ заниматься. Подумайте о Франціи. Она устремляетъ на васъ взоры, ожидая, что вы посвятите всѣ свои минуты ея благоденствію; если она замѣтитъ, что вы тревожитесь семейными ссорами, то ваше величіе исчезнетъ и вы будете въ глазахъ ея только Молиеровымъ мужемъ. Оставьте теперь вины вашей супруги. Если вы ею недовольны, то вы отоплете се отъ себя тогда, какъ у васъ не будетъ другаго дѣла; но начните возстановленіемъ Государства. Послѣ вы найдете тысячу причинъ для оправданія вашего негодованія; теперь Франція не уважитъ ни одной и вы слишкомъ хорошо знаете наши нравы для того чтобы не почувствовать, сколь для васъ важно въ самомъ началѣ не показаться страннымъ.»

Бонапарте довольно долго далъ Г-ну Колло волю говорить и этотъ послѣдній думалъ уже, что онъ произвелъ на него нѣкоторое впечатлѣніе, какъ вдругъ Генеральъ вскричалъ: «Нѣтъ! рѣшено; она не ступитъ больше ногой ко мнѣ въ домъ. Какое мнѣ дѣло до того что объ этомъ скажутъ. Поболтаютъ день или два, а на третій забудутъ; посреди скопляющихся событій что значить разводъ? Мой не будетъ даже замѣченъ. Жена моя поѣдетъ въ Мальмезонъ. Я останусь здѣсь. Публикѣ довольно все извѣстно для того чтобы не ошибиться на счетъ причинъ ея удаленія.»

Г. Колло тщетно старался склонить его къ умѣренности; Бонапарте разсыпался въ упрекахъ и въ брани. «Такая запальчивость», сказалъ ему Г. Колло, «доказываетъ мнѣ, что вы все еще въ нея влюблены. Она пріѣдетъ, оправдается, вы простите ей и успокойтесь.—Я! чтобы я ей простилъ! никогда. . . . Вы славно меня знаете. . . . Еслибъ я не былъ увѣренъ въ себя, то вырвалъ бы это сердце и бросилъ бы его въ огонь.» При этихъ словахъ, почти задыхаясь отъ гнѣва, Наполеонъ схватилъ себя рукою за грудь какъ будто съ тѣмъ, чтобы растерзать ее.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого жестокаго припадка, Г. Колло удалился; но передъ уходомъ его, Бонапарте пригласилъ его на другой день къ себѣ завтракать.

Г. Колло явился въ десять часовъ и проходитъ черезъ дворъ узналъ, что Госпожа Бонапарте, которая какъ читатели видѣли, ѣздила на встрѣчу къ Генералу до Ліона не повстрѣчавъ его, воротилась ночью. Увидѣвъ Г. Колло, Бонапарте очень смутился; однакоже пошелъ къ нему на встрѣчу и провелъ его въ особую горницу не желая ввести его въ нашъ рабочій кабинетъ потому что я тогда тамъ находился. «И такъ», сказала Бонапарте Г. Колло, лишь только они вошли, «и такъ она здѣсь. — Тѣмъ лучше; вы для себя и для насъ очень хорошо сдѣлали. — Не думайте чтобы я простилъ! . . . Никогда въ жизни! . . . Я бы желалъ имѣть только сомнѣнія! . . . Я выгналъ ее когда она пріѣхала! . . . А этотъ глупецъ Іосифъ, тутъ находившійся! . . . Но чтожъ мнѣ дѣлать Колло? Когда она въ слезахъ сходила съ лѣстницы, то я увидѣлъ Евгенія и Гортензію, которые рыдая шли за нею. Мнѣ не даромъ дано сердце и я не могу видѣть равнодушно слёзы. Евгенийъ былъ со мною въ Египтѣ; я привыкъ считать его пріемнымъ моимъ сыномъ; онъ такъ храбръ и такой добрый молодой человекъ! Гортензія готовится вступить въ свѣтъ; всякой кто ее знаетъ, хорошо объ ней отзывается. Признаюсь Колло, я былъ сильно тронутъ; я не могъ выдержать рыданій этихъ двухъ бѣдныхъ дѣтей; я сказалъ самъ себѣ: не ужели они должны быть жерт-

вами вины ихъ матери; я оставилъ у себя Евгения; Гортензія воротилась съ матерью, я ничего не сказалъ. Да и что мнѣ было дѣлать? Человѣкъ не можетъ не быть слабымъ.—Вѣрьте, что они васъ за то вознаградятъ. — Они должны это сдѣлать, Колло, они должны, ибо мнѣ довольно это стоитъ.» Послѣ этого разговора, Бонапарте вышелъ и Г. Колло послѣдовалъ за нимъ въ столовую, гдѣ я находился и мы съ Г. Колло очень помнимъ, что Евгенийъ сѣлъ за столъ, но ни Гортензія, ни Иозефина не явились. Я рассказалъ выше, сколько я при этомъ случаѣ содѣйствовалъ къ примиренію и на другой же день полное согласіе возстановилось между побѣдителемъ Египта и прекрасною женщиною, побѣдившею Наполеона.

Таково было содержаніе разговора моего съ Г. Колло въ продолженіе пребыванія нашего въ Миланѣ до Маренгскаго дѣла; ниже увидятъ, что мы имѣли съ нимъ еще другой разговоръ въ томъ же городѣ послѣ новаго покоренія Италіи Французскимъ оружіемъ. Можетъ быть извинять, но по крайней мѣрѣ поймутъ чѣмъ именно эта короткость сношеній съ Г. Колло, имѣвшимъ независимое состояніе могла быть тягостна для Перваго Консула, хотя и занятаго тогда однѣми только мыслями о славѣ и честолюбіи.

Первый Консуль почеваль 15 числа въ Торре ди Галифоло. Онъ съ вечера приказаль отправить Офицера Генеральнаго Штаба для осмотра, есть ли у Австрійцевъ мостъ черезъ Бормиду. Я находился у него, когда очень поздно къ нему пришли съ донесснiемъ, что *моста нтъ*. Эта вѣсть успокоила Перваго Консула и онъ легъ спать очень довольный. Но когда на другой день рано утромъ раздалась пальба изъ пушекъ, и когда онъ узналъ что Австрійцы, вступивъ на долину, начали бой,—то онъ сильно вознегодовалъ за лживое донесснiе Офицера Генеральнаго Штаба, обвинивъ его въ трусости, и въ томъ что онъ не посмѣлъ довольно захватить впередъ; онъ даже хотѣлъ отдать его подъ судъ; успѣли однакоже успокоить Перваго Консула, и я изъ скромности умалчиваю теперь объ имени этого Офицера. Бонапарте, сѣвъ на лошадь, поспѣшно отправился къ мѣсту сраженія. Я увидѣлъ его не прежде шести часовъ вечера. По его приказанію я отправился въ Сан-Жуліано. Я сказалъ уже, что это была деревня, долженствовавшая по соображеніямъ его въ Мартъ мѣсяцъ, сдѣлаться мѣстомъ битвы: Сан-Жуліано былъ только въ двухъ миляхъ отъ точки гдѣ началось сраженіе. Послѣ полудня, я увидѣлъ проходившихъ чрезъ эту деревню множество раненыхъ и провожавшихъ ихъ солдатъ, а вскорѣ послѣ того и толпы бѣгущихъ. Въ

Сан-Жуліано говорили только объ отступленіи, которому одинъ лишь Бонапарте какъ сказывали съ твердостью противился. Мнѣ тогда посоветовали убираться изъ Сан-Жуліано, гдѣ я только что получилъ курьера на имя Главнокомандующаго. Еще 14 числа утромъ, Генераль Дезе былъ посланъ къ Нови для наблюденія дороги въ Генуу, которая къ несчастію, за нѣсколько дней предъ тѣмъ пала, не взирая на усилія ея знаменитаго защитника. Возвратясь съ этою дивизіею въ Сан-Жуліано, я былъ пораженъ малочисленностью отряда, шедшаго на помощь къ весьма слабой, разсѣянной арміи. Сраженіе считали проиграннымъ и оно дѣйствительно было въ такомъ положеніи, ибо на вопросъ Перваго Консула Генералу Дезе, какъ онъ думаетъ, этотъ добрый и храбрый воинъ отвѣчалъ безъ всякаго хвастовства: «Сраженіе совершенно проиграно; но еще только два часа и у насъ есть время сего дня же выиграть другое.» Первый Консулъ въ тотъ же вечеръ самъ пересказалъ мнѣ эти простыя, геройскія слова Дезе. Кто бы могъ подумать, что небольшая колонна и малое количество тяжелой кавалеріи Генерала Келлермана переменить къ пяти часамъ жребій этого дня? Ибо нельзя утаить, что мгновенное вдохновеніе Келлермана превратило поражение въ побѣду и рѣшило выигрывать Маренгской битвы.

Это достопамятное сраженіе, коего слѣдствія были неисчислимы, сдѣлалось предметомъ множества повѣствованій; Бонапарте три раза приказывалъ переписывать реляціи объ ономъ и я долженъ сказать, что ни въ одной изъ этихъ реляцій не находится столько истины, какъ въ Запискахъ Герцога Ровиго. Тутъ даже достойно примѣчанія, что Императоръ Наполеонъ наконецъ сдѣлался уже недовольнымъ тѣмъ, что велѣлъ сказать Первый Консулъ Бонапарте. Что касается до меня, то не имѣвъ чести носить шпаги, я не могу сказать что видѣлъ исполненіе того или того движенія; но могу изложить здѣсь какъ очевидецъ то, что было говорено вечеромъ послѣ Маренгской битвы о различныхъ случайностяхъ этого великаго дня. Касательно же роли, которую игралъ тутъ Первый Консулъ, то кажется характеръ его довольно уже выставленъ въ сихъ Запискахъ для того чтобы себѣ ее объяснить; онъ не хотѣлъ чтобы можно было приписать столь рѣшительную развязку какой либо другой причинѣ, кромѣ соображеній его генія; и этотъ геній показалъ себя въ столь многихъ случаяхъ столь полнымъ и столь обширнымъ, что не такъ хорошо зная его ненасытную жажду къ славѣ; я бы удивился какому то полу-неудовольствію, обнаруженному имъ къ причинѣ успѣха посреди самой радости объ этомъ успѣхѣ. Надобно при-

знаться, что онъ въ этомъ не походилъ на Журдана, на Гоша, на Клебера и на Моро, которые всегда оказывали готовность выставить заслуги людей, сражавшихся подъ ихъ предводительствомъ.

Едва прошло два часа съ минуты ухода изъ Сан-Жуліано дивизіи Дезе, какъ я былъ пріятно изумленъ возвращеніемъ съ торжествомъ той арміи, которая съ утра, столь сильно возбуждала мое безпокойство. Никогда еще Фортуна, въ такое краткое время, не показывалась въ двухъ видахъ, столь различныхъ; въ два часа это было отчаяніе пораженіе со всѣми его пагубными послѣдствіями; въ пять часовъ, это была побѣда, воспріявшая вѣрность къ Аркольскому знамени; это была Италія, однимъ ударомъ вновь завоеванная и корона Франціи въ виду.

На возвратномъ пути въ семь часовъ вечера съ Первымъ Консуломъ въ главную квартиру, онъ изъявилъ мнѣ свое живѣйшее сожалѣніе о потерѣ Дезе, и потомъ прибавилъ: «Этотъ маленькій Келлерманъ сдѣлалъ счастливый натискъ; онъ очень былъ кстати; ему много обязаны. Вотъ отъ чего иногда зависятъ дѣла!»

Изъ этихъ немногихъ словъ, сказанныхъ мнѣ Наполеономъ о Келлерманѣ, читатели видятъ, что онъ въ существѣ умѣлъ цѣнить услугу, имъ оказанную. Однакожь, когда этотъ Генераль

подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ окруженный многими Генералами и своими Офицерами Первый Консулъ, то этотъ послѣдній холодно сказалъ ему: «Вы сдѣлали довольно хорошій натискъ.» И въ противоположность этой холодности, Бонапарте, вдругъ обратясь къ Бессіеру, начальствовавшему Гвардейскими Конными Гренадерами, очень громко сказалъ ему: «Бессіеръ, Гвардія покрыла себя славою.» Между тѣмъ по всей справедливости должно сказать, что Гвардія не принимала участія въ натискѣ Келлермана, который могъ собрать только пять сотъ человѣкъ тяжелой кавалеріи. Эта-то горсть храбрыхъ врѣзалась въ Австрійскую колонну, опрокинувшую Дивизию Десе и отняла у нея шесть тысячъ плѣнныхъ. Гвардія пошла въ атаку при Маренго не прежде какъ при наступленіи ночи.

На другой день намъ сказывали, будто бы, въ первую минуту вспылчивости, Келлерманъ, вознегодовавъ за такое сухое поздравленіе, сказалъ Первому Консулу; «Я надѣлъ вамъ на голову корону!» Я самъ не слыхалъ этихъ словъ и не могъ узнать точно ли они были произнесены, ибо я не иначе могъ бы въ томъ удостовѣриться, какъ чрезъ самого Перваго Консула а напоминать ему о вспылчивости, долженствовавшей возбудить его неудовольствіе, было бы съ моей стороны сдѣлать вещь, для

него непріятную и слѣдовательно въ моемъ положеніи неумѣстную; но могу увѣрить въ томъ что эти слова, сказанныя или пѣтъ, а были написаны и что Бонапарте объ этомъ зналъ. Это было причиною нерасположенія его къ Генералу Келлерману, который не былъ сдѣланъ Дивизионнымъ Генераломъ на полѣ сраженія за важную услугу Маренгскаго натиска.

Г. Делафоре, Главный Инспекторъ Почтъ, *работалъ* иногда съ Первымъ Консуломъ; а известно что это значило, если Инспекторъ Почтъ *работалъ* съ Главою Правительства. Въ одно то изъ этихъ *трудолюбивыхъ* занятій, Первый Консулъ увидѣлъ письмо Келлермана къ Лазалю, въ которомъ онъ говорилъ ему: «Вѣришь ли, любезный другъ, что Бонапарте не сдѣлалъ меня Дивизионнымъ Генераломъ, меня который этимъ дѣломъ надѣлъ ему на голову корону!» Письмо, вновь запечатанное, было по принадлежности отослано; но Бонапарте никогда не забылъ его содержанія.

Какъ бы то ни было, доставилъ ли Генералъ Келлерманъ корону Франціи Первому Консулу или нѣтъ, а достоверно что вечеромъ Маренгскаго дня, онъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ, также какъ насъ и голодный Главный Штабъ, что было немаловажною услугою при той нуждѣ, которую мы во всемъ терпѣли. Мы за счастіе сочли воспользоваться предосторож-

ностью Келмермана, посылавшаго за съѣстными припасами въ одну изъ священныхъ обителей, которыя всегда хорошо снабжены и которыхъ очень пріятно встрѣчать на походѣ. Этотъ поборъ былъ сдѣланъ съ монастыря *дель Боско* и добрые отцы, въ награду за доставленные ими Начальнику тяжелой Кавалеріи съѣстные припасы и хорошее вино, были избавлены посредствомъ охранной стражи отъ грабежа и отъ несчастій, неразлучныхъ съ войною.

Послѣ ужина Бонапарте продиктовалъ мнѣ бюлетень сраженія.

Когда мы остались одни, то я сказала Первому Консулу: «Генераль, вотъ прекрасная побѣда! помните ли что вы мнѣ говорили, какъ вамъ будетъ пріятно увидѣть Парижъ послѣ важнаго удара, нанесеннаго въ Италиі? Вы должны быть довольны. — Да, Буріениъ, я доволенъ; но Дезе! . . . Ахъ, какъ бы этотъ день былъ прекрасенъ, еслибъ я вечеромъ могъ обнять его на полѣ битвы!» Я увидѣлъ Бонапарте готоваго прослезиться,—столь была истинна и сильна горестъ, причиненная ему смертью Дезе. Это конечно былъ человекъ, наиболѣе имъ любимый, наиболѣе уважаемый и о которомъ онъ наиболѣе жалѣлъ.

О смерти Дезе разсказывали различнымъ образомъ и не нужно говорить, что слова, вложенныя ему въ уста баснословнымъ бюлете-

немъ, были вымышлены (*). Онъ не умеръ на рукахъ своего Адьютанта Лебрёна, какъ я долженъ былъ написать со словъ Перваго Консула и не произнесъ прекрасной рѣчи, такимъ же образомъ, мною написанной. Вотъ истина или по крайней мѣрѣ то, что наиболѣе вѣроятно: смерть Дезе была не замѣчена въ ту минуту какъ его поразила пуля, прекратившая дни его. Онъ палъ не произнеся ни слова вподалеку отъ Лефебра-Денуетта. Сержантъ 9 бригады легкой пѣхоты, состоявшей подъ начальствомъ Барруа, увидѣвъ его распростертаго на землѣ, испросилъ у своего Начальника дозволеніе взять его плащъ; онъ былъ прострѣленъ на спинѣ и это обстоятельство возбуждаетъ сомнѣніе, былъ ли Дезе убитъ, находясь впереди чрезъ ошибку своихъ собственныхъ солдатъ или непріателемъ въ то время, какъ онъ оборотился къ своимъ для того, чтобы ихъ ободрить. Впрочемъ стычка, въ которой онъ палъ, была столь непродолжительна, безпорядокъ столь внезапенъ, перемѣна судьбы столь мгновенна, что неудивительно, если при такой суматохѣ, обстоятельства смерти его не могли быть повѣрены положительнымъ образомъ.

На другой день рано утромъ, Князь Лихтенштейнъ пріѣхалъ отъ Генерала Меласа для переговоровъ съ Первымъ Консуломъ. Требованія

(*) Смотри бюлетень въ концѣ книги.

этого Генерала не были приняты Наполеономъ; онъ объявилъ Князю, что армія, запертая въ Александріи, выйдетъ свободна и съ воинскими почестями, но на извѣстныхъ условіяхъ, по которымъ вся Италія возвращалась подъ владычество Франціи. Въ этотъ день были исправлены ошибки самаго неспособнаго челоука, Шерера, котораго нелѣпое бездѣйствіе всему сообщилось, и который, претерпѣвая безпрестанныя пораженія, бѣжалъ отъ Адриатическаго моря до горы Сениса. Князь Лихтенштейнъ испросилъ дозволеніе возвратиться къ своему начальнику для отданія ему отчета о своемъ порученіи. Пріѣхавъ обратно вечеромъ, онъ сдѣлалъ множество замѣчаній о суровости условій. «Милостивый Государь!» возразилъ съ очевидною досадою Первый Консуль, «отвезите послѣднюю мою волю вашему Генералу и пріѣзжайте скорѣе назадъ: она неизмѣнна. Помните, что я знаю вашу позицію столь же хорошо, какъ вы сами; я не со вчерашняго дня воюю. Вы блокированы въ Александріи, у васъ много раненыхъ и больныхъ, вы терпите недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ лекарствахъ. Я занимаю весь вашъ тылъ; вы потеряли убитыми и ранеными отборныхъ людей вашей арміи. Я бы могъ требовать болѣе и положеніе мое даетъ мнѣ къ тому право; но я умѣряю мои требованія изъ уваженія къ сѣ-

динамъ вашего Генерала, котораго я почитаю.» Этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ съ благородствомъ и съ силою. Князь на все согласился. Я проводилъ его и онъ сказалъ мнѣ: «Эти условія очень суровы, особенно касательно возвращенія Генуи, которая сдалась не болѣе двухъ недѣль тому назадъ послѣ столь долгой осады.» Это условіе было еще тѣмъ суровѣе, что Императоръ Австрійскій узналъ о возвращеніи Генуи въ одно время какъ о сдачѣ оной.

По возвращеніи въ Миланъ, Первый Консуль взялъ къ себѣ въ Адъютанты Савари и Раппа, потерявшихъ того, котораго они столь справедливо называли отцемъ своимъ. Сначала Первый Консуль не очень былъ расположенъ взять ихъ къ себѣ, отговариваясь тѣмъ, что у него уже довольно Адъютантовъ; но имя Дезе, сдѣланный имъ выборъ этихъ двухъ молодыхъ Офицеровъ и небольшое съ моей стороны ходатайство, устранили все препятствія. Оба они съ тѣхъ поръ служили ему до его послѣдняго политическаго часа съ усердіемъ и преданностью, никогда не измѣнявшимися. Въ запискахъ Герцога Ровиго я не нашелъ ни слова объ участіи моемъ въ этомъ опредѣленіи. Скажу вѣроятную причину отъ чего одинъ изъ двухъ бывшихъ Адъютантовъ Дезе пошелъ дальше, чѣмъ другой. Раппъ имѣлъ Альзасскую искренность, которая всегда ему вредила.

Г Л А В А IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консуламъ.—
Черта первенства.—Второе пребываніе въ Миланъ. — Бо-
напарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминанія
о Брюмеръ.—Истерчивность Наполеона въ Директоріи.—
Письмо Ренію де Сен-Жанъ д'Анжели. — Одряхляв-
шее Правительство.—Насмъ дома въ Сен-Клу.—Мои Ми-
ланскія замѣчанія.—Себастьяни и Жюбе. — Бонапарте и
Бототъ.—Вспышка.—Директорія и позоръ.—Вдохновитель-
ный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Лангъ.—Настой-
чивость Наполеона.—Сен-Клудская оражеря.—Благора-
зуміе представителей.—Шумное разогнаніе. — Возвращеніе
Салисетти.—Вечернее засѣданіе.—Представители и лакеи.—
Ужинъ въ Сен-Клу.—Гг. Талейранъ и Сомонвиль. — Сиссъ
и Рожеръ Дюко.—Фуше.—Причины холодности Перваго
Консула.

Какая бездѣлица и какъ мало времени нужно
иногда для перемѣны судьбы міра! 13 Іюня
мы оставили Миланъ; 14 Маренго; 15 Италия

была наша. Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій между Французскою и Австрійскою арміями было непосредственнымъ слѣдствіемъ одной битвы и въ силу договора, заключеннаго между Бертье и Меласомъ, мы вступили во все укрѣпленныя мѣста, нами прежде занимаемая за исключеніемъ Мантун (*). По подписаніи этого договора, Бонапарте отправилъ оный при слѣдующемъ письмѣ къ своимъ тоwarzysамъ, написанномъ изъ Торри ди Галифоло.

«На другой день послѣ Маренгской битвы, *«Граждане Консулы*, Генераль Меласъ потребовалъ у передовыхъ постовъ дозволенія прислать ко мнѣ Генерала Скаля. Въ тотъ же день «былъ заключенъ договоръ, при семъ въ копіи «прилагаемый. Онъ былъ подписанъ ночью Генералами Бертье и Меласомъ. Надѣюсь, что «Французскій народъ будетъ доволенъ своею «арміею.

«БОНАПАРТЕ.»

Это письмо было бы замѣчательно однимъ только послѣднимъ выраженіемъ, которымъ Первый Консулъ усиливался еще показать видъ, что онъ признаетъ владычество народа, еслибъ мѣсто, гдѣ поставлены слова *Граждане Консулы*, не заключало въ себѣ умысла. Сраженіе

(*) Смотри въ концѣ книги договоръ между Бертье и Меласомъ и предварительныя условія, предложенныя Генералу Сюшету Графомъ Гогенцолерномъ отъ имени Австріи.

было выиграно и надлежало, чтобы даже въ такой ничтожной вещи два другіе Консула почувствовали, что они менѣе товарищи, чѣмъ подчиненные Перваго Консула.

Мы возвратились въ Миланъ и наше вторичное пребываніе въ этомъ городѣ, было привѣтствовано почти безпрестанными кликами вездѣ, гдѣ только ни показывался Первый Консуль. Мы конечно и въ первый разъ были очень хорошо приняты; но въ изъявленіяхъ любви и радости, столь свойственныхъ покорнымъ народамъ, есть нѣкоторые отгѣнки искренности, всегда сильнѣе обнаруживающіеся послѣ побѣды. Въ продолженіе этого втораго пребыванія въ Миланъ, Первый Консуль увидѣлся съ Массеною, коего онъ не видалъ съ самаго отъѣзда нашего въ Египеть. Бонапарте осыпалъ его наивеличайшими похвалами, вполне имъ заслуженными, за удивительную его оборону Генуи; въ слѣдствіе чего назначилъ его себѣ преемникомъ въ предводительствѣ Италіанскою арміею. По нахожденію Моро на Рейнѣ, дѣйствительно не было никого, кромѣ завоевателя Цириха, кто бы могъ прилично заступить мѣсто Перваго Консула въ предводительствѣ; главный ударъ былъ нанесенъ; однакъ могли еще встрѣтиться обстоятельства, требующія Генерала искуснаго, опытнаго и хорошо знающаго страну; ибо если Италіянцы

не бунтуютъ, то развѣ отъ того, что они не смѣютъ; притомъ же прежде чѣмъ совершенно успокоиться, надобно было узнать, на какихъ условіяхъ приступить къ союзу Вѣнскій кабинетъ, совершенно подчинявшійся въ эту эпоху Лондонскому кабинету.

Наканунѣ отъѣзда нашего изъ Милана, я имѣлъ съ Г-мъ Колло тотъ разговоръ, о которомъ упомянуто въ предъидущей Главѣ и здѣсь прилично будетъ помѣстить его; я долженъ предупредить читателя, что ему представятся въ ономъ событія, уже бывшія предъ его глазами а именно, относящіяся къ 18 Брюмеру; но Г. Колло видѣлъ эти событія очень вблизи и съ другой чѣмъ я точки; а посему полагаю, что читатель будетъ доволенъ тѣмъ, что я послѣ разговора моего съ нимъ тотчасъ записалъ нѣкоторые изъ словъ его, что я дѣлалъ только для словъ Перваго Консула; полагаю, что безъ этого краткаго предувѣдомленія, Г. Колло очень бы удивился вѣрности моей памяти. А посему, то что слѣдуетъ, въ существѣ болѣе принадлежитъ ему, чѣмъ мнѣ, хотя онъ вѣроятно многое уже забылъ.

Въ день нашего разговора Г. Колло возвращался съ поѣздки, сдѣланной имъ на Борромейскіе острова съ Іосифомъ Бонапарте и я даже помню сказанное имъ мнѣ тогда, что заѣхавъ за новымъ Государственнымъ Совѣтни-

комъ къ нему на квартиру, онъ нашель его *въ весьма дурномъ обществѣ*, что не требуетъ объясненія. Какъ бы то ни было, а вотъ слышанныя мною изъ устъ Г. Колло событія, коихъ я не рассказывалъ въ моихъ Запискахъ.

Возвратясь изъ Египта въ Парижъ, Бонапарте отправился въ Директорію съ такою поспѣшностью, что Директоры, не ожидавъ его такъ скоро, не имѣли еще времени условиться на счетъ пріема, который они ему сдѣлаютъ. Когда объ немъ доложили, то приведенные въ замѣшательство Директоры, заставили его прождать нѣсколько минутъ въ передней залѣ. Потерявъ терпѣніе, онъ вышелъ вонъ и хотѣлъ сѣсть въ карету (*). Извѣщенные о томъ Директоры послали его догнать. Возвратясь, онъ увидѣлъ пятерыхъ Директоровъ, бѣгущихъ къ нему на встрѣчу. Онъ подошелъ къ нимъ съ видомъ увѣренности какъ чловѣкъ, скорѣе пріѣхавшій требовать у нихъ отчета въ ихъ поведеніи, чѣмъ оправдываться въ своемъ.

Вечеромъ, Г. Колло, имѣвшій большое знакомство, встрѣтилъ многихъ людей, по мнѣнію коихъ, Директоріи слѣдовало бы наказать Генерала за дерзость его противъ нея, от-

[*] Я не сопутствовалъ Наполеону въ этомъ первомъ посѣщеніи Директоріи и очень удивился, что онъ не рассказалъ мнѣ объ ономъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда куда шибудь безъ меня ѣздилъ.

дать его подъ военный судъ и разстрѣлять его какъ бѣглеца, какъ нарушителя Карантинныхъ законовъ. Всѣ эти выходки были совершенно пустыя; ибо Наполеонъ слишкомъ хорошо зналъ слабость Правительства для того, чтобы бояться со стороны онаго какого либо начальническаго дѣйствія. Могъ ли онъ ошибиться въ мнѣнїи Франціи когда вездѣ, къ кликамъ, коихъ онъ былъ предметомъ, присоединялись оскорбительныя, заслуженныя укоризны Директорїи, какъ виновницѣ самыхъ безчестныхъ, неправедныхъ дѣйствій. Бесѣда Наполеона съ этими пятью призраками власти, не составлявшими даже тѣни Правительства, продолжилась два часа. Они едва осмѣлились спросить его о Египетской арміи; время напротивъ того прошло въ отвѣтахъ на вопросы его о положенїи Франціи, и онъ тогда только закрылъ это засѣданіе когда довольно убѣдился въ своемъ первенствѣ.

Я сказалъ уже сколько, всѣ значительные люди,—5 Брюмера, на другой день послѣ посѣщенія Наполеономъ Директорїи, спѣшили поздравить его съ возвращеніемъ; ему легко было видѣть всеобщее ихъ желаніе чтобы онъ прїялъ кормило Государства. Посреди этой заботливой толпы одною изъ вещей, которыя Генераль наиболѣ замѣтилъ, было отсутствіе Г. Колло. Онъ скрылся отъ меня въ этомъ случаѣ ибо, вмѣсто

того чтобы приказать мнѣ къ нему написать, онъ поручилъ это Г-ну Реніо де Сен Жанъ д'Анжели, который написалъ къ нему по приглашенію Наполеона, какъ будто бы онъ сдѣлалъ это отъ себя. «Ты бы очень былъ доволенъ любезный другъ;» говорилъ Реніо Г-ну Колло, «еслибъ ты сидѣлъ у меня въ карманѣ; ты бы услышалъ, съ часъ тому назадъ, похвалы, которыя конечно показались бы тебѣ лестными. Ты бы услышалъ что ты добръ, чувствителенъ и благотворителенъ; что ты внушаешь къ себѣ участіе и уваженіе; и все это говорилъ Бонапарте, мнѣ и Арно. Съѣзди же къ нему; онъ приметъ тебя съ удовольствіемъ.»

Г. Колло отправился на другой день къ Наполеону. Онъ нашелъ его стоящаго передъ каминомъ, окруженнаго всѣми тѣми, которые пріѣзжали къ нему наканунѣ для того чтобы представиться ему и вывѣдать его намѣренія. Бонапарте слушалъ, говорилъ мало и ограничивался только вопросами, для поддержанія и направленія разговора, который продолжался около трехъ часовъ и кончился слѣдующими, замѣчательными словами: «Мое положеніе очень необыкновенно. Многіе являются ко мнѣ предлагать власть, какъ будто бы они могли располагать ею. Еслибъ они могли, то давно бы ею завладѣли. *Но это не легкая вещь, особенно нынче.* «Эти послѣднія слова,»—сказалъ мнѣ

Г. Колло, — «были произнесены такимъ голосомъ, который казался бы вызовомъ, но съ видомъ простоты, не позволявшей находить въ нихъ что либо оскорбительное.»

Тогда Бонапарте распростился со всеми этими посѣтителями, удержавъ у себя Г. Колло. Можетъ быть удивится, что онъ поступилъ столь мало уважительно съ Депутатами, съ Генералами и съ сановниками, управлявшими тогда Франціею. Это происходило отъ мнѣнія его, что при одряхлѣвшемъ Правительствѣ никто не имѣлъ настоящей твердости, никто не могъ доставить ему существенной помощи и что посему, ему не слѣдовало принимать услугъ ни которой партіи для того, чтобы вскорѣ не быть обезпокоеннымъ ея требованіями. Опершись на которую либо изъ нихъ, онъ боялся представиться взорамъ Франціи въ видѣ главы мятежниковъ, между тѣмъ какъ онъ тогда искренно желалъ сдѣлаться мирнымъ возстановителемъ Государства, обрушивающагося подъ бременемъ позора.

Когда мы отправились въ Египетскій походъ, то Г. Колло намъ сопутствовалъ; но онъ остался въ Мальтѣ, по причинѣ небольшой размолвки съ Главнѣйшимъ. Еслибъ, по прибытіи сего послѣдняго въ Парижъ, онъ тотчасъ къ нему явился, то сего могли бы счесть поклонникомъ фортуны; и для сего то онъ ждалъ

пригласительнаго письма; въ этихъ самыхъ выраженіяхъ объяснился онъ и съ Наполеономъ. «Вы этого не боялись,» сказалъ ему Бонапарте, «вы слишкомъ хорошо доказали мнѣ что вы не гоняетесь ни за деньгами, ни за милостями. Скажите лучше что васъ удерживало небольшое замѣшательство а особенно небольшая гордость; она то разлучила насъ въ Мальтѣ: безъ нея вы поѣхали бы со мною въ Египеть. Помнители вы письмо, которое вы написали ко мнѣ разставаясь со мною.— Помню Генераль.— Въ немъ заключалась эпитаграма.— Еслибъ я это замѣтилъ, то я бросилъ бы перо, которому далъ волю только потому, что писалъ съ совершеннымъ изліяніемъ чувствъ.— Это такъ, но въ письмѣ вашемъ было не много ѣдкости. Однакожь оставимъ старое; я хочу все забыть.»

Бонапарте, должно отдать ему справедливость, совершенно забылъ прошедшее пока имѣлъ нужду въ Г. Колло, и вспомнилъ объ ономъ только тогда, когда счелъ что можетъ безъ него обойтись. Послѣ примиренія ихъ въ Парижѣ, Г. Колло каждый день бывалъ у Генерала, и вотъ доказательство довѣренности, которую имѣлъ къ нему Бонапарте. 16 Брюмера онъ сказалъ ему: «Колло, наймите въ Сен-Клу домъ, и приготовьте тамъ все, чтобы можно было на дняхъ дать ужинъ двадцати пяти или тридцати чело-вѣкамъ.» По желанію Наполеона, Г. Колло тот-

часть послалъ въ Сен-Клу своего повѣреннаго; домъ былъ нанятъ и приготовленъ какъ онъ приказывалъ; а 18 Брюмера утромъ онъ сказалъ ему: «Мы будемъ завтра тамъ ужинать.»

Г-ну Колло были извѣстны всѣ умыслы, всѣ козни, устроиваемыя въ Парижѣ, какъ Наполеономъ и его сообщниками такъ и тѣми, которые дѣйствовали съ противной стороны. При описаніи эпохи, къ которой приводитъ меня въ эту минуту разговоръ мой съ Г. Колло, — читатели видѣли, что Бонапарте принялъ твердое намѣреніе испровергнуть Директорію, но въ тоже время желалъ чтобы она пала безъ шума. Это я зналъ; но хотя мнѣ лучше всякаго другаго были извѣстны его тайные замыслы, а сидя безотлучно въ его кабинетѣ, я не могъ надлежащимъ образомъ судить о вѣншихъ дѣлахъ, какъ я уже кажется говорилъ. И такъ съ большимъ удовольствіемъ нашелъ я въ моихъ Миланскихъ запискахъ многія любопытныя подробности. Я вижу въ нихъ, что Гг. Талейранъ и Фуше первые обнаружили чрезъ распространяемые ими въ Парижѣ, благопріятныя для Перваго Консула слухи, что они принимаютъ участіе въ замыслѣ Наполеона и что они безъ затрудненія склонили къ тому Сісса; я вижу еще, что старались войти въ сношенія съ Моро, но что отзывы его заставили заключить, что онъ не приметъ въ ономъ ни-

какого участія; между тѣмъ какъ судя по его характеру можно было думать, что онъ не станетъ оному и препятствовать. Впрочемъ, объ этомъ замыслѣ не говорили ни Генералу Журдану, ни Бернадоту, ни Ожеро, зная, что они находятся слишкомъ въ тѣсныхъ связяхъ съ партією Салисетти, Гарро, Арены, Дестрема и многихъ другихъ депутатовъ. Чувствуя, что съ ними трудно будетъ сладить, отъ нихъ скрывались, къ чему имѣли тѣмъ болѣе причинъ, что нельзя было не знать, съ какимъ безпокойствомъ они наблюдали за самыми малѣйшими поступками Бонапарте и всѣхъ, посѣщавшихъ домъ его. Они очень предчувствовали, что готовится движеніе противъ Правительства; но это Правительство было слишкомъ уничиженно для того, чтобы хоть кто нибудь осмѣлился его защищать или даже только въ томъ сознаться; такъ что противники Наполеона, безъ вождя, безъ точки опоры, были доведены обстоятельствами до необходимости заниматься только своимъ собственнымъ существованіемъ, подъ пустою личиною вѣрности къ Конституціи, уже нарушенной и къ Директоріи, которую они первые презирали. Они не могли сдѣлать противъ замысловъ Бонапарте болѣе того, что они сдѣлали, т. е. пошумѣть и ничто столь не глупо въ политикѣ

какъ сопротивленіе, тогда какъ знаешь бесполезность онаго.

При этихъ обстоятельствахъ, Себастіани, Командиръ Драгунскаго Полка, стоявшаго гарнизономъ въ Парижъ и Жюбе, начальникъ Стражи Директоріи, поручились Наполеону въ хорошемъ расположеніи этихъ двухъ войскъ; съ этой минуты, 15 Брюмера, все уже было рѣшено; въ этотъ день убѣдились что никто не воспротивится Наполеону и тогда-то онъ, потребовалъ къ себѣ Г. Колло. Какъ уже выше мною сказано, я былъ участникомъ малыхъ засѣданій, но не большихъ сборищъ; Колло всегда на оныхъ присутствовалъ; 17 числа происходило одно, въ которомъ было условлено на другой день на разсвѣтъ отправиться въ Тюліери, а войска, за которыя начальники ручались, разставить въ сосѣдствѣ.

И такъ Бонапарте отправился туда верхомъ 18 числа, какъ уже мною упомянуто; любопытнѣе же всего, что между тѣмъ какъ весь Парижъ зналъ объ этомъ движеніи,—одной только заснувшей Директоріи оно не было извѣстно. Уваръ и Г-жа Таліенъ бросились объявить о томъ Баррасу, котораго разбудили (*). Они увѣ-

(*) Если читатели не забыли посвященіе, которое я сдѣлалъ 17 числа въ одиннадцать часовъ вечера Баррасу, вмѣсто Бонапарте и по его приказанію,—то сомнѣно его точно долженъ показаться удивительнымъ.

домили его, что Гвардія его бѣжала изъ Люксембурга и что она повиновалась Наполсону. Баррасъ всталъ, велѣлъ позвать Секретаря своего Ботота и отправилъ его узнать отъ самого Бонапарте о происходящемъ.

Бототъ прибылъ,—сказалъ мнѣ Г. Колло,— въ ту минуту, какъ Генераль, окруженный вождами своего войска съ толпою Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ собирався выѣхать изъ своего дома. Здѣсь я предоставляю говорить Г-ну Колло: «Вы не можете, любезный Буріеннъ, представить себѣ Генерала въ ту минуту, какъ онъ увидѣлъ Ботота; онъ замѣтилъ его въ десяти шагахъ отъ себя, по головѣ его, превышавшей всѣ прочія. Не знаю, былъ ли онъ предупрежденъ объ этомъ посольствѣ.—Нѣтъ, могу васъ увѣрить. — И такъ, увидя Ботота, Наполеонъ пошелъ прямо къ нему, и какъ будто бы онъ одинъ составлялъ собою всю Директорію: *Что вы сдѣлали съ Франціею?* вскричалъ онъ Вамъ извѣстно, что онъ не всегда краснорѣчивъ; но не знаю какой-то геній одушевлялъ его въ эту минуту. Витіеватыя слова и выраженія, потекли изъ устъ его рѣкою. Онъ описалъ Францію такую, какъ онъ ее оставилъ: арсеналы ея наполненными, земли пространенными, войска хорошо одѣтыми, хорошо продовольствованными, повсюду побѣдоносными; онъ показалъ ее украшенною трофел-

ми, спокойною внутри, уважаемою вѣсь ея предѣловъ, повсюду сильною. Потомъ, вдругъ перенесясь на наши послѣднія поля битвъ,—онъ показалъ тѣхъ солдатъ, которые при немъ ничего не знали кромѣ побѣды,—побѣжденными, распростертыми на полѣ пораженія; онъ изобразилъ остатки ихъ униженными, вступающими обратно во Францію въ лохмотьяхъ нищеты; лавры наши увядшими, границы занятыми непріятелемъ, арсеналы опустѣвшими, крѣпости скрытыми, магазины пустыми, казну истощенною, гражданъ недовольными, наконецъ во дворцѣ Директоріи безчестіе и позоръ! . . . Все это было изображено столь широкими, столь рѣзкими чертами и произнесено съ такимъ жаромъ, такимъ повелительнымъ голосомъ и съ такою поразительною скорбью, что всѣ присутствующіе вознегодовали противъ Директоріи. Сраженный Бототъ не раскрылъ рта. Онъ увидѣлъ, что съ этой минуты Директорія перестала существовать, и побѣжалъ объявить о паденіи Баррасу и его собравшимся товарищамъ.

«Вы лучше меня знаете,» продолжалъ Г. Коло, «то что произошло по возвращеніи его въ домъ Шатеренской улицы; но жалѣю, что вы не могли, подобно мнѣ видѣть Генерала въ Пятисотномъ Совѣтѣ. Конечно послѣ приѣма, сдѣланнаго ему осмнадцатаго числа, онъ не могъ ожидать сцены, происшедшей на другой день

въ Сен-Клу. Онъ входитъ и мгновенно его привѣтствуютъ именемъ спасителя отечества. Тѣ изъ представителей, которые были посвящены въ тайну наканунѣ, и повѣренные Фуше, посланные заранѣе для овладѣнія заломъ, огласили оную при его входѣ неимоверными кликами; остальные, изумясь или испугавшись, увлеченные общимъ движеніемъ, присоединились къ первымъ кликамъ и тогда-то указъ, сильно насъ обрадовавшій, назначилъ Генерала предводителемъ войскъ. Еслибъ вы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, еслибъ вы видѣли Бонапарте, выходящаго съ торжествомъ, облеченнаго его новымъ званіемъ и увѣреннаго въ перемѣщеніи народнаго представительства въ Сен-Клу; еслибъ вы видѣли залу Пятисотнаго Совѣта и залу Совѣта Старѣйшинъ, въ одну минуту опустѣвшими, то вы бы почувствовали себя перенесенными въ тотъ вѣкъ упадка, когда Римскіе Сенаторы, принужденные признать Государя, ими не избраннаго, непрерывно привѣтствовали его именемъ избавителя, друга народа, отца отечества, божественнаго, — наконецъ всѣми наименованіями, выдумываемыми лестью и повторяемыми боязнию;—вы имѣли бы предъ собою живой, одушевленный переводъ одного изъ превосходнѣйшихъ отрывковъ Тацита.

«Надобно отдать должъ справедливости: не всѣ похвалы, коими осыпали Наполеона, подсказы-

вались лестью; многія были внушены признательностью и удивленіемъ, а еще болѣе того, надеждою. Франція не сомнѣвалась въ его гени и хотѣла вѣрить его добродѣтели.»

Такъ говорилъ мнѣ Г. Колло и, перечитывая мои Миланскія записки, я вспоминаю обстоятельство, которое я узналъ тогда отъ Реніо де Сеп-Жанъ д'Ангели и совсѣмъ было забылъ:—вечеромъ того дня, когда Бонапарте такъ сильно напалъ на Ботота, у Реніо собрались многія особы, пораженныя словами Наполеона и старавшіяся положить ихъ на бумагу для передачи журналистамъ. Послѣ продолжительныхъ усилій, каждый изъ нихъ остался недовольнымъ своею работою; утомясь отъ трудовъ, наконецъ удовольствовались извлеченіемъ, которое сдѣлалъ Редереръ изъ этой груды сложенныхъ вмѣстѣ мыслей. Г. Колло, которому я напомнилъ о статьѣ, помѣщенной въ Мониторъ, сказалъ мнѣ что она была вяла и безцвѣтна въ сравненіи съ колоссальною, сильною и величественною картиною, развернутою Наполеономъ въ Тюіери. Впрочемъ я описываю краснорѣчіе Бонапарте на отвѣтственность Г-на Колло; я уже сказалъ что оно было больше чѣмъ отрицательно на другой день въ моемъ присутствіи.

Я нахожу еще въ моихъ замѣчаніяхъ нѣкоторыя подробности относительно того, что произошло вечеромъ 18 Брюмера виѣ Наполеонова

кабинета. Недовольные сильно волновались; Бернадотъ, Ожеро, Журданъ и нѣкоторые другіе военные; Салисетти, Арена, Антонель и еще многіе представители бушевали и мнѣніе, отчасти основательное, Г-на Колло, было, что они подъ видомъ желанія защищать Директорію, въ существѣ хотѣли только остаться въ союзѣ, надѣясь внушить тѣмъ къ себѣ страхъ и что они были оскорблены тѣмъ, что ихъ не сдѣлали участниками обнаружившагося заговора къ ниспроверженію Директоріи. Сказанное мною о Бернадотѣ и о предложеніяхъ, которыя сдѣлалъ ему Наполеонъ, доказываетъ что мнѣніе Г. Колло, справедливое на счетъ другихъ недовольныхъ, не было правильно относительно его.

Какъ бы то ни было, а рысьи глаза Фуше были безпрестанно открыты на козни недовольныхъ; онъ извѣстился о ихъ сборищѣ и въ десять часовъ вечера прискакалъ къ Наполеону; онъ тотчасъ созвалъ туда главныхъ дѣйствующихъ лицъ движенія, начатаго подъ столь благопріятными предзнаменованіями. Представя положеніе вещей, Фуше предложилъ допустить въ завтрашнее собраніе, гдѣ долженствовала быть объявлена новая Конституція, однихъ только тѣхъ представителей, которые представили уже залогомъ своего присоединенія. «Мы раздадимъ имъ билеты для входа,» сказалъ онъ. «Всѣ тѣ, которые явятся безъ билетовъ, не бу-

дуть впущены.» Это предложеніе было сильно поддержано.

Бонапарте, который ласкалъ себя надеждою безпрепятственно достигнуть власти и которому безпрестанно твердили что Франція желаетъ облечь его оною; который чувствовалъ сколько она выиграетъ вручивъ ему ее и который сверхъ всего, добивался избранія, имѣющаго видъ полной свободы, — объявилъ что онъ не хочетъ быть избраннымъ иначе и отвергъ предложеніе Фуше, которое показалось ему робкимъ. Ни Моро, ни Ланнъ не присутствовали въ этомъ собраніи: первый изъ нихъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба, коему особенно поручалась какъ уже сказано, Гвардія Директорів, а Ланну было дано Наполеономъ начальство надъ Парижемъ.

Фуше и многіе другіе значительные люди, тщетно старались побѣдить сомнѣніе Генерала; они сказали ему что это сомнѣніе пустое, что оно можетъ повредить успѣху предиріятія, отъ коего зависѣло спасеніе Франціи; что главное дѣло состояло въ томъ, чтобы учредить Правительство и сдѣлаться главою онаго; что мятежники, хотящіе нынче этому противиться, поспѣшатъ изъявить свое согласіе тогда какъ оно уже будетъ болѣе не нужно; что во всякомъ случаѣ ихъ ропотъ, ихъ возраженія не найдутъ уже отголосковъ между тѣмъ какъ провозгла-

сивъ оныя завтра въ залѣ въ кругу своихъ единомышленниковъ, они могли произвести раздоръ, способный возжечь междоусобіе.

Не смотря на силу этихъ доводовъ, Бонапарте остался непреклоннымъ при своей волѣ. Ослѣпленный утреннимъ успѣхомъ, онъ былъ увѣренъ въ торжество на другой день, и положилъ конецъ собранію слѣдующимъ краткимъ и торжественнымъ объявленіемъ: «Я не хочу власти, если не буду законнымъ образомъ облеченъ ею отъ двухъ палатъ, учрежденныхъ для того, чтобы давать оную.»—Ночь принесла совѣтъ или лучше сказать событія сами свершились.

Когда я нынче думаю обо всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы такъ сказать попали, когда я вспомню желанія почти единогласныя, которыя безпрестанно изъявлялись вокругъ Бонапарте, то мнѣ кажется что стойкость его оставаться при своемъ мнѣніи могла легко быть оправдана. Какъ ему было не надѣяться на благопріятное расположеніе членовъ совѣтовъ Старѣйшинъ и Пятидесятиго, когда въ тотъ же самый день, являсь предъ нихъ безоружный, онъ видѣлъ отъ нихъ очевидныя тому доказательства. Какъ было предполагать, что на другой день, многіе изъ нихъ дерзнутъ возстать противъ него посреди штыковъ, посреди вооруженной силы, коей они только что предложили

ему быть начальникомъ? Ему не могла прійти въ голову мысль о такой неумѣстной смѣлости; но часто высокій умъ бываетъ обманываемъ глупостью, что случилось и съ Наполеономъ.

Члены противной ему стороны, сговорившись наканунѣ и въ продолженіе ночи, явились первые 19 Брюмера въ залу, назначенную для Пятисотнаго Совѣта. Это была оранжерей; какъ погода становилась уже свѣжа, то затопили печки а вмѣсто передней устроили предъ входомъ крытую изъ шпалеръ переборку, въ которой по нуждѣ могло помѣститься отъ сорока до пятидесяти человѣкъ.

Извѣстно, что при самомъ открытіи засѣданія хотѣли дать новую присягу Конституціи Читатели конечно не забыли что я былъ съ Наполеономъ, когда онъ запинался въ Совѣтѣ Старѣйшинъ; но что получивъ отъ него порученіе отправиться для извѣщенія о происходившемъ Г-жу Бонапарте, я не сопутствовалъ ему въ Пятисотный Совѣтъ. Г. Колло тамъ находился и невозможно себя представить сколько въ нашемъ длинномъ разговорѣ, происходившемъ въ Миланѣ черезъ пять дней послѣ Маренгской побѣды, мы съ Г. Колло находили удовольствія сообщать другъ другу воспоминанія, тогда еще столь свѣжія, о дивныхъ, запутанныхъ судьбахъ, управлявшихъ учрежденіемъ Правительства, уже сильнаго, которое

однакоже имѣло еще только восемь мѣсяцевъ существованія. Обстоятельства революціи минувшаго Брюмера мѣсяца казались намъ очень занимательными во вновь завоеванной столицѣ Ломбардіи; и однакожь мы не мало страшились для будущаго неблагодарной холодности Перваго Консула къ Г. Колло; онъ слишкомъ скоро началъ поступать какъ Императоръ.

Возвращаюсь къ моимъ запискамъ. Фуше имѣлъ большое вліяніе на поступки Бонапарте въ достопамятный день 19 Брюмера. Дѣйствительно Фуше чрезъ своихъ агентовъ открылъ, что члены противной стороны, ободренные первыми криками, отправили нарочитыхъ въ Парижъ для объявленія о ихъ успѣхѣ и для поощренія ревности ихъ сообщниковъ;—онъ пріѣхалъ извѣстить о томъ Бонапарте и склонилъ его поспѣшить дѣломъ.

Выше сказано, что произошло въ Совѣтъ Старѣйшинъ. «По выходѣ изъ этого совѣта,» сказалъ мнѣ Г. Колло, «онъ отправился въ Пятисотный въ сопровожденіи своихъ Гренадеровъ, шедшихъ по три рядами. Едва онъ туда прибылъ, какъ всѣ находившіеся въ отгороженной передней, потѣснились, стараясь пропустить его; онъ прошелъ въ залу, но стража его, за тѣснотою, не могла за нимъ послѣдовать; и Бонапарте, оглянувшись послѣ многихъ кликовъ:

Лишить покровительства законовъ и другихъ

воплей, раздававшихся въ залѣ,—увидѣлъ что съ нимъ только два или три солдата, которые одни только могли протѣсниться. Удивленный тѣмъ, что остался одинъ, онъ обратился къ дверямъ и сошелъ внизъ, гдѣ находилась безмолвно выстроенная его стража и гдѣ вы къ нему пришли.

«Еслибъ,» прибавилъ Г. Колло, «хоть одинъ представитель схватилъ Наполеона въ залѣ Пятисотнаго Совѣта тогда какъ онъ вошелъ въ тѣспоту, то партія его была не довольно сильна для того, чтобы его избавить и еслибъ черезъ минуту послѣ того выставили на балконѣ окровавленную его голову, то солдаты его, мало тронутые этою казнью, не потребовали бы за оную удовлетворенія и не стали бы отомщать за нея; но депутаты потеряли полчаса въ крикъ, въ спорахъ, въ ругательствѣ, и Луціанъ былъ довольно искусенъ для того, чтобы подержать и продолжить эту суматоху.

«Когда Мюрать наконецъ вошелъ приступомъ въ залу, то соумышленники Наполеона между представителями, желая содѣйствовать скорѣйшему очищенію залы, закричали: «Войско начнетъ стрѣлять! . . . Спасемтесь. . .» При этихъ словахъ, собраніе, за минуту предъ тѣмъ столь смѣлое,—толпится, бросается, не находитъ довольно выходовъ, прыгаетъ въ окна, не слишкомъ высокія отъ земли; и эти люди,

столь шумные на словахъ, столь грозные въ рѣчахъ, призвавъ мракъ ночи, коей тѣни начинали имъ покровительствовать, разбѣгаются и скрываютъ свое постыдное, странное самохвальство въ лѣсу парка или на окрестныхъ поляхъ.

«Изъ этихъ осторожныхъ законодателей, многіе даже изъ тѣхъ, которые находились на сторонѣ Наполеона, беспокоясь о послѣдствіяхъ такого насильственного поступка, не осмѣлились возвратиться для того, чтобы стать подъ его знамена. Члены Пятисотнаго Совѣта очень походили на многочисленныя стаи голубей, которыхъ одинъ выстрѣлъ изъ ружья согоняетъ съ голубятни и которые потомъ возвращаются по одиначкѣ. Салисетти, хоть и бывший однимъ изъ вождей противной стороны не пріѣхалъ съ утра въ Сен-Клу; но когда посланники недовольныхъ сообщили ему въ продолженіе дня вѣсти, благопріятныя для ихъ дѣла, то онъ поспѣшно туда отправился дабы воспользоваться побѣдою. Однако же, прибывъ туда въ самую ту минуту, какъ сраженіе для него было проиграно, онъ разсудилъ, что надобно воспользоваться пораженіемъ. Посему онъ пришелъ, со всею Италіянскою тонкостью, примкнуть къ друзьямъ Наполеона и постараться стать въ ряды ихъ: «Я узналъ,» сказалъ онъ, «о возстаніи этихъ дураковъ; и содрогнулся за Гене-

рала Бонапарте; я какъ можно скорѣе поспѣшилъ, дабы остановить порывы ихъ безразсудства; къ несчастію я опоздалъ, но благодарю небо за восторжествованіе разсудка.—Эта подслащенная рѣчь была выслушана съ холодною и недовѣріемъ.» Я прервалъ Г. Колло, изъявивъ ему мое удивленіе касательно того, что онъ говорилъ мнѣ о Салисетти; ибо не покидавъ Наполсона цѣлый день, я былъ увѣренъ, что никто не говорилъ ему объ этомъ представителѣ. «Нѣтъ, возразилъ мнѣ Г. Колло, ему въ этотъ день точно ничего объ немъ не говорили.» Дѣйствительно не прежде какъ черезъ нѣсколько дней послѣ переселенія нашего въ Люксембургъ, Иосифу чрезъ настоятельныя убѣжденія удалось ввести опять въ милость Салисетти; и то еще Бонапарте согласился не иначе употребить его какъ внѣ Франціи.

Не имѣю нужды замѣчать читателю, что сообщая подробности любозытнаго моего разговора съ Г-мъ Колло, я заставилъ его говорить почти одного; ибо, не исключивъ моихъ ему отвѣтовъ, я бы неизбѣжно впалъ въ повторенія, которыхъ я стараюсь, сколько возможно избѣгать. Я разсказалъ Г-ну Колло почти то самое,—какъ выше читали въ этихъ Запискахъ,—что произошло въ совѣщаніяхъ Наполеона; онъ же довершилъ мнѣ изображеніе картины 19 Брюмера, сообщивъ мнѣ слѣдую-

щія подробности о ночномъ засѣданіи, въ которомъ было учреждено Консульское правленіе.

«Вы знаете,» продолжалъ Г. Колло, «какой шумъ, какая суматоха произошли при выходѣ депутатовъ и какое зловѣщее безмолвіе заступило мѣсто оныхъ. Вамъ конечно извѣстны всѣ затрудненія, встрѣтившіяся при составленіи хоть тѣни собранія. — Мнѣ кажется, что кое какъ набрали чловѣкъъ восемьдесятъ членовъ того и другаго совѣтовъ.— Ужъ вѣрно не больше.— Я помню безпокойство Наполеона въ продолженіе этого времени; обыкновенная его увѣренность на нѣсколько минутъ его оставила и онъ имѣлъ большую нужду въ присутствіи Г. Талейрана, не перестававшаго ободрять его. Онъ хотѣлъ чтобы въ десять часовъ открылось засѣданіе.— Я тамъ былъ; и какое зрѣлище представило это ночное засѣданіе въ той же самой залѣ, которая такъ недавно была осквернена присутствіемъ вооруженныхъ людей! Изъ этого то законодательнаго чулана вышло Консульское Правленіе, и кто знаетъ какое вліяніе оно будетъ имѣть на судьбу Франціи и Европы!

«Не знаю, любезный Буріеннъ, долго ли мнѣ предназначено жить; но пока я проживу, всегда буду имѣть предъ глазами зрѣлище Сен-Клудской галереи, каковою она была въ продолженіе этой грустной сцены; какое царствовало въ ней безмолвіе! Сколь были угрюмы и

опечалены люди, въ оной засѣдавшіе! Поутру они явились туда съ увѣренностью, что новое Правительство будетъ безъ споровъ принято; къ вечеру они были разочарованы непредвидѣнными потрясеніями минувшаго дня; они надѣялись на такое засѣданіе, которое бы кончилось мирнымъ согласіемъ; а нашли крикъ, сопровождаемый насильственнымъ поступкомъ; и по разрушеніи силою обстоятельствъ всѣхъ предвидѣній, они по неволѣ увлеклись къ принятію роли заговорщиковъ, какъ къ единственному средству довершить начатое дѣло; и отъ этой принужденности раждалось безмолвное уныніе, сдѣлавшее очень горькими первые плоды побѣды.

«Представьте себѣ длинный, широкій сарай, наполненный опрокинутыми скамьями; кафедру, придѣланную посрединѣ къ голой стѣнѣ; подъ кафедрою, нѣсколько впереди столъ и два стула; на этомъ столѣ двѣ свѣчи и столько же на кафедрѣ; ни люстры, ни лампы и никакого другаго освѣщенія подъ сводомъ этого длиннаго зданія.

«Видите ли вы на кафедрѣ блѣдное лице Луціана, читающаго новую Конституцію, а передъ столомъ двухъ толкующихъ Депутатовъ. Противъ нихъ, на узкомъ тѣсномъ пространствѣ, лежала толпа представителей, равнодушныхъ ко всему, что имъ събывляли; большая часть изъ

нихъ разлеглись на трехъ скамейкахъ, изъ коихъ одна служила имъ стуломъ, другая подножіемъ, а третья изголовьемъ. Между ними, въ томъ же положеніи находилось нѣсколько частныхъ людей, принимавшихъ участіе въ успѣхъ этого дня. Неподалеку сзади видны были лакеи, которые укрылись туда отъ стужи и спали въ ожиданіи господъ своихъ. Таковъ былъ странный аренажъ, давшій Франціи новое правительство.

«Надобно однакоже сознаться, что если между этими сфемерными Сенаторами, располагавшими Франціею, нѣкоторые повиновались чувствамъ честолюбія, корысти и даже страха, то большая часть тѣхъ, съ коими я имѣлъ случай говорить въ продолженіе этого дня,—сколько мнѣ извѣстно, какъ тогда такъ и въ послѣдствіи, были побуждаемы болѣе благородною причиною—желаніемъ спасти государство отъ переворота, коего нельзя было предвидѣть послѣдствій, еслибъ они не собрались для того, чтобы дать хоть тѣнь законности Консульской комиссіи.

«Какъ бы то ни было, а вы знаете до какого состоянія разстройство, презрѣнія и нищеты дошла Франція; она искала сильной руки, могущей исторгнуть ее изъ бездны; и ничья другая рука, кромѣ Наполеоновой, покрытой лаврами, не могла поднять ее въ паденіи.

«Я пробылъ въ залѣ до конца засѣданія, которое было закрыто не прежде полуночи; тогда я воротился въ домъ, нанятый мною по желанію Бонапарте и вы можете себѣ представить что не было и рѣчи объ ужинѣ, мною приготовленномъ. Пріѣхало однакожь челоувѣкъ въ семь или десять, въ числѣ коихъ находились Г. Талейранъ, Семонвиль, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Арно. Прочіе гости, утомясь, поспѣшили воротиться въ Парижь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи завтрашняго дня.

День сей наступилъ спокойнѣе, чѣмъ надѣялись. Побѣжденная сторона, не смѣя собраться, осталась тихою и боязливою въ своемъ убѣжищѣ; вы даже я думаю видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ членовъ, пріѣзжавшихъ поздравлять Наполеона со званіемъ Консула. — Да, и я даже помню, что самый значительный изъ явившихся прежде и тотъ, коего возвращенію Бонапарте наиболѣе обрадовался, былъ Ожеро; такъ какъ онъ наиболѣе жалѣлъ о томъ что не могъ счесть Бернадота между своими.—Я никогда не постигалъ какъ, имѣя власть выбрать себѣ товарищей, Бонапарте присоединилъ къ себѣ Сіеса и Рожера Дюко; ибо они не пользовались, ни общимъ уваженіемъ, ни расположеніемъ. Рожеръ Дюко безъ способностей, безъ величія, безъ извѣстности; Сіесъ былъ извѣстенъ только своими утайками и своимъ участіемъ въ пагубныхъ

дѣйствіяхъ ужаса. — Бонапарте на другой же день со мною на счетъ этого объяснился,» замѣтилъ я Г-ну Колло. «Еслибъ я могъ предвидѣть—сказалъ онъ мнѣ—Сен-Клудское сопро-тивленіе, то я бы конечно не принялъ такихъ людей въ мой тріумvirатъ; но какъ они принадлежали къ Директоріи, то я думалъ что это предупредить потрясеніе и сдѣластъ переходъ болѣе легкимъ; я ошибся, но будь спокоенъ, я не долго продержу ихъ.» — «Дѣйствительно,» продолжалъ Г. Колло, «могъ ли онъ оставить при себѣ два безцвѣтныхъ лица, которыя не только не дѣлали его виднѣе, но отражали на него нѣчто мрачное, облекавшее его блѣдностью. Впрочемъ Сіесъ ни минуты не ошибался на счетъ того что его ожидало; онъ откровенно сказалъ выходя отъ Перваго Консула: «Право мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ для себя работаетъ;» а выходя отъ Второго, онъ воскликнулъ. «Мы взяли себѣ повелителя.» Черезъ два мѣсяца послѣ того, повелитель отставилъ ихъ, давъ имъ немного золота, забрызганнаго грязью.

«Полагаете ли вы,» спросилъ еще у меня Г. Колло, «что между Первымъ Консуломъ и Фуше долго будетъ царствовать согласіе.—Не знаю, но боюсь этого; ибо Фуше имѣетъ надъ нимъ вліяніе, для меня непонятное и притомъ, надобно сказать что онъ оказываетъ ему большія услуги; а сверхъ того съ точностью доноситъ

ему все то, что объ немъ говорятъ.—А можетъ быть и то, чего не говорятъ. Миѣ кажется что Фуше отчасти виновникъ холодности, оказываемой миѣ нынче Наполеономъ. Вы помните какъ онъ испугался, нашедъ по возвращеніи своемъ изъ Египта, все еще главою Полиціи Фуше, столь тогда страшнаго; онъ представлялъ себѣ его не иначе какъ окруженнаго ужасомъ. Нѣкоторые изъ друзей Наполеона, удивленные тѣмъ что послѣ этого онъ его избралъ, и въ тоже время пораженные неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое такой выборъ могъ произвести въ Парижѣ, начали говорить съ нимъ объ этомъ; я былъ въ этомъ числѣ и по равнодушію, съ которымъ онъ меня выслушалъ не давъ миѣ никакого отвѣта, я увидѣлъ что онъ уже попалъ къ лисѣ въ сѣти. Вы знаете что я во все не нуждаюсь въ Наполеонѣ; но послѣ столь долгой, столь короткой связи, какова была наша,—не скрою отъ васъ что меня огорчаетъ его холодность и конечно миѣ бы не слѣдовало ожидать оной.»

Таково, если и не слово въ слово, вѣрное содержаніе длиннаго разговора, который я имѣлъ въ Миланѣ съ Г. Колло однажды, когда миѣ удалось улучшить нѣсколько свободныхъ часовъ; никогда еще оныя не были столь пріятнымъ образомъ употреблены и смѣю надѣяться, что въ этомъ, читатель будетъ одного со мною мнѣнія.

Г Л А В А X.

Письмо Луціана къ Іосифу Бонапарте.—Молебень и фонды
—Страхъ Луціана въ Парижъ.—Проектъ праздника.—Ра-
счеты.—Госпожа Мюратъ.—Госпожа Грассини. — Возвра-
щеніе Перваго Консула.—Приключенія въ дорогъ.—Опро-
кинутая карета.—Трудность составить себѣ великое имя.—
Дезе и Клеберъ, — Описаніе Египетскаго Дворца.—Кле-
беръ.—Истинна о Бонапарте и Клеберъ.—Прибытіе курьера.
—Торопливость Наполеона. — Ночная сцена. — Сильное
огорченіе.

Между тѣмъ какъ побѣда утверждала въ Ита-
ліи жребій Перваго Консула, братья его менѣе
занимались дѣлами Франціи, чѣмъ своими соб-
ственными; они столько же любили деньги,
сколько Бонапарте любилъ славу. Изъ помѣ-
щеннаго ниже письма Луціана къ Іосифу, видно

какъ они всегда были готовы извлекать себѣ выгоды изъ славы и счастія того, черезъ кого сами они были все. Я нашелъ въ моихъ бумагахъ это письмо Луціана, право и самъ не зная какимъ образомъ и за чѣмъ я его сохранилъ. Оно кажется мнѣ занимательнымъ, показывая какую мысль эта семья будущихъ Королей имѣла о своемъ положеніи и каковъ былъ бы ея жребій, еслибъ Бонапарте палъ какъ Дезе на полѣ Маренгской битвы. Притомъ же довольно любопытно видѣть что такой философъ какъ Луціанъ заставлялъ служить молебень для того, что возвыситъ курсъ фондовъ.

Какъ бы то ни было, а вотъ письмо въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было написано Луціаномъ; я сохранилъ въ немъ подчеркнутыя имъ слова и даже его знаки восклицанія.

24 Июля.

«Посылаю къ тебѣ курьера. Мнѣ бы очень «желательно чтобы Первый Консуль за сутки «извѣстилъ меня о своемъ прибытіи и *одного* «меня увѣдомилъ бы о заставѣ, чрезъ кото- «рую онъ вѣдетъ. Городъ хочетъ приготовить «ему торжественныя ворота и онъ довольно «оказалъ услугъ для того чтобы отъ этого не «уклоняться.

«*По моему приглашенію* третьяго дня служи- «ли молебень, на которомъ присутствовало шесть- «десятъ тысячъ человѣкъ! ! !

«Отельскія козни продолжаются. Очень колебались между К. . . . и Ф. . . . Этот послѣдній предлагалъ выдать за меня дочь свою . . . «происки были доведены до высшей степени. «Не знаю еще, возметъ ли великій жрецъ сторуону того или другаго. Я думаю что онъ ихъ обоихъ проводитъ для Орлеанскаго, а Отельскій твой пріятель душа всего. Вѣсть о Маренго ихъ смутила и однакожь на другой день великій жрецъ провелъ покрайней мѣрѣ три часа съ твоимъ пріятелемъ. . . . Что касается до насъ, то мы бы всѣ были сосланы, еслибъ Первый Консулъ палъ при Маренго.

«Письма твои не говорятъ мнѣ ничего о томъ, что я ожидалъ найти въ нихъ «Надѣюсь покрайней мѣрѣ что прежде всѣхъ буду извѣщенъ объ отвѣтѣ изъ Вѣны. Мнѣ очень жаль, что ты не могъ прислать мнѣ моего Пѣмца къ Маренгскому сраженію.

«Праздникъ 14 числа будетъ прекрасенъ; здѣсь все покойно. Ждутъ мира какъ вѣрной вещи а Перваго Консула какъ побѣдоносца. «Всѣ наши родные здоровы. Жена твоя со всѣмъ своимъ семействомъ находится въ Морфонтенѣ. . . Рей пріѣхалъ въ Парижъ; онъ въ Морфонтенѣ. Отъ всей души тебя обнимаю. . . «За чѣмъ ты возвращаешься съ Первымъ Консуломъ? А миръ! . . . А Италія! ! . . Помни наше послѣднее свиданіе. . . . Обнимаю тебя.»

На полъ приписано:

«Прочти письмо къ Консулу и вручи оное
«ему, *тщательно запечатавъ.*»

«Доставъ прилагаемыя при семь письма. Г-жа
«Мюратъ никогда у меня не жила. Мужъ ея
«съумасшедшій, котораго жена его должна бы
«наказать, цѣлый мѣсяцъ не писавъ къ нему.

«ЛУЦАНЪ БОНАПАРТЕ.»

Первый Консуль, побѣдивъ при Маренго и
утвердясь въ своей власти чрезъ этотъ великій
успѣхъ, остался еще на нѣсколько дней въ Ми-
ланѣ для того чтобы устроить дѣла Италии.
Онъ приказалъ мнѣ выдать Г-жѣ Грассини де-
негъ на проѣздъ въ Парижъ (*). Мы отправи-
лись при кликахъ жителей по Туринской до-
рогѣ. Проѣздомъ чрезъ Туринъ, Первый Кон-
суль останавливался въ немъ на нѣсколько ча-
совъ, употребивъ ихъ бѣльшего частью на
осмотръ цитадели, которая была намъ возвра-
щена въ слѣдствіе Александрійской капитуляціи.

Проѣзжая чрезъ гору Сенисъ, мы встрѣтили
близъ Новалезы карету Госпожи Келлерманъ.
Первый Консуль, узнавъ Г-жу Келлерманъ, вѣхав-
шую на встрѣчу къ своему мужу, остановилъ
ся карету и поздравилъ ее съ отличіемъ, ока-
заннымъ мужемъ ея при Маренго.

(*) Говорятъ будто бы въ 1814 году Герцогъ Веллингтонъ искалъ
расположенія Г-жи Грассини. Это безъ сомнѣнія для того,
чтобы хоть въ чемъ нубудъ походить на Генерала Бонапарте.

Я не много буду говорить о радости и удивленіи, изъявленныхъ Наполеону вездѣ на его проѣздѣ; это происходило тогда при всѣхъ его путешествіяхъ и обнаруживаемыя чувства были искренни. Прибывъ въ Ліонъ, мы остановились въ Целестинскомъ отелѣ. Въ день нашего пріѣзда клики были такъ сильны, народу собралось такое множество, что Бонапарте принужденнымъ нашелся показаться на балконъ. На другой день онъ отправился на Белькурскую площадь и, при шумъ рукоплесканій Ліонцевъ, положилъ первый камень новыхъ зданій, долженствовавшихъ загладить одно изъ бѣдствій Революціи.

Предъ выѣздомъ на эту церемонію, онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо къ Консуламъ:

«Прибывъ въ Ліонъ, Граждане Консулы, я остановился здѣсь для закладки на Белькурской площади зданій, которыя вновь будутъ воздвигнуты. Одно только это обстоятельство могло замедлить возвращеніе мое въ Парижъ; но я не могъ противостать честолюбію ускорить постройку зданій на этой площади, которую я видѣлъ столь прекрасною и которая теперь такъ отвратительна. Миѣ обѣщаютъ чрезъ два года совершенно кончить эту постройку.

«Надѣюсь, что еще прежде этой эпохи, тор-

«говля сего города, кою гордилась вся Европа, что прежнему процвѣтеть.

«Кланяюсь вамъ

«*БОНАПАРТЕ.*»

Мы отправились изъ Ліона вечеромъ и продолжали путь нашъ чрезъ Дижонъ. По пріѣздѣ нашемъ въ этотъ городъ, радость жителей дѣйствительно дошла почти до изступленія. Я рѣдко видалъ такіе благосклонныя, очаровательныя взгляды, какіе бросали на насъ собравшіяся во множествѣ молодыя женщины, замѣчательныя своею красотою и щеголеватымъ нарядомъ, убранныя цвѣтами и которыя, сопровождая карету Наполеона, напоминали въ эту эпоху, когда Революція вырыла всѣ Республиканскія воспоминанія Греціи и Рима, тѣ времена, когда хоры пляшущихъ женщинъ окружали побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ.

Не все однакоже намъ въ дорогѣ благопріятствовало; нѣкоторыя бѣды насъ ожидали. Карета Перваго Консула опрокинулась между Вильнёвомъ-ле-Руа и Саномъ; онъ послалъ къ моей матери курьера, сказать, что онъ пробудетъ у ней пока карету починять. Онъ у нея отобѣдалъ и мы отправились въ семь часовъ вечера. Это ошибкою было напечатано, будто бы онъ приставалъ у Г-жи Буріеннъ: она тогда жила въ Тюліери.

Мы этимъ еще не раздѣлались съ бѣдами;

переднее правое колесо нашей кареты соскочило съ оси и какъ мы ѣхали очень скоро, то ось зацѣпилась за перилы и мы опрокинулись на длинномъ мосту, существовавшемъ тогда предъ въѣздомъ въ Монтро-Фо-Ионну. Первый Консуль, по правую руку коего я сидѣлъ, упалъ на меня и нисколько не ушибся. Я зашибъ себѣ немного голову о вещи, находившіяся въ сѣткѣ; но для этого не стоило останавливаться, и мы пріѣхали въ Парижъ въ ту же ночь со 2 на 3 Юля. Дюроку, который также находился въ каретѣ и по очереди сидѣлъ впереди,—ничего не приключилось.

Выше сказано, что Бонапарте много разговаривалъ въ дорогѣ; разговоры его не всегда были одинаково занимательны; но я долженъ привести здѣсь то, что онъ сказалъ мнѣ при проѣздѣ чрезъ Бургонь на возвратномъ пути изъ Маренго въ Парижъ. «И такъ, еще нѣсколько великихъ событій, подобныхъ этой кампаніи, и я достигну до погостства.—Мнѣ кажется,» отвѣчалъ я ему, «вы и то довольно сдѣлали для того, чтобы объ васъ долго и вслѣдъ говорили.—Да, да! довольно сдѣлать! ты очень добръ! правда что я завоевалъ меньше чѣмъ въ два года Каиръ, Парижъ и Миланъ; но милый мой, еслибъ я завтра умеръ, то черезъ десять вѣковъ, я бы не имѣлъ и полустранички во всеобщей Исторіи.» Онъ былъ правъ: въ нѣс-

колько часовъ чтенія, мы пробѣгаемъ многія столбтія; и цѣлое царствованіе, цѣлая жизнь, есть минутное дѣло! одной странички довольно въ историческомъ перечнѣ для всѣхъ побѣдъ Александра и Цесаря, для всѣхъ опустошеній Тимура и Чингиса. Намъ извѣстна въ точности только малѣйшая часть минувшихъ временъ; стоитъ ли же опустошать міръ за такую бездѣлку!

Въ тотъ самый день, какъ Дезе палъ на Маренгскомъ полѣ, содѣйствуя весьма колебавшейся побѣдѣ,—Мусульманскій изувѣръ, Солейманъ Галеби поразилъ Клебера кинжаломъ и этимъ ударомъ рѣшилъ освобожденіе Египта. Такимъ образомъ были похищены у отечества въ одинъ день и почти въ одинъ часъ два изъ знаменитѣйшихъ Генераловъ Французской арміи. Мену заступилъ мѣсто Клебера по старшинству; Первый Консулъ утвердилъ его въ начальствѣ и съ этого дня, гибель Египта сдѣлалась неизбѣжною.

Еслибъ вмѣсто Мену, Бонапарте—не приказывая Дезе возвратиться въ Европу,—отдалъ сему послѣднему Генералу послѣ Клебера начальство, —то конечно можно бы тогда было надѣяться на сохраненіе его завоеванія. Этотъ добрый Дезе! какъ велика потеря такого человѣка! Много говорено о его превосходныхъ качествахъ, о его безкорыстной храбрости; но все еще не

довольно сказано. Можно судить объ этомъ по послѣднему письму, написанному имъ изъ Тулона къ Первому Консулу по возвращеніи его изъ Египта. Я тщательно сохранилъ оное; вотъ оно:

«ГЕНЕРАЛЬ,

«Будучи польщенъ довѣренностью, которую «вы мнѣ изъявили, приказавъ мнѣ прибыть къ «вамъ въ продолженіе прошедшей зимы, я пла- «менно желалъ исполнить вашу волю. Генераль «Клеберъ никакъ не хотѣлъ на то согласиться; «онъ удержалъ меня и противъ воли принудилъ «меня къ заключенію Эль-Аришскаго договора. «Наконецъ, послѣ тысячи препятствій, не безъ «труда преодолѣнныхъ, я отплылъ изъ Алексан- «дріи 13 Вантоза на Рагузскомъ суднѣ, въ сопро- «вожденіи пакетбота, на которомъ находился «Генераль Даву. Я нетерпѣливо желалъ пріѣхать. «Противные вѣтры и безвѣтрія приводили ме- «ня въ отчаяніе; мнѣ сильно хотѣлось поспѣть «во время для того чтобы присутствовать при «началѣ блистательной кампаніи, которая конеч- «но теперь открывается подъ вашимъ руковод- «ствомъ. Наконецъ, послѣ тридцати дней бури, «страданій, остановки въ Коронѣ, гдѣ съ нами «хорошо обошлись Турки и въ Сициліи въ Сіа- «кѣ, гдѣ жители по своимъ обычаямъ хотѣли «было насъ убить, — я прибылъ на видъ Гер- «скихъ острововъ. Уже мы радовались тому, что «увидимъ Францію, уже дѣлали тысячу дура-

«чествъ, свидѣтельствовавшихъ о нашемъ восхн-
«щеніи, какъ вдругъ въ густомъ туманѣ, мы
«сошлись съ Англійскимъ кораблемъ, который
«отвелъ насъ въ Ливорну къ Адмиралу Кейту.

«Совершенно полагаясь на Турецкіе и Англій-
«скіе паспорта, коими мы были снабжены, я
«сильно изъясилъ удивленіе объ этомъ задержа-
«ніи. Въмѣсто того чтобы освободить меня, какъ
«я надѣялся, Адмиралъ посадилъ меня въ каран-
«тинъ, объявивъ, что онъ ожидаетъ повелѣній
«своего Правительства касательно Эль Арниска-
«го договора и что до полученія оныхъ, ему
«нельзя меня выпустить.

«И такъ мы провели тридцать дней въ тѣ-
«сномъ лазаретѣ какъ военно-плѣнные, находясь
«на одинакомъ содержаніи съ солдатами. Пред-
«ставьте себѣ наше безпокойство, нашу досаду
«терять дни, которые мы бы могли такъ хо-
«рошо употребить. Наконецъ мы были выпу-
«щены и Адмиралъ Кейтъ объявилъ намъ что
«сего Правительство согласно на исполненіе Эль-
«Арнискаго договора.

«Послѣ пятидневнаго плаванія, я прибылъ
«сюда сегодня, будучи осмотрѣнъ Тунискими
«Варварійцами, которые насъ не задержали. Я
«долженъ 50 дней пробить въ карантинѣ: не
«хочу спокойствія. Трудиться для увеличенія
«славы Республики и вашей, есть мое единст-
«венное желаніе. *Озирисъ* извѣстилъ насъ при

«отплытіи нашемъ изъ Александріи о событіяхъ,
«сдѣлавшихъ васъ Главою Правительства. Вы мо-
«жете себѣ представить какъ сильно мы обра-
«довались. Что касается собственно до меня, то
«я былъ въ восторгѣ. Я знаю что вы хотите
«поставить Францію на высшую степенъ славы,
«осчастлививъ всѣхъ. Можно ли сдѣлать лучше
«сего? Такъ, Генераль, я пламенно желаю восвать,
«но въ особенности съ Англичанами. Я поклялся
«въ вѣчной къ нимъ ненависти. Ихъ пагость
«и дурное обхожденіе всегда останутся въ моей
«памяти. Какое бы мѣсто вы мнѣ ни дали, я
«буду доволенъ. Вы знаете что я не ищу на-
«чаластва, что я его не желаю; я съ такимъ же
«удовольствіемъ буду волонтеромъ какъ и Гене-
«раломъ. Признаюсь только, что я бы не же-
«лалъ вступить въ армію, неспособную къ
«дѣйствию; но впрочемъ я буду доволенъ всѣмъ,
«что вамъ заблагоразсудится сдѣлать. Желаю
«тотчасъ узнать мое назначеніе, дабы немедлен-
«но приготовить все, что мнѣ понадобится, и не
«теряя ни минуты отправиться въ походъ. День,
«не употребленный съ пользою, есть день поте-
«рянный.

«Почтительно вамъ кланяюсь.

«ДЕЗЕ.»

Возвращаюсь къ Клеберу и скажу нѣсколько
словъ о его плачевной смерти. Домъ Эльфи-

Бел, въ которомъ жилъ Бонапарте во время пребыванія своего въ Каирѣ и который по отъѣздѣ его занялъ Клеберъ, имѣлъ террасу, ведущую изъ залы къ старому, развалившемуся водопроводу, откуда слѣдовало спускаться нѣсколько ступеней для того чтобы сойти въ садъ. Эта терраса во всю длину возвышалась надъ большою площадью Эль-Беге, находящеюся на правой сторонѣ при выходѣ изъ залы; садъ же былъ на лѣвой рукѣ. Близость и пріятность этого сада, сдѣлали его любимымъ мѣстомъ прогулки Главнокомандующаго, который со всѣми тамъ разговаривалъ, особенно по вечерамъ. Эта терраса была очень отъ него близко и почти въ самомъ его жилищѣ. Я часто совѣтовалъ ему приказать засыпать водопроводъ и сравнять его съ террасою; я даже показывалъ, спрятавшись въ немъ и потомъ прошедъ позади его, какъ легко было покуситься на его жизнь и потомъ бѣжать, соскочивъ на площадь или въ садъ. Онъ говорилъ мнѣ, что я боюсь смерти, что я трусь и не рѣшился сдѣлать этой поправки, которую онъ однакоже считалъ приличною. Убійца Клебера избралъ самый тотъ простой способъ, котораго я всегда страшился для Наполеона.

Не стану опровергать здѣсь всѣхъ мерзостей, которыя обнародовали по случаю смерти Клебера. Когда я принесъ неожиданное объ оной

извѣстіе Первому Консулу, то онъ едва могъ тому повѣрить; онъ сильно былъ огорченъ и читая подробности убійства, тотчасъ вспомнилъ, сколько разъ онъ былъ въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ находился Клеберъ когда онъ былъ пораженъ и все то что я ему говорилъ объ опасности этого водопровода, отъ которой онъ непостижимымъ образомъ избѣгнулъ, особенно послѣ похода его въ Сирію, столько раздражившаго умы. Извѣстность, которую имѣлъ Бонапарте о талантахъ и способностяхъ Клебера, ввѣренное ему начальство надъ арміею и пособія, которыя онъ всѣми средствами старался доставлять ему, отвергають, не только ужасное подозрѣніе о малѣйшемъ участіи въ этомъ злодѣяніи, но даже и мысль что онъ съ удовольствіемъ видѣлъ смерть Клебера или что желалъ оной.

Конечно между Бонапарте и Клеберомъ существовала непріязнь, столь же сильная какова была дружба, соединявшая Дезе съ Наполеономъ. Слава Клебера ему надоѣдала; онъ имѣлъ слабость тревожиться ею и питать къ ней небольшую зависть. Ему извѣстно было какъ Клеберъ объ немъ отзывался; правда что Клеберъ не соблюдалъ ни малѣйшей осторожности. Въ продолженіе кровавыхъ дней Акрской осады, онъ говаривалъ мнѣ: *Твой маленькой плутъ Бонапарте, который не выше моего*

сапога, поработить Францію. Смотри въ какой проклятый походъ онъ завлекъ насъ. Не знаю навѣрное, дошли ли до Бонапарте эти рѣчи, которыя Клеберъ часто говорилъ многимъ другимъ; но есть причины полагать, что тѣ, которые добывали себѣ чины доносамъ, не пропускали пересказывать ему все о Клеберѣ.

Клеберъ, искренній Республиканецъ, угадалъ тайные виды и великое честолюбіе Наполеона и страшился ихъ для своего отечества. Клеберъ безпрестанно твердилъ это въ продолженіе скуки убійственной Акрской осады; бранчивый по характеру, онъ никогда не оказывалъ по службѣ неповиновенія. Онъ ворчалъ, шумѣлъ, бранился, но неустрашимо шель въ огонь; это была олицетворенная храбрость. Однажды, когда онъ находился въ траншеѣ подъ Сен-Жанъ д'Акрою стоя и подверженный по своему высокому росту всемъ выстрѣламъ, Бонапарте закричалъ ему: *Да поклонись же Клеберъ.— Чортъ побери,* возразилъ онъ, *ваша траншея не выше лишь какъ по колено.* Онъ никогда благопріятно не смотрѣлъ на Египетскій походъ, считая оный дорого стоящимъ и не приносящимъ пользы Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что безъ флота и безъ сильнаго Правительства (а мы не имѣли ни того, ни другаго), лучше было дѣйствовать въ Европѣ, чѣмъ расточать кровь и сокровища Франціи на берегахъ Нила и предъ лачужками

Сиріи. Холодный, задумчивый и степенный, Клеберъ судилъ о Наполеонѣ безъ восторга,—вещь рѣдкая въ то время; онъ не извинялъ ему никакой ошибки.

Далеко отъ этого истиннаго изображенія Клебера, до нелѣпой рѣчи, которую Бонапарте влагаетъ въ уста Клеберу, будто бы сказавшему ему: *Генераль! вы велики какъ мѣръ!*—Эти выраженія совершенно противоположны образу мыслей Клебера; онъ былъ слишкомъ правдолюбивъ для того, чтобы сказать что нибудь противъ своего убѣжденія. Бонапарте, продолжая питать желаніе удержать Египеть, чѣмъ однимъ только оправдывалось завоеваніе онаго, давалъ Клеберу волю *говорить*, потому что Клеберъ *дѣйствовалъ*. Бонапарте зналъ, что долгъ службы и военныя добродѣтели всегда пересилятъ въ немъ его предубѣжденія и противорѣчіе его видамъ и замысламъ; такимъ образомъ смерть этого Генерала, не только ни мало его не обрадовала, но тѣмъ сильнѣе его огорчила, что она почти совершенно разрушила надежду сохранить для Франціи завоеваніе, которое столь дорого ей стоило и было его дѣломъ.

Хотѣли было найти причины вражды Клебера въ томъ, что онъ будто бы разсердился за неоткрытіе ему тайны объ отъѣздѣ Бонапарте изъ Египта и въ рѣчи, напомнившей ему

объ исполненіи его долга, отъ котораго онъ слишкомъ часто уклонялся. Эта рѣчь выдуманая; я описалъ настоящія причины ихъ несогласія, мнѣніе Клебера и чувства его къ Бонапарте.

Желаніе не раздѣлять двухъ происшествій, случившихся въ одинъ день въ Каирѣ и при Маренго, побудило меня вмѣстѣ съ описаніемъ смерти Дезе упомянуть о Клеберѣ; а потому скажу объ немъ еще нѣсколько словъ. Вѣсть о смерти Клебера пришла къ намъ черезъ нѣсколько времени по возвращеніи нашемъ въ Парижъ. Давно уже не имѣвъ извѣстій о Египтѣ, Бонапарте ждалъ ихъ тогда съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и прибытіе наконецъ курьера съ оними, но съ такими плачевными, подало поводъ къ ночной сценѣ, которую кстати здѣсь привести.

Когда курьеръ приѣхалъ въ Тюіери, то было уже два часа ночи. Въ поспѣшности своей, Первый Консуль даже не рассудилъ когонибудь разбудить для того, чтобы меня кликнуть. За нѣсколько дней предъ тѣмъ я сказалъ ему, что въ случаѣ нужды, онъ долженъ послать за мною въ коридоръ, лѣстницею выше моей всегдашней квартиры, куда я перешелъ потому что жена моя была въ родахъ. Онъ самъ вошелъ на верхъ и какъ тамъ было двѣ двери,

то онъ позвонилъ два раза у дверей моего Секретаря, который спалъ въ одной изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ небольшую мою квартиру. Секретарь мой всталъ и отворилъ дверь. Онъ увидѣлъ Перваго Консула со свѣчею въ рукѣ, въ сѣромъ плащѣ и съ повязаннымъ на головѣ платкомъ: не зная о ведущей въ эту комнату ступенькѣ, онъ оступился и чуть было не упалъ. «Гдѣ Буріеннъ?» спросилъ онъ.— Можно себя представить удивленіе моего Секретаря при появленіи Перваго Консула. — «Какъ, Генераль, это вы? — Гдѣ Буріеннъ?» — Тогда Секретарь мой, въ рубашкѣ, указалъ Первому Консулу мою дверь. Сказавъ моему Секретарю, что жалѣеть о томъ, что его потревожилъ, онъ отправился ко мнѣ. Я наекоро одѣлся и мы сошли внизъ въ мои всегдашніе покои. Мы нѣсколько разъ звонили, пока намъ отперли; находившаяся при женѣ моей женщина не спала, но слыша хрѣбъ взадъ и впередъ, она вообразила себя, что это воры. Наконецъ она отперла двери и Первый Консулъ бросилъ ко мнѣ на столъ толстый пакетъ съ депешами, имъ полученный; онѣ были истыканы и обмочены въ уксусъ. При чтеніи извѣстія о смерти Клебера, я увидѣлъ изобразившееся на лицѣ его сильное безпокойство; на немъ можно было прочитать: *Египетъ потерянъ!* Даже самый фанатизмъ, вооружившій

руку убійцы, заставляяль его страшиться подражателей; ибо это былъ еще первый примѣръ убійства послѣ Каирскаго бунта.

Только однажды, въ этотъ разъ, Первый Консуль пришелъ ко мнѣ ночью.

Г Л А В А XI.

Попытки къ переговорамъ. — Любопытное письмо одного эмигранта. — Двадцать пять луйдоровъ, данные въ долгъ отцу Наполеона. — Уплата долга вдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ. — Домашнія подробности. — Колокольчикъ въ кабинетъ. — Канцелярскій писецъ. — Заговоръ Церакки и Арены. — Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островъ Св. Элены. — Шёнбрунскій фанатикъ. — Другой таинственный изуверъ. — Поощренный заговоръ. — Гаррель. — Доносъ и награда. — Утайка отъ Фуше. — Необходимость ему открыться. — Совѣтъ Консуловъ. — Бонапарте въ Оперъ съ Дюрокомъ и со мною. — Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой. — Гаррель, Венсенскій Комендантъ. — Молодшая сестра Герцога Ангенскаго. — Замѣчаніе.

Счастливый успѣхъ Италіянскаго похода былъ увѣнчанъ перемиріемъ, заключеннымъ 5 Юля. Ниже увидать, что оно было прервано 1 Сентября, и опять возобновлено послѣ выигрѣшиа

Гогенлинденской битвы.—Бонапарте, по возвращеніи его изъ Маренго, былъ принятъ съ бѣльшимъ восторгомъ чѣмъ когда либо; изумлялись быстротѣ, съ которою онъ въ походѣ, менѣ чѣмъ двумѣсячный, опять призвалъ фортуна подъ знамена Франціи. Онъ съ величайшею дѣятельностью занимался тогда тѣмъ, чтобы завести переговоры между Англіею и Австріею; но повсюду встрѣчалъ большія препятствія. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Театрѣ, куда присутствіе его привлекало многочисленную толпу людей, жаждущихъ его видѣть и рукоплескать ему.

Можно себѣ вообразить, какое множество писемъ со всѣхъ сторонъ, писали къ Первому Консулу: это были просьбы о мѣстахъ, увѣренія въ преданности и наконецъ тѣ просительныя поздравленія, которыя пишутъ ко всякому, пріобрѣтшему власть. Однакожъ, между этими письмами были иногда замѣчательныя; я сохранилъ нѣсколько изъ нихъ и между прочимъ одно отъ нѣкотораго эмигранта, удалившагося въ Жерсей. Это письмо, содержащее въ себѣ подробности о Наполеоновомъ семействѣ, показалось мнѣ занимательнымъ. Впрочемъ читатель самъ разсудить; вотъ оно:

Жерсей, 12 Іюля 1800 года.

«Полагаю, Генераль, что по возвращеніи изъ вавашихъ великихъ поѣздокъ, можно безъ не-

«скромности прервать ваши ежедневныя занятія
«и напомнить вамъ о себѣ, въ надеждѣ что вы
«не совсѣмъ меня забыли проживъ лѣтъ девятъ-
«надцать въ Аяччію. Но можетъ быть вы уди-
«витесь что такой ничтожный предметъ состав-
«ляетъ содержаніе письма, которое я имѣю честь
«писать къ вамъ. Вы конечно вспомните, Генера-
«ль, что когда покойный вашъ батюшка от-
«правлялся для взятія вашихъ братцевъ изъ
«Отѣнской Школы, откуда онъ ѣздилъ въ Бріеннѣ
«для свиданія съ вами,—то у него не случилось
«наличныхъ денегъ; онъ попросилъ у меня двад-
«цать пять луйдоровъ, которые я съ удоволь-
«ствіемъ ему одолжилъ. По возвращеніи своемъ,
«онъ не имѣлъ случая отдать мнѣ ихъ, и когда
«я отправлялся изъ Аяччію, то матушка ваша
«предложила мнѣ продать нѣсколько серебра для
«того чтобы расплатиться со мною. Я отвергъ
«это предложеніе и сказала ей, что оставлю
«росписку вашего батюшки у Г. Суире, которо-
«му она заплатитъ, когда ей заблагоразсудится.
«Полагаю что ей не удалось исполнить свое
«желаніе, какъ вдругъ вспыхнула Революція.

«Вамъ странно покажется, Генераль, что для
«такой бездѣлки я тревожу васъ въ вашихъ за-
«нятіяхъ; но мое положеніе столь тяжело, что и
«эта бездѣлка для меня важна. Я изгнанъ изъ
«моего отечества, и принужденъ жить на этомъ

«островъ, на коемъ пребываніе мнѣ ненавистно, «и гдѣ такъ все дорого, что вы окажете мнѣ «большое пособіе доставивъ ко мнѣ эту неболь- «шую сумму, которая прежде ничего для меня «не значила.

«Согласитесь Генераль, что въ восемьдесятъ «шестъ лѣтъ, прослуживъ около шестидесяти «лѣтъ непрерывно отечеству, не считая време- «ни эмиграціи, тяжело быть отсюда изгнаннымъ «и принужденнымъ искать здѣсь убѣжища при «слабыхъ способахъ, даваемыхъ Англійскимъ Пра- «вительствомъ эмигрантамъ: я говорю эмигран- «тамъ потому что меня принудили такимъ сдѣ- «латься, тогда какъ я во все о томъ не думалъ; «но я сдѣлалъ большое преступленіе противъ «шайки разбойниковъ, пришедшихъ ко мнѣ въ «домъ въ Канѣ, съ тѣмъ чтобы убить меня за «то что я былъ старшій Генераль въ томъ «округѣ и имѣлъ большой крестъ Св. Лудовика: «этого ужъ было для нихъ слишкомъ много. Я «жилъ спокойно и удалялся отъ всехъ мірскихъ «дѣлъ. Еслибъ не крикъ моихъ сосѣдовъ, то ме- «ня бы убили вломаясь ко мнѣ въ двери и я «едва успѣлъ спастись въ заднюю дверь не за- «хвативъ съ собою ничего кромѣ того, что бы- «ло на мнѣ. Я было отправился въ Парижъ, но «мнѣ тамъ объявили, что мнѣ больше нечего дѣ- «лать, какъ ѣхать за границу,—такъ озлобились

«на меня мои сограждане, хоть я никогда ни съ
«къмъ не имѣлъ распрей живя въ моемъ уединеніи. И такъ я оставилъ, Генераль, все свое
«имущество, движимое и недвижимое во власти
«того, что называли націею; она вполнѣ тѣмъ
«воспользовалась, ибо у меня ужъ ничего не
«остается въ мірѣ, ни даже мѣста, гдѣ ступить
«ногою. Я слышалъ, что есть эмигранты, у ко-
«торыхъ осталось по крайней мѣрѣ убѣжище.
«Еслибъ былъ цѣль домъ мой, то я бы про-
«силъ у васъ Генераль о томъ, что отъ васъ
«зависитъ и что было дано нѣкоторымъ эми-
«грантамъ, а именно о дозволеніи возвратиться;
«но я не прошу этой милости; ибо не имѣю
«пріюта и притомъ я живу здѣсь съ изгнан-
«нымъ братомъ, который старѣе меня, очень
«хворъ и котораго я ни за что не оставлю.
«Я рѣшился покориться моему несчастному
«жребію; меня огорчаетъ единственно то, что
«гоненіе, мнѣ оказанное, имѣло вліяніе на
«моихъ родственниковъ, которыхъ я люблю и
«уважаю. У меня есть осмидесятилѣтняя мачи-
«ха, которой отказали въ пансіонѣ, назначенномъ
«ей мною съ моего помѣстья и у меня самого
«отняли весь умѣренный доходъ мой, такъ что
«мнѣ придется умереть несостоятельнымъ, если
«дѣла не переменятся; что приводитъ меня въ
«отчаяніе.

Часть III.

23

«Признаюсь Генераль, что мнѣ мало знакомъ
новый слогъ; но по старому

«Я имѣю честь быть вашимъ
покорнымъ слугою

«ДЮРОЗЕЛЬ БОМАНУАРЪ.»

Я сохранилъ этому письму всё его неправильности; известно что прежніе дворяне не слишкомъ заботились о грамматическихъ неисправностяхъ. Распечатавъ оное, я далъ его прочитатъ Первому Консулу, который сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, это священо; не терй ни минуты; этотъ добрый старикъ! пошли ему десятичную сумму. Наниши къ Генералу Дюрозелю, что я буду о немъ заботиться. Я хочу, чтобы онъ немедленно былъ выключенъ изъ списка эмигрантовъ. Сколько зла надѣлали эти разбойники Конвента! Я вижу, что мнѣ никогда не удастся всего исправить!» Говоря мнѣ это, Бонапарте такъ былъ встревоженъ, какимъ я его очень рѣдко видалъ. Вечеромъ онъ спросилъ у меня, исполнилъ ли я его волю, что было мною сдѣлано не теряя ни минуты: смерть Г. Фротте дала мнѣ слишкомъ жестокий урокъ для того, чтобы я имъ не воспользовался.

Читатели конечно уже замѣтили, что я не всегда забочусь объ искусной постепенности переходовъ отъ одного предмета къ другому; а потому они не удивятся, что я воспользуюсь

здѣсь присвоеннымъ мною себѣ правомъ заставлять ихъ вниманіе согласоваться съ прихотями моихъ воспоминаній. И потому я безъ дальнихъ оговорокъ перейду отъ письма эмигранта къ мелочнымъ подробностямъ, которыя дѣйствительно можно назвать *домашними*; а потомъ къ заговору, покровительствуемому тѣмъ самымъ, противъ кого оный составлялся.

Въ то время, какъ Первый Консуль жилъ въ Тюліери, что всегда бывало зимою и часто лѣтомъ, онъ выходилъ изъ кабинета въ большую залу принимать посѣтителей и людей, имъ приглашаемыхъ. Когда ему что либо было нужно или когда онъ хотѣлъ съ кѣмънибудь переговорить, то онъ звонилъ въ колокольчикъ, проведенный къ канцелярскому писцу. Это былъ смысленный, вѣрный чиновникъ, по имени Ландуаръ. Тогда Ландуаръ переходилъ чрезъ кабинетъ за приказаніемъ къ Первому Консулу. Обыкновенно онъ требовалъ меня за какоюнибудь бумагою, числомъ, именованіемъ или за какимъ либо другимъ свѣдѣніемъ. Вѣроятно, наскучивъ неизбѣжнымъ замедленіемъ, происшедшимъ отъ этой безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, Бонапартъ вздумалъ однажды, не сказавъ мнѣ ни слова, приказать повѣсить въ его кабинетъ надъ самымъ моимъ столомъ колокольчикъ, отъ коего шнуръ былъ бы проведенъ въ пріемную залу. На другой день утромъ,

вошедъ въ кабинетъ, я увидѣлъ на мѣстѣ моего стола лѣстницу, на которой находимся мастеровой.—«Что ты тутъ дѣлаешь?—Прикрѣпляю колокольчикъ, сударь.—Я позвалъ писца: «Ландуаръ, кто это приказалъ?—Первый Консуль.—Сойди,» сказалъ я мастеровому, «или я отдерну лѣстницу.» Онъ сошелъ и унесъ ее съ собою. Вскорѣ послѣ того я по обыкновенію пошелъ будить Перваго Консула и читать ему журналъ. «Генераль,» сказалъ я ему, пожелавъ ему добраго утра, «я нашелъ сегодня въ вашемъ кабинетѣ мастероваго, проводящаго колокольчикъ и мнѣ объявлено, что вы это приказали; увѣренный что тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе, и что этотъ приказъ не такъ поняли, я выслалъ мастероваго. Вѣдь конечно не для васъ придѣлывали колокольчикъ; я не полагаю, чтобы для меня; такъ для кого же? — Какъ этотъ писецъ глупъ! Вчера я былъ съ Камбасересомъ; ты мнѣ понадобился; онъ не пришелъ на звонъ мой; заключивъ, что колокольчикъ испортился, я приказалъ его *исправить и какъ шнуръ проходитъ чрезъ мой кабинетъ, то конечно тамъ понадобилось что нибудь придѣлать. Вотъ и все. Я удовольствовался этимъ объясненіемъ, но не повѣрилъ ему. Онъ ужъ болѣе не настаивалъ въ этой попыткѣ и для вида побранилъ писца, который однакоже точно получилъ приказаніе. Но,—спросилъ я самъ*

себя,—какъ онъ могъ думать чтобы, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семилѣтняго возраста, облеченный его полною довѣренностью и живя съ нимъ, смѣю сказать на короткой ногѣ,—я позволилъ поступать съ собою такимъ образомъ?

Прежде чѣмъ говорить о заговорѣ Церакки, Арены, Топино-де-Брёна и другихъ, необходимо оцѣнить по надлежащему нѣкоторыя слова, произнесенныя на островѣ Св. Элены. Наполеонъ сказалъ: или написали, будтобы онъ сказалъ: «Покушенія, наиболѣе подвергавшія меня опасности, были Скульптора Церакки и Шёнбрунскаго фанатика. Я не былъ въ Шёнбруннѣ но вѣрно что Наполеонъ подвергался тамъ великой опасности. Я тогда самымъ достовѣрнымъ образомъ узналъ что Штапсъ, отправясь изъ Ерфурта съ рѣшимостью умертвить Императора, не имѣлъ только надлежащаго мужества для того чтобы исполнить свой замысль. Дѣйствительно Штапсъ, вооруженный большимъ ножемъ, два раза подходилъ къ Наполеону довольно близко для того чтобы поразить его: Раппъ меня въ этомъ увѣрялъ; онъ схватилъ его и оцупалъ у него подъ платьемъ ручку кинжала. И такъ дѣйствительно на этотъ разъ Бонапарте былъ обманъ жизнью только недостатку мужества молодого восторженника, который хотѣлъ принести его въ жертву своей

фанатической ярости. Достоверно также, что при другомъ случаѣ, о которомъ повѣствователь острова Св. Элены совершенно умалчиваетъ, — другой изувѣрь еще опаснѣе Штапса, хотѣлъ посягнуть на жизнь Наполеона (*); но что касается до заговора Скульптора Церакки, то мнѣ оный также нѣсколько извѣстенъ и читатель вскорѣ узнаетъ столько же какъ и я о томъ, какой опасности подвергался Первый Консуль. Вотъ обстоятельства въ самой строгой ихъ точности:

Заговоръ Церакки и его сообщниковъ былъ одна мечта: положили дать ему существенность для того чтобы преувеличить опасность, которой Первому Консулу угодно было показать, хоть для вида, что онъ подвергался.

По Парижскимъ улицамъ шатался тогда нѣкто Гаррель, бывшій Баталіонный Командиръ; онъ былъ отставленъ отъ службы и слѣдовательно не доволенъ. Гаррель подружился съ Церакки, съ Ареною, съ Топино-Лебрёномъ и съ Демервилемъ. По разнымъ причинамъ, всѣ эти люди, были сильно раздражены противъ Перваго Консула, который со своей стороны также не любилъ Церакки и Арену, и едва зналъ

(*) Въ эпоху этого вторичнаго, важнаго покушенія, я ужъ не находился при Наполеонѣ; но мнѣ было по его приказанію поручено повидаться съ молодымъ безумцемъ, рѣшившимся свершить оное. Ниже въ этихъ Запискахъ увидать какіе были его замыслы, какъ я узналъ объ оныхъ и что съ нимъ произошло.

двухъ остальныхъ. Однакожь по сообщничеству своему съ Церакки и съ Ареною, отъ коихъ Бонапарте желалъ избавиться, и они подпали его ненависти. И такъ эти четыре человекъ, совокупно съ Гаррелемъ, составили замысль умертвить Перваго Консула и день исполненія сего опредѣлень при назначенномъ въ Оперѣ чрезвычайномъ представленіи.

До сихъ поръ жизнь Бонапарте могла подвергаться опасности; но потомъ. . . ?

20 Сентября 1800 года Гаррель пришелъ ко мнѣ въ Тюліери; открывъ мнѣ заговоръ, въ коемъ самъ былъ участникомъ, онъ обязался доставить средства захватить его сообщниковъ на самомъ дѣлѣ и потребовалъ денегъ, для того чтобы поддержать заговоръ и привести его къ концу. Я сдѣлалъ Гаррелю нѣкоторыя замѣчанія, но не могъ отринуть его, не взявъ на себя слишкомъ большой отвѣтственности. И дѣйствительно кто бы сказалъ мнѣ что могло случиться? Я тотчасъ донесъ Первому Консулу объ этомъ странномъ открытіи. Онъ велѣлъ мнѣ дать денегъ Гаррелю, но запретилъ сказывать объ этомъ Фуше, желая доказать ему что онъ лучше его умѣетъ исполнять обязанности Полиціи. Гаррель, почти каждый день въ одиннадцать часовъ вечера являлся ко мнѣ отдавать отчетъ о ходѣ заговора и я немедленно сообщалъ о томъ Первому Консулу, который изъ другихъ донесеній

зналъ о ненависти къ нему заговорщиковъ и радъ былъ случаю явно изобличить Арену и Церакки, этихъ бездѣльниковъ, какъ онъ ихъ называлъ. Однакожь время текло, а ничто не подвигалось впередъ. Первый Консулъ выходилъ изъ терпѣнія. Наконецъ Гаррель объявилъ, что у нихъ нѣтъ денегъ на покупку оружія. Ему дали оныхъ. Пришедъ опять на другой день, онъ сказалъ, что оружейный мастеръ, не зная ихъ, не хочетъ безъ письменнаго дозволенія продать имъ оружія: тогда было сдѣлано первое открытіе Фуше, которому объявили обо всемъ дѣлѣ и который далъ оружейному мастеру дозволеніе, чего я не имѣлъ власти сдѣлать.

10 Октября, въ день возвѣщеннаго въ Оперѣ чрезвычайнаго представленія, Консулы вошли послѣ совѣта въ кабинетъ ихъ товарища. Этотъ послѣдній, въ моемъ присутствіи спросилъ у нихъ должно ли ему по ихъ мнѣнію ѣхать въ театръ. Они замѣтили ему, что всѣ предосторожности взяты, почему не слѣдовало страшиться никакой опасности, и что хорошо было бы представить доказательство безполезности всѣхъ покушеній на жизнь Перваго Консула. Послѣ обѣда Бонапарте, надѣвъ сертукъ сверхъ мундира, сѣлъ въ карету съ Дюрокомъ и со мною. Онъ помѣстился впереди въ своей ложѣ; которая въ это время была на лѣво отъ входа, между колоннами, отдѣляющими боковыя ложи

отъ находящихся прямо противъ сцены. Черезъ полчаса, Первый Консуль, оставя при себѣ только Дюрока, приказалъ мнѣ сходить посмотреть что дѣлается въ коридорѣ. Едва вышедъ изъ ложи, я услыхалъ большой шумъ и тотчасъ узналъ о взятіи подъ стражу многихъ людей, которыхъ мнѣ не могли сказать именъ. Я отправился къ Первому Консулу съ донесеніемъ о томъ что узналъ и мы тотчасъ возвратились въ Тюліери. Гаррель былъ опять принятъ въ службу и сдѣланъ Венсенскимъ Комендантомъ; онъ находился въ этомъ званіи при убійствѣ Герцога Ангенскаго. Мнѣ въ послѣдствіи сказывали, что жена его была молочная сестра этого злополучнаго Принца и что она узнала его при входѣ въ тюрьму, долженствовавшую черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаться его могилою. Увы! я не могу вспомнить о Герцогѣ Ангенскомъ не думая впередъ о томъ, чего мнѣ будетъ стоить сказать все что я знаю о роковомъ событіи, прекратившемъ дни его; но я скажу все: я этимъ обязанъ тѣмъ людямъ, которые были недостойнымъ образомъ оклеветаны. Пятно крови послѣдняго Конде, есть не такое пятно, которое бы слегка омрачало собою память!

Что касается до заговора Церакки и Арены, то мнѣ остается сдѣлать одно только замѣчаніе, относящееся къ мыслямъ моимъ о политической полиціи вообще.

Совершенно доказано, что заговорщики хотѣли посягнуть на жизнь Перваго Консула и что они отыскивали всѣ средства къ достиженію своей цѣли и къ исполненію своего свирѣпаго замысла. Но справедливость требуетъ также сказать, что зная о заговорѣ по доносу Гарреля, весьма легко было бы разстроить его и разогнать бурю вмѣсто того чтобы накликать оную. Таково было тогда и таково еще теперь мое мнѣніе.

Можно притомъ еще вспомнить, что Карбонно, одинъ изъ захваченныхъ и осужденныхъ, откровенно объявилъ свое участіе въ сьумазбродныхъ замыслахъ, къ исполненію коихъ не имѣлось другихъ способовъ, кромѣ тѣхъ, которые успѣли доставить сами полицейскіе агенты

Г Л А В А XII.

3 число Нивоза.—Трудная иетипа.—Невъдѣпіе Полиціи.—Гайденова ораторія.—Адская машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ.—Скорое возвращеніе въ Тюліери.—Стеченіе народа.—Гитъвъ Бонапарте противъ Якобинцевъ.—Хладнокровіе Фуше.—Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ.—Исправленная ошибка.—Страшное донесеніе Фуше.—Самовластное осужденіе.—Г. Тиссо, спасенный и признательный.—Составленіе списка осужденныхъ.—Опытъ Трюге.—Упорство Перваго Консула.—Настоящія причины Наполеона.—Вина и извиненіе.—Предумотрительная лѣсть. — Оправданіе Фуше.—Открытіе настоящихъ виновниковъ. — Фуше въ Мальмезонѣ.—Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены.—Казнь.

Хотя прошло три мѣсяца между наблюдаемыми кознями Церакки и Арены и страшнымъ злодѣйствомъ 3 Нивоза, но я не стану раздѣлять этихъ двухъ происшествій, которыя

однакоже, имѣли между собою сходство развѣ только по своей цѣли. Первые заговорщики принадлежали къ Революціонной шайкѣ; имъ нужна была жизнь человѣка и они хотѣли только убить его, какъ будто желая сдѣлать сходство Наполеона съ Цесаремъ столь совершеннымъ, чтобы тутъ недоставало даже и Брута. Вторые, должно съ огорченіемъ признаться, принадлежали къ Королевской партіи и желая только убить Перваго Консула, эти люди не побоялись опасности погубить съ нимъ вмѣстѣ великое число гражданъ. А посему всякой писатель, себя уважающій, обязанъ, кто бы таковы ни были виновники подобнаго злодѣйства—выставить оное какъ одно изъ самыхъ лютыхъ преступленій, свершенныхъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ. Здѣсь я, болѣе чѣмъ когда либо чувствую, сколь дорого стоитъ заплатить долгъ истинѣ; но когда истина повелѣваетъ, то ей надобно повиноваться.

Полиція ничего не знала о заговорѣ 3 Нивоза, потому что она въ немъ не участвовала. Никакія причины не имѣли вліянія на заговорщиковъ 3 Нивоза, на изобрѣтателей и исполнителей этой машины, которую столь справедливо назвали *адскою*.

Третьяго Нивоза давали въ Оперѣ первый разъ великолѣпную Ораторію Гайдена, *Сотвореніе Мира*. Первый Консулъ собирался туда ѣхать.

Я въ этотъ день съ нимъ не обѣдалъ, но разставшись со мною передъ обѣдомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, ты знаешь, что я сегодня ѣду въ Оперу; ты также можешь туда отправиться, но я не могу тебя отвезти потому, что я беру съ собою Ланна, Бертъе и Лористона. До вечера.» Я очень былъ доволенъ этимъ объявленіемъ, ибо мнѣ чрезвычайно какъ хотѣлось слышать одно изъ образцовыхъ произведеній Германской музыки, а я не могъ ѣхать въ театръ не узнавъ, буду ли я нуженъ Первому Консулу. Я отправился прежде его и былъ уже въ Оперѣ, когда Первый Консулъ туда пріѣхалъ. Бонапарте, вошедъ въ ложу, сѣлъ по обыкновенію впереди и какъ всѣ взоры были на него устремлены, то онъ показалъ наивеличайшее спокойствіе. Лористонъ, увидѣвъ меня въ другой ложѣ, тотчасъ прибѣжалъ сообщить мнѣ о происшедшемъ; онъ сказалъ мнѣ, что Перваго Консула чуть не убили въ Сен-Никезской улицѣ взрывомъ пороховаго боченка, разбившимъ у кареты стекла. «Мы избѣгли этой бѣды только десятью секундами,» прибавилъ Лористонъ; «когда кучеръ остановился для полученія приказанія отъ Перваго Консула, поворотивъ въ улицу Сент-Оноре, то онъ отвѣчалъ только: *Въ Оперу!*» Услыхавъ это отъ Лористона, я сѣлъ въ карету и отправился во дворецъ, рассудивъ, что Первый Консулъ

скоро будетъ имѣть во мнѣ нужду. Онъ точно не замедилъ возвратиться и какъ взрывъ машины былъ услышанъ цѣлымъ Парижемъ, то зала нижняго этажа, выходящая на большую терасу, въ одну минуту наполнилась толпою сановниковъ, пріѣхавшихъ прочесть во взорахъ своего повелителя, что имъ должно думать. Онъ не заставилъ ихъ долго дожидаться: «Это дѣло Якобинцевъ,» вскричалъ онъ громкимъ голосомъ; «Якобинцы хотѣли убить меня! . . . Тутъ нѣтъ ни дворянъ, ни священниковъ, ни Шуановъ! . . . Я знаю что объ этомъ думать и никто меня не разувѣритъ. Это Сентябрички, злодѣи покрытые грязью, которые явно бунтуютъ, и вѣчно устраиваютъ заговоры существующихъ Правительствъ. Нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ вы видѣли, что Церакки, Арена, Топино-Лебрёнъ и Демервилъ покушались умертвить меня. Ну это таже самая шайка; это Сентябрискіе кровопійцы, Версальскіе убійцы, Преріальскіе заговорщики, виновники всѣхъ злодѣяній, свершенныхъ противъ Правительства. Если ихъ нельзя обуздать, то ихъ должно уничтожить; надобно очистить Францію отъ этой отвратительной сволочи; нечего жалѣть такихъ злодѣевъ! . . .» Надобно было видѣть воспламененное лице Наполеона, тѣлодвиженія его, всегда рѣдкія, но выразительныя и слышать звуки его

голоса—для того, чтобы составить себѣ понятіе о гнѣвѣ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова. Тщетно нѣкоторые Государственные Совѣтники, а въ особенности Фуше, старались вразумить его, что не существуетъ еще ни противъ кого никакихъ доказательствъ, и что прежде чѣмъ такъ положительно означать виновныхъ, надобно узнать ихъ. Бонапарте съ новою вспыльчивостью повторилъ сказанное уже имъ о Якобинцахъ и если справедлива пословица, что въ долгъ даютъ только богатымъ, то надобно сознаться, что Перваго Консула можно было извинить въ приписаніи имъ однимъ злодѣйствомъ больше.

Фуше имѣлъ много непріятелей; а потому я не удивился, что нѣкоторые изъ главныхъ савонниковъ старались употребить противъ него разность его въ мнѣніи съ Первымъ Консуломъ. А потому мнѣніе Наполеона превозмогло въ первую минуту и надобно сознаться, что совершенное невѣдѣніе при этомъ случаѣ Полиціи, неспособно было увеличить число согласныхъ съ мнѣніемъ ея Начальника. Фуше сдѣлалъ какъ тростникъ въ баснѣ; онъ склонился, но съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять возстать. Самый искусный актеръ не въ состояніи былъ бы представить его спокойный видъ въ продолженіе вспышекъ Наполеонова гнѣва, его молчаніе, терпѣливость, съ которою онъ допускалъ себя

обвинять, и все заpiresательство, которое заключалось въ его молчаніи, а особенно въ его полуоткрытіяхъ. Министръ, разговаривая объ этомъ со мною, явно далъ мнѣ уразумѣть, что онъ не полагаетъ Якобинцевъ виновными. Я сказалъ объ этомъ Первому Консулу; но ничто не могло заставить его переменить свое мнѣніе. «Фуше,» замѣтилъ онъ, «имѣетъ свои причины молчать; онъ бережетъ своихъ; очень естественно, что онъ щадитъ шайку людей, запятнанныхъ кровью и злодѣйствами. Развѣ онъ не былъ однимъ изъ вождей ихъ? Развѣ мнѣ неизвѣстно, что онъ дѣлалъ въ Ліонѣ и на Луарѣ? При этомъ случаѣ Луара и Ліонъ объясняютъ мнѣ поведеніе Фуше.»

Вотъ суцая истина: теперь да позволено мнѣ будетъ противопоставить ей одинъ изъ тысячи вымысловъ, къ которымъ подало поводъ это происшествіе. Говорили и печатали: «Сановники, Министры, собрались въ Тюліери. Ну! вскричалъ Первый Консулъ, подошедъ съ гнѣвомъ къ Фуше, *не скажешь ли опять что это роуллисты!* Фуше, болѣе знавшій это дѣло, чѣмъ полагали, хладнокровно отвѣчалъ: *Да конечно скажу, а что еще больше, -- докажу.* Эти слова возбудили всеобщее удивленіе и были доказаны . . . » Это чистая выдумка; Первый Консулъ сказалъ только Фуше: «Я не надѣюсь на твою Полицію; я самъ принужденъ зани-

маться Полицейскою частью, и не сплю до двух часов утра!» Что по правдѣ сказать рѣдко случилось.

На другой день послѣ этого покушенія, въ Тюліери былъ весьма многочисленный съѣздъ; со всѣхъ сторонъ сыпались поздравленія. Сенскій Префектъ собралъ двѣнадцать Парижскихъ Меровъ, и повезъ ихъ подъ своимъ предводительствомъ для представленія Первому Консулу. Бонапарте сказалъ ему въ своемъ отвѣтъ: «Пока эта горсть разбойниковъ нападала прямо на меня, я предоставлялъ законамъ ихъ наказаніе; но какъ теперь чрезъ безпримѣрное злодѣйство, они подвергли опасности часть Парижскихъ жителей, то наказаніе будетъ стольже скоро какъ и примѣрно. Надобно чтобы сотня бездѣльниковъ, которые клеветали на свободу, свершая во имя ея злодѣянія, была приведена въ невозможность дѣлать новыя.» Послѣ сего онъ разговаривалъ съ Министрами, съ Государственными Совѣтниками, и со всѣми присутствующими о сдѣланномъ наканунѣ покушеніи; и зная мнѣніе Перваго Консула о виновникахъ сего злодѣйства, всѣ старались утвердить его въ ономъ. Нѣсколько разъ собирали Совѣтъ; даже спрашивали мнѣнія Сената и искусный Фуше, уступивъ вопреки своему убѣжденію затруднительности своего Министерскаго положе-

ніа, представилъ Первому Консулу слѣдующее донесеніе, достойное искренности Мазарина.

«Это ужъ не тѣ разбойники, противъ которыхъ существуютъ извѣстныя формы правосудія и которые опасны лишь нѣсколькимъ лицамъ и имуществамъ; это враги цѣлой Франціи, которые каждую минуту угрожаютъ подвергнуть всѣхъ Французовъ буйству безначалія.

«Число этихъ ужасныхъ людей не велико, но злодѣяннй ихъ безчисленны.

«Они то напали на Народный Конвентъ, вторгнувшись вооруженною рукою въ самое святилище законовъ; они то столько разъ хотѣли сдѣлать всѣ Комитеты Правительства сообщниками или жертвами своей кровожадной ярости; они то хотѣли ополчить противъ Исполнительной Директоріи и противъ Парижа войска, предназначенныя къ охраненію оныхъ. Они враги не какого либо одного Правительства, но всякаго рода Правительства.

«Все на что они въ продолженіе года покушались, имѣло цѣлью только убійства, какъ на дорогѣ къ загородному дому Перваго Консула, такъ въ Операхъ, на улицахъ или даже пробравшись чрезъ подземелья во внутренность Тюліери.

«Это лютая война, которая не можетъ быть прекращена иначе какъ необычайными мѣрами высшей Полиціи.

«Между этими людьми, Полицією выставляемы, не все были захвачены съ кинжаломъ въ рукъ, но все равно извѣстны за способныхъ изощрить и взять его. Дѣло идетъ не о томъ только чтобы наказать за прошедшее, но о томъ чтобы обезпечить общественное благоустройство.»

Не имѣю нужды обращать вниманіе на смыслъ подчеркнутыхъ мною въ концѣ словъ; это была великая уступчивость Министра воле Перваго Консула; но въ этомъ донсеніи конечно любопытнѣе всего то, что подъ онымъ находилось имя Фуше. Въ то же время наполнили журналы воспоминаніями о Революціи для того чтобы въ глазахъ Публики сложить вину оной на тѣхъ, которыхъ хотѣли сдѣлать участниками свершеннаго уже преступленія. Осудили человѣкъ сто къ ссылкѣ, и Сенатъ явилъ свою неистощимую снисходительность издавъ указъ, согласный съ желаніями Перваго Консула.

Я испугался увидя что Первый Консулъ такъ скоро вступилъ на стезю самовластія; но кто могъ обуздать его волю? И такъ составили ссыльный списокъ тѣхъ, которыхъ признали Якобинцами. Я имѣлъ счастье исходатайствовать исключеніе изъ этого списка именъ нѣсколькихъ человѣкъ, коихъ мнѣнія были, можетъ статья, нѣсколько преувеличены, но за которыхъ говорили ихъ воспитаніе и личный характеръ. Мо-

желѣ быть нѣкоторые изъ моихъ читателей узнають себя не будучи поименованными; я назову только Г. Тиссо не для того чтобы выставить оказанную мною ему услугу, но дабы оинсать какъ онъ, доказалъ мнѣ свою признательность.

И такъ Г. Тиссо находился въ числѣ тѣхъ, конхъ исключеніе изъ списка приговоренныхъ къ ссылке, я испросилъ у Перваго Консула. Предъ вступленіемъ Наполеона въ 1815 году въ Парижъ, Г. Тиссо, являсь въ Префектуру Полиціи гдѣ я тогда находился, предложилъ мнѣ домъ свой какъ надежное убѣжище, въ которомъ онъ ручался что меня не найдутъ. Я не воспользовался этимъ предложеніемъ, но тѣмъ не менѣе спѣшу при этомъ случаѣ объявить все дѣло; пріятно думать, что различіе мнѣній не всегда подавляетъ чувства чести и великодушія!

Послѣ сего краткаго отступленія, возвращаюсь къ роковому списку, изъ коего я имѣлъ счастье вычеркнуть нѣсколько именъ. Писавъ оный, я содрогался при мысли, что осуждали на удачу людей, чуждыхъ послѣдняго злодѣянія, которое имъ приписывали безъ суда, безъ доказательствъ и даже безъ изслѣдованія. Одного имени, и образа мыслей, можетъ стать предпологаемаго, было достаточно для того, чтобы попасть въ ссылку. Простое опредѣленіе Консуловъ 4 Генваря 1801 года, утвержденное изъ

даннымъ на другой день Сенатскимъ указомъ, было достаточно для того чтобы изгнать изъ предѣловъ Республики сто тридцать человекъ, изъ коихъ девятiero было просто названо *Септальбрициками*. Боже Всемогуцій! въ какую эпоху, господствующее мнѣніе не нашло бы въ Монитёрѣ совершенно готовыхъ такихъ списковъ!

Сосланные, столь насильственно и столь несправедливо названные въ донесеніяхъ и въ указахъ виновниками адской машины, были приняты въ Нантѣ съ такимъ негодованіемъ, что потребовалось содѣйствіе вооруженной силы дабы избавить ихъ отъ неминуемаго умерщвленія. Въ этомъ городѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ свидѣтелемъ столькихъ кровавыхъ сценъ, умы были такъ раздражены, что безъ сильныхъ мѣръ невозможно было бы спасти ссыльныхъ отъ ярости народа.

Въ разсужденіяхъ, предшествовавшихъ издацію Консульскаго опредѣленія, не многіе дезнули коснуться вопроса, относительно виновныхъ. Триюге первый вышелъ на поприще. Не отказывая Правительству въ чрезвычайныхъ средствахъ освободиться отъ своихъ враговъ, онъ не могъ скрыть что Эмигранты угрожаютъ пріобрѣтшимъ національнѣя имѣніа, что общественный духъ развращается квижками; что. . .
. . «О какихъ книжкахъ вы говорите?» прервалъ его Первый Консуль. «О тѣхъ, которыя всена-

родно ходять по рукамъ.—Назовите ихъ.—Онѣ должны бытъ вамъ столькоже какъ и мнѣ извѣстны » (*).

Послѣ долгой, съ гнѣвомъ сдѣланной выходки, Первый Консуль вдругъ закрылъ засѣданіе. Онѣ повторялъ что на счетъ этого дѣла, никто его не разуверитъ, что злодѣи извѣстны, что это Сентябрычки, виновники всѣхъ злодѣній. Онѣ сказалъ въ одномъ засѣданіи, за три дня передъ этимъ: «Если нѣтъ доказательствъ, то надобно воспользоваться всеобщимъ расположеніемъ; это происшествіе доставляетъ случай, ихъ сошлютъ за 2 Сентября, за 31 Маія, за заговоръ Бабѣфа и проч.»

Онѣ сказалъ мнѣ выходя изъ засѣданія совѣта, въ которомъ была рѣчь о нарядѣ особаго суда: «что онѣ нѣсколько погорячился; что онѣ сказалъ что должно разить какъ молнія, что надобно крови, что слѣдуетъ разстрѣлять столькоже виновныхъ сколько взрывъ сдѣлалъ жертвъ — отъ пятнадцати до двадцати, отправить въ ссылку двѣсти человѣкъ и очистить Республику отъ этихъ изверговъ.»

Самовластіе было столь очевидно, что Сенать, въ указѣ своемъ, ни слова не упомянулъ о злодѣйствѣ 3 Нивоза, что очень замѣчательно; но

(*) Дѣло шло о *Сравненіи между Цесаремъ, Кроуверомъ и Бонапарте*, о которомъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

тѣмъ не менѣе онъ объявилъ что мѣра, принятая Правительствомъ наканунѣ была бюстительною мѣрою Конституціи. Это обѣщало впередъ.

Первый Косуль съ сильнымъ гнѣвомъ, съ пылкою ненавистью обвинялъ Якобинцевъ; и его нельзя бы въ этомъ упрекнуть, еслибъ подъ именемъ Якобинцевъ, онъ не разумѣлъ всѣхъ искреннѣйшихъ приверженцевъ свободы Франціи. Голосъ ихъ ему надоѣдалъ и онъ не могъ простить имъ того, что они строго судятъ притѣснительныя дѣйствія его управленія и противятся уничтоженію народной свободы, которую самъ клялся поддерживать и защищать и которую онъ безпрестанно старался ниспровергнуть. Вотъ настоящія его причины; вотъ какъ его собственныя вины сдѣлали въ глазахъ его виновными тѣхъ, которые видѣли ихъ или угадывали, не одобряя оныхъ; вотъ наконецъ по какой причинѣ, онъ еще болѣе страшился тѣхъ, которыхъ онъ называлъ Якобинцами чѣмъ Роялистовъ.

Выставляю здѣсь вины Наполеона; но извиняю его; всякой другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы столько же и даже больше. Уже истина не иначе какъ съ трудомъ до него достигала и когда она ему не нравилась, то онъ не хотѣлъ ея слышать. При томъ же, нетерпѣливость его достигнуть своей цѣли, превосходила все что можетъ себѣ представить самое пылкое вообра-

женіе; онъ безпрестанно боролся съ самимъ собою; но предусмотрительная лестъ снѣшила къ нему на помощь и бѣольшая часть его приближенныхъ, не только не говорили ему того что они думали, но повторяли ему то что онъ самъ думалъ и тогда онъ удивлялся мудрости своихъ совѣтниковъ; а Фуше, дабы удержаться въ милости, принужденъ былъ предать ему сто тридцать изгнанниковъ, выбранныхъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей.

Однакожь Фуше, увѣренный хотя еще и не убѣжденный, въ томъ что онъ не ошибся на счетъ настоящихъ виновниковъ злодѣйства 3 Нивоза, приводилъ въ движеніе, съ обыкновенною своею быстротою всѣ пружины Полиціи. Нѣсколько времени всѣ усилія его были тщетны. Наконецъ, въ субботу, 31 Генваря 1801 года(*) часа черезъ два по прїездѣ нашемъ въ Мальмезонъ, явился туда Фуше съ достовѣрными доказательствами справедливости своего предвидѣнія. Не осталось никакого сомнѣнія; Бонапарте лсно какъ день увидѣлъ, что покушеніе 3 Нивоза было слѣдствіемъ заговора, составленнаго Роялистами. Но какъ приговоръ о ссылки тѣхъ, которыхъ вообще называли Якобинцами, былъ уже приведенъ въ исполненіе, то этого ужъ нельзя было поправить. Спссокъ былъ составленъ на основаніи донесенія Префекта Полиціи и свѣдѣній

(*) Черезъ шесть недель послѣ 3 Нивоза.

представленныхъ другими, сосѣдными съ Парижемъ Префектами; всѣ эти свѣдѣнія были составлены въ томъ же смыслѣ, какъ и рѣчь т. е. такимъ образомъ чтобы согласовать ихъ съ мнѣніемъ, которое Первый Консулъ столь явно обнаружилъ. Уже менѣ старались служить ему, чѣмъ угождать и къ достиженію сего не было вѣрнѣйшаго средства какъ придавать видъ правосудія или доставлять предлоги его ненависти. Сколько въ послѣдствіи я открылъ неважныхъ обсгоятельствъ, которыя должно было считать чуждыми дѣлу и которыя съ онымъ соединялись!

И такъ окончательнымъ слѣдствіемъ злодѣйства 3 Нивоза было, что невинные и виновные подверглись наказанію; съ тою однакоже разницею, что виновные были по крайней мѣрѣ предварительно суждены. Когда первыхъ столь поспѣшно приговорили къ ссылкѣ, то Фуше не могъ еще представить положительнаго доказательства ихъ невинности; почему несправедливое ихъ осужденіе не должно быть вмѣнено ему въ вину; довольно преступныхъ воспоминаній лежатъ на его памяти для того чтобы отягчать оную преступленіемъ, не имъ совершеннымъ. Не смотря на то смѣю увѣрить, что воспротивясь при самомъ началѣ съ бѣльшимъ мужествомъ мнѣнію, объявленному Наполеономъ,— онъ бы остановилъ руку Перваго Консула, го-

товую къ поражению. Прїѣзжая въ Тюліери до открытія настоящихъ слѣдовъ, Фуше каждый разъ увѣрительно говорилъ мнѣ о невинности прежде осужденныхъ; но онъ не смѣлъ сказать того же Наполеону. Я часто сообщалъ ему предположенія Министра Полиціи; но какъ доказательствъ не было, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ торжествующимъ видомъ: «Охъ ужъ этотъ Фуше! . . . онъ всегда таковъ. Впрочемъ какая мнѣ нужда; теперь я отъ нихъ *избавился*. . . . Если найдутся виновные между Роялистами, то ихъ также накажутъ.»

И дѣйствительно, по открытіи чрезъ допросы Фуше виновныхъ,—Сен-Режанъ и Карбонъ заплатили головами за гнусное злодѣйство: такимъ образомъ Первый Консуль и отъ нихъ также *избавился* что удовлетворило всѣмъ его желаніямъ. Тутъ досталось и на его долю и на долю Правосудія.

Г Л А В А XIII.

Наслѣдственная власть.—Сочиненіе *Цесарь, Кромвель и Бонапарте*.—Разговоръ Бонапарте съ Фуше. — Тонкость сего послѣдняго.—Собственноручныя отѣтки Наполеона.—Притворный гнѣвъ.—Отрившеніе Луціана.—Выгодное посольство.—Объявленіе Испанією войны Португаліи.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеонова брата.—Разставленныя сѣти. — Лишеніе довѣренности.—Трехдневная размолвка.—Школьничья штука.—Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе.—Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе.—Доброта Госпожи Бонапарте.—Нескромность Перваго Консула.

Нѣсколько разъ уже я имѣлъ случай говорить, сколько средствъ употреблялъ Бонапарте для достиженія единовластія и для приготовленія умовъ къ этой великой перемѣнѣ. Притомъ же всякой, кто занимался разсмотрѣніемъ его

жизни, долженствовали замѣтить сколько онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ, что народное мнѣніе притупляется чрезъ распространіе слуховъ о какомъ нибудь замыслѣ и слѣдовательно ослабѣваетъ въ минуту исполненія онаго. А посему для обращенія общаго вниманія на вопросъ о наследственной власти, была издана въ публику книжка. Вотъ довольно любопытная исторія оной.

Это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, въ то самое время, когда Фуше отыскивалъ настоящихъ виновниковъ злодѣянія 5 Нивоза. Небольшая книжка подъ заглавіемъ: СРАВНЕНІЕ МЕЖДУ ЦЕСАРЕМЪ, КРОМВЕЛЕМЪ И БОНАПАРТЕ, дошла до Перваго Консула. Онъ былъ въ отсутствіи, когда я получилъ оную. Прочитавъ ее, я увидѣлъ, что наследственная Монархія открыто въ ней проповѣдуется. Мнѣ ничего не было извѣстно объ этой книжкѣ, но я скоро узналъ, какъ ниже увидать, что она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, откуда она была разслана въ большомъ изобиліи безъ писемъ. Прочитавъ ее, я положилъ ее на столъ; Бонапарте вошелъ чрезъ нѣсколько минутъ, взялъ книжку, показавъ видъ, будто бы пробѣгаетъ ее и спросилъ у меня: «Читалъ ли ты это?—Да, Генераль.—Ну, что ты объ этомъ думаешь?—Я думаю, Генераль, что эта книжка способна произвести ве-

личайшее зло въ общественномъ мнѣніи; она кажется мнѣ преждевременною, ибо слишкомъ рано открываетъ ваши замыслы.» Первый Консуль, взявъ книжку, бросилъ ее на полъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ со всеми ежедневными глупостями, наскоро имъ пробѣгаемыми. Я не одинъ былъ такого мнѣнія объ этой книжкѣ; ибо на другой же день, ближайшіе отъ Парижа Префекты, прислали по экземпляру оной къ Первому Консулу жалуюсь на дурное дѣйствіе, ею производимое; я даже помню, что въ одномъ изъ этихъ донесеній было сказано, что такое сочиненіе можетъ обратить противъ него кинжалы новыхъ убійць. Разсмотрѣвъ эти бумаги, онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннѣ, пошли за Фуше; чтобы онъ поскорѣ явился сюда къ отвѣту.» Черезъ полчаса Фуше былъ уже съ нами втроемъ въ кабинетъ. Только что онъ вошелъ, какъ слѣдующій разговоръ начался между ими,—съ величайшею живостью съ одной стороны и съ непоколебимымъ хладнокровіемъ, нѣсколько язвительнымъ съ другой. «Что это за книжка? что объ ней говорятъ въ Парижѣ? — Генераль, всѣ единогласно считаютъ ее весьма опасною.—Если такъ, то за чѣмъ вы допустили издать ее? это непροститительно.—Генераль, я долженъ былъ поберечь сочинителя.—Поберечь! . . . что это значитъ? . . . Его бы должно посадить въ Тампль. — Но, Генераль;

вашъ братецъ Луціанъ взялъ эту книжку подъ свое покровительство; она напечатана и издана по его приказанію; однимъ словомъ, она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Это мнѣ все равно! Въ такомъ случаѣ вы, какъ Министръ Полиціи, обязаны были взять Луціана подъ стражу, и посадить его въ Тамплъ. Этотъ сѣумазбродъ не знаетъ, что выдумать для того, чтобы повредить мнѣ!»

Послѣ этихъ словъ, Первый Консулъ вышелъ изъ кабинета хлопнувъ дверью. Оставшись одинъ съ Фуше, я посмѣшилъ просить у него объясненія усмѣшки, нѣсколько разъ показывавшейся на устахъ его во время гнѣва Бонапарте, ибо я очень видѣлъ, что у него нѣчто есть въ запасѣ. «Посадить сочинителя въ Тамплъ,» сказалъ мнѣ тогда Фуше, «это было бы трудно! Испугавшись дѣйствія, которое могло произвестъ сравненіе между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте, — я какъ только узналъ объ этой книжкѣ, тотчасъ отправился къ Луціану, дабы дать ему почувствовать его неосторожность; тогда, вмѣсто отвѣта, онъ сходилъ за рукописью, которую онъ мнѣ показалъ, и чтоже я увидѣлъ? поправки и отмѣтки, сдѣланныя рукою Перваго Консула.»

Луціанъ, узнавъ о гнѣвѣ Наполеона, также пріѣхалъ въ Тюліери упрекать брата въ томъ, что онъ его выставилъ и потомъ покинулъ.

«Ты самъ виноватъ,» сказалъ Первый Консулъ; «ты дался въ обманъ; ну тѣмъ хуже для тебя! Фуше былъ гораздо хитрѣе и искуснѣе тебя: ты передъ нимъ пошлый дуракъ.» Луціанъ подалъ въ отставку, былъ уволенъ и отправился въ Испанію. Эта дипломатическая ссылка была очень для него выгодна, ибо это посольство было не что иное какъ скрытная ссылка; надобно было, чтобы время облекло покровомъ Махіавельскую выдумку *Сравненія*. Луціанъ, между прочими наставленіями, получилъ приказъ употребить всѣ возможные способы для преклоненія Испаніи къ объявленію войны Португаліи, дабы принудить сію послѣднюю державу отдѣлится отъ Англіи.

Первый Консулъ всегда считалъ Португалію Англійскою колонією. Онъ думалъ, что напасть на нея, значитъ вредить Англіи. Онъ хотѣлъ принудить Португалію неблагопріятствовать болѣе Англичанамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ и сдѣлать, чтобы это Королевство зависѣло отъ него также какъ Испанія. Въ слѣдствіе сего, Луціанъ, отправленный Посланникомъ въ Мадридъ, содѣйствовалъ стараніямъ Министра Карла IV, склонить Короля къ посылкѣ войскъ своихъ въ Португалію. Король рѣшился начать войну, которая была непродолжительна и кончилась почти безъ боя взятіемъ Оливенцы. 6 Іюня 1801 года Португалія

подписала Бадайонецкій договоръ, коимъ она обязывалась уступить Испаніи Оливенцу, Альмеиду и другія небольшія крѣпости и запереть свои гавани отъ Англичанъ. Первый Консулъ, недовольный договоромъ, сначала отказался утвердить его; онъ оставилъ свою армію на нѣсколько времени въ Испаніи и этотъ поступокъ принудилъ Португалію согласиться на нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ договорѣ. Этотъ договоръ былъ для Луціана и для Годоя источникомъ богатства. Но не будемъ преждевременно раскрывать событій.

Не въ одномъ только Тюліерійскомъ кабинетѣ разбирали вопросъ о наследственной власти; это было общимъ предметомъ разговоровъ въ Парижскихъ гостиныхъ; тамъ уже толковали о новой династіи: и эти слухи во все не нравились Первому Консулу, но онъ видѣлъ, что сдѣлалъ ошибку поступивъ слишкомъ поспѣшно; для сего-то онъ жестоко возсталъ противъ *Сравненія* не желая, чтобы могли его подозрѣвать въ какомъ либо участіи въ этомъ, неудавшемся средствѣ; почему однажды онъ сказалъ мнѣ касательно этого: «Мнѣ кажется что я немного поторопился; я слишкомъ рано поставилъ свои вѣхи; груша еще не созрѣла.» И такъ надобно было отсрочить пожизненное Консульство до 1802 года а Императорскую наследственную власть до 1804 года.

Послѣ дурнаго успѣха хитраго обнародованія книжки, мною упомянутой, я былъ приглашенъ обѣдать къ Фуше. Зналъ желаніе Перваго Консула, чтобы я какъ можно рѣже обѣдалъ въ гостяхъ, я объявилъ ему объ этомъ приглашеніи; онъ зналъ уже объ ономъ и тотчасъ согласился. Фуше посадилъ Іосифа по правую себя сторону, а меня подлѣ него. Въ продолженіе обѣда, Іосифъ говорилъ мнѣ только о своемъ братѣ, о его замыслахъ, объ изданной книжкѣ и о дурномъ дѣйствіи, ею произведенномъ. Разспросы его и отвѣты отзывались какимъ то порицаніемъ и неодобреніемъ. Я объявилъ ему мое мнѣніе, согласное съ его словами, но выраженное нѣсколько суровѣе, чѣмъ оно было высказано мною его брату. Онъ казалось одобрялъ меня, довѣренность его меня поощряла и я съ удовольствіемъ видѣлъ въ немъ одинаковый съ моимъ образъ мыслей. Откровенность его была такова, что не взиралъ на пріобрѣтенную мною опытность, я вовсе и въ мысляхъ не имѣлъ что нахожусь съ первостатейнымъ шпиономъ; они однакоже довольно хорошо мнѣ были извѣстны для того, чтобы ихъ остерегаться. Но кто не ошибается! На другой день послѣ этого обѣда, Первый Консулъ довольно сухо сказала мнѣ: *Оставляй мои письма въ корзину, я самъ буду ихъ распечатывать.* Эта непредвидѣнная выходка меня удивила.

ла; но какъ мнѣ не въ чѣмъ было себя упрекать, то я вздумалъ позабавиться надъ этою недовѣрчивостію, которую онъ показалъ мнѣ не объяснивъ причинъ оной: я положилъ въ корзину подъ низъ всѣ письма отъ Министровъ, которыя можно было узнать по конвертамъ, всѣ донесенія присылаемыя къ Первому Консулу на мое имя и закрылъ ихъ кучею писемъ незначительнаго содержанія, которыя я привыкъ уже отличать по адресамъ какъ то: просьбы о назначеніи номеровъ для лотерей, дабы воспользоваться *его* счастіемъ, объ окрещеніи дѣтей, объ опредѣленіи на мѣста, объявленія о свадьбахъ, о рожденіи, вельпныя похвалы, гнусныя посланія б. о., подписи и проч.

Распечатываніе этихъ писемъ, къ которому онъ не привыкъ, вывело его изъ терпѣнія и онъ очень мало ихъ раскрылъ. Часто въ тотъ же день, но всегда уже на другой приходили новыя письма отъ Министровъ съ просьбою объ отвѣтѣ на писанное наканунѣ и съ жалобою на неполученіе онаго. Первый Консулъ опять распечатывалъ десятка два писемъ и оставлялъ прочія; ибо, догадываясь по адресамъ и по печатямъ, что эти письма требуютъ отвѣта на первыя, я клалъ ихъ подъ низъ всѣхъ прочихъ.

Не желая больше продолжать этой шалости, ни остаться въ неловкомъ положеніи, въ кото-

рое привело меня болтовство Иосифа, я рѣшил-ся это кончить. На четвертый день, послѣ вечерней работы, которая была неприятна и прерываема выходками, я далъ Наполеону сойти внизъ и лечь. Спустия полчаса, я отправился къ нему въ комнату: меня всегда и во всякой часъ къ нему пускали. Держа свѣчу въ рукѣ, я взялъ стулъ, пошелъ прямо къ его кровати и поставилъ свѣчу на столъ. Онъ проснулся также какъ и Юзефина.—«Ну что тамъ новаго?» спросилъ онъ у меня съ удивленіемъ.—«Генераль, я пришелъ объявить вамъ, что я немогу съ вами оставаться; безъ довѣренности, я не могу занимать мое мѣсто. Вы знаете сколько я вамъ преданъ и если вы имѣете въ чемъ либо упрекнуть меня, то я долженъ, покрайней мѣрѣ узнать тому причины; но положеніе, въ которомъ я три дня нахожусь, слишкомъ для меня тягостно.» Юзефина съ живостью спросила у него: «Что онъ тебѣ сдѣлалъ, Бонапарте?— *Это до тебя не касается; потомъ, обратясь ко мнѣ: — Да я имѣю причины на тебя жаловаться. Ты говорилъ о нынѣшнихъ дѣлахъ такимъ образомъ, который мнѣ не нравится.* — Могу васъ увѣрить, что я говорилъ одному только вашему брату. Онъ самъ навелъ меня на эту стезю и ужъ ему конечно все слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы я могъ открыть ему какую либо тайну. Я

разговаривалъ о вещи, обоимъ намъ равно извѣстной; онъ пересказалъ вамъ то что хотѣлъ; но развѣ я не могу также поступить и съ нимъ, обвинить его также какъ онъ меня обвинилъ и измѣнить, подобно какъ онъ со мною сдѣлалъ, довѣренности, имъ мнѣ оказанной. Притомъ же, Генераль, ввѣряясь вашему брату, не ужели я могъ полагать, что найду въ немъ Инквизитора?—Да признаюсь, судя по тому что мнѣ донесъ Іосифъ, я счелъ пужнымъ наложить карантинъ на мою къ тебѣ довѣренность; онъ продолжился три дня; этого довольно. Ну хорошо, Буріеннъ, все кончено; не будемъ больше объ этомъ говорить. Распечатывай мои письма; многія лежатъ еще безъ отвѣта; это показалось мнѣ слишкомъ скучнымъ; и притомъ мнѣ все попадались вздоры.»

Мнѣ кажется какъ будто я теперь еще вижу и слышу добрую Іозефину, какъ она, приподнявшись до половины сказала ему съ самою милою кротостью: «Какъ, Бонапарте, ты могъ подозрѣвать Буріенна; его, который такъ тебѣ преданъ, который есть единственный другъ твой; какъ ты могъ допустить, чтобы ему разставили такія сѣти? Обѣдъ, нарочно для этого устроенный! . . . Боже мой какъ я ненавижу всю твою Полицію.» Тогда Бонапарте, засмѣявшись сказалъ ей: «Ну спи, спи! . . . Занимайся твоими тряпками: женщины ничего не понима-

ють въ дѣлахъ Правительства.» Когда я ушелъ то было около двухъ часовъ утра.

Проспавъ нѣсколько часовъ я увидѣлъ Перваго Консула, который былъ со мною болѣе чѣмъ когда либо любезенъ и я увидѣлъ, что на *эту минуту* всѣ облака разсѣялись.

Разсказанное мною представляетъ новое доказательство невѣроятной нескромности Наполеона и непреодолимой его охоты объявлять обвиняемымъ имена ихъ доносчиковъ; надобно признаться, что Иосифъ при этомъ случаѣ игралъ ролю, не очень приличную будущему Королю!....

Г Л А В А XIV.

Воспоминанія.—Народные клики и голосъ Иозефины.—Учрежденіе Правительства въ Пісмонть.—Французскій языкъ въ Пісмонть. — Цизальпинская Консульта. — Правительство вмѣстѣ Республики. — Дѣятельность Перваго Консула. — Назначеніе Келдермана.—Надпись на почетныхъ сабляхъ.—Награды Рейнской арміи. — Медаль. — Резервная армія и притворная скромность.—Генераль Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Юля.—Подписка.—Памятникъ Дезе.—Знамена Маренгскія, Италіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ. — Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренина въ Инвалидномъ домѣ.—Счастливая ораторская выходка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона.

Отъ одного предмета такъ легко увлекаешь-ся къ другому, особенно когда описываемыя происшествія связываются между собою соотношеніями, что почти самъ того не замѣтивъ, я

привелъ себя въ необходимость обратиться къ эпохѣ, существовавшей прежде той, къ которой принадлежатъ событія, описанныя мною въ предыдущихъ главахъ. Особенно эта глава, предупреждаю читателя, будетъ чрезвычайно неправова, ибо мнѣ хочется помѣстить въ ней нѣкоторыя отдѣльныя воспоминанія, оставшіяся вазади и такъ сказать, забытыя мною на пути, уже пройденномъ. Такимъ образомъ на примѣръ, поощреный заговоръ Арены, привелъ меня къ покушенію 3 Нивоза, а намекъ о Фуше въ его поискахъ, долго бесполезныхъ, завлекъ меня въ воспоминанія о знаменитомъ сочиненіи, однимъ изъ послѣдствій коего было удаленіе Луціана; и я ничего не успѣлъ сказать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, послѣдовавшихъ за великимъ днемъ при Маренго.

Народъ рѣдко принимаетъ существенное участіе въ государственныхъ событіяхъ; онъ видитъ ихъ проходящими мимо глазъ его съ холоднымъ равнодушіемъ и наслаждается праздниками, даваемыми ему Правительствомъ, только какъ зрѣлищемъ, о причинахъ коего онъ даже не доискивается. Не такъ было по возвращеніи нашемъ изъ Маренго: радость была всеобщая, живая, сильно чувствуемая не только первыми двумя сословіями общества, но всеми; и любовь, которую со всѣхъ сторонъ изъявляли Первому Консулу, была искренна: какъ онъ

былъ счастливъ! и съ какимъ восхищеніемъ онъ сказалъ мнѣ однажды, пришедъ отъ развода: «Буріеннъ, слышишь ли ты гулъ этихъ кликовъ, еще продолжающихся; онъ столько же пріятенъ для меня, какъ голосъ Іозефины; какъ я счастливъ и какъ я горжусь любовью такого народа!»

Въ продолженіе послѣдняго своего пребыванія въ Миланѣ, Бонапарте учредилъ новое правительство для Піемонта; съ тѣхъ поръ онъ возымѣлъ сильное желаніе присоединить эту богатую, плодоносную землю къ Французскимъ владѣніямъ на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ Піемонтскихъ областей принадлежали нѣкогда Лудовику XIV. Этотъ Монархъ былъ единственный изъ Королей, къ которому Первый Консулъ питалъ истинное уваженіе; онъ сказалъ мнѣ однажды говоря объ немъ: «Еслибъ Лудовикъ XIV и не родился Королемъ, то онъ все былъ бы великимъ человѣкомъ, но онъ не зналъ людей; онъ не могъ знать ихъ; и притомъ, онъ никогда не былъ несчастливъ!» Онъ очень удивлялся твердости воли престарѣлаго Монарха, который не упалъ духомъ и скорѣе хотѣлъ погребетись подъ развалинами Монархій, чѣмъ согласиться на постыдныя условія послѣ того какъ онъ повелѣвалъ Государями Европы. Я помню, что Первый Консулъ былъ очень доволенъ, когда изъ представленныхъ ему

о разныхъ предметахъ донесеній, онъ увидѣлъ что въ Казаль и въ нѣкоторыхъ долинахъ, какъ напримѣръ въ Пиніероль, въ Латуръ и въ Люцернъ замѣтно еще много слѣдовъ тѣхъ времянь, когда эти земли принадлежали Франціи и что тамъ сохранилось употребленіе Французскаго языка; онъ уже становился защитникомъ прошедшаго и ему не угодилъ бы тотъ, который сталъ бы при немъ бранить прежнихъ Королей Франціи.

Первый Консулъ учредилъ для управленія Пиемонтомъ Консульту, коей членовъ, какъ можно себѣ представить, онъ выбралъ изъ Пиемонтцевъ, показавшихъ себя приверженцами Франціи. При этомъ учрежденіи онъ говорилъ, что *дастъ тѣмъ Пиемонтцамъ новое доказательство пріязни и правоты Французскаго народа.* Послѣ сего онъ избралъ Генерала Дюпона въ Предсѣдателя Консульты съ титуломъ чрезвычайнаго Министра Французскаго Правительства. При этомъ случаѣ мнѣ пріятно замѣтить тайный шагъ, который сдѣлалъ тогда Бонапарте къ ниспроверженію Республики: написавъ черновой актъ о назначеніи Генерала Дюпона, я по обыкновенію поставилъ: Чрезвычайный Министръ *Французской Республики.* «Нѣтъ, нѣтъ,» сказалъ онъ мнѣ, «напиши вмѣсто Республики—*Правительства.*»

По пріѣздѣ въ Парижъ, Первый Консулъ за

удовольствіе себѣ поставилъ ознаменовать свое присутствіе очевидными доказательствами своей невѣроятной дѣятельности; а посему на другой же день по его прибытіи было издано множество указовъ; послѣ чего онъ занялся наградами: назначилъ Келлермана Дивизионнымъ Генераломъ, что по всей справедливости слѣдовало бы сдѣлать на полѣ сраженія и роздалъ почетныя сабли приказавъ сдѣлать на нихъ эту, лестную для него надпись: БИТВА ПРИ МАРЕНГО ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ ПЕРВАГО КОНСУЛА.—ДАНА ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ РЕСПУБЛИКИ ГЕНЕРАЛУ ЛАННУ. Еще четыре почетныя сабли были даны Генераламъ Виктору, Ватрену, Гардану и Миорату; а потомъ множество другихъ сабель, не столь богатыхъ, пожаловано другимъ Офицерамъ, равно какъ почетныя ружья и шомпола для рядовыхъ, отличившихся при Маренго или въ Рейнской арміи; ибо Бонапарте былъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы не включить Офицеровъ и солдатъ, сражавшихся подъ предводительствомъ Моро въ число тѣхъ, конемъ онъ назначалъ національныя награды; онъ даже приказалъ выбить медаль въ память вступленія Французовъ въ Минхень. Но въ то же время какъ печатали о Маренго и о краткомъ Италіянскомъ походѣ официалныя басни, и—что достойно замѣчанія—между тѣмъ какъ съ преувеличеньями опи-

сывались событія, все это прикрывали при-творною скромностью, оставя побѣдоносной Маренгской арміи негромкое названіе *резервной арміи*. Посредствомъ этой некусовой предосторожности сохранялась честь Конституціи. Первый Консуль ее не нарушилъ; если онъ и воевалъ, если и отваживался на все, то это было только случайно, ибо онъ не предводительствовалъ другою арміею кромѣ резервной, которую однакоже предъ выступленіемъ въ походъ онъ привѣтствовалъ именемъ *Большой Арміи*; да и кто могъ въ этомъ сомнѣваться, когда Бюлетени о томъ свидѣтельствовали? Правду сказать, я не постигалъ какъ Бонапарте, съ понятіями столь высокими, столь обширными,—могъ прибѣгать къ такимъ пустымъ, къ такимъ мелкимъ уловкамъ, столь малоспособнымъ обмануть людей, хоть нѣсколько прозорливыхъ.

Иностранцы, даже цѣлѣнные, были предметомъ расчетливаго вниманія Наполеона. Я помню, что однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, напиши къ Военному Министру чтобы онъ выбралъ на Версальской оружейной фабрикѣ пару отличныхъ пистолетовъ и отослалъ бы ихъ отъ моего имени къ Генералу Цаху. Онъ сегодня у меня обѣдалъ и очень хвалилъ нашу оружейную фабрику; я хочу чтобы у него осталось объ ней что нибудь на память; а при-

томъ это принесетъ пользу; объ этомъ стануть говорить и можетъ быть слухи дойдуть въ Вѣну. Напиши.»

Едва вѣсть о Маренгской битвѣ достигла Парижа, какъ Луціанъ Бонапарте, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ занялся приготовленіями къ празднеству, случившемуся въ самую годину 14 Июля и долженствовавшему напомнить собою первую Федерацию. Выше было сказано, что этотъ праздникъ и день 1 Вандеміера были единственными, которые сохранило Консульское Правительство. Дѣйствительно съ давняго времени Франціи не представлялось столь много надеждъ и восторгъ Французовъ обнаруживался при Первомъ Консулѣ съ величайшею живостью. Однакожъ, посреди радостныхъ порывовъ, причиняемыхъ побѣдою и надеждами на миръ, было мѣсто и огорченію; слава Дезе, геройскій его характеръ, смерть его, баснословныя слова, ему приписанныя и считаемыя публикою истинными,—все это приводило къ чувствамъ скорби о героѣ Арабовъ, о праведномъ Султанѣ, о другѣ Консула. Посему вознамѣрились открыть подписку для сооруженія ему національнаго памятника.

Здѣсь я не могу удержаться, чтобы не сдѣлать замѣчанія о разницѣ того времени, о которомъ я говорю, съ тѣмъ, въ которое мы живемъ. Мы видѣли что Франція наградила почти миліономъ, дѣтей одного изъ своихъ велич-

чайшихъ ораторовъ, краснорѣчиваго защитника общественной свободы; а на памятникъ героя Дезе, едва набралось въ Парижѣ по подпискѣ двадцать тысячъ франковъ. Не знаю какимъ случаемъ остались у меня въ бумагахъ эти подписные листы. Въ заглавіи перваго я вижу Луціана, подписавшагося на сто франковъ; а самый щедрый подписчикъ есть Г. Делессеръ на 150 франковъ. Я нахожу тамъ скромный луйдоръ Пасторета и Генерала Даву. Правда что Луціанъ подписалъ еще и на второмъ листѣ 600 франковъ; встрѣчаю тутъ и себя въ слѣдъ за Г-жею Бонапарте: она подписалась на 500, а я на 120 франковъ. Эта скупость подписчиковъ, о которой мнѣ очень позволено говорить, потому что я самъ находился въ числѣ ихъ, не представляетъ ли странной противоположности съ патріотическою щедростью, послѣдовавшею за смертью Генерала Фуа: я только сблизилъ между собою эти два событія; пусть кто хочетъ выводить изъ нихъ заключенія. Впрочемъ бѣдность памятника, сооруженнаго Генералу Дезе на Дофинской площади свидѣтельствуетъ о маломъ усердіи подписчиковъ. Первый Консулъ былъ этимъ недоволенъ и назвалъ именемъ Дезе новую набережную, которая была съ торжествомъ заложена 14 Юля.

Въ этотъ день, было чрезвычайное стеченіе народа на Марсовомъ Поля и въ Марсовомъ

Храмъ, какъ продолжали еще называть церковь Инвалиднаго Дома. Луціанъ произнесъ рѣчь о благонадежномъ положеніи Франціи, въ сравненіи со страшною годною ужаса и съ постыдными временами Директоріи. Лаинъ былъ удостоенъ заслуженной имъ чести представить Правительству знамена, взятые при Маренго; и при этомъ представленіи сказалъ рѣчь, приличную его благородной и правдолюбивой искренности. Другія рѣчи были также произнесены Адыютантами Массены и Лекурба. Съ большою торжественностью роздали медали пяти инвалидамъ, признаннымъ товарищами ихъ, самыми достойными сего отличія. Послѣ сего Первый Консулъ сказалъ въ присутствіи своихъ молчаливыхъ товарищей:

«Знамена, представленныя Правительству предъ народомъ сей обширной столицы, свидѣтельствуя о геніѣ Главнокомандующихъ Моро, Массены и Бертъе; о военныхъ талантахъ Генераловъ, ихъ сподвижниковъ и о храбрости Французскихъ солдатъ.

«Возвратясь въ лагеря, скажите солдатамъ, что къ эпохѣ 1-го Вандеміера, въ которую мы празднуемъ годовщину Республики, народъ Французскій ожидаетъ—или мира или, буде непріатель противопоставитъ оному непреодолимая препоня—новыхъ знаменъ, плодовъ новыхъ побѣдъ.»

Послѣ этого обращенія Перваго Консула къ солдатамъ отъ имени народа, и въ которомъ онъ взвалилъ на Бертѣ славу Маренго,—своды храма огласились гимномъ, коего льстивые стихи были сочинены Г. Фонтаномъ, и коего музыка свидѣтельствовала о талантѣ Мегюля, бывшемъ тогда въ полной своей силѣ. Но при этомъ праздникъ всего достопримѣчательнѣе было—ни поэзія, ни музыка, ни даже льстивое краснорѣчіе Луціана, а прибытіе на Марсово Поле послѣ церемоніи въ Инвалидномъ домѣ, Консульской Гвардіи, возвратившейся изъ Маренго. Я смотрѣлъ изъ окна Военной Школы и никогда не забуду сотрясенія, такъ сказать электрическаго, огласившаго воздухъ радостными кликами при ея появленіи. Эти солдаты прошли мимо Перваго Консула не въ красивыхъ мундирахъ, какъ въ день смотра: отправясь съ поля сраженія по погашеніи огней на другой день, они прошли Ломбардію, Піемонтъ, гору Сенисъ, Савоію и Францію въ двадцать девять дней; они явились украшенные утомленіемъ отъ дальняго пути, съ лицами загорѣвшими отъ Іюньскаго солнца Италіи, и съ тѣмъ разстройствомъ одежды и вооруженія, которое свидѣтельствовало объ участіи ихъ въ смертномъ бою. Хотите ли вы имѣть о нихъ понятіе? вы можете увидѣть вѣрный образецъ ихъ въ первомъ Гренадерѣ, котораго Жераръ поставилъ

на одной сторонѣ своего Аустерлицкаго сраженія.

Въ эпоху этого празднества, то есть въ половинѣ Іюля, Первый Консуль не могъ думать, чтобы умѣренныя условія, предложенныя имъ послѣ побѣды, не были приняты Австрією. И такъ въ надеждѣ мира, по всему казавшагося вѣроятнымъ,—онъ созвалъ въ первый разъ послѣ учрежденія Консульскаго Правленія, Депутатовъ изъ Департаментовъ и назначилъ срокомъ ихъ съѣзда въ Парижъ первое Вандеміера, день, разграничивавшій истекавшее столѣтіе и великій вѣкъ, долженствовавшій начаться. Хотя и не много имѣю сказать объ этомъ празднованіи столѣтія, но не отдѣлю онаго повѣствованіемъ о другихъ происшествіяхъ отъ празднества, мною описаннаго.

Тѣло великаго Тюренна, коему Лудовикъ XIV воздалъ почесть, помѣстивъ знаменитую его гробницу между Королевскими гробами въ Сен-Денисекомъ склепѣ, было оттуда исторгнуто въ святотатственную эпоху разрытія могилъ. Бранныя его остатки, перемѣшанные съ другими костями, долгое время валялись на чердакѣ Врачебной Школы. Г. Ленуаръ, по вдохновенію и по любви къ изящнымъ искусствамъ, извлекъ оныя изъ сего неприличнаго забвенія и помѣстилъ ихъ въ прежнюю гробницу Тюренна въ Музеѣ Малыхъ Августиновъ. Бонапарте возна-

мѣрился поручить охраненіе оныхъ ветеранамъ воинской славы, соорудивъ надъ ними мраморный памятникъ, въ коемъ слава Тюренна не имѣетъ нужды. Это были новые узлы, которыми онъ соединялъ прошедшія времена Франціи со своею собственною будущностью и онъ разсудилъ, что чувства, внушенныя Французамъ торжественною почестью, возданною памяти Тюренна и восторженныя ораторскими преувеличеніями счастливой мысли перенесенія тѣла его въ Инвалидный Домъ,—расположатъ Департаментскихъ Депутатовъ къ принятію съ бѣльшимъ восторгомъ вѣсти о мирѣ, которую онъ надѣялся имъ сообщить.

Однакоже переговоры не приняли еще того благопріятнаго оборота, коего ожидалъ Первый Консуль. Извѣстія, сообщенныя имъ со всевозможнымъ искусствомъ и осторожностью чрезъ посредство Луціана, были выслушаны съ безпокойствомъ; но Луціанъ оставилъ къ концу своей рѣчи въ запасъ одну изъ тѣхъ ораторскихъ выходовъ, которыхъ Первый Консуль столь любилъ внезапное и неожиданное дѣйствіе. Пространно описавъ усилія Правительства къ пріобрѣтенію мира, изобразивъ увертки Австріи и обвинивъ пагубное вліяніе Англіи,—онъ вдругъ возвысилъ голосъ и съ нѣкоторою торжественностью прибавилъ: «Сей часъ, въ ту самую минуту, какъ Консулы выходили изъ дворца Пра-

вительства—прибыль курьеръ съ депешю, которую Первый Консуль повелѣлъ мнѣ вамъ сообщить.» Послѣ сего онъ прочиталъ ноту, извѣщающую что Австрійское Правительство соглашается отдать Франціи три крѣпости Ульмъ, Филишбургъ и Ингольштадтъ. Отдача этихъ трехъ мѣстъ подавала надежду къ скорому заключенію предварительныхъ условій; вѣсть сія была принята съ восторгомъ и чрезъ нея, этотъ день, долженствовавшій быть вовсе не радостнымъ, содѣлался однимъ изъ лучшихъ дней Перваго Консула.

Г Л А В А XV.

Австрія, связанная Англією.—Г. Сен-Жюльєнъ въ Парижѣ.—
Порученіе Дюрока. — Прерванное перемиріе. — Уступка
трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Требованіе от-
дѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Италію.—Лихо-
имство.—Затрудненія при сдачѣ Генуи.—Умѣренность Пер-
ваго Консула.—Переходъ чрезъ Минціо и чрезъ Дунай.—
Перемиріе на сухомъ пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.
—Гогенлиденская битва. — Радость Наполеона.—Госпожа
Моро въ Тюліери.—Женскіе толки.—Госпожа Гюло въ
Мальмезонѣ.—Холодность Наполеона.—Г. Кобенцель въ
Парижѣ.—Юневильскій Конгрессъ.—Кларкъ. — Искусный
отвѣтъ Г-на Маре.

Перемиріе, заключенное въ слѣдствіе Маренг-
ской битвы; потомъ нарушенное и опять воз-
становленное,—продолжало сохраняться нѣсколь-
ко времени между арміями Рейнской, Италіян-
скою и Императорскими войсками; но Австрія,

связанная полученнымъ его денежнымъ вспомо- ществованіемъ двухъ миліоновъ фунтовъ стер- линговъ, не могла договариваться о мирѣ безъ соучастія Англіи; она не теряла еще надежды начать снова счастливую войну

Однакожь Г. Сен-Жюліенъ подписалъ въ Па- рижѣ предварительныя условія, но Вѣнскій дворъ не утвердилъ оныхъ; и Дюрокъ, послан- ный Наполеономъ въ Вѣну для представленія сихъ условій на утвержденіе Императору, не былъ пропущенъ чрезъ Австрійскіе аванпосты. Эготъ неосторожный поступокъ, слѣдствіе все- могущества Англіи, по справедливости возбу- дилъ негодованіе Перваго Консула, представив- шаго доказательство наивеличайшей умѣренно- сти и живѣйшаго желанія мира. Онъ говорилъ мнѣ: «Я имѣю нужду въ мирѣ для того чтобы устроить внутреннее управленіе (онъ не гово- рилъ: для пріуготовленія себѣ пути къ власти); Французы онаго желаютъ. Ты видишь предло- женныя мною условія; побѣжденная Австрія по- лучаетъ тоже что при Кампо-Форміо; чего же ей еще надобно? Я могъ бы потребовать боль- ше; но и не страшась неудачь 1799 года, я долженъ имѣть въ виду будущность. При томъ же спокойствіи мнѣ нужно для того чтобы у- строить внутренность Государства и послать помощь въ Мальту и въ Египеть. Но я не хочу быть обманутымъ . . . я скоро рѣшусь.»

Дѣйствительно Первый Консуль, вознегодовавъ, послалъ къ Моро приказъ прервать перемиріе и возобновить непріязненные дѣйствія если ему не отдадутъ мостовъ Рейна и Дуная, отдавъ ему Филиппбургъ, Ульмъ и Ингольштадтъ; тогда Австрійцы предложили договориться съ Франціею на новыхъ основаніяхъ. Англичане хотѣли было участвовать въ Конгрессѣ, но Первый Консуль не иначе на то соглашался какъ съ тѣмъ чтобы они подписали отдѣльное перемиріе и перестали дѣйствовать за одно съ Австріею.

Въ предыдущей Главѣ сказано, что Первый Консуль получилъ 25 Сентября извѣстіе о занятіи трехъ крѣпостей; это былъ день, назначенный имъ въ его окончательныхъ предложеніяхъ Англіи для возобновленія непріязненныхъ дѣйствій: но на эту минуту онъ удовольствовался снисходительностію Австріи; ибо Держава сія, въ надеждѣ на поддержку отъ Англіи, спрашивала у него, на какихъ условіяхъ ей слѣдуетъ договариваться.

Г. Отто былъ въ Лондонѣ съ порученіемъ касательно размѣна плѣнныхъ, а между тѣмъ переговаривался съ Австріею. Англія и слышать не хотѣла о перемирії на морѣ, подобномъ тому, которое Франція заключила на сухомъ пути съ Австріею. Она ссылалась на то, что въ случаѣ разрыва, Франція найдетъ въ этомъ мор-

скомъ перемиріи болѣе выгодъ чѣмъ Австрія. Затрудненіе и медленность сношеній, дѣлали эти причины вѣроподобными. Первый Консуль соглашался принять отъ Англіи другія предложенія и допустить ее къ Люневильскимъ переговорамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она заключила съ нимъ *договоръ* безъ посредства Австріи. Англія въ этомъ отказала, послѣ чего уже никакъ не могли сойтись Паскуивъ неизвѣстностью и разными увертками Австріи, покорствовавшей Англійскому вліянію, Бонапарте почувствовали что продолжительность такого положенія вещей непременно обратится ко вреду его и прервалъ перемиріе: онъ соглашался на довольно пожертвованій, не совмѣстныхъ съ успѣхами его въ Италіи. Надежда скорого мира одна только могла заставить его забыть необъятныя выгоды, доставленныя ему побѣдою. Опишемъ въ короткихъ словахъ прошедшее.

Первый Консуль бросилъ взоры на положеніе Италіи, на вооруженіе и продовольствіе. Онъ хотѣлъ всегда бытъ наготовѣ противъ дѣятельныхъ козней Англіи и противъ двуличности враговъ своихъ. Бонапарте, изъ присланныхъ ему донесеній съ негодованіемъ узналъ, что не только, подъ самыми пустыми предлогами снабдили продовольствіемъ крѣпости Италіи, но что въ слѣдствіе того безпорядка и лихоимства,

кои ми отличалось Правительство Директоріи, соблазнъ дошелъ до такой степени, что продали часть того, что оставили въ нихъ Австрійцы тогда какъ крѣпости сіи вдругъ достались во власть Маренгскаго побѣдителя. Многія лица, сильно подозрѣваемые въ участіи въ этихъ безпорядкахъ, были отозваны и лишены мѣстъ своихъ. Самыя сильныя мѣры были приняты для того, чтобы исправить это зло и воспренятствовать его возобновенію. Солдаты, справедливо недовольный тѣмъ, что послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, съ нимъ также дурно поступаютъ, какъ и въ то время, когда невѣжество и незнаніе подвергали его неудачамъ,—съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣятельное, честное управленіе положить конецъ его бѣдствіямъ.

Если послѣ Маренго, Первый Консулъ показалъ възыскательность касательно исполненія заключенныхъ условій, то обстоятельства, происшедшія при сдачѣ Генуи, могли подать ему нѣкоторыя причины къ неудовольствію.

Въ отдачѣ Генуи дѣйствительно произошла нѣкоторая задержка: Князь Гогенцоллернъ, котораго Меласъ оставилъ тамъ Губернаторомъ со значительнымъ отрядомъ войскъ, не могъ рѣшиться такъ скоро выйти побѣжденнымъ изъ крѣпости, въ которую Генераль Меласъ стою еще недавно вступилъ побѣдителемъ.

Когда Массена явился предъ Генуу для того, чтобы принять ее вновь въ свое владѣніе, то Князь отказалъ сдать ему оную. Надобно было обратиться къ Генералу Меласу. Правда, показанная этимъ Генераломъ въ столь многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и тутъ не измѣнилась. Онъ приказалъ Князю Гогенцоллерну немедленно исполнить договоръ угрожая подвергнуть его послѣдствіямъ, которыя могъ навлечь отказъ его. Пришлось повиноваться и идти по той же дорогѣ, по которой шла уже Австрійская армія, то есть отступить за Минчіо. Первый Консуль закрылъ глаза на это затрудненіе.

Не только не уваживъ умѣренности, кося Первый Консуль не переставалъ представлять доказательства, — Австрія и Англія казалось увеличили только свою смѣлость. Съ этой минуты былъ отданъ приказъ возобновить наступательныя дѣйствія въ Германіи и въ Италіи и тогда-то война опять началась.

Перевѣсъ фортуны долго былъ сомнителенъ. Послѣ неудачи, Австрія обѣщала; послѣ успѣха она уклонялась отъ своего обѣщанія; но наконецъ fortuna объявила себя за Францію и Французскія арміи въ Италіи и въ Германіи перешли — одна чрезъ Минчіо, а другая чрезъ Дунай и знаменитая Гогенлинденская битва довела Французскіе аванпосты за десять миль

отъ Вѣны. Эта побѣда доставила миръ, ибо, слишкомъ хорошо наученный прошедшимъ, Первый Консулъ не хотѣлъ и слышать о перемиріи до тѣхъ поръ, пока Австрія не согласится на заключеніе отдѣльнаго договора: доведенная до послѣдней крайности Австрія, принужденною нашлась уступить и оставила Англію. Британскій кабинетъ, хотя и давшій два миліона фунтовъ стерлинговъ денежнаго пособія,—согласился на это разлученіе.

Великобританія была къ сему преклонена положеніемъ, въ которое послѣдніе успѣхи Морю привели Австрію и слишкомъ было очевидно, что дальнѣйшее сопротивленіе могло довести сію послѣднюю до вѣрной гибели, что было бы противно ея выгодамъ.

Англія, какъ выше видѣли, требовала допущенія къ Люневильскимъ переговорамъ. Первый Консулъ на это соглашался; но замѣтивъ, что Англія старается только обмануть его, онъ потребовалъ, чтобы она прекратила непріязненные дѣйствія съ Франціею, также какъ сіе сдѣлала Австрія. Первый Консулъ весьма разсудительно ссылался на то, что такое перемиріе неопредѣлительное на твердой землѣ, будетъ болѣе неблагопріятно для Франціи, чѣмъ продолжительное перемиріе на морѣ причинило бы вреда Англіи. Все это отсрочило

заключеніе предварительныхъ условій до 1801, а миръ до 1802 года.

Легко себѣ представить живѣйшее нетерпѣніе Перваго Консула въ продолженіе увертокъ Австріи и козней Англій; ему извѣстны были всѣ замыслы, устриваемые для возстановленія Бурбоновъ. А посему можно посудить какъ велика была его радость, когда Гогенлинденская битва, всею тяжестью своею наклонила на его сторону вѣсы фортуны (*). При этихъ то, столь еще сомнительныхъ обстоятельствахъ, Моро одержалъ 5 Декабря 1800 года эту достопамятную побѣду, положившую конецъ недоумѣніямъ Вѣнскаго кабинета.

6 Декабря Первый Консулъ получилъ извѣстіе о Гогенлинденской побѣдѣ. Это было въ Суботу: онъ пріѣхалъ изъ театра въ ту минуту какъ я вручилъ ему депешу; радость его была такъ велика, что онъ вспрыгнулъ и упалъ на меня, что помѣшало ему повалиться на полъ. Я долженъ сказать что онъ не ожидалъ столь важнаго послѣдствія искусныхъ движеній Рейнской арміи. Эта побѣда давала новый видъ

(*) Наканунѣ Гогенлинденскаго сраженія, Моро ужиналъ со своими Адъютантами и со многими Генералами; ему приносятъ депешу. Прочитавъ ее, онъ хоть и не имѣлъ привычки хвастать, а сказалъ своимъ гостямъ: «Меня извѣщаютъ о движеніи, сдѣланномъ Барономъ Краемъ. Я этого только и желалъ. Завтра мы возьмемъ у него десять тысячъ человекъ.»—Моро взялъ у него сорокъ тысячъ и множество знаменъ.

переговорамъ его о мирѣ и рѣшила открытіе Люневильскаго Конгресса, происшедшее 1 числа слѣдующаго Генваря мѣсяца.

При вѣсти объ одержаніи Гогенлинденской побѣды, Госпожа Моро посѣдила во дворецѣ дабы увидѣть Перваго Консула и Госпожу Бонапарте. Она являлась туда неоднократно не будучи принята. Въ послѣдній разъ пріѣхала она съ матерью своею Г-жею Гюло. Долгое время ждала она тщетно и наконецъ, собираясь уже уѣхать, мать ея не могла скрыть своей досады и сказала очень громко въ гостиной при мнѣ и при многихъ другихъ домашнихъ Наполеона, что *женъ Гогенлинденскаго побѣдителя неприлично такимъ образомъ ждать*. Эти рѣчи дошли куда слѣдовало. Г-жа Моро въ скоромъ времени отправилась къ мужу своему въ Германію. Г-жа Гюло, черезъ нѣсколько времени послѣ того, опять пріѣхала въ Мальмезонъ просить о производствѣ старшаго своего сына, въ послѣдствіи умершаго, который служилъ во флотѣ. Иозефина очень хорошо приняла Г-жу Гюло и пригласила ее остаться обѣдать также какъ и Господина Карбонне, ея знакомаго, сопровождавшаго ее въ Мальмезонъ. Первый Консулъ, увидѣвшій ее только за обѣдомъ, обошелся съ нею весьма сухо, говорилъ съ нею очень мало и послѣ обѣда оборотился къ ней спиною. Это поведеніе такъ было разительно, что Иозефина, всегда прево-

сходная, сочла обязанностью оправдать Перваго Консула, сказавъ что онъ *озабоченъ непробытіемъ курьера, котораго замедленіе его превозжило.*

Бонапарте не питалъ никакой неприязни къ Моро потому что онъ его не боялся; и послѣ Гогенлинденскаго сраженія, онъ лучше о немъ отзывался, не скрывая даже что онъ многимъ ему былъ обязанъ въ этомъ важномъ случаѣ; но онъ не могъ терпѣть семейство жены его, которое онъ называлъ толпою проныръ.

Какъ бы то ни было, а по назначеніи города Люневилья мѣстомъ для Конгресса, Первый Консулъ послалъ Юсифа договариваться съ Графомъ Лудвигомъ Кобенцелемъ. Юсифъ встрѣтилъ Графа на дорогѣ, ѣхавшаго въ Парижъ для того чтобы вывѣдать расположеніе Французскаго Правительства и сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ. Юсифъ воротился съ нимъ туда обратно. Переговоривъ съ Первымъ Консуломъ касательно мира, они на другой же день отправились въ Люневиль, куда Бонапарте назначилъ Губернаторомъ Генерала Кларка, который непременно хотѣлъ чѣмъ нибудь быть и не переставалъ его мучить. Это, очень пустое назначеніе его удовлетворило.

Черезъ день по полученіи этого благопріятнаго извѣстія, Г. Маре привезъ по обыкновенію около четырехъ часовъ къ Первому Кон-

сулу для подписанія бумаги, составленныя по опредѣленію Совѣта. Подписывая и не поднимая головы, Первый Консуль сказалъ Г-ну Маре, котораго службою онъ былъ доволенъ и который стоялъ по правую его сторону съ бумагами. «Богатъ ли ты Маре? — Нѣтъ Генераль. — Тѣмъ хуже: надобно быть независимымъ. — Генераль, я хочу зависѣть только отъ васъ.» Тогда Первый Консуль, взглянувъ на Маре, сказалъ: «Гмъ! не дурно!» А когда Статсъ-Секретарь вышелъ, то Бонапарте замѣтилъ мнѣ: «Маре не глупъ: онъ искусно отвѣчалъ.»

Г Л А В А XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обороты Иосифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и странный совѣтъ Талейрана.—Пересылка черезъ почту.—Необходимость имѣть хорошій столъ.—*Эдуардъ въ Шотландіи*.—Вліяніе дѣвнцы Конта.—Снисходительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.—*Передилля*.—Лакейскія ливреи и Гревская площадь.—Исключеніе со сцены нѣсколькихъ пьесъ.—Бонапарте въ Сен-Кантенъ.—Я остаюсь въ Парижѣ.—Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фултонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона.—Смерть Императора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Новыя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Петербургъ.—Отвергнутое предложеніе.—Смерть Аберкромбія.—Истина и льстецы.

9 Февраля 1801, черезъ шесть недѣль послѣ открытія Люневильскаго конгресса, миръ былъ подписанъ между Австріею и Франціею. Плодъ

побѣдъ при Маренго и при Гогенлиденѣ, миръ сей возстановилъ Францію въ то почетное положеніе, которое разстроили: Правительство Пентархіи, его слабость, неспособность и неудачи 1799 года. Миръ сей, названный въ договорѣ, по обыкновенію *слынымъ*, продолжился четыре года: и это еще очень много.

Іосифъ Бонапарте, производя Люневилѣ переговоры для Франціи,—занимался на Биржѣ извлеченіемъ выгодъ изъ возвышенія курса, долженствовавшаго, по его мнѣнію произойти чрезъ этотъ миръ. Люди, болѣе искусные, знавшіе подобно ему тайну, продали свои фонды въ ту минуту, какъ была пріобрѣтена увѣренность о мирѣ, а Іосифъ купилъ множество ихъ для того чтобы продать съ барышемъ при подписаніи мира. Но новость распространилась и курсъ упалъ; потеря Іосифа была значительна и онъ не могъ удовлетворить обязательствамъ, въ которыя вовлекли его, жадные и глупые расчеты: онъ обратился къ брату, который не хотѣлъ и не могъ дать ему необходимую сумму. Наполеону однакожь очень было больно видѣть старшаго своего брата въ такомъ затрудненіи и онъ спросилъ у меня что дѣлать. Я отвѣчалъ, что не знаю; но предложилъ ему обратиться къ Г. Талейрану, отъ котораго онъ часто получалъ хорошіе совѣты; онъ это сдѣлалъ. Г. Талейранъ

сказалъ ему съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ: «Какъ! только то? это ничего не значить. . . . совершенно ничего не значить; тутъ нечего и безпокоиться; стоить только поднять курсъ фондовъ.—Но деньги! — Деньги не трудно достать; заложите что нибудь въ Заемную Контору и вы получите деньги для того чтобы поднять цѣну фондовъ; они возвысятся; Іосифъ продастъ ихъ и получитъ барышъ. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.» Все удалось какъ предвидѣлъ Г. Талейранъ. Я долженъ здѣсь сказать однажды навсегда, что дабы имѣть настоящее понятіе о всѣхъ разговорахъ Г. Талейрана,— надобно знать его способъ выраженія, непринужденность, непоколебимое хладнокровіе, неизмѣнныя черты лица недоступныя никакому волненію и обширный умъ его. Разсказъ, а тѣмъ еще менѣе тисненіе, не въ состояніи передать всѣхъ этихъ отгѣнковъ.

Въ продолженіе Конгресса, Первый Консулъ, узнавъ, что курьеры возятъ множество разныхъ вещей а въ особенности лакомыя рѣдкости для стола главныхъ сановниковъ, отдалъ приказаніе, чтобы впредь курьеры не возили ничего кромѣ депешей. Въ тотъ же вечеръ Камбасересъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы были одни съ Первымъ Консуломъ, который заранѣе смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ тужить объ этомъ его товарищъ. «Что тебѣ нужно, Камбасересъ

въ такой необыкновенный часъ?—Я прїѣхаль просить для себя исключенія на счетъ приказа, отданнаго Почтдиректору. Какъ теперь прїобрѣтать себѣ друзей, если не станешь угощать ихъ рѣдкими блюдами? Вамъ самимъ извѣстно, что управленіе, бѣльшеею частью производится посредствомъ хорошихъ обѣдовъ.»—Бонапарте очень смѣялся и наконецъ сказалъ, потрепавъ его по плечу: «Утѣшься, мой бѣдный Камбасересъ и не сердись; курьеры будутъ по прежнему возить твои индїйки съ трюфелями, твои Стразбургскіе пироги, Майнцскіе окорока и куропатки.»

Кто бываль на обѣдахъ у Камбасереса и у нѣкоторыхъ другихъ особъ, кто слыхаль, что почти всѣ разговоры тогдашняго времени имѣли предметомъ роскошь этихъ обѣдовъ и изысканность блюдъ, кто знаеть, съ какими расчетами дѣлались приглашенія,—тотъ убѣдится въ сильномъ вліяніи, производимомъ хорошимъ обѣдомъ на политическія дѣла. Не ужели умъ и мнѣнія зависятъ отъ желудка? Камбасересъ не вѣрилъ, чтобы могло существовать хорошее Правительство безъ отличнаго стола и полагалъ славу свою (ибо у всякаго есть своя слава) въ томъ, чтобы во всемъ Парижѣ и даже въ Европѣ хвалили его кухню: для него, пиръ, заслужившій всеобщую похвалу, былъ *Маренг* или *Фридландъ*.

Въ концѣ Февраля дали во Французскомъ Театрѣ, представленіе *Едуарда въ Шотландіи*, сочиненія Дювала; Роялисты и Эмигранты толпою бросились въ театрѣ, и сдѣлали множество примѣненій къ Бурбонамъ. Піеса имѣла большою успѣхъ: она его заслуживала. Когда *Едуардъ въ Шотландіи* былъ одобренъ Театральной Дирекціею, то ожидали затрудненій со стороны Цензуры касательно дозволенія его представить. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сначала не очень былъ расположенъ дать оное. Г-на Шапталя поручили убѣждать Г-ну Маре и дѣвицѣ Конта, которая восхищалась этою піесою. Ее дѣйствительно нельзя было похулить не показавъ себя человѣкомъ безъ вкуса и безъ всякихъ чувствъ. Въ продолженіе этихъ кулисныхъ переговоровъ, Первый Консулъ отправился въ Сен-Кантенъ для того чтобы осмотрѣть тамошній каналъ и извлечь изъ него хоть какую либо пользу. И такъ піеса была сыграна во время его отсутствія. Я оставался въ Парижѣ и писалъ къ нему по два раза въ день. Я послалъ къ Первому Консулу противорѣчащія донесенія объ этой піесѣ: одни полагали что должно запретить представленіе оной, считая ее опасною по примѣненіямъ, къ которымъ она давала поводъ; другіе, въ числѣ коихъ и я находился,—совѣтовали ему оставить піесу на театрѣ, не обращая вниманія на всѣ эти при-

вѣнція, которыми наполнены столь многія комедіи и трагедіи; ибо принявъ систему запрещеній, слѣдовало бы обезобразить всѣ наши образцовыя произведенія или никогда не представлять ихъ. Первый Консуль, по возвращеніи своемъ, склонялся было къ послѣдному изъ этихъ мнѣній, согласному съ дозволеніемъ, даннымъ его Министромъ. Онъ приказалъ вторично представить *Едуарда въ Шотландіи*; я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ былъ недоволенъ многочисленными рукоплесканіями, произведенными разными намеками: дѣйствительно эти рукоплесканія были не неумышленны и слишкомъ продолжительны. Приписавъ ихъ своему присутствію, онъ принялъ строгій видъ. Я замѣтилъ ему, что эти же самыя рукоплесканія раздавались и въ первое представленіе, на которомъ я находился.—«Это ужъ слишкомъ, говорю я тебѣ; не хочу чтобы ее играли.» И сѣвъ въ карету онъ началъ ворчать: «Какъ эта Цензура глупа, что одобрила такую піесу! За чѣмъ позволять представленіе политическихъ піесъ не спросяся у мня? Видано ли это гдѣ нибудь. Я не хотѣлъ чтобы играли *Охоту Генриха IV*, а ты согласишься, милый мой, что тутъ большая разница.» Покричали, но бесполезно и мнѣ кажется, что Г. Дюваль былъ принужденъ выѣхать изъ Франціи.

Черезъ нѣсколько времени послѣ *Едуарда въ*

Шотландія, представили въ Комической Оперѣ піесу, подѣ названіемъ *Передняя*. Нашли будто бы въ ней есть намеки на Консуловъ. Впервыхъ одинъ изъ лакеевъ говорилъ: *Я на службѣ*; другой отвѣчалъ: *И я также, мы сотоварищи*. Въ донесеніяхъ было прибавлено что передразнивали ухватки Перваго Консула; наконецъ что лакейскія ливреи въ піесѣ были насмѣшливымъ подражаніемъ Консульскимъ мундирамъ. — «Вотъ» сказалъ мнѣ Первый Консуль, «піеса подѣ пару къ *Едуарду*; цензура ни за чѣмъ не смотреть. Это не можетъ такимъ образомъ продолжаться.»

Шапталъ утверждалъ что онъ вовсе не зналъ объ этой піесѣ: открылось что ее разсматривалъ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ. Г. Арно, извѣстный столь выгоднымъ образомъ, былъ тогда Начальникомъ Отдѣленія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; упреки обращались нѣсколько на него. Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, его родственникъ, избавилъ его посредствомъ своего вліянія отъ небольшихъ нападокъ, возбуждаемыхъ противъ него Камбасересомъ. Первый Консуль приказалъ осмотрѣть ливреи лакеевъ *Передней*. — «Если тутъ въ самомъ дѣлѣ есть подражаніе, то одѣть ихъ въ эти ливреи на Гревской площади и потомъ палачу изорвать оныя»

Бонапарте хотѣлъ было излить свое негодованіе противъ Г. Дюпати, автора піесы; но заблужденіе скоро обнаружилось: піеса была со-

чинена до Консульства и ливреи оной не имѣли никакого подобія съ Консульскою одеждою. Г. Дюпати возвратился въ Парижь и опять пріобрѣлъ милостивое расположеніе, котораго ему никогда не слѣдовало бы лишаться.

Эту самую піесу сыграли опять чрезъ долгое послѣ того время подъ названіемъ *Пикаро и Диего*.

Эти два происшествія побудили льстецовъ просить о запрещеніи многихъ изъ нашихъ образцовыхъ произведеній;—они не хотѣли ни *Меропы*, ни *Танкреда*, ни *Тартюфа*, ни *Смерти Цесаря*, ни начальныхъ стиховъ трагедіи *Гераклій*. Поручили нанятымъ для сего стихотворцамъ сдѣлать странныя перемѣны въ піесахъ великихъ поэтовъ и *Гераклій* явился на сцену изувѣченный. Не хотѣли прогнѣвить властелина, возбуждая въ публикѣ участіе къ изгнанникамъ и огорчить вновь возстановленное духовенство, позоря ханжество. Піеса, коей представленіе Первый Консулъ наиболѣе любила была: *Цинна*, по причинѣ длинной и прекрасной въ ней рѣчи противъ народной власти.

Первый Консулъ бралъ съ собою въ Сен-Каптенъ государственныхъ людей, способныхъ дать ему хорошіе совѣты. Я спросилъ у него будетъ ли этотъ каналъ когда либо приведенъ къ окончанію или онъ всегда будетъ только но-

силь одно имя канала? «Я все осмотрѣлъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и былъ подъ сводомъ. Вездѣ все обрушивается потому что ничего не кончено; мнѣ даже показалось, что при этой постройкѣ не было никакого опредѣлительнаго плана. Надѣюсь, что отданныя мною приказанія прекратятъ недоумѣнїе, въ которомъ находятся касательно проведенїя этого канала.»

Въ началѣ 1801 года Фультонъ представилъ проектъ свой о пароходахъ (*). Я настаивалъ, чтобы Первый Консулъ приказалъ надлежащимъ образомъ рассмотреть его. «Вотъ еще,» возразилъ онъ, «всѣ эти выдумщики, всѣ эти изобрѣтатели проектовъ—или плуты или мечтатели: не говори мнѣ объ этомъ.» Я замѣтилъ ему, что Фультонъ только возобновитель изобрѣтенїя, уже извѣстнаго; что Франклинъ еще въ 1788 году писалъ къ одному доктору, своему прїятелю: «что на счетъ физическихъ наукъ «на ту минуту нѣтъ ничего новаго кромѣ судна, движимаго паровою машиною, которое ходитъ противъ теченїя. Полагаютъ что устройство онаго можетъ быть приведено въ простѣйшій видъ и усовершенствовано такъ, что принесетъ всеобщую пользу;» что открытїе этой силы сдѣлано очень уже давно и что не слѣ-

(*) Видя теперь многочисленные пароходы, доставляющїе удобное сообщенїе между Европою и Америкою, можно посудить, справедливо ли было назвать попытки и опыты Фультона замыслами плута или мечтателя.

довало безъ разсмотрѣнія отвергать старинную выдумку, не приведенную еще въ исполненіе. — Онъ и слышать не хотѣлъ. Такимъ образомъ было на нѣсколько времени отложено предпріятіе, долженствовавшее имѣть столь великое вліяніе на промышленность и на систему мореплаванія. Это самое обстоятельство часто возобновляется; не должно слишкомъ недоувѣрять людямъ, представляющимъ новыя изобрѣтенія; никто не принуждаетъ насильно принимать ихъ выдумки, но ничто не оправдываетъ отказъ разсмотрѣнія оныхъ.

Фультопъ уѣхалъ въ Америку и употребивъ въ пользу всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Англіи и во Франціи, онъ черезъ пять лѣтъ послѣ того построилъ въ Нью Йоркѣ первый пароходъ, коего опытъ былъ удаченъ. Мы бы могли многими годами прежде воспользоваться этимъ способомъ мореходства, принеся имъ столь много пользы промышленности.

Императоръ Павелъ I скончался въ ночи съ 24 на 25 Марта сего года. Извѣстіе о его смерти сильно огорчило Перваго Консула и, повинуясь тяжкому чувству, возбужденному въ немъ кончиною сего Государя, долженствовавшею имѣть столь большое вліяніе на его политику, — онъ тотчасъ приказалъ мнѣ послать объявленіе объ оной для напечатанія въ Мониторѣ.

Дружественныя отношенія между Императо-

ромъ Павломъ и Наполеономъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утверждались. Бонапарте говорилъ мнѣ: «Я былъ увѣренъ, что совокунно съ Русскимъ Царемъ нанесу смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи; смерть его разрушаетъ всѣ мои замыслы.»

Система его относительно Россіи, перемѣнилась по кончинѣ Павла. Мысль о войнѣ съ этимъ Государствомъ безпрестанно ему представлялась и конечно тогда уже вкореняла въ головѣ его замыселъ роковаго похода въ Россію.

Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ поздравить ИМПЕРАТОРА Александра съ восшествіемъ на престолъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ 24 Маія. Известно сколько Дюрокъ, бывшій тогда еще очень въ молодыхъ лѣтахъ, нравился Первому Консулу. Холодный, скромный, честный, осторожный, онъ никогда не беспокоилъ Наполеона своими просьбами. Онъ мало былъ расположенъ о комъ либо ходатайствовать или испрашивать для кого либо милости; но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ съ жаромъ защищалъ права всякаго, если они казались ему непризнаваемыми. Дюрокъ также съ благородствомъ и силою отвергалъ обвиненія, когда былъ убѣжденъ въ ихъ лживости. Эти нравственныя качества, соединяясь съ привлекательною наружностью и съ пріятнымъ обхожденіемъ, дѣлали его отличнымъ человѣкомъ.

Въ продолженіе 1801 года произошло пагубное учрежденіе особыхъ судилищъ (tribunaux spéciaux) не оправдываемое, ни важностью, ни опасностью обстоятельствъ. Въ этотъ же годъ возстановлена Африканская компанія, утвержденъ Люневильскій договоръ, увеличившій выгоды, приобретенныя уже Франціею отъ Кампо-Формійскаго трактата и, чрезъ посредство Луціана, заключенъ миръ между Испаніею и Португаліею. Говоря объ этомъ мирѣ, я долженъ сказать, что Португалія, желая получить Olivença съ принадлежащими къ оной землями, предложила подъ рукою Наполеону черезъ меня, восемь миліоновъ, если онъ будетъ содѣйствовать своею властью къ отдачѣ этого города Португаліи. Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, объявивъ что никогда не согласится продавать честь за деньги: а его обвинили будто бы онъ принялъ въ Пассеріано этого рода предложеніе, которое какъ въ ту эпоху видѣли, вовсе даже не было ему сдѣлано! Тѣ, которые обвиняли его въ такомъ лихоимствѣ, конечно мало знали непреклонность правилъ его въ этомъ отношеніи.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1801 года, однажды вечеромъ была получена въ Мальмезонъ Англійская *Придворная Газета*, въ которой объявлялось о успѣхѣ высадки въ Египетъ арміи подъ предводительствомъ Аберкромбіа; о данномъ Англичана-

ми сраженія и о смерти сего Генерала. Я тотчасъ перевелъ эту статью и представилъ ее Первому Консулу въ полномъ убѣжденіи, что эта новость очень огорчитъ его. Важность сего извѣстія, заставила его усомниться въ истинѣ онаго: покрайней мѣрѣ онъ по наружности это показалъ. Всѣ присутствовавшіе при томъ Офицеры и Адъютанты начали единогласно тоже утверждать, особенно Ланнъ, Бессіеръ и Дюрокъ. Они вѣроятно думали угодить Первому Консулу, который сказалъ мнѣ шутливымъ голосомъ: «Ты вѣрно не знаешь по Англійски; а притомъ ты всегда скорѣе готовъ вѣрить дурнымъ вѣстямъ, чѣмъ хорошимъ.» Слова сии и одобрительная улыбка этихъ господъ меня разсердили и я съ досадою сказалъ: «Какъ, Генераль, вы можете думать, что Англійское Правительство станетъ офиціально объявлять о событіи, столь важномъ и столь необычайномъ, что даже вы сами усомнились въ истинѣ онаго. Вы хотите чтобы Правительство обязанное къ себѣ уваженіемъ, рѣшилось лгать передъ Европою о такихъ вещахъ, которыхъ истина не можетъ долгое время оставаться невзвѣтною! Случилось ли хоть разъ чтобы такое важное извѣстіе, какъ это, оказалось ложнымъ, будучи объявлено въ *Придворной Газетѣ*? Что ни говорятъ эти господа, а я считаю его справедливымъ и смѣхъ ихъ, къ несчастію меня не разувѣритъ.» Послѣ

сдѣланныхъ оптимистами и льстецами еще нѣсколькихъ колкихъ замѣчаній, Первый Консуль всталъ и сказалъ мнѣ: *Пойдемъ, Буріеннъ, пойдемъ работать.* Идучи же изъ гостиной въ бібліотеку, онъ прибавилъ: «Вотъ ты какой: какъ можно сердиться за такую бездѣлицу? Боже мой! я слишкомъ вѣрю этому извѣстію, я слишкомъ его боялся; но они хотятъ сдѣлать мнѣ удовольствіе показывая видъ что въ этомъ сомнѣваются. Дай имъ волю: ты ихъ знаешь.— Если такъ, то прошу у васъ прощенія; но я думаю лучше доказать вамъ мою привязанность говоря вамъ то что я считаю за истину: вы сами приказываете ни минуты не медля докладывать вамъ дурныя вѣсти. Гораздо хуже будетъ скрывать ихъ отъ васъ.»

Г Л А В А XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбоъ и Марія-Луиза Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.—Графъ Ливорискій въ Парижъ. — Дашныя Министрами праздника. — Изящный вкусъ Г. Талейрана. — Первый прѣздъ Графа Ливорискаго въ Мальмезонъ.—Разборчивая внимательность Наполеона.—Представленіе *Эдила*.—Сужденіе Наполеона о Король Этрурскомъ — Жена, вразумляющая своего мужа. — Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Перваго Консула.—Отъздъ Короля и Королевы во Флоренцію.—Дурной пріемъ.—Переговоры съ Папою.—Мнѣніе Бонапарте о вѣрѣ.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебень въ Соборъ Богородицы.—Неприличія въ церкви. — Безвѣріе Консульскаго двора.—Отъвъ Ожеро.—Первая обѣдня въ Сен-Клу.—Обѣдня во внутреннихъ покояхъ. — Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ.

Прежде возложенія на чело свое двухъ царскихъ вѣнцевъ, Бонапарте счелъ полезнымъ для своей политики надѣтъ корону на главу Прин-

ца и даже Принца Бурбонскаго дома. Ему очень пріятно было пріучать Французовъ видѣть Королей. Послѣдствія покажутъ, что онъ давалъ скипетры также какъ и свою довѣренность, т. е. условно, будучи всегда готовъ разрушить свое собственное дѣло, когда оно становилось препоною къ исполненію его честолюбивыхъ замысловъ.

Въ Маѣ 1801 года, Инфанта Испанская, Марія Луиза, третья дочь Карла IV и Инфанти Пармской, пріѣхала въ Парижъ. Инфанта Лудовикъ Бурбонъ, старшій сынъ Герцога Пармскаго, отправился въ 1798 году въ Мадридъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ бракъ съ Марією-Эмилиєю, сестрою Маріи-Луизы. Но Принцъ влюбился въ сію послѣднюю. Годой благопріятствовалъ этой склонности и употребилъ всю власть свою къ устроенію этого брака. Рожденію черезъ шесть лѣтъ послѣ того сыну дали имя Короля Испанскаго— Карль-Лудовикъ. Франція занимала Герцогство Пармское, которое по условіямъ, подписаннымъ Луціаномъ Бонапарте, должно было перейти къ сей державѣ по смерти царствующаго Герцога. Франція, со своей стороны, уступала Принцу, сыну Герцога Пармскаго, Великое Герцогство Тоскану. Испанія заплатила по условію значительную сумму. Черезъ нѣсколько времени по объявленіи сего договора Дону Лудовику и сго

супругъ, они оставили Мадридъ и поѣхали чрезъ Францію; Принцъ принялъ имя Графа Ливорнискаго. Изъ всѣхъ допесей того времени видно, что въ продолженіе путешествія, имъ оказывалось всевозможное уваженіе. Тогда еще не предвидѣли, что семейство ихъ нѣкогда сдѣлаетъ эту же самую поѣздку но со всѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ, которыя, скрываясь въ будущемъ, должны были произвести временное ниспроверженіе Дома, который въ ту эпоху давалъ Государя Тосканъ. Помнить блистательныя празднества, данныя въ Парижѣ юнымъ супругамъ. Въ особенности отличался пиръ, данный Г. Талейраномъ въ Нёльи (*). Журналы того времени наполнены подробностями, которыя нынѣ не будутъ уже имѣть той же занимательности.

Всѣ согласились что на праздникъ, данномъ 8 Юня, царствовала та изящность, то благородство и простота, та незамѣтная во всемъ изысканность, наконецъ то согласіе въ цѣломъ, которые были видны во всемъ, что дѣлалъ Г. Талейранъ. Юному Королю были также даны прекрасные праздники Министромъ Внутрен-

(*) Прекрасный домъ, тогда имъ занимаемый, принадлежалъ въ послѣдствіи Г-жѣ Мюратъ. Нынѣ соединенные Нёльи и Виліе, составляютъ неподобное помѣстье, принадлежащее Герцогу Орлеанскому. Оно такъ украшено, что его вельзя узнать, не смотря на то что и Г-жа Мюратъ сдѣлала для онаго значительныя издержки.

нихъ Дѣлъ и Министромъ Военнымъ; этотъ послѣдній былъ данъ въ день Маренгской битвы. Король и Королева Этрурскіе нѣсколько разъ пріѣзжали обѣдать въ Мальмезонъ. Король однажды уиалъ тамъ въ обморокъ: онъ приписывалъ этотъ недугъ слабости желудка, но люди его шептали, что у него падучая болѣзнь.

При первомъ посѣщеніи, которое Графъ Ливорнскій долженствовалъ сдѣлать Первому Консулу въ Мальмезонъ, Наполеонъ вышелъ на минуту изъ своего кабинета. Онъ хотѣлъ посмотреть хорошо ли приготовлена зала для принятія Принца. Онъ почти тотчасъ воротился назадъ и со встревоженнымъ видомъ, съ досадою сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, вообрази себѣ какъ они глупы? они было повѣсили на глаза Принцу картину, на которой и изображень указывающимъ съ высоты Альпъ на Ломбардію и повелѣвающимъ завоевать оную. Я тотчасъ приказалъ ее снять: это было бы слишкомъ неприлично.»

Одна изъ картинъ изображала Перваго Консула лежащаго на снѣгу и спящаго на вершинѣ Альпъ предъ Маренгскою битвою.

Пріѣздъ Графа Ливорискаго въ Парижъ придалъ славы первымъ годамъ владычества Наполеона, *который, какъ вездѣ говорили, жаловалъ въ Короли, а самъ не хотѣлъ быть онымъ.*

При представленіи Эдипа, съ восторгомъ рукоплескали извѣстному стиху Филоктета, выражающему ту же мысль:

J'ai fait des Souverains, et n'ai pas voulu l'être.

Первый Консуль, по возвращеніи изъ театра, не скрывалъ своего удовольствія: онъ думалъ видѣть въ этихъ рукоплесканіяхъ забвеніе изданной по его волѣ книжки.

Притомъ же онъ не былъ равнодушенъ и къ приему, сдѣланному публикою Государю, коронованному его рукою: это было началомъ привычки видѣть изгнанный изъ Франціи санъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ замѣчалъ дѣлаемые новому Монарху привѣтствія и былъ очень любезенъ съ этими Августѣйшими особами. Этотъ Король, столь хорошо принятый, столь хорошо угощенный, хотя онъ былъ челоѣкъ очень обыкновенной, — уѣхалъ наконецъ въ Италію. Я называлъ его обыкновеннымъ челоѣкомъ не потому чтобы я могъ сдѣлать такое объ немъ заключеніе изъ моихъ съ нимъ разговоровъ; но Первый Консуль увѣрялъ меня, что онъ очень ограниченъ, что ему тягостно взять въ руки перо, что онъ думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ; наконецъ что онъ бѣдный челоѣкъ.

Однажды Первый Консуль, проведя нѣсколько часовъ наединѣ съ двумя супругами, сказалъ мнѣ по возвращеніи домой: «Онъ мнѣ надоѣлъ;

это настоящій автоматъ. Я ему сдѣлалъ множество вопросовъ и онъ ни на одинъ не могъ мнѣ отвѣчать; онъ казалось совѣтовался со своею женою, которая сколько могла старалась вразумлять его что слѣдуетъ отвѣчать.» Первый Консуль прибавилъ: «Этотъ бѣдный Принцъ поѣдетъ, самъ не зная что онъ тамъ будетъ дѣлать.» Я замѣтилъ ему что жаль ввѣрять такому Государю народъ Тосканы. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Политика того требовала; а притомъ не дурно показать молодежи, невидавшей Королей, каковы они.» Принцъ оправдалъ въ Тосканѣ мнѣніе, внушенное имъ о себѣ Первому Консулу.

Графъ Ливорнскій былъ обязанъ природѣ и полученному имъ воспитанію, за недостатокъ способствъ, нами въ немъ замѣченный; онъ дѣйствительно былъ сущій ребенокъ. Первый Консуль зналъ черезъ своихъ приближенныхъ обо всѣхъ ребячествахъ Принца, дѣлаемыхъ имъ при посѣщеніи Мальмезона; самъ онъ не видалъ ихъ, потому что всегда въ это время занимался. Я былъ свидѣтелемъ сожалѣнія его о томъ, что молодой человѣкъ, одаренный прекраснѣйшими наружными качествами, долженствовалъ управлять странною, столь часто прославленною ея Государями. О ничтожныхъ и странныхъ ребячествахъ Графа Ливорнскаго довольно уже говорено, а потому я объ оныхъ не упоминаю. Первый Консуль не страшился

новаго Короля для независимости Рима. Онъ часто думаль о Цесарѣ и я помню, что онъ однажды сказалъ мнѣ: «Этотъ не перейдетъ черезъ Рубиконъ»

Первый Консуль разсердился на тѣхъ, которые присутствовали на праздникѣ, данномъ Г-жею Монтессонъ. Какъ бывший *другъ* дѣда Герцога Орлеанскаго и считая себя родственницею Инфанта Пармскаго, она сочла обязанностью угостить этого Принца, сдѣлавшагося Королемъ.

Дабы показать Королю Етрурскому еще болѣе уваженіа, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія его въ Парижѣ, Первый Консуль вознамѣрился дать ему для сопровожденія Французскаго Генерала и избралъ для сего зятя своего Мюрата.

Новый Король новаго Королевства имѣлъ въѣздъ во Флоренцію 12 Апрѣля 1801 года; но пріемъ, сдѣланный ему Тосканцами, вовсе не походилъ на тотъ, который ему былъ оказанъ въ Парижѣ: народъ принялъ двухъ супруговъ, какъ Государей, противъ воли данныхъ ему Франціею. Кратковременное Етрурское Королевство существовало едва шесть лѣтъ: Король умеръ 1803 года въ цвѣтъ лѣтъ, а въ 1807-мъ, Королева была изгнана изъ своихъ владѣній, тѣмъ самымъ, который открылъ ей путь въ оныя.

Въ эту эпоху, довольно могущественная партія склоняла Наполеона прервать сношенія съ Папою и учредить Галиканскую Церковь, коей

глава былъ бы во Франціи; думали польстить его честолюбію намекнувъ ему на этотъ новый способъ могущества, который придалъ бы ему нѣкоторое сходство съ первыми Римскими Императорами. Но его понятія не согласовались съ этимъ замысломъ. «Я увѣренъ,» сказалъ онъ мнѣ, «что часть Франціи сдѣлалась бы Протестантскою, особенно еслибъ я сталъ благопріятствовать этому расположенію; но я еще тверже того убѣжденъ что большая часть останется Католическою и будетъ съ наивеличайшимъ усердіемъ и ревностью бороться противъ раскола своихъ согражданъ. Я боюсь духовныхъ распрей, раздоровъ въ семействахъ и неизбѣжныхъ волненій. Возстановивъ вѣру, которая всегда владычествовала въ этой странѣ и которая еще и теперь царствуетъ въ сердцахъ и предоставляя меньшей части людей свободу вѣроисповѣданій, я буду въ согласіи съ народомъ и удовлетворю всѣхъ.»

Первый Консуль, разсудивъ какъ прозорливый мужъ, что возстановленіе вѣры будетъ большимъ пособіемъ для его Правительства, занялся съ начала 1801 года Конкордатомъ съ Папою Піемъ VII. Онъ былъ подписанъ въ слѣдующемъ Юль мѣсяцѣ. Потребно было время для соглашенія.

Кардиналь Гонзальви пріѣхалъ въ Юль мѣсяцъ 1801 года въ Парижъ для постановленія

условіи съ Папою. Кардиналь Капрара и Г. де Спина находились въ посольствѣ, присланномъ Его Святѣйшествомъ. При ономъ были также искусные богословы, между коими отличался Докторъ К***; онъ служилъ въ Папской Канцеляріи. Познанія его давали ему столь большой вѣсъ надъ его сотоварищами, что дѣло не иначе шло впередъ какъ по его соизволенію. Его задобрили титулами и обѣщаніемъ денегъ; и дѣла пошли успѣшнѣе. Конкордатъ былъ подписанъ 15 Юля 1801 года и обращенъ въ законъ въ Апрель мѣсяцъ 1802 года. Уполномоченными Перваго Консула были Іосифъ Бонапарте, Крете и Аббатъ Бернье, умершій Версальскимъ Епископомъ.

Молебень былъ отслуженъ въ Соборѣ Свят. Богородицы въ Воскресенье 11 Апрелья; толпа была очень многочисленна; и большая часть присутствующихъ стояла. Обрядъ былъ пышенъ и блистателенъ; но кто посмѣетъ сказать что наружное благоговѣніе зрителей соответствовало этой пышности и блеску. Развѣ не пришло еще время для этой новизны? Развѣ этотъ переходъ былъ слишкомъ внезапенъ послѣ двѣнадцати минувшихъ лѣтъ? Какъ бы то ни было, а на лицахъ и въ тѣлодвиженіяхъ великаго числа изъ присутствовавшихъ при этой церемоніи, обнаруживалось болѣе нетерпѣнія и досады, чѣмъ умиленія и набожности, приличныхъ мѣсту, гдѣ они

находились: мѣстами раздавался ропоть, показывавшій неудовольствіе; шепоть, который можно даже назвать разговорами, прерывалъ иногда Божественную службу; даже употребленныя при этомъ выраженія мало отзывались умѣренностью. Наконецъ, не знаю отъ чего, голодь овладѣлъ многими изъ присутствовавшихъ; они безпрестанно поворачивали головы, откусывая зубами шоколатъ; и я даже видѣлъ что нѣкоторые ѣли въ церкви хлѣбъ безъ всякихъ околичностей и вовсе не обращая вниманія на происходящее.

Консульскій дворъ былъ вообще очень пенабоженъ и это не могло быть иначе, ибо онъ составлялся изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе содѣйствовали къ уничтоженію вѣры во Франціи и которые, проведя жизнь свою въ походахъ, чаще входили въ церкви Италіи для того чтобы брать изъ нихъ картины, чѣмъ для того чтобы молиться. Тѣ, которые не будучи капитаны набожными понятіями, получили хорошее воспитаніе и были одарены тѣмъ здравымъ разсудкомъ, который внушаетъ намъ уважать въ другихъ вѣру, хотя нами и не раздѣляемую, — не осуждали Перваго Консула и вели себя съ приличіемъ; но на дорогѣ изъ Тюііери къ Собору, Ланнъ и Ожеро хотѣли выйти изъ кареты, когда увидѣли что ихъ везутъ къ обѣдни и только приказъ Перваго Консула воспрепят-

ствовали имъ это сдѣлать. И такъ они отправились въ церковь, а на другой день, когда Бонапарте спросилъ у Ожеро, какъ ему показалась церемонія: «Прекрасною,» отвѣчалъ Генераль, «недоставало только миліона людей, которые убиты при уничтоженіи того что мы возставляемъ.» Бонапарте очень разсердился за этотъ отвѣтъ.

Въ продолженіе переговоровъ съ Папскимъ престоломъ, Бонапарте сказалъ мнѣ однажды: «Во всѣхъ земляхъ, вѣра полезна для Правительства; ее надобно употреблять для того чтобы дѣйствовать на людей: я былъ Магометаниномъ въ Египтѣ, — я Католикъ во Франціи. Относительно Полиціи, надобно чтобы вѣра въ государствѣ находилась совершенно въ рукахъ того, который имъ управляетъ. Многіе склоняютъ меня основать Галликанскую Церковь и сдѣлаться главою оной; но эти люди не знаютъ Францію: еслибъ они знали ее, то повяли бы что большая часть ея обывателей, очень далеки отъ этого разрыва съ Римомъ. Надобно, чтобы Папа довелъ меня до крайности для того чтобы я на это рѣшился; но я не думаю чтобы это случилось.—Вы правы: вы помните, Генераль, слова Кардинала Гонзальви: *Что Папа сдѣлаетъ все что захочетъ Первый Консулъ.* — И хорошо поступить; пусть онъ не думаетъ что имѣетъ дѣло со слабоумнымъ. Угадай чѣмъ

они меня прельщаютъ: безсмертіемъ души моей. Но для меня безсмертіе состоитъ въ памяти, которую я по себѣ оставлю людямъ. Эта мысль побуждаетъ къ великимъ дѣламъ: гораздо лучше было бы не жить, чѣмъ не оставить никакихъ слѣдовъ своего существованія.»

Тогда Перваго Консула очень уговаривали исполнить всенародно обязанности, предписанныя вѣрою, ссылаясь на необходимость подать другимъ великій примѣръ. Послѣ одного изъ этихъ разговоровъ, онъ въ заключеніе сказалъ: «Довольно и того, какъ есть; не требуйте отъ меня болѣе, вы ничего не получите: вы никогда не сдѣлаете изъ меня лицемеръ. Останемся при томъ что есть.»

Я читалъ въ сочиненіи, замѣчательномъ по многимъ отношеніямъ, что по случаю заключенія Конкордата 15 Іюля 1801 года, Первый Консуль, уничтоживъ Республиканскій календарь, возстановилъ Грегорианскій. Это ошибка. Онъ не считалъ календарь дѣломъ вѣры. Указъ, введенный опять въ употребленіе Грегорианскій календарь во Французской Имперіи, съ 11 Нивоза XIV года (1 Января 1806), былъ изданъ 22 Фруктидора XIII года (9 Сентября 1805), болѣе четырехъ лѣтъ послѣ Конкордата. Возстановленіе прежняго календаря не имѣло другой цѣли, кромѣ того, чтобы ввести насъ въ согласіе съ Европою въ предметъ, столь тѣсно

связанномъ съ ежедневными сношеніями, которыя затруднялись новизною календаря декадъ.

Бонапарте наконецъ сталъ однакоже присутствовать у обѣдни и въ Сен-Клу возобновилось въ первый разъ это священнодѣйствіе прежнихъ временъ. Онъ приказалъ отслужить ее часомъ ранѣе назначеннаго времени для того, чтобы насмѣхавшіеся надъ этимъ, прибыли уже по окончаніи Божественной службы.

Когда Первому Консулу слѣдовало въ Воскресенье присутствовать у обѣдни, то ставили небольшой алтарь въ комнату, находившейся подлѣ Наполеонова Кабинета. Эта комната, какъ я уже сказалъ, была молитвенною Анны Австрійской. Небольшой алтарь, который можно было выносить и помостъ съ одною ступенькою, возвратили оную прежнему ея назначенію. Въ продолженіе недѣли эта, комната служила для ванны. Въ Воскресенье отворяли въ нея дверь и Первый Консулъ, находясь въ своемъ кабинетѣ, слушалъ обѣдню. При этомъ насъ никогда не было болѣе трехъ или четырехъ человекъ: я почти всегда видѣлъ Перваго Консула работавшимъ во время службы, продолжавшейся не болѣе двѣнадцати минутъ. А журналы наперерывъ возвѣщали, что *Первый Консулъ слушалъ обѣдню въ своихъ покояхъ*. Лудовикъ XVIII часто слушалъ оную также въ своихъ покояхъ.

19 Июля 1801 года, Папская грамота, разрешивъ Г. Талейрана отъ духовныхъ обѣтовъ, возвратила его къ свѣтской жизни; тогда онъ женился на Г-жѣ Грандтъ; все сдѣлалось безъ шума и безъ огласки. Одно это ужъ обстоятельство достаточно доказываетъ какъ это происшествіе было переименовано. Сказали будто бы Бонапарте, *сдѣлавшись Императоромъ* и желая возвратить правамъ благопристойности, уничтоженную Революціею, рѣшился прекратить соблазнъ тѣсной связи Г. Талейрана съ Г-жею Грандтъ. Будто бы онъ говорилъ о бракѣ своему Министру, и сначала тотъ отказался; но когда Государь повелѣлъ, то надобно было повиноваться. Это возстановленіе Наполеономъ благопристойности правовъ, чрезвычайно странно. Грамота была записана въ Государственномъ Совѣтѣ не прежде какъ 19 Августа 1802.

Я окончу эту главу разсказомъ о происшествіи, непринявшемъ къ тому, что выше сказано, но собственно до меня касающемся: 20 Июля 1801 года, Первый Консуль наименовалъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ. Г-жа Бонапарте, по благосклонности своей заказала для меня богатый мундиръ, отчасти *идеальный*; этотъ мундиръ понравился Первому Консулу, который велѣлъ сшить себѣ такой же. Онъ

надѣвалъ его нѣсколько разъ и потомъ его оставилъ. Никогда со времени своего величія, онъ не былъ столь любезенъ и обязателенъ, какъ при этомъ случаѣ.

Г Л А В А XVIII.

Последняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмираль Гантомъ.—Нерѣшительность.—ГГ. Пуссіельгъ и Доръ.—Средство угодить Наполеону.—Лестъ Генерала Мену.—Письмо его къ Бонапарте.—Египеть, замѣняющій Антильскіе острова.—Размышленія о торговль.—Награды, данныя Мену.—Даву.—Причины непріязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона.—Сожалѣніе Перваго Консула о томъ что онъ вверилъ Мену главное начальство — Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ.—Упрямство Гантома.—Неспособность Мену.—Французъ-Турокъ.—Обманчивыя надежды Наполеона.—Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній.—Г. Отто въ Лондонъ.—Отсутствіе Талейрана.—Во время подписанія предварительныхъ условій.

Въ послѣдній разъ, въ моихъ Запискахъ займусь я Египетскими дѣлами,—этимъ эпизодомъ жизни Наполеона, занявшимъ въ оной такъ

мало времени и такъ много мѣста. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній, Бонапарте наиважнѣйшимъ считалъ это, потому что оно распространяло славу его имени на Востокъ. Онъ на все покушался, онъ все бы сдѣлалъ для сохраненія этой колоніи. Въ письмѣ своемъ къ Генералу Клеберу, онъ говорилъ ему: «Вы столько же какъ и я умѣете цѣнить, сколь владѣніе Египтомъ важно для Франціи. Эта Турецкая Имперія, коей со всѣхъ сторонъ угрожаетъ гибель, *скоро рушится* и выходя изъ Египта нашихъ войскъ былъ бы тѣмъ бѣльшимъ несчастіемъ, что мы увидимъ еще въ наше время эту прекрасную страну, доставляющуюся въ какія либо другія Европейскія руки.»— Но выборъ Гантома для отвезенія Клеберу пособій, не былъ удаченъ. Гантомъ привезъ Наполеона обратно изъ Египта и хотя Бонапарте былъ обязанъ за счастливое свое плаваніе единственно своимъ соображеніямъ, своему характеру и прозорливости, а онъ тѣмъ не менѣ сохранилъ къ Гантому склонность, которую очнь естественно питать къ тому кто раздѣлялъ съ нами опасныя обстоятельства, и кто такъ сказать имѣлъ ихъ на своей отвѣтственности. Эта довѣренность, внушенная почетнымъ чувствомъ къ посредственности, не была вознаграждена. Гантомъ дурно услужилъ Наполеону своею нерышительностью и своимъ робкимъ плаваньемъ, какъ бы ощупью, по Средиземному Морю Бо-

напарте,—пославъ ему приказъ плыть въ Египетъ и видя что онъ не выходитъ изъ Бреста, нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: *Непостигаю что дѣлаетъ Гантомъ.*

Нерѣшительность Гантома; его увертки, прибытіе его въ Тулонъ, поздній его выходъ и обратный приходъ въ эту гавань 19 Февраля 1801 года, только за десять дней предъ тѣмъ какъ Адмиралъ Кейтъ явился предъ Александрією съ Сиромъ Аберкромбіемъ, — совершенно ниспровергли всѣ планы пособій и подкрѣпленій, которыя Первый Консулъ старался переслать въ колонію, угрожаемую близкою погибелью.

Первый Консулъ мечталъ еще въ это время, что множество Французскихъ семействъ отправится для возстановленія образованности, наукъ и искусствъ въ странѣ, бывшей нѣкогда колыбелью оныхъ. Но нельзя не сознаться, что отъѣздъ его въ 1799 году приготовилъ потерю земли сей; а смерть Клебера и выборъ Мену ему въ преемники, рѣшили оную.

Письма, полученныя Наполеономъ предъ его отъѣздомъ, единогласно возвѣщали частные бунты, угрозы вторженія и чрезвычайную нищету въ деньгахъ. Главноуправляющій финансами писалъ къ нему 25 Июля: «Казна закрыта: ничего болѣе не выдается.» Разстрѣливанья и насильственные налоги не могли уже помочь злу,

ибо всему есть конецъ и когда подсѣчешь дерево у корня, то нельзя ожидать плодовъ. Интендантъ Пуссіельгъ писалъ къ нему 6 Августа за нѣсколько времени до его отъѣзда: «Больше всего мучить меня то, что я не вижу никакихъ источниковъ откуда можно бы достать для арміи денегъ; никто не платитъ.» Доръ писалъ 15 Августа: «Поставщикъ мяса требуетъ уплаты за свою поставку; я могъ выдать ему очень мало денегъ; а онъ ужъ много поставилъ въ долгъ.» Вся переписка была въ этомъ смыслѣ. Самъ Главнокомандующій, имѣя нужду въ деньгахъ, писалъ 15 Августа за пятнадцать дней до своего отъѣзда, Дугъ, Каирскому Коменданту: «Прикажите спросить всѣхъ Шеиковъ, отъ чего они не платятъ податей. Если они не внесутъ ихъ къ 27 Августу, то лишатся головъ своихъ.» Все это нисколько уже не дѣйствовало; ибо противъ невозможности, даже угрозы смертью ничего не въ состояніи сдѣлать.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ угодить Первому Консулу и пріобрѣсть его благорасположеніе было то чтобы неограниченно превозносить виды его на Египеть и содѣйствовать къ обеспеченію владѣнія онымъ. Первымъ изъ этихъ средствъ Мену пріобрѣлъ его довѣренность. Съ перваго года вступленія въ Египеть, онъ представлялъ ему мечты свои объ Африкѣ; говорилъ ему о Неграхъ Сенегала,

Мозамбика, Мегедіе, Марабу и другихъ варварскихъ странъ, которыя вдругъ преобразуются и просвѣтятся чрезъ овладѣніе нами Египтомъ.

Вотъ любопытное письмо, которое Мену написалъ объ этомъ предметѣ Главнокомандующему:

Розетта, 5 Сентября 1798.

«Я какъ нельзя больше чувствителенъ, Генералъ, къ обязательному письму, которое вамъ угодно было ко мнѣ написать. Будьте увѣрены что я ревностно буду пользоваться всеми случаями угодить вамъ и содѣйствовать волѣ свашей къ водворенію Французовъ въ Египтъ. Я думаю что Египетъ долженъ замѣнить намъ Антильскіе острова, которые хоть и не совсѣмъ потеряны, но еще многіе годы, находясь въ безначаліи, будутъ для насъ бесполезны. Здѣсь сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, индиго и кошениль, должны по моему мнѣнію замѣнить всѣ прочія произведенія.

Нѣтъ Египта вывезенъ сахарный тростникъ, распространившійся въ Архипелагъ, а оттуда въ Сицилію, въ Испанію, на островъ Мадеръ и въ Америкъ. Вода необходима для воздѣлыванія сего тростника, также какъ для риса. Слѣдовательно здѣсь все есть для развода въ большомъ объемѣ этого драгоцѣннаго произрастенія.

«Что касается до кошенили, то стоять только «привезти сюда насѣкомое, оную производящее, «ибо смоковница, которымъ оно питается, ра- «стетъ въ самыхъ безплодныхъ странахъ.

«Вамъ Генераль принадлежитъ устроить за- «веденія, которыя будутъ для Франціи гораздо «драгоцѣннѣе чѣмъ таковыя же, учрежденныя «на Антильскихъ островахъ. Англичане очень «это знаютъ и посему то стараются употребить «всѣ средства дабы уничтожить ваше заведеніе. «Притомъ же имъ извѣстно что Черное Море, «въ которомъ теперь они одни производятъ тор- «говлю, непременно сдѣлается нашею собствен- «ностью; что оттуда до Индіи разстояніе не «слишкомъ велико; что торговля восточнаго бе- «рега Африки, Мегедіе, Марабу, Мозамбика, мо- «жетъ нѣкогда достаться въ наши руки; что га- «вани Адерскаго берега и земель, зависящихъ «отъ Абиссиніи, будутъ непременно нами посѣ- «щаемы; что мы можемъ завести сношенія со «внутренностью Африки посредствомъ карава- «новъ и можетъ быть найти средство къ соеди- «ненію Нила съ Нигромъ въ Сенегалии. Знаю «что все это еще отдаленно; но въ управленіи «должно заблаговременно видѣть впередъ и Ан- «гличане, у которыхъ нельзя отнять того, что «они очень прозорливы, чрезвычайно дѣтельны «и имѣютъ много общественнаго ума,—видя что «они не могутъ и что не въ состояніи будутъ

«ничего прямо противъ насъ сдѣлать, потому что мы можемъ долго оставаться въ Египтѣ «безъ посторонней помощи, — употребить все «средства чтобы вредить намъ и вооружать про- «тивъ насъ враговъ въ Ази, въ Константинопо- «дѣ и въ Варваріи. Вамъ же принадлежитъ Ге- «нераль, и противъ всего этого взять мѣры. «Извините мнѣ мое болтовство, но имѣйте въ «виду одни только мои намѣренія, а въ особен- «ности мнѣніе человѣка, страстнаго привержен- «ца Египетскаго похода и который, для содѣй- «ствія оному, готовъ дѣлать все, что вы ему «прикажете.

«Дать новую жизнь и возстановить во всемъ «блескъ страну Сезострисовъ, Фараоновъ и Пто- «ломеевъ, основать самую блистательную тор- «говлю въ мірѣ, разрушить бѣольшую часть тер- «говли Англичанъ посредствомъ заведенія нашихъ «колоній въ Египтѣ — есть самая превосходная «судьбина, предоставленная человѣку: дѣлать «добро моя страсть; это можетъ быть второй «томъ Аббата Сен-Пьера, но я пишу къ Бона- «парте, а ему одному принадлежитъ составлять «счастіе народовъ послѣ ихъ покоренія.»

Такими плоскостями до всего можно дости- гнуть; но надобно же дать долю и чело- вѣческой слабости. Этому то ласкательству должно приписать благопріятный пріемъ, сдѣ- ланный Первымъ Консуломъ Мену, даже по

возвращеніи его изъ Египта, который онъ чрезъ свою неспособность предалъ Англичанамъ. Первый Консулъ назначилъ его Губернаторомъ въ Піемонтъ. По просьбѣ моей, онъ далъ старшему моему брату мѣсто Генераль-Комисара Полиціи въ этой землѣ. Я долженъ сознаться, что Первый Консулъ имѣлъ основательныя причины лишить его этого знака благорасположенія, который онъ употребилъ во зло.

Такимъ же образомъ лстя замысламъ Перваго Консула на счетъ Востока, Даву, по возвращеніи своемъ изъ Египта въ 1800 году, послѣ Эль-Аришскаго договора, вошелъ къ нему въ милость и если не заслужилъ, то по крайней мѣрѣ приобрьлъ его благорасположеніе; ибо въ эту эпоху Даву не имѣлъ еще никакихъ правъ на полученное имъ быстрое возвышеніе. Онъ былъ вслѣдствіе постепенностей былъ сдѣланъ главнымъ Начальникомъ Гренадеровъ Консульской Гвардіи. Съ этого дня началась ненависть, которую питаю ко мнѣ Даву: удивленный продолжительнымъ разговоромъ съ нимъ Нанполеона, я сказалъ тотчасъ по его уходѣ Первому Консулу: «Какъ вы могли такъ долго пробыть съ человѣкомъ, котораго вы сами всегда называли скотиною? — *Я не зналъ его; онъ гораздо больше стóитъ, чѣмъ каковы объ немъ идетъ молва; ты самъ перемънишь объ немъ мнѣніе.*—Очень бы желалъ.» Первый

Консуль,—какъ читателямъ уже извѣстно, очень нескромный,—поспѣшилъ пересказать Даву мое объ немъ мнѣніе. Ненависть его ко мнѣ угасла не прежде какъ съ его жизнью. Я буду еще нѣсколько разъ говорить въ обстоятельствахъ замѣчательныхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ объ этомъ человѣкѣ, который, безъ всякихъ знаменитыхъ подвиговъ, безъ всякихъ правъ, вдругъ попалъ въ величайшую милость.

Первый Консуль не забывалъ о своемъ любимомъ завоеваніи: оно было предметомъ его помышлений. Въ концѣ этого года вышли наконецъ изъ Бреста шесть кораблей и четыре Фрегата, избранные изъ тѣхъ, которые были въ состояніи выйти въ море, какихъ у насъ не много уже имѣлось.

Всѣ обстоятельства при выходѣ этой эскадры казалось предвѣщали дурной успѣхъ экспедиціи. Ужасная буря встрѣтила ее при выходѣ изъ Брестскаго порта и надобно было въ морѣ исправлять многія поврежденія. Разсѣянная эскадра собралась у мыса Финистера, прошла проливъ и приблизилась не подвергшись никакой опасности къ окрестностямъ мыса Бона; но по непостижимымъ причинамъ, которыхъ и въ послѣдствіи не могли открыть,—мы узнали, что эскадра воротилась назадъ и вошла въ Тулонъ вмѣсто того, чтобы идти къ городу Александріи. Самыя пустыя отговорки были приведены

въ оправданіе этого непостижимаго поведенія. Говорили о превосходныхъ силахъ Англичанъ между Мальтою и Африкою, объ опасеніи, что невозможно будетъ выйти изъ Александрійской гавани, (въ которую нельзя войти); подъ предлогомъ причиненныхъ кораблямъ бурю небольшихъ поврежденій, привели ихъ обратно въ Тулонъ. Въ досадъ и гнѣвъ, Первый Консулъ приказалъ немедленно выйти опять въ море и потребовалъ вѣрнаго отчета о причинахъ, заставившихъ Гантома воротиться назадъ. Первому Консулу представили вышеупомянутыя жалкія причины. Хотя оныя и были совершенно опровергнуты, но упрямый Гантомъ, вопреки замѣчаніямъ и неудовольствію Перваго Консула, съ непонятнымъ упорствомъ отказался выйти опять въ море. По неволѣ пришлось думать о другихъ средствахъ къ спасенію Египта.

Первый Консулъ сдѣлалъ при этомъ второмъ предпріятіи, оцутительное улучшеніе, которое могло быть объяснено только его прозорливостью и живѣйшимъ его желаніемъ спасти колонію. Онъ приказалъ размѣстить на каждый изъ четырехъ кораблей и изъ четырехъ фрегатовъ, долженствовавшихъ, подъ начальствомъ Адмирала Брюйеса выйти изъ Рошфора съ тѣми, которые пришли изъ Лоріана, и итти разбудить заснувшаго въ Тулонъ Гантома,—вся-

каго оружія людей, и всякаго рода снаряды. Эта предосторожность имѣла ту цѣль, что еслибъ дошло до мѣста хоть одно, два или три судна, то Египеть получили бы всего помаленьку; а когда ничего нѣтъ то и это много.

Еслибъ Брюйесъ могъ присоединиться къ Гантому въ Тулонѣ, то тамъ собралось бы девятнадцать военныхъ судовъ, которыя могли перевезти въ Египеть около 7500 человекъ и большую часть тѣхъ предметовъ, коимъ Бонапарте составилъ выше помѣщенный списокъ. Но все воспротивилось его отплытію: время года, вѣтръ, недѣтельность начальства и проч. Замедленіе сего выхода въ море, сдѣлало оный бесполезнымъ; Французы вышли уже изъ Египта, какъ читатели тотчасъ увидятъ.

Первый Консулъ раскаивался нѣсколько въ томъ что онъ утвердилъ за Мену начальство, которое сей послѣдній принялъ на себя съ начала только по старшинству, послѣ злодѣянія Солеймана Гелеби; но онъ вознегодовалъ узнавъ въ послѣдствіи беспечность Мену и страсть его къ преобразованіямъ, которая заставляла его все перемѣнять, все уничтожать не созидая ничего путнаго и болѣе думать о сношеніяхъ съ Готентотами и съ областью Конго, чѣмъ о средствахъ къ сохраненію завоеванныхъ земель. Его жалкія мѣры обороны, совершенно безплезныя по ихъ недостаточному соглашенію, по-

казались Первому Консулу высшею степенью невѣжества. Забывъ всѣ правила стратегіи, коихъ Бонапарте давалъ ему такъ много примѣровъ, онъ послалъ противъ высадки Аберкромбія отдѣльные отряды, которые не выдержали встрѣчи съ непріателемъ, между тѣмъ какъ, пославъ противъ Аберкромбія всѣ бывшія у него въ распоряженіи войска,—онъ могъ бы уничтожить Англійскую армію.

Великое удивленіе Мену къ Египетскому походу, сильная привязанность его къ этой землѣ, которой онъ странно привялъ вѣру назвавшись Абд-Аллою; усилія, которыя онъ, по мѣрѣ своихъ способностей, дѣлалъ къ сохраненію этой колоніи, восторгъ и совершенная преданность Наполеону, и ласкы, успокоительныя извѣстія, сообщаемыя имъ объ арміи, ослѣпили сначала Перваго Консула на счетъ неспособности Мену, котораго однакоже онъ хорошо зналъ; только это одно можетъ объяснить оказанное ему Наполеономъ предпочтеніе. Но я очень далекъ отъ того чтобы согласиться, какъ столь многіе твердили, будто бы эта колонія потеряна Францією въ ту самую минуту, когда все наиболье содѣйствовало къ ея сохраненію. Приведенныя мною отрывки изъ писемъ и частная переписка, перехваченная и обнародованная—явно опровергаютъ это мнѣніе. Представьте себѣ маленькую армію, теряющую съ каждымъ днемъ,

свои силы чрезъ сраженія, климатъ и болѣзни, безъ помощи, безъ подкрѣпленій и почти въ невозможности получить оныя; разбросанную по обширной странѣ, посреди непокорнаго народа, коего въбра возбуждала политическую ненависть и вы убѣдитесь, что ничто не содѣйствовало къ сохраненію этого дорогаго завоеванія и ничто не подавало надеждъ что оное можно будетъ удержать.

Не побоялись напечатать, что эта несчастная Египетская армія, *лишась надежды возвратиться въ Европу, потеряла къ тому и желаніе.* Это одна изъ самыхъ грубыхъ ажей противъ исторіи, которую можно было сдѣлать. Пусть спросятъ всѣхъ существующихъ еще участниковъ этого похода и не найдется ни одного, который бы не отвѣчалъ: *Валиъ хорошо теперь это говорить.* Пусть вспомнятъ письмо, которое Дезе писалъ ко мнѣ по прибытіи въ Тульсъ и то, которое получилъ отъ него Бонапарте.

Высокія свѣдѣнія, великая способность и совершенное знаніе воинскаго искусства завоевали Египетъ;—глупость, ограниченность и неспособность потеряли его. Что осталось изъ этого достопамятнаго похода? Уничтоженіе одной изъ превосходнѣйшихъ нашихъ армій, потеря нашихъ лучшихъ Генераловъ, истребленіе нашего Флота, Мальта и владычество Англичанъ въ

Средиземномъ морѣ. А что остается отъ онаго теперь? Ученое сочиненіе. Болтовня и сказки Геродота и бредни добраго Ромлена, стоили гораздо меньше а были ничуть не хуже.

Нѣсколько времени уже Первый Консуль опасался долженствовавшей скоро произойти отдачи Египта: послѣднія извѣстія, имъ полученныя были мало благоприятны и возбуждали предчувствіе о близкой бѣдѣ. Онъ объявлялъ народу противное, но истина тѣмъ не менѣе существовала. Въ это время очень важно было, чтобы извѣстіе о выходѣ нашихъ войскъ изъ Египта не пришло въ Англію прежде подписанія предварительныхъ условій, заключеніемъ коихъ Г. Отто занимался съ такою же дѣятельностью какъ и съ искусствомъ. Мы выставяли великимъ пожертвованіемъ отдачу этого завоеванія; но это пожертвованіе уничтожалось, еслибъ извѣстіе о происшедшемъ въ концѣ Августа, пришло въ Лондонъ прежде подписанія предварительныхъ условій, т. е. прежде 1 Октября. Первый Консуль самъ отвѣчалъ на послѣднюю депешу Г. Отто, содержащую въ себѣ копію съ предварительныхъ условій, въ томъ видѣ какъ соглашалось на оныя Англійское Министерство. Ни эта депеша, ни отвѣтъ на оную, не были сообщены Г. Талейрану, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Сношеній. Первый Консуль, уврѣнный въ великомъ искусствѣ и знаніи сего

Министра, никогда ничего не оканчивалъ въ дипломатіи не посовѣтовавшись съ нимъ—и онъ былъ правъ. Но въ этомъ случаѣ, я замѣтилъ ему что по случаю нахождения Г. Талейрана для здоровья на Бурбонъ-д'Аршамботскихъ водахъ,—пройдетъ четыре дня пока получится его отвѣтъ и что это замедленіе можетъ дать совершенно другой видъ дѣлу. Я съ жаромъ напомнилъ ему что Египетъ близокъ къ наде-нію. Онъ согласился на мое мнѣніе и могу ска-зать что очень хорошо сдѣлалъ, ибо извѣстіе о принужденномъ выходѣ нашихъ войскъ изъ Египта, пришло въ Лондонъ на другой день по подписаніи предварительныхъ условій. Г. Отто написалъ къ Первому Консулу, что Лордъ Га-кесбѣри, объявивъ ему объ отдачѣ Египта, ска-залъ что онъ очень радъ тому что все конче-но, ибо ему невозможно было бы, по полученіи этой вѣсти договариваться на тѣхъ же основа-ніяхъ. Дѣйствительно мы, въ *Парижѣ*, согласи-лись на добровольный выходъ изъ Египта, что имѣло нѣкоторую цѣну для Англіи; а между тѣмъ Египетъ былъ уже очищенъ по договору, на *мѣсть* заключенному. 30 Августа 1801 го-да войска наши окончательно очистили Египетъ, коего завоеваніе, столь дорого стоившее, сдѣла-лось чрезъ это для насъ бесполезнымъ или лучше сказать, тяжкимъ.

Г Л А В А XIX.

Самая достолавная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытныя помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная. — Бонапарте и Англіійскіе журналы — Ненависть Перваго Консула къ свободѣ тисненія. — Жалобы Британскому Правительству на Англіійскіе журналы.—Пельтье и журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu).—Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу.—Равнодушіе Англіійскихъ Министровъ къ журнальной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безполезное осужденіе.—Генераль Леклеркъ.—Сен-Домингская экспедиція.—Тщетная попытка противъ независимости Негровъ. — Туссенъ-Лувртуръ.—Смерть его.—Ложныя слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Генерала Рошамбо.

Эпоха Аміенскаго мира должна быть считаема самою достолавною эпохою для Франціи. Не исключая изъ сего, ни время побѣдъ Лудовика XIV, ни блистательнѣйшихъ годовъ Имперіи.

Консульская слава была чиста въ эту эпоху; она имѣла въ виду однѣ только лестныя надежды; между тѣмъ какъ глаза, хоть не много привыкшіе видѣть внутренность дѣлъ, могли легко усматривать великія бѣдствія подъ лаврами Имперіи.

Предложенія, сдѣланныя Первымъ Консуломъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть мира, доказывали что онъ дѣйствительно желалъ онаго. Онъ чувствовалъ, что свершивъ въ самомъ началѣ своего управленія столь желаемое дѣло, онъ тѣмъ пріобрѣтетъ любовь и признательность Французовъ. Не нужно иного доказательства его чувствъ, кромѣ сдѣланнаго имъ какъ сказано предложенія отдать Египеть Султану и возвратить всѣ гавани Венеціянскаго залива и Средиземнаго моря тѣмъ Державамъ, которымъ оныя принадлежали; отдать обратно Мальту Ордену; и даже срыть укрѣпленія, если Англія сочтетъ это полезнымъ для своихъ выгодъ. Въ Индіи у нея оставался Цейланъ; а себѣ просилъ онъ мысъ Доброй Надежды и все то, что Англичане взяли въ Западной Индіи.

Англія, рѣшившаяся удержать Мальту, свой второй Гибралтаръ въ Средиземномъ Морѣ и Мысъ Доброй Надежды, свой каравансарай Пиди́н, оказала сговорчивость касательно перваго острова, объявивъ что можно будетъ устроить это такъ чтобы сдѣлать оный независимымъ отъ

Беликобританіи и Франціи; но мы навѣрное знали, что это одна только приманка; что какъ бы это ни было устроено, а Англія удержитъ у себя Мальту, ибо морская Держава не отдастъ островъ повелѣвающій Средиземнымъ Моремъ. Не упоминаю о переговорахъ касательно Американскихъ острововъ; острова сіи, по моему мнѣнію, не слишкомъ для насъ важны; они стоятъ намъ дороже того что приносятъ; и отойдутъ отъ насъ, подобно какъ по прошествіи извѣстнаго времени все то, что называется колоніями, отойдетъ отъ державъ, ими владѣющихъ. Наша колоніальная система нелѣпа: она заставляетъ насъ платить за колоніальныя произведенія почти вдвое противъ того что за нихъ платятъ наши сосѣды.

Когда Лордъ Гакесбѣри согласился очистить Мальту съ тѣмъ условіемъ, что она будетъ независима отъ Франціи и отъ Велокобританіи, то онъ вовсе непомышлялъ объ исполненіи сего уговора; онъ очень мало заботился о Правительствѣ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и ему бы слѣдовало внизу своей ноты сдѣлать приписку: *Мы удержали Мальту вопреки вамъ.* Я не переставалъ твердить Наполеону что, на мѣсть Англичанъ, онъ также бы сдѣлалъ и рѣшительно предсказалъ ему что этотъ островъ будетъ главною причиною разрыва мира. Онъ думалъ также какъ и я; но на ту минуту главное

дѣло состояло въ томъ чтобы заключить миръ и въ этомъ отношеніи, я отъ чистаго сердца съ нимъ соглашался. Ниже увидятъ что война возникла съ сего острова; что Англичане, стѣсненные въ своихъ обстоятельствахъ и доведенные до необходимости отдать островъ, на основаніи предварительныхъ условій, станутъ уклоняться, крючкотворствовать и наконецъ потребуютъ чтобы Мальта была отдана подъ покровительство Короля Неаполитанскаго, т. е. подъ покровительство Державы; состоящей въ полной у нея зависимости и которой она—какъ будто своей области,—насылала повелѣнія; это по правдѣ сказать, была слишкомъ ѣдкая насмѣшка.

Теперь я долженъ заняться ссорою Перваго Консула съ Англійскими журналами и представить новое доказательство *любви* его къ свободѣ тисненія. Однакожь свобода тисненія однажды доставила ему живѣйшее удовольствіе. Всѣ Англійскіе журналы провозгласили радостные восторги, обнаруженные въ Лондонѣ по случаю пріѣзда Генерала Лористона, который привезъ туда на утвержденіе предварительныя условія. Всякой помингъ чувства, возбужденныя во Франціи этимъ прекращеніемъ непріязненныхъ дѣйствій: торговля, которая существуетъ только въ мирѣ, пробудилась; надежда близкаго и всеобщаго мира, повсюду распространила веселіе.

Первый Консулъ всегда былъ открытымъ

врагомъ свободы тисненія и держалъ все журналы въ желѣзныхъ рукахъ. Онъ часто при мнѣ говаривалъ: *Если я сниму съ нихъ узду, то три мѣсяца не удержу у себя власти.* Онъ имѣлъ это же мнѣніе касательно всѣхъ общественныхъ правъ. Молчаніе, налагаемое имъ на Францію, хотѣлъ онъ распространить и на Англію, но не могъ. Онъ былъ раздраженъ бравью, которою осыпали его Англійскіе журналы и сатиры, а въ особенности журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu), издаваемый Пельтье, который былъ въ Парижѣ редакторомъ *Дѣлній Апостоловъ*. *Двусмысленный* былъ безпрестанно наполняемъ самыми жестокими нападками на Перваго Консула и на Французскій народъ вообще, что конечно дѣлало большую честь Французу, издателю оваго. Бонапарте никогда не могъ привыкнуть, подобно какъ привыкли Англичане, презирать журнальныя обиды; онъ отвѣтствовалъ резкими статьями, помещаемыми въ *Монитёръ* и поручилъ Г-ну Отто подать официальную ноту противъ этой системы клеветы и ругательства, которую онъ полагалъ дозволяемою Англійскимъ Правительствомъ. Кромѣ сего официальнаго дѣйствія, онъ лично обратился къ Г. Аддингтону, Канцлеру Казначейства, просилъ его поддержать это, сдѣланное имъ требованіе и постараться принять законныя мѣры противъ вольности сочиненій, на которыя онъ жа-

ловался. Дабы не пропустить время къ удовлетворенію ненависти своей противъ свободы книгопечатанія, онъ избралъ для сего самую минуту подписанія предварительныхъ условій.

Г. Аддингтонъ отвѣчалъ Первому Консулу, собственноручно, длиннымъ письмомъ, которое я ему перевелъ. Англійскій Министръ сильно опровергалъ всѣ доводы Наполеона противъ свободы тисненія; онъ соглашался въ томъ что употребленіе оной во зло дѣлалось иногда бичемъ: но Англійская Конституція предоставляла всякому свободу писать что угодно на собственный страхъ и отвѣтственность. Преступленіе, сдѣланное сатирою, въ Англійи наказывается точно также какъ и всякое другое преступленіе или злодѣйство, инымъ образомъ свершенное. Г. Аддингтонъ сознавался, что этого рода преступленія избѣгали иногда строгости законовъ; но помочь этому нѣтъ средствъ и трудно найти ихъ,—говорилъ онъ;—ибо невозможно коснуться свободы тисненія, которая существуетъ въ нашихъ правахъ.—Г. Аддингтонъ объявлялъ, что ни одинъ Министръ не посмѣетъ завести объ этомъ предметъ рѣчь въ Парламентъ, и что никто не сочтетъ себя для этого довольно сильнымъ; ибо эта свобода слишкомъ дорога Англичанамъ. Далѣе онъ замѣтилъ Первому Консулу, что хоть онъ и чужестранецъ, а имѣетъ полное право принести жалобу свою въ судъ, но

что ему слѣдуетъ ожидать перепечатанія въ тяжбомъ дѣлѣ всѣхъ соблазнительныхъ статей, на которыя онъ жаловался.

Онъ убѣждалъ его предать глубочайшему презрѣнію всѣ эти дразги не обращая на нихъ, подобно ему и многимъ другимъ, нималѣйшаго вниманія. — Могу похвалиться тѣмъ что я нѣсколько содѣйствовалъ къ предупрежденію этой соблазнительной тяжбы.

На ту минуту дѣло такъ и осталось; но послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ приказалъ позвать предъ судъ Пельтье, редактора *Двуслысленнаго*, издаваемого съ прежнею необузданностью. Пельтье имѣлъ защитникомъ знаменитаго Макинтоша, который какъ разсказываютъ, обнаружилъ при произведеніи дѣла, величайшее краснорѣчіе. Не смотря на то Пельтье былъ обвиненъ. Это осужденіе, сочтенное въ общемъ мнѣніи торжествомъ, не было приведено въ исполненіе, ибо вскорѣ произошелъ разрывъ между двумя землями. Прискорбно думать, что эта чрезмѣрная склонность къ брани Англійскихъ журналовъ и сатиръ, содѣйствовала конечно столькоже, а можетъ быть и болѣе чѣмъ великія политическія выгоды, къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій. Многія вещи показались бы очень удивительными, еслибъ всегда можно было видѣть ихъ изнанку.

Я упомянулъ прежде о разрывѣ Аміенскаго

договора для того, чтобы не раздѣлять того, что мнѣ нужно было сказать о ненависти Бонапарте къ свободѣ тисненія; возвращаюсь къ концу 1801 года,—эпохѣ Сен-Домингской экспедиціи.

Продиктовавъ мнѣ почти цѣлую ночь наставленія для этой экспедиціи, Первый Консуль кликнулъ Генерала Леклерка и сказалъ ему при мнѣ: «Вотъ тебѣ инструкціи и прекрасный случай обогатиться. Потѣжай и не докучай мнѣ больше безпрестанными требованіями денегъ.» Дружба Наполеона къ сестрѣ его Полинь, очень содѣйствовала къ избранію имъ этого *славнаго способа обогатить ея мужа.*

Экспедиція вышла изъ портовъ Франціи 14 Декабря 1801 года; она прибыла къ Мысу 1 Февраля 1802. Пагубныя послѣдствія оной извѣстны, но люди никогда не исцѣляются отъ охоты къ такимъ нелѣпымъ предиріятіямъ.

Данныя Леклерку наставленія все предвидѣли; но тяжело было видѣть, что выборъ одного изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ неспособныхъ Генераловъ арміи не оставлялъ никакой надежды на успѣхъ предпріятія. Должно полагать, что никакая другая причина не содѣйствовала къ преклоненію Перваго Консула, кромѣ желанія избавиться отъ зятя, чрезвычайно ему не нравившагося, доставя ему съ тѣмъ вмѣстѣ средство къ обогащенію. Первому Консулу, не

очень расположенному къ этой экспедиціи, можетъ быть следовало бы болѣе подумать о трудности покушенія, силою покорить эту колонію. Доводы противъ этой экспедиціи, часто мною повторяемые, его колебали; онъ одобрялъ ихъ: но непостижимая власть, которую имѣли надъ нимъ члены его семейства, продолжала господствовать.

Это предпріятіе, задуманное внезапно, въ минуту досады, и основанное на невѣрныхъ, обманчивыхъ предположеніяхъ, — показалось мнѣ великою ошибкою; никто въ то время не заключалъ объ ономъ благоприятно; можно было держать сто противъ одного, что развязка онаго будетъ пагубна и фортуна въ этотъ разъ, совершенно оставила Наполеона; ибо эта экспедиція, неблагоприятно предпринятая, стоила намъ прекрасной арміи и большихъ сокровищъ; она навлекла ему упреки тѣхъ современниковъ, которые не все хвалятъ; и по счастью такіе еще существуютъ. Она не избѣгаетъ упрековъ потомства, если оно этимъ займется.—На первые расходы для этого предпріятія употребили деньги, принадлежавшія казнѣ морскихъ инвалидовъ. Это грабительство не принесло счастья. Черезъ долгое время послѣ этой попытки, наконецъ продали колонію за нѣкоторую сумму Неграмъ; и очень хорошо

бы сдѣлали, еслибъ они заплатили; но этому не бывать.

Сен-Домингская экспедиція есть одна изъ большихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Наполеономъ; всѣ тѣ, съ которыми онъ совѣтовался, отклонили его отъ оной. Онъ счелъ нужнымъ оправдаться гласомъ историковъ своихъ острова Св. Элены; но успѣлъ ли онъ въ томъ, сказавъ имъ, что *онъ былъ принужденъ уступить мнѣнію своего Государственнаго Совѣта?* Такой ли онъ былъ человекъ, чтобы предлагать вопросъ о войнѣ разсужденію Государственнаго Совѣта и покоряться политикѣ какого либо совѣта.

Бонапарте продиктовалъ мнѣ къ Туссену письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему самыя почетныя вещи и дѣлалъ ему самыя пышныя обѣщанія: ему посылали обратно двухъ его сыновей, воспитывавшихся въ Парижѣ; ему предлагали званіе Вице-Губернатора; онъ долженъ былъ содѣйствовать распоряженіямъ къ подчиненію Сен-Доминга Франціи. Туссенъ, страшась быть обманутымъ Французами и, въролтно движимый честолюбивыми причинами, рѣшился воевать, показавъ сначала склонность къ соглашенію. Туссенъ обнаружилъ довольно искусства; но прежде чѣмъ климатъ, опустошительныя его дѣйствія и время, уменьшили Французскую армію,—Туссенъ не въ состояніи былъ устоять противъ войска свѣжаго, много-

численнаго и знающаго ратное дѣло. Онъ сдѣлся на договоръ и удалился въ селеніе, изъ котораго не могъ выѣзжать безъ дозволенія Леклера. Мнимый умыселъ заговора со стороны Черныхъ, подалъ поводъ къ обвиненію Туссена; онъ былъ взятъ и отосланъ во Францію.

По привезеніи его въ Парижъ, въ первыхъ числахъ Августа, его предварительно посадили въ Тампль, а потомъ заключили въ замокъ Жу. Пльнъ его былъ очень суровъ и ему мало оказывали облегченій. Такое содержаніе, помыслы о прошедшемъ, разлученіе со свѣтомъ, лата его и новый для него климатъ, ускорили смерть его, происшедшую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи его во Францію. Распространенные слухи о неестественной смерти, причиненной будто бы ядомъ, не нашли себѣ вѣры; я долженъ сказать, что Туссенъ писалъ къ Первому Консулу; но я никогда не видалъ приписанныхъ Туссену выраженій: *Первый человекъ изъ Черныхъ, къ первому человеку изъ Бѣлыхъ*. Бонапарте признавалъ въ немъ энергію, храбрость и большое искусство. Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ бы увидѣлъ, еслибъ сношенія съ островомъ Сен-Доминго кончились инымъ образомъ, а не похищеніемъ и ссылкой.

Можетъ быть другой, будучи на мѣстѣ Леклера, успѣлъ бы склонить Туссена къ соглашенію истинныхъ выгодъ колоніи и правъ человѣче-

ства съ требованіями Франціи, которыя время и обстоятельства сдѣлали умѣренными. Сен-Домингу скорѣе былъ нуженъ примиритель, чѣмъ завоеватель. Леклеркъ сначала предпочелъ было переговоры, но скоро перемѣнилъ свою систему: желтая лихорадка, похитившая Леклерка, погубила въ арміи много людей; побѣги до чрезвычайности усилились. Рошамбо заступилъ мѣсто Леклерка по старшинству, также какъ Мену послѣ Клебера. Мену потерялъ Египетъ чрезъ свое неискуство и чрезъ свои восточныя дурачества; а Рошамбо лишился колоніи чрезъ суровость своего характера. Начальствуя доведенною до совершеннаго ничтожества арміею, онъ хотѣлъ посредствомъ насилія, могущаго быть названнымъ даже безуміемъ, покорить взбунтовавшихся Негровъ, которыхъ можно было привести къ повиновенію, развѣ одною только кротостью. Рошамбо сдался въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года Англійской эскадрѣ. Такъ кончилась эта роковая экспедиція, положившая конецъ притязаніямъ покорить силою землю, которая завоевала себѣ независимость. Не въ состояніи будучи оную у нея исторгнуть, ей продали оную. Но заплатитъ ли она? Я уже отвѣчалъ что нѣтъ.

Г Л А В А XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортензій.— Тайное свершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго Консула къ обрядамъ вѣры.—Предпочтеніе къ Дюроку.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ.—Провски Іозефинны—Рѣшеніе Наполеона въ пользу Дюрока.—Перемѣна положенія.— Утѣшеніе Дюрока.—Новая ошибка острова Св. Элены.— Тюзерійскій кабинетъ и будуарь.—Ложь и явное опроверженіе.—Могущество клеветы.

Бонапарте часто чувствовали сильныя боли и я теперь не сомнѣваюсь, судя по свойству его страданій, что онъ тогда уже были произведены зародышемъ недуга, отъ котораго онъ умеръ на островѣ Св. Элены. Боль, на которую онъ всегда жаловался, наиболѣе мучила его въ

ту ночь, когда онъ диктовалъ мнѣ наставленія Генералу Леклерку; я очень поздно проводилъ его въ спальню; мы только что выпили по чашкѣ шоколаду, который мы пили всякой разъ когда работа наша продолжалась за часъ по полуночи. Онъ всегда безъ огня отправлялся вверхъ въ свою спальню. Я держалъ его подъ руку: едва миновали мы маленькую лѣстницу, которая вела въ коридоръ, какъ его сильно толкнулъ человекъ, бѣгущій опрометью къ лѣстницѣ. Первый Консулъ не упалъ потому что я поддержалъ его. Пришедъ въ спальню, мы нашли Иозефину проснувшуюся: она слышала шумъ и очень перепугалась. По произведенію немедленнаго изслѣдованія открылось что это былъ просто человекъ, бѣжавшій съ любовнаго свиданія и который по глупости, запоздалъ уйти. Часовой, стоящій у дверей спальни, объявилъ, что какъ этотъ человекъ бѣжалъ изъ комнаты, обратясь къ ней спиною (что и не могло быть иначе), то онъ схватилъ его за служителя, который торопился куда нибудь по своей должности. Можно себя представить, что это свиданіе болѣе уже не происходило, по крайней мѣрѣ въ Мальмезонѣ; не сочли нужнымъ взять другой предосторожности кромѣ того что получше освѣтили коридоръ и тѣмъ эти ночныя посѣщенія прекратились.

7 Генваря 1802 года, наканунѣ отъѣзда на Консульту въ Ліонъ, свершился бракъ дѣвицы Гортензіи съ Лудовикомъ Бонапарте. Какъ въ эту эпоху не былъ еще возобновленъ обычай соединять съ гражданскимъ договоромъ духовный обрядъ,—то бракосочетаніе было свершено священникомъ въ маленькомъ домикѣ улицы Побѣды. Бонапарте также приказалъ освятить духовнымъ обрядомъ бракъ Каролины, заключенный за два года предъ тѣмъ только въ присутствіи Мера. Самъ онъ не послѣдовалъ этому примѣру, по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Имѣлъ ли онъ уже тогда мысль о разводѣ, который сдѣлался бы затруднительнѣе при утверженіи брака духовнымъ обрядомъ? или это было слѣдствіемъ равнодушія къ самому себѣ, котораго онъ не имѣлъ къ другимъ? это конечно не могло быть опасеніе что его обвинять въ слабости, когда онъ возобновлялъ этотъ старинный обрядъ для сестры своей и падчерицы; немногія слова, мною тогда отъ него слышанныя, доказали, что онъ въ этомъ отношеніи былъ совершенно равнодушенъ.

Наполеонъ, говоря на островѣ Св. Элены о Лудовикѣ и о Гортензіи, сказалъ: «Вступая въ бракъ они любили другъ друга. Они сами этого желали. Впрочемъ этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины, которая находила въ немъ свои выгоды.»—Постараюсь предста-

вить въ настоящемъ видѣ обстоятельства, нѣскольکو переиначенныя.

Лудовикъ и Гортензія вовсе не любили другъ друга; это достовѣрно. Первый Консуль очень хорошо, это зналъ, равно какъ и сильную склонность Гортензіи къ Дюроку, который не платилъ ей такую же взаимностью. Первый Консуль соглашался соединить ихъ, но Юзефинѣ очень не нравился этотъ бракъ и она всячески старалась воспрепятствовать заключенію онаго. Она часто со мною объ этомъ разсуждала, но нѣскольکو поздно: она говорила, что ея два шурина явные враги ея; что я самъ видѣлъ ихъ козни и что мнѣ извѣстно, что нѣтъ непріятностей, которыхъ бы она отъ нихъ не переносила. Все это дѣйствительно было мнѣ извѣстно; она безпрестанно повторяла мнѣ, что въ случаѣ свершенія предполагаемаго брака, у нея не будетъ никакой опоры; что Дюрокъ значилъ что нибудь единственно чрезъ дружбу Наполеона; что онъ не имѣлъ ни состоянія, ни знатности и не пріобрѣлъ еще славы: что онъ не могъ служить ей опорой противъ извѣстной непріязни братьевъ Наполеона; что ей надобенъ былъ для будущаго кто нибудь повадѣннѣе. Она прибавляла что мужъ ея очень любитъ Лудовика; что еслибъ ей посчастливилось соединить его со своею дочерью, то онъ сдѣлался бы сильнымъ

перевѣсомъ противъ клеветы и гоненій другихъ ея шуриновъ. Я отвѣчалъ ей, что она слишкомъ долго скрывала отъ меня свои расположенія; что я тѣмъ охотнѣе общалъ молодымъ людямъ мои услуги, что зналъ благопріятное для нихъ мнѣніе Перваго Консула, который часто говаривалъ мнѣ: «Пусть жена моя что хочетъ дѣлаетъ, а они другъ другу пара и я непременно женю ихъ: я люблю Дюрока, онъ благороднаго происхожденія; вѣдь я отдалъ же Каролину за Мюрата, а Полину за Деклерка; почемужъ мнѣ не отдать Гортензію за Дюрока, который славный малой. Онъ очень стоить другихъ; и притомъ онъ ужъ Дивизионный Генераль. Противъ этого союза ничего нельзя сказать. Притомъ же я имѣю другіе виды на счетъ Лудовика.» Разговаривая съ Г-жею Бонапарте я прибавлялъ, что дочь ея заливалась слезами, когда ей говорили о бракѣ съ Лудовикомъ.

Первый Консулъ послалъ Дюроку патентъ на чинъ Дивизионнаго Генерала съ особымъ курьеромъ, отправленнымъ въ Голландію, чрезъ которую новому Генералу слѣдовало проѣзжать на возвратномъ пути изъ Петербурга, куда какъ я уже сказалъ, онъ былъ посыланъ для поздравленія Императора Александра съ шестствіемъ на престоль. Первый Консулъ сдѣлалъ эту пріятную нечаянность Дюроку въ-

ролтно въ той увѣренности, что бракъ состоится. Въ продолженіе этого отсутствія Дюрока, перениска молодыхъ любовниковъ шла чрезъ мои руки съ ихъ согласія; я почти всякой вечеръ игралъ на бильярдѣ съ дѣвицею Горгензією, которая очень хорошо играла. Когда я потихоньку сказывалъ ей, что *у меня есть письмо*, то игра тотчасъ прекращалась и она бѣжала въ свою комнату, куда я приносилъ ей письмо. Глаза ея наполнялись слезами и она долгое время не сходила опять въ гостиную, куда я прежде ее являлся. Все это нисколько ей не помогло; Иозефинѣ надобна была въ *семль* опора противъ *семли*. Видя что она твердо на это рѣшилась, я далъ себѣ слово не препятствовать ея видамъ, которыхъ я не могъ осуждать; но замѣтилъ ей, что я ужъ болѣе не въ состояніи молчать и соблюдать нейтралитетъ въ этихъ небольшихъ распряхъ. Она повидимому удовольствовалась.

Въ продолженіе бытности нашей въ Мальмезонѣ, козни продолжались. Умолчу о подробностяхъ оныхъ, ибо это были все тѣже сцены, также нерѣшительность. По возвращеніи нашемъ въ Тюліери, дѣла были въ томъ же положеніи, но все въ ронности казалось благопріятствовали Дюроку. Я даже ужъ поздравлялъ его, но онъ холодно принималъ мои поздравленія. Въ короткое время Госпожа Бонапарте

успѣла все переменить. Непремѣнно желая выдать дочь свою за Лудовика, она склонила Перваго Консула къ своимъ мыслямъ, убѣжденіями, просьбами, искусствомъ, ласками и всѣми способами, которые она такъ хорошо умѣла употреблять. Первый Консулъ вошелъ 4 Генваря послѣ обѣда въ нашъ кабинетъ, гдѣ я занимался. «Гдѣ Дюрокъ?—Онъ вышелъ, я думаю въ Оперу.—Когда онъ возвратится домой, то скажи ему что я обѣщаль отдать за него Гортензію и что онъ на ней женится. Но я хочу чтобы это сдѣлалось не позже какъ черезъ два дня. Я даю ему пять сотъ тысячъ Франковъ и назначаю его Начальникомъ осьмой Военной Дивизіи. Онъ отправится на другой день послѣ своей свадьбы въ Тулонъ съ женою и мы будемъ жить врознь. Не хочу имѣть при себѣ зятя. Такъ какъ мнѣ хочется это кончить, то скажи мнѣ сегодняже, будетъ ли онъ согласенъ. — Не думаю.—Ну такъ она выйдетъ за Лудовика.—Захочетъ ли она? — Она будетъ должна.» Первый Консулъ объявилъ мнѣ это съ досадою, показывавшею что у него произошла какая нибудь семейная ссора и что наскучивъ этимъ дѣломъ, онъ рѣшился предложить свои окончательныя условія дабы больше объ немъ не слышать. Дюрокъ воротился домой въ одиннадцатомъ часу вечера. Я пересказаль ему отъ слова до слова предложеніе Перваго Консула.—

Если такъ, любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, то онъ можетъ оставить у себя дочь свою; а я пойду къ; и съ непостижимымъ для меня равнодушіемъ онъ взялъ шляпу и ушелъ. Первый Консуль передъ тѣмъ какъ онъ легъ спать, былъ уведомленъ объ отвѣтѣ Дюрока, и Иозефина получила его согласіе на бракъ дочери ея съ Лудовикомъ; этотъ бракъ вскорѣ послѣ того свершился. Вотъ какъ дѣло произошло къ великому огорченію дѣвицы Гортензіи и вѣроятно къ удовольствію Дюрока; Лудовикъ допустилъ себя женить. Гортензія до тѣхъ поръ сколько можно его избѣгала, всегда показывая ему равнодушіе, по крайней мѣрѣ равное отвращенію, которое онъ къ ней обнаруживалъ. Эти чувства не перемѣнились.

Наполеонъ говорить на островѣ Св. Элены, что онъ хотѣлъ женить Лудовика на племянницѣ Г. Талейрана. Я тѣмъ меньше могу это отрицать, что Наполеонъ увѣрлялъ меня что онъ имѣеть на счетъ Лудовика другіе виды. Но я никогда не слыхалъ ни слова объ этой племянницѣ, ни отъ него, ни отъ Госпожи Бонапарте, ни отъ ея дочери; а напротивъ того, мнѣ казалось, что Первый Консуль начиналъ уже тогда думать о союзахъ съ царскими Домами. Онъ изъявлялъ иногда свое сожалѣніе о томъ что сестры его поторопились выйти за мужъ. Читатели вспомнятъ, что это былъ тотъ самый

годъ, въ который учредилось пожизненное Консульство, служившее предвѣстіемъ Имперіи, а извѣстно, что позывъ на пищу приходитъ за ѣдою. Наполеонъ справедливо сказалъ товарищамъ своего изгнанія, «что этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины;» но не понимаю почему онъ ни слова не упомянулъ своимъ приближеннымъ о предположеніи своемъ выдать Гортензію за Дюрока, о ихъ любви и о своей первоначальной рѣшимости. Напрасно нанечатали, будто бы Наполеонъ полагалъ согласить этимъ счастье своей падчерицы со своею политикою; Гортензія не любила Лудовика и страшилась этого брака; почему нельзя было надѣяться для нея счастья и послѣдствія довольно это доказали. Что касается до политики Перваго Консула, то я не постигаю, какимъ образомъ она бы могла найти свои выгоды въ томъ, чтобы Лудовикъ женился на Гортензій и во всякомъ случаѣ, эта великая политика, столь громогласно возвыщавшая, что она неподчинена женскому вліянію, была бы покорною рабою происковъ Іозефины ибо тогда въ Тюліери, будуаръ часто былъ сильше кабинета.

Здѣсь я съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ, самымъ явнымъ, самымъ положительнымъ образомъ опровергнуть гнусныя предположенія. Безстыдно лгали утверждавшіе, будто бы Бонапарте имѣлъ къ Гортензій другія чувства кро-

мѣ тѣхъ, которыя свойственны вотчину къ его падчерицѣ; ниже увидать что онъ сказалъ мнѣ на этотъ счетъ; но никогда не должно отлагать опроверженія столь подлой клеветы. Безсовѣстные писатели утверждали безъ доказательствъ, не только что Бонапарте находился въ преступной связи съ Гортензією, но и будто бы онъ былъ отцемъ старшаго ея сына. Ложь, гнусная ложь! А между тѣмъ, слухъ объ этомъ былъ распространенъ вездѣ, какъ во Франціи такъ и въ цѣлой Европѣ. Неужели клевета имѣетъ столь могущественную прелесть, что подчинясь ей однажды, невозможно уже освободиться отъ ея ига?

Г Л А В А ХХІ.

Два президентства, возвышающія два престола.—Цизальпинская Консульта, собранная въ Лионѣ.—Путешествіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невѣжливость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.—Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію Наполеона. — Позволительная лестъ.— Праздникъ у Г-жи Мюратъ.—Бонапарте, царь праздника и обхожденіе его съ дамами. — Наполеонъ беретъ къ себѣ въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигрантовъ.— Жаркое преніе въ советѣ объ имуществѣ эмигрантовъ. — Торжество Революціи.—Доказательство, взятое съ острова Св. Элены.

Первый Консуль желалъ согласовать между собою правительства Цизальпинское и Французское Будучи главою одного, онъ считалъ необходимымъ дать другому Президента, который былъ бы ему угоденъ и самъ сдѣлался

этимъ Президентомъ. Такимъ образомъ эти два соединенныя Президентства послужили ступенью для достиженія двухъ престоловъ. Нехотя на долгое время удалиться изъ Парижа и желая избѣгнуть затрудненій поѣздки въ Миланъ, Бонапарте заставилъ особъ, назначенныхъ на совѣщанія, сдѣлать половину дороги: онъ созвалъ ихъ въ Лионъ. Я сказалъ ему за нѣсколько дней до нашего отъѣзда: «Развѣ вамъ не было бы пріятно опять увидѣть Италію, это первое поприще вашей славы, эту прекрасную столицу Ломбардіи, гдѣ вамъ оказывали такія почести?—Конечно,» отвѣчалъ мнѣ Первый Консулъ, «но поѣздка въ Миланъ заставила бы меня потерять драгоцѣнное время. Притомъ же мнѣ желательнѣе, чтобы это собраніе происходило во Франціи, а не въ Италіи; вліяніе мое на депутатовъ будетъ быстрѣе и вѣрнѣе въ Лионъ, чѣмъ въ Миланъ. Притомъ же я очень буду радъ увидѣть тамъ благородные остатки Египетской арміи, которые туда сбегутся.»

Мы отправились 8 Января 1802 года. Сбираясь возсѣсть на престолъ Франціи, Бонапарте въ тоже время хотѣлъ приготовить Италианцевъ къ возложенію на него нѣкогда Италианской Короны, въ подражаніе Карломану, котораго онъ заранѣе считалъ себя преемникомъ. Онъ видѣлъ въ санѣ Президента Цизальпинской Республлки большой шагъ къ Королевству Ломбардовъ также какъ

позднѣ сего, въ назначеніи своемъ пожизненнымъ Консуломъ, онъ увидѣлъ рѣшительный шагъ ко Французской коронѣ. Титуль Президента былъ безпрепятственно ему данъ 26 Генваря 1802 года. Поѣздка въ Ліонъ и совѣщанія были сдѣланы только для вида; но надобно было поразить мнѣніе громкими словами и торжественными дѣйствіями.

Покушенія, сдѣланныя на жизнь Перваго Консула, были причиною распространившагося слуха будто бы онъ въ эту поѣздку принялъ чрезвычайныя предосторожности для своего сохранения. Я никакихъ не видалъ: онъ были ему противны. Онъ очень зналъ и часто повторялъ, что тотъ кто захочетъ пожертвовать своею жизнью, можетъ лишитъ его оной. Неправедливо говорено, будто бы стражи окружали его карету и были разставлены по всей дорогѣ; относительно предосторожностей, онъ ѣхалъ какъ обыкновенный путешественникъ. Я даже рѣдко видѣлъ оружіе у него въ каретѣ.

Въ это время, когда честолюбіе Наполеона съ каждымъ днемъ усиливалось, Генераль Кларкъ позволилъ себѣ войти въ ложу Перваго Консула во Французскомъ Театрѣ и сѣлъ на первомъ мѣстѣ. Случилось что Наполеонъ пріѣхалъ въ театръ; но Кларкъ, едва привставъ, не уступилъ ему мѣста. Первый Консулъ пребылъ въ театрѣ очень короткое время и, возвратясь до-

мой, изъявить мнѣ сильное неудовольствіе на это обнаруженное Кларкомъ самолюбіе и чванство. Желая избавиться отъ чловѣка, считаемаго имъ неумѣреннымъ льстецомъ и неискуснымъ порицателемъ—онъ отправилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ къ повопожалованному Королю Этрусскому, и этотъ родъ ссылки наказалъ его за безразсудство; этимъ однакожь ограничались всѣ *великія неудовольствія*, о которыхъ такъ много говорили. Въ послѣдствіи Генераль Кларкъ опять вошелъ въ милость, что извѣстно и памятно Берлину.

25 Марта того же года, Англія подписала въ Аміенѣ условіе о прекращеніи на четырнадцать мѣсяцевъ непріязненныхъ дѣйствій, которое назвали мирнымъ договоромъ. Статьи сего договора были таковы, что не общали продолжительнаго мира: весьма очевидно напримѣръ было, что Англія не выведетъ войскъ своихъ изъ Мальты, ея Восточнаго Гибралтара; она это очень знала и статья, коею она соглашалась на отдачу сего острова Духовному Ордену, уничтоженному Наполеономъ, — очень мало ее затрудняла. Этотъ островъ Мальта долженствовалъ нѣкогда сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ причинъ разрыва Аміенскаго трактата, ибо Англія хотѣла удержать его; но гордая Англія, столь надменная до сихъ поръ противъ Перваго Консула, договаривалась съ нимъ какъ

съ Главою Франціи, а это для него много значило. Это еще болѣе утверждало власть его. Замѣтивъ, что я оцѣнилъ какъ слѣдуетъ выгоды, доставляемыя ему миромъ, онъ не скрывъ отъ меня чувствъ своихъ въ этомъ отношеніи.

Договоръ сей былъ сочтенъ Государственными людьми, даже въ Англіи, перемиріемъ, не могшимъ долго сохраниться; въ другихъ мѣстахъ повсюду были объ ономъ тѣхъ же мыслей.

Въ эту то эпоху, видя чрезъ сей миръ возрастающую свою славу и могущество, онъ сказать мнѣ однажды въ веселую минуту, потрепавъ меня по плечу въ одной изъ Мальмезонскихъ алей:—«Ну Буріеннъ, ты будешь также безсмертенъ какъ я.—Отъ чего же это Генераль?—А развѣ ты не Секретарь мой?—Скажите ка мнѣ имя Секретаря Александра (*).» Онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ улыбаясь: *«Глѣ! не дурно!..»* онъ подумалъ, что я говорю правду. Признаюсь что тутъ было немного лести, которая никогда ему не досаждала и въ этотъ день я не заслужилъ часто дѣланнаго имъ мнѣ упрека: *что я не довольно придворный, что я не довольно льстецъ.*

(*) Бонапарте не зналъ имени Александра Секретаря, котораго звали Каллисеномъ. Онъ писалъ Записки объ Александрѣ также, какъ я пишу о Наполеонѣ; но не смотря на это сходство, я столь же мало вѣрю безсмертію моего имени, сколь мало желаю онаго.

Госпожа Мюратъ, жившая въ Нёльи, сдѣлала для Бонапарте праздникъ, котораго онъ былъ царемъ. За роскошнымъ обѣдомъ послѣдоваль вечеромъ спектакль. За большимъ столомъ сидѣли однѣ только дамы; мужчины помѣщались въ сосѣдней залѣ. Госпожа Мюратъ угощала съ большою пріятностью, посадивъ Перваго Консула противъ себя. Бонапарте въ скоро и ничего не говорилъ. Наконецъ, за десертомъ, онъ обратился къ каждой дамѣ съ вопросомъ, который ей годъ; донедъ до Г-жи Буріеннъ, Наполеонъ сказалъ ей: «Что касается до васъ, ваши лѣта мнѣ извѣстны.» Выключивость его дальше не простерлась и дамы вовсе не остались этимъ довольны.

На другой день послѣ этого праздника, очень ему надѣвшаго въ то время, какъ Первый Консулъ прогуливался со мною въ Мальмезонъ по любимой своей алеѣ, ему принесли множество Полицейскихъ донесеній, которыя всѣ были такъ глупы и скучны. Въ нихъ упоминалось о толкахъ, распространившихся въ Парижѣ по случаю недавно принятой имъ зеленой ливреи. Эти толки, какъ было сказано, происходили отъ того, что зеленый цвѣтъ принадлежалъ дому д'Артуа. На лицѣ у него показалось судорожное движеніе. *Что забрали себѣ въ голову эти скоты? они забавны! Развѣ я*

не стою Г-на д'Артуа? Они еще не то увидятъ; право они не отгадали!

До половины 1801 года, исключенія изъ эмигрантскаго списка, всегда были предлагаемы Министромъ Главной Полиціи. Первый Консуль удостовѣрся, что эти исключенія часто были дѣлаемы въ слѣдствіе сильнаго ходатайства, происковъ,—и даже за деньги, рѣшился сосредоточить эту работу у себя въ кабинетѣ; но другіе дѣла замедливались чрезъ это скучное занятіе и не смотря на всѣ мои старанія, я не успѣвалъ дѣлать болѣе двѣнадцати или пятнадцати исключеній въ недѣлю; и нѣсколько разъ представлялъ ему это; но онъ сначала не обращалъ никакого на то вниманія. Тотчасъ послѣ молебна, отслуженнаго по случаю Конкордата и мира, я воспользовался въ Мальмезонѣ минутою его веселости и хорошаго расположенія для того чтобы вновь заговорить съ нимъ о всеобщемъ дозволеніи эмигрантамъ возвратиться въ свое отечество. «Вы примирили Французовъ съ Богомъ,» сказалъ я ему смѣясь, «примирите ихъ между собою. Никогда не существовало настоящихъ эмигрантскихъ списковъ: были только списки отсутствующихъ; доказательствомъ тому служить что изъ нихъ всегда вычеркивали и теперь всякой день вычеркиваютъ.» Эта мысль ему понравилась. «Хорошо, хорошо,» сказалъ онъ, «мы посмотримъ; но я хочу исключить изъ сего человѣкъ тысячу, принадле-

жанцихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ а въ особенности тѣхъ, которые служили при Королѣ, при Принцахъ, или при прежнемъ Дворѣ (*).»

Я сказалъ въ Палатѣ Депутатовъ и съ удовольствіемъ здѣсь повторяю: «Въ проэктѣ Сенатскаго указа, который Первый Консулъ диктовалъ мнѣ ночью, онъ исключалъ изъ возврата, только дома, занятые общественными заведеніями. Онъ не хотѣлъ платить за нихъ ни капитала, ни даже за наемъ. Но кромѣ этого исключенія, онъ отдавалъ назадъ все, чѣмъ владѣло Правительство и все что не перешло въ третьи руки. При этомъ важномъ вопросѣ, онъ никогда не имѣлъ мысли коснуться пріобрѣтенныхъ уже правъ. Онъ зналъ всю опасность этого. Онъ даже возвращалъ остальную третью часть конфискованныхъ фондовъ, за исключеніемъ процентовъ за прошедшее время. Это была самая справедливая вещь, ибо Правительство взяло эти фонды и пользовалось процентами, которыхъ оно не платило. Въ послѣдствіи эту безчестную конфискацію варварски прозвали *слъиеніемъ*. Это слово еще и нынѣ употребляется; оно выдуманно для прикрытія хитрости, обмана, грабежа, воровства, несостоятельности и прочихъ финансовыхъ подлостей, въ которыхъ часто бывало виновно Французское Правительство; слово которое

(*) Сенатскій указъ уменьшилъ это число до половины.

должно бы встрѣчаться въ словарь у однихъ только варварскихъ народовъ. Что сказали бы о челоѣкѣ, который укравъ мѣшокъ съ тысячею франками, положилъ бы его вмѣстѣ съ сотнею другихъ, такихъ же мѣшковъ и отвѣчалъ бы тому кто бы сталъ законно его требовать: *Мѣшокъ вашъ точно у меня; но я не могу узнать его, потому что онъ слѣпился съ другими.* — *Нельзя* отвѣчали требовавшимъ сего возврата, даже не изъ выгодъ а единственно по чувству справедливости — *нельзя узнать фондовъ.* Но были также конфискованы фонды Англичанъ, захваченные тѣмъ же закономъ этихъ ужасныхъ временъ; ихъ вѣроятно также не могли узнать, однакожъ ихъ вполнѣ возвратили и съ процентами. То что Англійскіе штыки легко пріобрѣли, было отказано превѣчной справедливости, этой дщери Неба, безъ которой всѣ Конституціи никогда не были и никогда не будутъ ничѣмъ инымъ какъ чернымъ на бѣломъ.

Первый Консуль, окончивъ свой проектъ указа, созвалъ на другой день большой Совѣтъ. Онъ составлялся изъ Министровъ, изъ двухъ Консуловъ и еще изъ пяти главнѣйшихъ Государственныхъ сановниковъ. Я былъ въ кабинетъ, служившемъ библіотекою и смежномъ съ заломъ, въ видѣ шатра, въ коей происходили Совѣты. Разсужденіе было продолжительно и

живо; я слышалъ все, ибо говорили очень громко; даже иногда кричали. Первый Консуль сильно оспаривалъ многочисленныя возраженія, дѣлаемыя противъ его проэкта; ему отвѣчали съ такимъ же жаромъ. Наконецъ, Революція отвергла всякое возвращеніе. Она соглашалась призвать обратно жертвъ своихъ, но хотѣла въ тоже время удержать отнятое у нихъ.

Возвратясь въ свой кабинетъ, Первый Консуль очень задумался о неудачномъ дѣйствіи на совѣтъ предложеннаго имъ проэкта. Я осмѣлился ему сказать: «Вы слишкомъ умны Генералъ, и можете видѣть что цель ваша не достигнута и проэктъ не удался. Отказъ возвратить эмигрантамъ то, чѣмъ казна еще владѣетъ, уничтожаетъ все, что при этой уступкѣ, призывъ эмигрантовъ имѣлъ бы въ себѣ высокаго, благороднаго и великодушнаго. Не понимаю какъ вы могли уступить противорѣчію, столь неосновательному и столь жадному. *«Чортъ возьми,»* отвѣчалъ онъ мнѣ съ досадою, *«ты вѣрно самъ все слышалъ. Революція имѣла большинство голосовъ въ совѣтъ; что мнѣ было дѣлать; развѣ я довольно силенъ для того, чтобы преодолѣть всѣ препоны?»*—Генералъ, успокойтесь, я не хочу васъ разсердить; но вы очень можете въ будущее засѣданіе воспротивиться этимъ людямъ.—Это было бы трудно,» отвѣчалъ онъ

нѣсколько укротясь. Повторяю тебѣ, что дѣла этого рода еще въ ихъ рукахъ; на все надобно время; впрочемъ, ничего еще не рѣшено: мы увидимъ. Всѣмъ извѣстенъ Сенатскій указъ 6 Флореаля X года (26 Апрѣля 1802) черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго мною разговора. Извѣстно, что дано этимъ Сенатскимъ указомъ; а выше показано, что желалъ дать глава Правительства; надобно было еще на этотъ разъ уступить Революціи; а безъ того Бонапарте настоялъ бы въ своемъ первомъ намѣреніи.

Это дѣло занимало Наполеона на островѣ Св. Элены. Онъ самъ говорилъ, «что онъ могъ (ему бы слѣдовало сказать, что онъ хогѣлъ), дать все; что онъ думалъ было такъ поступить и что онъ сдѣлалъ ошибку не исполнивъ этого. Чрезъ это ограниченіе, — прибавляетъ онъ, — уничтожилось все доброе дѣйствіе обратнаго призыва эмигрантовъ. Это ошибка, тѣмъ болѣе важная, что я думалъ объ этомъ; но я былъ одинъ окруженный противниками и шпионами; всѣ были противъ этого, такъ что трудно себѣ представить; а между тѣмъ мени обременяли важныя дѣла, время текло и я былъ принужденъ имѣть наблюденіе по другимъ предметамъ.» Потомъ онъ говоритъ о синдикахъ, которыхъ онъ предполагалъ учредить. Я никогда ни слова объ этомъ не слыхалъ и рассказалъ дѣло какъ оно было; приведенное выше, это подтверждаетъ.

Роялисты, сѣтующіе на оборотъ, который принимали общественныя дѣла, не удовольствовались ограниченою мѣрою возвращенія эмигрантовъ. Друзья общественной свободы увидѣли оную нарушаемою дѣйствіями Перваго Консула и Правительственныхъ мѣстъ, которыя онъ держалъ въ совершенной у себя зависимости и которыя сами вызывались предлагать ему еще больше того. Никто не былъ доволенъ.

Г Л А В А XXII.

Порученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія.—Недостатокъ способовъ.—Непріязненные выраженія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ. — Страданія Наполеона. — Предчувствіе. — Корвизаръ, врачъ Бонапарте и главный Императорскій медикъ. — Вліяніе Физическихъ болей на характеръ Бонапарте.—Изорваніе статьи, приготовленной для *Монитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генераль Андреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетъ Перваго Консула.—Расточительность Иеронима Бонапарте.—Строгое письмо его брата.—Письмо Иеронима.—Геліогабалъ въ маломъ видѣ.—Ненасытность братьевъ Наполеона.—Г. Колло.—Поставки для флота.—Финансовыя правила Перваго Консула.

Первый Консуль былъ доволенъ поведеніемъ Генерала Себастіани при поѣздкѣ его послѣ Аміенскаго договора въ Константинополь для преклоненія Султана къ возстановленію мира съ Францією.

Въ эпоху, о которой я говорю, т. е. до получения неприятнаго извѣстія объ отдачѣ Египта, это любимое завоеваніе очень его беспокоило; онъ все думалъ о Востокѣ, будучи увѣренъ, что такой человекъ какъ Себастіани, объѣхавъ сѣверную Африку, Египетъ и Сирію, можетъ склонить Государей сихъ странъ къ мнѣнію, болѣе для него благопріятному, чѣмъ то, которое внушило имъ завоеваніе Египта и уничтожить слухи, которые Англія распространила о положеніи Франціи. Миръ съ Оттоманскою Портою благопріятствовалъ этимъ сношеніямъ; Себастіани долженъ былъ наблюдать эти страны съ точностью, которую обѣщали молодость и дѣятельность ума его. Бонапарте не ошибся въ своемъ выборѣ; Себастіани объѣхалъ Варварійскія Державы, Египетъ, Палестину и Іонійскіе острова. Вездѣ онъ превозносилъ могущество Бонапарте и унижалъ Англію. Онъ укрѣплялъ прежнія связи и заводилъ новыя съ главами каждой земли. Онъ объявилъ Правительству Іонійскихъ Острововъ что оно можетъ надѣяться на могущественное покровительство Франціи. Бонапарте, по моему мнѣнію, ожидалъ слишкомъ много послѣдствій отъ поѣздки отдѣльной и предпринятой съ наставленіями, весьма неопредѣлительными. Не смотря на то однакоже, Себастіани извлекъ изъ оной все, что было возможно и въ *Монитёрѣ*

можно найти занимательныя касательно сего подробности. Тайныя свѣдѣнія о средствахъ напасть съ успѣхомъ на Англійскія заведенія въ Индіи, были довольно любопытны, но недостаточны, дабы можно было надѣяться отъ оныхъ скорого успѣха; этотъ успѣхъ зависѣлъ отъ множества обстоятельствъ, которыхъ нельзя было предвидѣть.

Отрывокъ изъ донесенія Генерала Себастіани былъ наполненъ непріязненными выраженіями противъ Англіи. Въ немъ между прочимъ упоминалось, что съ шестью тысячами человекъ можно завоевать Египеть и что Іонійскіе Острова были расположены свергнуть съ себя иго. Нѣтъ сомнѣнія, что обнаруженіе этого донесенія ускорило разрывъ Аміенскаго мира. Англія прекратила всѣ переговоры о Мальтѣ, объявивъ что прежде возобновленія оныхъ, Король Великобританскій долженъ получить удовлетвореніе за то, что она сочла враждебнымъ поступкомъ. Она сильно опиралась на этотъ доводъ, справедливый или неосновательный, въ причинахъ, безпрестанно изобрѣтаемыхъ ею для оправданія разрыва Аміенскаго трактата, къ исполненію коего Англія всегда показывала мало готовности.

Тогда-то Бонапарте, пренебрегая обыкновенными формами, захотѣлъ имѣть частное свиданіе съ Лордомъ Витвортомъ, Англійскимъ По-

сланникомъ въ Парижѣ, и который былъ послѣднимъ Посломъ отъ Англій въ Санктпетербургѣ до разрыва, предшествовавшаго смерти Императора Павла. Бонапарте надѣялся преклонить его своими словами и оборотомъ, который онъ умѣлъ давать разговору; но ниже увидать, что все было бесполезно. Подписывая Аміенскій договоръ, Британское Министерство очень знало, что оно его расторгнетъ, ибо тогда уже приняло твердую рѣшимость вѣчно бороться съ необузданнымъ честолюбіемъ Наполеона.

Съ начала 1802 года Бонапарте чувствовалъ сильную боль въ правомъ боку. Я часто видалъ въ Мальмезонѣ, что сидя за вечернею работою около полуночи, онъ облакачивался на правую ручку своихъ кресель, разстегивалъ платье и жилетъ свой и болѣзненно вздыхалъ. Я спрашивалъ его что съ нимъ и онъ отвѣчалъ мнѣ: *Ахъ, какъ я страдаю!* И чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, я отводилъ его въ спальню. Я нѣсколько разъ бывалъ принужденъ поддерживать его на маленькой лѣстницѣ, ведущей изъ его внутренняго кабинета въ коридоръ верхнихъ покоевъ. Въ эту то эпоху, онъ часто мнѣ говаривалъ: «Я боюсь, чтобы достигнувъ сорока лѣтъ мнѣ не сдѣлаться толстымъ обжорою; я имѣю предчувствіе разголтѣть.» Это опасеніе преждевременной тучности, очень его

безпокою; но чрезвычайная его воздержность и физическое состояніе его тѣлосложенія не позволяли мнѣ раздѣлять его предчувствія. Я ошибся.

Мѣсяцевъ за шесть передъ этимъ, онъ спросилъ у меня, кто мой врачъ; я отвѣчалъ ему что Корвизаръ. «А какъ ты съ нимъ познакомился? — Братецъ вашъ Лудовикъ расхвалилъ мнѣ его; онъ вымечилъ его отъ извѣстной вамъ болѣзни и Лудовикъ имѣеть къ нему большую довѣренность.»—Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ взялъ къ себѣ Корвизара врачомъ а по прошествіи трехъ лѣтъ сдѣлалъ его Главнымъ Императорскимъ Медикомъ. Первый Консуль скоро привыкъ къ этому искусному врачу и пока я при немъ находился, всегда съ удовольствіемъ съ нимъ разговаривалъ; открытое и веселое лице его очень ему нравилось. Корвизаръ признавался ему что Медицина мало въ состояніи сдѣлать и что если она имѣеть какую либо власть, то болѣе чрезъ совѣты, чѣмъ посредствомъ лекарствъ.

Боли, которыя ощущалъ тогда Первый Консуль, усиливали его раздражительность. Можетъ быть должно приписать этому расположенію многія дѣйствія этой эпохи его жизни; мысли его тогда, были не тѣ утромъ, что вечеромъ и онъ часто рвалъ поутру даже безъ малѣйшаго замѣчанія, бумаги, которыя онъ диктовалъ мнѣ

ночью и самъ находилъ превосходными. Иногда, я бралъ на себя не отсылать какъ онъ желалъ въ ту же ночь для напечатанія въ Мониторъ статей, которыя, будучи написаны подъ вліяніемъ досады и вспыльчивости, могли произвести въ Европѣ дурное дѣйствіе. Когда на другой день онъ не видѣлъ статьи, то я ссымался на слишкомъ поздній часъ или на запозданіе курьера. Но я замѣчалъ ему что черезъ это ничего еще не потеряно и что статья можетъ быть помѣщена на другой день; онъ не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ на это, но говорилъ мнѣ черезъ четверть часа послѣ того: «Не посылай мою статью въ *Мониторъ* не показавъ ее мнѣ.» Онъ бралъ ее, перечитывалъ, удивлялся иногда тому, что онъ мнѣ ее продиктовалъ и въ шутку говорилъ, что я не дослышалъ. «Это не очень хорошо, не правда ли? —Право не знаю. — О нѣтъ, это вовсе никуда не годится; какъ ты думаешь?» Покачавъ немного головою, онъ рвалъ бумагу.—Однажды онъ прислалъ мнѣ въ два часа ночи (мы находились тогда въ Тюліери) своей руки записку слѣдующаго содержанія: «*Буріенну*. Паниши къ Маре, чтобы онъ вычеркнулъ изъ ноты, которую Флёріе вчера читалъ въ Трибунатъ, выраженіе касательно Косты и по возможности смягчилъ бы всю статью.» Эта перемѣна произошла (какъ часто случалось) въ слѣдствіе

сдѣланныхъ мною ему замѣчаній, которыя онъ сначала съ досадою отвергнулъ.

Послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ занялся назначеніемъ Посланника въ Англію; не знаю почему онъ бросилъ взоры на Генерала Андреосси. Я дозволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній противъ этого выбора, который казался мнѣ несоотвѣтствующимъ важности порученія; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это еще не рѣшено, я переговорю съ Талейраномъ.» Въ тотъ же вечеръ Г. Талейранъ пріѣхалъ съ нимъ работать; мы находились въ Мальмезонѣ. Зашла рѣчь о назначеніи въ Англію Посланника, и Первый Консулъ, назвавъ нѣсколько челоуѣкъ, сказалъ: «Мнѣ хочется назначить Андреосси.» Г. Талейранъ, не очень расположенный къ этому выбору, отвѣчалъ ему съ хитрымъ, лукавымъ видомъ: «Вы хотите назначить *также Андре* (André aussi)! Кто жъ такой этотъ Андре? — Я говорю вамъ не объ Андре, а объ Андреосси; развѣ вы его не знаете; вотъ еще! Андреосси, Артиллерійскій Генералъ — Андреосси! а да правда, Андреосси; я объ немъ и не подумалъ: я перебиралъ въ умѣ дипломатовъ и не находилъ его между ними. Да, правда, такъ, такъ, онъ въ Артиллеріи.» Тогда Первый Консулъ началъ говорить объ Андреосси въ такомъ смыслѣ, чтобы показать Г. Талейрану, что онъ назначаетъ этого Артиллерійскаго Генерала По-

сланикомъ въ Лондонъ. Онъ отправился туда по заключеніи Амiенскаго мира въ 1802 году и воротился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, едва имѣвъ время тамъ устроиться. Ему немного тамъ было дѣла; это пришлось кстати: онъ ничего не сдѣлалъ.

Въ 1802 году Иеронимъ былъ произведенъ въ Мичмана и находился въ Брестѣ, позволяя себѣ дѣлать расходы, очень превышавшіе его состояніе. Онъ часто давалъ на мое имя векселя, которые Первый Консулъ съ большою досадою уплачивалъ. Одно изъ писемъ, въ которомъ Иеронимъ описывалъ мнѣ свои удовольствія и даваемые ему праздники, а потомъ сообщалъ мнѣ, что онъ далъ на мое имя вексель въ семнадцать тысячъ франковъ, возбудило гнѣвъ Перваго Консула. Онъ написалъ къ нему:

«Я читалъ письмо твое, господинъ Мичманъ. Пора тебѣ быть на твоёмъ корветѣ и учиться «обязанностямъ званія, которое должно быть «поприщемъ твоей славы.

«Умри въ молодости, я утѣшусь; но не потерплю, чтобы ты прожилъ шестьдесятъ лѣтъ «безъ славы, безъ пользы для отечества, не «оставивъ слѣдовъ своего существованія; лучше «было бы вовсе не существовать.—Парижъ 6 «Мессидора X года (27 Іюня 1802). *Мичману* «*Иерониму*».

Извѣстно исполнились ли желанія Перваго

Консула. Это письмо совершенно опровергаетъ напечатанное въ біографіяхъ, будто бы Іеронимъ Бонапарте отправился въ 1801 году *Лейтенантомъ* съ Сен-Домингскою экспедиціею. Іеронимъ отправился на *Колгикль* (Ereavier) по полученіи письма отъ своего брата; онъ былъ въ Сен-Піерръ 6 Ноября и тогда уже получилъ Лейтенантскій чинъ. Онъ написалъ ко мнѣ изъ Сен-Піерра отъ 25 Ноября извѣщая, что онъ далъ на меня вексель въ двадцать тысячъ франковъ; вотъ письмо его:

Лейтенантъ Іеронимъ Бонапарте Командиръ Колгика.

«Предупреждаю тебя, любезный Буріеннъ, что я далъ на твое имя заемное письмо въ *двадцать тысячъ* франковъ; я писалъ объ этомъ къ Первому Консулу съ послѣднимъ судномъ и онъ вѣрно тебѣ ужъ объ этомъ говорилъ.

«Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ друзей въ Сен-Піерръ: это Генераль Кастелла, здѣшній начальникъ; я прибылъ сюда 15 Брюмера и провелъ только недѣлю въ Форъ-де-Франсъ.

«Прощай, любезный Буріеннъ, обнимаю тебя.

I. БОНАПАРТЕ.»

«P. S. Всѣ Европейцы, любезный Буріеннъ умираютъ въ этомъ краю. Съ моего корвета «убыло уже 25 человекъ: судно очень плохое: по этому ты можешь судить, доволенъ ли

«я службою на *Коптикъ*. Нынѣшнюю ночь я «снимаюсь съ якоря и иду осматривать Англійскіе острова. Это продержитъ меня дней «двадцать или тридцать въ морѣ. Прощай любезный Буріеннъ, обнимаю тебя.»

Иеронимъ никогда не отвѣтствовалъ ожиданіямъ и желаніямъ своего брата, который всегда звалъ его *повѣсою*. Читатели видѣли поведеніе его въ Мичманскомъ чинѣ. При первыхъ шагахъ своихъ на поприщѣ жизни, онъ огорчалъ брата своего и семейство своими связями. Вестфалія никогда не забудетъ, что онъ былъ Королемъ ея и народъ его не даромъ прозвалъ его *Геліогабаломъ въ маломъ видѣ*.

Вообще Первому Консулу наскучили и надѣли безпрестанныя требованія денегъ, дѣлаемые его братьями. Дабы кончить на этотъ счетъ съ Юсифомъ, издерживавшимъ большія суммы въ Морфонтенѣ, подобно Луціану въ Нѣльи, онъ отдалъ Г. Колло поставку съѣстныхъ припасовъ для флота, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ изъ барышней своихъ выдавалъ Юсифу ежегодно по 1,500,000 Франковъ. Луціанъ устроилъ уже свои дѣла въ Испаніи. Думаю что эта поставка, хотя не много времени продолжавшаяся, доставила выгоды Юсифу. Но она сдѣлалась пагубною для Г. Колло, по волю Перваго Консула, который однакоже никогда не имѣлъ причины на него жаловаться. Г-ну Колло

очень несправно, очень дурно платили, дѣлая ему разныя прижимки и огорченія. Онъ этого не заслуживалъ. Первый Консулъ самъ объявилъ ему, что онъ будетъ каждый мѣсяць исправно получать деньги и что ему не нужно дѣлать *никакихъ расходовъ* по канцеляріямъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, даже я думаю около года, между тѣмъ какъ онъ не получилъ ни франка. Наконецъ съ большимъ трудомъ чрезъ посредство Жюно, но *не безъ расходовъ*, добился онъ свиданія съ Первымъ Консуломъ. Бонапарте сказалъ мнѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлывалъ, если желалъ имѣть третьяго свидѣтеля: *Ты останешься*. Г. Колло пріѣхалъ въ Мальмезонъ: это было вечеромъ; онъ говорилъ съ Первымъ Консуломъ съ благородною твердостью, и сильно изложилъ ему свои жалобы на положеніе, въ которомъ его оставляли. Онъ доказалъ ему, что онъ поставилъ уже огромное количество припасовъ и не могъ еще ничего получить отъ флота. Онъ напомнилъ Первому Консулу обѣщанное ему при отдачѣ поставки для флота, по причинѣ опредѣленнаго имъ притомъ условія. Ему были должны нѣсколько милліоновъ за поставку, простиравшуюся отъ 20 до 24 милліоновъ. Наконецъ Г. Колло ясно далъ ему уразумѣть, что еслибъ не великое пожертвованіе, отъ него потребованное, то онъ,

гораздо съ меньшими издержками, получилъ бы уплату отъ флотскаго управленія. Что онъ не сдѣлалъ этого потому, что самъ Бонапарте объявилъ ему, что это будетъ бесполезно и что онъ даже почти запретилъ ему это: сдѣлавъ пожертваніе, онъ получилъ бы свои деньги. На это первый Консулъ отвѣчалъ ему съ сильною досадою: «Тѣфу къ чорту! . . . за кого вы меня принимаете? развѣ я Капуцинъ? Вы бы должны дать сто тысячъ сфинковъ Декре, сто тысячъ Дюроку, сто тысячъ Буріенну, получить чрезъ нихъ удовольствіе и не приходитъ надѣяться мнѣ вашими бреднями. У меня на то есть Министры, чтобы представлять мнѣ отчеты. Я переговорю съ Декре: вотъ все; оставьте меня и не докучайте мнѣ больше такими мелочами;» и послѣ этого очень сурово его выславъ. Я узналъ въ послѣдствіи, что не прежде какъ послѣ множество отказовъ, прижимокъ, трудовъ и безпокойствъ, Г. Колло выпутался изъ этого дѣла; онъ однажды сказалъ мнѣ: «Боже мой! если ему такъ надобны мои деньги, то пусть онъ потребуетъ у меня фрегатъ, я построю его; но пусть мнѣ выдаютъ то, что мнѣ слѣдуетъ.» Во всемъ этомъ дѣлѣ справедливость была на сторонѣ Г. Колло; а прижимки съ другой стороны: надобно сказать правду.

Г Л А В А XXIII.

Вошедшая въ поговорку лживость бюлетеней.—Исторія по Монитёру. — Несправедливости Наполеона противъ славы.— Защита и сдача Мальты Генераломъ Вобуа.—Г. Дублие.— Подъельное письмо.—Безполезныя требованія и дѣйствія.— Учрежденіе Почетнаго Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтъ и въ Правительственныхъ мѣстахъ. — Слабый перевѣсъ голосовъ.—Монархическія мысли Г. Талейрана.—Приверженцы наследственнаго правленія.—Странная угрюмость Луціана. — Зародышъ пожизненнаго Консульства. — Предпочтеніе самовласти свободнымъ постановленіямъ. — Притворное смиреніе.—Ограниченія Сената.—Чрезвычайная щедрость Государственнаго Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.—Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де Ла-файетъ посоль Маренго въ Тюліери.—Праздникъ, данный Американцамъ.—Письмо Г. Ла-файета къ Первому Консулу.—Голосъ, поданный условно и съ оговоркою.

Желательно чтобы историкъ эпохи, до которой мы достигли, не довѣрялъ бюлетенямъ, депешамъ, нотамъ и воззваніямъ, изданнымъ

Наполеономъ или прошедшимъ чрезъ его руки, и основывался бы на источникахъ, болѣе достовѣрныхъ. Что касается до меня, то я считаю пословицу: *Лжетъ какъ бюлетень* столь же справедливою, какъ и то что *Дважды два четыре*.

Бюлетени всегда возвѣщали то, что Бонапарте желалъ выдать за *правду*; но дабы надлежащимъ образомъ судить о нихъ, надобно принимать въ соображеніе и другія, противорѣчающія опымъ показанія. Извѣстно, что мѣсто, откуда онъ издавалъ бюлетень свой, также считалось у него дѣломъ весьма важнымъ: онъ подписалъ въ Москвѣ указы о театрахъ и о Гамбургскомъ банкѣ.

Офиціальныя извѣстія почти всегда были измѣняемы: ложь находилась, какъ въ объявленіяхъ о побѣдахъ, такъ и въ изложеніи неудачъ и потерь. Исторія, написанная единственно на основаніи бюлетеней, переписки и офиціальныхъ актовъ того времени, дѣйствительно была бы не что иное какъ романъ: читатели видѣли тому уже доказательства въ этихъ Запискахъ.

Другая вещь, которой я никогда не могъ постигнуть, состояла въ томъ, что Бонапарте, при его неоспоримомъ превосходствѣ, всегда старался унижать цѣну воинской славы другихъ: онъ часто говорилъ о явныхъ ошибкахъ по съ тѣмъ, чтобы приписывать ихъ своимъ

Генераламъ, своимъ Министрамъ и покрывать тѣмъ свои собственные промахи. Извѣстно что безпрестанныя жалобы и опроверженія столь же сильныя, какъ и основательныя, были дѣлаемы Генералу Бонапарте касательно его несправедливыхъ и пристрастныхъ бюлетеней; неоднократно оспаривали донесенія, въ коихъ успѣхъ какого либо дѣла былъ приписываемъ челоуѣку, почти въ немъ неучаствовавшему а о томъ, кто начальствовалъ, не упоминалось ни слова. Жалобы Офицеровъ и солдатъ принудили однажды Генерала Ланюсса сдѣлать возраженіе противъ измѣненнаго въ бюлетенѣ его донесенія о весьма важной битвѣ съ Арабами и довольно значительной потерѣ, которая была представлена совершенно ничтожною сшибкою. Показаніе исправили; но и возраженіе было сдѣлано съ благородствомъ и силою.

Бонапарте овладѣть Мальтою, какъ всякому извѣстно въ двое сутокъ. Владычество въ Средиземномъ морѣ, которое Англичане пріобрѣли чрезъ Абукирское сраженіе, доставило имъ возможность выжидать съ ихъ многочисленными крейсерами, пока голодъ принудитъ къ сдачѣ Генерала Вобуа, Команданта Мальты. Этотъ Генераль, совершенно оставленный и лишенный всякаго сообщенія съ Франціею, заключилъ капитуляцію 4 Сентября 1800 года и сдалъ Англичанамъ второй Гибралтаръ Среди-

земнаго Моря послѣ превосходной обороны, продолжавшейся около двухъ лѣтъ. Я долженъ былъ напомнить эти событія, относяціяся къ тому, что слѣдуетъ ниже.

22 Февраля 1802 года нѣкто Г. Дубле, бывшій Комисаромъ Французскаго Правительства въ Мальтѣ тогда какъ мы владѣли этимъ островомъ, пришелъ ко мнѣ въ Тюліери. Онъ горько жаловался на переименованіе въ *Монитёръ* письма, написаннаго имъ изъ Мальты Первому Консулу 20 Вантоза VIII года (9 Февраля 1800). «Я поздравлялъ его,» сказалъ Г. Дубле, «съ 18-мъ Брюмеромъ и изобразилъ ему положеніе Мальты, возбуждавшее сильныя опасенія. Въ *Монитёръ* напечатали совсѣмъ тому противное и на это я жалуясь. Это подвергло меня въ Мальтѣ многимъ важнымъ неудовольствіямъ, и меня обвиняли въ томъ, что я ложно представилъ настоящее положеніе этого острова, гдѣ я занималъ отъ правительства должность, придававшую всѣмъ словамъ мою.» Я отвѣчалъ ему, что не я редакторъ *Монитёра* и что ему не ко мнѣ слѣдовало обратиться. «Впрочемъ,» прибавилъ я, «дайте мнѣ копію съ вашего письма, которое мнѣ трудно было бы у себя отыскать; я доложу Первому Консулу и сообщу вамъ его отвѣтъ.» Дубле началъ искать письма у себя въ карманѣ и не нашелъ его. Извинившись передо мною, онъ сказалъ, что немедленно

пришлетъ мнѣ копію съ письма и повторилъ просьбу свою о томъ, чтобы я развѣдалъ отъ чего произошла эта ошибка. Въ тотъ же день онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

**ГРАЖДАНИНЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СО-
ВѢТНИКЪ,**

«Спѣшу исправить забывчивость мою сего-дня утромъ, покорнѣйше прося у васъ въ оной «извиненія. Вотъ письмо, которое я имѣлъ честь «писать къ Первому Консулу узнавъ въ Мальтѣ «о счастливомъ переворотѣ 18 Брюмера.

Мальта, 20 Вантоза, VIII года.

**ДУБЛЕ, КОМИСАРЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПРА-
ВИТЕЛЬСТВА ВЪ МАЛЬТѢ.**

*Гражданину Бонапарту, Первому Кон-
сулу Республики.*

«ГРАЖДАНИНЪ КОНСУЛЬ,

«Не получая болѣе года отъ Французскаго «Правительства никакого отвѣта на мои много-«численныя депеши, я возимѣлъ сомнѣнія о «жребіи Республики, потому что вы не нахо-«дились уже болѣе въ Италіи; но узнавъ что «вы возвратились въ Тулонъ, я воскликнулъ: «*Республика спасена!* Любовь моя къ ней и «удивленіе мое къ вамъ были для меня вдохно-«веніемъ: такъ, вы оправдаете это предсказаніе,

«ибо всѣ добрые Республиканцы съ радостью повторяютъ: Онъ спасетъ, онъ утвердитъ Республику.»

«Спѣшите также спасти Мальту: людей и продовольствія; не должно терять времени ().*

«Пріобрѣтеніе оной для Республики было ваше дѣло: ваша слава должна принять участіе въ томъ чтобы она у насъ осталась, а этого довольно для нашего успокоенія.

«Поклонъ и почтеніе.

ДУБЛЕ.»

«P. S.» Если вы желаете, Гражданинъ Государственный Совѣтникъ, имѣть другія объясненія, то я готовъ сообщить вамъ ихъ словесно или письменно.

«Парижъ, 5 Вантоза X года.»

Вмѣсто словъ, означенныхъ мною косыми литерами, въ Мониторѣ напечатано: *Имя его внушаетъ храбрымъ защитникамъ Мальты новое мужество; у насъ есть люди и продовольствіе.*

Незная причинъ такой странной перемѣны, я показавъ это письмо Первому Консулу. Онъ улыбаясь пожалъ плечами: «Не отвѣчай ему; онъ

(*) Достоинно замѣчанія что Дубле писалъ это черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того какъ Бонапарте увѣрялъ Генерала Дезе въ депешѣ отъ 12 Августа 1799, что Мальта снабжена продовольствіемъ на два года. Къ чему послужила эта ложь? Мальта была влѣта голодомъ.

глупецъ, не вмѣшивайся больше въ это дѣло.»

Ясно было что нечего дѣлать. Но я вовсе не виноватъ въ томъ, что съ Г-мъ Дубле сыграли такую дурную шутку: я далъ почувствовать Первому Консулу какимъ непріятностямъ этотъ Комисарь могъ чрезъ то подвергнуться. Я рѣдко видѣлъ чтобы печатали письма или донесенія точно въ томъ видѣ какъ оныя были присланы; и имѣлъ случаи замѣтить сколько можно приискать причинъ для оправданія такихъ подлоговъ. Когда однажды совратишься съ пути искренности и правдолюбія, то всѣ предлоги хороши для оправданія такого поведенія. Какую исторію написали бы, еслибъ справлялись съ однимъ только Монитѣромъ!

По продолженіе Наполеонова Консульства на десять лѣтъ, онъ учредилъ 19 Маія Орденъ Почетнаго Легіона. За этимъ учрежденіемъ вскорѣ послѣдовало дворянство. Такимъ образомъ въ короткое время: Конкордаты успокоили совѣсти и возстановили миръ въ Церкви; эмигранты были призваны обратно; продолженіе Консульства на десять лѣтъ приготовило Консульство по жизнь и Имперію и въ землѣ гдѣ не было больше никакихъ отличій, учредился Орденъ, долженствовавшій произвести чудеса. Бурбоны, возстановивъ другіе уничтоженные Ордена, очень благоразумно оставили Орденъ Почетнаго Легіона.

Во многихъ обстоятельствахъ бывало что Первый Консулъ, поторопясь исполненіемъ своихъ замысловъ, отдѣлывался въ случаѣ неудачи тѣмъ что слагалъ вину на другаго, какъ онъ поступилъ на примѣръ въ дѣлѣ сравненія между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте. Онъ такъ всегда спѣшилъ, что можно бы объ немъ сказать, еслибъ онъ былъ садовникомъ, что онъ хотѣлъ видѣть плоды зрѣлыми прежде чѣмъ дерево отцвѣтало. Эта безразсудная торопливость едва было не сдѣлалась пагубною учрежденію Почетнаго Легіона, которое онъ имѣлъ у себя въ головѣ съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ Ордена въ петлицѣ и на груди Иностранныхъ Посланниковъ. Онъ часто твердилъ: «Это будетъ полезно! Такія вещи нужны для народа!»

Признаюсь, что я былъ ревностнымъ защитникомъ учрежденія во Франціи новаго Ордена, ибо во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ, глава онаго долженъ стараться поощрять честь гражданъ и дѣлать ихъ болѣе чувствительными къ почетнымъ отличіямъ, чѣмъ къ денежнымъ наградамъ. Но въ то же время я старался дать почувствовать Первому Консулу, что онъ слишкомъ торопится; онъ меня не послушалъ и я съ тою же откровенностью долженъ сознаться что въ этомъ случаѣ, какъ ниже увидятъ, я скоро успокоился на счетъ послѣдствія затру-

дней, встрѣченныхъ имъ въ Совѣтъ и въ Конституціонныхъ палатахъ.

4 Маія 1801 года, въ первый разъ было офиціально упомянуто въ Государственномъ Совѣтъ объ учрежденіи Почетнаго Легіона, на счетъ коего воспослѣдовалъ указъ 19 числа тогоже мѣсяца. Сопротивленіе оному было очень сильно и вся власть Перваго Консула, убѣдительность его доводовъ, большое вліяніе его положенія, не могли пріобрѣсть въ Государственномъ Совѣтъ болѣе 14 голосовъ изъ 24. Тѣже чувства обнаружились и въ Трибунатѣ, гдѣ проэктъ сей имѣлъ только 56 голосовъ противъ 38; и почти таже соразмѣрность оказалась въ Законодательномъ Корпусѣ, гдѣ голоса были 110 противъ 166. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ палатахъ, въ коихъ 394 человека подавали голоса, большинство оказалось всего только 78 голосами. Пораженный этимъ слабымъ перевѣсомъ, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Ахъ! очень вижу, что предубѣжденія еще слишкомъ сильны; ты правъ, мнѣ бы слѣдовало подождать. Это дѣло не къ спѣху; а притомъ надобно сказать что ораторы этого проэкта дурно его защищали. Противящіеся же оному неправильно объ этомъ заключили.—Будьте покойны,» отвѣчалъ я ему; «конечно лучше было бы подождать; но дѣло сдѣлано и вы увидите что склонность къ отличіямъ еще не истребилась:

она входитъ въ составъ чловѣка. Вамъ должно ожидать важныхъ послѣдствій отъ этого учрежденія; вы сами увидите.»

Въ Апрѣль мѣсяць 1802 года, Первый Консуль устроилъ всѣ свои батареи для полученія себѣ пожизненнаго Консульства. Это, можетъ быть, та изъ эпохъ его жизни, въ которую онъ наиболѣе употреблялъ лживость и притворство, называемыя простымъ народомъ Махавельскими правилами; никогда еще хитрость, ложь, коварство и наружная умѣренность не были употреблены съ бѣльшимъ талантомъ и успѣхомъ.

Въ Мартѣ мѣсяць больше ни о чемъ не толковали какъ о наслѣдственномъ правленіи и о династіи: Луціанъ былъ самымъ ревностнымъ распространителемъ этихъ мыслей и постоянно, некусно разсѣвалъ свое ученіе. Недавно напомнилъ я, что онъ, въ 1800 году, съ вѣдома своего брата, издалъ въ томъ же смыслѣ книжку, которую Бонапарте въ послѣдствіи неодобрилъ, какъ слишкомъ рано обнаруживающую его замыслы и что онъ удалилъ изъ Франціи Луціана, сдѣлавъ его Посланникомъ въ Испанію. Г. Талейранъ, бывшій всегда приверженцемъ Монархическаго правленія, заставлялъ говорить Европейскіе кабинеты. Повторяли слова прочность и порядокъ, долженствовавшіе въ послѣдствіи уничтожить народныя права; а Бона-

парте называлъ *идеологами* или *терористами* искреннихъ друзей Конституціонной свободы. Госпожа Бонапарте мужественно противилась вліянію этихъ совѣтовъ, которые она считала пагубными для своего мужа. Этотъ послѣдній рѣдко и съ небольшою довѣренностью разговаривалъ съ нею о политикѣ и о государственныхъ дѣлахъ. *Пусть она шьетъ и вяжетъ*, твердилъ онъ всегда. Объ учрежденіи наследственнаго правленія наиболѣе старались Луціанъ, Редереръ, Реніо де Сен-Жанъ д'Авжели и Фонтанъ. Имъ содѣйствовало заключеніе съ Англіею мира, который, возстановивъ на время всеобщее спокойствіе, давалъ Первому Консулу возможность все предпринять.

Между тѣмъ какъ Первый Консулъ старался достигнуть престола Франціи,—братья его, а въ особенности Луціанъ, обнаруживали странную спѣсь и притязанія. Вотъ одинъ, почти невѣроятный оныхъ примѣръ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Въ Воскресенье 9 Маія, Луціанъ, посѣтилъ Г-жу Бонапарте, которая спросила у него: «Отъ чего вы не пріѣхали ко мнѣ обѣдать въ прошедшій Понедѣльникъ?—Потому что для меня не было назначено мѣста; братья Бонапарте должны имѣть послѣ него первыя мѣста.—Что я слышу,» отвѣчала ему Г-жа Бонапарте? «Но если вы братъ Наполеона, то вспомните чѣмъ

вы были; у меня всё мѣста равны. Евгений никогда не сказалъ бы мнѣ такой глупости.»

Въ эту эпоху, когда пожизненное Консульство только что начинало зараждаться, совѣты стекались со всѣхъ сторонъ для поощренія наклонности Перваго Консула захватить неограниченную власть.

Свобода противилась этому и полагала преграды средствамъ, употребляемымъ имъ къ полному удовлетворенію своей непомерной любви къ войнѣ и къ завоеваніямъ. Онъ говорилъ мнѣ: «Десятилѣтіе для меня недостаточно: я считаю его способнымъ къ возбужденію непрерывныхъ волненій.» Онъ сказалъ мнѣ 7 Юля 1801 года: «Вопросъ о томъ, будетъ ли Франція имѣть Республику, еще подлежитъ сомнѣнію; это рѣшится не прежде какъ черезъ пять или черезъ шесть лѣтъ.» Ясно что и этотъ срокъ казался ему слишкомъ долгимъ. Онъ могъ полагать Францію своею собственностью или считать себя только уполномоченнымъ отъ народа и защитникомъ его правъ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что Первый Консулъ желалъ счастья Франціи; но это счастье было въ умѣ его неразлучно съ неограниченною властью, которую только одну онъ считалъ способною основать и утвердить оное; и я съ огорченіемъ видѣлъ его избравшимъ первую дорогу. Друзья свободы, которые искренно желали поддержать

Правительство, пользующееся Конституціонною свободою, допустили склонить себя на продолженіе еще десятию годами власти сверхъ десяти лѣтъ, первоначально назначенныхъ Конституціею. Они принесли эту жертву славъ и могуществу, бывшему оной послѣдствіемъ, вовсе не воображая, что они этимъ содѣйствуютъ кознямъ Бонапарте. Они крѣпко стояли на своемъ, но только на ту минуту и пожизненное Консульство было отвергнуто Сенатомъ, который прибавилъ лишь десять лѣтъ къ владычеству.

Первый Консулъ, увидѣвъ отложенною и можетъ быть на долго мечту своего честолюбія, скрылъ свое неудовольствіе съ тѣмъ глубокимъ искусствомъ, которымъ онъ обладалъ въ высшей степени когда не могъ сдѣлать иначе. Онъ далъ посольству, — присланному отъ Сената по случаю этого назначенія, — отвѣтъ приличный, но уклончивый и темный; и въ надеждѣ получить отъ народа больше чѣмъ онъ получилъ отъ Сената, объявилъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ: «Что онъ покоряется этому новому пожертвованію, если воля народа прикажетъ ему сдѣлать то, что опредѣлено Сенатомъ.» Таково было его благоговѣйное уваженіе къ волѣ народа, которую онъ скоро собрался попрасть цогами. Онъ показывалъ видъ, что не желаетъ получить себя власть

иначе какъ отъ народа, старалась внушить, будто бы онъ считаетъ ее незаконною безъ его одобренія.

Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ въ чрезвычайное засѣданіе, въ Понедѣльникъ 10 Маія. Ему сообщили, не только Сенатскій указъ, но и коварный, искусный отвѣтъ Перваго Консула. Совѣтъ принялъ Сенатскій указъ только къ свѣдѣнію и занялся разсужденіемъ о томъ, въ чемъ будетъ состоять вопросъ, имѣющій быть предложеннымъ народу. Недовольствуясь предоставленіемъ Первому Консулу только на десять лѣтъ власти,—Государственный Совѣтъ разсудилъ, что должно ковать железо пока горячо и не останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; а посему онъ опредѣлилъ, чтобы народу былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: *Будетъ ли Первый Консулъ наименованъ по жизни, и предоставится ли ему право назначить себя наследника?* Это показывало большое пренебреженіе къ Сенатскому указу со стороны такой палаты, которая достоинствомъ и властью своею была гораздо ниже Сената, если только существовали въ это время достоинство и власть въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ. Полицейскія донесенія также имѣли большое вліяніе на это заключеніе, ибо они единогласно говорили, что *весь Парижъ требуетъ пожизненнаго Консула*.

ства съ правомъ назначенія наследника. Отвѣтъ на эти два вопроса былъ взятъ какъ будто приступомъ; осаждающіе находились между собою въ согласіи, а осажденные были захвачены въ расплохъ. Пожизненное Консульство было опредѣлено единогласно; право назначенія наследника, по большинству голосовъ. Но Первый Консулъ объявилъ, что онъ рѣшительно оуждаетъ послѣднюю изъ этихъ мѣръ, о которой съ его стороны даже не было и рѣчи.

Первому Консулу донесли о мнѣніи Государственнаго Совѣта; продолжая скрывать свой замысль къ достиженію самовластія и думая что ему слѣдуетъ для вида отвергнуть часть предлагаемаго ему, онъ вычеркнулъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта статью, относящуюся къ назначенію наследника, утвержденную только слабымъ перевѣсомъ голосовъ. Онъ однако же заранѣе уговорился о томъ со своими пріятелями, которые сдѣлали это предложеніе въ Сенатъ и въ Государственномъ Совѣтѣ и все было условлено. Но встрѣченнос въ Сенатѣ сопротивленіе пожизненному Консульству а еще того сильнѣйшее—праву назначенія наследника, хотя сіе сопротивленіе и не поддержалось большинствомъ голосовъ, заставило его поудержаться, и въ официальныхъ своихъ отвѣтахъ, въ рѣчахъ и въ дружескихъ разговорахъ, онъ прикрылъ свою неудачу гром-

кими словами *великодушія, безкорыстія и умѣренности*. Ни одинъ умный человѣкъ не былъ ими обмануть.

Какъ уже начинали въ это время мало заботиться о формахъ, то новое опредѣленіе даже не было вновь представлено на разсужденіе а между тѣмъ написали: *Государственный Совѣтъ, слушаеъ* и проч. Прекрасная вещь соблюденіе формы!

Какая странная борьба! Сенатъ, дающій десять лѣтъ болѣе противъ того, что предоставила Конституція; Государственный Совѣтъ, который, по видимому изъ собственнаго побужденія даетъ пожизненное Консульство, недовольствуясь тѣмъ, предоставляетъ Консулу право передачи власти, кому ему заблагоразсудится; а Первый Консулъ, принимая какъ будто съ принужденіемъ это пожизненное владычество, изъ притворной умѣренности отказывается передать оное. Черезъ два или черезъ три года, изъ этой борьбы великодушія, предложеній и отказовъ, произошло наисовершеннѣйшее самовластіе.

Первый Консулъ, какъ выше сказано, самъ исключилъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта статью о назначеніи наслѣдника; но онъ въ тайнѣ заставлялъ дѣйствовать всѣхъ тѣхъ, которые питали надежды войти въ довѣріе, получить мѣста и деньги. Мы каждый день по-

лучали отъ недогадливыхъ Префектовъ и другихъ властей, не понимавшихъ происходящаго, печатныя статейки, ими перехватываемыя и обращаемыя къ источнику оныхъ. Въ этихъ статьяхъ, столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ по своему слогу и формѣ, выставились права Перваго Консула на признательность народа, еще торжественнѣе той, которую являло предоставленіе ему пожизненнаго Консульства.

При описаніи Кампо-Формійскихъ переговоровъ изложены всѣ подробности заключенія и освобожденія Ольмюцскихъ плѣнниковъ. Читатели помнятъ сколько Генераль Бонапарте принялъ на себя труда въ этомъ дѣлѣ и какос онъ показалъ величіе духа; онъ самъ признавался что изъ всѣхъ его требованій, это было наитруднѣйшее для исходатайствованія на оное согласія. Изъ данной этими Государственными плѣнниками подписки видно, что они остались въ нейтральной землѣ, не желая изъявить своего одобренія мѣрамъ, принятымъ во Франціи послѣ 18 Фруктидора. Г. Лафайетъ имѣлъ свиданіе съ Первымъ Консуломъ послѣ Маренгскаго сраженія; Бонапарте болѣе двухъ часовъ продержалъ его у себя. Я помню что по уходѣ его, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Изъ него нельзя ничего сдѣлать; онъ ничѣмъ не убѣдится и я объ этомъ жалѣю; это человекъ, ко-

торого правила заслуживаютъ уваженіе, но онъ упрямя и очень склоненъ къ преувеличеннымъ понятіямъ.»

Вскорѣ послѣ того, въ первыхъ числахъ Сентября 1800 года, Г. Лафайетъ былъ приглашенъ Юсифомъ на праздникъ, данный Американцамъ по случаю заключеннаго съ ними торговаго и дружественнаго договора. Первый Консуль, которому все тогда удавалось и который имѣлъ причины быть довольнымъ, предложилъ Г-ну Лафайету помѣстить его въ Сенатъ. Г. Лафайетъ не принялъ этого предложенія, но продолжалъ видаться съ Первымъ Консуломъ, сохраняя съ нимъ сношенія основанныя на взаимномъ уваженіи. Эпоха, въ которую Бонапарте вознамѣрился пріобрѣсть пожизненное Консульство, положила конецъ этимъ сношеніямъ. Г. Лафайетъ не хотѣлъ допустить пожизненнаго Консульства иначе какъ съ условіемъ, чтобы политическая свобода была достаточно обеспечена и дабы оправдать свой отказъ на вопросъ: *Будетъ ли Наполеонъ Консуломъ на всю жизнь?* Г. Лафайетъ написалъ ему слѣдующее письмо:

Генераль, Лагранжъ, 1 Преріала X года.

«Если человекъ, обязанный вамъ признательностью и слишкомъ чувствительный къ славѣ для того чтобы не любить вашу,—полагаетъ «ограниченія при подачѣ въ вашу пользу сво-

«его голоса,—то эти ограниченія тѣмъ менѣе
«подозрительны, что никто не будетъ болѣе
«его радоваться увидѣвъ васъ по смерти пер-
«вымъ сановникомъ свободной Республики. 18-е
«Брюмера спасло Францію и я былъ призванъ
«обратно въ слѣдствіе великодушныхъ вашихъ
«распоряженій. Консульская власть подъ руко-
«водствомъ вашего генія произвела великія ве-
«щии; но менѣе однакоже великія, чѣмъ каково бу-
«детъ возстановленіе свободы. Невозможно чтобы
«вы Генераль, принадлежа къ числу тѣхъ людей,
«которые рождаются вѣками,—захотѣли чтобы такая
«Революція, столько побѣдъ и крови, столько стра-
«даний и чудесъ, не имѣли для свѣта и для васъ
«другихъ послѣдствій, кромѣ введенія самовласт-
«наго Правительства. Французскій народъ слиш-
«комъ хорошо узналъ права свои для того что-
«бы невозвратно забыть оныя; но можетъ быть
«онъ теперь болѣе способенъ чѣмъ въ эпоху
«своего броженія, съ пользою воспріять оныя;
«—и вы, силою вашего характера и общест-
«венной довѣренности; превосходствомъ вашихъ
«сталаментовъ, вашего существованія и судьбины
«можете—возстановивъ свободу, обуздать всѣ
«опасности, разсѣять всѣ безпокойства. И такъ
«патріотическія и личныя причины должны
«стали бы заставитьъ меня желать учрежде-
«нія для вашей славы постоянного сана въ
«Правительствѣ. По правду, обязанности и всѣ

«дѣла моей жизни побуждаютъ меня—прежде чѣмъ я подамъ въ пользу этого мой голосъ, удостовѣриться что онъ будетъ утверждёнъ на «основаніяхъ, достойныхъ народа и васъ.»

«Надѣюсь что вы повѣрите Генераль, нынѣ какъ и прежде, что къ постоянству моихъ политическихъ правилъ присоединяются искреннія желанія вамъ благъ и глубокое чувство «того, чѣмъ я вамъ обязанъ.»

«Почтеніе и поклонъ.

«ЛАФАЙЕТЪ.»

Къ этому письму былъ приложенъ слѣдующій голосъ:

Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте Консуломъ на всю жизнь?

«Не могу подать въ пользу такого сана моего голоса до тѣхъ поръ, пока политическая «свобода будетъ достаточно обеспечена: тогда я «подамъ мой голосъ за Наполеона Бонапарте.»

Первый Консулъ, какъ можно себя представить, вовсе не былъ доволенъ сомнѣніями Г. Лафайета; онъ прочиталъ его письмо съ нетерпѣніемъ и сказалъ мнѣ потомъ: «Я говорилъ тебѣ что Лафайетъ политическій мономанъ, упрямецъ; онъ меня не понимаетъ: я очень жалѣю ибо онъ честный человѣкъ. Я хотѣлъ сдѣлать его Сенаторомъ, онъ отказался. Тѣмъ хуже для него; я обойдусь и безъ его голоса.»

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ПРИМЪЧАНІЕ. Приложенные при сей части документы, заключаютъ въ себѣ существенную занимательность. Впервыхъ любопытно видѣть, въ какихъ покорныхъ выраженіяхъ Гамбургскій Совѣтъ извинялся предъ Консулами въ несчастномъ дѣлѣ Напперъ-Тенди и Блаквелля. Потомъ не бесполезно показать донесеніемъ Луціана о Пританесѣ и докладомъ Г-на Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи то, что хотѣли сдѣлать для устройства этихъ отраслей Правительства.

Мы приложили еще письмо Клебера какъ необходимое дополненіе къ тому, что Записки сіи заключаютъ въ себѣ любопытнаго о Египетскомъ походѣ; послѣ чего мы помѣстили также нѣсколько документовъ, касательно Маренго, знаменитѣйшаго дня Консульства; и особенно въ бюллетенѣ объ этомъ днѣ читатели могутъ замѣтить нѣсколько офиціальныя неправды, о которыхъ мы выше упоминали и которыя любопытно сличить съ истиною.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

АДРЕСЪ ВОЛЬНОГО ИМПЕРСКАГО ГОРОДА ГАМБУРГА
КОНСУЛАМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

«Какъ бы ни были предубѣжденія, возбуждшія ваше нерасположеніе къ сановникамъ города Гамбурга, а они не могутъ не обратиться къ вамъ подъ покровительствомъ недавно происшедшихъ въ Парижѣ счастливыхъ событій. При видѣ цѣлаго народа, предающагося самымъ лестнымъ, самымъ утѣшительнымъ надеждамъ, вы позволите намъ по крайней мѣрѣ раздѣлить оныя и возсылать объѣты о ихъ исполненіи.

«Вы слишкомъ просвѣщенны и слишкомъ справедливы для того чтобы не повѣрить искренности нашихъ чувствъ въ этомъ отношеніи и чтобы хоть на минуту уеомниться въ участіи, принимаемомъ нами въ благоденствіи Французскаго народа.

«Несчастный случай задержанія и выдачи четырехъ Прандцевъ, пагубный источникъ множества ошибокъ, гоненій и несправедливостей, кажется раздражилъ Директорію до такой степени что ей даже не благоугодно было замѣтить, сколь поведеніе наше было неукоризненно и ознаменовано величайшимъ, внимательнѣйшимъ уваженіемъ и осторожностью къ Правительству Республики.

«Пагубное стеченіе самыхъ пензбѣжныхъ обстоятельствъ не дозволило намъ, правда, удовлетворить оному; но все однакоже доказало ему, что это сдѣлалось противъ нашей воли и что если мы, въ продолженіе многихъ лѣтъ представляли убѣдительнѣйшія доказательства привязанности нашей къ Республикѣ,

то покрайней мѣрѣ нельзя было счесть слишкомъ большою виною, если мы въ опасномъ, затруднительномъ случаѣ, попадались на ея великодушіе и умѣренность.

«Однакожь предъ людьми справедливыми и правдолюбивыми, бѣди дѣла должны говорить и для того, чтобы представить вамъ оныя, мы принимаемъ вольность сообщить вамъ здѣсь самыя обстоятельныя подробности.

«Изъ этихъ четырехъ человекъ, именуемыхъ Напперъ-Тенди, Блаквелемъ, Моррисомъ и Петерсомъ, только два первые могутъ обращать на себя ваше вниманіе; прочіе двое Моррисъ и Петерсъ признаны Посольствомъ Республики настоящими Великобританскими подданными.

«Ни въ какомъ актѣ, ни въ какой официальной бумагѣ не сказано чтобы эти двое Моррисъ и Петерсъ находились въ службѣ Республики или принадлежали оной какимъ бы то ни было образомъ по гражданскимъ или военнымъ отношеніямъ. Министръ даже не требовалъ имъ свободы поименно или вообще. Вся акты и Министерскія ноты ограничиваются лснымъ требованіемъ свободы двумъ человекамъ по имени Напперъ-Тенди и Блаквелю.

«Исторія не представляетъ примѣра, чтобы воюющая Держава считала себя въ правѣ покровительствовать въ нейтральномъ государствѣ признаннымъ подданнымъ ея непріятеля. Дабы это себѣ позволить, надобно было, до сихъ поръ, чтобы они покрайней принадлежали ей по узамъ гражданскимъ или военнымъ.

«Вы слишкомъ справедливы, Граждане Консулы и не вѣшайте намъ въ преступленіе выдачу двухъ человекъ, которые безспорно принадлежали другой Державѣ и были совершенно чужды Республикѣ.

«И такъ единственно задержаніе и выдача Напперъ-Тенди и Блаквеля подлежатъ нашему разбору.

«Позвольте упомянуть здѣсь о предосторожности, которую гражданинъ Грувелль, Министръ Республики при Копенгагенскомъ Дворѣ, счелъ для нихъ нужною и которая, еслибъ ее употребили находящееся здѣсь Французское посольство, избавило бы насъ отъ многихъ хлопотъ и отъ всѣхъ бѣдъ, воздвигнутыхъ на насъ относительно ихъ страстями, заблужденіемъ и предубѣжденіями. Этотъ просвѣщенный Министръ, который ко-

вечно слишком уважать Копенгагенское Правительство для того, чтобы страшиться со стороны оного какого либо преступнаго насилія, счесть однакоже ихъ подверженными такой точно опасности и требованія Британскаго Правительства столь основательными и законными, что для лучшаго сокрытія ихъ отъ преслѣдовацій и поисковъ Министра сего Двора, оны признавъ нужнымъ дать имъ убѣжище въ своемъ собственномъ домѣ.

«Они привѣзжаютъ сюда, употребивъ по непостижимому ослабленію, хитрость, которая уже одна долженствовала подвергнуть ихъ опасности. Они знаютъ и видятъ, что всѣ Республиканскіе Французы и всѣ состоящіе въ службѣ Республнки пользуются не только величайшею безопасностью въ наибольшомъ городѣ, но приняты въ ономъ съ отничіемъ и дружествомъ; — не смотря на сіе они забываютъ то, чѣмъ они обязаны самимъ себѣ, своей безопасности, своему званію, своей чести и прокрадываются тайкомъ какъ преступники въ нашъ городъ подъ ложными именами и званіями. Наперъ-Тенди принимаетъ имя Джонса и сказывается купцомъ, привхавшимъ изъ Филадельфіи; Блаквелъ, назвавшись Бартеlemi Блакфирстомъ, также выдаетъ себя за Американскаго купца.—Британскій Министръ офиціально требуетъ взятія подъ стражу и выдачи двухъ человекъ, поданныхъ Короля Великобританскаго, называющихся Джонсомъ и Бартеlemi.—Всѣмъ извѣстно что въ Германіи вообще не отказываютъ требованіямъ Министровъ Иностранныхъ Дворовъ о выдачѣ людей ихъ Государства. Гражданину Рейнгарду, Министру Республики была оказана съ нашей стороны также готовность. Полицейскій Офицеръ является сперва къ Джонсу и сказавшись кто оны такой, спрашиваетъ у него объ имени; оны отвѣтствуетъ что его зовутъ Джонсомъ. Ръ съдѣвіе сего, ему объявляютъ взятіе его подъ стражу по требованію Англійскаго Министра, какъ подданнаго Короля Великобританіи. Оны даже и тогда не сказывается о себѣ, и удерживая на себѣ личину, подвергается безъ ропота, безъ всякихъ объясненій и возраженій,—тому чего требуетъ Британское Правительство. — При немъ находятъ шпату съ Ирландскимъ гербомъ.

«Какъ послѣ этого было сомнѣваться въ справедливости объявленія, сдѣланнаго Британскимъ Правительствомъ? Какъ предпо-

лагать чтобы Офицеръ, состоящій въ службѣ Республики, дозволялъ себѣ носить шпагу съ Британскимъ гербомъ?

«Такимъ образомъ этотъ человекъ, по собственному его сознанію называемый Джонсомъ, по собственному его сознанію купецъ и по неоспоримымъ обстоятельствамъ подданный Короля Великобританскаго, самъ предается въ заключеніе по требованію Министра сего Государя.

«Взятіе подъ стражу было объявлено тѣмъ же образомъ и съ тою же предосторожностью человеку, названному Бартеlemi Блакѣрстомъ. Не прежде какъ по объявленіи ему задержанія и когда онъ сдѣлался уже плѣнникомъ требовавшего Министра,—онъ поздно снялъ съ себя подложное имя и вдругъ вздумалъ выдать себя за Французскаго Офицера, не представляя однакоже тому никакого доказательства.

«Почти бесполезно замѣчать, что еслибъ чрезъ такія поднія и неудовлетворительныя показанія, люди могли избавляться отъ взятія ихъ подъ стражу, то всякой, перемѣнивъ имя и званіе, постарался бы избѣгнуть тѣмъ отъ самаго справедливаго и законнаго задержанія.

«Французское Посольство въ слѣдъ за симъ потребовало имъ свободы, какъ Офицерамъ Республики, снабженнымъ патентами. Министръ не считъ нужнымъ вѣрять намъ этихъ патентовъ и даже не сообщилъ намъ съ оныхъ копій; между тѣмъ какъ видимо было бы полезно доставить намъ средство немедленно доказать бумагами и завѣрить Британскому Правительству настоящія ихъ отношенія съ Республикою. Если же онъ считалъ преимуществомъ своего мѣста право требовать полной вѣры сдѣланному имъ офиціальному объявленію, то ему бы следовало по крайней мѣрѣ вспомнить, что этимъ онъ оправдывалъ такъ вы же требованія Британскаго Министра.

«Сей послѣдній офиціально объявилъ ихъ подданными Великобританіи; онъ сказалъ это первый и продолжалъ въ томъ оставаться. Онъ офиціально назначилъ имена, подъ которыми они допустили взять себя подъ стражу. У Джонаса нашли шпагу съ Британскимъ гербомъ. Позволительно ли намъ было, при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отказаться вѣрять офиціальному объявленію Британскаго Министра и уважить только показанія Министра Республики?

«Англійскій Министръ, узнавъ о сопротивленіи Министра Республики, началъ требовать выдачи этихъ людей съ большею силою, присовокупивъ къ тому жесточайшія угрозы и заставивъ насъ страшиться величайшаго гнѣва со стороны его Правительства.

«Почтенные дипломаты утверждали, что всѣ эти обстоятельства и многіе примѣры въ исторіи, сильно склоняли въ пользу требованій Британскаго Правительства.

«Между примѣрами, въ особенности ссылались на задержаніе знаменитаго Тренка; который хотя и состоялъ въ службѣ Россіи, но былъ взятъ подъ стражу въ Данцигъ по требованію Прусскаго Министра и выданъ ему какъ подданный Пруссіи.

«Не впадъ ни угрозамъ Англичъ, ни всей силѣ ед убѣдительныхъ доводовъ, мы сочли что поступимъ наиболее удовлетворительнымъ для Франціи образомъ, предоставляя рѣшеніе этого дѣла Государю, который будучи соединенъ съ Республикою мирнымъ, дружественнымъ договоромъ, имѣлъ одинаковую съ нами выгоду наблюдать и поддерживать правила самаго строгаго нейтралитета.

«Эти причины побудили насъ предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе Короля Прусскаго въ его качествѣ перваго Приица Нижне-Саксонскаго Округа и поручителя нейтралитета сѣверной Германіи.

«Не намъ принадлежитъ, Граждане Директоры, разбирать причины, воспріятствовавшія Королю рѣшить это дѣло. Вамъ извѣстно что, не взирая на наши убѣдительнѣйшія просьбы, Король продолжалъ оставлять его нерѣшеннымъ.

«Императоръ Россійскій наконецъ принялъ въ немъ участіе и не ограничился одними пустыми угрозами. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бесполезнаго нашего сопротивленія, мы должны были нести бремя самой суровой неспрїязни со стороны Россіи. Эскадры ея, владычествующія въ Сѣверномъ морѣ и предъ устьемъ Эльбы, похищали у насъ корабли. Извѣстія, столь же страшныя, какъ и достовѣрныя, заставляли насъ даже опасаться, если не совершеннаго занятія нашихъ владѣній Русскими войсками, то по крайней мѣрѣ вѣрной высадки ихъ въ окрестностяхъ и появленія ихъ какъ непрїятелей предъ нашими воротами. Однакоже посреди сихъ безпокойствъ, должествовав-

шихъ заставить насъ признать наше сопротивленіе совершенно бесполезнымъ, и даже страшиться что даже подвергнись сами бѣдѣ, мы не успѣемъ спасти плѣнниковъ и удовлетворить тѣмъ Французское Правительство—ничего не было забыто для неходатайствованія покрайней мѣрѣ права удержать плѣнниковъ до заключенія мира. Мы просили о посредствѣ почти всѣхъ Державъ, но все успѣи оказались тщетными.

«Король Прусскій наконецъ объявилъ что ему негодно рѣшить это дѣло. Такой неожиданный отказъ отъ столь великаго и столь могущественнаго Правительства послѣ столь долгаго и столь глубокаго молчанія въ такую притомъ эпоху, неизбежно долженствовалъ усилить и оправдать нашъ страхъ и открыть нашимъ глазамъ опасность дальнѣйшаго сопротивленія.

Императоръ, глава Имперіи, въ тоже время присоединился къ требованіямъ своихъ союзниковъ, не скрывая отъ нихъ, что наше сопротивленіе должно кончиться, если мы не хотимъ быть къ тому принужденными Конституціонными законами Имперіи.

«Не смотря на все это мы сдѣлали еще послѣднюю попытку, предложивъ что мы будемъ просить Правительство Республики объ обмѣнѣ этихъ плѣнниковъ на другихъ значительныхъ особъ, взятыхъ въ плѣнъ у союзныхъ Державъ. Но эта попытка не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, подобно какъ и все, до сихъ поръ нами сдѣланное.

«Мы однакожъ не вовсе отrekliсь отъ участія въ этомъ дѣлѣ и на сихъ дняхъ еще убѣдительно ходатайствовали у Британскаго Правительства о смягченіи жребія этихъ плѣнниковъ.

«Вотъ настоящія обстоятельства этого несчастнаго происшествія. Если вы разсмотрите ихъ безъ предубѣжденія, Граждане Копенулы, и примите въ надлежащее соображеніе осторожность, которую предписываетъ намъ наше затруднительное и весьма опасное положеніе, то вы легко убѣдитесь что намъ совершенно было невозможно, послѣ цѣлаго года бесполезныхъ успѣій, продолжать наше сопротивленіе.

«Наша гибель и совершенное уничтоженіе были бы неизбежнымъ отъ него слѣдствіемъ и даже вовсе безъ всякой пользы, какъ то нами доказано. Единственное средство отъ того избѣгнуть состояло въ томъ чтобы вѣрнуться Французскому великодушію.

«Таскаемъ себя надеждою что вы оправдаете, Граждане Консулы, возвратомъ вашей пріязни ту довѣренность, которую даже незаслуженная нами строгость Директоріи не могла изгладить изъ сердець нашихъ и уповаемъ что въ мудрости вашей, сообразивъ зрѣло все, вы не поколеблетесь прекратить суровыя мѣры, принятыя и предписанныя Директоріею противъ нашего города (*).

«Примите въ тоже время увѣреніе въ нашемъ глубочайшемъ почтеніи; дано съ приложеніемъ городской печати 16 Декабря 1799 года.

Бургомистръ и Сенатъ вольнаго Имперскаго города
Гамбурга.

Ф. А. ВАУНЕРЪ, *Лиценціатъ и*
Главный Президентъ.

ДОКЛАДЪ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ О ФРАНЦУЗСКОМЪ ПРИТАНЕИ.

«ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

«Французскій Пританей замѣнилъ въ общественныя заведенія, которыя подъ названіемъ Коллегій, были посвящены въ Парижѣ народному образованію и составляли прежній Университетъ.

(*) Читатели видѣли какой повелительный отвѣтъ Бонапарте далъ Гамбургскому Сенату и какое было финансовое послѣдствіе этого дѣла.

«Послѣ жестокихъ потрясеній, уничтожившихъ столько другихъ заведеній, должно съ удовольствіемъ видѣть воздвигшееся такъ сказать посреди развалинъ, это послѣднее убѣжище для народнаго просвѣщенія; но чѣмъ сильнѣе чувствуешь его пользу, тѣмъ болѣе жальшь о томъ что несчастныя времена, поставившія столь великія препоны воспитанію во Франціи, дозволили сдѣлать только это слабое усиліе въ пользу онаго. Не смотря на постановленія, обеспечивающія молодымъ людямъ изъ Департаментовъ мѣста въ Британіи, надобно сознаться что его вовсе нельзя считать мѣстнымъ заведеніемъ; а притомъ скудность доходовъ, назначенныхъ на его содержаніе и суммъ, отпускаемыхъ на оное Правительствомъ, весьма ограничиваютъ число получающихъ благодѣаніе воспитанія и не дозволяютъ образованію, тамъ даваемому, имѣть чувствительное вліяніе на многочисленное народонаселеніе Республики. Со времени уничтоженія сословія учителей, ученіе почти не существуетъ во Франціи. Не потому чтобы вовсе не было въ Парижѣ или въ Департаментахъ многихъ Профессоровъ искусныхъ и усердныхъ къ успѣхамъ ихъ науки; но эти драгоценныя люди, разсѣянные и разогнанные, не подаютъ другъ другу никакой помощи и похожи на искры, которыя не будучи соединены на одномъ очагѣ, излучаютъ только слабый, мерцающій свѣтъ. Остроумныя теоріи, полезныя методы, проходятъ вмѣстѣ съ тѣми, которые изобрѣли опылы; никакія преданія не составляются, никакая система не передается: опытность искуснаго учителя не послужить къ проложенію пути его преемникамъ, никто не идетъ по слѣдамъ его и такъ какъ практическая часть воспитанія не основывается болѣе на привычкѣ и на подражаніи, то каждый, вступая на поприще съ однимъ только своими помыслами, на первомъ шагу видитъ себя подверженнымъ недоумѣнію, неопытности и случайности своихъ собственныхъ попытокъ. У великаго народа, коего учрежденія тверды, народное воспитаніе должно согласоваться съ этими учрежденіями; основанія онаго не могутъ быть предоставлены случаю; опредѣленіе или измѣненіе оныхъ не должно зависѣть отъ людей: здѣсь вещь существуетъ прежде чѣмъ человекъ; она не получаетъ отъ него ни направленія, ни формы; напротивъ она должна сообщить ему образованіе по постоянной системѣ.

«Пританей, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ, не въ состояніи достигать этой цѣли. 1-е Заведеніе только одно и потому можетъ принимать лишь весьма малое число воспитанниковъ. Изъ опытовъ извѣстно что число учениковъ въ какомъ либо училищѣ никогда не должно превосходить двухъ сотъ. 2-е Если ограничиться принятіемъ въ оное только имѣющихъ право на безденежное воспитаніе, то изъ сего произойдетъ что ребенокъ, родившійся со счастливыми способностями и косяго селеніе пользуется честнымъ избыткомъ, будетъ лишень выгодъ общественнаго воспитанія и приведенъ въ необходимость замѣствовать въ родительскомъ домѣ или подъ руководствомъ частнаго наставника—домашніе предрасудки и мѣстные привычки, которыя нѣкогда отдѣляютъ его по правамъ отъ прочихъ его соотечественниковъ, удалятъ отъ дѣлъ и такъ сказать содѣлають его чуждымъ между его ближними и въ собственномъ его отечествѣ.

«Должно поспѣшить, Граждане Консулы, помочь этимъ неудобствамъ и умножить общественныя учебныя заведенія, сколько нынѣ дозволяютъ обстоятельства до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно сдѣлать число оныхъ соразмѣрнымъ съ потребностями многочисленнаго народа, обитающаго на обширномъ пространствѣ земли. Можно бы на примѣръ раздѣлить Пританей на четыре Коллегіи, помѣстивъ одну изъ нихъ въ Парижъ въ нынѣшнемъ зданіи Пританей; а прочія въ Фонтенбло, въ Версалѣ и въ Сен-Жерменъ; предоставя право на вступленіе въ оныя исключительно пеннущимъ дѣтямъ, военныхъ убитыхъ на полѣ сраженія и гражданскихъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ.

«Годовые доходы Пританей и отпущенныя ему заведенію въ VIII году на поддержку 200,000 франковъ, употреблялись бы на содержаніе учениковъ, помѣщаемыхъ отъ Правительства; но дабы по возможности благопріятствовать распространенію свѣдѣній и просвѣщенія, можно дозволить принятіе въ эти заведенія постороннихъ пансіонеровъ съ ежегодною платою той суммы, которой стоить содержаніе каждаго воспитанника. Плату сію можно назначить тысячу франковъ для Парижа и восемь сотъ франковъ для другихъ Коллегій.

«Въ послѣдствіе сего предлагаю вамъ, Граждане Консулы:

1-е Раздѣлить Пританей на четыре Коллегіи конхъ число

можно послѣ увеличить, соразмѣрно съ воспитанниками.

2-е Определить въ каждой изъ этихъ Коллегій сто мѣстъ, содержимыхъ отъ Правительства и исключительно предоставленныхъ бѣднымъ дѣтямъ, умершихъ на службѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

3-е Дозволить принятіе въ эти Коллегіи воспитанниковъ съ платою по 800 и по 1000 франковъ. Черезъ это, Граждане Консулы, учредятся во Франціи преобразование учебной части. Общественныя награды обратятся на тѣхъ, которые всегда должны были бы быть предметами оныхъ и частные люди приобрѣтутъ средства воспитывать дѣтей своихъ въ постоянно учрежденныхъ школахъ; и это средство неограничено; ибо по мѣрѣ поступленія своекоштныхъ пансіонеровъ, можно будетъ увеличивать число Коллегій.

ЛУЦИАНЪ БОНАПАРТЕ.

ДОКЛАДЪ Г. ТАЛЕЙРАНА О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ДИПЛОМАТИИ ВО ФРАНЦІИ.

«Во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ существуетъ духъ, свойственный каждой отрасли управленія. Духъ сей даетъ единство, единообразіе и энергію управленію дѣлами; онъ сообщаетъ преданіе обязанностей и поддерживаетъ чувство и исполненіе оныхъ; онъ привязываетъ и управленія и чиновниковъ, оныя составляющихъ къ Правительству, служащему цѣлью, къ которой направляются все соревнованія, какъ къ источнику вѣхъ степеней отличія, конми всякой желаетъ воспользоваться.

«Революція, уничтоживъ прежне Правительство, наша упра-

вспія, столь папитаннвя духомъ, мною упомянутымъ и столь неизмѣнно направленнвя къ цѣли, мною изображеншой, что не въ состояніи будучи перемѣнить ни сего духа, ни сего направленія,—она принужденною нашлась уничтожить все существовавшія управленія; но при замѣвѣ оныхъ новымъ учрежденіями, занялась одною только матеріальною частью. Предполагали что въ производствѣ дѣлъ все ограничивается простыми законами и небольшимъ числомъ удобносполнимыхъ правилъ и постановленій. Думали что усердіе есть вездѣ и можетъ все сдѣлать; устранили вмѣстѣ съ прежнимъ порядкомъ вещей, какъ понятія іерархическія и духа сословій,—степени познаній, титула повышеній и права необходимой опытности. Не колеблосъ объявить, что одна эта причина, дѣйствуя вдругъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, была достаточна для того чтобы замедлить эпоху ихъ образованія, чтобы поразить все оныя непостоянствомъ, бесплодіемъ; чтобы повсюду содержать дѣла въ состояніи недоумѣнія, сборы въ неудовлетворительномъ положеніи, расходы въ злоупотребленіяхъ и безпорядкѣ, партіи въ безпрестанной смѣлости и наглости а Правительство въ постоянной зависимости и измѣнчивости.

«Одинъ только духъ управленія, повсюду учрежденный въ разнообразныхъ видахъ смотря по обязанностямъ, налагаемымъ каждымъ управленіемъ,—можетъ все поставить на прежнія мѣста; утверждая неизмѣнно отношенія управленій всѣхъ отраслей власти, и отношенія всѣхъ частей управленія на общей системѣ образованія Государства, управленіе есть посредникъ, сближающій начальниковъ съ подчиненными и узелъ, связывающій частныя выгоды съ общою пользою; оно есть точка соприкосновенія и союза между общественною и частною властью.

«Одинъ только есть способъ учредить и утвердить въ каждомъ управленіи духъ, оному свойственный: способъ сей состоитъ въ системѣ повышеній, разсудительно и неизмѣнно исполняемой.

«Управленіе, не имѣющее системы повышеній, не имѣетъ и настоящихъ чиновниковъ. Люди, въ ономъ служащіе, суть наемники, не видящіе предъ собою никакой цѣли, вокругъ себя никакого обеспеченія, а подъ собою никакихъ причинъ къ увѣренности, никакихъ дружбъ соревновація, никакого духа подчиненности.

«Въ такомъ управленіи не существуетъ никакого духа, никакой чести званія; хоть и говорятъ въ немъ что любить Республику; но единственный способъ съ пользою любить ее, состоитъ въ томъ чтобы имѣть привязанность къ тому положенію, въ которомъ ей служишь; и какъ безъ надежды къ повышенію нельзя быть увереннымъ и на счетъ того положенія, въ которомъ находишься, то къ нему не возможно возымѣть привязанности.

«Система повышеій есть въ рукахъ Министра единственное оружіе, посредствомъ коего онъ можетъ отражать честолюбивую неспособность, освобождаться отъ докучъ покровительствующихъ оной, вводить въ силу опытность, таланты добродетели и подчинять важное право опредѣленія къ мѣстамъ—справедливости и разборчивости.

«Всякое управленіе имѣетъ степени. Правила каждаго управленія распределяются по степенямъ его; изъ совокупности оныхъ составляется общій духъ управленія.

«Вся сила управленія заключается въ его основныхъ правилахъ; и такъ наблюденіе сихъ правилъ составляетъ душу, жизнь, энергію каждаго управленія а согласенныя силы всѣхъ управленій составляютъ совокупную силу Государства.

«Эта послѣдняя сила есть великій результатъ; по достигнуть онаго нельзя иначе какъ чрезъ заботливость о составныхъ ея частяхъ. И такъ прежде всего должно озаботиться соблюденіемъ основныхъ правилъ каждаго управленія и каждой степени онаго.

«Вотъ доказательство необходимости системы повышеія. Каждому должностному чловѣку прежде всего слѣдуетъ напиться всѣми правилами своей службы; ему слѣдуетъ пройти всѣ степени оной; и по возвышеніи своемъ онъ долженъ оставить преемникамъ своимъ залогъ правилъ, который былъ ему вверенъ, принимая самъ тотъ, который оставляютъ ему его предшественники;—словомъ сказать надобно чтобы тотъ же духъ былъ сохраняемъ во всѣхъ степеняхъ, между тѣмъ какъ производство и повышеніе одушевляли бы служащихъ.

«Обращаюсь теперь къ системѣ, которая кажется мнѣ наиболѣе приличною для Департамента Высшихъ Сношеній.

«Какъ система повышеій долженствуетъ быть учреждена

пребольше для того, чтобы утвердить жребій чиновниковъ чрезъ постоянное существованіе духа и чести своего званія, привязывающихъ каждаго къ своему положенію, то слѣдуетъ сказать въ чемъ должны состоять духъ и честь чиновника, употребленнаго въ Министерствѣ Высшихъ Сношеній.»

«Отъ всѣхъ чиновниковъ Республики требуется испытанный патріотизмъ. Духъ и честь всѣхъ родовъ Государственной службы предполагаются заключающими въ себѣ это общее качество; оно есть общее и не можетъ составлять отличительнаго свойства какого либо рода службы.

«Въ составъ духа и чести той службы, которая составляетъ предметъ сей статьи, входятъ два разряда качествъ: душевныя и умственныя.

«Къ первому разряду принадлежать: 1. Осторожность; 2. Скромность; 3. Непокосимое безкорыстіе; 4. Наконецъ, нѣкоторая возвышенность чувствъ, заставляющая постигать скорѣ важна обязанность представлять свое отечество за границею и блюсти внутри Государства его политическія выгоды.

«Во второмъ разрядѣ находятся: 1 склонность ума къ изученію политическихъ сношеній; 2 необходимая способность къ тому чтобы хорошо и быстро постигать предметы, ибо ни въ какой другой службѣ не встрѣчается столь внезапныхъ и потериящихъ отлагательства занятій. 3 Нѣкоторую обширность въ понятіяхъ, ибо въ этой части, всѣ подробности относятся къ обширному цѣлому.

«Есть еще можетъ быть третій разрядъ качествъ, долженствующій присоединяться къ двумъ первымъ; я разумю здѣсь все, относящееся къ искусству въ произвожденіи дѣлъ. Оно необходимо какъ внутреннимъ такъ и внешнимъ агентамъ управленія; ибо если послѣднимъ поручается дѣйствовать, то первые болѣе или менѣе участвуютъ въ даваемомъ имъ направленіи. Это качество составляетъ особый разрядъ ибо оно есть слѣдствіе ума и характера.

«Эти соединенныя и обработанныя качества составляютъ умъ и честь званія. Чрезъ оныя учреждаются между разными чиновниками сношенія уваженія и приязни; между начальниками и подчиненными сношенія привязанности, покровительства и соревнованія; чрезъ нихъ же возбуждается въ чиновникахъ

вѣрность и уваженіе къ Правительству а въ сношеніяхъ публики со служащими, довѣренность и уваженіе.

«Министръ предлагаетъ систему повышеній, сообразную съ духомъ сего доклада.

«По сему проэку для политическихъ агентовъ будетъ четыре степени: 1. Секретари Посольства втораго разряда; 2. Таковыя же перваго разряда; 3. Полномочные Министры; 4. Посланники.— Въ Департаментъ Внѣшнихъ Сношеній учредится учебное заведеніе для молодыхъ людей, которыхъ въ послѣдствіи можно было бы употреблять въ Канцеляріяхъ и при посольствахъ. По надлежашемъ ихъ приуготовленіи, они получаютъ званіе воспитанника, которое будетъ первымъ чиномъ ихъ по службѣ.

«Каждому чину будетъ назначено содержаніе независимо отъ того, которое предоставлено мѣсту; вызванный обратно агентъ лишится только того содержанія, которое онъ получалъ по занимаемой имъ должности, сохранивъ жалованье свое по чину до опредѣленія его вновь къ какому либо мѣсту: его нельзя отставить и лишитъ чиновъ безъ повелѣнія Перваго Консула по докладу Комисіи, составленной изъ чиновниковъ, по одному каждой степени. Чинами будутъ равно пользоваться какъ внѣшніе агенты такъ и служащіе внутри Государства при Департаментѣ, такъ что Правители Канцелярій будутъ сравнены съ Секретарями Посольства перваго класса; начальники отдѣленій съ Полномочными Министрами; а Министръ Внѣшнихъ Сношеній будетъ имѣть степень Посланника. Нѣсколько лѣтъ службы въ каждомъ чинѣ будетъ опредѣлено для достиженія высшаго чина. Половина жалованья или полный окладъ онаго будутъ предоставлены при отставкѣ чиновнику, прослужившему 20 или 25 лѣтъ; соразмѣрный вычетъ изъ содержанія политическихъ агентовъ послужитъ средствомъ къ удовлетворенію издержекъ по этимъ новымъ распоряженіямъ.

К. ТАЛЕЙРАНЪ.»

О СОСТОЯНІИ ФРАНЦІИ съ 18 БРЮМЕРА Соч.
РЕНЮ ДЕ СЕН-ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ.

«Старинная пословица, что зло приходитъ бѣгомъ а добро медленно какъ черепаха, очень можетъ быть сочтена, подобно многимъ другимъ, пустымъ возгласомъ и чертою мизантропін.

«Какова была картина Франціи четыре мѣсяца тому назадъ? Какова она теперь? Думаю что противоположность, являющаяся при сравненіи этихъ двухъ, столь близкихъ между собою времянь, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ опроверженій этой старинной поговорки.

«Въ отношеніяхъ дипломатическомъ, финансовомъ, общественномъ и военномъ, эти двѣ эпохи различествуютъ между собою столько какъ характеры двухъ разныхъ народовъ и исторія двухъ, отдаленныхъ между собою вѣковъ.

«Изображая Францію въ томъ видѣ, въ которомъ она нынѣ существуетъ—я естественнымъ образомъ приведу на память черты, которыя еще недавно сообщали ей стѣсненное и бѣдственное положеніе, подавляя всѣ пружины ея силы, и дурное направленіе, которое представляло ее Европѣ въ невыгодномъ видѣ, вредя совокупности сношеній, связывающихъ ее съ другими Государствами.

«До 18 Брюмера, наиболее общее мнѣніе во Франціи и въ ней было то, что главныя репоны къ возстановленію мира, происходили отъ Франціи. Блескъ нашихъ побѣдъ, доставляя веденію войны самыя богатыя жатвы славы, которыя когда либо были пріобрѣтаемы какимъ либо народомъ, — придавалъ большую вѣроподобность этому мнѣнію, а постольку Французовъ послѣ довольно длинной цѣпи неудачъ, также содѣйствовало къ поддержанію онаго. Одной минуты было достаточно для выведенія Европы изъ заблужденія: главою правленія сдѣлался мужъ, коего постоянно великодушное расположеніе, и отличная умѣренность обнаружили истинную цѣль побѣдъ Франціи и коего возвратъ далъ почувствовать что отсутствіе его было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ бѣдствій. Побѣда возвратилась къ нашимъ знаменамъ и желаніе мира было объявлено; всѣ Французы одобрили сіе желаніе, ибо голосъ, онос

объявивший, возбуждалъ воспоминанія, которыя представляли миръ сей какъ новую славу къ пріобрѣтенію, какъ прекраснѣйшее завоеваніе къ сохраненію. Вся Европа повѣрила искренности этого желанія, ибо нельзя неповѣрять ручательству великаго характера и нельзя не вѣрять тому, что происходитъ отъ единодушныхъ чувствъ великаго народа.

«Мнѣніе о Франціи столькоже перемѣнилось какъ и мнѣнія самихъ Французовъ: когда послѣдніе успокоились и соединились, то и первое потеряло свою неопредѣлимость и недоумчнѣе; ненависть и недоувѣрчивость Европы исчезли при видѣ народа, желающаго хорошо жить со своими друзьями, возстановивъ между собою и своими непріятелями великіе законы общественнаго права, безъ которыхъ не существуетъ никакой чести въ войнѣ и никакого обеспеченія въ мирѣ; хотящаго возобновить отношенія добраго согласія и искренняго союза, которыя одни только даютъ жизнь правамъ, обязанностямъ и обоюднымъ выгодамъ; желающаго наконецъ, быть независимымъ, располагать своимъ жребіемъ и не мѣшаться ни въ чью судьбу.

«Таково теперь положеніе Франціи въ политическомъ отношеніи. Финансовое отношеніе представляетъ не менѣе того ошутительное улучшеніе.

«Упадокъ финансовъ есть, изъ всѣхъ безпорядковъ тотъ, который распространяется съ наибольшою быстротою; онъ также есть тотъ, коего нитруднѣе опредѣлить причины и прискать средства къ исправленію. Но для всѣхъ, хотя и несвѣдущихъ по этой части, существуетъ удобопостижимая истина, что есть степень въ злѣ, на которой, если оное не усиливается, то сіе означаетъ уже исцѣленіе. Теперь Франція достигла этой степени. И такъ достаточно будетъ сказать,—что со времени учрежденія новаго Правительства, разстройство не увеличилось—для удостовѣренія что оно достигло или скоро достигнетъ конца своего.

«Есть еще другая истина, не менѣе исполненная надеждъ и состоящая въ томъ что чрезъ учрежденіе порядка въ финансахъ, дается жизнь всѣмъ способамъ и водворяется бережливость во всѣхъ расходахъ. Четыре мѣсяца уже, какъ Правительство неутомимо занимается тѣмъ чтобы все устроитъ: отсюда проистекаетъ множество послѣдствій, коихъ благодѣяніе уже ощущаемо и

множество других послѣдствій, отъ коихъ люди свѣдущіе въ дѣлахъ ожидаютъ съ полною увѣренностью возстановленія кредита. Какъ послѣдствія сіи не могутъ быть вполне здѣсь изложены, то достаточно вкратцѣ выставить оныя.

«1-е. Бездѣя, въ которую Государство едва не низверглось—измѣрена; причины, которыя своимъ пагубнымъ съвлеченіемъ, еще болѣе чѣмъ своею важною содѣйствовали бѣдѣ—открыты, узнаны и оцѣнены; научились наконецъ расчислять опасности и средства спасенія и не отчаиваться въ водвореніи общественнаго благосостоянія.

«2-е. Невѣжество, робость и криводушіе унижали Правительство, стѣсняли объемъ его видовъ и сферу его дѣйствій; распоряженія его были только частныя, первшительныя. Оно обѣщало обеспеченіе, которыхъ не могло дать; и отнимало ихъ и для того чтобы опять предоставить. Раздраженное чувствомъ нищеты и потерявъ стыдъ, оно поставило себя между бичемъ несостоятельности и прекращенія службы; это были два утеса, о которые неизбежно бы разбился корабль Государства. Правительство перешло въ лучшія руки; его первыя мѣры ознаменовались мужествомъ и правдолюбіемъ. Успѣхъ этихъ мѣръ послужилъ доказательствомъ его свѣдѣній, давъ послѣдовательность и общность его дѣйствіямъ. Не стану описывать здѣсь его способовъ; объ оныхъ можно судить по результатамъ. Подати уплачены, недочеты уменьшились; перестали осповывать расчеты свои на страхъ а начали ожидать выгодъ отъ исполненной надеждъ будущности; курсъ поднялся, должности служащихъ учредились, и проч.

«3-е. Уплата нынѣ податей, безъ переменъ теорій оныхъ, подтвердила слишкомъ мало извѣстную истину, что погрѣшности всякой системы налоговъ состоятъ менѣе въ теоріи законовъ о податяхъ, чѣмъ въ видахъ общественнаго состава и въ обстоятельствахъ при исполненіи сихъ законовъ. Причемъ обнаруживалась еще и другая истина, что подать, внесенная и употребленная на уплату жалованья за службу Государству, есть одинъ изъ главныхъ движителей промышленности, одинъ изъ величайшихъ возстановителей кредита,

«Упадокъ общественнаго кредита есть непосредственное слѣдствіе прекращеніе оборота денегъ. Сравните Правительство, по-

лучающее доходы, съ богатымъ частнымъ челоѣкомъ, который отвсюду получаетъ деньги и самъ немедленно уплачиваетъ по своимъ обязательствамъ; это приводитъ въ сильное движеніе огромную денежную машину; платящіе и получающіе деньги, находящіеся чрезъ сіе въ соприкосновеніи съ Правительствомъ, входятъ въ соприкосновеніе между собою. Промышленность оживляется, поощряя повсюду къ работѣ; деньги обращаются, издѣлія мѣняются и всеобщій кредитъ устанавливается на основаніяхъ, тѣхъ же самыхъ, на которыхъ утверждень кредитъ Государства.

«Я бы могъ болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, но переходу къ виду общественнаго отношенія, въ которомъ представляется нынѣ Франція. Эту обязанность пріятно бы исполнить еслибъ не было столькоже невозможно какъ и излишне все говорить. Кого нужно извѣщать о томъ, что Французы избавлены отъ нестерпимой необходимости взаимно другъ друга ненавидѣть, единственно уже потому что они не подвержены болѣе постыдной необходимости другъ друга болтаться? Что непріязнь ихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе переходитъ въ одни только воспоминанія; что эти воспоминанія нѣкогда погрузятся въ забвеніе; что судя наконецъ здраво о своихъ выгодахъ и о своихъ чувствахъ, они не ошибаются болѣе на счетъ опасности раздоровъ и на счетъ несовмѣстности духа партій съ ихъ характеромъ. Теперь, права, даваемая свободою и обязанности, ею предписываемыя—извѣстны; нельзя болѣе употреблять оную во зло для возбужденія къ ней презрѣнія или ненависти. Ее знаютъ потому что ею наслаждаются безъ тревоги, потому что нельзя и не хотять воспрепятствовать другимъ оною наслаждаться. Мнѣнія перемѣнились потому что въ чувствахъ произошло улучшеніе. Наконецъ просвѣтились потому что стали лучшими.

«Отъ чего произошла такая перемѣна? Отъ одной причины: Правительство воспріяло всю власть, ему принадлежащую а люди потеряли вмѣстѣ съ возможностью дѣлать зло, охоту вредить другъ другу. Эта охота неестественна; благоволеніе и правосудіе болѣе свойственны устроению сердца челоѣческаго. Правительство явило свое благоволеніе и правосудіе; а Французы естественнымъ образомъ обратились къ прежнимъ своимъ влс-

чативіямъ и согласію съ опытъ; они съ удовольствіемъ увидѣли что хорошіе законы исполняются и что никто не покушается препятствовать ихъ исполненію или преувеличивать оныя: они увидѣли передѣлку дурныхъ законовъ съ одобреніемъ и даже съ признательностью. И могло ли это быть иначе? Развѣ свобода каждаго не выигрываетъ при предоставленіи общей свободы? Какой нибудь пагубный законъ, коему я нынче не подвергаюсь, развѣ не угрожаетъ мнѣ въ будущемъ? И въ томъ положеніи, изъ котораго мы недавно выжили, какой человекъ могъ избѣгнуть опасности законной опалы? Искренній другъ свободы, великодушнѣйшій защитникъ земли своей могли—въ ту самую минуту какъ одинъ изъ нихъ защищать народныя права а другой проливалъ кровь за свободу—увидѣть имена свои внесенными въ тотъ роковой списокъ, который теперь можно назвать безъ ужаса и который въ рукахъ изувѣровъ, могъ со временемъ сдѣлаться памятникомъ осужденія всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ талантовъ, и всѣхъ услугъ, оказанныхъ отечеству.

«Общественное устройство Франціи также представляетъ дѣйствія Правительства къ преобразованію чувствъ Французовъ; а эти послѣдніе производятъ преобразование въ общественныхъ мнѣніяхъ. Порядокъ и свобода соединились для произведенія сихъ счастливыхъ послѣдствій; частныя предубѣжденія разсѣялись, общественныя страсти угасли и наименованія остались въ однихъ только разказахъ о прошедшемъ. Клевета, ненависть, даже самое междоусобіе, не имѣя болѣе цѣли, сами собою прекратились; Граждане въ лопѣ Франціи, не захотѣли болѣе проклинать и сражаться когда увидѣли что они могли проклинать и сражаться только съ Французами.

«Мнѣ бы слишкомъ много пришлось говорить о военномъ видѣ Франціи; я скажу одно только слово; онъ величественъ, замешпитъ и страшенъ. Французскія арміи пополнены наборами и усилены безъ отягощеній; междоусобная война на западѣ не уменьшила число нашихъ защитниковъ: миръ, оную окончившій, увеличилъ число ихъ. Арміи Республики снабжены продовольствіемъ для похода; мѣры приняты для обеспеченія жребія всѣхъ воиновъ, сражавшихся за свободу. Новые Полки, которые недоброжелательное и неспособное Правительство учредило

вновь для того, чтобы имѣть случай привести въ разстройство управление тѣми, которые уже существовали и лишить должностей часть состоящихъ въ службѣ Офицеровъ—уничтожены и размѣнены въ старые Полки. Командиръ Бригады, Капитанъ, Фельдфебель увѣренъ что онъ будетъ повышенъ соразмѣрно со своею службою, талантами и что безъ всякой причины его не понижаютъ. Национальныя награды будутъ даваемы Офицерамъ, солдатамъ которые отличатся. Тотъ кто служилъ Республикѣ, кто былъ раненъ на службѣ ея, приобретаетъ неизмѣнныя права на честь и славу. Общественное мнѣніе, согласно съ воинскими законами, утвердитъ отличія, оными даруемыя. Уваженіе, приобретенное вообще солдатами, составляющими армію, отразится на каждомъ изъ нихъ. Уваженіе, которое въ слѣдствіе нашихъ побѣдъ, въ слѣдствіе мира и общественнаго благосостоянія составитъ славу и награду Правительства, достанется по справедливому раздѣлу и всемъ гражданамъ, которые содѣйствовали оному своими мнѣніями, желаніями, усиліями или пожертвованіями.

«Во всякомъ событіи, могущемъ считаться результатомъ единодушія общихъ расположеній націй есть та выгода, что тотчасъ видно то что всѣ выигрываютъ и что тщетно стали бы искать основательныхъ причинъ къ беспокойству или къ жалобамъ. Я изложилъ конечно слишкомъ поверхностно, но съ вѣрностью, перемѣны, представляемыя Франціею въ четырехъ главныхъ ея отношеніяхъ; обративъ на этотъ предметъ вниманіе и рассмотрѣвъ разнообразныя выгоды, связывающія различныя сословія гражданъ съ переворотами общественной судьбы, не трудно будетъ изъ сего общаго воззрѣнія вывести причины, побуждающія каждое сословіе и даже каждого человека, присоединиться чувствами довѣренности и надежды къ настоящему порядку вещей.

«Людамъ, которымъ Революція надѣла, можно сказать: она кончилась, пружины ея ослабли, страсти ея угасаютъ; не возбуждайте ихъ вновь выставя ихъ насилія и буйства. Добро, отъ нея оставшееся, есть общее достояніе; самое пагубное зло, ею произведенное, состоитъ въ томъ, что она раздѣлила, ожесточила сердца. Отсюда пронстекли всѣ буйства, всѣ волненія, всѣ беспорядки, которые нарушили ваше спокойствіе и утомили

ваше терпѣніе. Теперь не существуетъ уже болѣе политической ненависти, не существуетъ болѣе причинъ къ раздраженію за мнѣнія или противъ оныхъ: всегда будутъ существовать люди недоброжелательные, ненавидявые и злые; но имъ уже нельзя будетъ прикрывать свои виды предлогомъ общественной пользы, выдавать свою лрость за добродѣтели, а вашу добродѣтель ставить вамъ въ преступленіе; они отнынѣ будутъ обузданы закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ ваши выгоды.

«Людемъ, которые были увлечены Революціею, можно сказать: обратитесь подобно ей, къ ея цѣли, къ ея духу, къ ея правиламъ. Вы были возмущены противъ прежняго Правительства, болѣе не существующаго, противъ надменности сословія, уже уничтоженнаго, противъ цестерпимыхъ злоупотребленій, о коихъ едва сохранилось воспоминаніе. Но неужели вы хотите чтобы отсутствіе или непрочность Правительства возродило опять зло, усилло партіи, замѣнило новыми злоупотребленіями старыя? Нѣтъ не таково ваше желаніе, но таково обвиненіе которымъ мирная, разсудительная часть народа долго васъ обременяла. Согласіе, данное вами на спасительное возрожденіе 18 Брюмера, великодушная готовность, съ которою вы отказались отъ вашего вліянія, составлявшаго ваши преимущества; отъ вашихъ притязаній, которые нные считали правами; отъ вашихъ умозрѣній о совершенствѣ, которыя были предразсудками, хотя и болѣе философическими, но столь же суетными какъ дворянскими,—сложили съ васъ вину вашу. Вы вновь вступили въ сословіе гражданъ; вы пользуетесь равенствомъ. Вотъ ваши выгоды.

«Тѣмъ, которые сами производили Революцію, можно сказать: Вы все имѣли въ виду одну цѣль и раздѣлились только въ средствахъ къ достиженію оной; вы желаете учредить законную свободу, законное равенство, законный порядокъ; что пужды подъ какими формами; болѣе или менѣе демократическими, болѣе или менѣе сосредоточенными. Системы занимаютъ людей праздныхъ, вводятъ въ заблужденіе легкомысленныхъ; но умные люди знаютъ что если и возможно предвидѣть нѣкоторыя обстоятельства, то совершенно нельзя угадать все оныя и что единственно отъ ихъ согласія и совокупности происходятъ учрежденія, основывающіяся въ слѣдствіе великихъ политическихъ волненій. Результаты тѣ самыя, какихъ вы желали; они удовлетворяютъ всѣмъ умозрѣніямъ.

Вы долгое время тщетно искали порядка въ свободѣ и въ равенствѣ; вы наконецъ нашли свободу и равенство въ порядкѣ. Вотъ ваши выгоды.

«Тѣмъ, которые проливали кровь за свободу, можно сказать: Наслаждайтесь вашимъ завоеваніемъ; оно будетъ сіять предъ очами потомства всѣмъ блескомъ вашихъ знаменитыхъ подвиговъ; оно увѣковѣчится чувствами счастья, которыя вы раздѣлите съ народомъ, обязаннымъ вамъ за свою славу и независимость. Остается завоевать миръ; этого послѣднаго благодѣнія недостасть къ тѣмъ, которыми вы осыпали вашихъ согражданъ; они ожидаютъ его отъ вашей настойчивости и отъ вашего мужества. Вы возвратитесь тогда въ лоно вапней отчизны и въ почетномъ уснокоеніи будете собирать дань общественнаго удивленія и признательности. Вотъ какія будутъ ваши выгоды.»

ПИСЬМО КЛЕБЕРА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЕГИПЕТСКОЮ АРМІЕЮ КЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУ- БЛИКИ.

Въ лагерѣ Сальпіекъ, 10 Плювіоза X года.

»Подписавъ, Граждане Директоры, договоръ касательно выхода изъ Египта, прилагаю присемъ копію съ оного. Подлинный договоръ за подписью Верховнаго Визира, можетъ быть мнѣ врученъ не ранѣе какъ чрезъ нѣсколько дней, ибо размытъ долженствуетъ произойти въ Эль-Аришѣ.

«Я представилъ вамъ въ моихъ донесеніяхъ отчетъ о положеніи,

въ которомъ находилась армія. Я также увѣдомилъ васъ о переговорахъ, которые Генераль Бонапарте началъ съ Верховнымъ Визиремъ и которые я долженъ былъ продолжать.

«Хотя въ эту эпоху я и мало надѣялся на успѣхъ сихъ переговоровъ, однакожь полагалъ что они достаточно замедлятъ движенія и военныя приготовленія Верховнаго Визиря для того, чтобы дать вамъ время прислать мнѣ помощь людьми и оружіемъ или по крайней мѣрѣ приказанія о томъ какъ мнѣ поступить въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился. Надежда моя получить помощь основывалась на томъ, что я зналъ что флоты Французскій и Испанскій находятся вмѣстѣ въ Тулонъ и для выхода оттуда ожидаютъ только попутнаго вѣтра. Они дѣйствительно вышли оттуда, но только прошли проливъ я опять втянулись въ Брестскую гавань. Эта вѣсть сильно огорчила армію, узнавшую въ тоже время о неудачахъ нашихъ въ Италіи, въ Германіи, въ Голландіи и даже въ Вандеѣ, между тѣмъ какъ повидимому не принимали никакихъ мѣръ къ остановленію хода несчастій, угрожавшихъ даже самому существованію Республики.

«Между тѣмъ Визирь шелъ отъ Дамаска; съ другой стороны, въ началъ Брюмера, предъ Даміеттою явился флотъ; сперва онъ высадиль четыре тысячи Янычаровъ, за которыми должно было послѣдовать столькоже. Но имъ не дали къ тому времени; первые были атакованы и, меньше чѣмъ въ полчаса совершенно разбиты. Кровавое пролитіе было ужасное; мы взяли у нихъ болѣе осми сотъ пленныхъ.

«Это происшествіе не помогло переговорамъ; Визирь, облуживая тѣже намѣренія, останавливался на пути своемъ только для того чтобы устроить обозъ свой и доставлять своему войску способы къ переходу. Въ арміи его находилось тогда до шестидесяти тысячъ человекъ; но другіе Паши слѣдовали за нимъ и собирали рекруты во всѣхъ частяхъ Азии до Кавказскихъ горъ. Голова сей арміи скоро достигла Яффы.

«Командоръ Сиръ Сидней-Смитъ написалъ ко мнѣ около этой эпохи, то есть за нѣсколько дней до Даміетской высадки; и какъ мнѣ извѣстно было вліяніе его на Визиря, то я счелъ обязанностию, не только отвѣчать ему, но даже назначить мнѣ стомъ переговоровъ корабль, на которомъ онъ находился. Мнѣ

равно не хотѣлось, какъ принять у себя въ Египтъ Англійскихъ или Турецкихъ уполномоченныхъ, такъ и послать моихъ въ лагерь этихъ послѣднихъ; предложеніе мое было принято и съ этой поры переговоры пошли рѣшительнѣе.

«Въ теченіе этого времени, война въ Верхнемъ Египтѣ продолжалась и Бен, до тѣхъ поръ разсѣянные, вознамѣрились присоединиться къ Мураду, который, безпрестанно преслѣдуемый, но не предававшійся отчаянію, привлекалъ къ себѣ Арабовъ и жителей области Беніузефа занимая и тревожа наши войска.

«Чума также угрожала намъ сполни опустошеніями похищала у насъ множество людей въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ.

«Накопецъ 1 Нивоза, Генераль Дезе и гражданинъ Пуссіель, конхъ я назначилъ уполномоченными, открыли на корабль Тигръ переговоры съ Сидисемъ-Смитомъ, которому Верховный Визирь предоставилъ полномочіе для веденія оныхъ. Имъ слѣдовало держаться между Даміеттою и Александрією, но сильный вѣтръ заставилъ ихъ выйти въ открытое море, гдѣ они пробывши десять дней: а по истеченіи сего времени сошли на берегъ въ лагерь Визиря. Этотъ послѣдній двинулся къ Эль-Аршну и овладѣлъ 9 Нивоза сею крѣпостью. Онъ былъ обязанъ за этотъ успѣхъ только неимовѣрной трусости гарнизона, который сдался безъ боя на седьмой день осады.

«Это событіе было для насъ тѣмъ несчастіемъ, что Генераль Ренье шелъ уже для того чтобы заставить снять блокаду до прибытія главнаго отряда Турецкой арміи.

«Съ этой минуты, нельзя было болѣе надѣяться продлить переговоры. Надлежало зрѣло обдумать опасность прерванія оныхъ, устроить личное тщеславіе и не подвергать всѣхъ Французовъ, конхъ жизнь была миѣ вѣрена, ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя дальнѣйшая отсрочка сдѣлала бы необходимыми.

«По послѣднимъ извѣстіямъ Оттоманская армія состояла изъ осмидесяти тысячъ человекъ и должна была еще болѣе усиливаться; въ ней считали двѣнадцать Пашей, изъ конхъ шесть первостепенныхъ; и сорокъ пять тысячъ находилось предъ Эль-Арншемъ съ пятидесятью орудіями и соразмѣрнымъ тому числу зарядныхъ ящиковъ. Эту Артиллерію везли на лошакахъ

и двадцать пушекъ было еще въ Газѣ съ Резервнымъ Корпусомъ; остальные войска находились въ Яффѣ и въ окрестностяхъ Рамле. Съ моря дѣятельно подвозили въ лагерь Визиря продовольствіе и все Арабскія племена усердно содѣйствовали этой арміи доставивъ въ оную болѣе пятнадцать тысячъ верблюдовъ. Меня увѣрили что продовольствіе производилось въ опой въ совершенномъ порядкѣ. Все эти войска были руководствуемы Европейскими Офицерами и съ каждою минутою ожидали отъ пяти до шести тысячъ Русскихъ.

«Этой арміи я могъ противопоставить восемь тысячъ пять сотъ человекъ, находившихся раздѣльно въ трехъ мѣстахъ: въ Каюе, въ Салагіе и въ Бельбейсѣ. Такое размѣщеніе было необходимо для того чтобы сдѣлать болѣе удобными сообщенія наши съ Каиромъ и быстро двинуться на помощь къ тому изъ этихъ мѣсть, которое прежде другихъ будетъ атаковано. Дѣйствительно ихъ можно было все обойти, что недавно и сдѣлалъ Эльфи Бей, который въ продолженіе переговоровъ, вошелъ со своими Мамелюками въ Шаркіе, дабы соединясь съ Биллисскими Арабами итти къ Мураду въ Верхній Египетъ. Остатокъ арміи былъ размѣщенъ слѣдующимъ образомъ: тысяча человекъ, подъ начальствомъ Генерала Вердье находились для составленія гарнизона Лесбе, для собиранія податей деньгами и припасами и для удержанія въ повиновеніи страны между каналами Ашмунскимъ и Моесскимъ, скрытно подстрекаемой къ бунту Шенкомъ Лескама. Тысяча восемь сотъ человекъ, подъ предводительствомъ Генерала Ланюсса составляя гарнизоны Розетты, Абукира и Александрін, обуздывали Дельту и Вагире; тысяча двѣсти человекъ остались въ Каирѣ и въ Гизе, давая козловой обозамъ арміи; наконецъ двѣ тысячи пять сотъ человекъ было разсыяно въ Верхнемъ Египтѣ на чертъ болѣе ста пятидесяти миль; они каждый день сражались съ Бейми и ихъ сообщниками: всего вмѣстѣ было въ арміи пятнадцать тысячъ человекъ, могущихъ быть употребленными въ дѣло.

«Не смотря на такое неравенство силъ, я надѣялся одержать побѣду и рѣшился бы дать сраженіе, еслибъ былъ увѣренъ въ присылкѣ ко мнѣ помощи прежде сдѣланія высадки. Но когда оную уже сдѣлали а я не получилъ подкрѣпленій, то я принужденъ былъ послать покрайней мѣрѣ пять тысячъ человекъ

на берега: у меня оставалось еще пять тысяч для защиты страны, со всех сторонъ открытой отъ вторженія тридцати тысячъ всадниковъ, вспомошествоваемыхъ Арабами и жителями, не имѣя ни укрѣпленныхъ мѣстъ, ни продовольствія, ни денегъ, ни кораблей. Я долженъ былъ предвидѣть эту минуту и спросить у себя, что я тогда сдѣлаю для спасенія арміи. Не оставалось никакого способа къ избавленію; только съ оружіемъ въ рукахъ можно вести переговоры съ невѣжественными ордами варваровъ изувѣровъ, непризнающихъ никакихъ законовъ войны; очевидность этихъ причинъ поразила всехъ и заставила меня рѣшиться. Я далъ приказаніе моимъ уполномоченнымъ, въ такомъ только случаѣ прекратить переговоры, еслибы имъ предложили условія, посягающія на нашу славу или безопасность.

«Въ заключеніе сего донесенія нужнымъ считаю, Граждане Директоры, замѣтить что обстоятельства моего положенія, не были предвидѣны въ инструкціи, оставленной мнѣ Генераломъ Бонапарте. Общяя прислать мнѣ скорую помощь, онъ основывалъ надежды свои, какъ выше упомянуто, на соединеніи Французскаго и Испанскаго флотовъ въ Средиземномъ морѣ; тогда вовсе не думали чтобы эти флоты воротились въ Оксашъ чтобы Египетская Экспедиція, совершенно покинутая безъ помощи сдѣлалась поводомъ къ обвиненію тѣхъ, которые оную устроили.

«Впрочемъ Французская армія, во время пребыванія своего въ Египтъ, запечатлѣла въ умахъ жителей воспоминаніе о ея побѣдахъ, о справедливости и умѣренности, съ которыми мы управляли, равно какъ чувство силы и могущества Государства, къ коему она принадлежитъ. Французское имя долго будетъ уважаемо не только въ этой области Оттоманской Имперіи но и на всемъ Востокѣ.

«Я надѣюсь прибыть во Францію съ арміею не позже какъ въ концѣ Преріала.

КЛЕБЕРЪ.

НОТА, ВЫШЕДШАЯ ИЗЪ КАБИНЕТА ПЕРВАГО
КОНСУЛА.

«Четырехтысячный отрядъ, составленный изъ 50 Полу-Бригады, изъ Полковъ 19 Драгунскаго и 5 Коннаго выступилъ сего утра изъ Парижа въ Дижонъ.

«Генераль Бертье, Главнокомандующій Резервною арміею, имѣлъ въ Базелѣ свиданіе съ Главнокомандующимъ Моро. Въ эту декаду, военныя дѣйствія должны возобновиться на Рейнѣ.

«Генераль Тюро, вышедъ изъ Бріансона двинулся къ Екслю, оттуда къ Сузъ и зашедъ чрезъ сіе въ тылъ отряда, посланнаго неприятелемъ къ горъ Сенису, онъ не только принудилъ его, къ быстрому отступленію, но взялъ въ плѣнъ болѣе половины отряда.

«Главнокомандующій Массепа, особенно уполномоченный Правительствомъ, расположилъ все силы свои около Генуи. 104 Полу-Бригада, бывшая въ 7 Дивизіи, сдалась въ Генуѣ. Система войны, принятая Правительствомъ, состоитъ въ томъ чтобы держать все войска въ сборѣ на какой либо точкѣ, благопріятной и для оборонительныхъ и для наступательныхъ дѣйствій. Посему пограничныя Департаменты не должны тревожиться тѣмъ, что многія мѣста, занятыя войсками въ продолженіе всей войны, нынѣ остались безъ оныхъ. Взглянувъ на право и на лѣво, они увидятъ что многочисленныя арміи, тѣмъ болѣе грозныя что онѣ сосредоточены—не только угрожаютъ неприятелю, который вздумалъ бы гдѣ либо вторгнуться во Французскія владѣнія, но еще готовятся двинуться для того чтобы блистательными побѣдами отмстить за обиду, нанесенную нашему оружію въ послѣднюю кампанію.

«Взглянувъ назадъ, сіи Департаменты увидятъ пятидесятитысячную Резервную Армію, съ каждымъ днемъ усиливающуюся, готовую двинуться на право или на лѣво еообразно съ обстоятельствами войны и планами Правительства, въ воинскихъ талантахъ коего никто не сомнѣвается.

«Исторія замѣтитъ, что если Исполнительная Директорія и сдѣлала два года тому назадъ важную ошибку тѣмъ, что она не утвердила чрезъ Расштадтскій миръ—Кампо-Формійскаго, по

которому границы Рейна и Италіи находились невозвратно въ нашей власти, то Вѣвскій кабинетъ сдѣлалъ въ нынѣшнемъ году еще большую ошибку тѣмъ что, обольщаясь успѣхами, приобрѣтенными въ Италіи въ послѣднюю кампанію Императорскими Арміями,—онъ отказался отъ мира, которой непременно улучшилъ бы въ его пользу условія Кампо-Формійскаго договора.

«Очень вѣроятно что колесо Фортуны еще разъ совершенно оборотится въ эту кампанію. Саповники, руководствующіе теперь политикою Французскаго Правительства, будутъ умѣть воспользоваться благопріятною минутою и утвердить оное.

«Юные Французы, если вы желаете участвовать въ толстой славы и содѣйствовать успѣхамъ, которые должны пристыдить въ одно время и внутреннихъ недоброжелателей и Махіавельскую политику Сен-Джемскаго кабинета; если вы желаете принадлежать къ арміи, долженствующей окончить войну Революціи, утвердивъ независимость, свободу и славу великаго народа, то къ оружію! къ оружію! спѣшите въ Дижонъ.

ДОГОВОРЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОСЛѢ МАРЕНГ- СКАГО СРАЖЕНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩИМИ: ФРАНЦУЗСКОЮ И ИМПЕРАТОР- СКОЮ АРМІЯМИ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Всеобщее прощенье и прекращеніе испріязненныхъ дѣйствій будутъ между арміями Е. И. В. и Французской Республики до полученія отвѣта отъ Вѣвскаго Двора.

II. Армія Е. И. В. займетъ всѣ земли между Минчіо, Фосса Маестрою и По; то есть Пескіеру, Мантуу, Борго-Форте; а оттуда лѣвый берегъ По; на правомъ же берегу городъ и Феррарскую цитадель.

III. Армія Е. И. В. также займет Тоскану и Анкону.

IV. Французская армія займет земли между Кіезою, Огліо и По.

V. Страна между Кіезою и По не будет занята ни кою изъ двухъ армій. Армія Е. В. предоставится снабжать себя съѣстными припасами изъ той части страны сей, которая принадлежала къ Герцогству Мантуѣ. Французская армія будетъ получать себѣ продовольствіе изъ земель, принадлежащихъ къ Области Бресчін.

VI. Замки Тортона, Александрія, Миланъ, Туринъ, Пичигитоне, Аріона и Піаченца, будутъ сданы Французской арміи отъ 27 Преріала до 1 Мессидора или отъ 16 до 20 Іюня.

VII. Мѣстенко Копп, замки Сева, Савона и городъ Генуа, будутъ сданы Французской арміи отъ 16 до 24 Іюня или отъ 27 до 5 Мессидора.

VIII. Крѣпость Урбино будетъ сдана 26 Іюня, 7 Мессидора.

IX. Крѣпостная Артиллерія распределиться слѣдующимъ образомъ. 1-е Вся Артиллерія Австрійскаго литья и калибра будетъ принадлежать Австрійской Арміи; 2-е Итальянскаго же, Шамонтскаго и Французскаго литья и калибра—поступитъ во Французскую Армію; 3-е съѣстные припасы будутъ раздѣлены: половину оныхъ возьметъ въ свое распоряженіе Провіантмейстеръ Французской Арміи а другую половину, Провіантмейстеръ Австрійской Арміи.

X. Гарнизоны выйдутъ съ воинскими почестями и отправятся съ оружіемъ и съ багажемъ, ближайшею дорогою въ Мантуу.

XI. Австрійская Армія пойдетъ въ Мантуу чрезъ Піаченцу тремя колоннами: первая отъ 27 Преріала до 1 Мессидора (отъ 16 до 20 Іюня); 2-я отъ 1 до 5 Мессидора (отъ 20 до 24 Іюня) а третья отъ 5 до 7 Мессидора (или отъ 24 до 26 Іюня).

Гг. Артиллерійскій Генераль Сен-Жульенъ де Швертинъ; Инженерный де Брюнь; Провіантмейстеръ Тельсіеже, и Граждане Дежанъ, Государственный Совѣтникъ и Дарю, Инспекторы при смотрахъ; Генераль-Адъютантъ Леопольдъ Штабенцатъ и Бригадный Командиръ Артиллеріи Моссе, назначены Комиссарами для приведенія въ исполненіе настоящаго договора, какъ по составленію описей, такъ касательно продовольствія, отправокъ и всѣхъ другихъ предметовъ.

XIII. Никто не подвергнется взысканію за услуги, оказанныя Австрійской Арміи или за политическія мнѣнія. Главнокомандующій Австрійскою Арміею прикажетъ освободить всѣхъ людей, взятыхъ подъ стражу въ Цизальпинской Республикѣ за политическія мнѣнія и содержимыхъ въ крѣпостяхъ, ему подвѣдомственныхъ.

XIV. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ изъ Вьны, а ни которая изъ арміи не сдѣлаетъ нападенія на другую, не предупредивъ оную о томъ за десять дней.

XV. Въ продолженіе перемирія, ни которая изъ армій не пошлетъ отрядовъ въ Германію.

Александрія, 26 Преріала VIII
года Французской Республики
(15 Іюня 1800).

АЛЕКСАНДРЪ БЕРТЬЕ.
МЕЛАСЪ, Генераль отъ Кавалеріи.

Съ подлиннымъ вѣрно:

ДЮПОНЪ, Начальникъ Главнаго Штаба.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СГАТЬИ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ
ГРАФОМЪ ГОГЕНЦОМЛЕРНОМЪ, ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙ-
ТЕНАНТУ СЮШЕТУ, ДЛЯ ИСПОЛНЕНІЯ ДОГОВО-
РА, ЗАКЛЮЧЕННАГО ОБОЮДНО МЕЖДУ ГЛАВ-
НОКОМАНДУЮЩИМИ АРМІЯМИ АВСТРІЙСКОЮ
и ФРАНЦУЗСКОЮ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Линія аванпостовъ къ сторонѣ Поента будетъ простираться отъ устья Польсеверы до втеченія въ оную Секки и пойдетъ по вышеупомянутой рѣкѣ и Садиселъ до хребта

горь. Правые берега будутъ запяты Французами, а лѣвые Австрійцами.

II. Никто какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, не будетъ притѣсняемъ за мѣшья или за то что носилъ оружіе или служилъ Императорскому Правительству.

Отвѣтъ. Сіе уже опредѣлено въ XIII статьѣ договора, заключеннаго между Главнокомандующими Бертье и Меласомъ 26 Преріаля или 15 прошедшаго Юня.

III. Больные, не отправленные 24 числа, могутъ быть безпрепятственно отправлены и позднѣе сего; въ послѣдствіе чего Императорской флотилии будетъ дозволено остаться до тѣхъ поръ въ Генуэзской гавани.

Отвѣтъ. Касающееся до исполненія сей статьи, должно быть опредѣлено Французскими и Австрійскими Комисарами, назначенными въ XII статьѣ вышеупомянутаго договора. Всеконечно отправленіе Австрійскихъ большихъ и послѣ срока, назначеннаго для сдачи мѣсть, не будетъ предметомъ спора.

IV. Проездъ въ Савону сухимъ путемъ будетъ свободенъ.

Отвѣтъ. Проездъ сей будетъ свободенъ равно какъ обоюдно и чрезъ всѣ прочіе посты Французскіе или Австрійскіе.

V. До тѣхъ поръ, никто изъ Французской Арміи не пройдетъ чрезъ авашпосты въ Генуу не предваривъ о томъ Графа Гогенцоллерна.

Отвѣтъ. Согласно.

VI. Графъ Гогенцоллернъ извѣщаетъ Французскаго Генерала, что онъ не принималъ никакого участія въ происшедшемъ между Англичанами и городомъ Генуею.

Отвѣтъ. Статья сія подлежитъ разсмотрѣнію Комисаровъ назначенныхъ договоромъ, упомянутымъ въ отвѣтъ на II Статью.

VII. Графъ Гогенцоллернъ требуетъ удовлетворенія за происшедшее съ Казальскимъ Полкомъ.

Отвѣтъ. Это дѣло будетъ изслѣдовано.

VIII. Если Г. Г. Комисары Императорскіе и Французскіе не придутъ въ Генуу 22 числа къ пяти часамъ вечера, то будетъ дружески условлено какимъ образомъ Австрійскія войска выступать изъ Генуи сообразно съ приказомъ, полученнымъ на

счетъ сего Графомъ Гогенцоллерномъ который назначилъ выступленіе 24 числа сего мѣсяца.

Отвѣтъ. Обѣ стороны сберутся для соглашенія касательно исполненія договора, упомянутаго въ отвѣтъ на II статью.

Подписано: **ГРАФЪ** де БЮССИ, *уполномоченный отъ Графа Гогенцоллерна.*

Генераль-Адъютантъ, Начальникъ Штаба Генераль-Лейтенанта Сюшета уполномоченный отъ него ПРЕВАЛЬ.

Бригадный Командиръ Инженеровъ уполномоченный отъ Генераль-Лейтенанта Сюшета Л. МАРЕ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Генераль-Лейтенантъ СЮШЕТЪ.

БЮЛЕТЕНЬ МАРЕНГСКАГО СРАЖЕНІЯ

Торре де Гарафола, 26 Преріаля VIII года.

«Послѣ Монтебеллскаго сраженія, армія двинулась съ тѣмъ чтобы перейти чрезъ Скривію. Авангардъ, подъ предводительствомъ Генерала Гардаина, 24 числа встрѣтилъ непріятеля, защищавшаго путь къ Бормидѣ и три моста, которые онъ имѣлъ близъ Александріи,—опрокинулъ его и взялъ у него двѣ пушки и сто пльничихъ.

«Дивизія Генерала Шабрана подходила въ то же время по берегу рѣки По, противъ Валенціи дабы воспрепятствовать непріятелю перейти чрезъ сію рѣку. Такимъ образомъ Генераль Меласъ былъ окруженъ между Бормидою и По. Единственный путь отступленія на Генуу, оставшійся ему послѣ Монтебеллскаго сраженія былъ отрѣзанъ. Казалось что непріятель не припаялъ еще никакого намѣренія и находился въ нерѣшимости касательно своихъ движеній.

«25 числа на разсвѣтъ, непріятель перешелъ чрезъ Бормиду

въ этихъ трехъ точкахъ, рѣшась прорваться; двинулся большою силою, внезапно ударилъ на нашу авангардъ и съ величайшею живостью началъ Марсигское сраженіе, рѣшившее наконецъ жребій Италіи и Австрійской Арміи.

«Четыре раза въ продолженіе боя, мы отступали и четыре раза опять ии и впередъ. Больше шестидесяти пушекъ было съ обѣихъ сторонъ, на разныхъ точкахъ и въ разные часы, взято и обратно отбито. Произведено больше двѣнадцати кавалерійскихъ патисковъ съ различнымъ успѣхомъ.

«Было три часа послѣ полудня; десять тысячъ человекъ конницы обходили нашъ правый флангъ въ прекрасной Сен-Жюлиенской долинь. Они были поддерживаемы кавалерійскою линіею и многочисленною Артиллеріею. Гвардейскіе Гренадеры были поставлены какъ гранитный редутъ погреди этой обширной долины. Ничто не могло сбить ихъ; Кавалерія, Пѣхота, Артиллерія, все было направлено противъ этого баталіона, но тщетно. Тогда только дѣйствительно увидѣли, что можетъ сдѣлать горсть храбрыхъ людей.

«Черезъ сіе упорное сопротивленіе, лѣвое крыло непріятеля было удержано а нашъ правый флангъ подкрѣпленъ до прибытія Генерала Моніе, который взялъ штыками деревню Капель-Каріоло.

«Тогда непріятельская Кавалерія быстро ударила на лѣвый нашъ флангъ, которой былъ уже разстроень. Это движеніе ускорило его отступленіе.

«Непріятель подвигался впередъ по всей линіи, производя картечный огонь больше чѣмъ изъ ста орудій. Дороги покрылись бѣглецами, ранеными, обломками; сраженіе казалось проиграннымъ; непріятель былъ допущенъ на ружейный выстрѣлъ до деревни Сен-Жуліена, гдѣ стояла въ боевомъ порядкѣ Дивизія Генерала Дезе съ осмью легкими Артиллерійскими орудіями предъ оною и съ построенными въ густыя колонны двумя Баталіонами на флангахъ. Все бѣглецы собрались за него; между тѣмъ непріятель дѣлалъ уже ошибки, предвѣщавшія ему бѣду; онъ слишкомъ растянулъ свои крылья.

«Присутствіе Перваго Консула одушевляло войска: *Дютиговорилъ онъ имъ, вспомните что я привыкъ ночевать на полѣ сраженія.*

«Съ кликами: *Да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Первый Консулъ!* Дезе ударилъ на непріятеля, который въ мигъ былъ опрокинутъ. Генераль Келлерманъ, цѣлый день прикрывавшій со своею Бригадою тяжелой Кавалеріи, отступление нашего лѣваго крыла, сдѣлалъ патискъ съ такою силою и такъ кстати, что шесть тысячъ Гренадеровъ и Генераль Цахъ, Начальникъ Штаба, были взяты въ плѣнь, а многіе непріятельскіе Генералы убиты.

«Вся армія послѣдовала этому движенію: правый флангъ непріятеля былъ отрѣзанъ. Смущеніе и ужасъ распространились въ рядахъ его.

«Австрійская Кавалерія двинулась къ центру дабы прикрыть отступление. Бригадный Командиръ Бессіеръ, предводительствуя Гвардейскими Гренадерами, пошелъ въ атаку съ такою быстротою и храбростію, что прорвался сквозь непріятельскую Кавалерію, что довершило поражение арміи. Мы взяли пятнадцать знаменъ, сорокъ пушекъ, и отъ шести до восьми тысячъ плѣнныхъ. Больше шести тысячъ непріятелей легло на полѣ сраженія.

9-й Легкій Полкъ заслужилъ имя несравненнаго; тяжелая Кавалерія и 8 Драгунскій Полкъ покрыли себя славою. Наша потеря также значительна. У насъ убито шесть сотъ человѣкъ, тысяча пять сотъ ранено и девять сотъ взято въ плѣнь. Генералы Буда, Шампо и Мепони ранены.

«Одежда Главнокомандующаго Бертье прострѣлена пулями; подъ многими изъ его Адыютантовъ убиты лошади; но потеря, живо ощущаемая всею арміею и которую раздѣляютъ Республика, — не дозволяетъ намъ предаваться радости. Дезе былъ пораженъ пулею при самомъ началѣ атаки его Дивизіи; онъ палъ, успѣвъ только вымолвить молодому Лебрёню, бывшему при немъ: *Попѣжай къ Первому Консулу и скажи ему что я умираю сожалѣя о томъ, что не довольно сдѣлалъ для того чтобы жить въ потолкѣхъ.*

«Генераль Дезе, въ продолженіе своей жизни былъ три раза раненъ и подъ нимъ убито четыре лошади. Онъ прибылъ въ Главную квартиру только три дня тому назадъ; онъ горѣлъ желаніемъ сразиться и два или три раза говорилъ накануне своимъ

Адъютантамъ: *Я ужъ давно не драгся въ Европѣ. Ядра насъ не знаютъ; съ нами что нибудь случится. Когда въ пылу битвы Первому Консулу донесли о смерти Дезе, то онъ сказалъ одно только слово: *Загнѣвъ лишь не позволено плакать!* Тѣло его перевезено на почтовыхъ въ Миланъ, гдѣ оно будетъ бальзамировано.*

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

и

ВТОРАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Тюиэръ.—Предвидѣніе царскаго сана.—Народъ правъ.—
Термометръ мѣтнѣя.—Прогулка по галереѣ.—Замѣ-
чательное изреченіе.—Дипломатическій Корпусъ.—
Торжественное представленіе.—Г-жа Бонапарте и
Королева.—Счастливое похищеніе.—Г. Дефе.—Отло-
женіе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти.—Г. Фротте.
—Безполезный успѣхъ.—Изученіе Вандейцевъ.—Во-
споминаніе о Шареттѣ.—Собственнооружное письмо.
—Обстоятельныя подробности.—Генераль Траво и
Шареттѣ.—Одежда осужденнаго.—Одна минута вол-
ненія.—Мужественная смерть.—Боязнь междоусобія.
—Жоржъ допущенъ къ частному свиданію.—Осто-
рожность Раппа и доврчивость Бонапарте.—Жар-
кій разговоръ.—Мысли Наполеона о Жоржѣ. . . 1

Г Л А В А II.

Достоинство Франціи — Папшерь-Тенд.: и Блэквель.—
Французскіе и Англійскіе подданные. — Выдача.—
Жалоба Французскаго Правительства Гамбургскому
Сенату.—Взятка лю Египетски.—Четыре съ полови-
ною милліона, непоступившіе въ Государственную каз-
ну.—Раздача этой суммы. — Недѣйствительный век-
сель.—Безполезный подарокъ.—Неблагопріятный отвѣтъ
Г. Фермона. — Пятнадцать тысячъ франковъ

Стр.

въ ящичкѣ письменнаго стола. — Долги Иозефины. — Извѣщеніе, сдѣланное Талеѳраномъ. — Намѣреніе рас- платиться. — Затрудненіе Иозефины. — Признаніе въ половишѣ. — Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ. — Уплатенные долги. — Прогулки на большой дорогѣ. — Любезность Иозефины. — Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ. — Мой Рюсельскій домикъ. — Вѣчные просители. — Образъ жизни въ Парижѣ. — Сѣрый сертукъ. — Вечернія и утреннія прогулки. — Бонапарте бранитъ Перваго Консула.	20
--	----

Г Л А В А III.

Война и памятники. — Вліяніе воспоминаній о Египтѣ. — Любовь къ великимъ вещамъ. — Г. Леконтъ. — Гг. Персье и Фонтенъ. — Первые украшенія Парижа. — Орсейская набережная. — Неправильности Лувра и Тюліери. — Проектъ постройки поперечной галереи. — Оставленъ. — Сметы и отчеты. — Мальмезонъ ста- новится слишкомъ малъ. — Сен-Клу. — 25,000 фран- ковъ царедворца. — Мостъ Художествъ. — Советъ Гг. Персье и Фонтена, согласный съ мной. — Упрям- ство Бонапарте. — Счастливое послѣдствіе адской ма- шины. — Колона. — Набережныя. — Улицы. — Паро- нонь и Биржа. — Памятники. — Проекты Консульст- ва исполненные по учрежденіи Имперіи. — Дворецъ Короля Римскаго. — Чертоги Посланниковъ. — Храмъ славы. — Постройка <i>некрополиса</i> въ Парижѣ. — Любовь къ Франціи и потребность оставить по себѣ память въ потомствѣ. — Присоединенныя области. — Туринскій мостъ. — Внезапно устроенная дорога. — Большой мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки. — Дорога въ Савойю. — Гора Сенисъ и Симплонъ. — Пять больше Альпъ.	56
---	----

Г Л А В А IV.

Моя работа. — Распечатываемыя мною бумаги. — Топогра-

Стр

вическое отдѣленіе.—Списокъ назначеніямъ.—Секретная переписка.—Отвѣтственность. — Рѣдкость выѣздовъ моихъ со двора.—Содержаніе.—Возстановленіе народнаго просвѣщенія.—Французскій Пританей.—Бонапарте посѣщаетъ его. — Вопросы и награды.—Три дипломатическіе воспитанника.—Міакципскій.—Трагическое происшествіе. — Волонтеры *тѣжики* и гнѣвъ за шутку.—Советъ ученыхъ наградъ. — Искусствія ограниченія. — Тровни и Тарже.—Щедрость по расчету.—Лоншанъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консуль и танцовщикъ. 54

Г Л А В А V.

Дѣйствіе времени на событія. — Дневникъ Острова Св. Элены и истина. — Цеполныя воспоминанія Наполеона.—Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте.—Женщины и Сеп-Жерменское предмѣстіе.—Предсказаніе Г-жи Вильнёвъ Г-жѣ Бонапарте. — Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣсяцевъ.—Перемищное выраженіе.—Разговоръ въ Мальмезонѣ. — Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія. — Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбомахъ.—Женскіе толки. 67

Г Л А В А VI.

Миръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предварительныя мѣры къ походу.—Булавочная война.—Удивительное предвидѣніе.—Генуа и Меласъ.—Карло.—Военный Министръ.—Пасмышлавное письмо къ Бертъе.—Веселость Перваго Консула.—Приглашеніе въ Тюліери Г-на Колло.—Колѣбанія и убѣжденія.—День наканунѣ отъѣзда. — Наставленія Луціану и Камбасересу. — Юсифъ Государственный Совѣтникъ.

—Разговоръ въ дорогѣ.—Сужденіе Наполеона объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкательства.	Стр. 80
--	------------

Г Л А В А VII.

Внутреннія и вѣншія дѣла. — Конскрипты. — Увѣрен- ность Перваго Консула въ своихъ солдатахъ.— <i>Моя</i> прекрасная Франція.—Бернардинскій монастырь.— Три дня скуки.—Переходъ черезъ гору Сен-Бернаръ. —Вопросы Наполеона своему проводнику.—Прибы- тіе въ Монастырь. — Раздача съѣстныхъ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора Альбаредо. —Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Бардъ. —Почмѣть въ Ивре.—Счастливая отвага.—Смѣлость и геній.—Бонапарте и Меласъ.—Ланшъ въ Монте- белло. — Двойной шпионъ. — Полезныя свѣдѣнія.— Мнѣніе Бонапарте о Неккерѣ.	90
--	----

Г Л А В А VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата. — Перехваченная депеша.—Ланшъ въ Монтебелло. — Слова Ланна.— Письмо Дезе.—Дезе назначенъ вмѣсто Буде.—Иск- ренняя дружба Наполеона. — Холодность Перваго Консула къ Г. Коло. — Разговоръ и воспоминанія. —Легкомысліе Г-жи Бонапарте.—Рѣшимость разлу- читься съ нею. — Приглашеніе къ завтраку.—Труд- ность прощенія. — Пріемный сынъ Наполеона. — Слезы Гортензій. — Примиреніе. — Причина холо- дности Бонапарте.—Ложный доносъ.—Скромность.— Вѣрный расчетъ.—Маренго.—Програнное сраженіе. —Сужденіе Дезе.—Генераль Келлерманъ. — Удиви- тельный натискъ. — Услуга, внутренно чувствуемая, полною непризнанная. — Почтъ-Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горестъ Перваго Консула.—Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ.—Суровыя условія.—

Стр.

Твердость Наполеона. — Возвращеніе въ Миланъ.— Адъютанты Дезе.	104
---	-----

Г Л А В А IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консу- ламъ.—Черта первенства. — Второе пребываніе въ Миланъ.—Бонапарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминаніе о Брюмеръ.—Нетерпѣливость Наполеона въ Директоріи. — Письмо Реніо де Сен- Жанъ д'Анжели. — Одряхлѣвшее Правительство.— Наемъ дома въ Сен-Клу. — Мон Миланскія замѣча- нія.—Себастьяни и Жюбе. — Бонапарте и Боготъ. —Вепышка.—Директорія и позоръ.—Вдохновитель- ный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Лансъ.— Настойчивость Наполеона.—Сен-Клудская ораanje- рея.—Благоразуміе представителей.—Шумное разо- гнаніе.—Возвращеніе Салисетти.—Вечернее засѣданіе. —Представители и лакен.—Ужинъ въ Сен-Клу.— Гг. Талейранъ и Семонвиль.—Сиссъ и Рожеръ Дюко. —Фуше.—Причины холодности Перваго Консула. .	125
--	-----

Г Л А В А X.

Письмо Луціана къ Иосифу Бонапарте. — Молебень и фонды.—Страхъ Луціана въ Парижѣ. — Проектъ праздника.—Расчеты.—Госпожа Миорать.—Госпожа Грассини. — Возвращеніе Перваго Консула.—При- ключенія въ дорогѣ. — Опрокинутая карета.—Труд- ность составить себѣ великое имя.—Дезе и Клеберъ. —Описаніе Египетскаго Дворца.—Клеберъ.—Истина о Бонапарте и Клеберъ.—Прибытіе курьера.—То- ронливость Наполеона. — Ночная сцена.—Сильное огорченіе.	155
---	-----

Г Л А В А XI.

Попытки къ переговорамъ.—Любопытное письмо одного	
---	--

Стр.

эмигранта. — Двадцать пять луйдоровъ, данныя въ долгъ отцу Наполеона. — Уплата долга въдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ. — Домашнія подробности. — Колокольчикъ въ кабинетъ. — Канцелярскій писецъ. — Заговоръ Церакки и Арены. — Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островъ Св. Элены. — Шёнбрунскій фанатикъ. — Другой таинственный изувѣрь. — Поощренный заговоръ. — Гаррель. — Доносъ и награда. — Утайка отъ Фуше. — Необходимость ему открыться. — Совѣтъ Консуловъ. — Бонапарте въ Оперѣ съ Дюрокомъ и со мною. — Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой. — Гаррель, Венсенскій Комендантъ. — Молодая сестра Герцога Ангенскаго. — Замѣчаніе. . . . 175

Г Л А В А XII.

5 число Нивоза. — Трудная истина. — Невѣдѣніе Полиціи. — Гайденова ораторія. — Адекая машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ. — Скорое возвращеніе въ Тюлиери. — Стеченіе народа. — Гибель Бонапарте прѣтивъ Якобинцевъ. — Хладнокровіе Фуше. — Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ. — Исправленная ошибка. — Странное донесеніе Фуше. — Самовластное осужденіе. — Г. Тиссо, спасенный и признательный. — Составленіе списка осужденныхъ. — Опытъ Трюге. — Уиорство Перваго Консула. — Настоящія причины Наполеона. Вина и извиненіе. — Предусмотрительная лестъ. — Оправданіе Фуше. — Открытіе настоящихъ виновниковъ. — Фуше въ Мальмезонѣ. — Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены. — Казнь. . . 187

Г Л А В А XIII.

Наслѣдственная власть. — Сочиненіе *Цесарь, Кроливель и Бонапарте*. — Разговоръ Бонапарте съ Фуше. — Тонкость сего послѣдняго. — Собственноручныя отмѣтки

Стр.

Наполеона. — Притворный гитвъ.—Отрѣшеніе Луциана.—Выгодное посольство.—Объявленіе Испанію войны Португалці.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеопова брата.—Разставенныя сѣти.—Лишеніе довѣренности. — Трехдневная размолвка.—Школьничья штука. — Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе.—Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе.—Доброта Госпожи Бонапарте.—Пескромность Перваго Консула.	203
---	-----

Г Л А В А XIV.

Воспоминанія.—Народные клики и голосъ Иозефины.— Учрежденіе Правительства въ Піемонтѣ.—Французскій языкъ въ Піемонтѣ.—Цизальпннская Консульта.—Правительство вмѣсто Республики.—Дѣятельность Перваго Консула. — Назначеніе Келлермана.—Надпись на почетныхъ сабляхъ. — Награды Рейнской арміи.—Медаль. — Резервная армія и притворная скромность.—Генераль Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Іюля.—Подписка.—Памятникъ Дезе. — Знамена Маренгскія, Італіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ.—Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренна въ Инвалидномъ домѣ.—Счастливая ораторская выходка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона.	214
---	-----

Г Л А В А XV.

Австрія, связанная Англією. — Г. Сев-Жюліснъ въ Парижѣ.—Порученіе Дюрока.—Прерванное перемиріе.—Уступка трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Требованіе отдѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Італію.—Лихоимство.—Затрудненія при сдачѣ Гесуи.—Умѣренность Перваго Консула.—Переходъ	50*
---	-----

черезъ Милчіо и черезъ Дунай.—Перемиріе на сухомъ
пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.—Гогенлицен-
ская битва.—Радость Наполеона.—Госпожа Моро
въ Тюліери.—Женскіе толки.—Госпожа Гюло въ
Мальмезонѣ.—Холодность Наполеона.—Г. Кобен-
цель въ Парижѣ.—Люневильскій Конгрессъ.—Кларкъ.
—Искусный отвѣтъ Г-на Маре. 227

Г Л А В А XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обо-
роты Юсифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и
странный совѣтъ Талейрана.—Пересылка черезъ почту.
—Необходимость имѣть хорошій столъ.—*Эдуардъ*
въ Шотландіи.—Вліяніе двѣицы Конта.—Снисхо-
дительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.—
Передня.—Лакейскія ливреи и Гревская площадь.
—Исключеніе со сцены нѣсколькихъ пьесъ.—Бона-
парте въ Сен-Кантенѣ.—Я остаюсь въ Парижѣ.—
Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фул-
тонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона.—Смерть Импе-
ратора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Но-
выя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Истербургѣ.—
Отвергнутое предложеніе.—Смерть Аберкромбія.—
Истина и льстецы 238

Г Л А В А XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбоиъ и Марія-Луиза
Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.—
Графъ Ливорискій въ Парижѣ.—Данныя Минист-
рами праздника.—Излщный вкусъ Г. Талейрана.—
Первый прїездъ Графа Ливорискаго въ Мальмезонѣ.
—Разборчивая внимательность Наполеона.—Пред-
ставленіе *Эдипа*.—Сужденіе Наполеона о Королѣ
Этрурскомъ.—Жена, вразумляющая своего мужа.—
Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Пер-

Стр

ваго Консула.—Отъездъ Короля и Королевы во Флоренцію.—Дурной пріемъ.—Переговоры съ Папою.—Мигліе Бонапарте о вѣрв.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебень въ Соборъ Богородицы.—Неприличія въ церкви.—Безвѣріе Консульскаго двора.—Отзывъ Ожеро — Первая обѣдя въ Сен-Клу.—Обѣдя во внутреннихъ покояхъ.—Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ. 252

Г Л А В А XVIII.

Последняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмиралъ Гантомъ.—Нерывительность.—Гг. Пуссіельгъ и Доръ. — Средство угодить Наполеону.—Лестъ Генерала Мену.—Письмо его къ Бонапарте.—Египеть, замѣняющій Антильскіе острова.—Размышленія о торговлѣ.—Награды, данныя Мену.—Даву.—Причины неприязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона. — Сажальніе Перваго Консула о томъ что онъ ввѣрилъ Мену главное начальство.—Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ.—Упрямство Гантома.—Неспособность Мену.—Французъ-Турокъ.—Обманчивыя надежды Наполеона.—Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній. — Г. Отто въ Лондонѣ.—Отсутствіе Талейрана.—Вовремя подписанныя предварительныя условія. 267

Г Л А В А XIX.

Самая достославная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытыя помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная.—Бонапарте и Англійскіе журналы. — Ненависть Перваго Консула къ свободѣ писанія. — Жалобы

Стр.

Британскому Правительству на Англійскіе журналы.	
— Пельтье и журналъ <i>Двусмысленный</i> (l'Ambigu).	
— Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу —	
Равнодушіе Англійскихъ Министровъ къ журналь-	
ной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безно-	
лезное осужденіе.—Генераль Леклеркъ.—Сен-Доминг-	
ская экспедиція.—Тщетная попытка противъ незави-	
симости Негровъ.—Туссенъ-Дувртуръ.—Смерть его.	
— Ложные слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Ге-	
нерала Рошамбо.	282

Г Л А В А XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча	
въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортен-	
зін.—Тайное свершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго	
Консула къ обрядамъ аяры.—Предпочтеніе къ Дю-	
року.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ —	
Пронски Юзефинъ.—Рѣшеніе Наполеона въ пользу	
Дюрока. — Перемена положенія. — Утѣшеніе Дю-	
рока. — Новая ошибка острова Св. Элены. — Тю-	
ліерійскій кабинетъ и будуаръ. — Ложь и явное	
опроверженіе.—Могущество клеветы.	294

Г Л А В А XXI.

Два президентства, возвышающія два престола.—Цицаль-	
пинская Консула, собранная въ Ліонъ.—Путеше-	
ствіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невъжли-	
вость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.—	
Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію	
Наполеона. — Позволительная лесть. — Праздникъ	
Г-жи Миорать.—Бонапартъ, царь праздника и об-	
хожденіе его съ дамами.—Наполеонъ беретъ къ себѣ	
въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигран-	
товъ.—Жаркое преніе въ советѣ объ имуществѣ эми-	
грантовъ.—Торжество Революціи. — Доказательство,	
взятое съ острова Св. Элены.	304

Г Л А В А XXII.

Порученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія.
—Недостатокъ способоѵ.—Непріязненные выраже-
нія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ.—
Страданія Наполеона. — Предчувствіе.—Корвизаръ,
врачъ Бонапарте и главный Императорскій Медикъ.
—Вліяніе физическихъ болей на характеръ Бона-
парте.—Изреченіе статьи, приготовленной для *Мо-
нитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генераль Ан-
дреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетъ Пер-
ваго Консула. — Расточительность Иеронима Бона-
парте. — Строгое письмо его брата.—Письмо Иеро-
нима.—Геміогабаль въ маломъ видѣ.—Ненасытность
братьевъ Наполеона. — Г. Колмо. — Поставки для
флота.—Финансовыя правила Перваго Консула. . . 316

Г Л А В А XXIII.

Вошедшая въ пословицу лживость бюлетеней.—Исторія
по Монитёру. — Несправедливости Наполеона про-
тивъ славы.—Защита и сдача Мальты Генераломъ
Вобуа.—Г. Дубле.—Поддѣльное письмо.—Безполез-
ныя требованія и дѣйствія.—Учрежденіе Почетнаго
Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтъ и
въ Правительственныхъ мѣстахъ.—Слабый перевѣсъ
голосовъ. — Монархическія мысли Г. Талейрана.—
Приверженцы наследственнаго правленія.—Страшная
угрюмость Луціана.—Зародыши пожизненнаго Кон-
сульства.—Предпочтеніе самовластия свободнымъ по-
становленіямъ.—Притворное смиреніе.—Ограниченія
Сената.—Чрезвычайная щедрость Государственнаго
Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.—
Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де-Лафайетъ
посль Маренго въ Тюліери. — Праздникъ данный
Американцамъ. — Письмо Г. Лафайста къ Первому
Консулу.—Голосъ, поданный условно и съ оговоркою. 328

П Р И Л О Ж Е Н И Я

къ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

Адресъ вольнаго Имперскаго города Гамбурга Консу- ламъ Французской Республики.	351
Докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о Французскомъ Притаеѣ.	357
Докладъ Г. Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи.	360
О состояніи Франціи съ 18 Брюмера.	365
Письмо Клебера, Главнокомандующаго Египетскою Ар- міею къ Исполнительной Директоріи Французской Республики.	372
Нота, вышедшая изъ кабинета Перваго Консула.	377
Договоръ, заключенный послѣ Маренгскаго сраженія между Главнокомандующими: Французскою и Импе- раторскою арміями въ Италіи.	378
Предварительныя статьи, предложенныя Генераль-Лей- тенантомъ Графомъ Гогенцоллерномъ Генераль-Лей- тенанту Сюшету.	380
Бюлетень Маренгскаго сраженія.	382

